

ISSN 1999-2629

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ЛИНГВИСТИКА**

POLITICAL LINGUISTICS

4(50)'2014

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Уральский государственный педагогический университет»

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

4(50)'2014

Научный журнал

- Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-34838 от 25.12.2008
- Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) с присвоением международного стандартного номера ISSN 1999-2629 от 14.05.2008
- Материалы журнала размещаются на сайте научных журналов Уральского государственного педагогического университета: journals.uspu.ru
- Материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки
- Включен в каталог Роспечать. Индекс 81955
- Включен в международную базу данных Ulrich's Periodicals Directory
- Включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук, Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ от 19.02.2010 №6/6

Екатеринбург 2014

УДК 409.34
ББК Ш107
П50

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: доктор филол. наук, проф. А. П. ЧУДИНОВ (Екатеринбург)

Заместители главного редактора:

доктор филол. наук, профессор Э. В. БУДАЕВ (Нижний Тагил)

кандидат филол. наук, доцент М. Б. ВОРОШИЛОВА (Екатеринбург)

Члены редакционной коллегии:

PhD, профессор Р. АНДЕРСОН (Лос-Анджелес, США)

доктор филол. наук, профессор В. Н. БАЗЫЛЕВ (Москва, Россия)

доктор филол. наук, профессор В. М. БРИЦЫН (Киев, Украина)

PhD, профессор АНДЖЕЙ ДЕ ЛАЗАРИ (Лодзь, Польша)

PhD, профессор Д. ВАЙС (Цюрих, Швейцария)

доктор филол. наук, профессор, чл.-кор. РАН В. А. ВИНОГРАДОВ (Москва, Россия)

доктор филол. наук, профессор Е. А. НАХИМОВА (Екатеринбург, Россия)

доктор филол. наук, профессор Э. ЛАССАН (Каунас, Литва)

доктор филол. наук, профессор Н. Б. РУЖЕНЦЕВА (Екатеринбург, Россия)

PhD, профессор П. СЕРИО (Лозанна, Швейцария)

доктор филол. наук, профессор В. В. ХИМИК (Санкт-Петербург, Россия)

доктор филологических наук, профессор У АЙХУА (Пекин, Китай)

PhD, профессор Л. ЦОНЕВА (Велико-Тырново, Болгария)

доктор филол. наук, профессор Е. В. ШУСТРОВА (Екатеринбург, Россия)

PhD, профессор ЯН КЭ (Гуанчжоу, Китай)

Технический редактор: кандидат филол. наук Д. О. МОРОЗОВ

Заведующий отделом перевода: кандидат филол. наук И. С. ПИРОЖКОВА

Политическая лингвистика / гл. ред. А. П. Чудинов ; ФГБОУ ВПО
П50 «Урал. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург, 2014. – Вып. 4 (50). – 333 с.
ISSN 1999-2629

Журнал призван способствовать обмену новейшей информацией в области политической лингвистики, а также в сфере взаимоотношений языка, культуры и общества. Включает пять основных разделов – «Теория политической лингвистики», «Политическая коммуникация», «Язык – политика – культура», «Лингвистическая экспертиза: язык и право» и «Из истории политической лингвистики». Предназначен для филологов, политологов, социологов и всех тех, кто интересуется проблемами политической коммуникации.

УДК 409.34
ББК Ш107

Благодарим РГНФ за материальную поддержку проекта в рамках гранта № 14-04-0268 «Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления».

ISSN 1999-2629

© ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет», 2014
© Политическая лингвистика, 2014

Ural State Pedagogical University

POLITICAL LINGUISTICS

4(50)'2014

Editor-in-Chief

Anatoliy P. Chudinov, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg)

Deputy Editors-in-Chief:

Edward V. Budaev, Ph.D., Assoc. Prof. (Nizhniy Tagil)
Maria B. Voroshilova, Ph.D., Assoc. Prof. (Ekaterinburg)

Editorial Board

Richard Anderson Jr., Ph.D., Prof. (Los Angeles, USA)
Vladimir N. Bazylev, Ph.D., Prof. (Moscow, Russia)
Britsyn V. M., Ph. D. (Kiev, Ukraine)
Vasilij V. Khimik, Ph.D., Prof. (Saint-Petersburg, Russia)
Eleonora Lassan, Ph.D., Prof. (Kaunas, Lithuania)
Andrzej de Lazari, Ph.D., Prof. (Lodz, Poland)
Elena A. Nakhimova, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg)
Natalia B. Ruzhentseva, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg, Russia)
Elizaveta V. Shustrova, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg, Russia)
Patrick Seriot, Ph.D., Prof. (Lausanne, Switzerland)
Lilyana Tsoneva, Ph.D., Prof. (Veliko Tarnovo, Bulgaria)
Viktor A. Vinogradov, Ph.D., Prof. (Moscow, Russia)
Daniel Weiss, Ph.D., Prof. (Zurich, Switzerland)
Yang Ke, Ph.D., Prof. (Guangzhou, China)
Wu Aihua, Ph.D., Prof. (Beijing, China)

Ekaterinburg 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Принимаем поздравления: 50/20	12
-------------------------------------	----

ДИСКУССИИ

Барабаш О. В. Филиппов К. Б. Пенза, Россия	«Коррупция» как ключевое понятие антикоррупционного законодательства Российской Федерации: лингво-правовой анализ дефиниции.....	14
--	--	----

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Алферов А. В. Белова В. Ф. Кустова Е. Ю. Пятигорск, Россия	Агональность парламентской коммуникации (на материале дебатов в немецком парламенте).....	21
Басовская Е. Н. Москва, Россия	Об агностицизме, стахановце и суягной овце (из истории создания «Словаря русского языка» С. И. Ожегова)..... С прил.: А. И. Корчагин. Рецензия. [Институт русского языка АН СССР. С. И. Ожегов и др. — Малый словарь русского языка (Стр. 1—3230)].....	27 31
Иванова С. В. Чанышева З. З. Уфа, Россия	Национально-культурные прецеденты в политической коммуникации	39
Иссерс О. С. Омск, Россия	В поисках общего словаря: дискурсивные практики новейшего времени через призму проектов «Слово года»	48
Клушина Н. И. Москва, Россия	Теория идеологем.....	54
Ларионова А. Ю. Екатеринбург, Россия	О новой функциональной разновидности русского языка.....	59
Лукин В. А. Орел, Россия	<i>Становой хребет и раковая опухоль:</i> дисфункции бюрократии в лингвосемиотическом освещении	62
Мальшева Е. Г. Омск, Россия	Концептуальная метонимическая модель «Спорт — это шоу»: особенности репрезентации в русском спортивном дискурсивном пространстве	69
Романова Т. В. Нижний Новгород, Россия	Образ России по материалам ассоциативного эксперимента (моделирование и интерпретация).....	76
Руженцева Н. Б. Екатеринбург, Россия	Когнитивные модели как средство достижения иронического эхо-эффекта в разных форматах дискурса (освещение украинских политических событий)	82
Седых А. П. Белгород, Россия	Спортивная терминология в современном политическом дискурсе Франции	90
Сипко Й. Прешов, Словакия	Лингвокультурология антироссийских санкций в словацких СМИ, или Украинский кризис продолжается.....	93

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Бачурин В. Д. Тюмень, Россия	Манипулятивные технологии, применяемые СМИ в современном военно-политическом дискурсе.....	99
Гузикова М. О. Спиридонов Д. В. Екатеринбург, Россия	Лингвистическое описание идеологий: проблема методологии.....	105
Гуляйкина С. О. Дубровская Т. В. Данкова Н. С. Пенза, Россия	Манипулятивный потенциал медийных стратегий репрезентации судебной власти (на материале СМИ Пензенской области).....	113
Зелянская Н. Л. Пермь, Россия	Медиаобраз политика: интернет-сообщество как агент политической реальности	120
Керимов Р. Д. Кемерово, Россия	Метафорическое таргетирование в немецкой социально-политической коммуникации: сценарии партийной, общественной жизни и истории ФРГ	127
Лесняк М. В. Ростов-на-Дону, Россия	Речевая стратегия «вероятностное оценивание» в парламентском дискурсе: немецкие кандидаты на выборы в Европарламент 2014 года.....	143
Лу Тинтин Пекин, Китай	Сопоставительное исследование политического и культурного контекста русскоязычного и китайскоязычного политического интервью.....	148
Маклашова Е. Г. Якутск, Россия	Дискурс этничности в правовом поле национального субъекта Федерации (на материале Республики Саха (Якутии))	153
Мухортов Д. С. Москва, Россия	Прагматический анализ самостоятельных и служебных частей речи в публичных выступлениях главы государства (на материале программных речей Рональда Рейгана).....	157
Полякова Т. М. Киев, Украина	Функционирование украинизма <i>майдан</i> в русском политическом медиадискурсе	173
Тагильцева Ю. Р. Екатеринбург, Россия	«Брат ты мне или не брат?», или Информационно-психологическая война в контексте российско-белорусских отношений	180
Фокина М. А. Нижний Новгород, Россия	Жанровые и языковые особенности блогов политиков	187

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

Алексеев И. С. Новороссийск, Россия	Специфика интернет-опосредованной коммуникации и феномен виртуальной языковой личности	193
Гукосьянц О. Ю. Пятигорск, Россия		
Бородина И. В. Саратов, Россия	Речевые особенности официального юбилея: стилистический и жанровый аспекты	203
Валиев Р. А. Минюрова С. А. Екатеринбург, Россия	Методика определения эффективности управления в сфере межнационального взаимодействия на муниципальном уровне	210

Возмилкина В. О. Доценко Е. Г. Екатеринбург, Россия	Испытание героев политикой и религией в романах Э. Гаскелл.....	217
Галеев Т. И. Казань, Россия	Семантические преобразования слов <i>господарь</i> и <i>государь</i> и их дериватов в русском литературном языке.....	223
Денисенко В. А. Екатеринбург, Россия	Александр Солженицын и Фазиль Искандер: об одном неучтенном источнике философской сказки «Кролики и удавы».....	231
Дзюба Е. В. Екатеринбург, Россия	Лингвистические секреты продуктового эмбарго, или О том, что нового узнал потребитель в результате экономических санкций	237
Ерофеева Е. В. Екатеринбург, Россия	Речевые акты угрозы и предупреждения и их косвенная реализация во французском дискурсе.....	240
Истратова Ю. А. Екатеринбург, Россия	Политические символы и стереотипы в поэтической речи	248
Макурова С. Р. Майкоп, Россия	Корреляция грамматической формы и функций языка	253
Матыгина Е. Б. Челябинск, Россия	Концептуальный метафорический сценарий «Путь к демократии» во внешнеполитическом дискурсе Кондолизы Райс	258
Петкау А. Ю. Екатеринбург, Россия	Концепт <i>здоровье</i> в советской дискурсивной практике (на материале СМИ)	264
Сейбель Н. Э. Челябинск, Россия	Социально-политические мотивы современной немецкой драмы	270
Терских М. В. Омск, Россия	Жанр интернет-отзыва в туристическом дискурсе (маркетинговый потенциал)	274
Ширяева О. В. Майкоп, Россия	Репрезентация концепта «эксперт» в дискурсе деловой прессы.....	284

РАЗДЕЛ 4. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ЯЗЫК И ПРАВО

Барабаш О. В. Пенза, Россия	О некоторых теоретических и практических проблемах выявления коррупционных факторов в тексте нормативных правовых актов	292
Качмазова А. У. Тамерьян Т. Ю. Владикавказ, Россия	Когнитивные механизмы этностереотипизации «своих» и «чужих»	298
Хоменко А. Ю. Нижний Новгород, Россия	К вопросу об исследовании письменного речевого произведения в рамках автороведческой экспертизы на предмет его оригинальности.....	306

РАЗДЕЛ 5. ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Лакофф Д. США	Фрейминг демократов.....	313
-------------------------	--------------------------	-----

*Пер. с англ. С. И. Крассы,
Е. А. Калиновской*

РАЗДЕЛ 6. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

Камышева О. С. Шадринск, Россия	Метафора в картине мира идеологического дискурса.....	319
Кузина Ю. В. Екатеринбург, Россия		
Малышева Е. Г. Омск, Россия	Традиционные и новые медиа в современной России.....	324
Ларионова А. Ю. Екатеринбург, Россия		
Правила представления авторами рукописей в журнал «Политическая лингвистика»		328

CONTENTS

We accept congratulations: 50/20	12
---	----

DISCUSSIONS

Barabash O. V. Filipov K. B. Penza, Russia	«Corruption» as a key notion anti-corruption legislation of the Russian Federation: linguo-juridical analysis of the definition.....	14
--	--	----

PART 1. THEORY OF POLITICAL LINGUISTICS

Alferov A. V. Belova V. F. Kustova E. Y. Pyatigorsk, Russia	Agonality of parliamentary communication (on the material of German parliamentary debates)	21
Basovskaya E. N. Moscow, Russia	On agnosticism, stakhanovite and ewe in year (from the history of compilation of "The Dictionary of the Russian Language" by S. I. Ozhegov)	27
Ivanova S. V. Chanysheva Z. Z. Ufa, Russia	National cultural precedents in political communication	39
Issers O. S. Omsk, Russia	In search of common vocabulary: contemporary discursive practices through the prism of projects "Word of the year"	48
Klushina N. I. Moscow, Russia	The theory of ideologeme	54
Larionova A. Y. Ekaterinburg, Russia	On a new functional variety of Russian	59
Lukin V. A. Oryol, Russia	" <i>Stanovoy khrebet</i> " and " <i>Rakovaya opukhol</i> ": dysfunctions of bureaucracy in linguistic and semiotic aspects	62
Malysheva E. G. Omsk, Russia	Conceptual metonymical model "Sport is a show": peculiarities of representation in Russian sports discourse	69
Romanova T. V. Nizhny Novgorod, Russia	The image of Russia: modeling representation in the linguistic consciousness (based on association experiment)	76
Ruzhentseva N. B. Ekaterinburg, Russia	Cognitive models as a means of achieving the ironic echo-effect in various formats of discourse (on the Ukrainian political events).....	82
Sedykh A. P. Belgorod, Russia	Sports terminology in modern political discourse of France.....	90
Sipko J. Prešov, Slovakia	Linguoculturology of Anti-Russian sanctions in Slovakian mass media, or the Ukrainian crisis is continuing.....	93

PART 2. POLITICAL COMMUNICATION

Bachurin V. D. Tyumen, Russia	Manipulative technologies, used in modern military media and political discourse by mass media	99
Guzikova M. O. Spiridonov D. V. Ekaterinburg, Russia	Linguistic description of ideology: in search of methodology	105
Gulyaykina S. O. Dubrovskaya T. V. Dankova N. S. Penza, Russia	Manipulative potential of media strategies in judicial power representation (based on mass media texts of Penza Oblast')	113
Zelyanskaya N. L. Perm, Russia	Media image of a politician: the Internet community as an agent of political reality	120
Kerimov R. D. Kemerovo, Russia	Metaphorical target mapping in German socio-political communication: scenarios of the German party system, social life and history	127
Lesnyak M. V. Rostov-on-Don, Russia	Speech strategy "Prognostic evaluation" in parliamentary discourse: German candidates for the European parliament elections 2014	143
Lu Tingting Beijing, China	A comparative study of political and cultural differences between Russia and China: an analysis of dialogic structure of political interviews	148
Maklashova E. G. Yakutsk, Russia	Discourse of ethnicity in the legal field of Federal Subjects of Russia (the case of Sakha Republic of Yakutia)	153
Mukhortov D. S. Moscow, Russia	A pragmasemantic analysis of functional and content words in presidential rhetoric: a case study of Ronald Reagan's addresses to the nation	157
Polyakova T. M. Kiev, Ukraine	Ukrainianism <i>maidan</i> in the Russian political media discourse	173
Tagiltseva Yu. R. Ekaterinburg, Russia	"Are you my true brother?", or information-psychological warfare in the context of Russia-Belarus relations	180
Fokina M. A. Nizhny Novgorod, Russia	Genre and linguistic peculiarities of blogs of politicians	187

PART 3. LANGUAGE — POLITICS — CULTURE

Alekseyenko I. S. Novorossiisk, Russia Gukosyants O. Y. Pyatigorsk, Russia	Some specific characteristics of the internet-mediated communication and the phenomenon of virtual linguistic identity	193
Borodina I. V. Saratov, Russia	Speech peculiarities of the official jubilee: stylistics and genre	203

Valiev R. A. Minurova S. A. Ekaterinburg, Russia	Methods of determination of effectiveness of management in the sphere of interethnic cooperation at municipal level 210
Vozmilkina V. O. Dotsenko E. G. Ekaterinburg, Russia	Political and religious trials of the characters in the novels by Elisabeth Gaskell 217
Galeev T. I. Kazan, Russia	Semantic transformations of words “Gospodar” and “Gosudar” and their derivatives in literary Russian 223
Denisenko V. A. Ekaterinburg, Russia	Aleksandr Solzhenitsyn and Fazil Iskander: about one literary source of “Rabbits and Boa Constrictors” that has not been taken in account yet 231
Dziuba E. V. Ekaterinburg, Russia	Linguistic secrets of food embargo, or what new things has the consumer learned in the result of economic sanctions? 237
Erofeeva E. V. Ekaterinburg, Russia	Speech acts of menace and warning and their indirect realization in French discourse 240
Istratova Y. A. Ekaterinburg, Russia	Political symbols and stereotypes in poetic discourse 248
Makerova S. R. Maykop, Russia	The correlation of a grammatical form and language functions 253
Matygina E. B. Chelyabinsk, Russia	The conceptual metaphoric scenario “Path to democracy” in the foreign policy discourse of Condoleezza Rice..... 258
Petkau A. U. Ekaterinburg, Russia	The concept <i>health</i> in the Soviet discursive practice (based on the Soviet press) 264
Seibel N. E. Chelyabinsk, Russia	Socio-political motives of modern German drama 270
Terskikh M. V. Omsk, Russia	Internet comments in tourist discourse (marketing potential)..... 274
Shiryayeva O. V. Maikop, Russia	Representation of the concept “Expert” in business journalistic discourse 284

PART 4. LINGUISTIC EXPERTISE: LANGUAGE AND LAW

Barabash O. V. Penza, Russia	On some theoretical and practical problems of revealing corruption-generating factors in the texts of legal acts..... 292
Kachmazova A. U. Tameryan T. Y. Vladikavkaz, Russia	Cognitive mechanisms of ethnic stereotyping of “Own people” and “Aliens” 298
Khomenko A. Yu. Nizhny Novgorod, Russia	The problem of originality determination of a text in the framework of authorship identification expertise 306

PART 5. FROM THE HISTORY OF POLITICAL LINGUISTICS

Lakoff G. USA	Framing the Dems..... 313
-------------------------	---------------------------

*Transl. by S. I. Krassa,
E. A. Kalinovskaya*

PART 6. REVIEWS. CHRONICLE

Kamysheva O. S. Shadrinsk, Russia Kuzina Y. V. Ekaterinburg, Russia	Metaphor in ideological discourse 319
Malysheva E. G. Omsk, Russia Larionova A. Y. Ekaterinburg, Russia	Traditional and new media in contemporary Russia 324
Manuscripts requirements	328

ПРИНИМАЕМ ПОЗДРАВЛЕНИЯ: 50/20

Да, мы принимаем поздравления! Вышел ПЯТИДЕСЯТЫЙ НОМЕР, а это уже юбилей. Пятидесятый — это если считать от первого выпуска ежегодника «Лингвистика», нашего первого регулярного издания, которое мы начали выпускать в далеком 1995 году — ДВАДЦАТЬ лет тому назад.

Название «Политическая лингвистика» впервые появилось на обложке в 2006 году (это был ДВАДЦАТЫЙ выпуск); в следующем году журнал начал выходить уже дважды в год, а в 2008 году ВАК объявил, что настоящий ваковский журнал — это хотя бы ежеквартальник. Пришлось подчиниться.

Важный московский чиновник и наш тайный покровитель Николай Иванович Загузов, которому я показал те первые УЖЕ ЖУРНАЛЬНЫЕ номера, пытался охладить мой восторг: «Вот продержишься хотя бы пять лет, тогда будет о чем разговаривать». Продержались. А еще пришли разнообразные знаки признания:

- включение в список рецензируемых изданий, рекомендованных ВАК;
- включение в десятку лучших журналов по языкознанию и политических наукам в рейтинге SCIENCE INDEX.

Совсем недавно получили сообщение о том, что мы включены еще и в международную базу данных Ulrich's Periodicals Directory.

В этом юбилейном году наш журнал был отмечен и дипломами специальных конкурсов:

- II место в номинации «Политическая коммуникация» на конкурсе «Лучшая книга по коммуникативным наукам и образованию» за 2013—2014 гг.;
- диплом в номинации «Лучшее периодическое издание» на Международном отраслевом конкурсе изданий для высших учебных заведений «Университетская книга — 2014: социально-гуманитарные науки».

В этот юбилей хочется вспомнить тех, без кого наш журнал не смог бы состояться. Конечно, невозможно перечислить всех, но отмечу хотя бы самых-самых.

Члены редколлегии первого выпуска — Людмила Григорьевна Бабенко, Юрий Анатольевич Левицкий и Валентин Иосифович Томашпольский.

Члены редколлегии, работавшие с нами в 2000-е годы — Александр Михайлович Стрельников, Петр Червинский, Изабель Иньиго-Мора, Джон Данн и многие другие.

Члены действующей редколлегии Эдуард Владимирович Будаев (Екатеринбург), Мария Борисовна Ворошилова (Екатерин-

бург), Ричард Андерсон (Лос-Анджелес), Владимир Николаевич Базылев (Москва), Даниэль Вайс (Цюрих), Анджей де Лазари (Лодзь), Виктор Алексеевич Виноградов (Москва), Елена Анатольевна Нахимова (Екатеринбург), Элеонора Лассан (Вильнюс), Патрик Серио (Лозанна), У Айхуа (Пекин), Василий Васильевич Химик (Санкт-Петербург), Лиляна Цонева (Велико-Тырново), Елизавета Владимировна Шустрова (Екатеринбург), Ян Кэ (Гуанчжоу), технический редактор Даниил Олегович Морозов и заведующий отделом перевода Ирина Сергеевна Пирожкова.

Ректоры Уральского государственного педагогического университета Владимир Дмитриевич Жаворонков (1994—2005), Борис Михайлович Игошев (2005—2014), Алевтина Александровна Симонова (с 2014 г.), которые нас вдохновляли и — что не менее важно — помогали материально.

Наши спонсоры Российский гуманитарный научный фонд и Министерство образования и науки РФ, которые не забывали нас при распределении грантов, целевых программ и государственных заданий, и, будем надеяться, продолжат свою благородную деятельность в дальнейшем.

Наши тайные и явные доброжелатели много раз сообщали, что мы находимся на содержании ФСБ, ЦРУ и иных широко известных организаций. Скажем честно, у нас не было настолько богатых спонсоров. Как писал классик, «минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь».

С особым удовольствием перечислил бы всех авторов наших публикаций — их уже более тысячи. Или хотя бы выразил признательность тем, чьи публикации особенно украсили наш журнал. Но боюсь, что не смогу вспомнить всех, действительно достойных.

С не меньшим удовольствием назвал бы всех переводчиков, которые помогли нам представить научное творчество множества выдающихся (или хотя бы широко известных) зарубежных специалистов. Благодаря Евгению Евгеньевичу Аникину, Наталии Алексеевне Красильниковой, Александру Владимировичу Стрельникову, Елизавете Владимировне Шустровой, Ирине Борисовне Пирожковой, Юлии Александровне Ольховиковой, Ольге Германовне Путырской и другим энтузиастам наши читатели смогли прочитать на русском языке статьи Уильяма Бенау, Рут Водак, Андреаса Мусолфа, Джорджа Лакоффа, Франка Лунца, Майкла

Осборна, Андре Мазона, Гарольда Лассвелла, Отто Санта Ана, Патрика Сериио и многих других зарубежных авторов.

Контакты.

Почтовый адрес: 620017, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов, 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра риторики и межкультурной коммуникации (каб. 285).

Телефоны:

(343)3361592 (гл. редактор А. П. Чудинов).

Факс (343) 3361592.

Электронная почта: ap_chudinov@mail.ru.,
shinkari@mail.ru.

С уважением

и надеждой на сотрудничество:

главный редактор д-р филол. наук, проф.

Анатолий Прокопьевич Чудинов

и его команда —

д-р филол. наук, профессор

Эдуард Владимирович Будаев,

канд. филол. наук, доцент

Мария Борисовна Ворошилова,

канд. филол. наук

Даниил Олегович Морозов.

ДИСКУССИИ

УДК 811.161.1'42:34
ББК Ш141.12-51

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.01; 10.02.21

О. В. Барабаш **O. V. Barabash**
К. Б. Филиппов **K. B. Filipov**
Пенза, Россия Penza, Russia

«КОРРУПЦИЯ» КАК КЛЮЧЕВОЕ ПОНЯТИЕ АНТИКОРРУПЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ЛИНГВО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ДЕФИНИЦИИ

«CORRUPTION» AS A KEY NOTION ANTI-CORRUPTION LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION: LINGUO-JURIDICAL ANALYSIS OF THE DEFINITION

Аннотация. Осуществляется лингвистический и правовой анализ официальной дефиниции коррупции. Выявляются пробелы в действующем антикоррупционном законодательстве как в части субъектного состава коррупционных деяний, так и в части определения их перечня. Обосновывается необходимость совершенствования законодательного определения коррупции, предлагается вариант его формулировки.

Abstract. The article carries out a linguistic and legal analysis of the official definition of corruption. It reveals the gaps in the existing anti-corruption legislation both in the part of the subject composition of acts of corruption, and in determining the list of acts of corruption. The authors specify the necessity of improving the legislative definition of corruption and offer a variant of its wording.

Ключевые слова: коррупция; дефиниция; язык; антикоррупционное законодательство; норма права.

Key words: corruption; definition; language; anti-corruption legislation; the rule of law.

Сведения об авторе: Барабаш Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, доцент.

About the author: Barabash Olga Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor.

Место работы: Пензенский государственный университет.

Place of employment: Penza State University.

Контактная информация: 440026, г. Пенза, ул. Красная, 40.
e-mail: olphil@mail.ru.

Сведения об авторе: Филиппов Кирилл Борисович, начальник Правового управления.

About the author: Filipov Kiril Borisovich, Head of Legal Department.

Место работы: Пензенский государственный университет.

Place of employment: Penza State University.

Контактная информация: 440026, г. Пенза, ул. Красная, 40.
e-mail: kb1@bk.ru.

Коррупция как социальное явление, значительно затрудняющее становление рыночной экономики и являющееся существенной угрозой демократическим институтам, основанным на принципах равенства, социальной справедливости и верховенства закона, является предметом постоянного обсуждения и изучения как в политическом, так и в правовом, социальном и даже лингвистическом аспектах.

Транснациональный характер феномена коррупции подводит к осознанию во всем мире необходимости выработки мер по противодействию этому явлению, предупреждению и недопущению коррупционных проявлений. Международное сотрудничество в области предупреждения коррупции и борьбы с ней позволило принять ряд международных документов, в том числе конвенции Организации Объединенных Наций, конвенции Организации экономического сотрудничества и развития, постановления Межпарламентской ассамблеи государств — участников СНГ.

В Российской Федерации антикоррупционное законодательство основывается прежде всего на Конституции Российской Федерации и

нормах международного права, международных договоров, а также Федеральном законе от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» и других нормативных правовых актах, направленных на борьбу с этим явлением. В то же время составляемый международной организацией Transparency International «Индекс восприятия коррупции» (Corruption Perception Index) — ежегодный составной индекс, измеряющий уровень восприятия коррупции в государственном секторе различных стран, — демонстрирует высокий уровень коррупции в России в период 1996—2013 гг. [Corruption Perception Index]. В связи с этим обращение к проблеме коррупции по-прежнему представляется актуальным и своевременным.

Различные аспекты изучения коррупции рассмотрены в публикациях В. М. Быкова, О. В. Дамаскина, Н. А. Лопашенко, О. В. Назарова, Ю. П. Синельщикова, Ю. А. Тихомирова, Т. Я. Хабриевой и др. Проблемы реализации положений международных антикоррупционных конвенций в российском уголовном праве изучены в научных публикациях таких авторов, как Г. И. Богуш, К. В. Ображиев, О. А. Сафонов

Статья подготовлена при поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта 14-34-01252 «Язык и стиль официальных документов: антикоррупционные требования».

© Барабаш О. В., 2014

[Богуш 2011; Ображиев 2011; Сафонов 2012] и др. Особое внимание исследователей, в частности С. В. Максимова, С. М. Будатарова, Н. В. Щедрина, В. Е. Шинкевича [Максимов 2008; Будатаров 2012; Щедрин 2009; Шинкевич 2009], привлекает вопрос о сущности коррупции как социального явления, а также об объеме дефиниции самого термина «коррупция», ставшего предметом широкой дискуссии. Это не случайно, так как «определение коррупции позволяет очертить сферу отношений как предметную область, на которую может быть направлена антикоррупционная государственная политика, где могут быть выбраны соответствующие средства и инструменты противодействия, прежде всего правовые» [Хабриева 2012].

Целью данной статьи является лингво-правовой анализ содержания официального юридического определения понятия «коррупция». Достижение поставленной цели требует решения следующих задач: очертить в соответствии с действующим законодательством круг деяний, квалифицируемых как коррупционные; уточнить субъектный состав коррупционных преступлений; оценить точность языкового выражения исследуемой дефиниции и его соответствие правовым установлениям антикоррупционного законодательства. Решение данных задач представляется необходимым звеном в формировании теоретической научной основы для всестороннего изучения явления коррупции.

Слово «коррупция» происходит от латинского *corrumpere* — «портить, развращать, подкупать». Современный толковый словарь русского языка трактует термин «коррупция» как «прямое использование должностным лицом своего служебного положения в целях личного обогащения», которое, «как правило, сопровождается нарушением законности» [Современный толковый словарь... 2002]. Согласно определению, представленному в «Большом юридическом словаре», коррупция — это «общественно опасное явление в сфере политики или государственного управления, выражающееся в умышленном использовании представителями власти своего служебного статуса для противоправного получения имущественных и неимущественных благ и преимуществ в любой форме, а равно подкуп этих лиц» [Большой юридический словарь 2001]. Данный словарь также отмечает, что в Российской Федерации коррупция есть «понятие не уголовно-правовое, а собирательное, определяющее правонарушения самого различного вида — от дисциплинарных до уголовно-правовых» [Там же].

Как известно, словарные значения правовых терминов не могут считаться юридически значимыми, и официальной признается дефиниция, установленная нормативным правовым актом. Анализ как международных, так и зарубежных источников права позволяет сделать вывод, что существуют два основных подхода к

раскрытию содержания понятия коррупции. Первый способ заключается в его определении путем перечисления деяний коррупционной направленности. Так, путем перечисления коррупционных правонарушений следуют некоторые международно-правовые акты, в частности Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию 1999 г., Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции 2003 г., а также авторитетный, претендующий на экстерриториальность Закон Великобритании о взяточничестве (United Kingdom Bribery Act, UK BA) от 8 апреля 2010 г. Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ), принятый в 1996 г., также закрепляет ряд составов деяний коррупционного характера в качестве уголовно наказуемых преступлений. Кроме того, в приложениях к статье 285 УК РФ законодателем сделана попытка установить общие для всех составов преступлений коррупционной направленности характеристики субъектного состава.

Второй подход, напротив, предполагает наличие в нормативных правовых актах отдельного легального определения понятия коррупции. В Кодексе поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка ООН 1979 г. дано следующее определение: «...коррупция — это выполнение должностным лицом каких-либо действий или бездействие в сфере его должностных полномочий за вознаграждение, как с нарушением должностных инструкций, так и без их нарушения» [Кодекс поведения должностных лиц].

Модельный закон «О борьбе с коррупцией», принятый Межпарламентской ассамблеей государств — участников СНГ 1999 г., рекомендует понимать коррупцию (коррупционные правонарушения) как «не предусмотренное законом принятие лично или через посредников имущественных благ и преимуществ государственным должностными лицами, а также лицами, приравненными к ним, с использованием своих должностных полномочий и связанных с ними возможностей, а равно подкуп данных лиц путем противоправного предоставления им физическими и юридическими лицами указанных благ и преимуществ» [Модельный закон «О борьбе с коррупцией» 1999]. Позднее, в 2003 г., Межпарламентская ассамблея в модельном законе «Основы законодательства об антикоррупционной политике» изменит предыдущую дефиницию, определив коррупцию «как подкуп (получение или дача взятки), любое незаконное использование лицом своего публичного статуса, сопряженное с получением выгоды (имущества, услуг или льгот и/или преимуществ, в том числе неимущественного характера) как для себя, так и для своих близких вопреки законным интересам общества и государства, либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу» [Модельный закон «Основы законодательства об антикоррупционной политике» 2003]. Как мы

можем видеть, определение 2003 г. является более жестким: «государственные должностные лица» заменены «лицом с публичным статусом», т. е. значительно более широким понятием; подкуп включает в себя также выгоды неимущественного характера, кроме того, круг бенефициаров расширяется за счет добавления в него «близких» лица с публичным статусом.

Следует отметить, что значительный период времени с момента начала функционирования современной российской правовой системы в законодательных актах не было зафиксировано официальное юридическое определение понятия «коррупция», и сущность этого явления выводилась опосредованно через доктринальное толкование норм уголовного законодательства антикоррупционной направленности. В то же время понятие коррупции как ключевое понятие антикоррупционного законодательства Российской Федерации нуждалось в официальном определении. В связи с этим предпринималось несколько попыток принятия базового закона по борьбе с коррупцией, в котором раскрывалось бы содержание данного феномена. Наиболее яркими среди них, на наш взгляд, являлись проект федерального закона «О борьбе с коррупцией» № 96700358-2, принятый Государственной думой в окончательной редакции в ноябре 1997 г., а также проект федерального закона № 99097368-2 «О борьбе с коррупцией» 2001 г.

Именно в этих проектах давалось отдельное определение понятия коррупции, подробно характеризовались субъекты коррупционных правонарушений. В целом отмеченные проекты нормативно-правовых актов представляли варианты проработанной системы норм о противодействии коррупции, однако не были приняты в качестве законов по различным политическим причинам.

Только с принятием Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» в стране на законодательном уровне появляется программный антикоррупционный документ, устанавливающий основные направления деятельности государства по противодействию коррупции, определяющий сферу применения антикоррупционной политики, утверждающий официальную дефиницию понятия «коррупция».

Так, в соответствии со статьей данного закона, под коррупцией понимается *«злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды ука-*

занному лицу другими физическими лицами, а также совершение указанных деяний, от имени или в интересах юридического лица» [Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ].

Необходимо отметить, что приведенная официальная дефиниция понятия коррупции на первый взгляд отвечает общепринятым требованиям к дефинициям правовых терминов, так как являет собой определение понятия, отражающее существенные признаки исследуемого явления. В ней объединены коррупционные преступления, посягающие на различные сферы правоотношений, указаны общие признаки коррупционных деяний. Положительным моментом, на наш взгляд, можно считать включение в рассматриваемую дефиницию незаконного предоставления имущественной выгоды должностному лицу другими лицами. Это положение коррелирует с запретом дарения, установленным статьей 575 Гражданского кодекса РФ. Благодаря этому положению снимается проблема квалификации получения должностным лицом (предоставление должностному лицу) имущественной выгоды в размере, превышающем установленные статьей 575 Гражданского кодекса РФ ограничения. В связи с этим подарок должностному лицу стоимостью более трех тысяч рублей без квалифицирующих признаков состава преступления (дача/получение взятки), а именно «совершения действий (бездействия) в пользу взяткодателя или представляемых им лиц», образует для получателя подарка состав должностного коррупционного правонарушения, влекущего дисциплинарную ответственность вплоть до увольнения. В связи с вышеизложенным следует признать ошибочным мнение, высказанное в статье Г. Б. Морозова, Г. Ф. Нурғалиевой о том, что «подарок — вещь или имущественное право стоимостью менее 3 тыс. руб., всё, что выше — взятка» [Морозов, Нурғалиева 2014]. Отметим, что спорными представляются и многие другие положения, высказанные в статье данных авторов, особенно в части аргументации тех или иных тезисов. Однако в рамках настоящей статьи мы заостряем внимание лишь на вопросах, имеющих непосредственное отношение к проблеме дефиниции понятия коррупции.

Таким образом, появление нормативного определения понятия коррупции явилось важным шагом на пути становления антикоррупционного законодательства в России, заложив основу дальнейшего развития правового регулирования данной сферы.

Тем не менее данную дефиницию понятия коррупции нельзя признать исчерпывающей. К сожалению, авторам законопроекта не удалось полностью ликвидировать правовой пробел, связанный с отсутствием понятия коррупции в российском законодательстве. Анализ официального определения понятия коррупции позволяет выявить в нем ряд недостатков, по-

служивших причиной возникновения разногласий в толковании его содержания.

Так, в исследуемой дефиниции приводится следующий перечень деяний, имеющих коррупционную составляющую: «*злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения*» [Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ]. Дискуссионным оказалось толкование содержащейся в официальной дефиниции понятия коррупции в языковой формулы «иное **незаконное** использование служебного положения». Полагаем, что причиной обнаруживаемых учеными и специалистами правовых коллизий в этой части дефиниции является неудачное языковое выражение мысли законодателя. Так, грамматическое толкование первой части определения коррупции подводит перечисленные в нем деяния под категорию преступлений, связанных с **незаконным** использованием служебного положения. В связи с этим ряд авторов, интерпретируя данную часть дефиниции, рассматривают «незаконное» (Н. В. Щедрин) либо «противоправное» (Т. Я. Хабриева) использование лицом должностного положения в качестве неотъемлемого признака коррупции. Так, в частности, Н. В. Щедрин пишет: «В соответствии с пунктом 1 статьи 1 Закона, коррупционными следует признавать *только* (курсив наш. — О. Б., К. Ф.) **незаконное** использование служебного положения» [Щедрин 2009]. В то же время необходимо отметить, что, например, состав взятки, безусловно признаваемой коррупционным проявлением, характеризуется совершением должностным лицом в пользу взяткодателя **действий (бездействия), которые входят в его служебные полномочия**, т. е. являются **законным** использованием служебного положения.

На наш взгляд, снятие указанных противоречий возможно путем уточнения круга деяний, квалифицируемых как коррупционные, за счет их разграничения на следующие категории:

- *получение незаконной выгоды* безотносительно к осуществлению лицом должностных полномочий, влекущее административную и дисциплинарную ответственность;

- *незаконное использование должностных полномочий, сопровождающееся получением незаконной выгоды*, влекущее уголовную ответственность;

- *законное использование должностных полномочий, сопровождающееся получением незаконной выгоды*, влекущее как уголовную, так и административную, а также дисциплинарную ответственность. Примером последнего варианта может выступать ситуация, при которой государственный регистратор, получив взятку, осуществляет регистрацию сделки с недвижимостью, скажем, уже на второй день

из пятнадцати установленных законом дней. Иными словами, он оказывает содействие взяткодателю, приобретая при этом незаконную выгоду, но формально не выходя за рамки законного использования своего служебного положения. К сожалению, буквальное толкование формулировки действующего определения коррупции свидетельствует о том, что приведенная выше ситуация не содержит состава коррупционного преступления, что, следует полагать, противоречит как замыслу законодателя, так и положениям УК РФ.

Кроме того, формулировка «иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения» в силу своей неопределенности, размытости создает возможность неоднозначного ее толкования, зависящего от усмотрения правоприменителя. В связи с этим само определение коррупции содержит языковую формулу, которая может быть квалифицирована как коррупциогенный фактор.

Перечисляя в рассматриваемой дефиниции преступления коррупционной направленности, законодатель допускает терминологическое несоответствие: статьей 285 УК РФ устанавливается состав такого преступления, как «злоупотребление должностными полномочиями» [УК РФ № 63-ФЗ], а в Федеральном законе от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» оно поименовано как «злоупотребление *служебным положением*» [Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ], хотя бесспорным является требование идентичности содержания терминов, употребляемых в законодательстве, особенно в уголовном.

Следует также отметить, что в дефиниции коррупции перечислены не все коррупционные преступления. Так, в ней отсутствуют превышение должностных полномочий, незаконное участие должностного лица в предпринимательской деятельности, безусловно имеющие коррупционную составляющую. Кроме того, по мнению ряда исследователей, например Н. А. Лопашенко, в уголовном законе есть и другие преступления, так или иначе связанные с коррупцией, в частности с подкупом: воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий путем подкупа (п. «а» ч. 2 ст. 141 УК РФ); незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, путем подкупа (ст. 183 УК РФ); подкуп к даче показаний или к неправильному переводу (ч. 1 ст. 309 УК РФ) [Лопашенко 2005].

Содержательное наполнение определения коррупции представляется с юридической точки зрения ограниченным также и потому, что употребление прилагательного «имущественный» применительно к предмету коррупции (получение «выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав») оставляет за рамками рассматриваемого поня-

тия коррупционные проявления, направленные на блага, услуги и льготы, относящиеся к категории неимущественных. Вследствие этого российское понятие коррупции уже не может включать все возможные разновидности и проявления коррумпирования. Не случайно перечень деяний, требующих возведения в ранг уголовно преследуемых согласно Конвенции ООН против коррупции, шире перечня коррупционных преступлений Уголовного кодекса РФ. При этом из закрепленного в пункте 4 статьи 15 Конституции РФ примата норм международного права вытекает необходимость значительных изменений норм уголовного законодательства РФ, не соответствующего вышеназванным международным документам. Другим способом восприятия российским правом норм Конвенции ООН против коррупции, как отмечает Ю. П. Синельщиков, будет развитие на их основе институтов других отраслей (гражданского, уголовно-процессуального) права, например института обязательств вследствие неосновательного обогащения [Синельщиков 2014].

В качестве недопустимой неточности необходимо отметить словосочетание «вопреки законным интересам общества и государства». Корреспондирующие статьи Уголовного кодекса в ряде случаев либо не содержат в качестве признака деяния противоречия его подобным интересам (например, состав «получения взятки» ст. 290 УК РФ), либо деяние вообще направлено на причинение вреда интересам отдельного юридического лица (преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях, глава 23 УК РФ).

Полагаем, что при дальнейшем совершенствовании антикоррупционного законодательства нормативная дефиниция термина «коррупция» подлежит ревизии с учетом вышеизложенного.

Неясным представляется и вытекающий из официального определения коррупции круг субъектов коррупционного поведения. Как справедливо отмечает Н. В. Щедрин, в статье 1 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» речь идет «только о физических лицах, даже если они совершают коррупционные деяния „от имени или в интересах юридических лиц“» (п. «б» статьи 1 Федерального закона). Сами юридические лица, согласно определению, данному в первой статье, не являются субъектами коррупции, что противоречит последней статье (ст. 14) этого же закона, которая так и называется «Ответственность юридических лиц за коррупционные правонарушения» [Щедрин 2009]. В связи с этим считаем, что в круг субъектов коррупционного поведения должны быть введены и юридические лица, тем более что в РФ существует состав административной ответственности юридических лиц за коррупцию, в частности установленное статьей 19.28 КоАП «Незаконное вознаграждение от имени юриди-

ческого лица» [Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях... № 195-ФЗ].

Объединение в понятии коррупции деяний против государственной власти и интересов службы в коммерческих и иных организациях (коммерческий подкуп, злоупотребление полномочиями), призванное расширить действие антикоррупционных норм по кругу лиц, затрудняет однозначную идентификацию субъектов коррупционного деяния. Кроме того, в нормах закона присутствуют запреты, ограничения и обязанности преимущественно для государственных и муниципальных служащих: обязанность представления сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера (ст. 8), обязанность государственных и муниципальных служащих уведомлять об обращениях в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений (ст. 9), недопущение конфликта интересов на государственной и муниципальной службе (ст. 11), ограничения, налагаемые на гражданина, замещавшего должность государственной или муниципальной службы (ст. 12) и др. В качестве одного из основных направлений деятельности государственных органов по повышению эффективности противодействия коррупции п. 15 ст. 7 Закона называется повышение уровня оплаты труда и социальной защищенности государственных и муниципальных служащих. Подобный акцент Закона на антикоррупционной специфике деятельности государственных и муниципальных служащих привел к ошибочному мнению ряда исследователей, утверждающих, что под действие федерального закона «О противодействии коррупции» «не попадают педагогические, медицинские работники, работники воспитательных учреждений всех уровней» [Морозов, Нургалиева 2014]. Подобный вывод, сделанный в статье Г. Б. Морозова и Г. Ф. Нургалиевой, нельзя признать обоснованным, так как он противоречит анализу норм действующего законодательства в системном толковании.

Существовавшее еще до принятия Закона о коррупции примечание 1 к статье 285 Уголовного кодекса РФ устанавливало, что во всех нормах главы 30 УК РФ («Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления») «*должностными лицами признаются лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, а также в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации*» [УК

РФ № 63-ФЗ]. Применительно к коррупционным преступлениям, посягающим на интересы службы в коммерческих и иных организациях, характеристики субъекта были установлены примечанием № 1 к статье 201 УК РФ: «...выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, а также в некоммерческой организации, не являющейся государственным органом, органом местного самоуправления, государственным или муниципальным учреждением <...> признается лицо, выполняющее функции единоличного исполнительного органа, члена совета директоров или иного коллегиального исполнительного органа, а также лицо, постоянно, временно либо по специальному полномочию выполняющее организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в этих организациях» [Там же].

При этом расшифровки понятий организационно-распорядительных и административно-хозяйственных функций уголовный закон не содержит. Окончательный ответ на вопрос «кто же является субъектом коррупционных преступлений?» призвана была дать судебная практика. Согласно полномочию, закрепленному в статье 126 Конституции, Верховный суд РФ имеет право давать разъяснения по вопросам судебной практики, обеспечивающие единообразное применение отдельных норм на территории России. Руководствуясь данным полномочию, Пленум Верховного суда РФ Постановлением от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» разъяснил, что «к организационно-распорядительным функциям, являющимся элементом статуса должностного лица, относятся полномочия лиц по принятию решений, имеющих юридическое значение и влекущих определенные юридические последствия (например, по выдаче медицинским работником листка временной нетрудоспособности, установлению работником учреждения медико-социальной экспертизы факта наличия у гражданина инвалидности, приему экзаменов и выставлению оценок членом государственной экзаменационной (аттестационной) комиссии)» [Постановление Пленума... от 16 октября 2009 г. № 19]. Таким образом, работники медицинских и образовательных учреждений при определенных условиях признаются субъектами коррупционных преступлений. Так, по информации Верховного суда РФ, в 2012 г. за все составы преступлений коррупционной направленности осуждены 5,5 тыс. лиц, из которых более 80 % подсудимых — работники сферы здравоохранения и образования [Коммерсантъ. 2013].

Таким образом, лингво-правовой анализ официальной дефиниции коррупции как ключевого понятия антикоррупционного законодательства Российской Федерации подводит нас к следующим выводам. Данная дефиниция нуждается в совершенствовании как в части

уточнения круга коррупционных деяний, так и в части определения субъектов данного явления. Причинами возникновения разногласий в толковании содержания дефиниции коррупции служат ее терминологическая неточность, размытость языкового выражения мысли законодателя, приводящие к правовой коллизии, к расхождению законодательного определения коррупции с существующими положениями уголовного закона.

В связи с этим полагаем, что в целях повышения результативности антикоррупционной политики целесообразно принятие программных (базовых) антикоррупционных нормативных правовых актов, включающих комплексное, исчерпывающее определение понятия коррупции. Одним из вариантов подобного универсального определения может служить, на наш взгляд, следующее: «*Коррупция — это незаконное получение субъектами, указанными в части 2 настоящей статьи, имущественной и (или) неимущественной выгоды для себя или для третьих лиц, в том числе с использованием своих должностных полномочий или связанных с ними возможностей, а равно предоставление такой выгоды другими физическими и юридическими лицами*». При этом отдельными определениями в части 2 статьи 1 закона должны быть раскрыты понятия субъекта коррупции, имущественной и неимущественной выгоды, отдельной нормой закона произведена категоризация коррупционных нарушений. Полагаем, что предлагаемое совершенствование дефиниции коррупции повысит качество закона и соответственно эффективность его правоприменения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Богущи Г. И.* О реализации положений международных антикоррупционных конвенций в российском уголовном праве // Проблемы имплементации международных норм в области противодействия коррупции в российском законодательстве : сб. материалов / Акад. Генер. прокуратуры Рос. Федерации. — М., 2011. Ч. 1. С. 92—97.
2. *Большой юридический словарь* / В. Н. Додонов, В. Д. Ермаков, М. А. Крылова и др. — М., 2001.
3. *Будатаров С. М.* Понятие коррупции в российском законодательстве и юридической литературе // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2012. Вып. 359. С. 106—110.
4. *Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка* : (Принят резолюцией 34/169 Генеральной Ассамблеи ООН от 17 дек. 1979 г.). URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/code_of_conduct.shtml (дата обращения: 17.10.2014).
5. *Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях* от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 7 янв. 2002 г. № 1 (часть I) ст. 1.
6. *Коммерсантъ*. 2013. № 31 (5026), 20 февр. 2013 г. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2131192/print> (дата обращения: 10.10.2014).
7. *Лопашенко Н. А.* Противодействие российской коррупции: обоснованность и достаточность уголовно-правовых мер // Проблемы борьбы с проявлениями

криминального рынка. — Владивосток : Изд-во Дальневосточ. ун-та, 2005. С. 21—35.

8. *Максимов С. В.* Коррупция. Закон. Ответственность. 2-е изд., перераб. и доп. — М. : ЮринфоР®, 2008.

9. *Модельный закон «О борьбе с коррупцией»* (принят на тринадцатом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ, постановлением № 13-4 от 3 апр. 1999 г.). URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=13604> (дата обращения: 17.10.2014).

10. *Модельный закон «Основы законодательства об антикоррупционной политике»* (Принят в г. Санкт-Петербурге 15.11.2003 Постановлением 22-15 на 22-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ). URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=26950;dst=100023> (дата обращения: 27.10.2014).

11. *Морозов Г. Б., Нургалиева Г. Ф.* Терминологическая нечеткость антикоррупционного законодательства России как фактор усиления коррумпированности общества // *Политическая лингвистика*. 2014. № 3 (49). С. 248—255.

12. *Ображиев К. В.* Проблемы реализации международных обязательств России в сфере уголовно-правового противодействия коррупции // *Проблемы имплементации международных норм в области противодействия коррупции в российское законодательство : сборник материалов*. — М., 2011. Ч. 2. С. 16—21.

13. *Постановление* Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 окт. 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // *Российская газета* — *Федеральный выпуск*. 2009. 30 окт., № 5031.

14. *Сафонов А. О* мировой практике применения ст. 20 Конвенции ООН по борьбе с коррупцией // *Следователь*. 2012. № 1. С. 46—55.

15. *Синельников Ю. П.* Пути реализации ст. 20 Конвенции ООН против коррупции в российском законодательстве и прокурорской практике // *Законность*. 2014. № 2. С. 5—9.

16. *Современный толковый словарь русского языка* / гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб. : Норинг, 2002.

17. *Уголовный кодекс* Российской Федерации (УК РФ) № 63-ФЗ от 13.06.1996. URL: <http://www.consultant.ru/popular/ukrf/> (дата обращения: 3.10.2014).

18. *Федеральный закон* от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156929/?frame=1 (дата обращения: 20.06.2014).

19. *Хабриева Т. Я.* Коррупция и право: доктринальные подходы к постановке проблемы // *Журнал российского права*. 2012. № 6. С. 5—17.

20. *Шинкевич В. Е.* Феномен коррупции как социального явления: к проблеме осмысления // *Актуальные проблемы борьбы с коррупцией и терроризмом в России на современном этапе : сб. материалов методологического семинара (г. Красноярск, 19—20 февр. 2009 г.)*. 2009. С. 7—11.

21. *Щедрин Н. В.* О законодательном определении коррупции // *Актуальные проблемы борьбы с коррупцией и терроризмом в России на современном этапе : сб. материалов методологического семинара (г. Красноярск, 19—20 февр. 2009 г.)*. Красноярск, 2009. С. 49—51.

22. *Corruption Perception Index*. URL: <http://www.transparency.org/cpi2013> (дата обращения: 20.09.2014).

Статью рекомендует к публикации д-р юрид. наук, доц. Г. Б. Романовский.

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 811.112.2'38
ББК Ш143.24-55

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.21

А. В. Алферов **A. V. Alferov**
В. Ф. Белова **V. F. Belova**
Е. Ю. Кустова **E. Y. Kustova**
Пятигорск, Россия Pyatigorsk, Russia

АГОНАЛЬНОСТЬ ПАРЛАМЕНТСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

(на материале дебатов в немецком парламенте)

Аннотация. Институциональный жанр парламентских дебатов представлен в статье с точки зрения интеракционного противодействия ментальных репрезентаций и ментальных программ депутатов различной партийной принадлежности. На материале дебатов в немецком парламенте по проблеме украинского кризиса выявляются риторические стратегии и приемы речевой реализации ментальных программ противостоящих сторон. Рассматривается вопрос о взаимодействии полемических и конклюдентных дискурсов, об институциональности дискурса как мере политической ответственности его субъектов.

Ключевые слова: украинский политический кризис; парламентские дебаты; немецкий парламентский дискурс; речевая интеракция; политическая полемика; политические ментальные программы.

Сведения об авторе: Алферов Александр Владимирович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французской филологии и межкультурной коммуникации, директор Научно-исследовательского центра интеракционной лингвистики и институционально-правовой коммуникации.

Место работы: Пятигорский государственный лингвистический университет.

Контактная информация: 357532, г. Пятигорск, пр. Калинина, 9.
e-mail: ale-alfygorov@yandex.ru.

Сведения об авторе: Белова Валентина Федоровна, кандидат филологических наук, профессор кафедры германистики и межкультурной коммуникации.

Место работы: Пятигорский государственный лингвистический университет.

Контактная информация: 357532, г. Пятигорск, пр. Калинина, 9.
e-mail: belovav2008@yandex.ru.

Сведения об авторе: Кустова Елена Юрьевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французской филологии и межкультурной коммуникации.

Место работы: Пятигорский государственный лингвистический университет.

Контактная информация: 357532, г. Пятигорск, пр. Калинина, 9.
e-mail: lenakustov@yandex.ru.

Институциональный жанр дебатов предполагает сопряжение различных точек зрения на определенное положение дел, которое требует анализа и преобразования. Это содержание составляет пропозициональный план парламентской коммуникации, зафиксированный в «Повестке дня» заседаний парламентских палат. Анализ и преобразование обсуждаемой ситуации в парламенте происходит посредством речевого взаимодействия (интеракции)

AGONALITY OF PARLIAMENTARY COMMUNICATION

(on the material of German parliamentary debates)

Abstract. The institutional genre of parliamentary debates is presented in the article from the point of view of active counteraction of mental representations and mental programs of deputies belonging to different parties. The techniques of rhetorical strategy of speech realization of mental programs of conflicting parties are brought to light on the material of debates in the German parliament on the problem of the Ukrainian crisis. The question of interaction of polemic and conclusive parliamentary discourses and of the institutionalism of discourse as a measure of political responsibility of its subjects is also studied in the article.

Key words: the Ukrainian political crisis; parliamentary debates; German parliamentary discourse; speech interaction; political argument; political mental programs.

About the author: Alferov Aleksandr Vladimirovich, Doctor of Philology, Professor of Department of French Philology and Intercultural Communication, Director of Centre of Interactional linguistics & Institutional Communication.

Place of employment: Pyatigorsk State Linguistic University (Pyatigorsk).

Address: Kalinina, 9.

About the author: Belova Valentina Fedorovna, Candidate of Philology, Professor of Department of German Philology and Intercultural Communication.

Place of employment: Pyatigorsk State Linguistic University (Pyatigorsk).

Address: Kalinina, 9.

About the author: Kustova Elena Yurievna, Doctor of Philology, Professor of Department of French Philology and Intercultural Communication.

Place of employment: Pyatigorsk State Linguistic University.

Address: Kalinina, 9.

представителей партийных фракций, имеющих различное видение обсуждаемого положения дел. Столкновение мнений происходит, как правило, между депутатами от правящей партии и оппозицией. Однако, помимо отстаивания узкопартийных политических устремлений, парламентская коммуникация имеет целью формирование внутренней и внешней политики государства, от которой зависит в конечном счете качество жизни соотечественников, и не

Статья выполнена при поддержке РГНФ (проект № 14-04-00029 «Культурологические и лингвопрагматические аспекты парламентской коммуникации в странах Евросоюза»).

только их. Международная политика государства, такого как Германия или Франция, во многом определяет судьбы людей далеко за пределами одной страны. Политика государств, объединенных институциональностью Евросоюза, в значительной степени зависит от внешней, часто далекой от истинных национальных интересов «программы», создаваемой в Брюсселе и Страсбурге. Сложность и противоречивость политической реальности не может не отражаться на парламентской коммуникации, которая, с точки зрения лингвистического анализа, характеризуется пятью интеракциональными функциями — пропозициональной, иллокутивной, аргументативной, интерперсональной и собственно дискурсивной (т. е. эффективной организации дискурсного пространства) [Алферов 2007]. Прежде всего любой парламентский документ обладает двумя характеристиками — фактуальностью и перформативностью [Cobby]. Фактуальность определяет «объективность» парламентской коммуникации, ее пропозицию, представление определенного положения дел. Перформативность выражается в реализации иллокутивного плана, т. е. достижения некоего результата когнитивной и прагматической операции над пропозицией (анализа, оценки, разрешения, запрета, руководства к изменению ситуации и т. д.), зафиксированного документально и институционально (запрос, заявление, постановление, закон). Обе характеристики тесно взаимосвязаны, и первая во многом определяет вторую: определенный ракурс в изложении ситуации (модифицированная фактуальность) может повлиять на содержание и модальность конклюдивного коммуникативного акта (документа).

«Объективность» парламентской коммуникации достигается и процессуально, т. е. институциональной парламентской интеракцией в дискурсивной форме парламентских дебатов, построенной на диалоге парламента и правительства, правящих и оппозиционных партий и т. д. Здесь на первый план выдвигается аргументативная функция парламентской коммуникации [Алферов 2013].

Основываясь на принципе ивент-анализа (от англ. *event*) [Боришполец 2005], сфокусированного на определенном политическом событии (в данном случае — политической ситуации на Украине), мы рассматриваем материалы дебатов в бундестаге, связанные с заявлением А. Меркель по украинскому конфликту. Материалом исследования послужил стенографический отчет дебатов парламента ФРГ — бундестага — от 3 марта 2014 г.

В основу проводимого анализа положено следующее положение: «Парламентский дискурс суть производное от окружающей его общеполитической полемической коммуникации, характеризующейся прежде всего агональностью, идеологической конфронтацией, непримиримостью позиций, вседозволенностью ре-

чевых и часто далеко не парламентских средств аргументации, что, конечно же, имеет место и внутри парламентской интеракции» [Алферов, Кустова].

Стратегия в парламентских дебатах может быть определена как линия поведения оратора, намеревающегося достичь определенную цель и оказать существенное воздействие на реципиента соответствующим выбором наиболее эффективных средств [Белова 2014а].

Агональность (конфронтация, полемика) является фундаментальной имманентной характеристикой речевого жанра дебатов. Полемические стратегии характеризуются в интерперсональном плане эристической агональностью (столкновение мнений, спор и т. п.), а в пропозиционально-аргументативном (фактуальном) аспекте — контраргументацией и манипуляцией, которые в разной степени проявляются в различных жанрах, в частности немецкой парламентской коммуникации [Белова 2014б].

Пропозициональный план дебатов в когнитивном аспекте представляет собой столкновение различных ментальных репрезентаций определенного политического события [ср.: Дейк 2013: 287]. Ментальные репрезентации определяются, в свою очередь, ментальными программами, т. е. сложными интенционально-мотивационными механизмами в когнитивных пространствах участников интеракции, определяющими интерпретацию и оценку рассматриваемой ситуации [Алферов, Кустова, Попова 2013].

«Украинский синдром» выявил «прототипическую» геополитическую и когнитивно-психологическую позицию Запада по отношению к России (см., напр.: [Вайнштейн 2007]), следствием которой стала парламентская риторика лояльного к политической верхушке Евросоюза правящего большинства немецкого парламента. На поверхностном уровне проявились русофобские стереотипы, облеченные в одежды фактуальности аргументативного дискурса, а на самом деле основанные на пропозициональной манипуляции, в которой проявлением русофобии «выступает не прямолинейная дезинформация, а субъективная расстановка акцентов и тенденциозность в отборе фактов» [Там же]. Определяющую роль здесь играет оценочная и коннотативная лексика (*агрессия, аншлаг, шовинизм* и проч.). Так, Россия «вернулась к шовинизму и политике влияния» (*diesen Rückfall in Chauvinismus und das Denken in Einflusszonen nicht erwartet*), «аннексировала Крым» (*eine Annexion der Krim*) и за агрессию «должна заплатить высокую политическую и экономическую цену» (*der Krim für dieses Vorgehen einen hohen politischen und wirtschaftlichen Preis zahlen muss*), которая «позволит предотвратить дальнейшую интервенцию в Восточную Украину» (*Abschreckung vor einer möglichen weiteren Intervention in der Ostukraine*).

В запале эристической полемики некоторые немецкие парламентарии приводят до-

вольно сомнительные и даже смешные аргументы, которые только подчеркивают тенденциозность всей выражаемой ими ментальной программы (*eine Eurasische Union wäre ohne die Ukraine nichts wert. — без Украины Евразийский союз ничего не стоит*).

Одна из манипулятивных уловок (стратегем) [Schopenhauer] из арсенала эристической риторики — стратегия генерализации (обобщения), когда превалируют огульные формулировки типа *Путин стал заложником великорусской националистической риторики* (Putin spielt mit dem Geist des großrussischen Nationalismus... selbst Gefangener dieser Rhetorik wird), *Путин не выполняет обещаний о невмешательстве* (Putin: «Wir mischen uns nicht in fremde Interessen ein»), *о защите национального суверенитета стран* (das Völkerrecht schützen, die Achtung der nationalen Souveränität) или *нет никакой дискриминации русских в Крыму* (Es gibt keine nachweisbare Diskriminierung ethnischer Russen auf der Krim), *аннексия Крыма противоправна* (Einverleibung der Krim... zweifellos ein völkerrechtswidriges Ziel). Такой псевдофактуальный дискурс усиливается соответствующим иллокутивным оформлением: используются речевые акты упрека, требования (приказа), опровержения (отрицания). Так, Россию *упрекают* в «отходе от восприятия реальности» (Drift von Realitätswahrnehmung), в «неспособности вести диалог» (zu einer gefährlichen Dialogunfähigkeit); «Россия должна отвести войска из Крыма и начать диалог» (direkte Gespräche mit der legitimen ukrainischen Regierung) и, наконец, на Украине *нет* антисемитизма, это, оказывается, «всего лишь стереотип» (dass hier mit einem Stereotyp, dem vermeintlichen ukrainischen Antisemitismus, gearbeitet wird).

Слабость такой ментальной программы становится очевидной в противоречиях. Стереотип о «ненационализме» украинских майдановцев явно противоречит требованиям к правительству Яценюка (an die Regierung Jazenjuk appellieren) *дистанцироваться от националистических радикалов* (sich von nationalistischen Radikalen, teilweise auch in den eigenen Reihen, zu distanzieren), напоминаниям о том, что не выполнен договор от 21 февраля о разоружении нелегальных носителей оружия (die Entwaffnung der illegalen Waffenträger... gemäß dem Abkommen vom 21. Februar nicht umgesetzt worden ist) и т. д. При этом постоянно происходит подмена понятий международного и гуманитарного права, которая приводит к аксиологической и понятийной инверсии («черное — это белое» и т. п.) — главному приему политической манипуляции. Так, правительство в Киеве называется легитимным, а в Крыму находятся *нелегально размещенные войска* (illegal auf der Krim stationierten Truppen), говорится о *снайперах Януковича* (von den Scharfschützen des Janukowitsch-

Regimes), об *отравляющей души русских людей пропаганде на русском телевидении* (die geradezu gespenstische Propaganda Sorgen, die im Moment die Seelen der russischen Menschen vergiftet), отрицается провозглашение запрета новоявленных украинских властей говорить на русском языке («dürfe in der Ukraine jetzt nicht mehr die russische Sprache benutzen, das sei verboten»).

Однако парламентская манипуляция в какой-то степени отличается от общеполитической [Дейк 2013: 275—276] прежде всего тем, что она осуществляется в рамках институционального парламентаризма, в котором риторике «мейнстрима» всегда или почти всегда противостоит оппозитивный дискурс. В рассматриваемом парламентском событии такой дискурс представлен выступлением Грэгора Гизи, председателя фракции оппозиционнойлевой партии, который резко и открыто обвинил Запад в политике двойных стандартов и потакании радикально настроенным политикам в Киеве. Разоблачение риторических уловок, попыток оправдания нарушения юридических и нравственных норм, допущенных выступающим большинством, становится главной стратегией в фактуальной и перформативной контраргументации оппозиционного депутата.

Первым контраргументативным речевым ходом оратора становится перформативный квестив (риторический вопрос): значит, Конституция может действовать лишь иногда и не везде — иначе как оправдать отстранение легитимного президента Украины от должности (Akzeptieren Sie die ukrainische Verfassung ganz oder nur in bestimmten Teilen, wenn es Ihnen genehm ist?..). Далее следует речевой акт оценки и косвенного обвинения, в котором коннотативная лексика полностью соответствует своему понятийному содержанию — Грэгор Гизи прямо называет членов нового Кабинета министров Украины фашистами: *Вице-премьер, министр обороны, министр сельского хозяйства, министр по экологическим вопросам и генпрокурор — фашисты! Глава Совета национальной безопасности — основатель фашистской партии „Свобода“. Фашисты занимают важные должности и доминируют, в частности, в области безопасности. А фашисты никогда не отдают даже малую часть захваченной власти* — подчеркнул Гизи (Der Chef des nationalen Sicherheitsrates war Gründungsmitglied der faschistischen Swoboda-Partei. Faschisten haben wichtige Posten und dominieren zum Beispiel den Sicherheitssektor. Noch nie haben Faschisten freiwillig die Macht wieder abgetreten). При этом он отметил, что с *распространением фашизма на Украине в Европе „ничего не делают“* (Und bei den Faschisten in der Ukraine machen wir nichts?).

Для усиления аргументации Г. Гизи использует признанные в институциональном дискурсе стратегии прецедентности и интертекстуальности. Гизи заявляет, что *признание*

Косова открыло ящик Пандоры (Sie öffnen beim Kosovo eine Büchse der Pandora). По его мнению, что позволено Косову, должно быть позволено и другим. Ситуация с отделением Крыма от Украины ничем не отличается от ситуации с Косовом. По словам политика, НАТО и ЕС совершили все ошибки, какие только могли (Alles, was NATO und EU falsch machen konnten, haben sie falsch gemacht). Он вспомнил об объединении Германии и о данном тогда обещании не расширять НАТО на восток. Но договоренность была нарушена. И теперь при содействии Запада сформировано новое правительство в Киеве, которое тут же признали Обама, ЕС и Германия.

Интертекстуальность как дискурсивная категория имеет неоспоримый аргументативный потенциал [Алферов 2001], и Гизи приводит дословную цитату лидера «Свободы» О. Тягнибока: «Берите оружие, сражайтесь с русскими свиньями, с немцами, с жидовскими свиньями» (Schnappt euch die Gewehre, bekämpft die Russensäue, die Deutschen, die Judenschweine und andere Unarten), заключая свой аргументативный ход почти риторическим квестивом, обращенным к коллегам-законодателям: *И вы молчите? И с этими людьми из „Свободы“ мы еще разговариваем?*

Аргументативный план речевой интеракции неразрывно связан с интерперсональным, главными стратегиями которого являются агональная (конфронтация) и миметическая (сотрудничество) [Алферов, Кустова 2013]. Применительно к парламентской коммуникации эти две стратегии приобретают больший масштаб и превращаются из интерперсонального в корпоративный (партийная консолидация) и межкорпоративный (как правило, противоправленный) дискурсы парламентской коммуникации. Поэтому позиция левых немедленно подвергается критике и подобию контраргументации, которая сводится в основном к «спору о словах»: дескать, *на Майдане были не „фашисты“, а только некоторые „неэстетичные фигуры“* (einige unästhetische Figuren). Зато агональная интерперсональность в полной мере проявляется в прямых оскорблениях, выкрикиваемых с мест во время выступления Г. Гизи, и в стратегеме *ad hominem* («переход на личности») — Г. Гизи повторяет русскую пропаганду (die russische Propaganda von diesem Platz aus wiederholt), — а то и в прямых угрозах: *Herr Gysi, wenn Sie sich heute hier noch einmal hinstellen und die Maidan-Bewegung diffamieren...* (Господин Гизи, если Вы сегодня еще раз выступите и будете клеветать на движение на Майдане... — реплику произносит депутат от фракции «Зеленых» К. Геринг-Эккардт); *wenn Sie sich hier noch einmal hinstellen und so tun* (если Вы сегодня еще раз выступите и будете делать вид...); *als wären es die rechten Kräfte gewesen, die den Maidan bestimmt hätten* (...что на Майдане якобы правили правые

силы...); wenn Sie so tun, als ob in der ukrainischen Regierung diese Kräfte die Oberhand hätten (...если Вы делаете вид, что в украинском правительстве эти силы командуют...) и т. д.

Проявляется и межкорпоративная (межпартийная) агональная контраргументация в выступлении г-на Мютцениха: *Insofern will ich Ihnen sehr deutlich sagen, Herr Kollege Gysi: Die Kritik der Linken allein um der Kritik willen wird den außenpolitischen Herausforderungen nicht gerecht* (Я хочу Вам совершенно четко сказать, господин коллега Гизи: критика со стороны левых только ради критики не соответствует внешнеполитическим вызовам). Ее подхватил N. Spinrath (SPD), говоря, что руководители фракции левых остаются привержены старому «блочному мышлению» и необычайной верности («верность Нибелунгов») старым друзьям (России), что не позволяет многим в парламенте воспринимать их серьезно: *...Ihre Reminiszenzen an altes Blockdenken und Ihre Nibelungentreue zu alten Freunden machen es mir und vielen in diesem Haus oftmals hinreichend schwer, Sie ernst zu nehmen.*

Тем не менее парламентский дискурс отличается от общеполитической конфронтационной пропаганды необходимостью принятия решений, которые имеют большой политический вес, требуют значительно большей меры ответственности и, следовательно, не только политической, но и взвешенной гражданской и государственной позиции. «Встает вопрос о механизмах превращения агональной и полемической политической коммуникации в институциональную законотворческую текстовую деятельность. Здесь можно ставить вопрос об институциональности дискурса как о мере ответственности субъектов его порождающих» [Алферов, Кустова 2014].

Такая ответственность вынуждает к сближению точек зрения, к учету многоплановой политической ситуации, возникшей на Украине, и ее последствий для Европы. Г. Гизи первым предложил основополагающие шаги к урегулированию конфликта. Декларативная иллюкутивность, деонтическая и волитивная модальности, а также структурная парцелляция (нумерация) делают речь этого депутата жесткой и целенаправленной: 1) *признать* легитимные интересы России в отношении Крыма... (die legitimen Sicherheitsinteressen Russlands auf der Krim anerkennen), *гарантировать*, что Украина не станет членом НАТО (nicht Mitglied der NATO wird); 2) *перспектива* Украины — функция мостика между ЕС и Россией (Brückenfunktion zwischen EU und Russland); 3) на Украине *должен начаться* процесс установления взаимопонимания и примирения между Востоком и Западом (ein Prozess der Verständigung und Versöhnung zwischen Ost und West eingeleitet werden...).

Представители большинства также переходят от агональности (конфронтации) к попыткам правового урегулирования и компро-

мисса (консенсуса), к конструктивным предложениям. Этому служит прежде всего стратегия согласия с пропозицией и аргументацией дискурса левых, усиленная миметической апеллятивной стратегией (обращение или референция к ониму): К. Göring-Eckardt поддерживает мнение Г. Гизи о недостаточном учете интересов Москвы (die Interessen Moskaus missachtet wurden), ссылаясь на лидера левых (Sie, Herr Kollege Gysi, haben darüber gesprochen). Н. Спинрат выражает согласие с позицией Гизи относительно представителей партии «Свобода»: *Lieber, werter Kollege Gysi, ich will Ihnen in Bezug auf die Vertreter der Swoboda-Partei durchaus recht geben; sie haben auch nach meinem Empfinden in der Regierung nichts zu suchen (...Им нечего делать в правительстве)*. К. Г. Веллманн говорит об общем поиске возможности конституционной реформы на Украине (gemeinsam über eine Verfassungsreform reden): о федерализации по немецкому образцу (eine Föderalisierung nach deutschem Modell), о возможности дать регионам право решать языковую проблему (in den Regionen entschieden werden), о необходимости сохранять голову холодной и не закрывать все двери (einen kühlen Kopf behalten... und nicht alle Türen zuschlagen).

Средством реализации стратегии компромисса выступает употребление конъюнктива. О необходимости найти возможность учесть интересы всех участников процесса говорит А. Шоккенхофф: *Das **würde** Russland nutzen, das **würde** uns nutzen, das **würde** der Ukraine nutzen, das **würde** Chancen... (Это было бы выгодно для России, это было бы выгодно для Украины, это...)*.

Генерализация используется и как миметическая стратегия уступки, согласия с собеседником, когда в аргументацию включаются привычные топосы («общие места»), такие как алетические модусы («обычно так бывает»), деонтические («иначе нельзя»), волитивные («ничего не поделаешь»): *In solchen Situationen wird viel gelogen (В таких ситуациях много лжи)*; общепризнанные ценности: стабильность, демократия и правовое государство (dabei zu helfen, zu Stabilität, Demokratie und Rechtsstaatlichkeit zu finden) и т. д. Метафоризация также выполняет функцию модерации, смягчения агональности, выступает как попытка концептуализации происходящего [Чудинов, Будаев 2008], примером чему может служить метафора болезни: Украина находится в предкоматозном состоянии (in der Gefahr, ins Koma zu fallen), но такой серьезный диагноз нельзя ставить без учета потенциала страны (eine so ernste Diagnose nicht ausgesprochen werden, ohne auf die Potenziale des Landes hinzuweisen) и т. п. Помимо метафор, в снижении накала противонаправленных агональных дискурсов большую роль играет переход от субъект-субъектной направленности (корпоративной конфронтации) к субъект-объектной перспек-

тиве (оценка положения дел, осмысление ситуации). Такая стратегия усиливается использованием модально-экспрессивных конструкций и эмоционально окрашенной коннотативной лексики: *Die Situation in der Ukraine ist nicht nur politisch **prekär** und wirtschaftlich **desolat**... (Ситуация на Украине не только политически **неприятна** и экономически **печальна**); Die Situation im Osten Europas ist **gefährlich angespannt** (Ситуация на востоке Европы **опасно накалена**); Unsäglich! ...Diese Volksverhetzung, die für die Erreichung militärischer Ziele genutzt wird, ist unglaublich... Ich finde das alles tragisch (Веллманн: **Недопустимо!**.. Это разжигание розни... невероятно... Я нахожу все это трагичным).*

Пропозиционально поиск консенсуса выражается в попытке найти стратегически главное направление в преодолении кризиса, важность которого также маркируется экспрессивными средствами: *...waren die letzten Wochen ein herber Rückschlag; ...age der Verunsicherung und Enttäuschung. Dennoch bin ich der Überzeugung: Wir brauchen eine Entspannungspolitik in Zeiten neuer Spannungen... Der Kalte Krieg war ein Übel, das nicht nach Europa zurückkehren darf (Мютценх: **Последние недели — горький шаг назад... дни неуверенности и разочарования. И все же я убежден: нам нужна политика разрядки во времена новых обострений... Холодная война была ужасом, который не должен вернуться в Европу**).*

Таким образом, полемика и агональность являются имманентными характеристиками институционального жанра парламентских дебатов. Контраргументативные стратегии и тактики основаны на различных пропозициональных, иллокутивных, интерперсональных интенциях субъекта речи. Их реализация осуществляется посредством определенной номенклатуры речевых действий и дискурсивных шагов с использованием экспрессивно маркированных языковых средств. Парламентская коммуникация выполняет не столько информативно-декларативную, сколько регулятивную функцию. Поэтому динамика агональности конфронтационных дискурсов определяется институциональной спецификой парламентской коммуникации, конечная цель которой — формирование государственной политики, адекватной вызовам политической реальности. Однако, как показывает практика, парламентская коммуникация не только производна от политической борьбы и политической ситуации и диалогична в столкновении мнений, но и достаточно «монологична»: принятие парламентских решений (документов) не всегда зависит от здравого смысла или весомости тех или иных аргументов. Решение определяется «демократическим» большинством, которое, как правило, руководствуется правительственными интересами. Законодательное собрание Германии своим большинством поддерживает политику ЕС и правительства ФРГ, политику, определяемую

фрейдистскими страхами перед «российской геополитической экспансией».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алферов А. В.* Интеракционный дейксис. — Пятигорск : ПГЛУ, 2001.

2. *Алферов А. В.* Когнитивное пространство интеракционного дискурса // *Вестн. Пятигор. гос. лингвист. ун-та.* 2007. № 3—4. С. 106—108.

3. *Алферов А. В.* Некоторые интеракционные аспекты парламентской коммуникации // *Мир через языки, образование, культуру : материалы 7 Междунар. конгр. Симпозиум XI.* — Пятигорск, 2013. С. 5—8.

4. *Алферов А. В., Кустова Е. Ю.* Актуальные аспекты интеракционной теории языка. — Пятигорск, 2013.

5. *Алферов А. В., Кустова Е. Ю.* Изотопия парламентского дискурса (на материалах сайтов французской национальной ассамблеи) // *Метаморфозы посткризисного мира: новый регионализм и сценарии глобального управления : материалы VIII Конвента Рос. ассоциации междунар. исследований (МГИМО, 25—26 апр. 2014 г.).* URL: <http://www.gami.ru/images/8theses/s13-alferov.doc> (дата обращения: 23.08.2014).

6. *Алферов А. В., Кустова Е. Ю.* О дискурсивном статусе и категориях парламентской коммуникации: подходы к исследованию // *Политическая лингвистика.* 2014. № 3 (49). С. 22—31.

7. *Алферов А. В., Кустова Е. Ю., Попова Г. Е.* Интеракционное регулирование когнитивного пространства собеседников // *Вестн. ПГЛУ.* 2013. № 2. С. 77—79.

8. *Белова В. Ф.* Репликативная составляющая немецкого парламентского дискурса = *Replying Component in German Parliamentary Discourse* // *2nd the International Conference on the Transformation of Education.* — London, 2014a. P. 48—58.

9. *Белова В. Ф.* Лингвопрагматические черты немецкого парламентского дискурса (на материале запроса-заявления партии и дебатов в Бундестаге) // *Вестн. ПГЛУ.* 2014b. № 2. С. 63—67.

10. *Борисшполец К. П.* Методы политических исследований. — М. : Аспект Пресс, 2005.

11. *Вайнштейн Г. И.* Россия глазами Запада: стереотипы восприятия и реальности интерпретации // *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре.* 2007. № 1 (51). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2007/1/va3.html> (дата обращения: 23.08.2014).

12. *Дейк Т. А. ван.* Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации. — М. : ЛИБРОКОМ, 2013.

13. *Чудинов А. П., Будаев Э. В.* Метафора в политической коммуникации. М. : Флинта, 2008.

14. *Cobby F.* Obama : entre factivité et performativité. URL: http://discoursalaloupe.blogspot.ru/2010/02/obama-entre-factivite-et-performativite_04.html (9.06. 2014).

15. *Schopenhauer A.* L'Art d'avoir toujours raison. URL: http://www.fr.wiki-source.org/wiki/%99avoir_toujours_raison (23.08.2014).

ИСТОЧНИКИ

16. *Plenarprotokoll 18/20 Deutscher Bundestag Stenografischer Bericht 20. Sitzung Berlin, Donnerstag, den 13. März 2014.* URL: www.heenemann-druck.de www.betrifft-gesetze.de (дата обращения — март 2014).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

УДК 811.161.1'374.3(091)
ББК Ш141.12-03

ГСНТИ 16.21.65

Код ВАК 10.02.01

Е. Н. Басовская
Москва, Россия

E. N. Basovskaya
Moscow, Russia

**ОБ АГНОСТИЦИЗМЕ, СТАХАНОВЦЕ
И СУЯГНОЙ ОВЦЕ**

(из истории создания

«Словаря русского языка» С. И. Ожегова)

Аннотация. Публикация документа из Архива РАН — рецензии 1946 г. на рукопись будущего «Словаря русского языка» С. И. Ожегова. В предваряющей публикации статье рассматриваются приемы идеологизации толкового словаря; анализируется влияние советской языковой политики на современную российскую лексикографию. Предложения рецензента словаря разделяются на три группы: 1) предложения конъюнктурного характера по замене нейтральных толкований философских и религиозных терминов идеологически выверенными, пропагандистскими; 2) предложения по исключению из словаря «излишних» в речи грамматических форм; 3) предложения по устранению фактологических и стилистических неточностей.

Ключевые слова: история лексикографии; толковый словарь русского языка; С. И. Ожегов; советская языковая политика.

Сведения об авторе: Басовская Евгения Наумовна, доктор филологических наук, зав. кафедрой медиаречи.

Место работы: Российский государственный гуманитарный университет.

Контактная информация: 125993, г. Москва, ГСП-3, Миусская пл., д. 6.
e-mail: jeni_ba@mail.ru.

**ON AGNOSTICISM, STAKHANOVITE
AND EWE IN YEAN**

(from the history of compilation of “The Dictionary of the Russian Language” by S. I. Ozhegov)

Abstract. It is the publication of the document from the Archive of the Russian Academy of Sciences – the 1946 review of the manuscript of “The Dictionary of the Russian Language” by S.I. Ozhegov. The introductory article highlights the techniques of ideologicalization of a dictionary. It also deals with the influence of the Soviet policy in the sphere of language on modern Russian lexicography. The reviewer’s remarks are subdivided into three sections: 1) those connected with the current situation about replacing neutral explanations of philosophical and religious terms by ideologically correct and propagating ones; 2) those concerning the exclusion of “superfluous” grammatical forms; and 3) those aimed at elimination of factual and stylistic inaccuracies.

Key words: history of lexicography; the dictionary of the Russian language; S. I. Ozhegov; soviet language policy.

About the author: Basovskaya Evgenia Naumovna, Doctor of Philology, Head of Department of Media Speech.

Place of employment: Russian State University for the Humanities.

«Словарь русского языка» С. И. Ожегова, остающийся по сей день самым популярным среди русских лингвистических справочников, родился как продолжение лексикографического труда составителей первого советского толкового словаря — четырехтомника под редакцией Д. Н. Ушакова.

Редакция «Малого толкового словаря русского языка» была создана летом 1940 г. под руководством Д. Н. Ушакова. Его заместителем стал С. И. Ожегов — один из активнейших составителей четырехтомного толкового словаря. Сдать рукопись одностомника предполагалось летом 1942 г. Планы нарушила война. Весной 1942 г. не стало Д. Н. Ушакова.

Работа продолжилась под руководством академика С. Н. Обнорского — автора книги «Словарь русского языка. Инструкция для редакторов» (1936). Фактически же составлением «Малого толкового словаря» занимался преимущественно С. И. Ожегов.

В 1946 г. рукопись была представлена в Издательство Академии Наук СССР. Публикуемая ниже рецензия написана старшим научным редактором А. И. Корчагиным. Экземпляр хранится в фонде С. И. Ожегова в Архиве РАН — машинопись на 29 листах с рукописными исправлениями и пометами [Корчагин 1946]. По справедливому замечанию О. В. Никитина, «это самая „невинная“ из рецензий на еще не изданный „Словарь“ С. И. Ожегова» [Никитин 2000: 60].

Действительно, претензии идеологического характера заполняют меньшую часть текста, в котором преобладают конкретные, порой весьма точные и справедливые замечания.

Предложения А. И. Корчагина можно разделить на **три группы**.

Первую составляют претензии явно конъюнктурного характера, призванные продемонстрировать политическую бдительность научного редактора. Таковы в первую очередь указания, касающиеся терминов — философских (*агностицизм, материализм, объективизм, субъективизм*) и религиозных (*Богородица, нирвана, пророк, святки*). Важнейшим недостатком их толкований А. И. Корчагин считает «излишнюю нейтральность» стиля, предлагая, по сути, придать словарю не академический, а пропагандистский характер. В данном отношении показательны ссылки рецензента на В. И. Ленина и Большую советскую энциклопедию. Это, с одной стороны, выполнение советского ритуала — обязательное цитирование классиков марксизма-ленинизма и других политически выверенных источников; с другой — проявление убежденности в том, что толковый словарь, по крайней мере в части толкования подобных терминов, не должен отличаться от справочников энциклопедического характера.

Интересно, что и некоторые слова, не относящиеся к идеологической сфере, толкуются, по мнению рецензента, излишне объективно, безоценочно (показательны в этом смысле предло-

жения отметить в словаре незаконность и аморальность таких явлений, как *взятка* и *плагиат*).

Ко второй группе относятся замечания, на первый взгляд лишённые идеологического подтекста. Анализируя включённые в словник лексемы *жеребый*, *стельный*, *супоросный*, *суягный*, А. И. Корчагин характеризует их как бессмысленные. По его мнению, принимая решение дать эти слова, как и другие прилагательные, в мужском роде, «автор шел от формы — пусть даже грамматической, которая пуста», пренебрегая при этом содержанием понятия.

Казалось бы, прилагательные, характеризующие то или иное животное по признаку беременности, действительно должны функционировать исключительно в форме женского рода. Необходимо подчеркнуть, что претензии А. И. Корчагина почти дословно совпали с теми, что были предъявлены составителям «Толкового словаря русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова в 1935 г., после выхода первого тома, авторами «Литературной газеты» К. Казимирским и М. Аптекарем. В разгромной рецензии под названием «Игруны» говорилось, что в словаре «на основании равных прав женщины» даны неверные формы «беременный» и «женатая» [Казимирский, Аптекарь 1935: 4]. Д. Н. Ушаков не согласился с этим замечанием и в одном из ближайших номеров «Литературной газеты» ответил своим оппонентам с исключительным лингвистическим изяществом. По его словам, все приведенные в словаре грамматические формы подкреплены примерами из живой русской речи, такими, например, как «женатая жизнь» и «старое общество беременно новым» [Ушаков 1935: 6].

«Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова был воспроизведен в 1947 г. фотоофсетным способом, никакая правка в него не вносилась. С. И. Ожегов при составлении малого словаря дал само слово «беременный» исключительно в форме женского рода, но для прилагательных, характеризующих беременность животных, сохранил ушаковские принципы: они были включены в рукопись в форме мужского рода с комментарием: «Обычно в ж. роде». Это и вызвало сарказм рецензента: «Обычно? — подумали мы в первое мгновение, прочтя это. А не обычно — не в женском роде? А в виде хотя бы редчайшего исключения в мужском, среднем?»

Современные технологии предельно упрощают поиск ответа на этот — изначально, конечно, риторический — вопрос. В Национальном корпусе русского языка обнаруживаются, пусть и немногочисленные, случаи использования некоторых из рассматриваемых прилагательных в форме мужского рода: *Она вернулась, обложенная фляжками, как черкес патронами. Кобыла, тяжело дыша, запрокидывала морду; жеребый ее живот западал и раздувался, в глазах тряплась лошадиное безумие* (И. Э. Бабель. Гапа Гужва (Первая глава

из книги «Великая Криница») (1930); *Стельный и молодой скот, вста[ва]я и ложась, пристатривать* (М. В. Ломоносов. Лифляндская экономия (1760)) [цит. по: Национальный корпус русского языка].

Эти факты подтверждают правильность позиции Д. Н. Ушакова, полагавшего, что словарь должен в первую очередь отражать реальное состояние языка и только после этого, преимущественно в форме стилистических помет, предписывать пользователю определенное речевое поведение. Что же касается рецензентов — от Казимирского и Аптекаря до А. И. Корчагина, то они исходили из представлений о том, что человек, вооруженный марксистским мировоззрением, имеет все основания управлять языком, «очищать» и улучшать его по своему усмотрению.

Кроме того, помещение в словари «пустых», по выражению А. И. Корчагина, грамматических форм, несомненно, было, с точки зрения рецензентов, проявлением чуждого советскому мировоззрению формализма. Слово «формализм» уже превратилось к середине 1940-х гг. в обвинительное идеологическое клише. Так, уже в 1933 г. «Литературная газета» призывала... усилить борьбу с формализмом, а через три года в опубликованной газетой «Правда» известной статье «Сумбур вместо музыки» музыка Д. Д. Шостаковича именовалась «мелкобуржуазными формалистическими потугами» [Сумбур вместо музыки 1936: 3].

К тому времени, когда рукопись словаря попала на рецензию к А. И. Корчагину, ЦК партии уже принял ряд постановлений, направленных против формализма в искусстве. А когда словарь был издан, уже появилось постановление 1948 г. «Об опере „Великая дружба“ В. Мурадели», где разоблачалось «порочное, антинародное, формалистическое направление в советской музыке» [Об опере «Великая дружба» В. Мурадели 1948: 1].

В таком контексте открытое использование слова «формализм» было страшным. И намёка на него оказывалось достаточно, чтобы привести подозреваемого в состояние трепета. С. И. Ожегов, не отличавшийся таким же нестигаемым характером, как Д. Н. Ушаков, и поставленный, что немаловажно, в иные условия (решался вопрос о допуске или недопуске словаря в печать), безоговорочно принял замечания рецензента и отказался от формы мужского рода при подаче слов, характеризующих беременность животных. В первом издании словаря для перечисленных прилагательных была избрана форма поддачи, идущая не от лингвистических принципов, а от так называемого «здорового смысла»: «**ЖЕРЕБАЯ**. О кобыле, ослице: беременная»; «**СТЕЛЬНАЯ**. Беременная (о коровах)»; «**СУПОРОСАЯ** и **СУПОРОСНАЯ**. Беременная (о свинье)»; «**СУЯГНАЯ**. Беременная (об овце)» [Словарь русского языка 1949: 183, 811, 825, 827].

Данные словарные статьи сохраняются и в позднейших изданиях словаря, вышедших сначала под редакцией, а затем и в соавторстве с Н. Ю. Шведовой. В форме женского рода данные прилагательные представлены также в Малом академическом, Большом академическом и некоторых других толковых словарях русского языка, например: «**Жерёбая**, кратк. форма жереба. Беременная. О кобыле, ослице, верблюдице» [Словарь современного русского литературного языка 1955: 84]. То же определение находим в «Большом толковом словаре русского языка» под ред. С. А. Кузнецова [Большой толковый словарь русского языка 2009]. Можно сказать, что солидные лингвистические справочники второй половины XX — начала XXI в. все еще несут на себе отсвет «борьбы с формализмом», которая велась советской пропагандой в 1930—1950-х гг.

Третью, большую группу замечаний составляют выявленные А. И. Корчагиным фактологические и стилистические неточности (подлинных или мнимых) в словарных статьях, посвященных как терминам негуманитарных наук, так и бытовой лексике (*макаронизм, квадрильон, букашка, влага, сандалии* и другие). К этой группе примыкают и указания на опечатки и технические ошибки. Нельзя не отдать должного редакторской добросовестности и высокой квалификации А. И. Корчагина, обнаружившего в рукописи погрешности в толкованиях слов, орфографические и орфоэпические ошибки.

С. И. Ожегов, судя по сохранившимся рукописным пометам, чрезвычайно внимательно отнесся к рекомендациям рецензента. Так, крестиками и галочками отмечены фрагменты текста, касающиеся слов *авторизовать, авторитарный, агностицизм, агрегат, администрировать, акр, амортизатор, ампутация, амулет, аристократия, ассимилировать, астролябия, бар, батог, батон, Богородица, ботинки, бракераж, браконьер, валец, верша, взвести, взвиться, вздыхать, взмошусь, взятка, влага, властолюбивый, вхолостую, газ, гайка, гайморит, галлюцинация, гамма, голова, гомеопатия, горбатый, горбинка, гуввернер, дворецкий, демиург, жердь, материализм, объективизм, плагиат, подкидной, сандалии, Святки, субъективизм, тартарары*.

Правда, некоторые исправления, сделанные С. И. Ожеговым, трудно расценить иначе как формальные. В частности, слово «букашка», которое в рукописи толковалось как «всякое маленькое насекомое», после замечаний рецензента стало определяться как «всякое маленькое, мелкое насекомое» [Словарь русского языка 1949: 48]. Вероятно, столь же иронически С. И. Ожегов отнесся и к предложению дополнить статью «стахановец» информацией о том, что данный работник достигает высокой производительности, «рационализируя производственный процесс». Правка, внесенная в

толкование существительного, свелась к повтору слова «социалистический», использованию слов «передовой» и «эпоха», т. е. к повышению стиля и усилению пафоса: вместо «работник, достигающий в социалистическом соревновании наивысшей производительности труда и превышения обычных норм выработки» говорится «передовой рабочий социалистической эпохи, достигающий в социалистическом соревновании наивысшей производительности труда и превышения обычных норм выработки» [Словарь русского языка 1949: 809].

В некоторых случаях С. И. Ожегов нашел остроумный выход из положения: он сохранил толкование слова в неизменном виде, но добавил идеологически выверенные примеры. Так, термин «перпетуум-мобиле» по-прежнему объяснялся как «вечный двигатель», а иллюстрацией к статье стала конструкция «несбыточные мечты о перпетуум-мобиле» [Словарь русского языка 1949: 536].

Ряд замечаний рецензента вообще не был учтен составителем словаря. Местоимение «свой», которое А. И. Корчагин предлагал объяснить как «принадлежащий мне, тебе, ему, нам, вам, им», сохранило прежнее толкование — «принадлежащий себе» [Словарь русского языка 1949: 745]. Не были изменены толкования слов «макаронизм», «пáрить», «самозванство», «степень», «шахматы» и некоторых других.

Особого внимания заслуживает история словарной статьи «квадрильон». По убеждению А. И. Корчагина, составители словаря ошиблись, заявив, что этот термин означает «миллион в четвертой степени». При возведении миллиона в четвертую степень получается единица с 24 нулями, что, по словам рецензента, «больше квадрильона в 1000 000 000 раз». Тем не менее С. И. Ожегов сохранил исходный вариант статьи, и она переходит из одного издания словаря в другое на протяжении многих десятилетий. Если обратиться к «Толковому словарю русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, откуда, безусловно, было взято толкование слова, там обнаруживается даже конкретное число: «цифра в виде единицы с 24 нулями» [Толковый словарь русского языка 1935: 1343].

Противоречие в словарных статьях объясняется объективным существованием двух систем наименования чисел — так называемых короткой и длинной шкал [Виленкин 1989: 20]. Составители словаря под ред. Д. Н. Ушакова ориентировались, судя по всему, на германскую академическую традицию, в соответствии с которой квадриллион понимается как единица с 24 нулями. С. И. Ожегов, вероятно, считал это правильным и потому не прислушался к замечанию А. И. Корчагина, несмотря на его категоричный тон.

Разумный компромисс был найден через несколько десятилетий при составлении «Большого толкового словаря русского языка», сообщающего, что квадриллион — «название

числа, изображаемого единицей с пятнадцатью или (в некоторых странах) с двадцатью четырьмя нулями» [Большой толковый словарь русского языка 2009].

Характеризуя в целом процесс работы составителя словаря с рецензией А. И. Корчагина, надо отметить, что замечания идеологического плана были учтены — по существу или сугубо формально, а многими указаниями, касавшимися «безопасных» сфер — точных наук, спорта, быта, С. И. Ожегов счел возможным пренебречь.

Словарь вышел в свет в 1949 г. Авторы многочисленных рецензий на первое издание, в том числе Н. Ю. Шведова, опубликовавшая отзыв в журнале «Советская книга» [Шведова 1949], оценивали труд С. И. Ожегова строже, чем А. И. Корчагин, и высказывали замечания в гораздо более резкой форме. Соответственно и переработка текста при подготовке второго издания 1952 г. оказалась едва ли не более существенной, нежели редактирование рукописи в 1940-х гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виленкин Н. Я. От нуля до декаллиона // Квант. 1989. № 3. С. 16—21.
2. Казимирский К., Аптекарь М. Игруны // Литературная газета. 1935. 20 окт. С. 4.

3. [Корчагин А. И.]. С. И. Ожегов и др. — Малый словарь русского языка : рец. (1946) // Архив РАН. Ф. 1516. Оп. 1. Д. 216. Л. 72—98.

4. Национальный корпус русского языка. URL: http://search.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&myscorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%E6%E5%F0%E5%E1%FB%E9 (дата обращения: 24.08.2014).

5. Никитин О. В. Из истории филологической науки. «Словарь русского языка» С. И. Ожегова: из истории создания и обсуждения // Известия РАН. Сер. литературы и языка. 2000. № 5. С. 58—65.

6. Об опере «Великая дружба» В. Мурадели // Правда. 1948. С. 1.

7. Словарь современного русского литературного языка. Т. 4. М. ; Л. : Изд-во Академии Наук, 1955.

8. Словарь русского языка / сост. С. И. Ожегов ; гл. ред. С. П. Обнорский. М. : ОГИЗ, 1949.

9. Сумбур вместо музыки. Об опере «Леди Макбет Мценского уезда» // Правда. 1936. 28 янв. С. 3.

10. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935. Т. 1.

11. Усилить борьбу с формализмом // Литературная газета. 1933. 11 апр. С. 1.

12. Ушаков Д. Н. Вокруг «Толкового словаря» // Литературная газета. 1935. № 63. С. 6.

13. Шведова Н. Ю. [Рец. на кн.:] «Словарь русского языка». Составил С. И. Ожегов. Главный редактор С. П. Обнорский // Советская книга. 1949. № 10. С. 93—99.

Статью рекомендует д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

ПРИЛОЖЕНИЕ

А. И. Корчагин. Рецензия. [Институт русского языка АН СССР С. И. Ожегов и др. — Малый словарь русского языка (Стр. 1—3230)]

Рукопись словаря была направлена в редакцию Издательства для сдачи ее в набор. Зам. главного редактора словаря С. И. Ожегов в сопроводительных записках к первой и второй частям рукописи (от 19/XI-45 г. и от 5/II-46 г.) сообщил, что она утверждена Главной редакцией и технически оформлена для набора. Он же в устной беседе с редактором Издательства подчеркнул, что делать в рукописи какие бы то ни было исправления без согласования с Главной редакцией не следует.

Судя по всему сказанному, можно было ожидать, что представленная рукопись более или менее безупречна. Однако на деле оказалось не так. Рукопись нуждается в значительной доработке и редакционных улучшениях: в ней имеется очень много различного рода дефектов. Чтобы показать, в чем именно заключаются эти дефекты, нам придется привести большое количество иллюстраций.

I

Неприемлемы по своему характеру толкования многих понятий и терминов, относящихся к философским учениям, а также объяснения ряда слов, связанных с религиозно-бытовыми представлениями. Это можно увидеть из следующих примеров.

«Агностицизм... — философское учение, отрицающее возможность познания внешнего мира».

Определение, вообще как будто правильное, все же невыразительно. Оно слишком нейтрально, в нем нет элемента авторской оценки. Из того, что представители агностицизма отрицают объективную истину, следует, что их учение по существу реакционно, и потому агностику свойственна «терпимость, мещанская, филистерская, трусливая терпимость к учению о леших, домовых, католических святых и тому подобных вещах» (Ленин). Конечно, вскрыть полностью содержание сложных понятий в коротких определениях, к которым вынуждены прибегать составители данного словаря, трудно. Но нельзя забывать, что определения любых слов должны быть как можно более лаконичными, т. е. не только краткими, но вместе с тем и выразительными. Поэтому, определяя слово «Агностицизм», надо по меньшей мере вместо «Философское учение» сказать «Идеалистическое философское учение».

«Материализм... I. Философское направление, признающее, в противоп. идеализму, первичность материи по отношению к духу и существование мира независимо от сознания, мышления».

И это определение не содержит в себе явного порока, в общих чертах оно правильно. Тем не менее его нельзя признать удовлетво-

рительным. По неизвестным нам причинам примыкающие к слову «Материализм» понятия «Диалектический материализм» и «Исторический материализм» в словаре не объяснены никак, точнее — просто опущены. А раз так, то о материализме вообще недостаточно сказать только как о философском направлении, противоположном идеализму.

Надо подчеркнуть, хотя бы очень коротко, что материализм — передовое из двух главных направлений философии.

Возьмем еще два объяснения из числа приведенных в словаре, на этот раз в их сопоставлении:

«Субъективизм... 1. Идеалистическое направление в философии, отрицающее объективные законы развития природы и общества и считающее действительность продуктом сознания субъекта. 2. Субъективность».

«ОБЪЕКТИВИЗМ... Объективность в изучении, оценке чего-н.; противоп. „субъективизм“».

Против объяснения слова «Субъективизм» в I значении можно не возражать. Не лишне было бы лишь добавить, что это крайняя форма идеализма. Но второе значение этого слова дано едва ли правильно. Ставить знак равенства между субъективизмом и субъективностью рискованно: здесь очень важны и существенны оттенки. По-видимому, следствием этой неосторожности и непродуманности явился и самый большой промах, допущенный в рассматриваемом случае автором и вслед за ним редактором. Этот промах относится к объяснению слова «Объективизм». В объяснении говорится, что это понятие противоположно понятию «субъективизм», но в каком значении (1 или 2) — не указано. При столкновении с приведенными объяснениями у обладателя словаря, если бы последний вышел в представленном Главной редакцией виде, возникло бы немалое затруднение. Ни по форме, ни по существу он не имел бы оснований заключить, что противопоставлены «Объективизм» и «Субъективность», поскольку значение второго из этих слов вовсе не объяснено и поскольку ему противоположно скорее понятие «Объективность», а не «Объективизм». Следовательно, обладатель мыслимого словаря сопоставил бы определение слова «Объективизм» с определением слова «Субъективизм» в 1 значении. А сделав это, он мог бы увидеть нечто несообразное.

В самом деле: субъективизм — идеалистическое направление в философии, а объективизм, т. е. то, что по указанию автора противоположно субъективизму, — «объективность в изучении, оценке чего-н.». Из этого странного

сопоставления можно сделать вывод, что объективизм — не идеализм, а материализм, тогда как он представляет собой разновидность того же идеализма.

В руках эксплуататорских классов объективизм, или объективный идеализм, как и всякий другой идеализм, «служит орудием искажения, маскировки действительных общественных отношений, орудием угнетения и порабощения эксплуатируемого класса» (БСЭ).

Почему истолкование термина «Объективизм» в его настоящем, а не искаженном значении не нашло места в рукописи словаря, непонятно.

Правда, философия — вещь головоломная. Некоторая путаница и отдельные упущения в толкованиях мировоззренческой терминологии могли остаться в рукописи по недосмотру. Гораздо хуже общая тенденция составителей и редакторов словаря — давать определения слов, важных для миропонимания и идеологии, в смягченных тонах, излишне объективно. Эту тенденцию в свете фактов, ярко свидетельствующих о том, что борьба на идеологическом фронте продолжается, нельзя не считать предосудительной.

Нет нужды доказывать, что словарь — издание весьма ответственное: составители и редакторы словаря должны знать это лучше, чем мы. Но если об этом говорить излишне, то, наоборот, нельзя не заострить первый и, кажется, наиболее серьезный вопрос, возникающий у нас при ознакомлении с рукописью.

Главная редакция утвердила рукопись словаря, считая ее вполне подготовленной к печати. Между тем на словаре в той части его, которая относится к числу наиболее существенных, лежит печать какого-то бесстрастия, какого-то формального подхода к определению значений слов.

Полагая, что выдвинутая нами мысль важна, мы попытаемся подкрепить ее другими примерами — примерами более простыми, взятыми уже не из области философии, и потому, может быть, более яркими и убедительными.

Спросим составителей и редакторов словаря: о чем ином, если не о бесстрастии, если не об отсутствии авторского вмешательства в оценку явлений, говорят объяснения к таким, например, словам, как амулет, взятка (в 1 зн.), плагиат?

«Амулет... Предмет, носимый на теле как магическое средство против болезней, несчастья и т. п.».

«Взятка... 1. Вознаграждение должностному лицу за незаконные действия по должности».

«Плагиат... Опубликование чужого произведения или части его под своим именем».

Вставьте в первом случае вслед за словами «на теле» два слова — «суеверными людьми»: иначе можно подумать, что амулет, как магическое средство, действительно существует.

Перепишите объяснение во втором случае, начав его со слова Подкуп, а не Вознаграждение: иначе можно подумать, что со взяточничеством и борьбы-то никакой вести не надо (раз за незаконные действия по должности вознаграждают — ухмыльнется какой-нибудь матёрый¹ плут-взяточник, — почему же на них не пойти?).

Скажите, наконец (в третьем случае), что плагиат — литературное воровство: иначе можно подумать, что в опубликовании чужого произведения под своим именем тоже нет ничего зазорного.

Сделайте простые исправления в духе предлагаемых. Тем самым будет выражено собственное отношение составителей к явлениям, авторская оценка каждого из них.

Коснемся еще объяснений слов другого порядка — объяснений, по смыслу языка правильных, но по существу вызывающих определенные сомнения и потому требующих составительских (словарных) ремарок.

«БОГОРОДИЦА... мать Христа».

«ПРОРОК... Истолкователь воли божества, богов, предсказывающий будущее».

Подобные определения не могут не вызывать вопроса: по чьим это представлениям? В таких случаях необходимы соответствующие ремарки.

«СВЯТКИ... праздничное время от Рождества до Крещенья».

Недоумение, вызываемое этим определением, пожалуй, еще серьезнее. Под праздничным временем принято разуметь дни нерабочие, а от Рождества до Крещенья почти две недели. Спрашивается: где, у кого, в какой среде наблюдал автор то, что зафиксировано им в объяснении слова «Святки»? Отметки об устарелости понятия или какой-нибудь другой, которая, возможно, устранила бы недоумение, нет и здесь.

Впрочем, и там, где составительские оговорки имеются, они иногда не вполне приемлемы, вот пример:

«НИРВАНА... У буддистов: блаженное состояние души, освобожденной от страданий личного бытия; смерть, небытие».

Вместо «У буддистов» тут, несомненно, лучше было бы сказать «По учению буддистов». Смысл такой поправки, кажется, можно не аргументировать: он ясен и без того.

Не будем приводить под рубрикой I других примеров, которые говорили бы о неприемлемости тех или иных толкований. Укажем, однако, что с погрешностями, аналогичными рассмотренным выше, а также вообще недостаточно четко, а иногда даже поверхностно, определены и многие другие слова. В частности должны быть пересмотрены и исправлены определения следующих слов:

¹ В словаре эта форма почему-то не дана: есть лишь матёрый.

Абстракция	Святцы
Алхимия	Священный (в 1 зн.)
Астрология	Семик
Медиум	Синдикализм
Национализм	Синдикат (в 1 зн.)
Низ (во 2 зн.)	Сионизм
Низкий (в 3 зн.)	Славянофильство
Обществоведение	Солипсизм
Панславизм	Социал-демократия
Пантеизм	Спиритуализм
Пауперизм	Урбанизм
Плюрализм	Формализм (во 2 зн.)
Прагматизм (в 1 зн.)	Футуризм
Психологизм (в 1 зн.)	Цинизм (в 1 зн.)
Рационализм	Экономический материализм
Реакция	Эмпиризм
Ревизионизм	Эманация
Религия	Ясновидение
Реформация	Ясновидец
Реформизм	

II

Неприемлемы содержащиеся в рукописи объяснения многих простых слов. Об этом могут свидетельствовать следующие примеры.

«БУКАШКА... Всякое маленькое насекомое».

Хотя приведенное определение имеет уже силу традиции (см. 4-томный словарь под редакцией Д. Н. Ушакова), нам оно представляется все же неправильным. Едва ли всякое маленькое насекомое может быть названо букашкой. Даль, например (более давняя традиция), в объяснение к слову «Букашка» вводит признак жесткокрылости, что говорит о стремлении к большей точности.

Нам, правда, могут сказать, что составители словаря не ставят себе задачей давать точные определения слов, что живое слово — не математическое понятие, что в ряде случаев достаточно дать лишь общее представление о значении того или иного слова. Но разве мы требуем здесь какой-то абсолютной точности? Вовсе нет. Мы хотим только, чтобы определения слов не шли против логики, не противоречили действительности. А такому-то требованию и не отвечает, на наш взгляд, определение слова «Букашка».

Недаром в рукописи этого же словаря разные маленькие насекомые представлены различным образом. Так, козявка и таракашка по словарю — букашки. А муравей, например, или вошь определены иначе:

«Муравей... Перепончатокрылое насекомое, живущее большими сообществами».

«Вошь... Мелкое насекомое, паразит на теле животных, людей».

Эти последние насекомые, по-видимому, не букашки.

«ВЛАГА... Всё жидкое, мокрое, сырое».

Так ли? Определение, вероятно, слишком оригинально для того, чтобы с ним можно было согласиться. По нашему мнению, мокрая пеленка — не влага, сырое дерево — тоже.

«ТАРТАРАРЫ: провалиться в тартарары (разг.) — употр. при высказывании желания

деться куда-н. подальше, как бы исчезнуть совсем [букв. провалиться в преисподнюю]».

Этот пример, конечно, не столь разителен, как два предыдущих. Но приходится приводить и подобные примеры, чтобы указать на различные недостатки, таящиеся в рукописи. Здесь возбуждает сомнение слово «деться», хотя по форме оно и вытекает из «провалиться». По смыслу определения я (ты, он) могу (можешь, может) высказать желание провалиться в тартарары лишь себе самому. А как же быть, например, с фразой: «Да провались ты в тартарары!»? Она под определение не подходит. Между тем означенное выше «пожелание» в действительности, в живом языке чаще адресуют кому-либо другому, а не себе.

Возьмем другое, коротенькое определение примерно такого же рода:

«СВОЙ... Принадлежащий себе».

Слово определено по аналогии с: мой (твой, его) — принадлежащий мне (тебе, ему). Формально это как будто правильно, но по существу неприемлемо. Свой служит для замены или усиления других притяжательных местоимений: мой, твой, его... Поэтому во фразе: «У меня (у тебя) есть свои папиросы» — слово свои означает не «принадлежащие себе», а принадлежащие мне (тебе) папиросы. Во фразе: «В этой компании он свой человек» — слово свой опять-таки не означает «принадлежащий себе»; оно означает «принадлежащий ей», т. е. сходный с другими лицами компании.

Объясняя значение слова «Свой», лучше, по-видимому, сказать: принадлежащий мне, тебе, ему, нам, вам, им (по смыслу того или иного выражения).

«ПОДКИДНОЙ: подкидные дураки — игра в карты, в к-рой все партнеры подкидывают играющему карты, к-рые надо покрыть».

Зачем понадобилось это растянутое и к тому же неверное объяснение (подкидывают не все партнеры, а только противники), когда следовало просто сказать — род карточной игры?

«САНДАЛИИ... Легкая обувь, состоящая из подошвы, привязываемой (!) ремешками к ноге (!)»

Определение явно неудовлетворительное. Обычные для нашего производства сандалии состоят не только из подошвы, но имеют и верх. О них вообще достаточно было бы сказать — легкая летняя обувь, не привязывая их к ноге. Но автор, видимо, задался целью в одном коротком определении сказать также о сандалиях древних греков и римлян, действительно представлявших собой подошвы, прикреплявшиеся к ногам ремешками (такой род обуви употребляется некоторыми народами и в наше время). В результате — неудача. К слову «Сандалии» следовало дать два его значения.

На этом примере мы остановились подробно потому, что он характерен для составителей словаря. Толкования многих слов оказываются

неточными или неясными потому, что авторы тщетно пытаются соединить несоединимое.

«СТАХАНОВЕЦ... Работник, достигающий в социалистическом соревновании наивысшей производительности труда и превышения обычных норм выработки».

И тут неладно: наивысшая производительность и простое превышение нормы; эти крайности противоречат друг другу. Вернее сказать: работник, к-рый, рационализируя производственный процесс, значительно превышает обычные нормы выработки и достигает очень высокой производительности.

Рассмотрим, наконец, еще один пример:

«ИСПАХАТЬ... Вспахать всюду, во всех направлениях».

Где это всюду и что значит во всех? Сколько этих направлений? Их так много, что «во всех» направлениях никто нигде не пашет, даже если хочет «испахать». Лучше было бы в этом случае дать объяснение в таком роде:

ИСПАХАТЬ. Вспахать всё (землю, участок), о чем говорится. А к этому не лишне было бы добавить: Испахать (лемех) — источить, истереть долгой работой.

Большей точности требуют и определения ряда других простых слов. В частности следует пересмотреть и исправить объяснения к следующим словам:

Бар (в 1 зн.)	Закосить	Обсчитать
Верша	Затворник	Омшаник
Взвиться	Знахарь	Просторечие
Вздок	Зуд (в 1 зн.)	Припёк (в 1 зн.)
Вздыхать (в 1 зн.)	Колея	Рыскать
Гайка	Молодка	Снег
Голова (в 1 зн.)	Мураш (во 2 зн.)	Таблица
	Невязка	

III

Неприемлемы также определения многих слов, представляющих собой нечто среднее между сложными терминами и простыми словами. Это можно иллюстрировать следующими примерами.

«ВХОЛОСТУЮ... Не приводя в движение механизма, напрасно».

Смысл определения в целом, мягко говоря, весьма загадочен. Вхолостую и напрасно — понятия, увязывающиеся одно с другим вполне. Но что означает здесь напрасно, если механизм не приведен в движение? Кажется, следовало сказать как раз наоборот: движение механизма без выполнения работы, для которой он предназначен.

«МАКАРОНИЗМ... Иностранное слово или выражение, употребленное в речи с сохранением присущей этим словам формы и произношения».

Правильно ли, что с сохранением присущей формы? До сих пор мы думали, что макаронизм — умышленное искажение слов другого языка на свой лад или изменение слов своего языка в духе иностранного, применяемые в определенных стилистических целях.

«ШАХМАТЫ... 1. Игра по особым правилам на доске в 64 клетки между белыми и черными фигурами».

Это, конечно, никого не введет в заблуждение. Однако предпочтительнее было бы сказать: Игра по особым правилам (черными и белыми фигурами) на доске в 64 клетки между двумя противниками.

Примеров, пожалуй, хватит. Укажем только, как и в предыдущих случаях, что неточно, неясно или небрежно определены и многие другие слова, в частности следующие:

Ассимилировать	Координата
Авторизовать	Маргарин
Авторитарный	Мелодрама
Агрегат (во 2 зн.)	Олифа
Администрировать	Оракул
Ампутация	Ординар
Аристократия (в 1 зн.)	Парафраз (в 1 зн.)
Бракераж	Плеоназм
Браконьер	Повесть
Газ (в 1 зн.)	Политехникум
Галлюцинация	Пуризм
Гамма	Талон
Гомеопатия	Типография
Гайморит	Узел ²
Демиург	Фавн
Кантонист	Факт
Клиринг	Цезура
Кобальт	Цейтнот
Консилиум	Цент
Комедия	Юпитер

Перейдем к другим разделам наших замечаний о рукописи.

IV

Наряду с большим количеством неудачных определений и объяснений различных слов, в словаре содержатся и прямые ошибки; рукопись страдает также существенными недосмотрами и редакционными дефектами.

Примеры, свидетельствующие об ошибках.

«КВАДРИЛЬОН... Миллион в четвертой степени».

Заблуждение явное. Миллион в четвертой степени больше квадрильона в 1000 000 000 раз. Математически определение квадрильона в словаре означает то же самое, что получилось бы, если бы мы сказали: единица равна миллиарду.

«АКР... Земельная мера в Англии и Америке, равная 4,047 кв. м.».

Здесь мера преуменьшена в тысячу раз. Практически такая ошибка вредна даже более, чем первая. Незнакомый с акром и доверчивый человек, почерпнув это сведение из солидного издания, мог бы распространять его как достоверное.

«СТЕПЕНЬ... 3. Повторное умножение числа на самого себя. Возвести два в третью с. (трижды помножить число 2 на самого себя)».

По поводу этого определения, раз уж оно

приведено, попутно заметим, что не всегда — повторное (при возведении в квадрат повторности нет). Вскользь обратим также внимание на то, что следовало, кажется, написать помножить, а не помножать (это слово связано со словом возвести, объясняет его и должно быть подчинено ему). Главное же, т. е. ошибка, заключается в данном случае в том, что сказано трижды вместо дважды. При троекратном перемножении получится четвертая степень числа, а не третья.

«ПЕРПЕТУУМ-МОБИЛЕ... Вечный двигатель».

Здесь ошибка не столь очевидна. Все же и это сообщение может ввести в заблуждение. Если автор не хотел удлинять объяснение указанием, что вечный двигатель — понятие лишь воображаемое (по крайней мере, по современным представлениям об основных законах физики), то надо было хотя бы взять слова вечный двигатель в кавычки.

Примеры, говорящие о недосмотрах.

Наибольшее количество недосмотров и притом самых опасных (в том смысле, что их не так легко устранить) вызвано широко применяемым составителями способом — объяснять родственные слова путем ссылки на другие, уже объясненные. Способ сам по себе целесообразен. Но использован он либо не всегда достаточно продуманно, о чем будет сказано ниже, либо без надлежащей тщательности в работе, ведущей к явным несообразностям, о чем свидетельствуют следующие примеры.

Слово Пасочница объяснено, как форма для пасхи (во 2 зн.), а Пасха (во 2 зн.) — церковный праздник воскресения Христа. Следовало написать: форма для пасхи (в 3 зн.).

Слово Амортизатор определено как приспособление для амортизации (во 2 зн.), а Амортизация (во 2 зн.) — постепенное снижение стоимости имущества вследствие его изнашивания. Промах аналогичен предыдущему.

Шланг — рукав (во 2 зн.), а Рукав (во 2 зн.) — отделившийся от главного русла водной протоки.

При объяснениях слов Простонародный и Простонародье даны ссылки на слово Простой (в 8 зн.), а последнего в рукописи нет вообще.

Все подобные случаи (их, повторяем, очень много) требуют самой тщательной проверки и исправлений.

Есть в рукописи и другого рода недосмотры, вернее — опечатки, которые при меньшей щепетильности авторов, конечно, гораздо легче было бы просто исправить, чем говорить о них в рецензии. Таковы:

«СЕРЕДНЯК... Крестьянин, ... стоящий между бедняком и середняком (?)».

«СТАРИТЬ... Делать старым старше (?)».

«СКАЛИТЬСЯ... Сказать (?) зубы».

«АСТРОЛЯБИЯ... Геодезический инструмент для изменения (?) углов».

«ТЕРПЕТЬСЯ... Хватает (?) терпения...».

«СТРОЧКА? ... Строка (в 1 зн.). Стихотворение в восемь строчек [шрифт ?].

Примеры, иллюстрирующие редакционные дефекты.

Оговоримся по поводу слова редакционные в этом подзаголовке, так как к редакционным дефектам в широком смысле может быть отнесено все, что иллюстрировалось нами выше. Здесь мы хотим коснуться некоторых тонкостей в определениях слов, т. е. затронуть моменты, которые, в отличие от других, можно назвать чисто редакционными.

«САМОЗВАНСТВО... Незаконное присвоение себе чужого имени, звания с целью обмана».

Могут ли быть случаи, когда присвоение и т. д. законно? Если нет, то незаконное лучше исключить.

«ПÁРИТЬ... 3. Печь что-н. в закрытом сосуде в своем же соку».

В чем же своем? Кажется, это выражение двусмысленно. Может быть, лучше было бы сказать, например, так: 3. Печь что-н. в его собственном соку в закрытом сосуде.

«ПЕПЕЛЬНИЦА... Посудинка для стряхивания пепла от табака». Для стряхивания — это скорее при помощи которой стряхивают, чем в которую стряхивают. Не лучше ли слово стряхивания опустить?

«ПРОКЛЮНУТЬ... Проклевать».

Это не совсем так: проклюнуть — пробить ударом, а не ударами клюва; одно и то же эти слова означают лишь по результату, а не по действию.

«СПОРЫНЬЯ... Паразитные образования в колосе ржи в виде черных ядовитых зерен-рожков».

В виде черных зерен-рожков — понятно, это признаки внешние, видимые. В виде же ядовитых — весьма сомнительно. Построение фразы лучше видоизменить.

«УГРОЗА... Обещание причинить кому-н. зло».

В данном случае, кажется, следовало бы подумать над тем, нельзя ли заменить слово обещание чем-нибудь другим, по духу не столь разнящимся с понятием угроза.

V

Смущает в словаре недостаточно строгий стиль определений некоторых простых слов. В рукописи имеются также мелкие грамматические погрешности и неправильные ударения.

О стиле определений, которые мы имеем в виду в данном случае, можно судить по следующим примерам:

«БАТОН... Длинный белый хлеб».

«СВИСТОК... 1. Прибор, к-рым свистят».

«СКРИПАЧ ... Музыкант на скрипке».

«БОТИНКИ... Сапоги, закрывающие щиколотку».

«ЖЕРДЬ... Длинная палка, шест».

«БАТОГ... Палка».

«ПЕСТ... Короткая палка с круглым концом для толчения чего-н. в ступе».

«ВАЛЕК... Короткая круглая палка, а также род небольшого цилиндра».

«УХВАТ... Палка с металлической рогаткой на конце для подхватывания горшков, чугунов».

Так ли необходимо слово длинный для того, чтобы объяснить, что такое батон? А в приведенном определении оно звучит несколько одиозно. Почему ботинки не обувь, а сапоги? Не лучше ли сказать о свистке, что это прибор, пользуясь к-рым издают свист? Почему батог только палка? И почему та же палка использована в объяснениях к словам Пест, Валек [в 1 зн.], Ухват, где лучше было бы заменить ее другими, более точными словами?

Во всех приведенных определениях чувствуется какое-то нарочитое упрощение, которое едва ли заслуживает одобрения.

О грамматических погрешностях рукописи (к сожалению, о них тоже приходится говорить здесь) можно судить по некоторым отдельным выражениям и по ошибкам, вкравшимся в текст, по-видимому, при перепечатке его машинисткой.

«РАЗУМЕТЬ... 2. Представлять о смысле (?) чего-н., подразумевать».

«СЛАВЯНОФИЛЬСТВО... утверждавшее о самобытности (?) культуры».

«УПИТАННОСТЬ... зависимых от (?)».

«РАЦИОНАЛЬНЫЙ... 3. Соизмеримый единице или части единицы [с единицей или частью единицы?]».

«ПАРА... 1. Два однородные (?) предмета...».

«РАВНОБЕДРЕННЫЙ... Имеющий две равных (?) стороны...».

Здесь же отметим хотя бы один случай из числа не совсем удачных определений некоторых форм числительных — определений, пожалуй, таящих в себе грамматические погрешности. Например:

«СЕМЕРО... Семь каких-н. предметов, существ».

Такое определение дает, как нам представляется, основание сказать: семеро лопат, семеро лошадей, т. е. сказать как будто неправильно.

Из слов, написания которых должны быть исправлены, укажем на следующие (в скобках — страница рукописи): проферанс (2246), возросте (1725), ровестники (1137), явств (1164), пол рюмки (1717), смышленность (2617), подветренный (1908). Последнее из этих слов вписано от руки.

О видимом неблагополучии с ударениями можно судить, например, по следующим словам:

хрусталь	властолюбивый
ноумен (вместо ноумен)	шуровка (от шуровать)
взвэсти (вместо взвесті)	отжиг (вместо отжиг)

взмощусь	оттоманка
пополудни (пополудни?)	поставщик (поставщик?)

Может быть, все это результат описок? Так или иначе, рукопись следует пересмотреть и в части, касающейся ударений, чтобы внести в нее необходимые исправления.

VI

Вводная статья, в которой должна быть объяснена задача данного словаря по сравнению с другими, охарактеризованы его особенности и даны указания о порядке пользования им, издательству еще не представлена, не приложен к рукописи и титульный лист, где были бы названы составители и редакторы словаря. Перед нами пока только основной текст. Но и по нему, т. е. без вступительной статьи, в которой, возможно, были бы разъяснены или обоснованы некоторые моменты, представляющиеся нам либо не совсем понятными, либо даже спорными, мы считаем излишним высказать несколько отдельных замечаний о рукописи с точки зрения ее чисто словарных особенностей.

А. Словарь задуман как одностомник. Понятно поэтому, что в него не вошли многие слова. Что же делать? Можно было бы сказать, что на нет и суда нет, если бы использованный составителями словник не возбуждал некоторых сомнений.

Почему, скажем, в словарь не включены такие слова, как Продналог, Продразверстка, а такие, как Семик или Хиротония, нашли в нем место? Разве для молодежи, например, которая будет пользоваться словарем, последние представляют больший интерес?

Слова Диалектический материализм и Исторический материализм в гнезде к слову Материализм, как выше, в другой связи, было уже отмечено, отсутствуют, в то время как всё, что связано с религиозными представлениями и обрядностью или, например, с карточными играми, насколько можно судить по общему впечатлению, представлено с полнотой, которую едва ли можно считать оправданной.

Возьмем для примера даже такой простой случай: слово Самообман в рукописи имеется, а Самообольщение почему-то опущено.

Уже одни эти сопоставления, кажется нам, говорят о том, что над словником следует еще подумать.

Наряду с этим общим вопросом возникают и другие, частные. Почему одни слова даны не во всех присущих им значениях, а объяснения других слов, наоборот, излишне растянуты?

Так, Фанаберия по словарю — кичливость, спесь; в значении причуды, каприза слово это не дано. Слово же Фант, наоборот, дано в трех значениях, причем каждое из них вызывает недоумения.

Еще один пример:

«СМЕЛО... Без помехи, затруднений. Мы с. поместимся здесь».

Очень хорошо. Но, кажется, в данном случае следовало бы представить слово и в другом его значении: Без чувства страха, решительно. С. мы в бой пойдем. Это — прямое и, конечно, не менее важное значение по сравнению с приведенным в словаре, которое скорее фигурально. Мы склонны даже думать, что с опущенного автором значения надо было начать, дав его под цифрой 1, а приведенное — под цифрой 2.

Б. В курсивных иллюстрациях, дополняющих объяснения к словам, в ряде случаев имеется нежелательная повторяемость. Примерами такой повторяемости могут служить следующие выражения:

«УСЕЯТЬ... Звезды усеяли небо».

«УСЕЯТЬСЯ... Небо усеялось звездами».

«КОЛЫХАТЬ... Ветер колышет занавеску».

«КОЛЫХАТЬСЯ... Занавеска колышется от ветра».

«ГОРБАТЫЙ... Г. нос (с горбинкой)».

«ГОРБИНКА... Нос с горбинкой».

Подобные же иллюстрации даны к словам: Компенсировать — Компенсация, Прикуп — Прикупить, Нависать — Навислый, Обволочь — Обволочься, Пристрастить — Пристраститься.

Такое однообразие иллюстраций к толкованиям родственных слов, обычно идущих одно за другим, пожалуй, целесообразно было бы устранить. Прочтя, например, объяснение к слову Усеять и фразу «Звезды усеяли небо», каждый по аналогии и сам сможет построить фразу «Небо усеялось звездами» (от Усеяться). Поэтому и надо было бы либо опустить часть приведенных выражений, либо (во избежание однообразия) заменить их другими.

В. Некоторые значения слов, имеющих общий корень, но относящихся к разным частям речи, определяются в словаре путем ссылки на уже объясненные значения. Такой способ применяется очень широко. Но он, по-видимому, недостаточно четко или как-то очень сложно использован: ссылки указанного выше рода представляются нам во многих случаях неоправданными или, по крайней мере, непонятными. Приведем примеры.

«МЕРЗКИЙ... Отвратительный, гадкий. М. поступок. ◊ Сущ. мерзость».

«МЕРЗОСТЬ... 1. См. мерзкий. 2. Мерзкая вещь, поступок или выражение».

Здесь дело обстоит как будто так, что существительное мерзость имеет два значения: первое из них должно быть выведено из значения прилагательного мерзкий, а второе дано при самом существительном. Пробуем по значению мерзкий сформулировать определение мерзость в 1 значении. Получается: нечто отвратительное, гадкое, в частности тот же М. поступок, который, взят в качестве иллюстрации к объяснению слова «Мерзкий», иначе говоря, получается по существу то же самое, что содержится и в определении 2-го значения слова «Мерзость». Зачем же, спрашивается, давать

Мерзость якобы в двух значениях, раз имеется только одно?

Смысл ссылки от Мерзость на Мерзкий нам непонятен. Тут либо тавтология, либо какая-то словесная тонкость, которая до нас не доходит.

«ЧУДАЧЕСКИЙ... Свойственный чудаку, странный. Ч. поступок. ◊ Сущ. чудачество...».

«ЧУДАЧЕСТВО... 1. см. чудаческий. 2. Чудаческий поступок».

В этом случае — то же самое, что и в предыдущем. Чем «1» отличается от «2»? Иллюстрация к объяснению Чудаческий, здесь даже буквально совпадает с «2». В чем тут дело? Нельзя ли было бы преподнести все это как-нибудь попроще?

«ДЕЛИТЬ... 1. Разъединять на части, распределять. Д. хлеб, д. учеников на группы. 2. Производить арифметическое действие, по которому узнается, сколько раз одно число содержится в другом... ◊ Сущ. деление (к 1, 2 зн.)».

«ДЕЛЕНИЕ... 1. см. делить. 2. Арифметическое действие, по которому узнается, сколько раз одно число содержится в другом...».

В этом примере (он приведен не полностью, а лишь в части, которая нужна нам для того, чтобы выразить свою мысль) разобраться легче. Смысл ссылки от Деление на Делить здесь понятен. Эта ссылка была бы и вполне оправдана, если бы здесь не было тавтологии другого порядка, тавтологии явной. Поскольку указано, что существительное от Делить (в 1, 2 зн.) — деление, то по определению Делить (во 2 зн.) можно легко сформулировать, что такое Деление в этом значении. Зачем же повторено (без одного только слова «Производить») определение? В данном случае можно уже более решительно возражать против тавтологии.

Вполне допускаем, что система ссылок, вопрос о которой мы здесь несколько затронули, в целом продумана, что в ней имеется своя логика и что некоторые поправки, связанные со ссылками, может быть, нужно будет сделать лишь в отдельных случаях. Но если это действительно так, то этому моменту во вступительной редакционной статье целесообразно уделить специальное внимание. Надо обосновать и разъяснить принятую систему ссылок, чтобы она у других не возбуждала сомнений, аналогичных тем, которые возникли у нас.

Г. В заключение — три вопроса.

1. Не лучше ли было бы сопровождать такие слова, как Гувернер, Дворецкий, Хлеботорговец, Слуга составительскими ремарками?

Без ремарок объяснения к такого рода словам звучат несколько странно.

2. Виды растений и животных даны в рукописи словаря без соблюдения какого-либо руководящего принципа. В одних случаях указана принадлежность вида к тому или иному семейству, в других — определения носят чисто описательный характер. Не следует ли подумать над тем, чтобы внести в эту часть работы большее единообразие?

3. Осмеливаемся мы, наконец, поставить и еще один вопрос. Нельзя ли упразднить из словаря такие противоестественные формы слов, как Стельный, Жерёбый, Суягный, Супоросный, уже в порядке отступления от принципа (давать прилагательные в мужском роде)?

«СУЯГНЫЙ. Беременный (об овце)».

Неужто так уж необходима именно такая форма преподнесения слов? Почему нельзя заменить ее не то что более правдоподобной, а единственно истинной формой: «Суягная... Беременная (об овце)»? Почему нельзя заменить два «ый» двумя «ая»?

Правда, одно из взятых нами под сомнение слов, а именно слово «Жерёбый» определено довольно замысловато. Сказано так:

«ЖЕРЁБЫЙ. Обычно в ж. р. о кобыле, олице: беременная».

Обычно? — подумали мы в первое мгновение, прочтя это. А не обычно — не в женском роде? А в виде хотя бы редчайшего исключения в мужском, среднем?

Но... эта озадаченность наша исчезла так же быстро, как и возникла. Мы сразу решили, что ничего загадочного в слове обычно нет, что автором определения допущен просто промах. Источником же этого промаха, по-видимому, и послужило как раз то, что автор шел от формы — пусть даже грамматической, которая пуста, которая не имеет содержания.

Спрашивается: кому и зачем нужно, чтобы эти невразумительные формы культивировались словарями, если уже в пределах самого словаря они влекут за собой явные неловкости? Почему бы не изгнать их из языка?

Нет правила без исключений, и любой принцип нельзя доводить до крайностей. Нам кажется, что вместо приведенных форм следует дать в соответствующих местах словаря формы Жерёбая, Стельная, Супоросная и Суягная, пожертвовав абсолютной чистотой принципа во имя торжества действительности.

xxx

Перед общим заключением, во избежание возможных недоразумений, мы считаем целесообразным высказать несколько замечаний к собственной рецензии.

Мы ничего не сказали о достоинствах рукописи, о ее положительных сторонах, но это и не входило в нашу задачу. В этой рецензии мы адресуемся со своими замечаниями исключительно к авторам, тогда как в рецензиях обычного типа имеется в виду и другая сторона — Издательство.

Цену своему словарю составители прекрасно знают сами, и они в наших похвалах не нуждаются. Издательству представлен серьезный, полезный и интересный труд — результат огромной и кропотливой работы. В основном словарь составлен хорошо. Он, несомненно, должен быть издан и издан как можно скорее.

Может показаться, что эта общая оценка рукописи противоречит всему, что изложено в рецензии. Но так может подумать лишь человек, незнакомый с делом. Скажем так: пусть каждое двадцатое слово из всех включенных в словарь объяснено неудовлетворительно. И при таком допущении остается все же девятнадцать двадцатых слов, объяснения к которым не вызывают каких-либо сомнений. Вот почему по количеству отмеченных нами недосмотров нельзя еще судить о качестве словаря в целом.

Мы подошли к рукописи с различных точек зрения. Мы обнаружили в ней много отдельных дефектов, на которые и обращаем внимание составителей. Мы сделали и делаем это для того, чтобы хороший словарь стал еще лучше, чтобы в нем не осталось никаких промахов, никаких грубых недосмотров.

Мы, конечно, понимаем, что язык — явление живое, изменяющееся, что никакой словарь не может быть идеальным. Но разве следует из этого, что явные недочеты рукописи, замеченные на сей день, не должны быть устранены?

Мы понимаем, что определить какое-нибудь простое, обычное слово — задача иногда не менее мудреная, чем дать представление о содержании того или иного сложного термина. Более того: мы вполне сочувствуем составителям словаря — трудная работа! Но значит ли это, что оттапливаясь, иногда довольно подробно, на каком-нибудь дефекте, мы придираемся к автору? Отнюдь нет. Мы хотим лишь помочь по мере своих сил составителям словаря, внести и свою маленькую лепту в большой, значительный труд. Если даже половина наших конкретных замечаний по рукописи (а мы надеемся, что не половина, а большая часть) будет авторами использована, то мы будем считать свою задачу выполненной.

Мы, как читатели словаря до его выхода в свет, уже извлекли из него некоторую пользу. Мы верим этому словарю. Но и другие, может быть, менее искушенные читатели должны извлекать из словаря одну только пользу. Поэтому надо подготовить рукопись так, чтобы в ней не осталось ничего такого, чему верить не надо. Этим единственным желанием обусловлен и характер всех наших замечаний по рукописи.

Выводы

1. Рукопись в представленном виде посылать в набор нецелесообразно.

2. Надо просить Главную редакцию словаря взять рукопись обратно с тем, чтобы пересмотреть, доработать и исправить ее с учетом замечаний, изложенных в рецензии.

3. Желательно, чтобы рукопись после необходимых исправлений была сдана Издательству вместе с редакционным аппаратом к основному тексту словаря.

Старший научный редактор
Издательства АН
23/III-46 г.

А. И. Корчагин

УДК 81'27
ББК Ш100.63

ГСНТИ 16.21.33

Код ВАК 10.02.04; 10.02.19

С. В. Иванова S. V. Ivanova
З. З. Чанышева Z. Z. Chanysheva
Уфа, Россия Ufa, Russia

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ПРЕЦЕДЕНТЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. Рассматривается явление прецедентности на базе взаимодействия двух лингвокультур сквозь призму дихотомии «свой»/«чужой». Будучи перенесенным в чужую культуру, прецедентное явление трактуется как ксенотекст. Выделяются свойства ксенотекста, к которым относятся привязанность к чужой культуре, сохранность в когнитивной базе чужого лингвокультурного сообщества и возможность смысловых трансформаций при перенесении в другую культуру. Исследование позволяет выявить пять моделей взаимодействия своего и чужого в рамках реализации прецедентности. Особое внимание уделено семантическим преобразованиям ксенотекстов, которые служат повышению воздействующего и манипулятивного потенциала политического дискурса СМИ.

Ключевые слова: прецедентный феномен; ксенотекст; категория «свой — чужой»; технологии воздействия; манипулятивные технологии; лингвокультура; политический дискурс; дискурс СМИ.

Сведения об авторе: Иванова Светлана Викторовна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии и межкультурной коммуникации.

Место работы: Башкирский государственный университет.

Контактная информация: 450074, г. Уфа, ул. Коммунистическая, д. 19, к. 8.
e-mail: svet_victoria@mail.ru.

Сведения об авторе: Чанышева Зульфира Закиевна, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации.

Место работы: Башкирский государственный университет.

Контактная информация: 450074, г. Уфа, ул. Коммунистическая, д. 19, к. 8.
e-mail: chanyshevaz@yandex.ru.

NATIONAL CULTURAL PRECEDENTS IN POLITICAL COMMUNICATION

Abstract. The article is devoted to precedent phenomena studied through the perspective of the interaction of two linguocultures on the basis of US — THEM dichotomy. Functioning in a foreign culture, a precedent phenomenon is looked upon as a xenotext. The authors single out basic features of xenotexts, which include their existence as part of a xenoculture, their storage in the cognitive basis of a foreign linguo-cultural community and a possibility of semantic transformations when transferred to a new culture. The research makes it possible to reveal five models of US — THEM interaction realizing precedent phenomena. Special emphasis is made on semantic transformations as contributing to increasing the persuasive and manipulative potential of mass media political discourse.

Key words: precedent phenomenon; xenotext; US — THEM category; persuasion technologies; manipulative technologies; linguoculture; political discourse; mass media.

About the author: Ivanova Svetlana Viktorovna, Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of English Philology and Intercultural Communication.

Place of employment: Bashkir State University.

About the author: Chanysheva Zulfira Zakievna, Doctor of Philology, English Philology and Intercultural Communication Department, Professor.

Place of employment: Bashkir State University.

1. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Исследовательский интерес к изучению прецедентности обусловлен не только сложным характером данного явления, но и его несомненной ролью в формировании воздействующего потенциала политического и массмедийного дискурса. Прецедентность, интерпретируемая как восхождение к предшествующему тексту культуры (а текстом культуры, в понимании Ю. М. Лотмана, является всякое культурно значимое сообщение [Лотман 2002: 25]), ставит перед лингвистами многочисленные вопросы о природе и функциях прецедентности, о типологии и классификации прецедентных феноменов, о роли прецедентности в передаче информации текста. Неоспорима роль прецедентности и в межкультурном общении. Так, будучи лингвокультурологической категорией, прецедентность служит маркированию своих и чужих, выполняя в данном случае паролную функцию [Иванова, Чанышева 2010: 92].

Вместе с тем хотелось бы с некоторым сожалением отметить, что известные классифи-

кации прецедентных феноменов в недостаточной мере учитывают их функционирование в межкультурном пространстве, в котором неизбежно происходит соприкосновение актуализируемых смыслов, определяемых разнообразными факторами: культурными, национальными, ситуативными, филологическими, языковыми, личностными. Межкультурная адаптация создает проблемы в любой коммуникации, и политическая коммуникация не является исключением. Цель данной статьи состоит в том, чтобы раскрыть специфику функционирования в тексте прецедентных феноменов, рассматриваемых в рамках дихотомии «свой/чужой». Реализация данной цели требует построения текстовых моделей взаимодействия «своего» и «чужого» и экспликации смысловых преобразований, возникающих на основе различных модификаций «своего» и «чужого». Важным инструментом анализа, позволяющим в рамках прецедентности отграничить элементы одной культуры от другой, выступает такой термин, как *ксенотекст*.

2. ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Методологической базой исследования является теория прецедентности, связанная с проблемой вторичности использования единиц языка в речи. Анализ прецедентности выдвигает задачу идентификации претекста, т. е. текста, предшествующего данному, в отличие от простого повтора, неизбежного в общении. Концепция вторичности высказывания, наполненного отзвуками других высказываний и выполняющего роль звена «в очень сложно организованной цепи других высказываний» [Бахтин 2000: 261], и текста, отражающего «в себе все тексты данной смысловой сферы» [Там же: 301], является базовой для современных теорий текстуальности, интертекстуальности и интердискурсивности во всех проявлениях межтекстовых отношений. В лингвистике текста и дискурсологии описываются разные виды подобных связей, которые, как правило, зиждутся на идее прецедентности, разделяя это общее свойство, но одновременно приобретая ряд неповторимых характеристик (ср.: *пародия, цитата, плагиат, аллюзия* и т. д.). Тем не менее термин *прецедентный текст*, как и ряд сопряженных видовых понятий (*прецедентное имя, ситуация и событие*), исследуется как автономное явление, отличное от вышеупомянутых.

Мысль М. М. Бахтина о вторичности любого текста подводит к проблеме идентификации *такого* текста, который имеет признаки прецедентного при вхождении в новый текст. Вполне резонно ожидать, что ключевые параметры прецедента, важнейшие для его опознания, отражены в его определении. Наиболее авторитетным и общепризнанным является определение прецедента, предложенное Ю. Н. Карауловым. Это уже ставшее классическим определение основано на следующих признаках: (1) значимость для языковой личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) сверхличностный характер и (3) многократное обращение в дискурсе данной языковой личности [Караулов 2003: 216]. В определении Е. А. Нахимовой акцент перенесен с языковой личности на лингвокультурное сообщество, поэтому на первый план выносятся именно (1) факт известности прецедента значительной части лингвокультурного сообщества, (2) актуальность прецедентного текста в когнитивном плане и, наконец, (3) обращение к прецедентам в речи представителей лингвокультурного сообщества [Нахимова 2004: 173].

На наш взгляд, поскольку любой прецедентный текст имеет две ипостаси — языковую и культурную, — при обсуждении критериев его опознания желательно принимать во внимание и то и другое. Следовательно, целесообразно вести речь о дополнительных идентификационных характеристиках прецедентного текста, включающих отражение коллективной **ценности** культурно-языкового факта в данном лингвокуль-

турном сообществе, благодаря которой он закрепляется в культурной памяти сообщества; **ретроспективный** вектор смыслового развертывания, который показывает, что прецедентный текст способен актуализировать в массовом сознании некоторый содержательный минимум, связанный с прошлым опытом сообщества, пережитым или почерпнутым из вторичных источников (устное народное творчество, художественная литература и др.); результат **стереотипизации прототипов** прецедентных явлений (реальных и вымышленных), отраженных в текстовой культуре народа. Перечисленные выше характеристики прецедентного текста можно использовать в процессе их идентификации по отношению к разным видам прецедентных феноменов (имя, ситуация, событие, текст).

Принципиальную значимость в модели двухуровневого анализа прецедентного феномена приобретает определение культуры, предложенное А. Вежбицкой. В культурно-носных знаках культура проявляет себя как мир «Действительность» и мир «Идеальное», охватывая то, что «относится к материальной культуре... а также и к ценностям, идеалам и установкам людей и к тому, как они думают о мире и о своей жизни в этом мире» [Вежбицкая 2001: 15]. Следовательно, можно предположить, что функционирование прецедентных феноменов происходит в пределах пространства, обращенного одной стороной к миру реальности и другой стороной — к миру идеальному, представляющему оценочное отображение действительности. Очевидно, что смысловое восприятие прецедентных феноменов предполагает наличие в языковом сознании ключей от дверей, ведущих в оба мира.

Основная задача при восприятии идентифицированного в тексте прецедентного явления сопряжена со значительными трудностями и заключается в смысловой интерпретации большого объема стоящей за ним дополнительной внетекстуальной информации. Смысловые наращения производятся в фактуальной, образной, эмоциональной, идеологической, ценностной и других составляющих содержания текста, что способствует приданию тексту манипулятивно-суггестивной силы или ее усилению, а также созданию эффекта синергии. Ценностно-смысловое пространство политического дискурса вбирает в себя разные виды культурных коннотаций, появление которых актуализирует прецедентное явление. При этом установка СМИ на массового читателя обуславливает значительный удельный вес таких смысловых коннотаций, которые известны и коллективно разделяемы в сообществе, что, разумеется, не отрицает наличия в тексте выражаемых личностных оценок и мнений. Поэтому интерпретация прецедентной информации может быть успешной, если она позволит обнажить смысловые пласты на разной глубине содержания.

3. ГИПОТЕЗА

Собранный эмпирический материал и наблюдения над практикой работы СМИ Великобритании и США, которые обращаются к обзору связанных с Россией событий, позволяют говорить об опосредованном межкультурном диалоге, который предполагает тесное взаимодействие двух лингвокультур в рамках единого текстового целого. Для того чтобы произвести моделирование взаимодействия изучаемых лингвокультур в рамках текстового целого, необходимо локализовать дейктический центр, по отношению к которому можно было бы идентифицировать, что является «своим», а что «чужим»: таким центром является англоязычный корреспондент из англоязычных СМИ (адресант) и его англоговорящая читательская аудитория (адресат), вместе представляющие культуру, маркированную как «свою». Поскольку анализу подвергаются англоязычные СМИ, то упоминание российских прецедентов в англоязычной аудитории будет носить маркировку «чужое», в отличие от «своего», которое включает тексты культуры Великобритании или США (в зависимости от того, какое печатное издание представлено). Вместе с тем порою при описании фактов российской культуры журналист прибегает и к упоминанию третьей, внешней для обеих сторон культуры, что соответственно будет маркироваться уже как «чужое-2» в отличие от «чужого-1» (или «чужого»), служащего для обозначения российских прецедентов. Наконец, возможны варианты, когда «свое» для журналиста оказывается мнимым своим, поскольку оно было заимствовано чужим дискурсом, подверглось семантической трансформации и вернулось в исконный для себя дискурс уже как «свое-чужое», т. е. «свое» по форме, но «чужое» по содержанию. Анализ практического материала позволяет выделить несколько связанных со смысловыми преобразованиями прецедентных феноменов в политической коммуникации вариантов реализации дихотомии «свое»/«чужое»: (а) *свое в чужом-1*, (б) *чужое-1 в чужом-2*, (в) *свое-чужое в чужом-1*, (г) *чужое-1 в своем*, (д) *чужое-1 в чужом-1*.

Поскольку речь идет о контакте двух разных лингвокультур, одну из них, внешнюю по отношению к автору создаваемого текста, т. е. не-свою, чужую, можно обозначить формантом «ксено-», означающим чужеродность по отношению к чему-либо или чуждость чему-либо (ср.: *ксенолект*, *ксенонимы*, *ксенонимическая относительность* и др.). Необходимо напомнить, что термин «ксенопоказатель» был введен в обиход Н. Д. Арутюновой для обозначения чужой речи [Арутюнова 1992: 42] и был признан удачным целым рядом видных лингвистов (см., напр.: [Падучева 2011; Плунгян 2008]). Формантом «ксено-» пользуется Д. Вайс, исследуя цитаты. Исследователь отмечает, что, в отличие от прецедентных текстов, ксеноцитаты включают ссылки и на малоизвестных и неизвест-

ных авторов [Вайс 2014: 43], и, соответственно, данный термин обладает большим, если не сказать отличным, от прецедентного феномена семантическим объемом. Отличается у ксенотекста и референциальная отнесенность.

Предложенная терминология позволяет закрепить термин *ксенотекст* за разновидностью прецедентного текста, заимствованного из внешней культуры и используемого в тексте, создаваемом для представителей своей (внутренней) культуры. Данное понимание прецедентного ксенотекста позволяет отметить его важнейшие характеристики. Во-первых, ксенотекст всегда является национально-культурным и, следовательно, он привязан к национальной культуре, которая в данном случае является внешней по отношению к адресату создаваемого текста. Во-вторых, ксенотекст формируется и хранится в когнитивной базе другого народа, в которой представлено всё разнообразие культурных предметов из жизненного опыта и текстовой культуры народа, закрепляющих широкую палитру коллективных оценок в форме культурных коннотаций. Наконец, ксенотексты в силу перечисленных обстоятельств могут быть использованы в межкультурной коммуникации в качестве средств порождения неограниченного объема смысловых ассоциаций, выходящих за пределы их стереотипного национально детерминированного восприятия в своей культуре.

4. МЕТОДЫ И ОБСУЖДЕНИЕ МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

В качестве эмпирического материала использованы тексты из англоязычных СМИ Великобритании и США, так или иначе касающиеся внутренних и внешних событий, связанных с Россией. Собранный эмпирический материал был подвергнут анализу на основе общенаучных методов наблюдения, сравнения, анализа и синтеза, а также частных лингвистических методов, включающих контекстуальный анализ, лингвокультурологический анализ, дискурсивный анализ, дефинитивный анализ.

Рассмотрим более подробно упомянутые выше варианты реализации дихотомии «свой»/«чужой», обратившись к понятиям прецедентного текста и ксенотекста.

В первом случае («свое в чужом») ксеноэлементы относятся к единицам текста, освещающего происходящие в российской действительности события, при этом автор пользуется прецедентными текстами (именами, ситуациями) из собственной национально-культурной когнитивной базы.

Пример 1. *Pussy Riot's Kremlin protest owes much to riot grrrl* [The Guardian. 03.02.2012].

Данный пример является заголовком статьи в *The Guardian*, в которой протестное выступление российской женской панк-группы сравнивается с движением 90-х *Riot grrrl*, возникшим на тихоокеанском северо-западе США и позволившим прозвучать и быть услышан-

ным голосу женской альтернативы. Женщины, которые долго молчали и которым был закрыт путь в политику, СМИ и музыкальную индустрию, получили возможность говорить, и аудитория была готова выслушать то, что они скажут. Данное сравнение показывает, что автор довольно туманно представляет себе суть протестов молодых россиянок, которые проводили свои политические акции в форме несанкционированных выступлений на крышах домов, в общественном транспорте, церквях и других не предназначенных для этого местах. Однако подобные выходы были квалифицированы в российском обществе вовсе не как феминистский акт, как показалось автору статьи, а как хулиганские проявления и не встретили массового сочувствия и широкой поддержки.

Во втором случае («чужое-2 в чужом-1») автор создаваемого текста, содержащего оцениваемые ксенокомпоненты (чужое-1), вкрапляет ксеноэлементы внешней (третьей) культуры, приобретающие форму прецедентных ксенотекстов (чужое-2).

Пример 2. *Since then, Russians have felt the need to top the West. From wanting Moscow to be the new Rome after the fall of Byzantium (hence the adopted royal name Romanov) or the materialistic worship you now see in Moscow and other cities, Russians want to show they are just as good or better as Europe and America* [NYPost. 01.04.2014].

В данном примере автор усматривает в политике Москвы амбициозные цели превзойти по значимости Запад, претендовать на роль Третьего Рима, для чего прибегает к прецедентной ситуации *the fall of Byzantium (падение Византии)*, что позволяет ему провести историческую параллель с известными событиями и обвинить Россию в стремлении соперничать с преуспевающими Европой и Америкой. Для этого использован авторский комментарий, в котором предлагается достаточно вольная авторская интерпретация происхождения имени династии Романовых, созвучного названию упомянутого города. Между тем игнорируется известный факт происхождения фамилии Романовых от старинного русского дворянского рода Романовых (именно Федор Никитич первым из рода стал носить фамилию «Романов» в честь своего деда Романа).

Наконец, в третьем случае («свое-чужое в чужом-1») автор включает ксеноэлементы двух видов: в форме ксенотекстов внешней, т. е. русской, в том числе текстовой, культуры, функционирующих как прецедентные явления, и в форме ксеноэлементов при описании объектов и событий, происходящих в границах внешней российской культуры.

Пример 3. *The concept of property and ownership is formed in early childhood. When a child for the first time gets a toy that he likes, which he loves, say, a teddy bear, he hugs it and he will never give it away, ever. This is what leads later on to*

the formation of this concept of ownership for everyone. And I said that for us, this beloved object, this "teddy bear" is Rosneft [WSJ. 22.10.2012].

В приведенном фрагменте из интервью главы «Роснефти» И. Сечина американской деловой газете российскому бизнесмену задали вопрос, что символизирует для него концепт *Teddy Bear (плюшевый мишка)*. В американском сознании закрепились ассоциации, связанные с этой популярной игрушкой, названной в честь президента Теодора Рузвельта. Для американских детей она ассоциируется со многими источниками: сказкой А. Милна, песенкой, фильмом. В «чужом» культурном пространстве образ плюшевой игрушки может вызывать в сознании протестное движение в Беларуси, став символом оппозиции, связанной с так называемым «плюшевым десантом». Как видно из полученного от И. Сечина объяснения, плюшевый мишка для него не просто любимая игрушка, а способ воспитания у человека с младых ногтей чувства собственности и право собственника.

Четвертой модификацией является реализация модели «чужое-1 в своем». Ее яркой иллюстрацией может выступать заглавие *Obama Stalin*, помещенное на заметном месте вверху на домашней странице в Huffington Post от 4 ноября 2014 г. Целая серия статей, открывающих номер, является опровержением выступления католического епископа, уподобившего политику президента США Б. Обамы действиям Сталина и Гитлера [Huffington Post. 04.11.2014]. Уже контекстуальная близость имен *Stalin* и *Hitler* дает основания интерпретировать оба имени как обозначения жестоких тиранов. Такая интерпретация находит подтверждение в словаре культурной грамотности Э. Д. Хирша, где подчеркивается, что Сталин правил Советским Союзом, зачастую проявляя крайнюю жестокость (*Stalin ruled the Soviet Union, often with extreme brutality* [Hirsh 2002: 242]). Несмотря на то что фигура Сталина неоднозначна и в различных кругах современной России порождаемые ею ассоциации прямо противоположны, тем не менее, согласно словарной статье из «Русско-английского культурологического словаря» под общим руководством С. Г. Тер-Минасовой, Сталин позиционируется как выдающийся партийный и государственный деятель (*An eminent Soviet party and states figure* [Бурак 2002: 105]). Далее словарная статья упоминает и о репрессиях, и о культе личности, но показательным является то, что оценочные формулировки, помещенные в начале каждой из проанализированных словарных статей, находятся в резком диссонансе. Представляется, что в данных оценочных характеристиках отражается и различие в восприятии этой исторической фигуры в каждом из лингвокультурных сообществ.

Наконец, пятой возможной конфигурацией взаимодействия «своего» и «чужого» является «чужое-1 в чужом-1».

Пример 4. *Meanwhile the true extent of its holdings is obscured by shadowy corporate shell structures that nest like matryoshka dolls, one inside the next* [NYTimes. 27.09.2014].

Авторы статьи рассуждают о том, что истинный объем капиталов банка скрыт структурами, которые, как матрешка, гнездятся одна в другой. Матрешка, несомненно, является ксеноэлементом для англоязычной аудитории. В рамках описания чужой для американцев российской действительности упоминание о матрешке позволяет активировать ксеноэлемент в тексте о чужой культуре («чужое-1 в чужом-1»). Вкрапление данного элемента призвано подчеркнуть идею о том, что, как это представляется носителям внешней для российского культурного пространства культуры, непрозрачность ведения дел является приемлемой и исконной для русского сознания. Кукла матрешка — символ русской народной культуры для Запада — связана в англоязычной культуре с отрицательным смыслом о хитроумной задумке — красивой на вид кукле, которая в своей сложной конструкции прячет нечто неприглядное. Это истолкование в корне отличается от тех смыслов, которые несет матрешка для представителей российской культуры: матрешка — это пухлая хохотушка. Данный пример вновь демонстрирует тот факт, что импорт ксеноэлементов в новую культуру нередко приводит к наполнению их новыми, отличными от исконных смыслами.

5. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СМЫСЛОВЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ КСЕНОЭЛЕМЕНТОВ В ТЕКСТЕ

Очевидно, что в зависимости от характера ксеноэлементов и их роли в создаваемом тексте срабатывают разные механизмы смыслового насыщения текста, что необходимо учитывать в процессе его восприятия. Рассмотрим предложенную классификацию ксеноэлементов на примере прецедентных явлений, используемых в англоязычных СМИ, учитывая приемы их авторского оформления. Объем смысловых искажений и намеренных или ненамеренных отступлений может возрастать не только по причине неполного или неточного владения прецедентной информацией, но и в результате сознательной установки автора на создание желаемого суггестивно-манипулятивного воздействия на сознание массового читателя.

При внедрении прецедентного текста из собственной внутренней культуры в политический дискурс о «чужом», как правило, происходят глубокие смысловые трансформации, нередко в результате умышленного искажения закрепившихся коннотаций.

Пример 5. *Never in history has an invasion been so “deniable”. According to Moscow, Russian paratroopers found deep inside Ukraine were “lost”; others are “on holiday” there; an armoured column spotted crossing the border did so “by accident”. All this is rather imaginative, compared*

with the “little green men” (здесь и далее выделено нами. — С. И., 3. Ч.) *who took Crimea in the spring* [The Guardian. 29.08.2014].

В англоязычном культурном пространстве *little green men* (маленькие зеленые человечки) впервые появилось в научно-фантастическом романе «Martians, Go Home», написанном Фредериком Брауном. Данное выражение приобрело уничижительный оттенок, обозначая инопланетян. Дальнейшее развитие происходило под влиянием сериала *The X-Files* («Секретные материалы»), в котором с данным прецедентом ассоциируются заговоры против правительства, борьба с неземными цивилизациями. Западная пресса стала использовать данный прецедентный текст не столько с иронией, сколько в обвинительном ключе, описывая, как в приведенном примере, ситуацию присоединения Крыма к России. Выражения в кавычках призваны произвести впечатление цитат, взятых из русскоязычной прессы, освещающей события на юго-востоке Украины, но в тексте они все получают негативные коннотации, поскольку не вызывают у автора большого доверия. Истинный смысл, продуцируемый анализируемым прецедентным текстом, становится прозрачным при прочтении всего материала, который изобилует эксплицитными оценочными атрибутами: *armed “men in green”, pro-Russia activists, masked gunmen in camouflage, singing along to a pop song about the Soviet Union, the men with guns here from Russia, from GRU Military Intelligence, they’ve been sent here and paid to make revolts and calamities*. Тема «военного вторжения» России в Крым и его «аннексии» постоянно муссируется в англоязычной прессе, где не последнюю роль играет навязываемая прецедентная информация, усиливаемая за счет новых обвинений и инсинуаций.

Излюбленным приемом уплотнения смыслового пространства является конвергенция прецедентных текстов из своего культурного наследия и прецедентных ксенотекстов из «чужой» текстовой культуры.

Пример 6. *Then there was Russia’s humanitarian aid convoy of 260 trucks, which was widely decried in the west as a Trojan horse, “almost certainly” carrying arms and men deep into Ukraine. In fact, it proved to be less a Trojan than a Potemkin horse, half-empty inside and designed to impress — and perhaps to divert attention from the real military subterfuge going on elsewhere. More aid convoys are promised — and the next step could be to provide “peacekeeping” troops to protect them* [The Guardian. 29.08.2014].

Приведенный пример показывает взаимодействие в тексте двух видов ксеноэлементов: во-первых, речь идет о российском гуманитарном конвое из 260 грузовиков, который в данном случае является ксеноэлементом, относящимся к реальным отношениям между Россией и Украиной в период военного кризиса. Во-вторых, автор выражает свое субъективное мнение и резко негативную оценку происходя-

щего, используя для этого ксенотекст в виде прецедентного имени *Potemkin* в сочетании со словом *horse*. Для носителя русского языка в сознании возникнет прецедент *потемкинские деревни*, отсылающий ко временам императрицы Екатерины II и означающий создание показного блеска, мнимого благополучия. Из русской историографии известно, что князь Г. А. Потемкин перед посещением Крыма императрицей приказал установить на пути ее следования декоративные подобию селений, чтобы убедить ее в своих успехах по освоению южных земель России. Однако автор статьи создает более сложную смысловую конфигурацию, сталкивая два прецедентных феномена. В результате их сближения в данном примере осуществляется взаимодействие двух культурных контекстов, так как упомянутая выше национально-культурная прецедентная ситуация совмещается с прецедентной ситуацией из универсального фонда *Trojan horse* (*троянский конь*), что, по мысли автора, должно помочь в смысловой интерпретации образа. Но в итоге образ полупустого коня контрастирует с сюжетом древнегреческого предания, согласно которому в огромном деревянном коне спрятались ахейские воины, осаждавшие Троию. Как известно, в русском языковом сознании данное выражение закрепилось в несколько другом значении: тайный, коварный замысел, замаскированный в виде подарка. В результате взаимодействия двух прецедентных феноменов автор навязывает массовому читателю мысль о видимости гуманитарной помощи со стороны России, основная цель которой, помимо показательной акции, состоит в том, чтобы послужить искусной уловкой и отвлечь внимание от реальной военной помощи, поскольку далее автор прибегает к иронии, используя в кавычках выражение *“peace-loving” troops* (*«миротлюбивые» воинские части*), которым придется обеспечивать безопасность грузов.

Одной из наиболее сложных проблем в практике использования прецедентных феноменов в межкультурной коммуникации является трансформация смыслов как в рамках внутренней культуры, так и под влиянием внешнекультурных факторов. На самом деле границы смыслового наполнения прецедентных феноменов довольно подвижны, что приводит к преобразованиям и модификациям их содержания, нередко по индивидуальному усмотрению автора статьи. С этой целью используются всевозможные приемы, основанные на столкновении разных культурных контекстов, обеспечивающих условия для смыслопорождения. Пожалуй, наиболее активной формой речевого воздействия на массовое сознание является внедрение устоявшихся прецедентных явлений из внутренней культуры в чужой текст. Подобные стереотипы обладают, как правило, отрицательной культурной коннотацией, раз-

деляемой в обществе, и автоматически срываются, вызывая ожидаемые оценки.

Пример 7. *He’s often viewed as the junior partner in the political double act running Russia — junior to prime minister Vladimir Putin. As one leaked US embassy cable put it, Medvedev “plays Robin to Putin’s Batman”* [BBC News. 10.12.2012].

Выражение *play Robin to Batman* призвано активизировать в массовом сознании имена вымышленных супергероев из фильма режиссера Джозла Шумахера, который, согласно рейтингу худших фильмов в истории человечества, составленному журналом *«Empire»* на основе интернет-голосования читателей, занял лидирующие позиции. В этом популярном супергеройском комиксе действует таинственный мститель Бэтмен, ставший на защиту слабых против преступников в городе Готэме, что, очевидно, рисует картину борьбы между преступными кланами России. Хотя сюжет фильма и персонажи вызывают у американцев положительные эмоции, главным в данном выражении является распределение ролей в «тандеме лидерства» (*the leadership tandem*), поскольку Д. Медведеву отведена унижительная роль ведомого и подчиненного — *sidekick* (*a person’s assistant or close associate, esp. one who has less authority than that person* [The New Oxford American Dictionary]). В данном контексте достаточно сослаться на пример неравноправных отношений между Канадой и США, поскольку у канадцев, по мнению анонимного дипломата, в результате следования в фарватере американцев развивается комплекс неполноценности.

Еще большей манипулятивной силой воздействия обладает обновление и активное внедрение в чужой текст оценочных предикатов, призванных давать характерологический портрет человека, в особенности политического лидера, в котором не видят союзника. Со временем в результате постоянной активизации в сознании они приобретают статус прецедентных феноменов с обновленным смыслом, поскольку им отводится особая роль в ценностном и идеологическом пространстве политической коммуникации.

Пример 8. *In spite of widespread criticism of Moscow’s handling of the crisis, the forest fires burning across Russia have provided Prime Minister Putin with another chance to boost his personal popularity by presenting himself as a strong, tough leader. But Putin is best known to Russians as a strong leader, a “man on horseback” in the tradition of Stalin and Peter the Great. Putin’s popularity crested with his image as the kind of strong leader who could play tough — even dirty — when the circumstances merit* [The Independent. 12.08.2010].

Для массового сознания американцев более близок образ со схожей коннотацией, вызываемой выражением *strong man / strongman*, которое имеет длительную практику примене-

ния. Исторически его появление связывают с притчами Иисуса Христа о сильном вооруженном человеке: «...*a leader who uses force to obtain and hold power; politician or leader who uses violence or threats despot; dictator*. For example, *Strongman Porfirio Díaz took over after Juárez in 1876, ruled [Mexico] with an iron hand*» [Frank 2000]. Тезаурус Моби приводит список из более 30 слов с близким значением, в который включены, наряду с именами древнегреческих и римских титанов, современные герои, отвечающие признакам сильной, авторитарной, жестокой личности диктатора (*Antaeus, Atlas, Briareus, Brobdignagian, Charles Atlas, Cyclops, Goliath, Hercules, Polyphemus, Samson, Superman, Tarzan, Titan, bully, bullyboy, colossus, despot, dictator, duce, giant, gorilla, muscle man, oppressor, powerhouse, stalwart, strong-arm man, the mighty, the strong, tough, tough guy, tower of strength* [Moby Thesaurus]).

В американской политической культуре перенос данного прецедентного образа на российского президента можно датировать публикацией в 2013 г. книги бывшего корреспондента BBC в Москве Ангуса Роксборо *The Strongman: Vladimir Putin and the Struggle for Russia*. Однако автор не сумел создать убедительного характера сильной личности российского лидера, способного вызывать уважение, почтение и другие позитивные эмоции. Поэтому неудивительно, что очень скоро влиятельная англоязычная пресса начинает трансформировать предложенный образ в противоположный ему, с явно читаемой отрицательной коннотацией. В статье *Not such a strongman / He may be tough and strong* авторитетный журнал *The Economist* прибегает к иронии и рисует главу России совершенно в другом свете, ссылаясь на иные публикации и книги с многозначительными названиями, широко использующими «свои» прецедентные феномены: *The Man Without a Face: The Unlikely Rise of Vladimir Putin* (автор — Masha Gessen) / *Человек без лица* (ссылка на одноименный фильм Мела Гибсона): *невероятное возвышение Владимира Путина* (трансформация прецедентного имени, известного рассказа Э. А. По *Падение дома Ашероу* / *The Fall of the House of Usher*); *Russian Politics: The Paradox of a Weak State* (автор — Marie Mendras) / *Русская политика: парадокс слабого государства* (трансформация прецедентного имени *The Tale of Two Cities*, известной повести Чарльза Диккенса) — и, делая заключение о несоответствии российского лидера привычному положительному стереотипу в оценке американцев: *The “strongman”, a label given to Mr Putin in a friendlier recent book by Angus Roxburgh, may end up being rather weaker than he looks* [The Economist. 09.06.2012]. Ироническому тону автора данной статьи вторит публикация в газете *New York Times*, использующая прием ребрендинга [Иванова 2013: 45], который сводится к тому, что новое именование,

выступая как номинативно-образно-символьный комплекс, меняет знак оценки имени с позитивного на негативный:

Пример 9. *Though he has long cultivated an image as a strong man, President Vladimir Putin of Russia actually seems weak and insecure, a judgment reinforced every time he manipulates the system to crush a potential political rival... The charges and heavy punishment were a transparent retaliation for Mr. Navalny's campaign against public corruption and Mr. Putin's United Russia political machine as a party of “swindlers and thieves”* [NYTimes. 18.07.2013].

В целом довольно многочисленные примеры использования именованного *strongman* в отношении В. В. Путина в американской прессе дают основания констатировать, что оно в настоящее время подвергается ребрендингу и используется либо в ироническом (ср.: *As any strongman would, when sentenced to recession by Washington and Brussels, Mr Putin has taken the stinging slap without showing a trace of pain (even though his economy is hurting) and then hit back again, daring the West to go further*) / *Как сделал бы это любой крутой парень, будучи приговоренным Вашингтоном и Брюсселем к рецессии, а-н Путин не выказал и следов боли от удара хлыстом (несмотря на болезненность происходящего для его экономики) и затем опять дал сдачу, подталкивая Запад к дальнейшим шагам* [The Telegraph. 30.08.2014]), либо в резко отрицательном контексте (пример 9), хотя не исключаются спорадические варианты относительно нейтрального контекста с легким намеком на иронию (ср.: *Over the past year, we've seen a consistent trend in both the United States and Europe of conservative admiration for Putin, a strongman praised for his decisive leadership, Christian values and old-school nationalism* [Washington Post. 25.08.2014] / *В последние годы мы наблюдаем последовательную тенденцию, проявляющуюся как в США, так и в Европе, — тенденцию выражения восхищения Путиным, сильным человеком, который заслуживает похвалы за решительность лидера, христианские ценности и приверженность к старой школьной традиции своих не сдавать*).

6. ВЫВОДЫ

Предмет межкультурной коммуникации позволяет подойти к прецедентным феноменам с позиции дихотомии «свой»/«чужой», выдвинув в фокус исследования национально-культурные прецеденты. Такая постановка проблемы связана с тем, что в межкультурной коммуникации не последнюю роль играет источник порождения претекста, а это в значительной степени влияет на специфику его смыслового восприятия и глубину понимания представителями иной лингвокультуры. Наши наблюдения за использованием прецедентных явлений, формирующихся в русском культурном пространстве, в англоязычных СМИ свидетельст-

вуют о том, что они становятся мощным инструментом речевого воздействия на массовое сознание целевой аудитории. В практике использования прецедентных феноменов в массмедиа можно отметить усиление технологичности по отношению к разным источникам и каналам смыслопорождения [Иванова 2008; Чанышева 2014]. «Игры со смыслами» часто свидетельствуют об авторском произволе в обращении с культуросносными знаками, каковыми являются прецедентные феномены, кодирующие явления и события несвоей культуры и отражающие их ценностное восприятие.

В исследовании прецедентных феноменов данного типа существует по-прежнему много «белых пятен», поскольку не снимается проблема так называемой культурной адаптации, как внутрикультурной, так и межкультурной. Нередко даже в условиях внутрикультурного общения прецедентный текст не всегда и всеми воспринимается как таковой, и содержание текста может ограничиваться пределами словарного значения составляющих его единиц за счет актуализации «поверхностного» смыслового пространства. Таким образом, функционирование прецедентных феноменов в речевом общении как своего рода пароля, т. е. метки принадлежности к своей культуре, не всегда производит ожидаемый эффект. Данная ситуация усугубляется при восприятии прецедентных явлений, формирующихся в рамках «чужой» культуры, если уровень образованности, культуры и эрудиции читателя не обеспечивает необходимого кода доступа в соответствующее смысловое пространство. В связи с этим термин *ксенотекст*, обозначающий разновидность прецедентного текста, заимствованного из внешней культуры и используемого в тексте, который создается для представителей своей (внутренней) культуры, оказывается наиболее чувствительным и продуктивным при описании взаимодействия лингвокультур. Он позволяет выявить национально-культурную специфику прецедентов за счет более точного определения исследователем актуализируемых в тексте целом смыслов. Более того, он позволяет выявить внутреннюю противоречивость одного и того же прецедента, который, функционируя как ксенотекст, может выражать отличные от своего исконного дискурса смыслы.

Оценивая возможности использования ксенотекстов в дискурсе СМИ, необходимо еще раз отметить не только их большую воздействующую силу, но и манипулятивность, обусловленную возможностями разнообразных семантических преобразований при перенесении прецедентов из текстов одной культуры в другую.

ИСТОЧНИКИ

1. Barton L. Pussy Riot's Kremlin protest owes much to riot grrrl // The Guardian. 03.02.2012. URL: <http://www.guardian.co.uk> (дата обращения: 24.09.2014).
2. Foster P. American Way // The Telegraph. 30.08.2014. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/>

[worldnews.us-politics/11065494/Vladimir-Putin-has-absorbed-the-West's-consequences-and-stepped-up-his-aggression.html](http://www.worldnews.us-politics/11065494/Vladimir-Putin-has-absorbed-the-West's-consequences-and-stepped-up-his-aggression.html) (дата обращения: 01.09.2014).

3. McLynn F. Villa and Zapata: A History of the Mexican Revolution. — New York : Carroll and Graf, 2000.

4. Harding L. WikiLeaks cables: Dmitry Medvedev "plays Robin to Putin's Batman" — US diplomats consider Vladimir Putin to be the real ruler of Russia despite handing over presidency to Dmitry Medvedev // BBC News. 10.12.2012. URL: <http://www.bbc.co.uk/programmes/b01p8t64> (дата обращения: 30.09.2014).

5. Obama Stalin // The Huffington Post. 04.11.2014. URL: <http://www.huffingtonpost.com/news/obama-stalin/> (дата обращения: 04.11.2014).

6. Luhn A. Russia tightens limit on foreign ownership of media // The Guardian. 26.09.2014. URL: <http://www.theguardian.com/world/2014/sep/26/russia-limit-foreign-ownership-media> (дата обращения: 01.10.2014).

7. Mendras M. Russian politics: Not such a strongman // The Economist. 09.06.2012. URL: <http://www.economist.com/node/21556543> (дата обращения: 01.10.2014).

8. Moby Thesaurus. URL: <http://englishtips.org/1150798577-moby-thesaurus.html> (дата обращения: 25.09.2014).

9. Mr. Putin Tries to Crush Another Rival // NYPost. 18.07.2013. URL: http://www.nytimes.com/2013/07/19/opinion/mr-putin-tries-to-crush-another-rival.html?_r=0 (дата обращения: 26.09.2014).

10. Myers S. L., Becker J., Yardley J. Private Bank Fuels Fortunes of Putin's Inner Circle // NYTimes. 27.09.2014. URL: <http://www.nytimes.com/2014/09/28/world/europe/it-pays-to-be-putins-friend.html> (дата обращения: 28.09.2014).

11. Rojansky M. Putin Plays the Action Man But Support May Begin to Wane // The Independent. 10.07. 2010. URL: <http://carnegie.ru/publications/?fa=41377> (дата обращения: 01.10.2014).

12. Rosenberg St. Ukraine crisis: Meeting the little green men // BBC News. 30.04.2014. URL: http://www.bbc.com/news/30_April_2014 (дата обращения: 28.09.2014).

13. Rosneft's Igor Sechin Q&A Transcript With WSJ // Wall Street Journal. 2.11.2012. URL: <http://www.wsj.com/emerging-europe/2012/11/02/rosneft-ignor-sechin-qa-transcript-with-wsj/?mo> (дата обращения: 25.09.2014).

14. Roxburgh A. No one knows what Putin's up to, but sanctions are the west's biggest mistake // The Guardian. 29.08.2014. URL: <http://www.theguardian.com/commentisfree/2014/aug/29/ukraine-putin-sanctions-west-biggest-mistake> (дата обращения: 29.09.2014).

15. The New Oxford American Dictionary. URL: <http://www.en.academic.ru/dic.nsf/enwiki/13401> (дата обращения: 24.09.2014).

16. Tharoor I. Why US conservatives love Russia's Vladimir Putin? // Washington Post. URL: <http://www.washingtonpost.com/blogs/worldviews/wp/2014/08/25/why-u-s-conservatives-love-russias-vladimir-putin/> (дата обращения: 29.08.2014).

17. Weir F. Is Russia's Paul McCartney a traitor? The Kremlin would like you to think so // The Christian Science Monitor. 25.09.2014. URL: <http://www.csmonitor.com/World/Europe/2014/0925/Is-Russia-s-Paul-McCartney-a-traitor-The-Kremlin-would-like-you-to-think-so> (дата обращения: 27.09.2014).

18. Wood L. T. Terrorists, Putin and the Hubris of Sochi // NYPost. 01.04.2014. URL: <http://nypost.com/2014/01/04/> (дата обращения: 03.10.2014).

ЛИТЕРАТУРА

19. Арутюнова Н. Д. Речеповеденческие акты в зеркале чужой речи // Человеческий фактор в языке. Коммуникация. Модальность. Дейксис / ред. Т. В. Булыгина. — М. : Наука, 1992.
20. Бахтин М. М. Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук. — СПб. : Азбука, 2000.
21. Бурак А. Л. Россия. Русско-английский культурологический словарь / А. Л. Бурак, С. В. Тюленев, Е. Н. Вихрова ; под общ. рук. С. Г. Тер-Минасовой. — М. : Астрель : АСТ, 2002.
22. Вайс Д. Интертекстуальность в Госдуме (Депутаты любят цитаты) // Политическая коммуникация: перспективы развития научного направления : материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 26—28.08. 2014) / гл. ред. А. П. Чудинов ; ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». — Екатеринбург, 2014. С. 43—45.
23. Вежбицкая Анна. Понимание культур через посредство ключевых слов / пер. с англ. А. Д. Шмелёва. — М. : Языки славянской культуры, 2001. (Язык. Семиотика. Культура. Малая серия).
24. Иванова С. В. Политический медиа-дискурс в фокусе лингвокультурологии // Политическая лингвистика. 2008. № 1 (24). С. 29—33.
25. Иванова С. В. Политический ребрендинг от противника как коммуникативная стратегия // Политическая лингвистика. 2013. № 4 (46). С. 42—46.
26. Иванова С. В., Чаньшьева З. З. Лингвокультурология: проблемы, поиски, решения : моногр. — Уфа : РИЦ БашГУ, 2010.
27. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. — М. : Едиториал УРСС, 2003.
28. Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства / сост. Р. Г. Григорьева ; предисл. С. М. Даниэля. — СПб. : Академический проект, 2002. (Сер. «Мир искусств»).
29. Нахимова Е. А. Прецедентные онимы в современной российской массовой коммуникации: теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2011.
30. Падучева Е. В. Показатели чужой речи: мол и дескать. URL: <http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf/ksenomarkery.pdf> (дата обращения: 1.11.2014).
31. Плунгян В. А. О показателях чужой речи и недостоверности в русском языке: «мол», «якобы» и другие // Wiener Slawistischer Almanach. — München : Sagner, 2008. Sonderband 72. S. 285—311. URL: <http://www.academia.edu/8181009> (дата обращения: 1.11.2014).
32. Чаньшьева З. З., Гайнанишин М. Ф. Синергетический эффект экономической метафоры в интердискурсивном пространстве // Вестн. Балт. федерального ун-та им. И. Канта. Филол. науки. — Калининград, 2014. № 2. С. 98—106.
33. Hirsh E. D. Jr., Kett J. F., Trefil J. The New Dictionary of Cultural Literacy. — Boston ; New York : Houghton Mifflin Company, 2002.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Е. А. Нахимова.

О. С. Иссерс
Омск, Россия

O. S. Issers
Omsk, Russia

**В ПОИСКАХ ОБЩЕГО СЛОВАРЯ:
ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ
НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ
ПРОЕКТОВ «СЛОВО ГОДА»**

**IN SEARCH OF COMMON VOCABULARY:
CONTEMPORARY DISCURSIVE PRACTICES
THROUGH THE PRISM OF PROJECTS “WORD OF
THE YEAR”**

Аннотация. Анализируются российские проекты «Слово года» (2012—2013). Рассматриваются «ключевые слова» и продуктивные словообразовательные модели. Определены наиболее популярные модели образования неологизмов в современной политической коммуникации. Автор приходит к выводу, что «слова года» отражают не только специфику общественного диалога в России, но и креативный потенциал его субъектов.

Abstract. The article focuses on the analysis of the Russian projects “The Word of the year” (2012-2013). It deals with the “key words” and productive derivative models. The most popular models of derivation of neologisms in modern political communication are defined. The author concludes that “words of the year” not only reflect the specific nature of the social dialogue in Russia, but also display the creative potential of its subjects.

Ключевые слова: слово года; неологизм; политический дискурс.

Key words: word of the year; neologism; political discourse.

Сведения об авторе: Иссерс Оксана Сергеевна, доктор филологических наук, профессор, декан факультета филологии и медиакоммуникаций, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики.

About the author: Issers Oxana Sergeevna, Doctor of Philology, Professor, Dean of The Department of Philology and Media, Head of Theoretical and Applied Linguistics Chair.

Место работы: Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.

Place of employment: Omsk State University named after F. M. Dostoevsky.

Контактная информация: 644077, г. Омск, пр-т Мира, 55а, 2-й корп. ОмГУ, к. 221.
e-mail: isserso@mail.ru.

В последние годы развитие гражданского общества и попытки построения полноценного общественного диалога в России в явной и скрытой форме обнаруживают конкуренцию дискурсов, которая всегда обостряется в периоды борьбы за социальную власть. Эта власть проявляется в доступе не только к материальным, но и к символическим ресурсам — знаниям, образованию, публичной коммуникации, а также в контроле над ними. «Тому, кто может убеждать, соблазнять, внушать или манипулировать людьми, не нужно применять силу» [Дейк 2013: 32].

Активность оппозиции в 2011—2012 г. дала новый импульс к развитию политического лексикона, который всегда чутко реагирует на социальное напряжение в обществе [Иссерс 2014: 219—224]. Так, еще в конце прошлого века В. Г. Костомаров отмечал, что на смену «осторожно-чистой, сверхправильной речи времен тоталитаризма пришел резко раскрепостившийся, свободный язык нового времени» [Костомаров 1994: 72]. В современном политическом дискурсе несомненными лидерами в языковой либерализации стали традиционные и новые медиа, которые моментально подхватывают речевые новшества и активно изобретают свои собственные.

Конкуренция в борьбе за контроль над публичным дискурсом проявляется в том, чтобы устанавливать свои принципы и нормы социальных практик и по-своему их описывать. Это легко обнаружить в материалах традиционных и новых медиа.

10-е годы нашего столетия отмечены новым всплеском неологической активности. В попытке построения равноправного общественного диалога общество захлестнула волна критического осмысления социальных реалий, что отразилось в активном формировании новых дискурсивных практик и лексических новообразований.

«То, что сейчас происходит в СМИ, стоит назвать войной формулировок,— замечает Игорь Задорин, руководитель исследовательской группы «Циркон». — Например, социологи обнаруживают, что треть россиян — активна. Но от того, как они назовут эту треть — гражданским обществом, протестным электоратом или ресурсом правящего режима, — в конечном итоге зависит, как будет выстраиваться публичная политика. Парадокс в том, что называть можно и так, и так: **общего „словаря“ в стране нет**» [Филина 2014].

ГИПОТЕЗА И МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ

«Поиски словаря» — одна из причин того, что исследователи называют «неогенным бумом» [Попова, Рацибурская, Гугунава 2011].

В качестве гипотезы мы рассматриваем идею о том, что в целом поиски нового словаря и «воля к смыслообразованию» являются дискурсообразующими установками для политической коммуникации. При этом взаимодействие между социальными и дискурсивными структурами не есть только каузативное взаимодействие. «Язык отражает общество не как зеркало, а как спарринг-партнер. Отражает удары, наносит

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (грант № 14-04-00487/14 «Новые медиа в России: исследование языка и коммуникативных процессов»).

свои, передразнивает, нападает, бросает вызов...» — замечает М. Эпштейн [Эпштейн 2014]. Основной стратегией, определяющей специфику современной политической неологии, можно считать «борьбу за значение», причем с установкой на критический по отношению к политическому оппоненту эффект. Это не исключает, а, наоборот, способствует широкому использованию различных приемов языковой игры на разных уровнях.

В последние годы появилось несколько социально-лингвистических интернет-проектов, которые предоставляют широкое поле для наблюдений и выводов. Во-первых, это проекты «Слово года» (М. Эпштейн) и проводимое компанией «Public.ru» исследование «Пресс-слово года».

Проект М. Эпштейна стартовал в России в 2007 г. как продолжение международной традиции: в США подобные «выборы» проходят с 1990 г., в европейских странах они также весьма популярны (см., например: [Word of the Year 2013]). Это взгляд на языковую жизнь российского общества, ограниченную четкими календарными рамками одного года: по нескольким словам можно судить о том, какова была атмосфера того времени. Отбор проходит через социальную сеть «Facebook», где выбирают неологизм года и слово года. После того как около 300 человек из разных групп предложат свои слова года и неологизмы, экспертный совет (филологи, лингвисты, писатели, журналисты, культурологи) выбирает «лидеров» по пятибалльной системе. Как отмечает организатор конкурса Михаил Эпштейн, 2012—2013 гг. оказались самыми щедрыми на новые слова и выражения с тех пор, как проводится этот конкурс. За все нулевые годы (а может, и со времен перестройки) в язык не вошло сразу так много понятий, прежде всего общественно-политических.

Схожая методика опроса реализована в спецпроекте «Словарь года» на сайте «Большой город» [Словарь года], который также нацелен на выявление новых слов и выражений силами читателей.

Проект «Пресс-слово года 2012» и «Пресс-слово года 2013» реализовала компания «Public.ru». С помощью собственной системы медиапоиска и анализа (более 4000 СМИ) аналитики постарались зафиксировать неологизмы, авторскую креативную лексику и вернувшиеся обратно в активное употребление редко используемые слова и термины, на основании чего были составлены рейтинги «Новояз 2013» и «Пресс-портрет 2013».

Для целей нашего исследования оба проекта, несомненно, представляются актуальными источниками.

По словам филолога, профессора американского университета, основателя проекта «Слово года» М. Эпштейна, 2012 год, озаглавленный митинговой активностью, ощущением начавшихся перемен, оказался необычайно щедрым на новые слова и выражения: «В обще-

ственном и политическом вакууме 2000-х годов вся скрытая энергия российского бытия, вся тоска по смыслу и воля к смыслообразованию, стали опять переходить в язык, в языкотворчество, потому что больше им просто некуда было деться» [Архангельский 2012: 20].

2013 г. также отмечен появлением большого количества новых слов, несмотря на то, что, по мнению М. Эпштейна, произошло «торможение эмоциональной сферы, <...> преобладают интонации вялого отбrehивания, ленивого и безнадежного сарказма. Уровень эмоциональности близок к нулю» [Эпштейн 2014].

На наш взгляд, на материале указанных проектов можно обнаружить механизмы конкуренции за «смыслообразование». «Слово года» — это своеобразный социально-политический портрет года, реконструированный через номинативные лингвистические маркеры. Каковы эти лингвистические маркеры? Какого рода информацию они позволяют получить?

Рассмотрим наиболее яркие тенденции в формировании нового социально-политического словаря последних лет, которые можно обнаружить по проектам «Слово года» последних двух лет.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОЛОГИЯ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

Лексические единицы, вошедшие в список «слов года», отражают фокусы общественного внимания «за отчетный период» (с учетом методики сбора материала). Их можно рассматривать в качестве индикаторов социальных изменений, маркеров меняющейся системы ценностей. Применительно к общественно-политическому дискурсу Т. В. Шмелева в начале 90-х гг. назвала их «ключевыми словами текущего момента» [Шмелева 1993]. Господствуя в понятийно-лексическом поле текстов СМИ, они выполняют роль ключа для целой группы связанных с ними идей и понятий. Признаки данной группы слов: 1) высокая частотность, в том числе использование в заголовочных комплексах и рубриках; 2) словообразовательный потенциал (активное использование для образования новых слов); 3) языковая рефлексия; 4) текстогенность [Шмелева 1993, 2009]. Рассматриваемый материал является весьма репрезентативным для подобного анализа, поскольку соответствует основному признаку «ключевых слов» — высокой частотности. Корпус «слов года» позволяет провести анализ их словообразовательного потенциала, а также обнаружить следы лингвистической рефлексии, что находит отражение в различных приемах языковой игры.

Для целей нашего исследования актуально, что динамика ключевых слов, с одной стороны, значимая дискурсивная характеристика, с другой — существенный показатель социальной жизни общества. В табл. представлена выборка лексики с наибольшим ростом частотности (по результатам проекта «Пресс-слово года»).

Таблица. Лидеры роста 2013 г.

Единица	2012	2013
Болотное дело	5143	20546
госдура	31	701
двушечка	304	691
Диссернет	1	791
евроинтеграция	9213	51503
евромайдан	0	35552
титушки	0	2599
сердюковщина	59	383

Сравнение результатов двух проектов 2013 г. (М. Эпштейна и «Пресс-слово года») позволяет обнаружить, что в фокусе общественного интереса находятся приблизительно одни и те же события. Однако в списке слов М. Эпштейна заметен акцент на оценку их с точки зрения оппозиции власти: *пехтинг* — 31 %, *Болотный процесс* — 30 %, *диссернет* — 27 %, *евромайдан* — 25 %, *факелоносцы* — 21 %, *распилиада* — 18 %, *мизулинг*, *мизулинка* — 10 %, *оборонсервис* — 9 %.

«Пресс-слово 2013» отражает позицию СМИ более сдержанно, фиксируя отношение к денотату/сигнификату имплицитно, через сам факт повышенной частотности: *евроинтеграция*, *Болотное дело*, *майские указы*, *Бирюлевская овощебаза*, *единый учебник истории*, *духовные скрепы* (*скреп*) и др. Естественно, что большая часть этого списка связана с политическими событиями прошедшего года на Украине: самыми популярными неологизмами на страницах СМИ стали *евромайдан* (с большим отрывом — первое место в рейтинге) и *титушки* (второе место)¹. Кроме лидеров рейтинга, на страницах российских СМИ зафиксированы многочисленные производные от ключевого топонимического маркера — *майдан*: *майдановцы*, *майдауны*, *майданутые*, *майданобайкеры* и *майданобайтеры*, *майданофраза*, *майданофил* и др.

Однако нельзя не заметить чувствительность СМИ к некоторым дискурсивным фактам, отражающим не столько общественно-политическую ситуацию, сколько персонифицированную реакцию на нее. Так, победителем проекта «Слово года 2013» по версии М. Эпштейна стало имеющее длинную медийную историю слово *госдура*, произнесенное в эфире (якобы как оговорка) известным телеведущим Владимиром Познером. Парадоксальное оксюморонное сочетание независимо от желания или нежелания его автора было подхвачено прессой и стало знаком жесткой оценки деятельности Государственной думы за прошедший год.

¹ Лица спортивной внешности, провокаторы с Евромайдана. Слово произошло от имени украинского спортсмена Вадима Титушко, ставшего известным после нападения на журналистов, освещавших события акции оппозиционного протеста.

Заметной дискурсивной (и не только) характеристикой 2012—2013 гг. стала *двушечка* — слово было произнесено В. Путиным в октябре 2012 г. в контексте приговора группе Pussy Right: *...дело стали раскручивать и докатили до суда, а суд залепил им двушечку* [Путин о приговоре PR 2012]. Контраст значения этой лексической единицы ('два года тюремного заключения') и формы диминутива является маркером не только отдельной языковой личности, но и заметного сдвига по этической шкале.

«Слово года» отражает не только конкретные реалии, но и оценку обществом тех или иных событий, личностей (*титушки*, *сердюковщина*), что видно по включению в списки как нейтральных, так и оценочных номинаций (оценка может быть как явной — *майданутые*, — так и скрытой). Так, *13-комнатная квартира* фаворитки экс-министра Сердюкова с точки зрения политических реалий должна находиться на периферии словаря года. Однако, будучи маркером коррупции в органах государственной власти, закономерно входит в топ медийного рейтинга.

Анализ явных и скрытых оценочных словоупотреблений не позволяет согласиться с мнением М. Эпштейна о том, что уровень эмоциональности в «слове 2013» близок к нулю. Обобщая результаты двух проектов, можно заметить, что почти для всякого нейтрального употребления есть оценочный коррелят и обе номинации так или иначе представляют один и тот же фрейм социально-политической жизни страны:

деофшоризация — *киприоты России*, *патриоты-киприоты*;

евромайдан — *евросодом*, *майданутые*; *пенсионная формула*, *пенсионный калькулятор* — *пехтинг*, *мизулинг*, *Госдура*, *думак*;

Оборонсервис — *13-комнатная квартира*, *сердюковщина*, *дамы Сердюкова*, *шубохранилище*.

Полученные разными методами количественные данные, ставшие базой для формирования актуального словаря 2012—2013 гг., дают возможность увидеть более значимые, содержательные характеристики современного политического дискурса.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕРИВАТОЛОГИЯ

Одним из традиционных приемов выражения экспрессии является актуализация внутренней формы и **прием паронимической аттракции**. Подобные оценочные новообразования, построенные на основе сходства в звучании отдельных компонентов двух «сближаемых» слов, очень характерны для социальной критики: они высвечивают наиболее острые проблемы общественной жизни. В 90-х гг. в фокусе общественного внимания были *прихватизация* и *прихваторы*, *демокрады*, *дерьмократы* и др. [Какорина 1996: 422]. В 2011 г. в лидерах «Слов года» зафиксированы окказионализмы *здравохоронение*, *извирательная кампания*. Дискредитирующий потенциал паронимической игры обнаруживается в

шуточном названии политической партии — «*Киприоты России*» (2013), отсылающем к прототипу — партии «Патриоты России». Намек на несоответствие декларируемых и истинных ценностей ее лидеров содержится в имплицитной отсылке к мошенническим схемам приобретения капитала путем ухода в офшорные зоны (одна из них — Кипр).

События, связанные с упразднением в 2013 г. Академии наук и передачей руководства наукой Федеральному агентству по научным организациям, отразились в окказиональных дериватах *наукопомрачение*, *десциенция* (от *descientia* — ср. *деменция*; буквально «обезнаучивание», слабоумие в масштабах страны) и *проФАНация* науки (от *profanatio* — искажение, опошление).

Источником подобных окказионализмов, построенных на основе паронимической аттракции, нередко являются имена известных политических деятелей: *Небольшая путиница в протоколах*. В целом — все очуровательно! (Владимир Чуров — председатель Центральной избирательной комиссии в 2012—2013 гг.).

Такое использование антропонимов не ново как в художественной, так и в публицистической речи. Исследователи отмечают, что в постперестроечный период собственные имена политических и общественных деятелей порождали целые серии производных разнообразной семантики и структуры. Так, ключевое имя собственное 90-х гг. — Ельцин — стало основой для производства разнообразных окказионализмов — от иронических *ельцинолюб*, *ельцинофобия* до уничтожительных *ельциноголовые интеллигенты* и *ельциноиды* [Земская 1996]. Искаженные имена политических лидеров активно использовались в оппозиционной прессе как своеобразные «обзывалки»: *Чубаучер* (*Чубайс*), *Черномырдная рябина* (*Черномырдин*), *Пол таранил* (*Потаранин*) и др. [Какорина 1996: 422].

Традиция «антропонимических игр» с именами политических противников продолжается и в настоящее время: *Созывали силком*. *Любви к „лидеру“ это не добавляет, как раз наоборот*. *Чем дальше, тем больше старания теперь володинских сурков наводят уныние и неприязнь к такой заботе* (ЖЖ). Аллюзия на бывшего вице-премьера правительства Владислава Суркова, которого считали главным идеологом Кремля, и одного из функционеров «Единой России» В. Володина достаточно очевидна — так же, как и внутренняя форма именования последователей партийного лидера.

Наиболее яркие примеры «нового русского слова» (в том числе и по данным проекта Михаила Эпштейна) построены **на основе контаминации**, или «междусловного наложения» [Журавлев 1982]. В. К. Харченко относит данный прием к проявлениям компрессии — сжатия речевых форм: «Как средство языковой игры, контаминация захвачена публицистическим дискурсом» [Харченко 2012: 59—61].

Наблюдения за функционированием слов-гибридов в политической риторике постсоветского периода показывают их активное использование в стратегии дискредитации политического противника: *гайдарономика* (калька с популярных в США в 70—90-х гг. терминов *рейганомика*, *клинтономика*), *демунисты* (наложение слов *демократы* и *коммунисты*), *коммунофашизм*, *иудоккоммунисты* (примеры Е. А. Земской и Е. В. Какориной).

Потенциал этой словообразовательной модели (во всех ее вариациях) оказался востребованным и в риторике «текущего момента»: в число «слов года» вошли *тандемократы* (2012), *Азиопа*, *Москвабад*, *распилиада* (2013).

По списку наиболее актуальных слов 2013 г., образованных по модели контаминации, «чувствуется сфокусированность, плотность политического сознания, которая отражает произошедшие события года» [Архангельский 2012: 20]. Там есть *религархия*, обозначающая сращение религии и политики во властных структурах. К этому же семантическому полю, отражающему реалии политической жизни, относится *кривосудие*. Заметим, что иронический скепсис по поводу технологического прорыва России, провозглашенного экс-президентом Д. А. Медведевым, отразился в «слове 2011» — *нанопрезидент*.

Нужно сказать, что большая часть лексических единиц, отмеченных в проектах Михаила Эпштейна и «Public.ru» как «неологизмы года», появилась не за счет заимствований, а на исконно русской почве: слова образованы из морфем русского языка, построены по его словообразовательным моделям. Первую премию на конкурсе авторских неологизмов года получило слово *молчевидец* (автор Отар Бежанов) — ‘тот, кто видит, но молчит’. Отмечены также *ропщественность* (‘приглушенное возмущение’), *всегодяй* (негодяй — ‘тот, кто никуда не годится’, а всегодяй — ‘тот, который всегда и на всё способен, и на хорошее, и на плохое’). Даже из этого небольшого списка видно, насколько сильным воздействующим потенциалом обладает словообразовательная модель контаминации.

Контаминационная и другие словообразовательные модели в политическом дискурсе нередко востребованы в целях обозначения роли общественных и государственных деятелей, персонификации их ответственности за те или иные события, процессы. В 90-х годах было популярно слово *чубаучер* (приватизацию и ее инструмент — ваучеры — связывали с именем А. Чубайса), зафиксировано *ГКЧПуга* (от *ГКЧП* и фамилии одного из инициаторов путча — *Луго*) (примеры Е. А. Земской). В политической ситуации 2011—2012 гг. значительную роль играл председатель Центральной избирательной комиссии В. Чуров. Социальная оценка его действий в оппозиционном дискурсе закрепились в словосочетаниях, построенных на аллюзиях: *чуровщина года* и *чурова победа*.

В последние годы в «политических» окказионализмах актуализируется ответственность президента России В. В. Путина. Так, в 2012 г. Поклонная гора в противовес митингам на Болотной и Сахарова собрала свое сообщество — тех, кто выступал против угрозы «оранжевой» революции и активно поддерживал кандидатуру В. В. Путина на предстоящих президентских выборах. Именно поэтому митинг на Поклонной горе, как и все последующие провластные акции, в дискурсе оппозиции получил название *путинге*.

Ярким примером быстроты персонализации языковой реакции на события общественной жизни может служить следующий факт. Весной 2013 г. известный французский актер Ж. Депардьё, уходящий от налогов в своей стране, обратился к президенту России с просьбой о получении российского гражданства, что активно обсуждалось в прессе и блогах. В результате его просьба была удовлетворена, более того, ему было предоставлено элитное жилье. Язык отреагировал стремительно, обозначив подобные действия глаголом *депардьироваться*.

Картина «политического словообразования» была бы неполной без нарицательных имен лиц — участников активных политических действий. Как отмечено еще в 90-х гг. Е. А. Земской, «герой современного словообразования — человек» [Земская 1996: 103]. Именно поэтому наиболее активны такие разряды наименований, которые отражают героев социально-политической сцены. Протестные акции 2011—2012 гг. внесли свой вклад в состав «нового русского словаря»: *белоленточник* (сторонники оппозиции в знак мирного характера протеста носили на груди белые ленточки), *кощунники и кощунницы* (солистки группы «Pussy Riot», устроившие панк-молебен в храме Христа Спасителя), *болотник* (тот, кто протестовал на Болотной площади), *карусельщик* (участник фальсификационных действий с открепительными талонами на выборах — карусели), *нашист* — сторонник движения «Наши» (примечательно, что эта же лексема использовалась в украинском политическом дискурсе для обозначения членов партии «Наша Украина») [Кудрявцева 2010: 126].

В русле указанных тенденций интересно отметить, как нелепые комментарии к ситуации на Украине, которые давала спикер Госдепартамента США Дженнифер Псаки, немедленно вызвали целый ряд уничижительных окказиональных образований: *псакнуть, напсакать, один псак* (единица маразма) и др. Можно не сомневаться, что они войдут в список «Слов года 2014».

Как показали наши наблюдения, материал проектов «Слово года» является репрезентативным источником для анализа корреляции между актуальными социальными процессами и дискурсивными практиками. «Слова года» отражают не только специфику общественного

диалога в России, но и креативный потенциал его субъектов. Анализируя материалы, трудно не согласиться с оптимистическим мнением Михаила Эпштейна: «Начался процесс сознательного возвращения в родной язык, оживление вкуса к языкотворчеству, словотворчеству. Этот процесс можно назвать воязыкованием — по сходству с воцерковлением. <...> Воязыкование — это обратное вхождение в язык всех выходцев из него, готовность сомыслить и сотворить ему, выращивать новые, живые побеги на его заскорузлых корнях» [цит. по: Архангельский 2012: 21].

Словарь года обладает большим прагматическим потенциалом. Эта функция новых слов и выражений связана с воздействием на адресата с целью изменения его ценностно-мировоззренческих установок, ментальных и поведенческих актов. В то же время нужно помнить, что мы имеем дело со сложным социокогнитивным процессом, в котором взаимодействие носит двусторонний характер: с одной стороны, сложившиеся и обновляющиеся дискурсивные практики влияют на ментальные модели в сознании адресата, с другой — когнитивные структуры участников политической коммуникации определяют векторы взаимодействия в обществе и тем самым влияют на будущие дискурсы.

Формирование общественного сознания происходит преимущественно с помощью языковых средств: именно в дискурсе конструируется, приобретает смысл объективная реальность. И языковые механизмы играют в этом смыслообразовании наиважнейшую роль. Вряд ли можно ожидать, что в обществе, имеющем демократические устремления, когда-нибудь раз и навсегда сформируется «общий словарь». Но на основе наблюдений за созданием новых единиц политического лексикона можно увидеть попытки построения двустороннего и равноправного публичного диалога.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архангельский А. «Язык политизируется там, где отсутствует политика» // Огонек. 2012. № 51.
2. Дейк ван Т. А. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации. — М.: Либроком, 2013.
3. Журавлев А. Ф. Технические возможности русского языка в области предметной номинации // События номинации в современном русском языке. — М.: Наука, 1982.
4. Земская Е. А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985—1995). — М.: Языки русской культуры, 1996. С. 90—141.
5. Иссерс О. С. Дискурсивные практики нашего времени. 2-е изд., испр. — М.: ЛЕНАНД, 2014.
6. Какорина Е. В. Стилистический облик оппозиционной прессы // Русский язык конца XX столетия (1998—1995). — М., 1996. С. 409—426.
7. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи: из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. — М., 1994.
8. Кудрявцева Л. А. Медиадискурс «посторанжевой» Украины // Русский язык: исторические судьбы и со-

временность : 4 Междунар. конгр. исследователей русского языка : труды и материалы. — М., 2010. С. 126—127.

9. *Попова Т. В., Рацибурская Л. В., Гугунава Д. В.* Неология и неография современного русского языка. — М. : Флинта, 2011.

10. *Путин* о приговоре PR: «Суд залепил им двушечку — они этого хотели». URL: <http://www.fontanka.ru/2012/10/07/036/> (дата обращения: 20.10.2012).

11. *Филина О.* Великодержавный активизм. — Огонек. 2014. № 25.

12. *Харченко В. К.* Современная повседневная речь. — М., 2012.

13. *Шмелева Т. В.* Ключевые слова текущего момента // Colloquium. — Киев, 1993. № 1. С. 33—41.

14. *Шмелева Т. В.* Кризис как ключевое слово текущего момента // Политическая лингвистика. 2009. Вып. 2(28). С. 63—67.

15. *Этштейн М.* Язык — не зеркало общества. URL: http://snob.ru/profile/27356/blog/70175#comment_681703 (дата обращения: 03.01.2014).

ИСТОЧНИКИ МАТЕРИАЛА

16. *Пресс-слово года 2012.* URL: www.public.ru/press-word2012 (дата обращения: 10.06.2013).

17. *Слово года-2013.* Главные итоги. URL: <http://snob.ru/profile/27356/blog/69362> (дата обращения: 06.01.2014).

18. *Клейкие листочки.* Слово года-2012. URL: <http://mikhail-epstein.livejournal.com/116703.html> (дата обращения: 10.01.2013).

19. *Словарь года.* URL: http://bg.ru/tags/slovar_goda/ (дата обращения: 08.01.2014).

20. *Word of the Year 2013.* URL: www.merriam-webster.com/.../2013-word-of-th.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

Н. И. Клушина **N. I. Klushina**
Москва, Россия Moscow, Russia

ТЕОРИЯ ИДЕОЛОГЕМ

THE THEORY OF IDEOLOGEME

Аннотация. Рассматривается становление и развитие теории идеологем в российской лингвистике. Прототипом идеологемы можно считать мифологему. Мифологема понимается как первоэлемент сознания (индивидуального, коллективного и массового), с помощью которого человек познает, объясняет и структурирует окружающую его действительность. Идеологеме мы определяем интегративно — как ментально-стилистический феномен, как идеологический концепт, реализующий определенную заданную идею с помощью стилистических ресурсов языка. Идеологемы выполняют важнейшие социальные функции: они создают общее идеологическое пространство, которое в конечном счете и формирует социальную идентичность.

Abstract. The article analyzes the genesis of the ideologeme theory in Russian linguistics. The prototype of an ideologeme is a mythologeme. The mythologeme is treated as the simplest element of consciousness (individual, collective and mass), with the help of which people cognize, explain and structure the environment. The ideologeme may be defined integrally as a mental-stylistic phenomenon, as an ideological concept, which realizes a certain idea by stylistic means. Ideologemes perform the most important social functions: they create the common ideological space that, in the long run, forms the social identity of a person.

Ключевые слова: мифологема; идеологема; концепт; идея; ментально-стилистический феномен; социальная идентичность.

Key words: mythologeme; ideologeme; concept; idea; mental-stylistic phenomenon; social identity.

Сведения об авторе: Клушина Наталья Ивановна, доктор филологических наук, профессор кафедры стилистики русского языка, факультет журналистики.

About the author: Klushina Natalia Ivanovna, Doctor of Philology, Professor of the Chair of Stylistics of the Russian Language, Faculty of Journalism.

Место работы: Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова.

Place of employment: Moscow State University n. a. M.V. Lomonosov.

Контактная информация: 125009, Москва, ул. Моховая, д. 9.
e-mail: nklushina@mail.ru.

В современной российской лингвистике сложилась достаточно стройная, непротиворечивая теория идеологем (Н. А. Купина, Г. Ч. Гусейнов, Е. А. Земская, А. П. Чудинов, Е. И. Шейгал, Н. А. Кузьмина, Е. Г. Малышева, Е. А. Нахимова, Н. И. Клушина и др.) [см., напр.: Купина 1995; Гусейнов 2002; Земская 1996; Чудинов 2006; Шейгал 2004; Малышева 2009; Нахимова 2011а, 2011б; Клушина 2008, 2014].

Чудинов 2006; Купина 1995; Клушина 2008, 2014]. Полиидеологичность постсоветского дискурса не разрушила систему идеологем, а только «перематрировала» ее. Таким образом, идеологеме можно считать универсалией политического и медийного дискурсов как дискурсов тенденциозных, мировоззренчески ориентированных.

На этапе становления данной теории (90-е гг. XX в., эпоха перестройки) идеологема в русистике рассматривалась как сущностная черта тоталитарного дискурса [Купина 1995; Клушина 1995; Земская 1996 и др.]. Такое понимание идеологемы перекликалось с западными учениями об идеологической составляющей языка советской эпохи (например, серьезное влияние здесь оказала антиутопия Дж. Оруэлла «1984», описывавшая новояз как модель тоталитарного языка, искалеченного идеологией).

Такое понимание имманентности идеологем в любом (как в тоталитарном, так и в демократическом) тенденциозном дискурсе базируется на отечественной научной традиции, когда *идеология* и ее структурный элемент *идеологема* трактуются гораздо шире, чем пропаганда и тоталитарный язык [см.: Бахтин 1975; Мелетинский 2000 и др.].

Советский дискурс приравнивался к тоталитарному дискурсу на том основании, что он был *моноидеологическим*, не допускающим другого мнения. Отсюда идеологема воспринималась как пропагандистский штамп, подавляющий свободное развитие мысли.

Мифологема и идеологема: ab ovo. Человек свои первые знания об окружающей его действительности «вложил» в мифы. Миф — это фрагмент коллективного знания о мире, облеченный в художественную форму. Мифы имеют национальную специфику, но базируются на универсальных архетипических антиномиях: *добро/зло; герой/злодей; космос/хаос; память/забвение; любовь/ненависть* — и других архетипах сознания (*подвиг, жертва, возвращение к истокам, необратимость времени* и т. п.). Стройная система мифов, конструировавшая образ донаучного мира, в котором реальные события не противопоставлялись вымышленным, была и древнейшей формой идеологии. Миф объяснял существующий поря-

В постперестройку пришло понимание того, что идеологемы — это не только советизмы, они присущи как тоталитарному (*моноидеологическому*), так и демократическому (*полиидеологическому*) дискурсу (Н. А. Кузьмина, А. П. Чудинов, Н. А. Купина, Н. И. Клушина и др.) [см., напр.:

док и устанавливал статус-кво, консолидируя общество.

В основе мифа лежит мифологема — первоэлемент сознания (индивидуального, коллективного и массового), с помощью которого человек познает, объясняет и структурирует окружающую его действительность.

Мифологема — общие структурные схемы, по которым строится конкретный миф (например, *герой* — Геракл, Один, Илья Муромец — *совершает подвиг*; примером может служить и мифологема *возвращение на круги своя*, которая реализуется в нарративах о *блудном сыне* или в *одиссее Одиссея*), т. е. мифологема — это «морфология» (В. Я. Пропп) мифа.

Таким образом, мифологема — это некая прототипическая формула, заключающая в себе универсальную идею-образ, которая затем может получить национальное наполнение. Например, мифологема *недостижимости высокого творчества* реализуется через мифотопонимы *Олимп*, *Парнас* или метафору *башня из слоеной кости*.

Мифологема является инструментом и способом упорядочивания мира: неизвестное знание с их помощью переводится в знание известное, обыденное, усвоенное и одобренное социумом. Мифологеме обычно противопоставлено научное знание, зиждующееся на рациональном, логическом восприятии мира. Нам такое противопоставление представляется несколько искусственным. Скорее всего, мифологема предстает рациональному знанию или сплетается с ним, проверяется и опровергается им или усваивается социумом. Например, календарные мифы — это попытка разумно объяснить ход природы, опровергнутая в дальнейшем новыми фактами о мире.

Мифологема вербально может выражаться через слово-имя (*Прометей*, *Пенелопа*), словесную формулу (словосочетание или предложение — *возвращение блудного сына*; *битва титанов*) и целый текст (например, о подвигах Геракла). Но в любом случае мифологема — это «свернутый» нарратив, история с определенным сюжетом и героями, действующими в архетипических ситуациях.

Мифологема как вербальный знак репрезентирует символическое значение компрессированного повествования/мифа, что способствует его «консервации» в коллективном сознании. Мифологема при надобности всегда может быть развернута в целостный миф. Таким образом, мифологема выполняет роль символического кодирования мира.

Поэтому мифологема представляет собой сложный когнитивный и стилистический феномен: это универсалия (обязательный элемент) человеческого сознания, облаченная в яркий вербальный образ, что способствует во многом иррациональному усвоению ее социумом.

Рационализм современного человеческого мышления не исключает веры — как интуи-

тивного, скрытого, еще не достигнутого знания. Поэтому мифологема и сегодня бытует во многих сферах общественной жизни — в культуре, политике, массовой коммуникации, рекламе, — т. е. мифологема существует в определенном социальном пространстве (контексте). Поэтому мы можем говорить о контекстных измерениях мифологем — культурном, идеологическом и мультимедийном [Клушина 2014].

С помощью мифологем происходит канонизация реальных исторических событий, поэтизация и героизация повседневности. Миф — это не просто рассказанная история, а регламентация и санкционирование определенной модели поведения (например, героизация самопожертвования в мифе о Прометее). Именно поэтому мифологема широко используются в идеологическом дискурсе.

Идеологема в медиакommunikации. Мифологема в контексте идеологии используется и как собственно культурный феномен (как *прецедентное имя* и *прецедентная ситуация*), и как *идеологема* [Нахимова 2011]. Мифологеме можно рассматривать как прототип идеологемы. Сущность мифологемы и идеологемы одинакова: сложные явления, укладывающиеся в устойчивую словесную формулу, с помощью нее редуцируются до «общепонятных идей» (Э. Дюркгейм). Такие формулы легко укореняются в массовом сознании с помощью стереотипных номинаций и становятся «предметом веры, а не рассуждения» (Л. Леви-Брюль). Как мифологема, так и идеологема включают в себя эмоциональную составляющую, воздействующую на чувства людей, т. е. обладают суггестивностью. И миф, и идеологема базируются на некритическом восприятии действительности и служат для консолидации социума. Только миф кумулирует в себе исторический опыт человечества, а идеологема нацелена в будущее: она ориентирует массовое сознание в заданном направлении. Например, лозунг «Украина — это Европа!», широко используемый во время оппозиционного протеста в Киеве в декабре 2013 — январе 2014 г., совмещает в себе буквальный (географический) смысл с идеологическими и мифологическими представлениями украинских масс. «Украина — это Европа» является, с одной стороны, идеологемой оппозиционной в то время части украинских политиков и их электората, объявивших курс на евроинтеграцию, а с другой стороны, эта же словесная формула является мифологемой, так как упрощает сложный исторический путь развития украинского народа до эмоционально емкого прецедентного выражения, в котором мечта, реальность и вымысел не разграничиваются, а воспринимаются симультанно, как призыв.

Вербальные реализации идеологемы разнообразны. В роли идеологемы может выступать предложение (лозунг, сентенция, афоризм и т. п. — напр.: *Фашизм не пройдет*),

слово (метафора, оним, в том числе антропоним, ярлык и т. п. — напр.: *остров Крым, Тимошенница*), морфема (например, приставки: *присоединение Крыма — воссоединение Крыма*). Идеологически нагруженными могут быть и служебные части речи (например, предлоги: *на Украине — в Украине*).

Таким образом, идеологема — это мифологема, используемая в идеологических целях. Как когда-то древний человек с помощью мифологем познавал действительность, так современный человек с помощью идеологем структурирует и объясняет окружающую его политическую реальность и вырабатывает собственную мировоззрение, согласуя его с идеологией социума.

Идеологема: к определению понятия.

В отечественной науке существуют различные подходы к определению сущности идеологемы: философский, политологический, лингвистический, культурологический. Е. А. Нахимова выделяет «два ведущих направления в трактовке идеологем. Первое из них может быть названо лингвистическим, второе — когнитивным (лингвокогнитивным). В рамках лингвистического направления целесообразно разграничивать также узкий (лексикологический) и широкий (семиотический) подходы» [Нахимова 2011: 153].

Теория идеологем в русистике зародилась в рамках лексикологического подхода, поскольку необходимо было обозначить пласт слов, имеющих идеологическую коннотацию, влияющую на сознание адресата, чтобы ориентировать его в заданном направлении. Суть идеологемы пытались «уловить» через букву, слово, морфему, концепт, стереотип. Дальнейшее развитие этой теории продолжилось в рамках когнитивного подхода, имеющего обратный вектор изучения языка: не от слов-идеологем к их закреплению в сознании, а от ментальных схем, которые находят выражение в словах. Эти два на первый взгляд различных подхода объединяются в современном представлении о неразрывности мысли и слова в вербальной коммуникации. Мыслить можно и невербально, бессловесно, интуитивно, но донести такую невербальную мысль до адресата представляется невозможным.

Поэтому мы полагаем, что в современной науке идеологему можно понимать только *феноменологически* — как ментально-стилистический феномен.

Опираясь на когнитивную трактовку идеологемы, данную Е. Г. Малышевой, которая определяет ее как «единицу когнитивного уровня — особого типа многоуровневый концепт, в структуре которого (в ядре или на периферии) актуализируются идеологически маркированные концептуальные признаки, заключающие в себе коллективное, часто стереотипное и даже мифологизированное представление носителей языка о власти, государстве, нации, гражданском обществе, политических и идеологи-

ческих институтах» [Малышева 2009: 35], Е. А. Нахимова предлагает, на наш взгляд, именно интегративную дефиницию идеологемы как «ментальной единицы, в состав которой входит идеологический компонент и которая, как правило, репрезентируется словом или устойчивым словосочетанием. При когнитивном подходе идеологема рассматривается как феномен, формирующий концептуальные схемы и категории, обуславливающий процессы восприятия, обработки и оценки получаемой информации о том или ином идеологически значимом объекте. Смысловое содержание и эмоциональная окраска идеологем могут неодинаково восприниматься адресатами, поскольку идеологемы репрезентируют специфический взгляд на соответствующую реалию» [Нахимова 2011: 154].

Мы полностью разделяем взгляды Е. Г. Малышевой и Е. А. Нахимовой на природу идеологем. Но мы бы не стали смещать акцент со стилистической составляющей идеологемы на ментальную ее составляющую, поскольку обе стороны этого феномена представляются нам равнозначными.

Функция идеологемы — встраивание в массовое сознание идеологического кванта смысла — решается на когнитивном уровне, но стилистическими средствами. Мы все же настаиваем на включении именно стилистического уровня, наравне с когнитивным, в структуру идеологемы, поскольку выбор из предоставляемых языковой системой почти безграничных возможностей реализации мысли осуществляет именно стилистика.

Таким образом, в российской науке идеологему определяли:

- *грамматически* — через буквы, окончания, морфемы (Г. Ч. Гусейнов и др.);
- *лексически* — через слова, словосочетания, метафоры, ярлыки (Н. А. Купина, А. П. Сквородников, А. П. Чудинов, Н. И. Клушина и др.);
- *аксиологически* — через ценностные модулы лексем (А. П. Чудинов, Е. Г. Малышева, Е. А. Нахимова и др.);
- *концептуально* — через многоуровневый концепт (Н. А. Кузьмина, Е. Г. Малышева, Е. А. Нахимова и др.).

Однако эти определения относятся к реализации идеологем. Буква, морфема, слово, концепт, ментальная схема, стереотип — это идеологема постфактум, это формы ее бытования, «оболочка», в которую она заключается и хранится в нашем сознании.

Прежде чем быть реализованной, идеологема должна быть *замысленной*. И с точки зрения своей интенциональности идеологема — это прежде всего *идея*.

Мы бы повторили данное нами еще в кандидатской диссертации [Клушина 1995] определение идеологемы как *заранее заданной идеи, которая ложится в основу номинации и ориентирует массовое сознание в нужном*

направлении. Эта замысленная, сконструированная идея очень быстро осваивается массовым сознанием и становится ментальным стереотипом (в привлекательной стилистической обертке), мировоззренческим элементом в индивидуальной и коллективной картине мира.

Таким образом, мы рассматриваем идеологема как динамический феномен, а не статический мыслительный конструкт:

Идеологема = заданная идея — стилистическое оформление — «вмонтирование» в сознание.

То есть идеологема — это и сложный когнитивно-стилистический процесс, и результат.

Идеологема, как и любой другой сложный феномен, изменчива и практически неуловима для нашего осознания, она совсем не прищипленный булавкой экспонат в нашей коллекции знаний о мире — мы каждый раз возвращаемся к ней, чтобы хоть как-то (немного) приблизиться к ее постижению.

Сложившееся в обыденном знании представление об идеологеме как о проявлении обскурантизма мышления само по себе является идеологемой об идеологеме.

Как с помощью мифологем когниция о мире кодировалась и передавалась из поколения в поколение, так с помощью идеологем современная действительность идеологически кодируется, чтобы общество могло построить свою идентичность. Идеологическое кодирование — сложный, многоступенчатый и ювелирный процесс, который сродни генной инженерии: квант смысла получает не просто оценку, но и эмоцию, а также яркую, запоминающуюся, но в то же время прагматичную стилистическую упаковку.

Представляется, что сегодня даже в массовое сознание проникла рефлексия об идеологеме как презумпции любого политического и журналистского дискурса. Отсюда частотность упреков в применении двойных стандартов в политике и промывке мозгов СМИ.

Проиллюстрируем вышесказанное примерами из современной истории. Информационная война между Украиной и Россией, развернувшаяся после февральских событий 2014 г., реализуется как война идеологем (*государственный переворот / народная революция и воссоединение Крыма / присоединение Крыма*).

Украинские политики и журналисты идеологическое кодирование массового сознания строили на архетипической антиномии *свой/чужой*. Это эффективный, опробованный, но стандартный и варварский (в значении «племенной») способ ведения идеологической войны.

Сложные с точки зрения истории, культуры, геополитики события (воссоединение Крыма с Россией, раскол Украины на Восток и Запад, насильственное свержение украинского правительства и президента) в украинских СМИ редуцированы и уложены в прокрустово ложе политических ярлыков: *аннексия Крыма,*

российские оккупанты, пророссийские сепаратисты, российская агрессия и т. п.

Тотальность и частотность этих агрессивных идеологем в украинских СМИ (вместо аргументации и анализа сложившейся ситуации) влияет на психоэмоциональную сферу адресата, включается в «коллективное бессознательное» как наиболее простое и понятное объяснение происходящего и создает коллективную консолидированную мировоззренческую модель общества.

Но такое прямолинейное идеологическое кодирование в современном информационном обществе невозможно, поскольку в глобальном информационном пространстве существует и другая интерпретация происходящего.

Российские СМИ использовали нестандартную информационную стратегию в данной войне: они отказались от тривиального образа врага и выстраивали альтернативную интерпретацию украинских событий, редуцируя тем самым информационную картину мира, предоставляя альтернативу адресату: *сепаратисты / сторонники федерализации; революция / вооруженный переворот, путч; аннексия Крыма / Крымская весна* и т. п.

Российские СМИ выстраивали аналогии, которыми сознательно пренебрегали украинские СМИ: *отделение Крыма — отделение Косова; противостояние на Майдане — противостояние на Юго-Востоке Украины* и т. п.

Подобные аналогии и аргументы демонстрировали нарочитый алогизм и абсурдность идеологических номинаций в украинских массмедиа: не бывает миролюбивых, дружественных оккупантов и аннексии без единого выстрела. Но намеренное разрушение аналогий и причинно-следственных отношений в украинских СМИ формируют «разорванное», так называемое клиповое массовое сознание, которое легко управлять.

Предоставление российскими медиа альтернативной, уважительной и цивилизованной (ср.: *российские оккупанты / украинский братский народ*) интерпретации событий на Украине, т. е. удвоение «реальности массмедиа», не позволяло осуществить аннексию сознания украинского массового адресата. Поэтому украинские власти капитулировали перед российскими СМИ (не безосновательно названными украинскими журналистами «Информационные Силы России»), отключив российские телеканалы на территории Украины.

Подведем итоги. Идеологема — это сложный когнитивно-стилистический феномен, с помощью которого формируется массовое, коллективное и индивидуальное сознание конкретного социума. Именно поэтому борьба за власть понимается как борьба за право говорить. Идеологемы выполняют важнейшие социальные функции: они создают общее идеологическое пространство, которое в конечном счете и формирует социальную идентичность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. — М. : Художественная литература, 1975.
2. Гусейнов Г. Ч. Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х гг. : дис. ... д-ра культурологии. — М., 2002.
3. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. — М. : Наука, 1991.
4. Земская Е. А. Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества // Вопросы языкознания. 1996. № 3. С. 23—31.
5. Клушина Н. И. Семантические и стилистические изменения в лексике современной газеты (на материале газет 1989—1994 гг.) : дис. ... канд. филол. наук. — М., 1995.
6. Клушина Н. И. Стилистика публицистического текста. — М. : Медиа Мир, 2008.
7. Клушина Н. И. Контекстные измерения мифологемы // Стилистика сегодня и завтра : материалы конф. — М., 2014. С. 154—157.
8. Кутина Н. А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. — Екатеринбург ; Пермь: Изд-во Урал. ун-та, 1995.
9. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление // Психология мышления / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтера и В. В. Петуховой. — М. : Изд-во МГУ, 1980.
10. Малышева Е. Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. 2009. № 4. С. 32—40.
11. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. — М. : Наука, 2000.
12. Нахимова Е. А. Идеологема «Сталин» в современной массовой коммуникации // Политическая лингвистика. 2011а. № 2. — С. 152—156.
13. Нахимова Е. А. Прецедентные онимы в современной российской массовой коммуникации: теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2011б.
14. Пропт В. Я. Морфология волшебной сказки. — М. : Лабиринт, 2001.
15. Сквородников А. П. Лексикографическая фиксация идеологически неоднозначных слов как культурно-речевая проблема // Филологические науки. 1998. № 3. С. 31—36.
16. Чудинов А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие. — М. : Флинта, 2006.
17. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — М. : Гнозис, 2004.
18. Юнг К. Г. Человек и его символы. — М. : Серебряные нити : Медков С. Б., 2006.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Е. А. Нахимова.

А. Ю. Ларионова
Екатеринбург, РоссияA. Y. Larionova
Ekaterinburg, Russia**О НОВОЙ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ
РАЗНОВИДНОСТИ РУССКОГО ЯЗЫКА****ON A NEW FUNCTIONAL
VARIETY OF RUSSIAN**

Аннотация. Статья посвящена неформальной коммуникации как специфичной части современного коммуникативного пространства России, существенно расширяющей субъектно-авторскую сферу, локальную и количественную представленность в разных областях человеческой деятельности. Неформальная коммуникация рассматривается как система, обладающая языковой самоидентификацией, обусловленной лингвокреативным мышлением нового поколения относительно языка и действительности.

Abstract. The article deals with informal communication as a specific part of the modern communicative environment of Russia, which considerably expands the subjective author's sphere and the sphere of local and quantitative representation in various fields of human activity. The informal communication is pre-sented as a system possessing its own linguistic and self identification resulting from linguo-creative think-ing of the new generation in relation to language and reality.

Ключевые слова: неформальная коммуникация; новая функциональная разновидность языка; новое поколение; новообразование.

Key words: informal communication; new functional variety of language; new generation; new formation.

Сведения об авторе: Ларионова Алла Юрьевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка.

About the author: Larionova Alla Yurievna, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Department of Russian.

Место работы: Уральский федеральный университет имени Первого президента России Б. Н. Ельцина.

Place of employment: Ural Federal University n. a. the First President of Russia B. N. Yeltsin.

Контактная информация: 620002, Россия, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19.
e-mail: alarionov@bk.ru

Современное коммуникативное пространство независимо от сфер общения демонстрирует на рубеже XX — XXI веков высокую частотность креативного использования средств языка и культурного фонда нации. О том, что данный процесс чрезвычайно интенсивен, свидетельствуют многочисленные монографии, диссертационные исследования, статьи, посвященные изучению языка в аспекте новой прагматики и креатива, например, лингвистике посттоталитарного общества, лингвистике СМИ, политической лингвистике и др. (см. работы В. С. Елистратова, О. П. Ермаковой, Е. А. Земской, Е. В. Какориной, Ю. Н. Караулова, В. Г. Костомарова, Л. П. Крысина, Е. С. Кубряковой, В. М. Мокиенко, Е. Н. Ремчуковой, В. В. Химика, А. П. Чудинова и многих других). Среди зарубежных исследователей языка, акцентирующих внимание на его творческом и социотворческом использовании, значимы имена Т. ван Дейка, А. Вежбицкой, У. Лабова, С. Дика, Дж. Бушнела, Х. Вальтера и других ученых.

Инновационность данного процесса уходит корнями в неформальное общение, которое традиционно реализуется в ограниченных ситуативных условиях и предопределено творческой свободой коммуникантов. Однако на современном этапе креативное использование средств языка как явление неформальной коммуникации (далее — НК) существенно расширило границы прежнего функционирования и стало универсальным для разных речевых сфер. По мнению ученых, НК притягивает к себе иные коммуникации, реализуясь в них [Lehtovaara 2009] (обширная сфера фиксации материала НК сравнима, пожалуй, со сферой

функционирования литературного языка), а также позволяет человеку быть удовлетворенным общением в своем социуме и быть более продуктивным в формализованном (рабочем) процессе [Kandlousi 2010]. Элементы НК фиксируются сегодня в публичной речи официальных лиц, в радио- и телеисточниках, в печатных СМИ, в интернет-коммуникации, в рекламе, в граффити, в устной речи, в объявлениях, в плакатах на митингах и пр. и отвечают желаниям коммуникантов реализовать свои потребности не быть ограниченными в средствах самовыражения и взаимодействия с другими людьми. Приведем отдельные «неформальные» фрагменты НК из разных речевых сфер. Например, а) из выступлений президента РФ, см.: *брехня, вранье, гадить, идиотский, крышу снесло, крыша поехала, мочить в сортире, отморозки* и пр. [Смирнова, Ковалевская 2011]; б) из лозунгов на митингах, обращенных к власти, см.: *Берегите высшую школу — мать вашу!* (апрель 1998, Екатеринбург) [Енина 1999]; в) из студенческих граффити, см.: *Каждой твари — по харе; Ученье свет, а неученых — тьма; На позиции девушка, а с позиции — мать*; г) из интернет-общения, в том числе известных людей, см.: *Следите за моей ИНЭТ-девижухой в социальных сетях; Он отсидел в детском саду от горшка до горшка!; Поможем Минобразину* [М. Задорнов @mnzadornov]; д) из устной разговорной речи, см.: *Вся наманюренная такая* (при частотности слова в разговорной речи ни само слово, ни близкие ему производные не фиксируются в современных словарях); е) из афиши, см. подзаголовок в названии спектакля «Разговоры мужчин

среднего возраста *о женщинах, кино и алюминиевых вилках*».

Отметим, что существенным отличительным признаком произведений НК (или вкрапленных «неформальных» фрагментов) следует признать невозможность их автономного включения в официальные письменные источники.

Изучение материала современной НК позволяет сформулировать ее наиболее существенные особенности:

1) открытый характер и неоднородность множеств участников, готовых к неформальному общению в любых ситуациях;

2) активная (и даже агрессивная) публичность НК в отличие от традиционной для русской культуры приватности;

3) выражение мнений и предпочтений (в отличие от фактической информации и общепотребительных языковых средств в формализованном общении) через оригинальные планы выражения и содержания, нарушающие автоматическое восприятие речевого продукта. Фактор «мнений и предпочтений» проявляется, в частности, в повторяемости и узнаваемости таких признаков, как а) разнообразие тематики и характерный ракурс репрезентаций (ирония, ерничанье, стеб), б) прямая или подразумеваемая оценочность («хорошо / плохо», «отвергаемое / принимаемое» и др.) как в референтном, так и в языковом плане, в) «разрешенная» нелитературность репрезентаций, г) потенциальная диалогичность произведений НК, обусловленная сильной творческой составляющей.

Подчеркнем, что методика лингвокультурологического исследования произведений НК (лексем, сочетаний, текстов) учитывает такие факторы, как общность апперцепционной базы носителей языка и преимущественно производный характер произведений НК. Последний требует процедуры сличения с образцами, отраженными в языковом сознании носителей языка, для чего привлекаются структурный (морфемный, словообразовательный, синтаксический), компонентный, интерпретативно-смысловой виды анализа, обеспечивающие сравнительно-сопоставительный анализ планов выражения и содержания средств репрезентации того или иного предмета речи в дискурсе НК.

Сопоставительные аналитические процедуры позволяют отслеживать используемые в НК технологии обращения с языком и текстами, имеющие результатом уникальную «поэзию» неформального дискурса. Наиболее востребованными здесь принципами манипуляций с языком представляются принцип отказа от известных планов выражения и принцип контраста (в разных аспектах его реализации).

Принцип **отказа от известных планов выражения** реализуется за счет использования окказиональных и потенциальных единиц, нарушенного баланса языкового соотношения су-

ществующих планов выражения и содержания единиц любого языкового уровня, включая текст. В случаях окказиональных употреблений для произведений НК типичен эффект *корреляции с несколькими производящими* (реальными и квазипроизводящими), для чего комплексно используются способы сложения, контаминации, непродуктивные (уникальные) и по-новому интерпретируемые словообразовательные модели, а также потенциал звукобуквенной общности сравниваемых единиц. Например, телескопично организованные слова *брехлама*, *конвульсиум* (www.rodim.ru), *вушники* (doctorhead.ru) и др.; композиты: *мартюнь* (в рекламе банковских вкладов), *бобряка* (www.vk.com), *многोलлион* (в телерекламе детского магазина).

В качестве примеров нетипичного функционирования словообразовательной модели можно привести окказионализмы *куркулий*, *валидолий*, *мани-маний*, *безтещий*, *подматрасий*, *долгоямий*, *беритий*, *когданадий*, *хочушубий*, *надобратий* (в названиях кредитов СКБ-банка в большой щитовой рекламе (Екатеринбург)). Грамматические отличия производящих (однословность и предложно-падежные формы существительных; разные по типу синтаксической связи словосочетания; словосочетания и предложения) и созданный ряд формально схожих лексем позволяют говорить о характерной для НК *оригинальной функционализации существующих в языке словообразовательных моделей*.

Заметным в НК является также осознанное использование потенциала *нарушенных орфографических норм*, имеющее результатом новые единицы. Например, орфографический облик названия социальной сети *ВКонтакте*, *Вконтакте* (интернет-коммуникация), влияющий на размытую морфологическую принадлежность новообразования. Аналогично созданы название детского питания *Спеленок* (от *с пеленок*), название медицинского препарата *Длянос*, слово *Эканевидаль* (от *Эка невидаль*) (в Интернет-коммуникации), слово *«сНежность»* (от *с нежности*) (заголовок статьи в студенческой газете «Поколение N», # 3, январь 2012 (УрФУ, Екатеринбург)) и др.

Другим примером следования принципу отказа от известных планов выражения в НК служат потенциальные слова, наиболее активные в речи журналистов, ориентированной на неформальное общение со слушателями, а также в Интернет-общении. Например, а) сложные слова: *зарплатомер*; *Дыробург*; *рублепровод*, *звёздопровод*; *котобус*; *асфальтоеды*; *асфальтогрызы*; б) усеченные слова: жаргонное *инфа* от *информация* (в разговорной речи в полицейской среде *По фигуранту есть инфа?* — ТВ); *ноут* или *бук* от *ноутбук* (в разговорной речи); в) аффиксальные производные: *санта-барбарщина*, *прохоровщина*, *навальщина*; *путиниада*; *дебилонд*; г) формы слов на базе заимствованных корневых морфем и формообра-

зующих русских аффиксов: *юзать* (от англ. use — пользователь) — пользоваться, *коннектиться* (от англ. connect — подключать) — подключаться, *лайкать* и *лайкнуть* (от англ. like — нравиться) — нажатием специальной кнопки отметить понравившийся опубликованный в интернете материал и др.

Второй, очень востребованный в НК, принцип языковой организации произведений — это принцип **контраста**, проявляющийся в создании противоречивых в чем-либо значений, сочетаний, коммуникативных эффектов (на уровне лексической и грамматической семантики, стилистической маркированности, характера отношений с производящими и квазипроизводящими единицами языка). Приведем следующие примеры.

1. *Лексические контрасты* на основе омонимии с существующими единицами языка. Например, зооакроним *примат(-ы)* в значении “преподаватели и студенты кафедры **прикладной математики**”; акроним *ПУППС* (Полицейское управление патрульно-постовой службы), омофоничный со словом *лулс*.

2. *Лексико-стилистические контрасты* на основе одновременного включения разностилевых средств в малоформатный текст. Например, в устной речи в полицейской среде *Вы что, **господа полицейские**, совсем **охренели**?! (т/ф “Ментовские войны”. НТВ, 23.01.2014); в интернет-общении *На улице **много-телочно*** (см.: Телка — Груб. 2. Насмешл.-пренебр. жарг. молод. О девушке, молодой женщине, подружке, жене).*

3. *Лексико-синтаксические контрасты* на основе контекстного сочетания семантически несочетаемых единиц. Например, в студенческих граффити ***Лектор, делай свое дело **МОЛЧА!*****; *Ничего так не **согревает** душу, как **холодное пиво***.

4. *Лексико-грамматические контрасты* на основе внутритекстовой антонимии грамматически разных лексических средств. Например, антонимия лексических пар *трезвый* в значении ‘в твердой памяти’ и *не помню* в студенче-

ском граффити *Я либо **трезвый**, либо **не помню***; *жил и **сдох** в граффити У меня **жил тамагоча. **Сдох, сука!*****

Резюмируя изложенные наблюдения, подчеркнем следующие тезисы.

Расширение границ НК, смена частного статуса функционирования на публичный, разнообразные трансформации языковых средств позволяют говорить о развитии новой синкретичной функциональной разновидности языка — **языка НК**.

НК активно внедряется во все сферы коммуникации, навязывая игровое начало в общении, заставляя прикладывать определенные усилия как в выражении смыслов, так и в загадывании их воплощений.

Для сферы НК характерно активное редуцирование языковых единиц разных уровней, потенциальное и оригинальное слово- и формообразование, окказиональные включения, которые, не отрицая заложенных в языке логических моделей репрезентации действительности, совмещают их с социумно специфичными интерпретациями.

Современная НК — это лингвокогнитивный феномен, первичный в эволюционном языковом процессе и способный благодаря идеографичности материала выполнять функцию языковой самоидентификации коммуникативной сферы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Енина Л. В. Современные российские лозунги как сверхтекст : дис. ... канд. фил. наук. Екатеринбург, 1999. С. 32.

2. Смирнова И. С., Ковалевская Е. В. Сниженная лексика в речах президента Российской Федерации Д. А. Медведева как инструмент его имиджевой стратегии // Вестн. Военного ун-та. № 2(26). М., 2011. С. 94-99.

3. Lehtovaara H. Working in four official languages: The perceptions of Oxfam GB employees on the role of language in internal communication. Helsinki school of economics, 2009.

4. Kandlousi N. Organizational Citizenship Behavior Concern of Communication Satisfaction: The role of the formal and informal communication. International Journal of Business and Management, 5(10), 2010. P. 51—61.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

**СТАНОВОЙ ХРЕБЕТ
И РАКОВАЯ ОПУХОЛЬ:
ДИСФУНКЦИИ БЮРОКРАТИИ
В ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ**

Аннотация. Описывается механизм отражения феномена бюрократии в словах, метафорах и текстах. Особое внимание уделено семиотическому контексту проблемы бюрократии в философии, социологии и экономике. Показана роль лингвистических и семиотических факторов в исследованиях института бюрократии, определяется сущность бюрократических функций и дисфункций.

Ключевые слова: бюрократия; коммуникация; текст; функция; дисфункция.

Сведения об авторе: Лукин Владимир Алексеевич, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка.

Место работы: Орловский государственный университет.

Контактная информация: 302001, г. Орел, ул. Комсомольская, д. 41, корп. 3, к. 317.
e-mail: lucerby@yandex.ru.

**“STANOVOY KHREBET”
AND “RAKOVAYA OPUKHOL”:
DYSFUNCTIONS
OF BUREAUCRACY IN LINGUISTIC
AND SEMIOTIC ASPECTS**

Abstract. The paper describes the mechanism of the reflection of bureaucratic phenomenon in words, metaphors and texts. Special attention is paid to semiotics context of the problem of the bureaucracy in philosophy, sociology and economy. The role of linguistic and semiotic factors in developments of bureaucracy is shown in the article and the essence of bureaucratic function vs. dysfunction is considered.

Key words: bureaucracy; communication; text; function; dysfunction.

About the author: Lukin Vladimir Alekseevich, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Chair of the Russian Language.

Place of employment: Oryol State University.

ДИСФУНКЦИИ

Базисная функция бюрократии заключается, как было выяснено, в том, чтобы **руководить под управлением**: являясь составной частью государства и общества (**среда**), бюрократия зависит от воли верховной власти (**обуславливающая структура**), которая руководит бюрократией, ставя перед ней **цель** информационно-документационного управления отдельными сферами общественной жизни, социальными институтами, учреждениями.

Дисфункция — это вторичная функция системы, которая обычно формируется на основе базисной функции, вступая с ней в отношения противоположности по цели и конечному эффекту. Дисфункция бюрократии в общем случае заключается в том, что она стремится **управлять руководством**: присвоив себе властные полномочия обуславливающей структуры, бюрократия пытается стать **целью** собственной деятельности.

Термин «дисфункция», заимствованный из биологии, применительно к социальным феноменам впервые стал употреблять Р. Мертон [2006: 326—329]. Но наиболее емкая и лаконичная формулировка общей сути бюрократических дисфункций (без употребления этого термина) еще до Мертона была предложена К. Ясперсом: «Бюрократия — это средство, но она склонна к тому, чтобы превратиться в са-

моцель. Решающий шаг — это переход от бюрократии, являющейся орудием, состоящей на службе, к бюрократии, которая является самостоятельной. Такая ставшая автономной бюрократия обладает <...> тенденцией к безграничному саморасширению. <...> Аппарат, который должен был служить интересам населения, служит самому себе; он требует стабилизации и надежности для себя» [Ясперс 1994: 194—195].

Большинство частных бюрократических дисфункций следовало бы, по нашему мнению, отнести к социально-семиотическим и даже к более конкретным — лингвосомиотическим, потому что бюрократическая деятельность осуществляется исключительно с помощью письменной коммуникации и прежде всего такого феномена, как документ.

Еще М. Вебер, исходя из принципа документированности управления — «das Prinzip der *Aktenmäßigkeit* der Verwaltung» [Weber (1922): III, §7, 7], — утверждал, что «бюро является ядром современных предприятий» [ibid.: III, §7, 7]. Именно в **бюро**² осуществляется «катего-

¹ В русском языке разговорным эквивалентом чиновника является **бумагопарака**, в немецком ему соответствует более сдержанное **Aktenmensch**.

² Хотя уже относительно давно соответствующие структурные подразделения в учреждениях чаще называются не **бюро** и **канцелярия**, а **офис**, **синекдоха бюро** активно используется в экономических текстах (скорее всего, сначала в англоязычных, затем — в русских):

ризация, с помощью которой определенные критерии применяются для классификации и соответствующего рассмотрения отдельных проблем и обстоятельств» [Мертон 2006: 324], способов действия и решений, целей, запретов и т. п. в виде универсальных правил. Правила образуют план содержания множества специальных письменных сообщений (текстовых и нетекстовых) — документов. Документ — оружие бюрократа.

Документ

Проблемы определения документа, проведения разграничений между документом и недокументом, классификаций и типологий документов решаются прежде всего в документоведении. Эти проблемы общепринятого решения на сегодняшний день не имеют. Поэтому мы ограничимся далее рассмотрением только одной концепции, конструктивной и в наибольшей мере отвечающей принимаемому здесь лингвосомиотическому подходу к анализу бюрократии.

Документ — письменное сообщение, предназначенное для циркуляции в информационно-документационной системе соответствующего социального института. Эффективность функционирования документа обеспечивается двумя рядами знаков, из которых он состоит.

Во-первых, это знаки, кодирующие то наиболее существенное содержание, ради которого создается документ; они образуют знаковую последовательность текста [Плешкевич 2004: 4]. С лингвистической точки зрения не все документы имеют текстовый характер, например, удостоверение, пропуск или банкноты — нетекстовые документы¹.

Во-вторых, это знаки, свидетельствующие о том, что данное сообщение (текстовое или нетекстовое) есть документ и что данный документ включен в определенную информационно-документационную систему. Все подобные знаки называются *реквизиты*. К ним относятся оттиск печати, подпись, дата, заголовок документа, номер и т. д. В качестве реквизитов обычно выступают автореферентные индексы: номер удостоверения, оттиск печати или герб в паспорте имеют объектом своего обозначения сам тот документ, частью которого они являются; обозначая его, они свидетельствуют о

его подлинности. Часто реквизиты — условные знаки: наименование вида документа, инстанции, выдавшей документ, гриф утверждения документа, отметка о конфиденциальности. Во многих случаях один и тот же реквизит сочетает в себе свойства автореферентных индексов и условных знаков. Оттиск печати, например, удостоверяет подлинность документа и отправляет к выдавшей его инстанции.

На том основании, что реквизиты сообщают информацию о документе, который также является носителем информации, их рассматривают в качестве «носителей метайнформации» [Плешкевич 2004: 5], т. е. в качестве метазнаков.

Информационный центр документа — семантически автономное текстовое сообщение или относительно автономное нетекстовое. Оно может функционировать само по себе и вне состава документа. Реквизиты же — отдельные знаки и знаковые последовательности — не предназначены для самостоятельного использования, потому что семантически просты и не самодостаточны. Тем не менее какое-либо текстовое или нетекстовое сообщение становится документом, только если сопровождается реквизитами — именно они «превращают информационное сообщение в документ посредством включения его в конкретную информационно-документационную систему и обеспечивают выполнение документом его социальных функций» [Там же].

Реквизиты — знаки социального статуса сообщения, позволяющие ему участвовать в качестве документа в официальной письменной коммуникации. Поэтому государство заинтересовано в защите реквизитов — статусных знаков. Они описаны и «закреплены в государственном стандарте или других нормативных актах», причем количество защищенных реквизитов постоянно увеличивается вследствие «усиливающейся роли государства в регулировании информационных процессов» [Там же].

В лингвистическом плане реквизиты соотносимы со статусными индикаторами по Дж. Серлю. Он считает, что статусные индикаторы — основное средство для распознавания институциональных фактов. Институциональный факт создается посредством перформативного речевого акта, в котором происходит присвоение каким-либо объектам социальных ролей (статусов) [Серль 2007]. Но если вследствие перформативных речевых актов *Объявляю вас мужем и женой, Санкционирую проведение обыска, Приказываю приостановить деятельность комитета* и т. п. молодые люди приобретают статус супругов, обыск — статус правомерного деяния, а комитет — временную утрату статуса рабочего органа, то все эти статусы должны иметь силу не только в момент произнесения речевого акта. Для этого они должны быть обозначены письменными знаками (печать, подпись, дата, место...), компенсирующи-

«The model outlined in this section is based on the following two critical characteristics of *bureaus*: (1) Bureaucrats maximize the total budget of their *bureau* <...> (2) *Bureaus* exchange a specific output (or combination of outputs) for a specific budget. For this paper, thus, *bureaus* are defined by these two characteristics» [Niskanen 1968: 293].

«Для экономиста-теоретика актуальны следующие принципиальные вопросы. Что является целевой функцией *бюро*? Как построить модель поведения *бюро*? В какой мере органически присущая *бюро* неэффективность проявляет себя в различной институциональной среде?» [Кузнецов 2004: 3].

¹ О структурно-функциональном разграничении «текст vs. не-текст» см.: [Лукин 2012].

ми отсутствие той социальной ситуации, в которой имел место речевой акт.

Специфика управленческого документа в том, что его создание далеко не всегда требует перформативного речевого акта. Так, решение о снятии с должности или о назначении на должность может быть принято в тиши кабинета, но обнародование приказа или предъявление документа лицом с соответствующим социальным статусом в соответствующей ситуации соответствующему адресату несут на себе существенные отпечатки перформативности. Прежде всего имеются в виду автореферентность документа и неадекватность его оценки по параметрам истины vs. лжи.

Допустим, имеется постановление суда о наказании в виде лишения свободы гражданина N, совершившего кражу государственного имущества; в то же время членам суда известно, что на самом деле кражу совершил гражданин M. Тогда текст постановления следует расценивать как заведомо ложный, но само постановление как документ (= носитель + текст + реквизиты) есть подлинное свидетельство того, что именно данное решение и никакое другое было принято тем-то, тогда-то и там-то; ложность текста не означает подложности или фальшивости документа. Текст экспертного заключения о качестве некоторого продукта питания может содержать подтвержденную данными медико-биологического исследования констатацию факта наличия в исследованном продукте веществ, вредных для человеческого организма, но при отсутствии таких реквизитов, как дата и место составления экспертного заключения, оно не может быть принято в учет при вынесении судом того или иного решения; истинность текста не гарантирует, не обеспечивает аутентичность документа.

Следовательно, текст документа и документ как целое обозначают не одно и то же — имеют различные референтные области. Они согласованы между собой — грубо говоря, реквизиты документа из информационно-документной системы высшего образования не могут быть приписаны сообщению оборонной тематики, — но не тождественны друг другу. Текстовое или нетекстовое сообщение, даже если оно содержит письменную фиксацию перформативных высказываний или состоит только из них, так или иначе соотносится с социальной реальностью, внеположенной сообщению; документ же является институциональным фактом, т. е. он и есть социальная реальность и одновременно средство ее конструирования¹. В этом смысле

¹ Классический пример того, как документ выпадает из системы оценок, применяемых к тексту, находим в «Былом и думах» А. И. Герцена. Он вспоминает о полковнике Корнилове, ставшим губернатором: «Сначала, как все новички, он принялся все читать, вдруг ему попала бумага из другой губернии, которую он, прочитавши два раза, три раза — не понял.

Он позвал секретаря и дал ему прочесть. Секретарь тоже не мог ясно изложить дела.

управленческий документ представляет собой «конститутивное правило вида „X считается Y в контексте C”². Как только институт устоялся, он порождает структуры, отвечающие за создание институциональных фактов» [Серль 2007: 15]. Конститутивные правила и создаваемые вследствие их применения институциональные факты (часть из которых — новые конститутивные правила) пронизывают, «бесконечно повторяясь» и «функционируя как по вертикали, так и по горизонтали», все общество.

Чем сложнее учреждение, социальный институт или общество в целом, тем сложнее аппарат управления, следовательно, тем интенсивнее процесс использования статусных знаков, их приписывания текстовым и нетекстовым сообщениям, в результате которого постоянно растет множество документов. Из них соткана социальная жизнь всех людей — управляющих и управляемых.

В наши дни документ в общем его понимании — самый агрессивный типологический реципиент: определенные статусные знаки (реквизиты) могут быть приписаны тексту любого типа, который ассимилируется документом (типологическим реципиентом), становясь его составной частью. Это касается и художественного текста, также весьма успешного типологического реципиента, конкурирующего с документом [Лукин 2005: 380—385], но, несомненно, уступающего ему в сфере социальной коммуникации.

Социально-семиотические дисфункции

Данные дисфункции являются непосредственным уточнением общей дисфункции бюрократии и поэтому требуют для анализа достаточно высокого уровня абстракции, при котором учитываются в первую очередь не конкретные единичные участники семиозиса и

<...> Пришел столоначальник. Корнилов, отдавая ему бумагу, спросил, что надобно сделать. Столоначальник пробежал наскоро дело и доложил, что-де в казенную палату следует сделать запрос и исправнику предписать.

— Да что предписать?

Столоначальник затруднился и наконец признался, что это трудно так рассказать, а что написать легко.

— Вот стул, прошу вас написать ответ.

Столоначальник принялся за перо и, не останавливаясь, бойко настроил две бумаги.

Губернатор взял их, прочел, прочел раз и два, — ничего понять нельзя.

Я видел, — рассказывал он, улыбаясь, — что это действительно был ответ на ту бумагу, — и, благословясь, подписал. Никогда более не было помину об этом деле — бумага была вполне удовлетворительна» [Герцен 1967: 256—257]. Суть, таким образом, в том, что текст так и остался не понят, но при этом стало понятно, что содержащий его документ «вполне удовлетворителен».

² Излюбленный пример Дж. Серля — бумажные деньги. Они появляются, когда некто, облеченный необходимыми полномочиями (монарх, правительство, банкир...), заявляет: *Эти бумажные изделия (X) считаются деньгами (Y) с момента этого заявления в этой стране (C)*.

коммуникации, а обобщенные — бюрократия в целом, власть, население, бизнес как субъекты (акторы) экономических, финансовых, политических коммуникаций.

Блокирование информации в условиях асимметричной коммуникации

Профессиональная подготовка и опыт работы с документами определяют наличие у бюрократии знаний, которыми не располагает никто из ее партнеров по коммуникации. Это нормальная ситуация для диалога любых специалистов с потребителями их услуг (скажем, врач всегда знает и должен знать больше клиента, преподаватель — больше студента и т. п.). Дисфункция возникает тогда, когда информационное преимущество бюрократии используется ею не для эффективного управления, а для введения в заблуждение и извлечения выгоды. Например, вследствие искусственного усложнения документной (нормативно-правовой) коммуникации и ее частичного блокирования могут создаваться труднопреодолимые препятствия для нормальной работы бизнес-структур. В таких условиях, созданных самой бюрократией, она может предложить информационные услуги в обмен на «подарки», стимулируя коррупцию. Понятно, что бюрократ рискует в случае разоблачения потерять больше, чем приобретает. Поэтому «чем выше ранг чиновника, тем больше величина извлекаемой бюрократической ренты, которая должна быть не менее возможных потерь чиновника в случае обнаружения факта недобросовестного по отношению к государству поведения. Уже имеющуюся информационную асимметрию между государством и хозяйственным субъектом он стремится углубить, что позволяет ему извлекать бюрократическую ренту на *рынке бюрократических услуг*» [Лебедева 2011: 20].

С другой стороны, в условиях информационной асимметрии контроль политических и иных властных структур над бюрократией не может быть полным, поэтому она располагает возможностью предоставления им заведомо искаженных данных, преследуя цель (и достигая ее) принятия интегрирующими структурами выгодных для нее решений (манипуляция).

Сговор при избирательном блокировании

Поскольку появление и существование бюрократии возможно только потому, что она необходима государству, постольку «вся монополия власти бюро вытекает из монополии власти государства, финансирующего его услуги» [Нисканен 2004: 513]. Следовательно, функциональная и дисфункциональная деятельность бюрократии осуществляется в «условиях, которые *совместно* устанавливаются бюрократией и предстательным правлением» [Там же: 513]. Между этими двумя участниками устанавливается наиболее тесная

коммуникация, предполагающая при прочих равных условиях, (1) минимально возможное со стороны бюрократии блокирование информации и (2) максимально возможное блокирование информации о доверительном диалоге с властью, т. е. изоляцию от небюрократических слоев общества.

Специфически российским (советским) итогом такого сговора при избирательном блокировании информации является номенклатура¹. Номенклатура — часть «бюрократии, владеющая коллективной (номенклатурной) собственностью, которую она отчуждает от госсобственности и которую потребляет в форме значительных (превышающих по стоимости должностной оклад) привилегий» [Хайтун 2006: 104].

В современной России номенклатура «владеет гигантской коллективной собственностью, питающей привилегии чиновников». Прежде всего имеются в виду «государственные служащие — номенклатурный эвфемизм; этот официальный термин не распространяется на учителей, врачей и прочих „простых“ бюджетников» [Там же: 105], включая «простых» бюрократов. Номенклатура, таким образом, противопоставлена не только обществу и народу, но и значительной части бюрократии. «Бюрократия существует во всех странах, ее нельзя отменить, номенклатуру же отменить можно и должно» [Там же: 108].

Экспансия «языка управления»

Бюрократия стремится к управлению под знаком безличности, формальности, калькулируемости и контролируемости. Средство управления тем лучше, чем точнее отвечает этим требованиям. Идеальным средством такого рода являются деньги — «язык управления» (Т. Парсонс). Деньги — тоже документы, — хотя они и не создаются бюрократией, но по своим свойствам как нельзя лучше соответствуют ее духу и букве.

Однако использование денежного кода неадекватно и неэффективно для управления в тех социальных сферах, в которых деятельность людей неформализуема, а ее результаты нематериальны, уникальны, неисчислимы и не имеют рыночной стоимости. В первую очередь это относится к образованию и науке, но не только: «Вы не можете „измерить“ врача временем, которое он затрачивает на рас-

¹ Считается, что номенклатура — это самообозначение привилегированной верхушки бюрократии, сложившейся в СССР в эпоху Сталина; к ней принадлежат не все, а только избранные. Отсюда и необходимость в самоописании: номенклатура «оформляет реально сложившееся классовое государство, отражая его в бюрократических категориях. Поэтому-то она технически и началась с составления списков, которые были для солидности названы замысловатым латинским термином „номенклатура“» [Восленский 1991: 111].

смотрение одного случая. И вы не можете „измерить“ судью временем, которое требуется ему для вынесения приговора по одному делу» [Мизес 2006]. Более того, Л. Мизес справедливо полагает, что сама бюрократия представляет собой «область, где результат человеческих усилий невозможно оценить в денежном выражении. Страна расходует деньги на содержание бюрократических учреждений, на выплату жалованья и заработной платы, на покупку всего необходимого оборудования и канцелярских принадлежностей. Но то, что она получает в обмен на свои затраты — оказанные услуги — невозможно оценить в денежном выражении, каким бы важным и ценным ни был этот „продукт“. Его оценка зависит от произвольного решения государства» [Мизес 2006].

Ошеломляюще очевидный цинизм бюрократии заключается в том, что она отделяет себя от всех подобных социальных институтов.

Понимая невозможность прямого использования денежного кода для оценки труда, например, научного сотрудника, бюрократы стали использовать формальные коды-посредники, объектом которых являются материальные явления и процессы, косвенно связанные с результатами (идеями) работы ученого (индекс продуктивности, индекс цитируемости, индекс Хирша, импакт-фактор издания, в котором опубликована статья и т. п.). Все такого рода показатели, берущие свое начало в наукометрии середины прошлого века, изначально разрабатывались для описания больших массивов данных (от отдельного исследовательского коллектива до масштабов национальной науки) и совершенно неадекватны для оценки конкретного исследователя, тем более для решения вопроса об объеме его заработной платы. Бюрократы об этом отлично знают, хотя бы потому, что им и политикам в области науки и образования уже давно говорят об этом сами ученые [Михайлов 2004]. Но, сознательно исключая себя из сферы действия аналогичных формальных кодов-посредников, бюрократия содействует их экспансии в науке и образовании, бюрократизируя небюрократизируемое.

Дисфункция экспансии формальных кодов-посредников, применение которых позволяет хотя бы опосредованно использовать привычный «язык управления» — деньги, откровенно примитивна, но эффективна. Блокируя на первых порах коммуникацию с возмущенным научным сообществом, бюрократия вбрасывает в его ряды такое семиотическое средство, которое заранее непригодно для декларируемых целей и в то же время очень удобно для манипуляции: немалая часть самих научных сотрудников начинает использовать разнообразные формальные показатели для формирования собственного **имиджа** [Данилевич, Коваленко 2005]. Так стимулируется процесс добровольного бюрократического самоописания, который все шире охватывает мировое науч-

ное сообщество и который компрометирует науку и статус ученого, облегчая вербовку бюрократией своих новых сторонников.

Лингвосемиотические дисфункции

Лингвосемиотические дисфункции имеют более конкретный характер, их анализ основан на материале семантики и прагматики документа, текста и конкретных примерах документно-текстовой коммуникации.

Документ как деньги и товар

Создавая искусственную усложненность и формализм, т. е. частично блокируя информацию в диалоге с населением, бюрократия стимулирует попытки приобретения документов в обход установленных законом процедур. Документы начинают продавать и покупать. Предметом купли-продажи является социальный статус, который в обмен на деньги присваивается бюрократом (продавец) какому-либо лицу (покупатель) посредством вписывания в статусную рамку документа соответствующего текста или нетекста. При наличии устойчивого спроса на данные бюрократические услуги формируется процесс ценообразования. «Все это указывает на наличие развитого рынка, на котором документы выступают в качестве товара. Особенностью — нередкой и для других рынков — является монополия государства (в лице чиновников) на продажу многих документов» [Васильева 2013: 116].

Экспансия монетаристски ориентированных бюрократических кодов, с одной стороны, а с другой стороны, стремление людей к приобретению высокого социального статуса посредством покупки документа вместе содействуют отношению к документу прежде всего как к статусному знаку (СТАТУСНЫЙ ЗНАК = ДОКУМЕНТ — ТЕКСТ). А далее механизм рыночной логики превращает асемантические рамки статусных знаков в знаки меновой стоимости: «...документы превращаются в своего рода „ценные бумаги“, которые могут быть конвертированы в самые разные блага — чаще всего в права, статусы, новые возможности. В итоге товаризации подвергаются и другие объекты (те самые права, статусы, возможности), лишённые рыночной стоимости и не могущие быть предметом простой сделки. Иными словами, происходит экспансия экономической, а точнее, рыночной логики в различные сферы жизни общества» [Там же: 118].

Бюрократия таким образом, действительно, становится государством в государстве — со своим рынком и собственными деньгами.

Девальвация текста

Вследствие преимущественного внимания к статусной рамке документа, текст нередко «используется как фальшивая монета»: информационный центр документа отходит на второй план под диктатом формы — рамки статусных знаков. Доходя до крайности, эта дисфункция приводит к созданию и циркуляции

документов с частично, а то и полностью бессмысленными сообщениями (текстами в строгом смысле их считать уже нельзя). Причем речь, в частности, идет о таком управляемом бюрократией социальном институте, как наука, и таком специфическом документе, как научная публикация. Эти документы создают не бюрократы, а научные сотрудники. Причины «объективного процесса обесмысливания» научных сочинений делятся на внутренние, коренящиеся в самом научном сообществе [Хазагеров 2010], и внешние, складывающиеся под давлением бюрократии. Мы остановимся на последних.

Во-первых, это может быть либо желание, либо вынужденное принятие логики бюрократических кодов-посредников, ориентированных на деньги как прототип. Например, низкий индекс Хирша или его отсутствие стимулируют, среди других возможных вариантов поведения, выбор преднамеренной бессмыслицы. Здесь уместно сослаться на реальный эксперимент экономиста Дж. Мейстринга, у которого индекс Хирша был очень низок при наличии вполне приличных результатов и добротной репутации: «Надо было сочинить такую благоглупость, что умолчать о ней было бы нельзя, к тому же ее разоблачение не должно было составить затруднение даже студенту <...> я в течение пары часов набросал большую статью...» [Мэйстринг 2011: 143]. Статья вызвала бурное обсуждение, нелицеприятную критику, стремительный рост индекса Хирша и поток грантов. Но самое главное, пишет Мэйстринг, «стали появляться и статьи моих сторонников» [Там же: 144] — искренних сторонников бессмыслицы.

Еще более впечатляющие эксперименты были поставлены раньше — это публикация (с последующим саморазоблачением) двумя французскими авторами преднамеренно бессмысленной и откровенно антинаучной статьи в престижном международном журнале и хорошо известная в нашей стране история с публикацией лишенной смысла знаковой последовательности, сгенерированной компьютерной программой, под видом статьи в одном из осязанных отечественной бюрократией «ваковских журналов» (о специфической дисфункции двух этих прецедентов см.: [Лукин 2011]).

Объективно способствует девальвации текстов рост спроса на статус кандидата наук (доцента), чаще — доктора (профессора) в среде публичных политиков, бизнесменов и самих бюрократов [Калимуллин 2006: 18—20]. Предмет покупки, конечно, не научный результат и, по существу, даже не текст (просто без него нельзя обойтись), а диплом исключительно как знак социального статуса. Поэтому диссертации и необходимые для защиты статьи создают в основном кандидаты наук, выступающие в роли литературных негров — *райтеров*. Тексты диссертаций, конечно, не должны быть бессмысленными, но и не должны

быть итогом полноценного исследования: «Задача заключается в умелой компоновке материала, который находится в открытом доступе. Причем при соответствующей мотивации райтер диссертаций по гуманитарным наукам в состоянии написать текст по любой теме в рамках любой специальности, от экономической теории до психологии личности» [Там же: 37]. На таком фоне значительному числу простых аспирантов и соискателей становится выгодным не тратить время на трудное и непредсказуемое научное исследование, а «вырезать» из интертекстуального пространства множество фрагментов и «склеить» их, стилистически подработав, в одно целое. Но тогда сам текст становится дисфункциональным явлением, потому что увеличивающееся число подобных диссертаций и статей создает искаженное представление о сути и подлинных ценностях науки, а текстовая избыточность затрудняет (частично блокирует) знакомство с результатами настоящих исследований. Обществу попадает в «диссертационную ловушку» [Балацкий 2005].

Эта бюрократическая дисфункция является частным случаем общей кризисной тенденции современного общества, при которой «речь превращается в хаос неопределенностей» [Ясперс 1994: 149], а содержание (цельность) текста приобретает черты иконичности относительно хаоса вовне текста» [Лукин 2006: 158]. Конечный эффект дисфункции — катастрофическое распространение глупости как социального явления [Там же: 155—156], несомненно, выгодно бюрократии: «Редко можно встретить, чтобы большое число вполне разумных и беспринципных людей играло вместе. Там, где собираются мошенники, всегда есть дураки; а если имеется достаточное количество дураков, они представляют собой более выгодный объект эксплуатации для мошенников» [Винер 1983: 242].

ЛИТЕРАТУРА

1. Балацкий Е. В. Диссертационная ловушка // Свободная мысль. 2005. № 2. С. 92—104.
2. Борщевская Т. С. Термины и терминоиды в лексико-семантическом поле «Менеджмент»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 2012.
3. Бюрократия и власть в новой России: позиция населения и оценки экспертов: аналит. докл. — М.: Ин-т социологии РАН, 2005. URL: http://www.isras.ru/analytical_report_bureaucracy.html (дата обращения: 17.03.2014).
4. Васильева Е. Социальные эффекты фальсификации документов: анализ современных российских практик // Статус документа: окончательная бумажка или отчужденное свидетельство? — М.: НЛЮ, 2013. С. 103—124.
5. Винер Н. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине. — М.: Наука, 1983.
6. Восленский М. С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. — М.: Советская Россия, 1991.

7. Герцен А. И. Былое и думы. Ч. 1—3. — М.: Художественная литература, 1967.
8. Данилевич Я. Б., Коваленко С. А. Имидж ученого: современные PR-технологии в экономике знаний // Известия РАН. 2005. № 1. С. 32—35.
9. Данилин П. «Офисный планктон» как политическая угроза // Взгляд. Деловая газета. 26.09.2006. URL: <http://vz.ru/politics/2006/9/26/50437.html> (дата обращения: 17.03.2014).
10. Деменцова Э. «Идеальный корпоратив» провели на премьер в Театре.doc // RG.RU Российская газета. 29.11.2013. URL: <http://www.rg.ru/2013/11/29/teatrdoc-site.htm> (дата обращения: 17.03.2014).
11. Калимуллин Т. Р. Российский рынок диссертационных услуг. — М.: ГУ ВШЭ, 2006.
12. Кузнецов Д. И. Бюрократические механизмы воздействия государства на экономические процессы: пути оптимизации : автореф. дис. ... канд. экон. наук. — СПб., 2004.
13. Лебедева Ю. Н. Информационная асимметрия как условие бюрократизации отношений бизнеса и власти : автореф. дис. ... канд. экон. наук. — Волгоград, 2011.
14. Лукин В. А. Блокирование информации как функция текстов // Текст и подтекст: поэтика эксплицитного и имплицитного. — М.: Азбуковник, 2011. С. 23—32.
15. Лукин В. А. Кризис и текст // Русское слово в русском мире — 2005: государство и государственность в языковом сознании россиян. — М.: Азбуковник, 2006. С. 126—167.
16. Лукин В. А. Художественный текст: основы лингвистической теории. Аналитический минимум. — М.: Ось-89, 2005.
17. Лукин В. А. Элегантная эвристика для определения не-текста // Urbī et academiāe. 2012. № 1 (3). С. 101—110.
18. Луман Н. Медиа коммуникации. — М.: Гнозис, 2005.
19. Макаренко В. П. Вера, власть и бюрократия (критика социологии М. Вебера). — Ростов н/Д : Изд-во Ростов. ун-та, 1988.
20. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. — М.: АСТ, 2006.
21. Мизес Л. фон. Бюрократия. Запланированный хаос. — Челябинск : Социум, 2006. URL: http://www.libertarium.ru/l_lib_buero1 (дата обращения: 17.03.2014).
22. Михайлов А. П. Моделирование концепта «ВЛАСТЬ» в русской языковой картине мира : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Новосибирск, 2010.
23. Михайлов О. В. Блеск и нищета индекса цитирования // Известия РАН. 2004. № 11. С. 1025—1029.
24. Мэйнстринг Дж. Гениальный «хиршер» // Tetra economicus. 2011. № 4. С. 142—144.
25. Нисканен В. А. Бюрократы и политики // Вехи экономической мысли. Т. 4. Экономическое благосостояние и экономический выбор. — СПб.: Экономическая школа, 2004. С. 494—535.
26. НКРЯ = Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>. (дата обращения: 17.03.2014).
27. Оситова Е. В. Бюрократия: «идеальный тип» и реальность // Бюрократия в современном мире: теория и реалии жизни. — М.: ИФ РАН, 2008. С. 63—100.
28. Открытка № 243369. URL: <http://atkritka.com/243369> (дата обращения: 17.03.2014).
29. Панова М. Н. Языковая личность государственного служащего: опыт лингвометодического исследования. — М.: Изд-во РУДН, 2004.
30. Панова М. Н. Языковая личность современного чиновника как субъекта государственного управления // Русское слово в русском мире — 2005: государство и государственность в языковом сознании россиян. — М.: Азбуковник, 2006. С. 168—174.
31. Пleshkevich Е. А. Понятие «реквизит документа»: к постановке вопроса // Научно-техническая информация. Сер. 1. 2004. № 10. С. 1—7.
32. Поваров Г. Н. Ампер и кибернетика. — М.: Сов. радио, 1977.
33. РАС = Русский ассоциативный словарь : в 2 т. / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. — М.: АСТ, 2002.
34. Ретцер Дж. Макдональдизация общества. — М.: Практикс, 2011.
35. Серль Дж. Что такое институт? // Вопросы экономики. 2007. № 8. С. 5—27.
36. Хазагеров Г. Г. Обесмысливание научного дискурса как объективный процесс // Социологический журнал. 2010. № 2. С. 5—21.
37. Хайтун С. Д. Номенклатура как «разумная система» // Вопросы философии. 2006. № 4. С. 97—112.
38. Чаленко А. «Евромайдан» — это «офисные хомячки», вышедшие «поефестивальить» // Inpress.ua : информационно-аналит. портал. 12.12.2013. URL: <http://inpress.ua/ru/politics/21778-evromaydan-eto-ofisnye-khomyachki-vyshedshie-pofestivalit-chalengkovideo> (дата обращения: 17.03.2014).
39. Чаликова В. А. Концепция рациональной организации в социологии Макса Вебера и в современных буржуазных теориях бюрократии : дис. ... канд. филол. наук. — М., 1970. URL: <http://chalikova.ru/dissertacija-maks-veber-konczepczija-rac-zionalnoj-organizaczii.html> (дата обращения: 17.03.2014).
40. Чевтаева Н. Г. Социология чиновничества в России: дореволюционное наследие и современность // Мир России. 2009. № 3. С. 85—113.
41. Шевченко В. Н. Российское государство и российская бюрократия: ретроспектива и перспектива // Бюрократия в современном мире: теория и реалии жизни. — М.: ИФ РАН, 2008. С. 101—149.
42. Ясперс К. Смысл и назначение истории. — М.: Республика, 1994.
43. Niskanen W. A. Nonmarket decision making the peculiar economics of bureaucracy // The American Economic Review. 1968. Vol. 58, №2. P. 293—305.
44. Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriß der verstehenden Soziologie (1922). URL: http://www.textlog.de/weber_wirtschaft.html (дата обращения: 17.03.2014).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

УДК 811.111'42
ББК Ш141.12-51

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.55

Код ВАК 10.02.01

Е. Г. Мальшева
Омск, Россия

E. G. Malysheva
Omsk, Russia

**КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТОНИМИЧЕСКАЯ
МОДЕЛЬ «СПОРТ — ЭТО ШОУ»: ОСОБЕННОСТИ
РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В РУССКОМ СПОРТИВНОМ
ДИСКУРСИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

**CONCEPTUAL METONYMICAL MODEL “SPORT IS
A SHOW”:
PECULIARITIES OF REPRESENTATION
IN RUSSIAN SPORTS DISCOURSE**

Аннотация. Исследуется содержательная структура базового для спортивного дискурса концепта, который репрезентирован концептуальной метонимической моделью «Спорт — это шоу». На материале текстов телевизионных и интернет-СМИ анализируются особенности объективации данной модели и ее смысловая специфика.

Abstract. The article is devoted to the study of the semantic structure of the basic concept of sports discourse, which is represented by the conceptual metonymical model “SPORT IS A SHOW”. analyses The characteristic features of representation of this model and its semantic specificity are analyzed on the material of television and Internet media texts.

Ключевые слова: спортивный дискурс; концепт; концептуальная метонимическая модель.

Key words: sports discourse; concept; conceptual metonymical model.

Сведения об авторе: Мальшева Елена Григорьевна, доктор филологических наук, доцент; профессор кафедры журналистики и медиалингвистики, заведующий кафедрой, факультет филологии и медиакоммуникаций.

About the author: Malysheva Elena Grigorievna, Doctor of Philology, Associate Professor; Head of Department of Journalism and Medialinguistics, Faculty of Philology and Mediacommunication.

Место работы: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского.

Place of employment: Omsk State University.

Контактная информация: 644077, Россия, г. Омск, пр. Мира, 55а, 2-й корп. ОмГУ, к. 221.
e-mail: malysheva_eg@mail.ru.

Сегодня, по-видимому, является доказанной мысль о том, что, наряду с метафорическими способами познания, освоения и понимания действительности, существуют способы **метонимические, рациональные**, неметафорические по своей сути, основанные на логических методах обнаружения связи между концептами, между означаемым и означающим концептуальной модели (см. подр.: [Мальшева 2010; Мальшева 2011]). Подчеркнем, что нам близка позиция Р. Якобсона [Якобсон 1990], Ю. М. Лотмана [Лотман 1996], П. Рикёра [Рикёр 1995], А. Е. Серикова [Сериков 2007], Д. Г. Трунова [Трунов 2005] и других исследователей, которые говорят об универсальности «полюсов» метафоры и метонимии как механизмов познания действительности, развития речевого события, о противоположности метафорических (основанных на ассоциации по сходству) и метонимических (основанных на смежности явлений действительности, на взаимной связи или родстве понятий) процессов. Так, Р. Якобсон утверждал, что «метафора и метонимия являются основой смыслообразования в любой семиотической системе» [Якобсон 1990: 129]. Очень ценным для нас является следующее замечание А. Е. Серикова: «Переходя от рассмотрения речевых актов к человеческим **действиям вообще**, можно предположить, что и здесь работают механизмы переноса значений. Действие — это знак его смысла, извлекаемого из множества образцов на основе того, что можно назвать **практической метафорой и практической метонимией**. Если такой практический перенос значений имеет место, то соответствующие языковые процессы — это его

проявления в речевых актах. В той же мере, в какой речевые акты являются разновидностью действий вообще» (выделено автором. — Е. М.) [Сериков 2007: 133].

Таким образом, «в основе любых тропов как риторических фигур лежит **взаимодействие метафорического и метонимического механизмов** восприятия мира и генерации текстов» (выделено мной. — Е. М.) [Сериков 2007: 134].

По-видимому, можно утверждать вслед за П. Рикёром и Р. Якобсоном, что «существует возможность придать полярному отношению между метафорой и метонимией более общий функциональный смысл, свидетельствующий о полярности метафорического и метонимического процессов мышления» [Рикёр 1995: 109] и что «конкуренция между двумя механизмами поведения — метафорическим и метонимическим — проявляется в любом символическом процессе, как внутриличностном, так и социальном» [Якобсон 1990: 129].

Несмотря на объективную сложность интерпретации метонимических процессов, по нашему глубокому убеждению, объектом исследования в когнитивной лингвистике могут и должны быть не только **концептуальные метафорические модели (концептуальные метафоры)**, объективированные в разных типах дискурсов и демонстрирующие универсальность метафорического способа категоризации действительности, но и **концептуальные метонимические модели**, репрезентирующие принципиально иную, не метафорическую, а рациональную, логическую форму структурирования человеческого восприятия,

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ «Новые медиа в России: исследование языка и коммуникативных процессов». Проект № 14-04-00487/14.

© Мальшева Е. Г., 2014

мышления и деятельности и также вербализованные в дискурсах.

Об особенностях организации концептуальной метонимической модели будет сказано подробно несколько позже, однако уже сейчас заметим, что если мы на основе анализа текстов русского спортивного дискурсивного пространства выделяем в качестве доминанты концептуальную модель «Спорт — это шоу» («Спорт есть шоу»), то это означает, что в исследуемых текстах эксплицируется устойчивое соотношение концептуальных понятий 'Спорт' и 'Шоу' и что тем самым репрезентируется наличие в структуре концепта 'Спорт' когнитивных признаков, присущих содержанию концепта 'Шоу'.

Необходимость разграничения двух видов концептуальных моделей — метафорических и метонимических — становится все более настоятельной, поскольку, во-первых, очевидно объективное сосуществование когнитивных феноменов двух типов, принципиально различающихся способом освоения тех или иных фрагментов действительности и их языковой репрезентации; а во-вторых, исследовательская практика показывает, что термин «метафорическая модель» (или «концептуальная метафорическая модель») достаточно часто — и, по нашему мнению, ошибочно — используется при описании языковой объективации когнитивных структур, элементы которых связаны неметафорическими, рациональными, метонимическими отношениями, т. е. являются концептуальными метонимическими моделями.

Прежде чем говорить о том, что кардинально различает описываемые нами виды концептуальных моделей — модели метафорические и метонимические, — необходимо подчеркнуть, что объединяет эти понятия и является одной из причин их синонимического понимания в современной когнитивной лингвистике.

Общность исследуемых феноменов очевидна и обнаруживается прежде всего в идентичности их природы: и метафорическая, и метонимическая модели прежде всего единицы когнитивного уровня, часть когнитивного аппарата человека, они концептуальны, поскольку описывают специфику универсальных процессов мышления и освоения, осмысливания тех или иных явлений действительности, а также эксплицируют направление языковой объективации коллективных представлений относительно тех или иных фрагментов картины мира.

Кроме того, сходство концептуальных метафорических и метонимических моделей видится нам и в следующих общих для них конституирующих характеристиках:

- это абстрактные структуры, с помощью которых моделируются те или иные предметные референтные области;
- в этих структурах (или моделях) отражается взаимосвязь разного рода понятий, посред-

ством которых описываются моделируемые области;

- эти структуры репрезентируют причинно-следственные связи между понятиями; свойства, признаки и характеристики сопоставляемых понятий;

- и метафорическая, и метонимическая модели двухкомпонентны; при этом левая часть — означаемое — это всегда тема, осмысливаемое, интерпретируемое понятие той или иной степени обобщения; правая часть — означающее — «называет» направление, «указывает» на сферу интерпретации означаемого и «задает» способы языкового воплощения, развертывания означаемого в речи;

- оба типа моделей отражают процессы перекодировки «свернутого» знака в единицу мышления, предикативную по своей природе: «Простейшая единица мышления, простейшая коммуникация состоит **из сочетания двух представлений**, приведенных движением воли в предикативную (т. е. вообще определяющую) связь» (выделено мной. — Е. М.) [Шахматов 1941: 19].

Основное отличие исследуемых типов моделей, как уже подчеркивалось ранее, состоит в кардинальной разнице способов и механизмов интерпретации и осмысления понятийных областей.

Итак, приведем обоснование нашего представления о содержании понятия «концептуальная метонимическая модель». При этом подчеркнем, что для лингвокогнитивного понимания данного феномена чрезвычайно информативным и важным является представление о структуре простого суждения вообще и атрибутивного суждения в частности, закрепленное прежде всего в традиционной логике.

Как известно, суждение есть особая форма мышления, в которой «утверждается или отрицается наличие связей между предметами и их свойствами, а также отношения между самими предметами» [Рузавин 1997: 77].

Суждения имеют внутреннюю структуру, в которую входят субъект (S) и предикат (P). Субъект — это то, «о чем или о ком что-то сообщается в суждении» [Ненашев 2004: 127], понятие о предмете суждения, логическое подлежащее. Предикат — это то, «что сообщается о субъекте» [Там же], понятие о признаке предмета, рассматриваемого в суждении, логическое сказуемое.

Такого рода суждение строится по следующим схемам: «S есть (суть) P», «S — это P» или «S не есть P» (утвердительные и отрицательные суждения).

Описываемый вид суждений является самым частотным и носит название «атрибутивное суждение».

На наш взгляд, несомненно, что концептуальная метонимическая модель формально и — главное — содержательно организована по типу атрибутивного логического суждения, при

этом в позиции субъекта в метонимической модели оказывается концепт-означаемое, а в позиции предиката — концепт-означающее.

Кроме того, для нас существенно, что в зависимости от того, ко всему ли классу предметов, части этого класса или к одному предмету относится субъект, суждения делятся на общие, частные и единичные.

Как правило, при выделении концептуальных метонимических моделей, объективированных в разных типах дискурсов, речь идет прежде всего об общеутвердительных атрибутивных суждениях, в которых опущен квантор — «элемент суждения, стоящий перед субъектом» [Ненашев 2004: 129].

Таким образом, концептуальная метонимическая модель «Спорт — это шоу» («Спорт есть шоу») — это пример модели, структурированной по принципу общеутвердительного атрибутивного суждения.

Однако, по нашему мнению, помимо выделения такого рода инвариантных метонимических моделей, возможна их конкретизация посредством введения в модель разнотипных кванторов и, следовательно, сужения объема, прежде всего субъекта — концепта-означаемого.

Например, названная выше инвариантная модель конкретизируется более частными метонимическими моделями «*Профессиональный спорт есть шоу*», «*Профессиональный спорт включает элементы шоу*», в которых используются кванторы существования («профессиональный», «элементы»), превращающие данные структуры в частноутвердительные суждения.

Итак, приведя необходимые для дефиниции вводимого нами термина теоретические положения из области логики, констатируем, что под **концептуальной метонимической моделью** может пониматься двухкомпонентная когнитивная структура, организованная по типу простого общеутвердительного (или частноутвердительного) атрибутивного логического суждения («S — это P», «S есть (суть) P»), где отношения между концептом-означаемым и концептом-означающим, «субъектом» и «предикатом», могут быть охарактеризованы как отношения тождества (эквивалентности), переименования (частичного тождества) или субординации (подчинения объема понятий).

При таком понимании термина «концептуальная метонимическая модель» речь не может идти о метафорическом осмыслении означаемого, об образной природе означаемого и — в результате — о метафорическом способе языковой объективации «субъекта».

Важно заметить в финале наших рассуждений, что, подчеркнув формальную тождественность метафорических и метонимических моделей («Спорт — это шоу»), мы отнюдь не считаем, что содержательно метафорические модели соответствуют общеутвердительным

логическим суждениям: как было уже неоднократно сказано, принцип соотношения концептов в такой модели совершенно иной, не соответствующий организации логического суждения.

Кстати говоря, и формально названные модели в полном виде (со связочным звеном) будут выглядеть по-разному: «Спорт *есть* шоу» — модель метонимическая; «Спорт *подобен* шоу» — модель метафорическая. Думается, это тот самый случай, когда «и форма содержательна».

Таким образом, необходимо понимать, что когнитивные механизмы взаимодействия, соотношения концептов в концептуальной метонимической модели принципиально иные, нежели в метафорической, а следовательно, иным является и способ языкового «развертывания» такой модели.

Так, если речь идет о концептуальных метонимических моделях «*Спорт — это смерть*», «*Спорт — это бизнес*», «*Спорт — это политика*», «*Спорт — это национальная идея*» или «*Спорт — это шоу*», то это означает, что в тексте будет эксплицировано представление носителей языка, — как правило, коллективного, даже стереотипного характера, — согласно которому происходит, обычно частичное, отождествление или подчинение признаков, свойств понятийных областей.

Поскольку в данной статье нас интересует языковая репрезентация в спортивном дискурсивном пространстве концептуальной метонимической модели «*Спорт — это шоу*», приведем в качестве подтверждения существования такого рода представлений о современном «большом» спорте цитату из статьи В. Зверевой «Телевизионный спорт»: «*Спорт... сделался одним из наиболее популярных мировых шоу*, в производстве и распространении которого ключевую роль играют СМИ... Популярные спортсмены превращаются в медийных персонажей, звезд массовой культуры, чье регулярное появление в иных, неспортивных контекстах оправдано их статусом как законодателей моды и экспертов в выстраивании стиля жизни. *Влиятельность фигуры спортивного медиамагната в современном обществе указывает на соединение СМИ, бизнеса, политики и индустрии шоу*» (выделено мной. — Е. М.) [Зверева 2006: 64].

Репрезентация названной метонимической модели в спортивном дискурсивном пространстве происходит, на наш взгляд, в том числе посредством актуализации в содержательной структуре концепта 'Спортсмен', входящего в концептосферу 'Спорт', когнитивных признаков, которые позволяют частично отождествлять субъекта спортивного дискурса со звездой массовой культуры, медийным персонажем, в характеристике которого спортивные достижения перестают являться главными и определяющими.

Например, анализ специфики лексико-семантической репрезентации концепта 'Спортсмен' в печатных СМИ, относящихся к ближней и

дальней периферии спортивного дискурсивного пространства (журналы «PROспорт», «Cosmopolitan», 2008—2013 гг.), позволил сделать выводы об экспликации таких когнитивных признаков в структуре концепта 'Спортсмен', как 1) 'популярный', 'известный'; 2) 'человек, занимающийся спортом и обладающий высокими достижениями в этой области'; 3) 'финансово обеспеченный', 'богатый'; 4) 'ухаженный', 'следящий за собой человек'; 5) 'модный', 'стильный'; 6) 'средний человек', 'обыватель'; 7) 'бизнесмен'; 8) 'сексуальный', 'красивый'; 9) 'завсегда тусовкой'; 10) 'разносторонне развитый человек' [Луданова, Малышева 2010].

Впрочем, если журнал «Cosmopolitan» относится, как мы только что подчеркнули, к дальней периферии спортивного дискурсивного пространства, а поэтому закономерно, что спортсмен для читательниц менее всего интересен своими профессиональными достижениями, то материал настоящего исследования входит в ядро или приядерную часть спортивного дискурса. Это тексты телевизионных и интернет-СМИ за 2013—2014 гг., тематической доминантой которых стала история подготовки к Олимпиаде и выступления на ней спортсмена, имя которого в СМИ уже давно ассоциируется не только с его спортивными победами, но и с превращением спортивных и околоспортивных событий жизни большого спортсмена в шоу. Речь идет о фигуристе Евгении Плющенко.

По нашим наблюдениям, именно медиаобраз этого спортсмена, который создается в СМИ им и его «PR-командой» на протяжении последних десяти лет, наиболее наглядно демонстрирует то обстоятельство, что сегодня в «большом спорте» все чаще используются стратегии и модели поведения, более характерные для сферы шоу-бизнеса, чем для спортивной сферы.

И речь идет не только об актуализации при создании образа «шоу-спортсмена» тематических полей, не соотносящихся с ядром самого концепта 'Спортсмен'. Речь идет о «подмене» базовых когнитивных признаков концепта 'Спорт' базовыми признаками концепта 'Шоу' (и/или концепта 'Бизнес').

Сценарий освещения подготовки спортсмена или спортивной команды к Олимпийским играм в спортивных СМИ можно, на наш взгляд, условно поделить на три части: собственно ход подготовки к соревнованиям, выступление на Олимпиаде, оценка и анализ самим спортсменом, тренерами, журналистами, болельщиками результата соревнований. Рассмотрим, как реализуется данный сценарий в дискурсе, где происходит объективация пересечения, частичного или полного отождествления концептов 'Спорт' и 'Шоу'.

Одним из первых о своеобразной «подмене» понятий, происходящей в связи с именем Евгения Плющенко, заявил спортивный комментатор Андрей Журанков в феврале 2013 г. (это интер-

вью многократно процитировано практически всеми спортивными интернет-сайтами):

Если вы проанализируете интервью Плющенко за последнее время, они все звучат практически одинаково. Так просто повторяется один общий текст про то, что меня замучили травмы, я сделаю всё ради России, я выступлю на своей четвертой Олимпиаде, это будет абсолютный рекорд и достижение.

Я переживаю, что ставка на постоянный пиар совершенно убивает взгляд на реальные вещи.

Обидно, что нас держат за неких зрителей, которые должны по команде аплодировать, по команде переставать аплодировать, по команде кричать: „Женя лучший“.

Вопрос корреспондента «Советского спорта»: *По идее получается, что мы смотрим какой-то сценарий, заранее написанный?* Ответ Журанкова: *Получается, что очень похоже на то.*

Отношение к журналистам абсолютно из шоу-бизнеса. Отношение к журналистам как к обслуживающему персоналу — они должны говорить, что проплатили, не проплатили — должны молчать (интервью спортивного комментатора Андрея Журанкова корреспонденту газеты «Советский спорт». 2013. 11 февр.).

В приведенных контекстах обращает на себя внимание многократная вербализация представлений о действиях спортсмена и его «команды» как о заранее спланированном сценарии шоу, которое призвано определенным образом воздействовать на массового адресата и вызвать заранее просчитанную реакцию. Лексемы шоу-бизнес, пиар, проплатили подтверждают реальность отождествления сфер спорта и шоу-бизнеса. Подчеркнем, однако, что такое отождествление оценивается субъектом спортивного дискурса, журналистом, как крайне негативное, поскольку оно противоречит самой сути, смысловому ядру концепта 'Спорт', для которого *заранее написанный сценарий, ставка на постоянный пиар*, болельщики в роли послушных зрителей, аплодирующих «по команде», журналисты в роли *обслуживающего персонала* абсолютно неприемлемы.

Таким образом, можно констатировать: ход подготовки фигуриста Плющенко к соревнованиям репрезентируется самим спортсменом и его окружением по законам шоу-бизнеса, согласно которым роли участников «шоу» распределены заранее, сценарий четко прописан, реакция адресатов предсказуема, а спортивная составляющая теперь является лишь «фоном» для пиар-продвижения медиаперсоны, каковой является спортсмен.

Очередное подтверждение справедливости мысли об отождествлении исследуемых понятий мы находим, рассматривая тексты спортивных СМИ, в которых анализируются события, связан-

ные с отбором спортсмена Плющенко в состав сборной России: **Команда Плющенко организовала мощную пиар-кампанию, попытавшись убедить общественность и Федерацию закрыть глаза на результаты национального первенства** («Ход коньком» // сайт газеты «Культура». 2014. 21 янв.); **Если бы перед Плющенко зажгли красный свет, скандала на весь мир не избежать. Как его раздуть из ничего, хорошо знает супруга титулованного спортсмена, продюсер Яна Рудковская. Год назад команда Плющенко едва не засудила журналиста Андрея Журанкова за неосторожно сказанные слова в телеэфире об операции спортсмена и о том, что в его жизни слишком много шоу-бизнеса. Что уж говорить, если речь идет об Олимпиаде...** («Олимпийский прокат Плющенко // сайт «Фонтанка.ру». 2014. 22 янв.); **Даже тяжелейшую операцию на позвоночнике, сделанную прошлой зимой, пиарщикам Плющенко удалось вписать в канву спортивно-голливудского сюжета** (Там же); **Плющенко — это бренд, это авторитет в мире фигурного катания, что может повлиять на Олимпиаде на судей** (Там же).

Итак, на этом этапе освещения события журналисты начинают именовать Евгения Плющенко *брендом*. Отметим, что в профессиональной среде маркетологов брендом называют продукт / услугу / юридически защищенную символику производителя или продукта. Для продвижения бренда используются конкретные PR-технологии, которые в данном случае представляют собой сценарий шоу с большим количеством участников.

Правдивость «диагноза» превращения спортивной борьбы в шоу, который предварительно «поставили» в истории с фигуристом Плющенко спортивные журналисты в предолимпийских публикациях, используя нетипичные для сферы спорта лексемы (*спортивно-голливудский сюжет, пиарщик, продюсер*), была доказана событиями на олимпийском катке Сочи, за которыми наблюдал весь мир.

Снятие спортсмена с соревнований из-за травмы далеко не уникальное происшествие в спорте. Однако именно в случае с Евгением Плющенко его уход с «поля спортивного боя» был расценен большинством журналистов, спортсменов, болельщиков как спланированный финал того сценария, что «разыгрывался» в медиапространстве на протяжении нескольких месяцев до Олимпиады. Характерно то, что чем больше спортсмен и его окружение пытались опровергнуть мнение о «срежиссированности» травмы спортсмена, тем больше массовый адресат убеждался в обратном.

Рассмотрим самые яркие и показательные текстовые примеры.

Член исполкома Федерации и вовсе назвал интервью Плющенко „пиар-акцией“ (Плющенко опроверг информацию о давлении на него со стороны Федерации фигурного ката-

ния // сайт «Новости Беларуси». 2014. 17 февр.); **Всё-таки не смог не увидеть снятие Плющенко. То, как это было сделано, — очередной „рудковский“ пиар. А то, что он снялся, — ясно было в январе. О нем все говорят, а афиши его шоу висят в городах уже** (Алексей Андронов: «Снятие Плющенко — очередной „рудковский“ пиар» // сайт газеты «Советский спорт». 2014. 14 февр.); **Плющенко снова обвиняют в эгоизме, нездоровых амбициях и пиаре** (О чем молчит Плющенко // сайт газеты «Московский комсомолец». 2014. 19 июня); **В эфире программы „Пусть говорят“ Евгений говорил о многом, но больше всего зацепила его фраза „Не исключаю того, что приеду на пятую Олимпиаду“.** Вероятно, если это было сказано в сердцах и на эмоциях. Возможно, это **новый пиар-ход команды Плющенко** (5 героев вторника на Олимпиаде в Сочи // сайт газеты «Советский спорт». 2014. 18 апр.); **Все это до сих пор активно обсуждается на форумах и блогах, практически расколов россиян надвое: кто за Плющенко, и кто считает это сплошным пиаром Плющенко и Рудковской** (Скандал с Плющенко, спор Земфиры и Эрнста, гибель тигра и жирафа Мариуса: топ популярных новостей за прошедшую неделю // сайт «Teleport2001.ru». 2014. 19 февр.); **Плющенко действительно оказался мастером скандала** (Прощай, король! // сайт газеты «Версия». 2014. 24 февр.).

Во всех приведенных контекстах мы обнаруживаем прямую экспликацию отождествления понятий 'Спорт' и 'Шоу' в том случае, когда речь идет о последних годах спортивной карьеры фигуриста Плющенко.

Здесь нельзя не отметить следующее: если элементы шоу в моделях своего поведения позволяет себе демонстрировать спортсмен, который прежде всего «атрибутируется» субъектами спортивного дискурса как человек, обладающий высокими достижениями в спортивной сфере, соответствующий в основных параметрах «модельной личности» спортсмена с присущими ему признаками, то это воспринимается и оценивается положительно (вспомним, например, «фирменные жесты» и эксцентричное поведение рекордсмена мира спринтера Усейна Болта или эпатажные прически олимпийской чемпионки по прыжкам в длину Татьяны Лебедевой). Адресат спортивного дискурса принимает «правила игры» и осознает, что элемент шоу сегодня привносится даже в самые серьезные соревнования. Однако пересечение понятий 'Спорт' и 'Шоу', 'Спортсмен' и 'Шоумен' имеет положительную оценку только до тех пор, пока шоу не подменяет собой спортивное состязание, пока оно не оказывает решающего влияния на наши представления о профессиональном спортсмене, о чемпионе. На наш взгляд, реальная история Евгения Плющенко — очевидное подтверждение правоты сказанного выше.

Скандал, а также сплошной пиар, „рудковский“ пиар, пиар-ход, пиар-акция — данные номинации преимущественно с ключевым словом «пиар» в значении «практика создания и внедрения в сознание людей привлекательного образа кого-, чего-либо» [Большой толковый словарь 2009] актуализируют потенциальные семы с несомненно отрицательными коннотациями, такие как ‘искусственно созданный’, ‘заранее просчитанный’, ‘произведенный с целью влияния’ и под.

В текстах СМИ эксплицирована и причина подмены исследуемых понятий: *Ковтун и Воронов, при всем их таланте, азарте и молодости, пока еще не „бренды“*. А *Плющенко — „бренд“*. И „под него“ **будет продано очень много билетов** (Прощай, король! // сайт газеты «Версия». 2014. 24 февр.).

Названная причина демонстрирует нам устойчивое пересечение концепта ‘Спорт’ с еще одним понятием, первоначально с представлениями о спортивной деятельности не связанным, — ‘Бизнес’. При этом журналисты усматривают корреляцию конкретной ситуации с Плющенко и положения дел в российском спорте в целом: *К сожалению, спорт в наше время превратился для многих всего лишь в способ обустройства жизни. И талантливый спортсмен, равного которому не было в мире, на наших глазах превратился попросту в семейное предприятие* (Прощай, король! // сайт газеты «Версия». 2014. 24 февр.); *Российский спорт никогда не станет нашей национальной идеей. Потому что вместо фанатично преданных Родине и спорту Бобровых и Ведениных мы имеем сейчас людей, которые делают на спорте личный бизнес, а затем — политическую карьеру* (Там же).

Вместе с тем в журналистском спортивном дискурсе параллельно с экспликацией метонимической модели «Спорт — это шоу» реализуется близкая к данной модели концептуальная метафора «Спорт — это театр/представление», причем и метафорический, и метонимический способ осмысливания реальной действительности могут пересекаться в высказываниях субъектов спортивного дискурса:

Реплика Алексея Ягудина: *Я считаю, что это театр, который до сих пор продолжается* (Евгений Плющенко: откровенно обо всем // телепрограмма «Пусть говорят», Первый канал. 2014. 18 февр.).

Однако не купившиеся на спектакль граждане успели возмутиться: «Чемпиону пловать на честь». Что ж, два месяца шоу-программ по стране окупят для фигуриста позор в глазах слишком придирчивых (Не время для жирафов // общественно-политический портал Воронежа «Четыре пера». 2014. 17 февр.).

Реплика спортивного комментатора Василия Соловьёва: *Вы же профессиональная ко-*

манда: Яна — пиарщица с многолетним стажем, которая говорила в том числе перед ванкуверскими играми „Вася, я всё сделаю хорошо, потому что я знаю, как это работает в мире шоу-бизнеса“.

Рудковская: *Я никогда не смешивала шоу-бизнес со спортом!*

Соловьёв: *Правильно! А бардак сейчас такой, как будто в шоу-бизнесе. Я не могу понять, откуда оно взялось?* (Евгений Плющенко: откровенно обо всем // телепрограмма «Пусть говорят», Первый канал. 2014. 18 февр.).

Образец манипуляции общественным мнением показала пиар-команда Евгения Плющенко, по заранее отработанному сценарию покинувшего сочинскую Олимпиаду в удобный для него момент (Не время для жирафов // общественно-политический портал Воронежа «Четыре пера». 2014. 17 февр.).

В заключение отметим, что пиар-проект «Евгений Плющенко», который позволил нам рассмотреть различные аспекты пересечения и даже отождествления концептов ‘Спорт’ и ‘Шоу’, ‘Спорт’ и ‘Бизнес’, получает сегодня свое развитие (буквально в соответствии с прецедентным текстом, который оправдывает такого рода сценарии: «**The show must go on**» — «Шоу должно продолжаться»). В конце сентября 2014 г. вышло телевизионное интервью Евгения Плющенко (телепрограмма «Большой спорт», телеканал «Россия 2». 2014. 23 сент.), в котором спортсмен-шоумен в очередной раз заявил, что он наконец вылечил травму и будет готовиться к пятой для него Олимпиаде, где будет выступать, «если, конечно, пройдет отбор в команду», и где докажет «недоброжелателям», что он настоящий чемпион.

Думается, что дискурсивные практики, реализованные в русском спортивном журналистском дискурсе, позволят исследователям неоднократно убеждаться в существовании концептуальной метонимической модели «Спорт — это шоу», отражающей представления массового адресата о современной специфике содержательной структуры когнитивного феномена ‘Спорт’.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Большой толковый словарь русского языка* / [гл. ред. С. А. Кузнецов]. — М., 2009.
2. *Зверева В.* Телевизионный спорт // *Логос*. 2006. № 3 (54). С. 63—75.
3. *Кузлякин С. В.* Проблема создания концептуальной модели в лингвистических исследованиях // *Лингвистика XXI века : материалы федер. науч. конф.* (Екатеринбург, сент. 2004 г.) / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2004. С. 86—89.
4. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. — М. : Едиториал УРСС, 2004.
5. *Лотман Ю. М.* Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. — М. : Языки русской культуры, 1996. С. 46—73.
6. *Луданова А. Ф., Мальшева Е. Г.* Лексико-семантическая специфика репрезентации концепта ‘Спортсмен’ в современном спортивном дискурсе

(опыт тезаурусного описания) // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в вузе и школе : сб. науч. тр. Вып. 13 / [ред. д-р филол. наук, проф. О. В. Загоровская]. — Воронеж : Научная книга, 2010. С. 37—52.

7. *Мальшева Е. Г.* Своеобразие языковой репрезентации концептуальной метонимической модели «спорт — это смерть» в текстах спортивного дискурса // Вестн. Перм. ун-та. Сер.: Российская и зарубежная филология. — Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2010. Вып. 6 (12). С. 37—43.

8. *Мальшева Е. Г.* Виды концептуальных моделей: различие понятий «метафорическая модель» и «метонимическая модель» (на примере когнитивных доминант спортивного дискурса) // Вестн. Северо-Осетинского гос. ун-та им. К. Л. Хетагурова. 2011. № 1. С. 123—126.

9. *Михальчук И. П.* Концептуальные модели в семантической реконструкции (индоевропейское понятие «закон») // ИАН СЛЯ. 1997. Т. 56. № 4. С. 29—39.

10. *Ненашев М. И.* Введение в логику : учеб. пособие. — М. : Гардарики, 2004.

11. *Проскуряков М. Р.* Концептуальная структура текста : дис. ... д-ра филол. наук. — СПб., 2000.

12. *Рикёр П.* Конфликт интерпретаций: очерки о герменевтике. — М. : Медиум, 1995.

13. *Рузавин Г. И.* Логика и аргументация : учеб. пособие для вузов. — М. : Культура и спорт : ЮНИТИ, 1997.

14. *Сериков А. Е.* Метафора и метонимия в практическом действии // Вестн. Самар. гуманит. акад. Сер. «Философия. Филология». 2007. № 1. С. 132—142.

15. *Трунов Д. Г.* Метонимическое мышление // Антропологические основания теоретического мышления : материалы науч. конф. (16—17 нояб. 2004). — Екатеринбург : УГТУ-УПИ, 2005. С. 173—176.

16. *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка. — М. : Учпедгиз, 1941.

17. *Якобсон Р.* Два аспекта языка и два типа афатических нарушений // Теория метафоры : сб. : пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / [вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой ; общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной]. — М. : Прогресс, 1990. С. 110—132.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

Т. В. Романова
Нижний Новгород, Россия

T. V. Romanova
Nizhny Novgorod, Russia

**ОБРАЗ РОССИИ
ПО МАТЕРИАЛАМ АССОЦИАТИВНОГО
ЭКСПЕРИМЕНТА
(МОДЕЛИРОВАНИЕ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ)**

**THE IMAGE OF RUSSIA:
MODELING REPRESENTATION
IN THE LINGUISTIC CONSCIOUSNESS (BASED ON
ASSOCIATION EXPERIMENT)**

Аннотация. Рассматриваются способы репрезентации в языковом сознании образа России. Под способами репрезентации понимаются способы задания смысла в ассоциативных реакциях на слово-стимул «Россия». Образ России можно смоделировать как своеобразную фигуру знания — модель движения от слова-знака к смыслу, способу его выражения, области референции. Наиболее характерны, по данным ассоциативного эксперимента, положительные оценочные реакции, позитивные дескрипторы; прецедентные реакции, относящиеся к сфере литература. Стереотипность представления о России отражают следующие реакции-штампы сознания: «берёза», «балалайка», «медведь», «матрёшка», «сарафан».

Abstract. The article discusses the ways of representation of the image of Russia in the linguistic consciousness. By means of representation the author understands the methods of defining the meaning in associative responses to the stimulus word "Russia". The article presents a methodology for modeling the linguistic consciousness according to the association experiment and provides an analysis of the data, which allow to identify and structure the image of Russia and to represent the linguistic consciousness of the participants of the experiment. This image can be modeled as a kind of figure of knowledge: the model of the motion from the word-sign to the meaning, to the method of its expression and the field of reference. The association experiment shows that positive evaluative responses, positive descriptors and precedent responses from the sphere of literature are more common. The following response cognitive images reflect the stereotype of the image of Russia: "birch tree", "balalaika", "bear", "matryoshka" and "sarafan".

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент; когнema; способ задания смысла; референтная область.

Key words: association experiment; cogneme; way of defining the meaning; the reference area.

Сведения об авторе: Романова Татьяна Владимировна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации факультета гуманитарных наук.

About the author: Romanova Tatiana Vladimirovna, Doctor of Philology, Professor, Professor of Department of Applied Linguistics and Cross-cultural Communication, Faculty of Humanities.

Место работы: Нижегородский филиал национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Place of employment: National Research University Higher School of Economics, Nizhny Novgorod.

Контактная информация: 603155, г. Нижний Новгород, ул. Большая Печерская, д. 25/12.
e-mail: tvromanova@mail.ru.

Процесс моделирования языкового сознания мы рассмотрим на примере статьи ассоциативного словаря.

Когнитивный ассоциативный эксперимент моделирует активный режим работы языкового сознания (от знака к смыслу). Результаты эксперимента отражаются в ассоциативной словарной статье, отличие которой от статьи традиционного лексикографического источника заключается в следующем: «Исходным материалом является не языковая семантика, а языковое сознание, складывающееся из стандартно организованных элементарных единиц знаний о мире, присущих носителю языка» [Караулов и др. 2013: 19].

Проанализированный и классифицированный определенным образом экспериментальный материал позволяет установить крупные единицы когнитивного плана — концепты, из которых путем их самоорганизации (внутреннее структурирование «вглубь» каждого концепта и установление внешних связей между ними) и формируется устройство лингвокультурного тезауруса, представляющего собой ядро, основу языковой картины мира [Проект «Лингвокультурный тезаурус русского языка»].

Словарная статья тезауруса в идеале должна строиться как национально и культурно ориентированное описание каждого концепта, как наполнение каждой концептуальной зоны элементарными когнитивными единицами (фигурами знания) и соответствующими словами-знаками [Караулов и др. 2013: 8—31]. Результатом является когнайзер — когнемная модель вербального сознания. Под когнемой понимается фигура знания, представляющая собой постоянно текущий динамичный процесс взаимодействия пяти параметров: смысл — способ — слово (знак) — область — функция [Там же: 17].

Способы задания и расшифровки смысла подразделяются на несколько групп: лингвистические (афоризм, аббревиатура, антоним, внутренняя форма слова, гипоним, гипероним, литота, метафора, оксюморон, омоним, пароним, перифраза, поговорка, полисемия, пословица, рифма, синоним, словосочетание, смена кода, фразеологизм); логические (ассоциации, дескрипции, дефиниция, импликация, множество, предикат, пропозиция, сравнение, суждение, фрейм); способы визуальной модальности (жест, образ, символ); фактологические (прецедентный текст, непрецедентный текст, имя

автора, название произведения, персонаж, художественная деталь, событие, деталь биографии, цитата, топоним, псевдоним); научные (термин, формула) [Караулов и др. 2013: 85—87].

Референтная область знаменует *когнитивный* переход от элементарных фигур на более высокий уровень знаний, к единицам языковой картины мира.

С точки зрения относительной ценности единиц знания принято различать два их типа — знание-рецепт и знание-ретушь [Wettler 1980] (термины были использованы автором источника применительно к когнитивному анализу текста). Первый тип несет существенное, важное, основное с точки зрения понимания содержания текста и его воздействия знание. Второе же, т. е. знание-ретушь, сообщает второстепенные, необязательные, фоновые сведения, которые при анализе текста, например по ключевым словам, могут свертываться, опускаться, не учитываться. При определении функции знания, «основного» или «вспомогательного», используются термины *рецепт* и *ретушь* соответственно.

Данные для составления словарных статей собраны посредством проведения стандартного свободного ассоциативного эксперимента. Испытуемым предлагалось реагировать на предложенные слова-стимулы первой возникшей в их сознании ассоциацией или несколькими ассоциациями. Результаты эксперимента обрабатывались вручную, словарные статьи были составлены по примеру структуры статей РАС [Русский ассоциативный словарь 2002]. Отметим, что в списке слов-стимулов РАС нет имен собственных.

Респондентами данных, представленных в этой публикации, были учителя русского языка Молдовы (76 человек). Опрос проводился в декабре 2012 г. Испытуемым было предложено дать ассоциации на следующие слова-стимулы: Америка (25), Молдова (51), Россия (76). В скобках указано количество анкет, в которых присутствовало соответствующее слово-стимул. Содержание реакций обусловлено экстралингвистическими параметрами: возрастом испытуемых (40—60 лет), их профессией (учителя русского языка и русской литературы), тем, что большинство из них родились в России или получили там образование. Предметом интерпретации в данной статье будет стимул *Россия*. Полученные данные представим в виде словарной статьи.

Россия: родина (14); береза (9); Москва, Путин (7); великая держава, держава, Есенин, Пушкин (5); гордость, природа, русский язык (4); водка, Кремль, простор (3); березка, вели-

кая, величие, Волга, гражданство, друзья, культура, любовь, мама, масштабность, матерешка, мечта, мощь, надежда, огромная, партнерство, просторы, развитие, Сибирь, слава, страна, Толстой, тоска, широта (2); балалайка, бедная деревня, бедная, беззаконие, безмерная ширь, белая береза, благополучие, близкое, богатая история, богатая культура, богатая, богатство недр, богатство, будущее, бывшая Родина, великая страна, великие просторы, великое госуд-во, великое наследие, война, высокая культура, гимн, гостеприимство, гостиница, гастарбайтеры, государственная программа развития молодежи, государство, демократия, деревни, детство, доброта, дом, дочь, дружба народов, живет в сердце, жизнь, жить, зима, империя, информация, испытание, история, «калинка», классическая литература, корабельная сосна, красивая природа, красивые города, крест, леса, литература, лучшая жизнь, малая Родина, МГУ, медведь, многонациональный состав, могучая, могущество, мороз, моря, надежность, направление, неординарная, нефть, образованность, общность территории, огромная страна, огромная территория, огромные просторы, опора, орел, отдых, ошибочная привязка к пьянству, партнер, Пастернак, Петербург, Петр I, поле, политика, поля, помощь гуман. (л-ра), помощь, понятное, потешки, предки, прекрасные люди, простота, прошлое, Распутин, реки полноводные, религия, речка, родина — место рождения; Родина, хотя родилась и живу не в России; родная, родное, родные, родственники, родство, рус. деревеньки, русская песня, русский язык, сарафан, свобода, связи (друзья), сильная, славяне, слово, спасение, С.-Петербург (Эрмитаж), спортивные награды, СССР, стабильность, страна проживания (желаемая), страна с великим народом, страна, театр, терпение, уверенность в будущем, университет, флаг, холод, хорошо, частушки, чернозем, что-то до боли родное, широкая душа, широта души, юность, языковая среда (1); а) 254, б) 166, в) 1, г) 128.

Цифры в конце словарной статьи обозначают: а — общее число реакций, б — число разных реакций, в — число отказов, г — число единичных реакций.

Затем анализировались пары стимул — реакция: устанавливались способы задания смысла, референтные области и функция. Таким образом мы получили таблицу, отражающую содержательное наполнение когнемной модели «Образ России в языковом сознании участников эксперимента». Представим ее фрагмент (табл. 1).

Таблица 1

Знак	Смысл	Способ	Область	Функция
Россия	родина (14)	деталь биографии	территория, страна	рецепт
Россия	береза (9)	символ	растительный мир	ретушь
Россия	Москва (7)	гипероним — гипоним	география	рецепт

Россия	Путин (7)	прецедентное имя	политика	рецепт
Россия	великая держава (5)	описание	история	рецепт
Россия	держава (5)	гипоним-гипероним	государственное устройство	ретушь
Россия	Есенин (5)	прецедентное имя	культура	рецепт
Россия	Пушкин (5)	прецедентное имя	культура	рецепт
Россия	гордость (4)	ассоциация	чувство, переживание	ретушь
Россия	природа (4)	образ	природа, природные явления	ретушь
Россия	русский язык (5)	ассоциация	Культура/язык	ретушь
Россия	водка (3)	ассоциация/символ	алкоголь	рецепт
Россия	Кремль (3)	символ/ассоциация	строение	рецепт
Россия	простор (3)	образ	ландшафт	рецепт
Россия	великая (2)	описание	оценка	ретушь
Россия	величие (2)	ассоциация	оценка	ретушь
Россия	Волга (2)	символ	река	рецепт
Россия	гражданство (2)	словосочетание	сфера государственной власти	ретушь
Россия	друзья (2)	деталь биографии	взаимоотношения людей	ретушь
Россия	культура (2)	ассоциация	культура	ретушь
Россия	любовь (2)	ассоциация	чувства, переживание	ретушь

Далее считалась частота того или иного способа задания смысла и области референции по формуле $Ч = a/b$, где Ч — частота встречаемости, а — количество реакций, заданных тем или иным способом или относящихся к той или иной референтной области, б — общее количество реакций на данное слово-стимул.

Частота способов задания смысла: аббревиатура (2/0,008), антоним (1/0,004), ассоциация (35/0,138), гипероним-гипоним (9/0,011), описание (31/0,122), деталь биографии (32/0,126), дефиниция (1/0,004), квазисиноним (6/0,024), множество (1/0,004), образ (27/0,106), полисемия (1/0,004), предикат (2/0,008), прецедентный текст/имя (33/0,13), символ (55/0,217), словосочетание (8/0,031), событие (2/0,008), суждение (5/0,020). Среди наиболее частотных — ассоциация, описание, деталь биографии, образ, прецедентный текст/имя, символ (заметим, что в конкретных реакциях присущая языковым единицам семантическая диффузность не всегда позволяет однозначно квалифицировать способ задания смысла). Прокомментируем их.

Ассоциация (от лат. *associatio* — соединение) — связь между словами, при которой актуализация (восприятие, представление) одного из них влечет за собой появление другого. С психологической точки зрения сила ассоциативной связи зависит от силы впечатления, от возраста человека, пола, образования, характера деятельности, национальности и т. д. Реакции, которые мы квалифицировали как ассоциативные, можно объединить в следующие группы: чувство (*гордость, любовь, мечта, надежда, тоска, жить*), оценка (*величие, культура, будущее, демократия, жизнь, испытание*), стереотипы (*водка, балалайка* и др.), объективаторы (*гастарбайтеры, госу-*

дарственная программа развития молодежи и др.).

Описание (лат. *describere* — описывать) — это описание, т. е. конструкция, по форме имеющая вид «тот ..., который ...». При построении логических средств она включается в язык в числе термов. *Определённая описание* соответствует терму *ix.Ф*, который канонически читается как «тот единственный *x*, для которого выполняется (верно) *Ф*». *Неопределённая описание* соответствует терму *ex.Ф*, который канонически читается как «тот *x*, для которого выполняется (верно) *Ф*» [Описание].

Описание (лат. *descriptio* 'изображение, описание') — фигура описания природы, интерьера, каких-либо предметов «через перечисление чувственно воспринимаемых деталей» с целью их изображения. При таком описании активно используется описательная лексика [Москвин 2004: 62].

«Описание как самостоятельная фигура знания ближе всего стоит по своему содержанию, с одной стороны, к классической дефиниции, а с другой стороны, — к фрейму. Подобно дефиниции она включает в свою формулу родовое именование, но в отличие от нее второй информационный компонент в описании задает не видовое отличие, а указывает на какой-то малозначительный, случайный признак, внешний по отношению к родовому понятию, не раскрывающий ни его внутреннего устройства, ни характерных для него свойств. Если в дефиниции видовое отличие относится к интенционалу искомого знака-слова, то в описании дополнительным информационным компонентом служит какой-то экстенциональный признак. От фрейма описание отличается, прежде всего, тем, что в числе слотов фрейма

заметную роль играют слоты, раскрывающие отношения „часть-целое“, указывающие на внутренние свойства и функции описываемого явления, но такие характеристики не свойственны дескрипции, которая отражает скорее некоторую конкретную ситуацию и ближайшее окружение (соседство), охватывает только поверхностно видимое, не касаясь существа предмета, а также связанных с ним причин и следствий. Наконец, фрейм не исключает образности, наглядности и даже провоцирует порождение образа, тогда как дескрипция на-чисто лишена образного момента» [Караулов и др. 2013: 42].

Для онима *Россия* такой способ интерпретации смысла участники эксперимента использовали чаще, чем для онимов *Америка*, *Молдова*: *Россия* — великая держава (история; оценка; рецепт/ретушь), бедная деревня (населенный пункт, оценка; ретушь), благополучие, близкое (оценочное ощущение; ретушь), многонациональный состав и др. Превалируют позитивные дескрипторы (богатая история, богатая культура, великие просторы, высокая культура, красивая природа, красивые города, образованность, огромные просторы, свобода, страна с великим народом, что-то до боли родное и др.), негативные дескрипторы малочисленны (бедная деревня, беззаконие).

Деталь биографии. Этот способ задания смысла объединяет информацию, касающуюся жизни замечательных людей, и включает имена деятелей разных областей культуры и искусства — литературы, кино, спорта, живописи и других, а также отдельные факты их частной жизни. Сюда мы отнесли и упоминание фактов частной жизни респондентов. Отметим, что способ *деталь биографии* встречается только в статьях на слова *Молдова* и *Россия*. Например, *Россия* — бывшая Родина, малая Родина (территория, страна; ретушь), *Россия* — предки (семья; ретушь), друзья (взаимоотношения людей, ретушь), юность, мама и др. Поскольку приведенные пары стимула и реакции фиксируют индивидуальное знание, оно отнесено к области ретуши.

Образ (зрительный, слуховой, жестовый и др.) — «общепсихологическое понятие. Используется для обозначения особой формы результатов целостного отражения в психике человека действительности. Различают сенсорно-перцептивные и мыслительные образы. В них одновременно представлены пространство, движение, цвет, форма предметов, явлений, временная последовательность событий» [Образ]. Этот способ предполагает возникновение наглядного представления соответствующего предмета у «испытываемого»: *Россия* — простор, широта, безмерная ширь, леса, чернозём, моря, реки полноводные и др. Большая часть таких реакций отражает природу России, ее ландшафтно-пространственные параметры, что позволяет констатировать бытийный способ категоризации.

Такой способ, как **прецедентный текст**, в основном представлен в реакциях — прецедентных именах сферы «Политика» (*Путин* (абсолютное большинство реакций)), «Культура» (*Есенин*, *Пушкин*, *Толстой*, *Гастернак*, *Распутин* (последнее можно квалифицировать по-разному)), «Исторические деятели» (*Пётр I*); родо-видовыми гипонимами-топонимами (*С.-Петербург* (*Эрмитаж*), *Петербург*, *Москва*). Специальность респондентов объясняет преимущество прецедентных реакций, относящихся к сфере «Литература». Встречаются единичные реакции из сфер «Исторические события» (*война*), «Жанры» и «Области культуры» («*калинка*», *частушки*).

С прецедентностью как способом задания смысла тесно связан другой — *символ*. **Символ** (греч. *символ* 'условный знак, примета') — конкретный предмет, осмысленный как представитель абстрактного понятия [Москвин 2004: 79]. Реакции-символы: *береза*, *Кремль*, *Волга*, *балалайка*, *медведь*, *орел*, *матрешка*, *сарафан* и др. Подобного типа реакции можно отнести к штампам и клише сознания.

Референцию ассоциаций представим в сравнении на табл. 2.

Таблица 2

Область	Америка	Молдова	Россия	Америка (Ч)	Молдова(Ч)	Россия(Ч)
алкоголь	0	0	4	0,000	0,000	0,016
архитектура	1	0	0	0,021	0,000	0,000
борьба, конфликт, война	6	0	1	0,125	0,000	0,004
быт	0	0	2	0,000	0,000	0,008
взаимоотношения людей	0	8	8	0,000	0,055	0,031
водоемы	0	1	0	0,000	0,007	0,000
время	0	0	4	0,000	0,000	0,016
гармония, красота	0	3	0	0,000	0,021	0,000
география	5	9	17	0,104	0,062	0,067
город	0	0	3	0,000	0,000	0,012
государственное устройство	2	4	10	0,042	0,028	0,039
деньги	4	0	1	0,083	0,000	0,004
дети	0	0	2	0,000	0,000	0,008
документы	0	1	3	0,000	0,007	0,012

дом	0	0	1	0,000	0,000	0,004
дорога	0	1	0	0,000	0,007	0,000
жизнь знаменитых людей	0	1	15	0,000	0,007	0,059
зоология	0	1	2	0,000	0,007	0,008
игра	0	0	2	0,000	0,000	0,008
история	0	0	3	0,000	0,000	0,012
кино	1	0	0	0,021	0,000	0,000
культура	0	0	5	0,000	0,000	0,020
лес	0	0	1	0,000	0,000	0,004
литература	0	0	2	0,000	0,000	0,008
межгосударственные отношения	2	0	0	0,042	0,000	0,000
море	0	0	1	0,000	0,000	0,004
музыка	1	0	2	0,021	0,000	0,008
населенный пункт	0	0	3	0,000	0,000	0,012
обман	1	0	0	0,021	0,000	0,000
образование	0	1	3	0,000	0,007	0,012
общественные отношения	0	3	3	0,000	0,021	0,012
одежда	0	0	1	0,000	0,000	0,004
отдых	1	0	1	0,021	0,000	0,004
ощущение	13	7	11	0,271	0,048	0,043
поведение, образ жизни	1	1	1	0,021	0,007	0,004
полезные ископаемые	1	0	2	0,021	0,000	0,008
политика	1	5	14	0,021	0,034	0,055
природа, природные явления	1	7	17	0,021	0,048	0,067
продукт	0	6	0	0,000	0,041	0,000
пространство	0	3	0	0,000	0,021	0,000
поэзия	0	1	0	0,000	0,007	0,000
растительный мир	0	15	17	0,000	0,103	0,067
развитие	1	1	4	0,021	0,007	0,016
река	0	2	4	0,000	0,014	0,016
религия	0	0	2	0,000	0,000	0,008
родина	0	28	21	0,000	0,193	0,083
семья	0	10	6	0,000	0,069	0,024
слава, известность	0	0	21	0,000	0,000	0,083
социально-трудовые отношения	0	8	0	0,000	0,055	0,000
спорт	0	0	1	0,000	0,000	0,004
строение	2	2	4	0,042	0,014	0,016
трудности	0	2	2	0,000	0,014	0,008
финансово-экономические отношения	3	2	0	0,063	0,014	0,000
фольклор	0	3	4	0,000	0,021	0,016
характер человека	0	0	4	0,000	0,000	0,016
цвет	1	0	0	0,021	0,000	0,000
чувство, переживание	2	5	13	0,042	0,034	0,051
этнография, этнология	0	1	1	0,000	0,007	0,004
язык	0	0	7	0,000	0,000	0,028

Говоря о референтных областях, можно заметить, что только на стимул *Россия* есть реакции, которые относятся к области «алкоголь» (*водка*). Области «борьба», «конфликт», «война» соотносятся со словом-стимулом *Америка* (*враждебность*). Референтная область «взаимоотношения людей» коррелирует со словами-стимулами *Россия* и *Молдова* (*гостеприимство, дружба*). Области «география», «государственное устройство», «политика» широко представлены в реакциях на все слова-онимы (*гимн, президент* и др.). Поскольку на все слова-стимулы дано много оценочных реакций, референтная область «ощущение» релевантна для всех онимов. Например: *Россия — надежность, гордость, любовь, тоска, близость, живет в сердце, спасение* и др.

Можно утверждать, что способ образования реакции и функция знания показывает нам устройство и функционирование языковой картины мира носителей языка, а референтная область помогает сравнивать реалии, обозначенные словом-стимулом.

Итак, мы представили методику моделирования языкового сознания по данным ассоциативного эксперимента. Анализ полученных данных позволяет выявить и структурировать образ России, репрезентированный в языковом сознании участников эксперимента. Этот образ можно смоделировать как своеобразную фигуру знания: модель движения от слова-знака к смыслу, способу его выражения, области референции.

При моделировании образа России по данным ассоциативного эксперимента мы сде-

лали следующие выводы. Наиболее частотные способы задания смысла — ассоциация, дескрипции, деталь биографии, образ, прецедентное имя, символ. Наиболее характерны положительные оценочные реакции, позитивные дескрипторы; прецедентные реакции, относящиеся к сфере «Литература». Стереотипность представления о России отражают следующие реакции — штампы сознания: *береза, балалайка, медведь, матрешка, сарафан*. Области референции представлены достаточно широко: география; территориальное, государственное устройство; социально-трудовые отношения; политика; культура, язык; жизнь знаменитых людей; природа, природные явления, растительный мир; взаимоотношения людей; семья; оценка; ощущения/чувства/переживания. В целом на стимул **Россия** в эксперименте было дано больше реакций, чем на стимулы **Молдова, Америка**. Наиболее частотная реакция — *родина (родина, малая родина; Родина, хотя родилась и живу не в России)*.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дескрипция* // Википедия : свободная энцикл. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki>.
2. *Информационная технология создания когнитивного тезауруса носителя русского языка и культуры: Учебное пособие. Серия «Инфо-когнитивные технологии»*. — М. -Нижний Новгород, 2013 (в печати).
3. *Караулов Ю. Н., Филитович Ю. Н., Романова Т. В., Черкасова Г. А.* Информационная технология создания когнитивного тезауруса носителя русского языка и культуры : учеб. пособие. — М. : Н. Новгород, 2013. (Сер. «Инфо-когнитивные технологии»).
4. *Москвин В. П.* Выразительные средства современной русской речи: тропы и фигуры : терминологический словарь-справочник. — М., 2004.
5. *Образ* // Словарь [психологических] терминов. URL: <http://psihotesti.ru/gloss/tag/obraz/>.
6. *Проект «Лингвокультурный тезаурус русского языка»*. URL: <http://thesaurus.ru/>.
7. *Русский ассоциативный словарь*. В 2 т. Т. 1. От стимула к реакции / Ю. Н. Караулов, Г. Н. Черкасова, Н. В. Уфимцева [и др.]. — М., 2002.
8. *Wettler M.* Sprache, Gedächtnis, Verstehen. — Berlin ; New York, 1980.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

Н. Б. Руженцева
Екатеринбург, Россия

N. B. Ruzhentseva
Ekaterinburg, Russia

**КОГНИТИВНЫЕ МОДЕЛИ
КАК СРЕДСТВО ДОСТИЖЕНИЯ
ИРОНИЧЕСКОГО ЭХО-ЭФФЕКТА В РАЗНЫХ
ФОРМАТАХ ДИСКУРСА**

**COGNITIVE MODELS
AS A MEANS OF ACHIEVING
THE IRONIC ECHO-EFFECT IN VARIOUS
FORMATS OF DISCOURSE**

(освещение украинских политических событий)

(on the Ukrainian political events)

Аннотация. Сделана попытка вскрыть когнитивные механизмы создания иронического эхо-эффекта, лежащие в основе когнитивных моделей логического, ассоциативно-культурологического и жанрово-стилистического типов. Сопоставляя освещение украинских событий в творчестве К. Паустовского и в современных политических комментариях, автор делает выводы о логической, художественной и комплексной природе иронического эхо-эффекта в разных форматах дискурса, которая отражена в его текстовой составляющей.

Abstract. The article attempts at revealing the cognitive mechanisms of achieving the ironic echo-effect, lying at the foundation of cognitive models of logical, associative, cultural and stylistic genre types. On comparing the presentation of the Ukrainian events in the works of K. Paustovsky and in modern political commentaries the author comes to definite conclusions about the logical, fictional and complex nature of ironic echo-effects in various formats of discourse, which is reflected in its textual constituent.

Ключевые слова: интернет-дискурс; мемуары; политический комментарий; украинские события; эхо-эффект; реакция адресата; ирония; когнитивные механизмы; когнитивные модели.

Key words: Internet discourse; memoires; political commentary; Ukrainian events; echo-effect; addressee response; irony; cognitive mechanisms; cognitive models.

Сведения об авторе: Руженцева Наталья Борисовна, доктор филологических наук, профессор кафедры риторики и межкультурной коммуникации.

About the author: Ruzhentseva Natalia Borisovna, Doctor of Philology, Professor of the Chair of Rhetoric and Intercultural Communication.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Place of employment: Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 285.
e-mail: verbalis@mail.ru.

Из четырех потенциально возможных типов коммуникативных технологий три с полным правом можно отнести к асимметричным моделям. «Асимметричная коммуникативная технология — это технология субъект-объектного типа, обеспечивающая максимально возможное влияние источника на получателя и максимально ограничивающая влияние аудитории на источник» [Гавра, Хубецова 2006: 215]. Мы считаем, что репертуар текстов, посвященных описанию, комментированию и оценке многих (хотя далеко не всех) украинских событий, имеет именно субъектно-объектный (максимально воздействующий) характер, а ироническая тональность данных текстов является главным средством достижения эхо-эффекта.

триуистических проявлений (благотворительные кампании) [Назаров 2004].

В свою очередь, под **эхо-эффектом** мы понимаем отзвук точки зрения, транслируемой автором сообщения; это реакция адресата в совокупности ее когнитивных, аффективных и поведенческих проявлений. Эхо-эффект, как мы считаем, достигается не столько комплексом разнородных речевых средств, сколько совокупностью когнитивных моделей, использованных в текстах, построенных по асимметричной (пропагандистской) модели жесткого манипулирования: «Это модель односторонней асимметричной коммуникации. В ней главная цель источника — жесткое манипулирование сознанием аудитории (получателя) и трансформация его поведения в требуемом направлении» [Гавра, Хубецова 2006: 215].

В целом эффекты массовой коммуникации подразделяются на следующие группы:

- когнитивные: формирование установок; определение «пунктов повестки дня»; расширение представлений людей; уточнение ценностных ориентаций;
- аффективные: формирование чувства обеспокоенности, страха; влияние на моральное состояние и степень отчуждения в обществе;
- поведенческие: активизация (или не активизация) какой-либо деятельности; направление различных видов акций (например, политических демонстраций); провоцирование аль-

Немного коснемся важного, на наш взгляд, вопроса о необходимости для политического дискурса эхо-эффекта. Она связана с тем, что политические события являются далеко не самой важной причиной обращения к медиаресурсам, в том числе к ресурсам сети Интернет. Так, томские ученые провели социологическое исследование предпочитаемых студентами вариантов дискурса интернет-коммуникации. Выяснилось, что «коммуникативная среда Интернета используется в студенческой среде в качестве:

Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда: проект 14-04-00268 «Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления».

© Руженцева Н. Б., 2014

- учебно-информационного ресурса и источника программной продукции (46 % ответов);
- современного средства связи (42 %);
- источника бытовой информации (25 %);
- политической информации (22 %);
- развлекательной информации: музыка, кино, интернет-магазины (11—15 %)» [Катунин, Мишанкина, Ермоленкина 2011: 210].

Мы видим, что политическая информация находится лишь на четвертом месте в системе информационных предпочтений студенческой молодежи, о чем свидетельствует и исследование отдельных сайтов: «Источником политической информации выступают новостные сайты, только некоторые респонденты (1 %) говорят об использовании сайтов властных структур (Государственная Дума, министерство по налогам и сборам, Белый дом) и политических партий (НБП, ЕМС), что свидетельствует о не очень значительном интересе к политическому сектору виртуального дискурса и о пограничном его положении: не предпочтительный, но и не отвергаемый» [Там же: 213]; «Политические ресурсы Интернета не являются для студентов привлекательными, что может свидетельствовать о низкой „активности“ данного дискурса» [Там же: 214—215].

Сказанное позволяет сделать вывод, что необходимость в эхо-эффекте и в иронии как средстве его достижения связана не в последнюю очередь с задачей повышения привлекательности политической информации, увеличения интереса к ней со стороны массового адресата. Ирония, возможно, является самым сильным в настоящее время воздействующим средством, поэтому в данной статье мы попытались представить комплекс когнитивных (речемыслительных) моделей, обеспечивающих иронический эффект в мемуарной литературе и в политическом дискурсе (интернет-комментариях к украинским событиям), а также языковые/ речевые механизмы реализации данных моделей. Указанная цель требует комплексного выбора подходов к анализу феномена иронии — сочетания лингвокогнитивного, лингвопрагматического и стилистического подходов: «Лингвистический подход к феномену языковой иронии определяет ее как смысл, скрытый за несоответствующей формой» [Балашов 2006: 8]. Близкой точки зрения придерживается Е. Н. Зарецкая: «В стилистике ирония — это выражающее насмешку или лукавство иносказание, когда слово или высказывание обретает в контексте речи значение, противоположное буквальному смыслу или отрицающее его» [Зарецкая 1998: 405]. «В плане когнитивной природы феномена иронии лингвистический подход дает понятие ментальных механизмов, лежащих в основании семантической и вербальной форм иронии, а также являющихся связующим компонентом между ментальным и вербальным уровнями... Прагматический подход к иронии основан на коммуникативной функции

языка. В когнитивном аспекте прагматический подход выводит иронию на коммуникативный уровень, что ведет к рассмотрению коммуникативных интенций участников дискурса» [Балашов 2006: 8]. Мы считаем, что когнитивная природа иронии может быть вскрыта только с использованием разных подходов к ее исследованию и что разные форматы дискурса (в нашем случае — мемуарный и политический) дают для этого богатый материал, включающий иронические и саркастические высказывания, а также иные формы представления комического — юмор, издевку, пародию и т. д.

Когнитивные модели иронии классифицировались исследователями по разным основаниям. Так, С. Н. Балашов применительно к художественному (русскоязычному и англоязычному) дискурсу выделяет на основе нарушения логических связей 12 базисных когнитивных моделей иронии. Это «когнитивная характеристика состояния; когнитивная связь причины со следствием; когнитивная характеристика действия; когнитивная отсылка на объект; когнитивное сравнение; когнитивное увеличение степени; когнитивное отождествление; когнитивное объединение в класс; когнитивное уменьшение степени; когнитивное изменение кода; когнитивное объединение сценариев; когнитивное разграничение целого» [Балашов 2006: 18]. Однако дискурс является мощнейшим текстообразующим фактором, и его давление [Пирогова 2011; Руженцева 2013] детерминирует и различие репертуара когнитивных моделей в текстах, соотносимых с разными форматами дискурса. Попробуем проиллюстрировать эту мысль на материале мемуаров (повесть К. Паустовского «Далекие годы», глава «Фиолетовый луч», посвященная событиям в Киеве в 1918—1919 гг.) и сегодняшних интернет-комментариев к украинским событиям.

К. Паустовского ни в коей мере нельзя обвинить в негативном отношении к Украине и ее народу. Происходивший из запорожских казаков и проведший гимназические годы в Киеве, он нежно любил Украину, ее природу, язык, культуру, народ, ср.:

• *Отец происходил из запорожских казаков, переселившихся после разгрома Сечи на берега реки Рось около Белой Церкви. Там жили мой дед — бывший николаевский солдат, и бабка — турчанка. Дед был кроткий синеглазый старик. Он пел надтреснутым тенором старинные думки и казацкие песни и рассказывал нам много невероятных, а подчас и трогательных историй „из самой что ни на есть прошедшей жизни“ («Золотая роза. Коротко о себе»).*

• *Учился я в Киеве, в классической гимназии... Лучшим временем — порой безудержных мечтаний, увлечений и бессонных ночей — была киевская весна, ослепительная и нежная весна Украины. Она тонула в росистой сирени, в чуть липкой первой зелени*

киевских садов, в запахе тополей и розовых свечах старых каштанов (Там же).

- *Петлюра привез с собой так называемый галицийский язык — довольно тяжеловесный и полный заимствований из соседних языков. И блестящий, действительно жемчужный, как зубы заборных молодлиц, острый, поющий, народный язык Украины отступил перед новым пришельцем в далекие шевченковские хаты и тихие деревенские левяды. Там он и прожил „тишком“ все тяжелые годы, но сохранил свою поэтичность и не позволил сломать себе хребет («Далекие годы. Фиолетовый луч»).*

Однако некая внутренняя пародийность событий, связанных с захватом Петлюрой Киева и установлением временной власти — Директории — побуждает К. Паустовского добиваться в своих мемуарах иронического эхо-эффекта — реакции, отклика потенциальных читателей на киевские события 1918—1919 гг. Прежде всего он иронизирует над явлением, называемым «квасной патриотизм»:

- *У каждого народа есть свои особенности, свои достойные черты. Но люди, захлебывающиеся слюной перед умилением перед своим народом и лишённые чувства меры, всегда доводят эти национальные черты до смехотворных размеров, до патоки, до отвращения. Поэтому нет злейших врагов своего народа, чем квасные патриоты.*

К речевым средствам осмеяния «квасного патриотизма» относятся прежде всего аппликации украинизмов в русскоязычный текст:

- *На Петлюре же был защитный **жупан** на вате. Единственное украшение — кривая запорожская сабля, взятая, очевидно, из музея, била его по ляжкам. **Щирые** украинцы с благоговением взирали на эту казацкую „**шаблюку**“, на бледного припухлого Петлюру и на гайдамаков, что гарцевали позади Петлюры на косматых конях.*

- *Зрители искренне веселились, но настороженно затихли, когда на сцену тяжело вышел пожилой „**министр державных балянсов**“, иначе говорил министр финансов.*

Иронизируя над «квасным патриотизмом», К. Паустовский использует в мемуарах и ряд художественных приемов, например пародию. Так, посредством прецедентных высказываний (отсылок к текстам Н. Гоголя, украинским песням и др.) К. Паустовский делает акцент на пародийности происходящего в Киеве, ср. описание процедуры отчета Директории перед населением:

- *Перед зрителями, на фоне театрального задника, в довольно крикливых красках изображавшего, как „**Чуден Днепр при тихой погоде**“, предстал... премьер Винниченко.*

- *После этого на сцену вышла невиданно худая и совершенно запудренная девица в черном платье и, сцепив перед собой в явном отчаянии руки, начала под задумчивые аккорды рояля ис-*

*пуганно декламировать стихи поэтессы Галиной: **Рубають лис зелений, молодий.***

Кроме «квасного патриотизма», объектом иронии является происходящее в Киеве при Директории. Ироничны авторские комментарии, ироничен и речевой портрет.

Авторский комментарий:

Все в городе было устроено под старосветскую Украину, вплоть до ларьков с пряниками под вывеской: „оце Тарас с Полтавщини“... Было непонятно, происходит ли нечто серьезное, или разыгрывается пьеса с действующими лицами из „Гайдамаков“.

Речевой портрет «министра державных балянсов»:

Министр удовлетворенно усмехнулся, кивнул каким-то своим мыслям и спросил:

— Москали?

Действительно, в зале сидели почти одни русские. Ничего не подозревавшие зрители простодушно ответили, что да, в зале сидят преимущественно москали.

— Т-а-ак! — злоецо сказал министр и высморкался в широченный клетчатый платок. Очень даже понятно. Хотя и не дюже приятно.

Зал затих, предчувствуя недоброе.

— Якого же биса, — вдруг закричал министр по-украински и покраснел как бурак, — вы приперлись сюда из вашей поганой Москвы. Як мухи на мед. Чего вы тут не бачили? Бодай бы вас громом разбило! У вас там, в Москве, доперло до того, что не то что покушати немае чего, а и... немае чем.

Зал возмущенно зауцел... Старика уже несло по течению. Он не мог остановиться.

— Що ж вы мовчите? — спросил он вкрадчиво. — Га? Придуриваєтесь. Так я за вас отвечу. На Украине вам и хлиб, и сахар, и сало, и гречка, и квитки. А в Москве дулю сосали с лампадным маслом. Ось як!

Перейдем к собственно когнитивной природе иронии, т. е. к моделям, используемым К. Паустовским как для трансляции своей точки зрения, так и для получения перлокутивного читательского эхо-эффекта. Основная модель имеет логическую природу и заключается в «неожиданном подведении предмета под понятие, в остальном ему гетерогенное, и феномен смеха означает таким образом всегда внезапное понимание несоответствия между таким понятием и мыслимым в нем реальным объектом, т. е. между абстрактным и созерцаемым» [Шопенгауэр 1991: 34]. Проиллюстрируем несовпадение мыслимого и созерцаемого текстовыми реализациями данной когнитивной модели:

- Несоответствие между представлениями о белом коне и подарке, которого следовало бы ожидать Петлюре от железнодорожников:

Накануне по городу были расклеены объявления от коменданта. В них с эпическим спокойствием и полным отсутствием юмора сообщалось, что Петлюра въедет в Киев во

главе правительства — Директории — на белом коне, подаренном ему жмеринскими железнодорожниками. Почему жмеринские железнодорожники подарили Петлюре именно коня, а не дрезину или хотя бы маневровый паровоз, было непонятно.

- Несоответствие между представлениями о правительстве и его изображением:

Вслед за Петлюрой ехала Директория — расхлябанный неврастеник писатель Винниченко, а за ним — какие-то замшелые и никому не ведомые министры.

- Несоответствие между представлениями о том, что обычно изображается на денежных купюрах, и оформлением петлюровских сторублевок:

Я застал пана Ктуренду за приготовлением петлюровских сторублевок. На них были изображены две волоокие дивчины в шитых рубахах, с крепкими голыми ногами. Дивчины это почему-то стояли в грациозных позах балерин на затейливых фестолах и завитках.

- Несоответствие представлений о процедуре правительственного отчета и проведением такого отчета Директорией:

- *Речи министров перемежались интермедиями. После министра путей сообщения девчата и парубки сплясали гопака.*

- *На сцену выскочил хор парубков в лихо заломленных смушковых шапках, ударили бандуристы, и парубки, кинувшись вприсядку, запели:*

Ой, що там лежить за покойник,

То не князь, то не пан, не полковник —

То старой бабы-мухи полюбовник!

На этом отчет Директории перед народом закончился.

- Несоответствие представлений о типовом внешнем виде министра и изображением петлюровского «министра державных балясов»:

Министр был одет в широченные серые брюки в полоску, такой же широченный чесучовый пиджак с оттянутыми карманами и в шитую рубаху, завязанную у горла тесемкой с красными помпончиками.

- Несоответствие представлений о зонах влияния и их реализацией в Одессе:

Газеты, ошалевшие от противоречивых слухов, охотно печатали всю эту чепуху, тогда как почти всем было известно, что французы сидят в Одессе, в своей французской оккупационной зоне и что „зоны влияния“ в городе (французская, греческая и украинская) просто отгорожены друг от друга расшатанными венскими стульями.

Заметим, что логическое несоответствие мыслимого и созерцаемого может поддерживаться у К. Паустовского лексическим несоответствием (объединением разнородных понятий в одном логическом ряду) и приемами стилистического синтаксиса:

- *При встрече с гайдаками все ошалело оглядывались и спрашивали себя — гайдама-*

ки это или нарочно. При вымученных звуках нового языка невольно приходил в голову тот же вопрос — украинский это язык или нарочно. А когда давали сдачу в магазине, вы с недоверием рассматривали серые бумажки, где едва-едва проступали тусклые пятна желтой и голубой краски, и соображали — деньги это или нарочно.

Несколько реже встречается у К. Паустовского такая логическая модель репрезентации иронии, как когнитивное сравнение. В этом случае первый объект уподобляется второму, логически несовместимому с первым или имеющему устойчивую негативную оценку:

- *Гайдамаки с длинными синевато-черными чубами — оседлецами — на бритых головах (чубы эти свешивались из-под папах) напоминали мне детство и украинский театр. Там такие же гайдамаки с подведенными синькой глазами залихватски откалывали гопак. «Гоп, куме, не журысь, туды-сюды повернись!»*

- *Фальшивых денег было так много, а настоящих так мало, что население молчаливо согласилось не делать между ними никакой разницы. Фальшивые деньги ходили свободно и по тому же курсу, что и настоящие.*

- *После того как этот велеречивый пан втиснул меня в гетманскую армию, он проникся ко мне расположением, какое часто бывает у палача к своей жертве.*

Таким образом, иронический эхо-эффект достигается в мемуарах К. Паустовского сочетанием традиционных художественных приемов (аппликация украинизмов в русскоязычный текст, пародирование, обыгрывание прецедентных высказываний, речевая характеристика персонажей и др.) и текстовых репрезентаций двух разновидностей когнитивной модели. Но прежде чем перейти к современным средствам создания иронического эхо-эффекта, считаем важным заметить, что воспоминания К. Паустовского об украинских событиях 1918—1919 гг. во многом являются источником ситуативной прецедентности для современных авторов. Аналоги ситуаций, описанных К. Паустовским, во множестве встречаются в современных комментариях к украинским событиям, и основным отличием сопоставляемых текстов являются, на наш взгляд, иные формы подачи информации в современных текстах и большая степень их саркастичности, ср.:

1. К. Паустовский: *Петлюровцы распускали слухи, будто французы уже идут на выручку Киеву, будто они уже в Виннице, в Фастове, и завтра могут появиться даже в Боярке под самым городом brave французские зуавы в красных штанах и защитных фесках. В этом клялся Петлюре его закадычный друг — французский консул Энно.*

А. Роджерс: *Реальность: Американский авианосец дрейфует в Эгейском море и нику-*

да не собирается. Но даже если бы он хотел плыть в Черное море, этому юридически мешает конвенция Монтрё, а физически — мост через Босфор.

Воображение: со дня на день приплывет Шестой флот США и устроит проклятым москалям Армагеддон. Чисто из любви к украинской свободолюбивой демократии, ага [Роджерс 2014].

2. К. Паустовский: *Уже два человека осторожно тащили министра за полы чесучового пиджака, но он яростно отбивался и кричал: „Голопулы! Паразиты! Геть до вашей Москвы! Там маете свое жидивске правительство! Геть!“*

А. Роджерс: *Реальность: евромайдан практически с начала наполнен ксенофобской и русофобской риторикой. „Хто не скаче, той москаль“, „Геть вид Москви“, „Москалив на ножи“ и даже „дикие азиатские орды“ [Роджерс 2014].*

Перейдем к когнитивным моделям, актуализированным в современных интернет-комментариях к украинским событиям и в совокупности обеспечивающим иронический эхо-эффект — отзвук авторской точки зрения, который предположительно должен закрепиться в сознании потенциального адресата. Данные когнитивные модели можно с известной долей условности разбить на несколько групп. Это модели:

- логические (абсурдность ситуаций; намеренные алогизмы: несоответствие мыслимого и созерцаемого, несоответствие тезиса его обоснованию, нелогичные родо-видовые отношения, нелогичные отношения исключения, нелогичное объединение или отождествление объектов, нелогичные иронические сравнения и др.);

- жанрово-стилистические (стилистический диссонанс; «игра» с жанровой формой, специфическое текстопорождение: перенос субъекта на объект, введение квазиоппонента и додуманной чужой речи, вопросно-ответные единства и др.);

- ассоциативные (намекы или прямые ассоциации с негативно оцениваемым объектом);

- маскировочные (поношение под видом одобрения; маска серьезности, слегка «прикрывающая» иронические смыслы и др.);

- культурологические (актуализирующие фоновые знания, культурный запас адресанта и адресата);

- комплексные (контаминация моделей, актуализирующих иронические смыслы).

Приведем иллюстративный материал, взятый из комментариев по поводу украинских событий 2014 г. [Зубченко; Русин [http-1](#); Русин [http-2](#); Семин; Авраменко; Чесноков; Петраков; Лунев; Роджерс 2014; Беркут, Василюшин; Беседин; Газанул по-псакски; У украинских «сказочников» кризис жанра].

Почему для анализа современных когнитивных иронических моделей был привлечен

материал интернет-дискурса? Мы считаем, что последний имеет одну из самых свободных форм выражения мысли: речь и стиль большинства публикаций на политические темы в Интернете не имеют ограничений, налагаемых стилистическими концепциями изданий. Следовательно, когнитивные механизмы речепорождения проявляются в текстах максимально наглядно и доступны наблюдению, анализу и систематизации.

ЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ

- Доведение ситуации до абсурда:

- *Страна несется в пропасть, а треть народа радостно скачет и требует поддаться ходу. И остальные тупо наблюдают, делая ставки „упадем или полетим“. Причем все ставят на „упадем“, но продолжают чего-то ждать (А. Русин);*

- *Интересно, распространится ли почин повсеместно и станут ли раскрашивать всех Ильичей по всей Украине? Если да, это сможет оживить лакокрасочную промышленность и даже создать новые рабочие места. А если взяться раскрашивать все подряд, то множество людей найдет себе работу. Можно красить рельсы (один — голубой, другой — желтый), мосты, дома (одна стена — желтая, другая — голубая), электрические провода, обочины дорог, стога на полях, кур на птицефабриках (с двух сторон) и так далее (У украинских «сказочников» кризис жанра);*

- *Сегодня я с горечью понимаю, что нам надо было летом 1943 года заключать мир с шатавшейся от потери крови Германией и оставлять вас под мудрой рукой Третьего рейха. Вы бы и сами, безусловно, освободили себя. Ваши отряды головорезов... простите, отважных воинов УПА были настолько грозным врагом, что целые немецкие дивизии драпали в ужасе при виде хотя бы одного украинского полка. Немецкие генералы так боялись гениальных стратегов и тактиков лесной войны типа Кононца, Шухевича и Бандеры, что не решались даже упомянуть об их боевых подвигах и громких победах над стариками, женщинами и детьми в Белоруссии и на Волыни, в Бабьем Яру и под Краковом то ли из уважения к бывшим камрадам по оружию, то ли из страха перед Нюрнбергским трибуналом (А. Петраков).*

- Несоответствие мыслимого и созерцаемого: *Но ни одна тюрьма не стоит вечно! И в 1991 году вы, украинцы, избавились от цепей нашего рабства, обрели долгожданную свободу и независимость... Вы смело и гордо шли вперед. За 23 года ваши правители и правительства продали и развалили проклятую советскую промышленность, избавились от самых основ клятой москальской науки, даже армию свою — это главное наследие гнусного „совка“ — ваши президенты и министры обороны продали, разграбили и развалили (А. Петраков).*

- Несоответствие тезиса его обоснованию:
 - Назначенцы новой власти — сплошь **бескоштовные герои Майдана**, подставляющие грудь под пули ради идеалов свободы:

Кандидат в президенты Порошенко. Состояние 1,8 миллиардов долларов.

Кандидат в президенты — Кличко — (55 миллионов долларов).

Мэр Донецка — Тарута (2,6 миллиарда долларов).

Губернатор Днепропетровска — Коломойский (3,6 миллиарда долларов) (Э. Чесноков) — и т. д.

- Нелогичные родо-видовые отношения: *Несколько лет мы ездили к отцу на его Родину. Село вымерло. У отца на глазах были слезы. Такой разрухи и упадка не было даже в голодном послевоенном 46-м году. Кто уничтожил его Украину?... Почему закрыты библиотека, клуб и музыкальная школа? Почему из всех **развлечений** на селе остался — **ларек с пивом и водкой?** (С. Лунев).*

- Нелогичные отношения исключения: *На Украине все будет по-европейски, **кроме зарплат и пенсий**, которые с подачи западных реформаторов Украины будут заморожены* (С. Лунев).

- Нелогичное ироническое сравнение: *Украина уже давно готовила себя к участию в международном хороводе санкций. **И как невеста**, примеряя платье, выбирала, какие же из возможных более всего ей подойдут. Но, судя по всему, во время этого выбора ее часто били по рукам — **выбирай нужное! И она выбрала** («Газанул по-псацки»).*

ЖАНРОВО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ

- Стилистический диссонанс (чаще всего — введение в стилистически нейтральный контекст разговорных, просторечных или даже грубопросторечных элементов, а также окказионализмов):

- *Слишком все противоречиво и неоднозначно. Особенно если послушать официальных спикеров СНБО. По их словам, среди ополчения царит паника и пораженческие настроения. 42 кадыровца, **все в соплях и слезах**, сдались Нацгвардии. Остальные разбегаются во все стороны* (А. Зубченко);

- *А чуть раньше в Копенгагене за закрытыми дверями **шушукался Бильдербергский клуб** — любимая всеми конспирологами организация трансатлантических мудрецов* (К. Семин);

- *Украинские железные дороги? Они давно уже ждут эффективного собственника в лице ЗАО **„Евро-мать-вашу компания и партнеры“**, за которой будут стоять все те же украинские олигархи и их старшие товарищи* (С. Лунев);

- ***Отклеиться** от „Свободы“ вполне искренне желают и партнеры по коалиции* (И. Беркут, Р. Василюшин);

- *Но если раньше, до киевских санкций, с введением новой ветки газопровода транзит газа через Украину мог сократиться до 60 млрд. куб. м., то теперь украинскую трубу можно будет использовать лишь для голосовых переговоров. В пустоте звукопроницаемость труб повышается. **Псакой буду!***

- Вопросно-ответное единство: *Каждый из нас должен больше 3000 долларов. Каждый. Включая грудных детей! Это наш долг всему миру. 140 миллиардов долларов. **Где эти деньги? Их нет! А долги есть. И тебе, и мне, и каждому члену наших семей надо их оплачивать. Вот такая у нас независимость. Может ли должник быть независимым, как нам твердят все это время? Именно это и есть наша главная ценность? Платить долги? И кстати, эта ценность с каждым годом растет** (А. Авраменко).*

- Введение додуманной чужой речи: *Киев могло бы спасти вмешательство России. На Россию можно списать все. Даже поражение. Можно объяснить всем, что перед российской армией, превосходящей в технике и численности личного состава, украинская оказалась бессильна. Все поймут. Привычно скажут, что во всем виноваты москаль и начнут с новой силой „прыгать за ЕС“, невзирая ни на что. Надеясь на европейскую и американскую помощь. Что было бы идеально* (А. Русин).

- «Игра» с жанровой формой (ироническое обращение): *Дивчины и хлопцы! Вот вы можете представить, чтобы активисты какого-нибудь „Оккупай Уолл-стрит“ стояли с лозунгами „Негров вешать!“ или „Латиносов на кактус“? Не можете? А почему же тогда революционная Украина отплясывает под лозунг „Кто не скачет, тот москаль?“ (раз, два, три)?* (Э. Чесноков).

- «Игра» с жанровой формой (ироническое покаяние): *Новые власти были еще более жестоки и коварны — они отдали в 1917—32 гг. в состав Украинской ССР Харьковскую, Луганскую, Донецкую, Запорожскую, Херсонскую, Николаевскую, Одесскую области. Столетиями эти земли входили в состав России, но мы отдали их вам, как табун троянских лошадей, чтобы преступно преумножить вашу экономику и ваш республиканский бюджет, создать мощные промышленные центры имперского гнета и насаждения москальского рабского духа. **Простите нас за это, пожалуйста!** (А. Петраков).*

АССОЦИАТИВНЫЕ МОДЕЛИ

- Намек на антитеррористическую операцию, сопровождающуюся человеческими жертвами: *Киевский окружной административный суд отложил рассмотрение иска о запрете КПУ на неопределенное время. По нашим сведениям, была команда **зачистить коммунистов к 24 августа** (А. Зубченко).*

- Ассоциации с идеологией фашизма: *Любые разговоры о приватизации национального достоинства страны воспринимались как*

государственная измена и посягательство на суверенитет и целостность. Однако когда к власти пришли **настоящие, расово правильные патриоты**, то оказалось, что трубу можно и даже нужно отдавать другим (А. Зубченко).

• Ассоциации с криминальной средой: *Запад, вероятно, уже поставил перед правительством Яценюка задачу — удалить „Свободу“ из власти и опустить на дно ее рейтинги вместе с самими лидерами фашистов* (И. Беркут, Р. Василюшин).

МАСКИРОВочНЫЕ МОДЕЛИ

• Поношение под видом одобрения:
— *А вот лезть в мясорубку, помогая правительству крутить ручку, — это правильно. Это героизм. Это слава. Ну что ж... в таком случае Слава Украине. Респект за последовательность. Линия русофобии выдержана, тема раскрыта. За 23 года так и не свернули с верного пути* (А. Русин);

— *Не шибко реутся бойцы майдана также и на другое почетное дело, даже менее опасное, чем война с Россией — душить террором протесты на Юго-Востоке* (И. Беркут, Р. Василюшин).

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ

• *Массированная антироссийская пропаганда в СМИ играет в формировании подобного восприятия реальности не последнюю роль. Как говорила миссис Хадсон, „Так пишет „Таймс“* (А. Роджерс).

КОМПЛЕКСНЫЕ МОДЕЛИ (в приведенном фрагменте — сочетание разговорного элемента, вопросно-ответного единства и высказывания, в котором не соответствуют мыслимое и созерцаемое): *Да. Теперь вы смелые. Мирошниченко прессует главу „Первого национального“ Пантелеймонова. Ляшко наказывает в Луганске „сепаратиста“. А неизвестные похищают Губарева в Донецке. Сколько еще таких историй предстоит нам? Сколько боевиков пригонят в Днепрпетровск, Харьков, Одессу? Сколько еще они будут изображать мирный протест? Сколько будут прививать ломами и битами европейские ценности? Сколько еще вы будете издеваться над своей страной? Это агония. Самая настоящая агония* (П. Беседин).

Из сказанного выше можно сделать вывод, что иронический эхо-эффект — реакция адресата сообщения на данные интернет-комментарии — детерминирован комплексно и достигается апелляцией к целому ряду когнитивных механизмов порождения речи и ее восприятия. Авторы текстов (коммуникативные лидеры) активизируют логическое мышление и ассоциативные связи, актуализируют набор умений и способностей, выявляющих культурологический фон, оптимизируют (в соответствии со своей интенцией) жанрово-стилистический тезаурус.

Особо, как мы считаем, следует отметить такую немаловажную речемыслительную операцию, как совмещение культурного фонда коммуникаторов: «Ясно, что коммуникация может быть успешной только в том случае, если актуализируемые в дискурсе фрагменты культурного фонда коммуникаторов совмещаются» [Виноградов 1996: 121]. Таким «совместителем» для части пользователей Интернета является фрагмент из книги К. Паустовского «Далекие годы» (ироническая тональность трактовки украинских политических событий совмещается с современными интерпретациями). Разносторонняя активизация когнитивных механизмов лежит в основе синкретичного использования целого ряда когнитивных моделей, выделяемых на разных основаниях. Посредством текстового развертывания этих моделей авторы политических комментариев добиваются того, чтобы их точка зрения стала в максимальной степени достоянием адресата, сформировала его картину мира, вызвала запланированную реакцию на текущие события.

Эхо-эффект — явление, связанное с изменением когнитивного или эмоционального состояния адресата в желательном для адресанта направлении, — нуждается в дальнейшем изучении с позиций психолингвистики, социолингвистики, риторики, стилистики, лингвопрагматики и ряда других научных направлений. Кроме того, это одна из главнейших задач дискурсивных исследований, особенно дискурса массовой коммуникации, в условиях зависимости людей от последней, так как именно она во многом определяет общественное сознание в эпоху нестабильности и конфликтов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авраменко А. Украинский манифест. URL: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0012/001d/00122651.htm>.
2. Балашов С. Н. Когнитивная природа иронии: парадигма моделей в сопоставительном описании (на материале английских художественных произведений XX века и их русских переводов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2006.
3. Беркут И., Василюшин Р. Майдан. По пути распада. URL: <http://www.pravdatoday.info/content/maydan-puti-raspada>.
4. Беседин П. Скоро никакой Путин вам не поможет. URL: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0012/001d/00122669.htm>.
5. Виноградов С. И. Нормативный и коммуникативно-прагматический аспекты культуры речи // Культура русской речи и эффективность общения. — М. : Наука, 1996. С. 121—152.
6. Гавра Д. П., Хубецова З. Ф. Социально-коммуникативные технологии // Основы теории коммуникации. — СПб. : Роза мира, 2006. Ч. 2. С. 198—219.
7. Газанул по-псакски! URL: <http://oko-planet.su/politik/politikukr/251981-gazanul-po-psakski.html>.
8. Зарецкая Е. Н. Риторика. — М. : Дело, 1998.
9. Зубченко А. Украина: состояние аффекта. URL: <http://oko-planet.su/politik/politikukr/>.
10. Катунин Д. А., Мишанкина Н. А., Ермоленкина Л. И. Картины мира медиадискурсов в восприятии адре-

сатов // Картины русского мира: современный медиадискурс. — Томск : ИД СК-С, 2011. С. 191—250.

11. *Лунев С.* Трагедия Украины. URL: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0012/001d/00122662.htm>.

12. *Назаров М. М.* Модель зависимости эффектов массовой коммуникации // Массовая коммуникация и общество. — М., 2004. URL: <http://psyfaktor.org/lib/nazarov2.htm>.

13. *Петраков А.* Покаяние клятого москаля. URL: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0012/001d/00122680.htm>.

14. *Пирогова Ю. К.* Феномен давления дискурса в текстах маркетинговых коммуникаций // Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке. — М. : Академический проект, 2011. С. 208—217.

15. *Роджерс А.* Когнитивный диссонанс майдана // Академия тринитаризма : сайт. 2014. 22 марта. URL: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0012/001d/00122670.htm>.

16. *Руженцева Н. Б.* Массмедийный политический дискурс: давление контекста и давление контента в свете украинских событий // ИмPLICITные и экспли-

цитные стратегии в восточноевропейском политическом дискурсе : материалы российской секции междунар. конф / Урал. гос. пед. ун-т, Цюрих. ун-т. — Екатеринбург, 2014. С. 119—132.

17. *Русин А.* Нас ждет огонь смертельный. URL: <http://oko-planet.su/politik/politikukr/>.

18. *Русин А.* Страна-самоубийца. URL: <http://oko-planet.su/politik/politikukr/252536-strana-samoubiyca.html>.

19. *Семин К.* #SaveDonbassChildren. URL: <http://oko-planet.su/politik/politikukr/251452-savedonbasschildren.html>.

20. *У украинских «сказочников» кризис жанра.* URL: <http://oko-planet.su/politik/politikukr/251279-u-ukrainskih-skazochnikov-krizis-zhanra.html>.

21. *Чесноков А.* Семь наивных вопросов сторонникам Евромайдана. URL: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0012/001d/00122646.htm>.

22. *Шопенгауэр А.* Афоризмы и максимы. — Л., 1991.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

А. П. Седых
Белгород, Россия

A. P. Sedykh
Belgorod, Russia

**СПОРТИВНАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ
В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
ФРАНЦИИ**

**SPORTS TERMINOLOGY IN MODERN POLITICAL
DISCOURSE OF FRANCE**

Аннотация. Анализируется употребление спортивной терминологии во французском политическом дискурсе. Политический дискурс исследуется в рамках интерпретации специальных терминов. Языковые данные манифестируют семиотическую связь между спортивной культурой и властью. Употребляя спортивную терминологию, политические деятели стремятся создать собственный положительный образ в глазах потенциальных избирателей. Политическая деятельность представляется как спортивное состязание, проходящее по определенным правилам, в результате которого побеждает сильнейший.

Abstract. The article analyzes the use of sports terminology in the French political discourse. The political discourse is investigated in the framework of interpretation of special terms. Linguistic data manifest semiotic relationship between sports culture and power. By using sports terminology political leaders try to create a positive image of themselves in the eyes of their potential electors. The political activity is presented as a sporting event held in accordance with certain rules, and the victory in which belongs to the most powerful contestant.

Ключевые слова: политический дискурс; коммуникативное поведение; спортивная терминология; спортивная картина мира.

Key words: political discourse; communicative behavior; sports terminology; sports picture of the world.

Сведения об авторе: Седых Аркадий Петрович, доктор филологических наук, профессор кафедры французского языка, доцент, факультет романо-германской филологии.

About the author: Sedykh Arkadiy Petrovich, Doctor of Philology, Professor of the Chair of the French Language, Associate Professor, Faculty of Romance and Germanic Philology.

Место работы: Белгородский государственный национальный исследовательский университет.

Place of employment: Belgorod State National Research University.

Контактная информация: 308015, г.Белгород, ул. Победы, 85, к. 5-13.
e-mail: sedykh@bsu.edu.ru.

Политический дискурс любой страны, особенно Франции, изобилует спортивной терминологией. Излюбленным приемом политической коммуникации выступает использование спортивной метафоры. Как справедливо замечает А. П. Чудинов, «основная функция политической речи — это изменение представленный адресата о политической реальности, своего рода переконцептуализация политического мира в сознании читателей и слушателей. Одно из важнейших средств такой переконцептуализации — метафорическая модель, которая позволяет представить какую-то сложную проблему как достаточно простую и хорошо знакомую, выделить какой-то аспект проблемы, сделать его более значимым либо наоборот отвлечь от него внимание общества, показать какой-то вариант развития событий как совершенно невозможный или наоборот вполне естественный» [Чудинов 2001: 26].

Спортивная метафора достаточно широко представлена в политическом дискурсе Франции. Так, бокс символизирует более мощное столкновение интересов, чем теннисная партия. В недавнем прошлом теледебаты кандидатов на высшие посты государства описывались как хоккейные или боксерские матчи. Достаточно вспомнить, сколько эмоций у французов вызвал жест ведущего Поля Амара, вручившего перед началом телевизионных дебатов боксерские перчатки Жану Мари Лепену и Бернару Тапи в мае 1994 г. Это, конечно, была

крайность, так как боксерские описания дебатов приемлемы в лингвистическом плане, тогда как действия ведущего были расценены большинством французов как неприемлемые на телевизионном экране [Des gants de boxe: Tapie — Le Pen].

Журналисты-франкофоны, описывающие предвыборные «баталии», широко используют спортивные термины: *Kim Campbell. Elle m'a fait penser à l'attaque à cinq des Canadiens certains soirs, une fusillade de lancers frappés... dont les trois quarts aboutissent sur la bande ou dans la foule* [La Presse, André Pratte]. / *Ким Кэмпбелл. Ее действия напомнили мне атаку канадцев в полном составе, вихрь мощных бросков, похожих на расстрел... три четверти которых попадают в борт или в толпу зрителей*; *Tir groupé sur Chrétien* [Dans Le Soleil, 26 octobre 1995]; *Les Yvette n'ont pas décollé* [La Presse, 26 oct. 1995]; *Bourassa fait un virage à 180 degrés* [La Presse, 5 octobre 1995]; *Les débats radio-télévisés sont perçus comme des matchs dans lesquels comptent peu les signifiés rationnels des discours échangés, mais beaucoup au contraire l'aptitude des challengers à mobiliser des réactions affectives* [Braud 1980: 19].

Вышеприведенные тексты содержат ряд спортивных терминов и словосочетаний (*атака впятером, броски, борт, групповая стрельба, взлетать, вираж на 180 градусов, матч*), которые объединены ключевой семой

«активная спортивная борьба». Борьба отражает идеологическую позицию, воплощающую в себе укрепление позиций говорящего, стремление прямо и настойчиво (часто не стесняясь в выборе средств) двигаться к поставленным целям. Коннотационный фон формирует понятийное поле «сильная позиция», что связано с уверенностью в собственных силах и ориентацией на прагматическую цель — завоевать одобрение избирателей.

Журналист электронной газеты политического направления *Provence.com*: *Si l'impopularité était un sport, François Hollande aurait toutes ses chances aux Jeux olympiques. Pas une semaine, pas un jour sans sa mauvaise nouvelle qui l'enfoncé un peu plus dans les sondages. Croissance en berne, chômage record, rigueur plus souvent vécue comme un poison que comme une potion* [La Provence. 02.05.2013]. / *Если бы непопулярность была спортом, то Франсуа Олланд имел бы все шансы выиграть Олимпийские игры. Ни одной недели, ни одного дня не проходит без плохих новостей, которые опускают его ниже и ниже в рейтингах. Рост экономики как приспущенный флаг, рекордная безработица, режим жесткой экономики, ощущаемый скорее как яд, нежели спасительное зелье.*

Как видим, устойчивые сочетания из спортивного лексикона (*спорт, Олимпийские игры, рекорд*), основывающиеся на ключевой семе «спортивное достижение», отражают ироничное отношение автора высказывания к способности президента справиться с проблемами французского общества. Коннотационная составляющая приведенных высказываний усиливается благодаря антифразисному контексту и понятийному полю, связанному с интегративной идеей «непопулярность». Прагматический компонент приведенных высказываний базируется на двух оппозиционных категориях: «чемпион профессиональной никчемности» — «национальный лидер», — которые являются культурно и исторически ключевыми для французского коллективного сознания понятиями. Несовместимые понятия актуализируются в едином контексте, что является одним из доминантных приемов французской национальной риторики [Седых 2013].

Первые лица Франции часто сами используют спортивные метафоры в различные моменты своего политического существования.

Франсуа Олланд: *Si j'avais eu du talent dans une vie rêvée, j'aurais aimé être l'avant-centre du club de Rouen. <...> C'est mon grand-père qui m'a appris le foot en m'emmenant sur les stades. Le sport, c'est une histoire qui se raconte avec gloire, déclin et résurgences. Il y a quelques années, j'ai joué un match de bienfaisance face à des anciens professionnels. Il m'a fallu un an de repos...* [Le Parisien. 27.04.2012] / *Если бы у меня был талант, не в жизни, а в мечтах, я бы хотел быть центральным нападающим*

Руанского футбольного клуба. <...> Именно мой дедушка научил меня играть в футбол, приведя на стадион. Спорт — это история, которую рассказывают, вспоминая моменты славы, поражений и новых побед. Несколько лет назад я принимал участие в благотворительном матче, в котором мы играли против бывших профессионалов. После этого мне был необходим год для восстановления сил.

В приведенных высказываниях, произнесенных во время телевизионного интервью двух финалистов президентской гонки — Николя Саркози и Франсуа Олланда, — сочетание *du talent dans une vie rêvée* («талант в мечтаниях») может быть осмыслено как способ вербализации центральной семы «мечта детства». Коннотативные смыслы формируются на уровне понятийного поля «движущая сила атаки» при помощи спортивных терминов (*avant-centre du club* — центральный нападающий клуба). Прагматический компонент высказываний базируется на слиянии двух категорий — «нападающий» и «лидер нации». Говорящий очевидно хочет валоризировать свои способности быть на первых ролях в политической жизни Франции и параллельно подчеркнуть свою давнюю приверженность спорту с целью завоевать сердца избирателей.

Вторая часть отражает центральный концепт «семейные ценности». Катализаторами коннотативного фона высказываний выступают лексемы *mon grand-père* (мой дед), *sport* (спорт), *gloire* (слава), *déclin* (спады), *résurgences* (внезапные всплески), которые направляют ассоциативный заряд высказывания в русло понятийного поля «история великой страны». Последнее высказывание имеет прагматический смысл: «Я такой же человек, как и вы, со всеми слабостями, амбициями, проблемами».

Николя Саркози видит себя скорее в желтой майке победителя «Тур де Франс»: *J'aurais adoré gagner le Tour de France en remportant l'étape de l'Alpe-d'Huez. Je suis un cycliste puissant et un peu lourd. En foot, j'ai les pieds carrés. J'aurais rêvé d'être gardien de but; manifestement, je n'en ai pas le gabarit...* [Ibid.] / *Я бы был счастливым выиграть «Тур де Франс» на этапе Альп-д'Юэз. Я — мощный, но немного тяжелый велосипедист. Я мечтал бы быть вратарем, но габариты не подходят.*

Семантика анализируемого высказывания сконцентрирована вокруг базовой семы «победитель». Привлекает особое внимание употребление местоимения *Je* в каждой фразе кандидата на пост президента Франции. По мнению исследователей, Николя Саркози является «чемпионом» по употреблению местоимения первого лица единственного числа в своей речи [Deshayes 2011].

После голосования Николя Саркози, приглашенный в редакцию газеты «Экип» («*L'Équipe*»), говоря о своем поражении на вы-

борах, проводит аналогию с неустойчивостью спортивных рекордов: *Les records sont faits pour être battus et donc par conséquent il ne faut pas être triste quand quelqu'un prend votre place, parce que de toute manière c'est la règle pour le sport, c'est la règle pour la politique, c'est la règle pour la vie* [State.fr 2012]. / *Рекорды ставятся для того, чтобы их бить, и, следовательно, грусти не должно быть, когда кто-то занял ваше место — это правило спорта, это правило политики, это правило жизни.*

Исследуемый материал демонстрирует наличие в семантике словосочетаний ключевой семы «правила игры», что отражает «позитивное» отношение Николя Саркози к своему проигрышу, уверенность в собственных силах, необходимых для будущих побед в предвыборных гонках. Коннотативные макрокомпоненты приведенных высказываний базируются на прагматике спортивной борьбы, основанной на ключевой роли тренировочного процесса и психологического тренинга.

Жак Ширак: *Mobilité et stabilité ne sont pas antinomiques: un cycliste n'est stable sur sa bicyclette qu'en avançant* [Cyclo José 2014]. / *Мобильность и стабильность не противоречат друг другу: велосипедист устойчив на велосипеде лишь в движении.*

Центральная сема приведенного высказывания, «движение», актуализируется на денотативном уровне и манифестирует стремление апеллировать к ценностям спортивной борьбы, частью которых выступает категория «стабильность выступлений». В высказывании реализуются актуальные коннотации французов, для которых спортивный компонент мышления является неотъемлемой частью современного повседневного существования, в частности, активности индивида в рамках концепции «здоровый образ жизни».

Надин Морано — депутат, политик, Государственный секретарь по вопросам семьи и солидарности: *La secrétaire d'Etat chargée de la Famille et de la Solidarité, Nadine Morano, a taclé aujourd'hui sa collègue des Sports Rama Yade, en lui rappelant qu'en cas de désaccord au sein du gouvernement, «on se tait, ou on s'en va»*. <...> *«Mme Morano a assuré qu'il fallait mettre „le meilleur joueur là où il doit être, à sa place»* [Le Figaro 2009]. / *Государственный секретарь по вопросам семьи и солидарности, Надин Морано, „блокировала (отобрала мяч)“ сегодня свою коллегу, министра Раму Йад, напомнив последней, что в случае несогласия внутри*

правительства „закрывают рот или уходят в отставку“». <...> *Мадам Морано также заявила, что следовало „поставить лучшего игрока туда, куда нужно, на свое место“.*

Рассматриваемые высказывания манифестируют единую сему «спортивная дисциплина». Коннотативный макрокомпонент формируется на основе «спортивного» восприятия государственной службы в русле концепта *fair-play* (честная игра: *esprit sportif* — спортивный дух, *franc-jeu* — честная игра, честная конкуренция). Прагматический смысл слов Государственного секретаря следующий: «Если вы пришли работать в правительство, то вы должны разделять и поддерживать его точку зрения, даже если вы против».

Таким образом, употребление спортивной терминологии в речи политических деятелей отражает их стремление создать положительный образ в глазах потенциальных избирателей. Политическая активность во Франции нередко позиционируется как спортивное состязание со строгими правилами честного противостояния, когда успех в значительной степени предсказуем, так как победа, как в спорте, приводит к сильнейшему.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Седых А. П.* Французская языковая личность. Когнитивно-коммуникативный аспект : моногр. — Белгород : Белгород, 2013.
2. *Чудинов А. П.* Спортивная метафора в современном российском политическом дискурсе // Вестн. Самар. гос. ун-та. Сер. «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2001. № 2. С. 26—31.
3. *Braud Ph.* Le suffrage universel contre la démocratie. — Paris : Presses universitaires de France, 1980. P. 19—22.
4. *Cyclo José.* 2014. URL: <http://www.cyclojose.be/Citations.html>.
5. *Deshayes B.* Vocabulaire politique. 2011. URL: <http://www.linternaute.com/actualite/politique/vocabulaire-politique.shtml>.
6. *Des gants de boxe: Tapie* — Le Pen. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=7T5Zrp6E3do>.
7. *Le Figaro.* 2009. URL: <http://www.lefigaro.fr/flash-actu/2009/11/01/01011-20091101FILWWW00096-nadine-morano-tacle-rama-yade.php?cmtpage=2>.
8. *La Provence*, publié le jeudi 02/05/2013 à 14H17. URL: <http://www.laprovence.com/article/edition-marseille/2335442/hollande-trop-tot-pour-juger.html>.
9. *Le Parisien.* 2012.27.04. URL: <http://www.leparisien.fr/sports/quand-hollande-et-sarkozy-parlent-de-sport-27-04-2012-1974398.php>.
10. *State.fr.* 2012. URL: <http://www.slate.fr/france/54129/nicolas-sarkozy-defaite-bob-beamon-saut-en-longueur>.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

УДК 811.162.4'27
ББК Ш141.65-006.3

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.49

Код ВАК 10.02.03; 10.02.04

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ АНТИРОССИЙСКИХ
САНКЦИЙ В СЛОВАЦКИХ СМИ, ИЛИ
УКРАИНСКИЙ КРИЗИС ПРОДОЛЖАЕТСЯ**

Аннотация. Анализируется отражение продолжающегося украинского кризиса, вылившегося в военные действия на Юго-Востоке Украины, в словацких СМИ. Некоторые из них занимают прозападную позицию и обвиняют в эскалации конфликта Россию, другие считают виновником Запад, что проявляется даже в синонимических оценочных наименованиях («ополченцы» — «сепаратисты», «террористы»). В центре обсуждения оказываются экономические санкции и история со сбитым малайзийским «боингом». Материал словацких СМИ демонстрирует возвращение риторики времен холодной войны.

Ключевые слова: дискурс СМИ; языковая картина мира; словацкие СМИ; холодная война; языковая игра.

Сведения об авторе: Сипко Йозеф, профессор, доктор, кандидат филологических наук, Философский факультет, Институт русистики, украинистики и славистики.

Место работы: Прешовский университет.

Контактная информация: 08005, Словакия, Прешов, Важечка 14.
e-mail: sipkojoj@unipo.sk.

J. Sipko
Prešov, Slovakia

**LINGUOCULTUROLOGY
OF ANTI-RUSSIAN SANCTIONS
IN SLOVAKIAN MASS MEDIA,
OR THE UKRAINIAN CRISIS IS CONTINUING**

Abstract. The article analyzes the coverage of the continuing Ukrainian crisis which turned into warfare in south-east Ukraine in Slovakian mass media. Some of them take a pro-western position and accuse Russia of escalating the conflict, others blame the West, which is manifested even in synonymic evaluating nominations (“militiamen” – “separatists”, “terrorists”). The economic sanctions and the story of the shot down Malaysian Boeing are usually found in the center of discussion. The materials in Slovakian mass media demonstrate the return of the cold war rhetoric.

Key words: mass media discourse; linguistic picture of the world; Slovakian mass media; cold ware; pun.

About the author: Sipko Joseph, Professor, Doctor, Candidate of Philology, Faculty of Philosophy, Institute of the Russian, Ukrainian and Slavic Languages.

Place of employment: University of Presov.

1. ВВЕДЕНИЕ

Новые события, в первую очередь война на Юго-Востоке Украины, в развитии украинского кризиса вызвали целый ряд соответствующих откликов в словацких СМИ. В некотором смысле преобладала тенденция по западному образцу считать Россию и ее президента В. Путина главными виновниками войны в указанном регионе Украины. В то же время появился целый ряд новых публикаций и материалов, в которых в качестве главного виновника был представлен Запад.

В особенности много версий было выдвинуто в связи с трагедией транспортного малайзийского самолета, который был сбит 17 июля 2014 г. над территорией, где проходили сражения между украинской армией и пророссийскими ополченцами. Так их чаще всего называли в российских СМИ. В украинских и других СМИ, как известно, их обозначали чаще всего сепаратистами и террористами. Уже на примере наименования этих боевиков легко обнаруживаем оценочное противостояние двух современных миров — России и Запада. По сути дела, продолжается антагонистическая оценочная тенденция, сложившаяся в прежние века.

2. САНКЦИИ И СБИТЫЙ САМОЛЕТ

Слово санкции активизировалось в социально-коммуникативном пространстве в связи

с намерением Запада «наказать» Россию за трагические события на Украине. Первоначально речь шла о санкциях, направленных против конкретных представителей России, о которых сообщалось, что они являются ближайшими соратниками президента Путина.

Слово санкции стало приобретать отрицательные коннотации также в связи с экономическим развитием Словакии, поскольку отдельные словацкие предприятия и фирмы поставляли и поставляют на российский рынок свои товары, что положительным образом отражается в экономических показателях страны. Новые сообщения о санкциях появились после того, как 17 июля 2014 г. был сбит малайзийский самолет с 298 пассажирами на борту. Запад и власти в Киеве сразу «нашли виноватых», хотя еще не было никакого расследования. Эта трагедия вызвала сильные эмоции: *Zostrelenie malajzijského civilného lietadla je odporný zločin.* — Крушение малайзийского гражданского самолета — отвратительное преступление (Ж. 2014. 30).

Хотя первоначально в СМИ чаще всего в крушении самолета обвиняли пророссийских боевиков (сепаратистов), точных доказательств тому не было. На это обратили свое внимание некоторые словацкие аналитики: *Dodnes nikto nepredložil žiaden dôkaz o tom, kto nariadil zostrelenie. Všetky doteraz zverejnené*

„This contribution is the result of the project implementation: VEGA č. 1/0792/13 Developmental Aspects in the Russian Language and Russian Language Environment in Relation to the Social Changes in Russia in the Last Century, supported by Scientific Grant Agency of the Ministry of Education, science, research and sport of the Slovak Republic.“

„This contribution is the result of the projekt implementation: *Establishing a Center of Excellence for Linguaculturology, Translation and Interpreting* supported by the Research and Development Operational Programme funded by the ERDF“.

informácie nemajú hodnotu dôkazu, ale sú len propagandistickými slovami. Na Slovensku sa im ľudovo hovorí „dristy“. — До нынешнего дня никто не привел доказательства того, кто же приказал сбить самолет. Все опубликованные сведения ничем не аргументированы и представляют собой лишь пропаганду. В Словакии это называется „сплетня“. (Р. 2.08.2014).

В связи с этой трагедией стали выдвигаться разные, часто противоречивые версии, явно звучали взаимные обвинения воюющих сторон. В обиход вошло новое слово — «Бук», обозначающее боевую систему: *Skutok podľa Kyjeva a USA uskutočnili proruskí separatisti protielietadlovým systémom BUK.* — Это, по мнению Киева и США, совершили пророссийские сепаратисты системой БУК (S. 31.07.2014).

Некоторое время о малайзийском самолете все молчали. Только 8 сентября 2014 г. голландские представители заявили, что крушение самолета произошло по внешним причинам, но окончательные результаты расследования будут известны только через год.

3. САНКЦИИ И СЛОВАЦКАЯ ЭКОНОМИКА

Уже в первый день введения антироссийских санкций был опубликован обзорный материал об экономических и торговых связях Словакии и России и наряду с этим был сделан негативный прогноз для конкретных словацких фирм, а тем самым и для словацкой экономики, если санкции вступят в действие. В данном контексте приводились конкретные данные: *Každé piate auto vyrobené v žilinskom závode Kia skončí v Rusku.* — Каждый пятый автомобиль, выпущенный на жилинском заводе «Кия», вывезен в Россию (Р. 31.7.2014).

Написанные в том же духе материалы появлялись и в следующие дни. Их содержание сводилось к предреканию пессимистических перспектив словацко-российских отношений, а также роста безработицы как главного последствия указанных антироссийских санкций. В одном из таких материалов [Тома 2014: 2] подчеркивается: *Ja sa obávam, že zavedenie sankcií môže byť nakoniec veľký problém pre slovenskú ekonomiku.* — Боюсь, что санкции создадут большую проблему для словацкой экономики (Р. 1.08.2014, Ю. Боргула, вице-президент Союза машиностроительной промышленности).

Мотив негативных последствий для Словакии регулярно возникал при обсуждении мер России против Запада. Об ответных российских санкциях говорилось в том же прагматическом ключе: *Putin zaviedol sankcie. Ako sa dotknú Slovenska?* — Путин ввел санкции. Как они будут действовать для Словакии? (Р. 7.08.2014).

На фоне прогнозирования негативных последствий антироссийских санкций для Словакии некоторые авторы [Drábek 2014] стали анализировать и другие их аспекты. Известно, что интересы многих российских олигархов

тесно связаны с экономикой и финансами Запада. Обострение отношений между Россией и Западом для таких предпринимателей не выгодно, и, таким образом, они будут оказывать давление на Путина, чтобы тот разрешил кризис в соответствии с их интересами: *Sankcie môžu paralyzovať ruskú politickú a hospodársku elitu.* — Санкции могут парализовать российскую политическую и экономическую элиту (Р. 2.08.2014 — автор цитирует российского политолога Г. Сатарова).

Но чаще всего чешские и словацкие СМИ информировали о последствиях санкций для отдельных отраслей экономики наших стран. В особенности это относилось к ответным мерам России, которая прекратила импорт в первую очередь сельскохозяйственных продуктов из стран ЕС, в том числе из Чехии и Словакии. В вечерних теленовостях первые сообщения об этом звучали так: *Česká ekonomika v dôsledku ruských odvetných opatrení stratí 2 miliardy korún.* — Чешская экономика в результате ответных мер России потеряет 2 млрд крон (ČT1, STV1. 6.08.2014).

В соответствии с другой точкой зрения, выраженной иронически, Путин никаких санкций не боится. В словацкой газете «Правда» была напечатана карикатура, на которой Путин отдыхает на морском пляже и говорит:

— *Celé leto najradšej čítam nenáročné oddychovky. Tento rok som sa najviac pobavil na sankciách a všetkých ich pokračovaniach.* — Все лето люблю читать легкие книги для отдыха. В этом году меня больше всего развлекали санкции и все их продолжения (Р. 31.07.2014).

4. САНКЦИИ И СЛОВАЦКАЯ ПОЛИТИКА

После новых вооруженных столкновений на Юго-Востоке Украины верховные представители Евросоюза встретились 30 августа 2014 г., чтобы обсудить новые санкции против России. В словацких и чешских СМИ главной стала информация о критической позиции словацкого и чешского премьер-министров (Фицо, Сobotка) по поводу антироссийских санкций: *Fico sa vyjadril proti novým sankciám proti Rusku a vyhlásil, že to nie je v záujme Slovenska. Podobné stanovisko zaujal aj český premiér Sobotka.* — Фицо высказался против новых санкций против России и заявил, что это не в интересах Словакии. Аналогичную позицию занял также чешский премьер Сobotка (STV1. 30.08.2014).

В тот же день на чешском телеканале выступил чешский вице-премьер Белоглашек, который раскритиковал такую позицию чешского премьера, сославшись на конец 1930-х гг., когда западные страны не сумели энергично выступить против Гитлера. Аналогия с фашизмом в связи с украинским кризисом стала, таким образом, одним из базисных аргументов обеих конфликтующих сторон.

Позицию словацкого премьера в Брюсселе стали определять как пророссийскую почти во

всех последующих комментариях, правда, с различной авторской установкой. В прозападных словацких СМИ Фицо был изображен в отрицательном свете, звучали иронические нотки, причем комментировались некоторые профитовские высказывания в российских СМИ: *Rusi našli vo Ficovi svojho spojenca. V Rusku je hviezda. — Фица русские принимают за своего союзника. В России он считается звездой* (S. 2.9.2014).

Нападения на премьер-министра Фицо стали звучать чаще после его официальной критики *санкций*, объявленных ЕС. Схожие критические претензии высказали и премьер-министры Чехии и Венгрии: *Putinovi sabotéri. Politici ako Fico, Sobotka a Orbán robia všetko preto, aby sankcie proti Rusku nemohli poriadne fungovať. — Саботажники Путина. Такие политики, как Фицо, Сobotка и Орбан, делают все возможное, чтобы санкции против России не могли действовать* (S. 10.9.2014).

Несмотря на острые нападки на премьера Р. Фицо, тот несколько раз озвучил свою позицию относительно антироссийских *санкций*, аргументировав ее в публичных выступлениях, наряду с прочим, тем, что, как правило, *санкции* никому не приносят пользы. В качестве примера премьер-министр привел американские *санкции* против Кубы. Таким образом, *санкции*, по убеждению Р. Фицо, всегда только усиливают напряжение и конфликты: *Prvá a druhá vlna sankcií ukázali skôr eskaláciu napätia. Pomohli niekomu sankcie proti Kube? — Первая и вторая волна санкций принесли в первую очередь повышение напряжения. Принесли кому-либо пользу санкции против Кубы?* (ТАЗ. 7.09.2014).

Позиция премьер-министра Фицо была некоторое время в центре внимания словацких, а отчасти и зарубежных СМИ. Она декларировалась как официальная позиция Словакии, несмотря на целый ряд противоположных мнений: *Slovensko vyzýva nesprisiť sankcie EÚ proti Rusku. — Словакия призывает не ужесточать санкции ЕС против России* (P. 10.09.2014).

Указанная позиция словацкого премьера считалась однозначно пророссийской. Он неоднократно подтверждал это своими высказываниями, в том числе по поводу украинских долгов. Когда стало известно, что между Путиным и Порошенко в Милане было достигнуто соглашение о цене за российский газ, в СМИ появилась информация об общей сумме украинской задолженности.

В словацких СМИ регулярно анализировали войну *санкций* России и Запада, в первую очередь с точки зрения словацких экономических интересов. Ряд словацких фирм и предприятий вывозил свою продукцию в Россию, а некоторые словацкие фирмы вообще выпускали свои изделия в России. К таким чешско-словацким фирмам относится и «Гане», кото-

рая не пострадала от ответных мер России именно благодаря тому, что у нее свой завод в этой стране: *Hamé sankcie v Rusku ustalo. Zhľadiska nášho biznisu je v Rusku podnikateľské prostredie celkom v poriadku. — «Гаме» санкции России преодолела. С точки зрения нашего бизнеса в России предпринимательская среда в порядке* (P. 11.10.2014).

Высшие политические представители Словакии, в первую очередь премьер-министр Р. Фицо и президент А. Киска, занимали разные позиции относительно *санкций* и украинского кризиса в целом. Эта разобщенность была продемонстрирована несколько раз, например во время празднования 6 октября 2014 г. при памятнике на Дукле 70-летия Дуклинской операции — самой кровопролитной на территории Чехословакии во время Второй мировой войны: *Hlava štátu odišla z kladenia vencov pri hroboch vyše deväť tisíc sovietskych vojakov vo Svidníku vzapätí po tom, čo konferencier oznámil, že bude rečniť ruský predstaviteľ A. Šabanov. — Глава страны ушел во время возложения венков на могилы более чем девяти тысяч советских солдат в городе Свидник после того, когда сообщили, что с речью выступит представитель России А. Шабанов* (P. 7.10.2014).

Совершенно другую оценку получил на том же мероприятии премьер Р. Фицо. Его присутствие было воспринято как политическая демонстрация, выражение несогласия с антироссийскими *санкциями*, вводимыми Западом: *S vencom proti sankciám. — С венком против санкций* (S. 7.10.2014).

Противостояние между Россией и Западом стало проследиваться во всех политических, экономических и общественных темах. В коммуникации активизировалась известная единица предыдущей эпохи *холодная война*. Вспомнили, что Запад старался вывести из сферы влияния России и Балканские страны: *Rusko nezastaví Balkán na ceste do únie. — Россия не остановит Балканы на их пути в ЕС* (P. 7.10.2014).

Прозападные словацкие СМИ («Түздең», «Sme») украинский кризис и отдельные события, связанные с ним, интерпретируют как *борьбу за Украину*. При таком ракурсе это общеевропейская задача: *Kľúčová krajina pre Európu. — Ключевая страна для Европы* (Т. 2014.39).

Делались разные прогнозы относительно *санкций* Запада против России. Ожидались серьезные проблемы в России и, может быть, коррекция ее позиции по украинскому вопросу: *Spúšťačom otrasov v Rusku sú ekonomické sankcie Západu. — Главной причиной потрясений в России являются экономические санкции Запада* (Т. 2014.40).

Очевидной была и пророссийская позиция некоторых видных политических деятелей на Западе. В словацких СМИ время от времени появлялись материалы о негативных оценках *санкций* против России даже в правой газете,

которая регулярно печатает антироссийские статьи: *Tendencie niektorých síl na Západe — proruské. — Тенденции некоторых сил на Западе — пророссийские* (S. 6.10.2014).

Кроме вышеуказанных ассоциаций с санкциями, стали появляться также примеры анализа их последствий в других областях экономической и общественной жизни. Долгие годы в Словакии отмечали экономическую пользу от приезда российских туристов в страну. После введения санкций были отмечены негативные тенденции и в области туризма. Экономические потери от сокращения туризма имеются также в России: *Sankcie zasiahli ruské cestovky. Skrachovalo 14 cestoviek. Menej občanov Ruska prišlo aj na Slovensko. — От санкций пострадали российские бюро путешествий. Развалилось 14 бюро. Меньше граждан России приехало в Словакию* (S. 30.9.2014).

5. САНКЦИИ И ГАЗ

С санкциями против России и ее ответными мерами связан целый ряд других вопросов. Ближе к осени регулярно обсуждался газовый вопрос. Поскольку украинское правительство до начала октября 2014 г. не договорилось с Россией о цене за российский газ, то Украина прекратила свои платежи. Россия перестала поставлять ей газ, и в коммуникации появилось новое ассоциативное понятие — реверс. Российский газ на Украину стали поставлять с Запада, в том числе из Словакии. В свою очередь, по техническим причинам Россия стала поставлять в Словакию только 50 % от прежнего объема газа. Для того чтобы подчеркнуть серьезность кризиса, автор [Schutz 2014b: 6] употребил даже реминисценцию из ленинского фонда (Империализм — высшая стадия капитализма): *Оplynovej vojne. Najvyššie štádium sankčnej krízy. — Газовая война. Высшая стадия санкционного кризиса* (Т. 2014. 41).

В связи с поставками российского газа в Европу стало очевидным, что газ становится серьезным средством политического давления России на своих западных партнеров. Но это может обернуться и против России. Вместе с тем высказывается убеждение в том, что Запад одолеет Россию. Для такого прогноза подходящим стал известный образ из русской культуры: *Ruská plynová ruleta. Vlastný gól. EÚ sa nedá. — Российская газовая рулетка. Гол в собственные ворота. ЕС не уступит* (S. 6.10.14).

В связи с вышеуказанными проблемами поставок российского газа на Украину украинские власти перенесли начало отопительного сезона с первого октября на первое ноября 2014 г. Этот факт был зафиксирован в образной языковой форме: *Ruská zima na Ukrajine. — Русская зима на Украине* (S. 7.10.2014).

После того как в Восточной Словакии открыли оборудование для поставок газа на Украину, появилось новое слово — реверс. Очередной парадокс заключался в том, что Украи-

на стала получать российский газ с Запада. Через несколько дней после открытия реверса Словакия стала получать на 25 % меньше российского газа, чем до этого. В адрес Запада стали высказываться упреки в том, что Словакию никто не защищает. Ковачик [Kováčik 2014: 46] прямо заявляет: *Ignorujú nás. Poslali sme Ukrajinu plyn, nevetovali sme sankcie a tak nám z Ruska znížili dodávky plynu o 25 %. Nik sa nás však nezastal. — Игнорируют нас. Мы послали Украине газ, не наложили вето относительно санкций, в результате чего нам Россия сократила поставки газа на 25 %. Никто нас не защищал* (Р. 17.9.2014).

Реверс российского газа на Украину в некотором смысле стал считаться важным мероприятием, которое как бы сплачивает Европу против России, несмотря на критическую позицию отдельных политиков (Фицо, Соботка, Орбан) по отношению к санкциям против России. При описании данных мер используется даже военная терминология: *Uprostred strategickej bitky. — В центре стратегического сражения* (Т. 2014. 39).

6. УЖЕСТОЧИТЬ САНКЦИИ?

Кроме вышеуказанных экономических санкций, стали обсуждаться и другие антироссийские меры. Как известно, в 2018 г. Россия будет принимать очередной чемпионат мира по футболу. В этой связи начали звучать мнения о бойкоте данного спортивного мероприятия, что напоминает 1980 г., когда западные страны бойкотировали московскую летнюю Олимпиаду: *Podľa niektorých britských a nemeckých politikov by Rusi za anexiu Krymu mali prísť o právo hostiť majstrovstvá sveta vo futbale v r. 2018. — По мнению некоторых британских и немецких политиков, за аннексию Крыма русские должны потерять право принимать чемпионат мира по футболу в 2018 г.* (Р. 28.7.2014).

В текущем 2014 г. исполняется 70 лет с начала Словацкого национального восстания (СНВ) против фашизма. По этому поводу стали готовиться торжественные мероприятия с участием представителей верховной власти целого ряда стран. В центре внимания оказалось приглашение президента России В. В. Путина. По этому поводу началась дискуссия. Некоторые представители СМИ критиковали бывшего президента Словакии И. Гашпаровича за то, что тот пригласил президента России на 70-летие СНВ: *Gašparovič stíhol pozvať na oslavy SNP Putina. — Гашпарович успел пригласить на праздник СНВ Путина* (S. 8.8.2014).

При этом в том же номере газеты «Sme» большинство опрошенных высказалось за присутствие президента России на указанном празднике. Некоторые из них напоминали, что Путин был также приглашен 6 июня 2014 г. на 70-летие военной операции в Нормандии. В итоге на праздновании 70-летия СНВ России представлял министр обороны С. Шойгу. По-

сле торжественных мероприятий у него была беседа с министром обороны Словакии Гловачом, который упрекнул президента страны за то, что тот не принял С. Шойгу: *Je najvyšším veliteľom ozbrojených síl a mohol získať veľmi užitočné informácie od ministra Šojgu. — Он ведь верховный командующий вооруженных сил, и мог получить очень полезные сведения от министра Шойгу* (STV1. 29.8.2014).

По сообщениям словацких телеканалов, российской делегации во главе с Шойгу в тот вечер некоторое время не разрешали вылететь на родину польские и украинские власти.

7. ОБРАЗ ПУТИНА НА ФОНЕ САНКЦИЙ

Центральным антропоцентрическим феноменом, как и следовало ожидать, стал президент России В. В. Путин. Относительно часто антропоним «Путин» употреблялся как оценочный синоним к слову «Россия». После официального заявления представителей Евросоюза о принятии конкретных санкций против России наказанным, подвергшимся санкциям прямо назывался Путин в статье под следующим названием: *Trestanie Putina rozcítia desiatku našich firiem. — Наказание Путина почувствуют десятки наших фирм* (Р. 31.7.2014).

Вместе с тем делались предположения о возможной реакции России-Путина и предполагалось, что Путин останется на своих прежних позициях. Драбек [Drábek 2014a] прямо в заголовке заявляет: *Západ Putina neprinúti ustúpiť. — Запад Путина не заставит уступить* (Р. 1.8.2014).

Образ Путина в языковой картине мира словацких и других зарубежных СМИ нередко парадоксален. С одной стороны, его изображают почти как диктатора, которого необходимо наказать именно посредством санкций против России, а с другой — на Западе его воспринимают как сильную личность или как звезду. Точно эту противоречивую позицию подметил словацкий премьер-министр Фицо, которого критикуют за несогласие с антироссийскими санкциями, характеризуя отношение к Путину западных политиков во время его официального визита в Италию, когда в городе Милане произошла встреча российского президента с его украинским коллегой П. Порошенко и некоторыми другими политическими лидерами: *Keď Putin prišiel do Milana, bolo to, ako keby došiel Michael Jackson. — Когда Путин прибыл в Милан, всё это выглядело, будто приехал Майкл Джексон* (ТАЗ. 19.10.2014; Р.20.10.2014).

В антироссийском и антипутинском ключе те же обстоятельства комментировали в прозападных СМИ, где Путина с его выступлениями в Милане представили именно как некоего всеильного хозяина мира и, посредством известного историзма, как настоящего диктатора — монарха современной России: *Putin, páň sveta. Vládca celej Rusi. — Путин, хозяин мира. Государь всея Руси* (S. 20.10.2014).

Тем самым подчеркивается мысль о том, что санкции против России не принесут Западу желаемых результатов и Путин (Россия) найдет соответствующие решения. Регулярно повторялась идея о том, что президент Путин на фоне украинского кризиса стал в России очень популярным, у него очень высокая поддержка общественности и, таким образом, в противостоянии между Россией и Западом санкции не дадут ожидаемого эффекта: *Jeho už aj tak vysoké preferencie, ktoré sa pohybujú medzi 80 a 85 percentami, môžu ešte o niečo vzrásť. — Его до сих пор высокий рейтинг, который достигает от 80 до 85 процентов, может еще повыситься* (Р. 1.8.2014).

Президент Путин по этой версии почти **всесилен**, у него большие возможности для принятия решений, которые могут коренным образом изменить ход событий на Украине и в отношениях между Россией и Западом. Вместе со всеилием Путина несколько раз отмечалась и **непредсказуемость** его действий. Эта уже ставшая привычной, почти клишированная мысль прозвучала при попытке сделать прогноз относительно военного вмешательства России на Юго-Востоке Украины. На этот раз ее высказал российский аналитик А. Гольц: *Do Putinovej hlavy nikto nevidí. — В голову Путина никому не заглянуть* (Р. 1.8.2014).

Другие выражают сомнения относительно упомянутого рейтинга Путина. Уже цитировавшийся Г. Сатаров в этой связи вспоминает советскую эпоху, когда любые пропагандистские данные были по сути дела бессодержательны, поскольку **не было другого выбора**: *K prieskumu verejnej mienky o podpore šéfa Kremľa sa staviam pomerne skepticky. Pripomína to reklamu zo sovietskeho obdobia: „Lietajte linkami Aeroflotu!“ Ako keby sovietski občania mali možnosť lietať aj inými lietadlami. — Что касается данных о поддержке руководителя Кремля, я к ним отношусь скептически. Это напоминает рекламу советской эпохи: „Летайте самолетами Аэрофлота!“ Как будто у советских граждан была возможность летать другими самолетами* (Р. 2.8.2014).

Обращается внимание на биографии других лидеров, первоначально пользовавшихся высокой поддержкой населения, судьба которых в конце концов оказалась трагической: *Nehrozí Putinovi nič podobné, čo postihlo v posledných rokoch 20. storočia Slobodana Miloševića? Tomu v čase sankcií a náletov bombardérov NATO vyskočili preferencie a do pol druhá roka ho Srbi vyhnali z prezidentského paláca. — Не угрожает ли Путину что-то похожее на участь Слободана Милошевича в конце XX века? Во время санкций и бомбардировок НАТО у него был тоже высокий рейтинг, но спустя полтора года сербы прогнали его из президентского дворца* (Р. 2.8.2014).

Поскольку президент России фигурирует в СМИ каждый день, в его фамилии обнаруживаются возможности для афоризмов и языковой игры.

В следующем контексте используется определенное сходство фамилий российского президента и Г. Распутина: *Predpovedal veľký mag Rasputin, že príde raz Putin*. — *Предсказывал великий кудесник Распутин, что однажды придет Путин* (LT. 2014. 29—30).

Путин упоминается в российских, словацких и других зарубежных СМИ ежедневно. Обсуждается не только его общественно-политическая деятельность, но и некоторые стороны его личной жизни. За последние годы в связи с его разводом обсуждались разные аспекты его частной жизни. Как и в некоторых других, в словацких СМИ появились сведения о том, что будто бы А. Кабаева его любовница, из-за чего получает высокие посты в различных сферах. После того как она ушла из Государственной думы РФ, было напечатано изображение профиля А. Кабаевой с замечанием современного русского поэта Д. Быкова, известного своими сатирическими стихами, обращенными против нынешней российской власти: *Alina — cárovna — Kabajevová odišla zo Štátnej dumy. „Teraz sa bude na tento orgán ťažšie pozerat“*. — *Алина — царица — Кабаева ушла из Государственной думы. „Теперь будет на этот орган труднее смотреть“* (Т. 2014. 39).

В связи с президентом России возникает и словотворчество. В Праге организовали митинг в поддержку Украины с явными антироссийскими акцентами и примечательными языковыми ассоциациями: *Na pražskom Majdane zhromaždenie nazvali Kaputin*. — *На пражском Майдане собрание назвали „Капутин“* (Т. 2014. 40).

8. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основной темой в связи с украинским кризисом стали санкции Запада против России и ответные меры России. Отдельные авторы справедливо отмечают, что украинский кризис дает подходящий повод для развязывания нового противостояния между Россией и Западом. По сути дела, перед нами продолжение векового соперничества: Запад продолжает свою политику минувших времен и намерен доминировать также в современном мире. Сегодняшние западники, в том числе и в словацких СМИ, априорно осуждают Россию. Вместе с тем довольно распространено несогласие с антироссийской политикой Запада. Главный пророссийский аргумент заключается в утверждении, что санкции не принесут никому пользу. Таким образом, в пользу обоих мнений приводится целый ряд утверждений с противоположной оценкой. Приведенные выше иллюстрации из словацких СМИ наталкивают на мысль о новой холодной войне.

ИСТОЧНИКИ И СОКРАЩЕНИЯ

1. ČTI — Česká televízia.
2. LT — Literárny týždenník.

3. P — Pravda.
4. S — Sme.
5. STVI — Slovenská televízia.
6. TA3 — Информационный телеканал.
7. T — Týždeň.
8. Ž — Život.

ЛИТЕРАТУРА

9. Bačišin V. Sankcie dopadnú na všetkých // Pravda. 2.8.2014. S. 41.
10. Besker J. Vo víre deštruktívnych záujmov // Pravda. 7.8.2014. S. 29.
11. Dianiška J. Rusko v ofenzíve // Týždeň. 2014. 41. S. 51.
12. Drábek I. Západ Putina neprinúti ustúpiť // Pravda. 1.8.2014a. S. 3.
13. Drábek I. Sankcie Západu môžu paralyzovať ruskú elitu // Pravda. 2.8.2014b. S. 38.
14. Drábek I., Matisák A. Manifest orbánizmu Brusel neodsúdil // Pravda. 31.7.2014. S. 27.
15. Draxler J. Otázniky okolo vojny // Pravda. 4.8.2014. S. 30.
16. Dzurinda M. Ukrajina musí boľieť // Týždeň. 2014. 41. S. 45—47.
17. Chmelár E. Budúcnosť demokracie // Pravda. 31.7.2014a. S. 31.
18. Chmelár E. Najväčšie chyby Západu // Pravda. 9.9.2014b. S. 31.
19. Javúrek P. Manifest blúznenia // Pravda. 28.7.2014. S. 28.
20. Kováčik M. Ignorujú nás // Pravda. 17.9.2014. S. 46.
21. Krno M. Bazáre sú inde // Pravda. 4.8.2014a. S. 30.
22. Krno M. 70 rokov od veľkej bitky na Dukle // Pravda. 7.10.2014b. S. 6—7.
23. Kusý M. Národný záujem Slovenska // Sme. 2.9.2014. S. 11.
24. JT. Zámer, či omyl? // Život. 2014. 30. S. 11—13.
25. Latta B. V Minsku budú rokovať o zajatcoch v Donbase // Pravda. 31.7.2014a. S. 28.
26. Latta B. V Kyjeve každý tvrdí niečo iné // Pravda. 5.8.2014b. S. 14.
27. Latta B. Ukrajinci budú platiť vojnovú daň // Pravda. 1.8.2014c. S. 14.
28. Latta B. Ukrajinská pravica báži po moci // Pravda. 10.9.2014d. S. 14.
29. Lenč M. Vzniká „nová“ Ukrajina // Sme. 7.10.2014. S. 13.
30. Matisák A. Z ukrajinskej krízy sa teší Čína // Pravda. 1.8.2014a. S. 2—3.
31. Matisák A. Kto má plán, ako vyriešiť Ukrajinu? // Pravda. 2.8.2014b. S. 38.
32. Mesík J. Manželstvo z núdze // Život. 2014a. 31. S. 60—63.
33. Mišík M. Ruská plynová ruleta // Sme. 6.10.2014b. S. 13.
34. Morvay P. Putinovi sabotéri // Sme. 10.9.2014a. S. 14.
35. Morvay P. Putin, pán sveta // Sme. 20.10.2014b. S. 22.
36. Schmögnerová B. Mráz prichádza z europarlamentu // Pravda. 11.10.2014. S. 39.
37. Schultz P. Čistý agresor Rusko // Sme. 2.9.2014a. S. 10.
38. Schutz P. O plynovej vojne // Týždeň. 2014b. 41. S. 6.
39. Tóda M. Rusi našli vo Ficovi svojho spojencu // Sme. 2.9.2014. S. 1—2.
40. Toma B. Sankcie zastavili export bagrov zo Slovenska // Pravda. 1.8.2014. S. 2—3.
41. Toma B., Vavrová V. Trestanie Putina pocítia desiatky našich firiem // Pravda. 31.7.2014. S. 1—2.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова.

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 81'42

ББК Ш105.51

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10. 02. 20

В. Д. Бачурин
Тюмень, Россия

V. D. Bachurin
Tyumen, Russia

МАНИПУЛЯТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ, ПРИМЕНЯЕМЫЕ СМИ В СОВРЕМЕННОМ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. Рассматривается военно-политический дискурс как эффективный инструмент, используемый для достижения политического и экономического доминирования в обществе. Основное внимание уделено актуальным вопросам взаимосвязи военно-политического дискурса и информационной защиты, методологическим подходам, применяемым в условиях современных реалий ведения информационных войн, а также особой роли средств массовой информации как основного канала, определяющего вектор информационного воздействия на сознание индивидуумов. Приводится ряд примеров успешного использования высокопоставленными политическими деятелями и военно-политическими организациями при помощи средств СМИ активных дискурсивных приемов, направленных на осуществление когнитивного контроля в обществе с целью оправдания ряда мероприятий насильственного характера (в особенности по отношению к мирному населению), совершаемых подконтрольными им военными подразделениями на территории ведения боевых действий. В статье проведен сравнительный анализ материалов русскоязычной, англоязычной и немецкоязычной прессы в виде печатных и электронных ресурсов СМИ, направленный на выявление существующей разницы в области детализации и наполняемости текстов сходной тематики.

Ключевые слова: манипулятивные технологии; военно-политический дискурс; контент; информация; дискурсивная реальность; манипуляция; массовое сознание; СМИ.

Сведения об авторе: Бачурин Вадим Дмитриевич, ассистент кафедры иностранных языков и межкультурной профессиональной коммуникации, соискатель на степень кандидата наук.

Место работы: Тюменский государственный университет.

Контактная информация: 625003, г. Тюмень, ул. Семакова, 10.
e-mail: magov2@rambler.ru.

MANIPULATIVE TECHNOLOGIES, USED IN MODERN MILITARY MEDIA AND POLITICAL DISCOURSE BY MASS MEDIA

Abstract. This article discusses the military and political discourse, as an effective tool used to achieve political and economic dominance in society. Emphasis is placed on current issues of military and political relationship of discourse and information security, the methodological approaches used in contemporary realities information warfare, and the special role of the media as the main channel, which determines the vector of information impact on the minds of individuals. The author represents a number of examples of successful usage by high-ranking politicians and military-political organization of, active discursive techniques to implement cognitive control in society in order to justify a series of violent actions (particularly against the civilian population) committed under control of their own military units on the territory of warfare. The paper presents a comparative analysis of Russian-speaking, English-speaking and German-speaking press on the material of the print and electronic media resources aimed at identifying of the existing differences in detail and filling texts on similar topics.

Key words: manipulative technologies; military and political discourse; content; information; discursive reality; manipulation; mass consciousness; mass media.

About the author: Bachurin Vadim Dmitrievich, Assistant Lecturer of the Chair of Foreign Languages and Intercultural Professional Communication, Applicant for Degree of Candidate.

Place of employment: Tyumen State University.

Изучение военно-политического дискурса, его лингвистической составляющей, тесно прикасается с вопросами информационной защиты в условиях ведения современных информационных войн. Его анализ позволяет распознать инструментарий манипуляции сознанием общества, расширить знания по проблематике соотношения языка, сознания и идеологии, влияния, оказываемого ими друг на друга.

Информационное воздействие, существенной составляющей которого стал активный военно-политический дискурс, является эффективным инструментом политического и экономического доминирования. Показательным является то, что действия союзников по НАТО трактуются западной прессой исключи-

тельно с положительной стороны. Участие стран НАТО в войнах обычно подается как вынужденная необходимость и выражает волю мировой демократической общественности. Так, основной установкой политико-информационного сопровождения военных действий в Югославии было предложено считать применение силы в разрешении Косовского конфликта как «единственно правильное решение» (*I would not do it if I didn't think it was the right thing to do.* — Tony Blair [Blair 2011: 117]).

Существенных успехов США добились в области манипулятивной семантики в период войны во Вьетнаме. Были разработаны специальные тезаурусы для описания действий и явлений таким образом, чтобы обеспечить необходимое воздействие на массовую аудито-

рию. Для этого был создан так называемый «субъязык», который получил название вьетлийского (Vietlish, Vietnam English). Так, с 1965 г. военные действия во Вьетнаме назывались в официальной американской прессе не иначе как «программа умиротворения». Анализ публикуемых материалов позволяет предположить, что подобная терминология активно используется для символической дискурсивной основы требуемой фантомной реальности [Willbanks 2009: 437].

Указанные подходы позволяют использовать приемы управления сознанием на основе смены понятий. Из текста исключается вся негативная лексика (примеры: жертвы, война, уничтожение, гибель). Далее вводятся термины с положительной или нейтральной окраской, заимствованные из невоенной лексики (примеры: умиротворение, конфликт, нейтрализация, локализация, спорная ситуация). Получатель информации, таким образом, знакомится с искусственно созданной дискурсивной реальностью. Например, в американских газетах во время войны во Вьетнаме обычными были сообщения с информацией о том, что «одна деревня так упорно сопротивлялась умиротворению, что, в конце концов, ее пришлось разрушить» [Манойло, Петренко, Фролов 2003: 541].

Для осуществления необходимого ментального воздействия на сознание людей применяется механизм подмены дискурсивных переменных (т. е. реально произошедшие события подвергаются процессам трансформации, что приводит к появлению параллельной дискурсивной реальности, несущей в себе искаженную информацию о произошедших событиях).

Особенность информационной войны — психологического воздействия на общество путем распространения конкретной информации, в сравнении с войнами, ведущимися обычными боевыми средствами, состоит в том, что одновременно и полем битвы, и целью в информационной войне является человеческое сознание. Соответственно, и идеологические успехи в таких войнах могут приводить к более значимым социальным последствиям. История второй половины XX в. — начала XXI в. имеет массу примеров, когда информационное оружие приводит к усилению конфессиональных, этнических, идеологических противоречий, снижает в человеке способность к рациональному мышлению, делая его легким объектом для манипулирования [Дугин 2011: 87].

Поскольку оказание целенаправленного информационного воздействия почти всегда предшествует силовым действиям, такое воздействие ведется в отношении сознания:

1) представителей гражданского общества и вооруженных сил инициатора силовой акции;

2) представителей гражданского общества стран и отдельных территорий, имеющих значение для данной силовой акции;

3) представителей гражданского общества и вооруженных сил страны — цели силовой акции;

4) возможных оппозиционно настроенных групп в стране — цели силовой акции.

Вышесказанное не исчерпывает всего многообразия манипулятивных информационных технологий, но свидетельствует о высокой значимости применений трансформаций военного дискурса и необходимости их изучения. Так, американский автор Mariana Achugar заявляет о том, что «изучение процессов и способов создания и распространения текстов о войне имеет серьезный интерес для науки, представители которой занимаются исследованиями массмедиа, используя для этого различные подходы» [Achugar 2008: 341].

Средства массовой информации являются основным каналом воздействия на массовое сознание в современном обществе. Акторы, контролируемые СМИ, определяют вектор движения информационных потоков. Они решают, каким событиям нужно придать наибольшую актуальность, а какие события необходимо подать как малозначительные, а то и вовсе скрыть. Поскольку неоглашенные факты для мира не существуют, миру можно преподнести наборы других «нужных фактов». Таким образом задаются тенденции, условия, направления и ограничения для использования военно-политического дискурса. Для достижения необходимого когнитивного влияния на индивидов СМИ использует два основных способа подачи информации: последовательный и фрагментарный. Последовательный способ предусматривает тщательную, разностороннюю проработку материала по заданной тематике. Второй способ, фрагментарный, подразумевает неполную, частичную подачу информации, что часто приводит к неполному и искаженному пониманию рассматриваемой проблемы большинством аудитории ввиду существующих трудностей, а часто и нежелания искать полную информацию в альтернативных источниках. Фрагментарность дает манипуляторам возможность акцентирования внимания на определенной части событий и позволяет скрыть другую, нежелательную для публичного освещения часть [Дейк 2013].

В качестве примера проведем сравнительный анализ двух текстов англоязычной и русскоязычной прессы, где англоязычный текст — пример использования фрагментарного способа, а русскоязычный — последовательного.

Русскоязычная пресса	Англоязычная пресса
<p>Три дня траура объявлены в Одессе в память о противниках киевской власти, которые погибли страшной смертью в Доме профсоюзов. Здание заблокировали снаружи и подожгли сторонники Майдана. 46 человек сгорели заживо или разбились насмерть, когда, спасаясь от пламени, прыгали в окна. Более двухсот пострадавших — это лишь те, кто обратился за помощью к врачам.</p> <p>Настоящую бойню, устроенную радикалами в Одессе, уже назвали новой Хатынью. Националисты загнали людей в здание дома профсоюзов, оно как раз в том месте, где обычно собираются протестующие, и забросали бутылками с зажигательной смесью. Тех, кто пытался бежать, расстреливали.</p> <p>Жестокость на грани безумия: неонацисты не пускали к пострадавшим медиков. Раненых пинали ногами. Убегая от огня и расправы, люди вынуждены были прыгать из окон. А в это время те, кто собрался внизу, похоже, просто глумились.</p>	<p>Украина</p> <p>Украинские силовики начали проведение антитеррористической операции в Славянске. В другом украинском городе — Одессе, где в результате массовых столкновений сторонников и противников федерализации произошел пожар. Полиция уже заявила о 31 погибшем.</p> <p>В результате начала проведения антитеррористической операции и новых жертв в Одессе отношения между Россией и Западом усложнились. Официальные представители Кремля заявили, что в результате начала боевых действий в Славянске и обострения ситуации в Одессе достигнутое Женевское соглашение фактически сведено на нет.</p> <p>Действующий президент Украины Александр Турчинов подтвердил сведения о жертвах не только в Одессе, но и в Славянске. Военная операция началась через два дня после потери Киевом контроля над восточной частью Украины.</p>

Оба текста имеют одинаковую тематику — освещение трагических событий, произошедших второго мая на Украине. Однако структура, детализация и наполняемость текстов существенно различаются. Текст англоязычной прессы в данном случае отличается компактностью, краткостью, освещением не одного, а ряда событий, происходивших на Украине 2 мая. Здесь каждое предложение — звено в цепочке происходившего. Данное построение текста необходимо для создания у читателя поверхностного, разрозненного представления о произошедшем. В отличие от англоязычного текста, текст русскоязычной прессы освещает одно событие — трагедию, произошедшую в Одессе 2 мая, отличается высокой детализацией, использованием большого количества лексики негативного характера, преимущественно глаголов и существительных: *расправа, расстреливать, жертвы, бойня, радикалы, расправа, глумиться*. Таким образом, можно сделать вывод, что данный текст, помимо своей основной функции — информативной, выполняет мировоззренческую функцию — формирует у читателя отношение к участникам происходящего и ситуации в целом.

Реалии современной действительности убеждают, что большинство «информационных потребителей» не желают, а часто уже не в состоянии, подвергать тексты критическому анализу, предпочитая просто принять во внимание информационное сообщение. В такой обстановке предлагаемые манипуляторами версии событий обычно принимаются на веру. Данные обстоятельства достаточно успешно используются западными специалистами в области манипуляции массовым сознанием. Американские авторы особо подчеркивают, что концепт «манипуляция» подразумевает способ

управления большим количеством людей (коллективами, сообществами) путем создания иллюзий или условий для контролирования поведения. Это воздействие направлено на психические структуры человека, осуществляется скрытно и имеет своей задачей изменение мнений, побуждений и целей людей в нужном некоторой группе направлении. Манипуляция массовым сознанием служит ключевым элементом психологических операций и информационной войны [Серебрянников 1973: 274].

Ввиду мгновенного распространения, доступности и большого количества информационных источников в Интернете публикации и видеосюжеты интернет-сайтов и блогеров являются наиболее востребованными со стороны массового потребителя. И здесь весьма красноречивы манипуляции с военным контентом в западных электронных СМИ.

В отличие от агрессивного подхода ведения информационной борьбы, принятого в странах — членах НАТО, российский доктринальный подход имеет весьма сдержанный характер и направлен прежде всего на обеспечение информационной безопасности индивидуального, группового и общественного сознания [Гриняев 2004].

В качестве яркого примера использования военного контента и его манипулятивного применения можно рассматривать публикуемый военно-политический контент о событиях на Украине 2014 г. в контексте интересов правящих элит США, Великобритании, Германии и России.

Крайне красноречиво выглядят уже сами названия статей и сообщений. Ниже приведены результаты их сравнительного анализа в немецкоязычной, русскоязычной и англоязычной прессе.

Англоязычная пресса	Русскоязычная пресса	Немецкоязычная пресса
<p>Соединенные Штаты планируют ввести санкции против РФ за акты агрессии в отношении Украины.</p> <p>Премьер-министр Украины предупредил о дальнейшей агрессии со стороны РФ. Вооруженный захват Крыма российскими военнослужащими.</p> <p>Путин: «Россия не исключает захвата Украины в случае дальнейшей эскалации».</p> <p>Десять лживых высказываний Путина об Украине.</p> <p>Украина — любимый вассал русского царя Путина.</p> <p>Путин: «Украина не государство».</p> <p>Российские террористы распространяют страх на востоке Украины.</p> <p>Силовики начинают анти-террористическую операцию против сепаратистов.</p> <p>Десятки погибших в результате пожара в Одессе.</p> <p>Украинские власти заявили, что поддерживают мирное разрешение конфликтов, но не будут вести переговоров с террористами на Юго-Востоке.</p>	<p>Ультранационалистическая организация «Правый сектор» рекомендовала ветеранам надевать советские награды.</p> <p>Ополчение Славянска готовится отразить нападение силовиков.</p> <p>Журналиста Сергея Рулева пытали в плену боевики Майдана.</p> <p>Украинские нацисты в законе.</p> <p>Майдановцы пытаются пленить бойцов «Беркута».</p> <p>Зверства бандеровцев.</p> <p>Вооруженные майдановцы развязали войну против собственного народа.</p> <p>Киевская хунта готовит военную операцию по захвату Крыма.</p> <p>Киевская хунта начала заметать следы.</p> <p>Произошедшее в Одессе второго мая — это чистый фашизм.</p> <p>Боевики «Правого сектора» заживо сожгли 43 человека в Одессе.</p> <p>Украинская армия использует снайперов против юго-востока страны.</p> <p>Боевики «Правого сектора» зверски убили защитницу памятника Ленину в Харькове.</p>	<p>Действия Москвы угрожают безопасности в мире.</p> <p>Как «Игры Путина» оказались в тени «крымского позора».</p> <p>Россия уже начала войну.</p> <p>НАТО вынуждено рассматривать Россию как противника.</p> <p>Путин марширует — Запад реагирует.</p> <p>Аннексия Крыма сравнима с аннексией Судет при Гитлере.</p> <p>Война на Украине обогащает Москву.</p> <p>Яценюк: «Мир не должен позволить России превратиться в бандита».</p>

В ходе сопоставления данных примеров становится очевидно, что сообщения разных источников формируют негативные представления. Среди сообщений с ярко выраженной пропагандистской составляющей независимые сообщения и тексты растворяются, не выдерживая конкуренции. Характерной особенностью является наличие в одних источниках и отсутствие в других тех или иных тем, являющихся составляющей военно-политического дискурса. Для подтверждения данного вывода приведем пример: «Журналиста Сергея Рулева пытали в плену боевики Майдана». Данная тема практически не упоминается в немецкоязычных и англоязычных СМИ.

Содержательная часть военно-политического дискурса в СМИ о кризисе 2014 г. на Украине позволяет выделить противостоящие стороны, как и в условиях реальных боевых действий. Знакомясь с такими сообщениями, человек интуитивно ассоциирует себя с одной из сторон, мысленно представляя другую сторону врагом. Для закрепления полученного результата необходимо столкнуться читателем сообщений разного пропагандистского толка «лоб в лоб». Здесь в дело вступает межличностное общение, но важную роль в «закреплении» продолжает играть Интернет, где «на полях сраже-

ний» — блогах, чатах, социальных сетях — встречаются противники и сторонники тех или иных концепций.

В публикациях достаточно явно выявляются элементы механизма манипулирования общественным сознанием на номинативном уровне. В англоязычных и немецкоязычных источниках радикально настроенные сторонники евроинтеграции именуются «революционерами», «борцами за свободу» (*die Revolutionäre, Kämpfer für Freiheit, revolutionists, patriots*).

Русскоязычным источникам свойственен более критичный подход к использованию номинативных средств. Та же группа получает здесь такие названия, как *ультранационалисты, радикальная группировка, правозэкстремистская сеть*.

Помимо номинативных различий, существует дифференциация в способах описания происшествий и событий в рамках украинского кризиса. Так, военно-политический дискурс англоязычной прессы по поводу весенних событий 2014 г., касающихся вхождения острова Крым в состав Российской Федерации, характеризует действия российской стороны как «военное вторжение» и «российскую агрессию» («*Russian military invasion of Crimea*», «*Russian aggression in Crimea*»). Поскольку

действия сторон в силовом аспекте можно характеризовать как бездействие, незавершенным представляется проведение номинативного анализа в описании противоборствующих сторон в данной ситуации. При этом проведенный сравнительный анализ является достаточным для заключения, что различие в способах номинации сторон и инструментах описания событий обусловлено различной оценкой событий и геополитической ориентированностью. Такие языковые конструкции, как «революционеры» и «борцы за свободу» (*revolutionists, Kämpfer für Freiheit*), формируют позитивные образы в сознании «информационных потребителей», в то время как «ультранационалисты» и «радикальные группировки» вызывают совершенно противоположный эффект.

Помимо описательного контента, в военном дискурсе электронной прессы, посвященном трагическим событиям на Украине 2014 г., большое распространение получили цитаты и краткие выжимки. Здесь работает схожий механизм обработки и подачи информации. В зависимости от принадлежности авторов к одной из сторон, их политической мотивированности и экономической обусловленности, цитаты широко применяются для закрепления эффекта, полученного в ходе прочтения материала — позитивного или негативного.

В качестве характерной особенности русскоязычных интернет-публикаций можно указать то обстоятельство, что авторам свойственна практически нулевая цитируемость сторонников евроинтеграции на Украине. Противоположный подход наблюдается в англоязычной прессе. Для немецкоязычной прессы характерен в целом сухой способ подачи материала с минимальным использованием цитат. Большое распространение получают цитаты высказываний глав государств России, Украины, США и ЕС, а также высокопоставленных чиновников и государственных деятелей.

Существенное влияние на смыслоформирование оказывают грамматические категории, например залог. Наличие сказуемого в активном залоге указывает на совершение действия подлежащим [Кара-Мурза 2002: 207]. Рассмотрим одну из актуальных тем, распространенных в англоязычной прессе — «Путин захватывает Крым». Активный залог глагола-сказуемого «захватывает» прямо указывает на то, что ответственность за совершенное действие лежит на лице, названном подлежащим (которым является президент РФ), и что лицо, выраженное подлежащим, негативно воздействует на объект-дополнение, который является жертвой.

Помимо номинативных способов и использования цитат, существует большое количество иных приемов и факторов, влияющих на общий смысл военного дискурса. Совокупность таких графических элементов, как цвет букв, размер шрифта, ширина колонки, особенности маркирования, способы расположения видео-

сообщений, наличие фотографий и иллюстраций, названия рубрик, имеет значение для формирования дискурсивных смыслов.

Таким образом, с уверенностью можно констатировать следующее.

1. Военно-политический дискурс участвует в создании, выражении, распространении и внедрении в сознание представителей общественных, социальных, этнических и других целевых групп специальным образом конструируемых мнений, суждений, оценок, стереотипов и предрассудков.

2. СМИ являются основным центром манипулятивного воздействия на общественное сознание. Необходимый когнитивный эффект создается путем использования различных способов подачи информации, негативно/позитивно окрашенной лексики, использованием фотографического материала, стилистических приемов, сокрытия нежелательных для публикации тем. Так, при анализе статей англоязычной, русскоязычной и немецкоязычной прессы было установлено, что тема «Журналиста Сергея Рулева пытали в плену боевики Майдана» практически не упоминается в немецкоязычных и англоязычных СМИ.

3. Пропагандистский характер публикуемого материала вынуждает читателя мысленно занимать одну из противоборствующих сторон и воспринимать вторую сторону как врага. Для закрепления полученного результата читателями сообщений разного пропагандистского толка сталкивают «лоб в лоб». Здесь в дело вступает как межличностное общение, так и Интернет, где «на полях сражений» — блогах, чатах, социальных сетях — встречаются противники и сторонники тех или иных концепций.

4. По географии воздействия и вовлечению целевых групп военно-политический дискурс СМИ можно с полным основанием определить как особый способ ведения войны, применяемый в комплексе с обычным арсеналом вооружений.

5. Большинство членов современной аудитории СМИ не желают, а часто уже не в состоянии, подвергать тексты критическому анализу, предпочитая просто воспринимать информационное сообщение. В такой обстановке предлагаемые манипуляторами версии событий обычно принимаются на веру.

6. Язык является основным инструментом военно-политического дискурса; последний находит материальное и законченное оформление в языковых структурах.

7. Комплексный систематический дискурс-анализ помогает не только выявлять характеристики манипулятивных дискурсов, но и их влияние на массовое сознание для своевременной оценки возникающих угроз и определения возможности соответствующего противодействия.

8. Подобно тому как оружие создается при помощи научного знания, военно-политический дискурс готовится с применением научных

разработок в области языкознания, социальной психологии, управления массовым и индивидуальным сознанием.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алецанова И. В.* Цитация в газетном тексте (на материале современной английской и российской прессы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 2000.
2. *Гриняев С. Н.* Информационная война: история, день сегодняшний и перспектива. — Минск : Харвест, 2004.
3. *Дейк Тен ван.* Дискурс и власть. — М. : Либроком, 2013.
4. *Демьяненко Н. В.* Использование манипулятивных технологий в СМИ, как реальная проблема // Российский академ. журн. / Ростов. гос. экон. ун-т «РИНХ». 2012. № 1. С. 20—27.
5. *Дугин А. Г.* Геополитика постмодерна. Времена новых империй. Схема нового мира. — М. : Арктогея, 2011.
6. *Кара-Мурза С. Г.* Манипуляция сознанием и общественные институты. — М. : Весь мир, 2002.
7. *Карасик В. И.* О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. — Волгоград : Перемена, 2000.
8. *Манойло А. В., Петренко А. И., Фролов Д. Б.* Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны. — М. : Горячая линия — Телеком, 2003.
9. *Серебрянников Б. А.* Общее языкознание: общие методы лингвистических исследований. — М. : Наука, 1973.
10. *Фуко М.* Мысль о Внешнем // Современные стратегии культурологических исследований. — М. : РГГУ, 2008. (Труды / Ин-т европейских культур ; вып. 2).

11. *Шейгал Е. И.* Семиотика политического дискурса. — Волгоград, 2000.

12. *Шейгал Е. И.* Семиотическое пространство политического дискурса // Политический дискурс в России — 3 : материалы раб. совещ. — М., 1999. С. 114—123.

13. *Якобсон Р. О.* К языковой проблематике сознания и бессознательного // Бессознательное: природа, функции и методы исследования. — Тбилиси, 1978. С. 16—29.

14. *Якобсон Р. О.* Язык в отношении к другим системам коммуникации // Избранные работы / Р. О. Якобсон. — М., 1985. С. 72—121.

15. *Achugar M.* What we remember a construction of memory in military discourse. — Hardbound, 2008.

16. *Blair A.* A Journey. — Paperback, 2011.

17. *Fairclough N.* Language and power. — Longman, 2013.

18. *Willbanks J.* Vietnam War Almanac. — Facts on File, 2009.

19. *Wodak R.* Critical Linguistics and critical discourse analysis. — Amsterdam : John Benjamins Publ. Co, 2006.

ИНТЕРНЕТ-ДОКУМЕНТЫ

20. URL: <http://www.huffingtonpost.com/2014/05/02/police-38-dead-in-protes>.

21. URL: <http://www.1tv.ru/news/world/257846>.

22. URL: <http://abcnews.go.com/Politics/obama-us-prepa-red-respond-russian-aggression-ukraine/story?id=23368009>.

23. URL: <http://www.voanews.com/content/gunmen-sei-ze-police-station-in-east-ukraine/1891931.html>.

24. URL: <http://www.reuters.com/article/2014/03/02/us-ukraine-crisis-usa-kerry-idUSBREA210DG20140302>.

25. URL: <http://www.dw.de/verfeindete-brüder/a-17498869>.

26. URL: <http://www.dw.de/putins-geschenke-spalten-die-ukraine/a-17305401>.

27. URL: <http://www.dw.de/der-weg-nach-europa-führt-über-den-maidan/a-17268816>.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

М. О. Гузикова
Д. В. Спиридонов
Екатеринбург, Россия

M. O. Guzikova
D. V. Spiridonov
Ekaterinburg, Russia

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ИДЕОЛОГИЙ: ПРОБЛЕМА МЕТОДОЛОГИИ

Аннотация. Рассматриваются проблемы лингвистического изучения политических идеологий и предлагается методология построения концептуального поля идеологии, основанная на «морфологической» теории идеологии М. Фридена. В качестве примера применения предлагаемой методики авторы описывают концептуальное поле идеологии децизионизма, возникшей в 1920-е гг. в Германии.

Ключевые слова: идеология; политический концепт; идеологема; идеологический дискурс; децизионизм

Сведения об авторе: Гузикова Мария Олеговна, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой лингвистики и профессиональной коммуникации на иностранных языках, Институт социальных и политических наук.

Место работы: Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина.

Контактная информация: 62000, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, д. 51, к. 240.
e-mail: mariagu@mail.ru.

Сведения об авторе: Спиридонов Дмитрий Владимирович, кандидат филологических наук, доцент, исполняющий обязанности заведующего кафедрой романского языкознания, Институт гуманитарных наук и искусств.

Место работы: Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина.

Контактная информация: 62000, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, д. 51, к. 240.
e-mail: dspiridonov@mail.ru.

LINGUISTIC DESCRIPTION OF IDEOLOGY: IN SEARCH OF METHODOLOGY

Abstract. The article focuses on the problems of linguistic analysis of political ideologies and suggests a methodology for the construction of the ideological conceptual field based on the “morphological” theory of ideology developed by M. Freeden. As an example of practical application of the methodology, the authors describe the conceptual field of the ideology of “decisionism”, which emerged in Germany in 1920s.

Key words: ideology; political concept; ideologeme; ideological discourse; decisionism.

About the author: Guzikova Maria Olegovna, Candidate of History, Head of Department of Linguistics and Professional Communication in Foreign Languages, Institute of Social and Political Sciences.

Place of employment: Ural Federal University.

About the author: Spiridonov Dmitry Vladimirovich, Candidate of Philology, Acting Head of Department of Romance Linguistics, Institute of Arts and Humanities.

Place of employment: Ural Federal University.

1. Постановка проблемы

Идеология как предмет лингвистического исследования — тема в лингвистике не новая. И в то же время задача разработки методологии лингвистического изучения и описания идеологий далека от решения.

Понятие идеологии востребовано в лингвистике прежде всего при изучении идеологически нагруженного дискурса, т. е. такой речи и таких текстов, в которых явно или неявно присутствует политическая аксиология, отражающая политические взгляды продуцента дискурса; последний, в свою очередь, посредством этого дискурса стремится объективировать соответствующую систему идеологических установок или, не стремясь к эксплицитной объективации, навязать ее реципиенту. При таком лингвистическом изучении идеологии преимущественным объектом анализа лингвиста становятся *идеологемы*, по-разному определяемые разными исследователями. Ряд авторов трактует идеологему как вербальный, материальный носитель некоторого идеологического смысла [Купина 2000; Нахимова 2003; Гусейнов 2004 и др.]. Другие исходят из когнитивной, или ментальной интерпретации понятия. В этом случае идеологема мыслится как концепт, обладающий некоторым идеологическим

содержанием и тем или иным образом вербализуемый в речи [Мирошниченко 1995; Малышева 2009 и др.].

Однако эта стратегия исследования идеологического дискурса оставляет за рамками анализа целый ряд методологических вопросов. Так, в отечественной лингвистической традиции исследование идеологем тесно связано с изучением тоталитарного дискурса советской эпохи, из-за чего термины «идеология» и «идеологема» приобрели отчетливую негативную окраску, а само понятие идеологически нагруженного дискурса у некоторых исследователей почти полностью сводится к дискурсу тоталитарному, хотя понятно, что идеология может быть не только «советской», «коммунистической» и т. п. [Гусейнов 2004]. Но тогда следует задаться вопросом о том, что мы должны считать идеологией и, следовательно, какие идеологические смыслы могут лежать в основе идеологем. Отсюда сами собой возникают другие вопросы. Например, очевидно, что самые разные группы лексем (а также других материальных единиц языка) могут быть носителями идеологических смыслов, однако степень маркированности их идеологического содержания в разных коммуникативных ситуациях, в разных контекстах будет разной. Тогда как отделить одни контексты от других? В каких

коммуникативных ситуациях мы вправе ожидать актуализацию идеологического смысла, а в каких — нет? Наконец, что значит употребляемое нами пока очень условно словосочетание «идеологический смысл» и как он вписывается в представления современной семантики? В данной статье мы не ставим цель ответить на все эти вопросы. В то же время мы стремимся показать, что у изучения идеологического дискурса может быть еще один важный вектор, разработка которого в перспективе могла бы приблизить к решению и этих задач.

2. Идеология с лингвистической точки зрения

Употребление термина «идеология» в лингвистической литературе часто вообще не опирается ни на какую внятную социально-политическую теорию идеологии, что само по себе ведет к некоторой методологической «рыхлости». Ранние опыты изучения тоталитарного дискурса были направлены на разоблачение идеологии, выявление структурирующей роли властного дискурса, пронизывающего все прочие виды массовой (и не только) коммуникации. В свою очередь, такая направленность связана с достаточно узким толкованием самого понятия идеологии. В конце концов, разоблачение одной идеологии всегда является практической реализацией некоторой иной (например, демократической) идеологической установки. По этой причине в современной политической теории на место разоблачения идеологий пришла тенденция к *пониманию* идеологий как особых когнитивных и дискурсивных образований [Мусихин 2013: 10—11].

Прежде всего следует сузить предмет нашего интереса. В данной работе мы будем говорить только о политических идеологиях, т. е. о таких идеологиях, которые вовлечены в публичную борьбу за власть или нацелены на удержание политической власти. Как минимум начиная с Л. Альтюссера политическая идеология в современной социально-политической теории понимается как языковая, дискурсивная сущность, фиксирующая некоторую совокупность аксиологических установок (верований и убеждений) относительно социального и политического устройства, возникающих у социальных субъектов в процессе социального взаимодействия. Для современной теории идеологий существенно, однако, что эта система установок подвижна и находится в постоянной связи с конкретным социальным и политическим контекстом. В ходе социальной практики эти аксиологические установки фиксируются и объективируются в виде понятий, представляющих в форме особого политического языка: «...например, индивидуальные переживания социальных отношений находят свое политическое звучание в понятии социальной структуры, а переживание угнетения получает политическое звучание в концепте свободы» [Мусихин 2013: 12].

В свою очередь, этот политический язык затем служит своего рода дискурсивной рамкой, помогающей субъекту воспринимать и интерпретировать мир, в котором он живет.

Объективация идеологии необходима по той причине, что идеология никогда не является индивидуальной совокупностью аксиологических установок. Посредством языка социальные субъекты убеждаются, что присущее им аксиологическое восприятие социальной действительности является общим для многих индивидов. В этом смысле политический язык является инструментом сплочения. Кроме того, языковое оформление идеологии необходимо для разработки программы воплощения этой идеологии в жизнь, для чего также необходима критика других идеологий. Дискурсивная реализация идеологий является, таким образом, предпосылкой публичной политики и собственно политической теории.

Для понимаемой так идеологии характерно несколько существенных свойств. Во-первых, поскольку в основе идеологии лежат ценностные установки, любая политическая идеология всегда представляет собой некоторый связный образ *идеальной* социальной реальности, описание того, как должен быть устроен мир. При этом отдельные компоненты этого образа являются аксиологически обусловленными и потому имеют сильный аффективный субстрат (например, представление о свободе в либерализме, представление о «своих» и «чужих» в национализме и пр.); другие возникают лишь на этапе теоретической разработки соответствующих идеологий и относятся к теориям соответствующих идеологий. Это означает, что разные идеологемы внутри отдельно взятой идеологии будут обладать разным статусом как для продуцента идеологического дискурса, так и для его реципиента. То же, очевидно, справедливо и для сходных по содержанию идеологем внутри разных идеологий.

Во-вторых, в каждый момент времени в политическом пространстве идеология никогда не бывает одна. Необходимость объективировать некоторые аксиологические установки в отношении социальной реальности во многом связана с тем, что эти установки различны у разных социальных групп, и всякая идеология, оформляя собственные установки в политическом языке, вынуждена принимать во внимание существование иных идеологий, в том числе ориентировать свой язык так, чтобы чисто лингвистически огородить для себя место в существующем поле политических практик. По этой причине лингвистическое изучение одной идеологии должно всегда предполагать изучение конкурирующих идеологий.

Каковы могут быть конечные задачи лингвистического изучения идеологии? Традиционное изучение идеологически нагруженного дискурса явно или неявно предполагает разобла-

чение способов речевого манипулирования — «протаскивания» в речь различных по характеру идеологических императивов (критики идеологий-соперниц, побуждения к совершению идеологически правильных действий и пр.). Однако помимо задачи изучения коммуникативных стратегий речевого манипулирования, генетически связанных со стратегией разоблачения идеологий, вырисовывается еще один вектор исследовательского поиска, ориентированный на стратегию понимания идеологий.

Поскольку всякая политическая идеология представляет собой связный образ идеальной реальности, а этот образ, в свою очередь, обладает некоторым языковым коррелятом, описание идеологии можно понимать как описание ее языка, т. е. системы понятий, структурирующих тот образ реальности, который лежит в основе этой идеологии. В этом случае изучение языка идеологии служит реконструкции идейной базы идеологии и структурирующих ее аксиологических императивов. Очевидно, что для некоторых идеологий такой лингвистический анализ не очень интересен — это справедливо главным образом для традиционных политических идеологий, получивших серьезную теоретическую разработку в политической науке (социализм, национализм, либерализм и пр.). Однако для целого ряда идеологий эта задача может быть насущной. Это касается, например, маргинальных или еще только складывающихся идеологий; версий традиционных идеологий, различия между которыми носят достаточно тонкий и часто неявный характер («скандинавский социализм», «маоизм» и т. п.), или идеологий различных политических сил, принадлежащих к одной и той же области политического спектра; политических идеологий прошлого, более не актуальных и потому не разрабатываемых в современной политической теории, понимание которых, однако, существенно в исторической перспективе; локальных политических идеологий (например, внешнеполитических доктрин отдельных государств и внешнеполитических блоков, которые, по сути, являются национальными и транснациональными внешнеполитическими идеологиями, опирающимися на восприятие гражданами места и роли своего государства на международной арене) и т. п. Дальнейшее изложение будет касаться именно этого направления в изучении идеологий.

3. Концептуальные поля и их описание

Нельзя сказать, что изучение идеологии как набора структурирующих ее языковых элементов является новой задачей. В конце концов, обсуждавшееся выше понятие идеологии имплицитно связано именно с представлением идеологии как некоторого набора языковых элементов [2]. Однако чаще всего исследуются отдельные понятия / языковые единицы, которым приписывается идеологический статус. Такое исследование не предполагает построение номенклатуры идеологием какой-либо

идеологии или описание семантических корреляций между ними. В нашем случае речь идет именно о реконструкции идеологии как связанного набора «ключевых понятий», находящихся в определенных отношениях друг с другом.

В политологии это понимание идеологии разрабатывалось Майклом Фриденем в рамках так называемой «морфологической» теории идеологии [Freeden 1996, 2005 и др.]. Согласно этой теории, идеологии представляют собой комплексы, или поля, *концептов*, которые используются в рамках этих идеологий некоторым устойчивым, повторяющимся образом и фиксируют наиболее существенные фрагменты того идеального образа реальности, который лежит в основе этих идеологий. Внутри таких полей выделяются ядерные и периферийные концепты, кроме того, концепты могут вступать в отношения подчинения, быть равноправными или соположенными друг другу. Понять идеологию — значит выделить центральные концепты и определить их содержание. Для понимания же концепта необходимо учитывать его системные отношения с другими концептами внутри данного концептуального поля.

Ясно, что понятия «концепт», «поле» и прочие используются Фриденем в лингвистическом смысле. Но ясно и то, что его политической теории идеологии относительно просто можно придать лингвистическую направленность.

В лингвистической перспективе политический концепт может быть представлен в виде лексемы обыденного или специального языка, в значении которой, помимо стандартного набора сем, входят также те семантические признаки, которые существенны для данной идеологии и актуализируются внутри соответствующего концептуального поля. При этом отдельные семантические признаки концепта могут *легитимизироваться* или *делегитимизироваться* — т. е. сохраняться или исчезать в зависимости от их соответствия общим идеологическим установкам. Совокупность семантических признаков, которые будут стабильно сохраняться в содержании соответствующего понятия в любой идеологии (а также в обыденном, свободном от идеологического использования языке) и которые представляют соответствующее понятие в наиболее общем виде, составляют инвариантную часть концепта. Та область его значения, различия внутри которой отражают различия в использовании данного понятия внутри конкретных идеологий, т. е. его конкретное концептуальное содержание, относится к вариативной составляющей концептуального содержания. В тех случаях, когда сходные понятия используются в разных идеологиях, становится актуальным описание в семантике концепта вариативной составляющей, поскольку именно она содержит наиболее специфическую (идеологически маркированную) семантическую информацию.

В рамках предлагаемой здесь методологии

допускается, что в речи одно и то же концептуальное содержание может репрезентироваться разными лексемами и описательными оборотами. Например, концепт СУВЕРЕНИТЕТ может иметь такие репрезентанты, как *суверенитет, независимость, территориальная целостность, право на самостоятельность* и т. п. Возможно и обратное, когда один и тот же термин в разных идеологиях может быть связан с разными концептами (так, термин *справедливость* в дискурсе либералов и социалистов отсылает к разным концептам, которые можно условно обозначить как СПРАВЕДЛИВОСТЬ₁ и СПРАВЕДЛИВОСТЬ₂).

Собственно реконструкция идеологии предполагает построение соответствующего концептуального поля — т. е. выявление наиболее важных для данного поля концептов и определение их отношений между собой. В свою очередь, решение этой задачи предполагает выполнение нескольких операций: 1) установление набора лексем, называющих существенные для данной идеологии понятия; 2) выявление парадигматических связей между этими лексемами в текстах данной идеологии с целью построения синонимических рядов — наборов лексем, называющих одно и то же понятие; 3) установление логических отношений между этими понятиями, результатом чего может быть схематическое представление отношений между набором понятий; те понятия, которые попадут в схему и для которых возможно установить системные связи с другими понятиями внутри схемы, мы будем называть *ядерными идеологическими концептами*; понятия, которые выявляются путем лексического анализа идеологических текстов, но оказываются за пределами этой логической схемы, носят, очевидно, вспомогательный характер и могут быть отнесены к ближней или дальней периферии концептуального поля; такие понятия часто не имеют идеологической специфики и используются в некотором инвариантном значении.

Задача схематизации отношений между понятиями решается посредством качественного анализа контекстов употребления соответствующих репрезентантов понятий в текстах. Но для ее решения необходимо, по видимому, еще одно условие — реконструкция концептуального поля идеологий-конкурентов. Дело в том, что, как уже отмечалось выше, ни одна идеология не существует сама по себе. Оформляясь в виде некоторого политического языка, всякая идеология дистанцируется от прочих идеологий, выдвигая свои принципы и понятия вместо тех, что выдвигают конкурирующие идеологии. По этой причине при построении схемы, репрезентирующей структуру поля, необходимо учитывать также и то, как в текстах данной идеологии представлены ее конкуренты: какие концепты конкурирующих идеологий оказываются для нее существенными, как видятся сквозь призму этой идеологии

отношения между концептами в конкурирующих идеологических полях. В этом смысле схематизировать концептуальное поле означает выявить те концептуальные позиции, которые являются общими для всех анализируемых идеологий, но которые наполняются разным концептуальным содержанием. Подобие структур концептуальных полей конкурирующих идеологий можно назвать *эффектом гомологии* полей. Этот эффект не является отражением реально-го структурного подобия идеологий, однако его появление означает, что *всякая идеология структурируется по той модели, которую она обнаруживает в структуре идеологий-конкурентов*. Так, например, социализм определяет себя через критику капитализма, а капитализм — через критику социализма. Тот набор концептов социализма, которые мы встретим в текстах капиталистической идеологии, может быть недостаточно полным, недостаточно адекватным социалистической идеологии. Однако существенно, что капиталистическая идеология структурирует себя, отталкиваясь именно от такого понимания концептуального поля социализма, и наоборот.

Остается еще один немаловажный вопрос — это вопрос об источниках. Выше мы неоднократно употребили термин «идеологический дискурс», однако что можно считать таким дискурсом? Для задач реконструкции структуры идеологии, конечно, необходимо привлекать тексты, в которых идеология может быть эксплицирована наиболее полно и ясно. Это прежде всего тексты тех, кого мы назовем «идеологами» — т. е. тех акторов, которые наделяют идеологию языком, вербализуют ее. В этой связи стоит отметить, что не для всех видов идеологий, подлежащих реконструкции, такие тексты существуют (это особенно касается идеологий прошлого и локальных версий традиционных идеологий), кроме того, у целого ряда как традиционных, так и нетрадиционных идеологий возможно предполагать существование нескольких чисто языковых версий, за которыми, при более пристальном анализе, могут обнаружиться значимые содержательные различия, выявление которых может стать самостоятельной научной задачей. Другими словами, вопрос об источнике должен решаться всякий раз индивидуально.

4. Опыт описания поля: идеология децизионизма

В качестве примера применения методологии мы рассмотрим идеологию *децизионизма*, сформулированную немецким правоведом Карлом Шмиттом (1888—1885). Шмитт развивал ее в своей работе «Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете». Странник национал-социализма, Шмитт опубликовал свою небольшую работу о государстве в 1922 г., в разгар существования Веймарской республики. В своем труде он рассуждает о суверенитете и о праве суверена на принятие решения (откуда и название — децизионизм,

от нем. *Dezision* 'решение'). В противоположность буржуазно-либеральной модели государства, Шмитт предлагает такое понимание государственного устройства, при котором высшим субъектом власти остается суверен, трактуемый как субъект, наделенный авторитетом и, в силу этого, правом принятия решения. Красной линией через всю книгу Шмитта проходит мысль, сформулированная некогда Гоббсом: «*Autoritas, non veritas facit legem*». В заключительной части книги Шмитт обрисовывает те идеологии, которые возникли в противовес буржуазному либерализму: социалистический анархизм, представленный Прудоном и Бакуниным, и контрреволюционный католический консерватизм в лице де Местра, Бональда и Доносо Кортеса. К этой последней идейной традиции, определяя ее как децизионистскую, Шмитт относит и себя. Буржуазный либерализм, в котором Шмитт видит своего противника, последовательно стремится низвести до минимума роль личности, суверена, тогда как децизионизм, напротив, исходит из главенствующей роли личности.

Источником для реконструкции идеологии децизионизма послужила книга «Политическая теология». Поскольку текст носит отчасти научный характер (жанр книги определить трудно, но по характеру изложения она ближе к философскому трактату), большого разнообразия лексем, репрезентирующих центральные понятия работы, здесь нет. По этой причине позволим себе опустить наиболее техническую часть исследования — выделение основных идеологем. Наибольшую трудность в реконструкции идеологии представляет схематизация концептуального поля. В данном случае схематизация поля децизионизма проводилась параллельно с такой же работой в отношении либеральной правовой модели. Еще раз оговоримся, что в данном случае речь не идет о либерализме как таковом, существенно лишь то, как либеральная модель государства представлена на страницах книги Шмитта. Нами были отобраны контексты, которые бы проясняли логические отношения между потенциальными концептами — как самого децизионизма, так и либерализма, как он мыслится изнутри децизионистской идеологии. Например:

<p><i>Souverän ist, wer über den Ausnahmezustand entscheidet</i> [Schmitt 2004: 13]</p>	<p>Суверен тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении [Шмитт 2000: 15]</p>
<p>der <i>Souverän</i> ... <i>entscheidet</i> sowohl darüber, ob der <i>extreme Vorfall</i> vorliegt, als auch darüber, was geschehen soll, um ihn zu beseitigen. <i>Er</i> steht ausserhalb der normal geltenden <i>Rechtsordnung</i> und gehört doch zu ihr, den er ist zuständig für die Entscheidung, ob die Verfassung in toto suspendiert werden kann. Alle Tendenzen der modernen <i>rechtstaatlichen</i> Entwicklung gehen dahin, den <i>Souverän</i> in diesem Sinne zu beseitigen [Schmitt 2004: 14]</p>	<p>...Суверен... принимает решение не только о том, имеет ли место экстремальный случай крайней необходимости, но и о том, что должно произойти, чтобы этот случай был устранен. Суверен стоит вне нормально действующего <i>правопорядка</i> и все же принадлежит ему, ибо он компетентен решать, может ли быть in toto приостановлено действие конституции. Все тенденции современного развития <i>правового государства</i> ведут к тому, чтобы устранить суверена в этом смысле [Шмитт 2000: 17—18]</p>
<p>... die <i>Souveränität</i>, und damit der <i>Staat</i> selbst, darin besteht, ... definitiv zu bestimmen, was öffentliche Ordnung und Sicherheit ist...Denn jede Ordnung beruht auf einer <i>Entscheidung</i>... Und auch die <i>Rechtsordnung</i>, wie jede Ordnung, beruht auf einer <i>Entscheidung</i> und nicht auf einer <i>Norm</i> [Schmitt 2004: 16]</p>	<p>...суверенитет, а значит, и само государство, состоит в том, чтобы... определить окончательно, в чем состоит общественный порядок и безопасность... Ибо каждый порядок покоится на некотором <i>решении</i>... также и <i>правопорядок</i>, подобно любому порядку, покоится на <i>решении</i>, а не на <i>норме</i> [Шмитт 2000: 21]</p>
<p>Nicht jede aussergewöhnliche Befugnis ... ist bereits <i>Ausnahmezustand</i>. Dazu gehört vielmehr eine prinzipiell unbegrenzte Befugnis, dass heist, die Suspendierung der gesamten bestehenden Ordnung. Ist dieser Zustand eingetreten, so ist klar, dass der <i>Staat</i> bestehen bleibt, während der <i>Recht</i> zurücktritt. Weil der <i>Ausnahmezustand</i> immer noch etwas anderes ist als seine Anarchie und ein Chaos, besteht im juristischen Sinne immer noch eine <i>Ordnung</i>, wenn auch keine <i>Rechtsordnung</i>. Die Existenz des <i>Staates</i> bewährt hier eine zweifellose Überlegenheit über die Geltung der <i>Rechtsnorm</i>. Die <i>Entscheidung</i> macht sich frei von jeder normativen Gebundenheit und wird im eigentlichen Sinne absolut [Schmitt 2004: 18]</p>	<p>Ибо не всякое исключительное полномочие... суть уже <i>чрезвычайное положение</i>. Скорее, оно включает принципиально неограниченное полномочие, то есть приостановление действия всего существующего порядка. Если это состояние наступило, то ясно, что <i>государство</i> продолжает существовать, в то время как <i>право</i> отходит на задний план. Поскольку <i>чрезвычайное положение</i> всегда есть нечто иное, чем анархия и хаос, то в юридическом смысле все же существует <i>порядок</i>, хотя и не <i>правопорядок</i>. Существование <i>государства</i> доказывает здесь на деле свое несомненное превосходство над действием <i>правовой нормы</i>. <i>Решение</i> освобождается от любой нормативной связанности и становится в собственном смысле абсолютным [Шмитт 2000: 25]</p>

<p>Es gibt keine <i>Norm</i>, die auf ein Chaos anwendbar wäre. Die <i>Ordnung</i> muss hergestellt sein, damit die <i>Rechtsordnung</i> einen Sinn hat. Es muss eine normale Situation geschaffen werden, und <i>souverän</i> ist derjenige, der definitive darüber entscheidet, ob dieser normale Zustand wirklich herrscht. ... Der Souverän schafft und garantiert die Situation als Ganzes in ihrer Totalität. Er hat das Monopol dieser letzten <i>Entscheidung</i>. Darin liegt das Wesen der staatlichen <i>Souveränität</i>, die also richtigerweise nicht als Zwangs- und Herrschaftsmonopol, sondern als <i>Entscheidungs</i> monopol juristisch zu definieren ist. [Schmitt 2004: 19]</p>	<p>Не существует <i>нормы</i>, которая была бы применима к хаосу. Должен быть установлен <i>порядок</i>, чтобы имел смысл <i>правопорядок</i>. Должна быть создана нормальная ситуация, и <i>сувереном</i> является тот, кто недвусмысленно решает, господствует ли действительно это нормальное состояние... Суверен создает и гарантирует ситуацию как целое в ее тотальности. Он обладает монополией этого последнего <i>решения</i>. В этом состоит сущность государственного <i>суверенитета</i>, который, таким образом, юридически должен правильно определяться не как властная монополия или монополия принуждения, но как монополия <i>решения</i>... [Шмитт 2000: 26]</p>
---	--

В этих примерах выделены курсивом лексемы, репрезентирующие существенные для данного идеологического дискурса понятия. Здесь, как и во всем тексте, видно, например, что *порядок* противопоставляется *правопорядку*, *государство* — *правовому государству*. В основе *правового государства* лежит *правопорядок* и *правовые нормы*. В основе *государства* лежит *порядок*, устанавливаемый *сувереном* путем принятия *решения* относительно некоего *чрезвычайного положения*, когда применение обычного права невозможно. Одно и то же понятие в тексте может репрезентироваться разными лексемами. Например, понятие ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ репрезентируется лексемами *extreme Notfall*, *Ausnahmefall*, *extremus necessitates casus*. Лексемы, входящие в такие синонимические ряды, рассматриваются нами как репрезентанты одного концептуального понятия. Несколько сложнее обстоит дело с понятием РЕШЕНИЕ, которое репрезентируется лексемами *Dezision* и *Entscheidung*. Эти терми-

ны не совсем синонимичны. В тексте трактата термин *Dezision* используется как гипоним по отношению к общеупотребительному *Entscheidung* и обозначает абсолютное решение суверена, решение, которое создает норму. Так понимаемое РЕШЕНИЕ является концептом исключительное децизионистской модели государства.

В обеих идеологиях центральным концептом является концепт государства. Концептуальное поле выстраивается вокруг концептов, обозначающих субъекта государственной власти, механизмы реализации им своей субъектности, конечную цель функционирования государства и пр. В результате семантическое пространство идеологии может быть репрезентировано в виде набора позиций, каждую из которых в обеих идеологиях занимает тот или иной концепт. Этот набор позиций и концептов, их замещающих, можно наглядно представить в виде таблицы.

Таблица

Позиция внутри концептуального поля	Децизионизм	Либерализм
Центральный концепт (К-1)	STAAT / ГОСУДАРСТВО ₁ Мыслится как государство, основанное на личной воле суверена	STAAT / RECHTSTAAT/ ГОСУДАРСТВО ₂ Мыслится как правовое государство
Концепт (К-2), обозначающий основного субъекта К-1	SOUVERÄN / СУВЕРЕН Мыслится как индивид, обладающий моральным и юридическим правом принимать РЕШЕНИЕ	VOLK / НАРОД Мыслится как совокупность всех представителей общества, устанавливающих НОРМЫ и действующих в соответствии с ними
Концепт (К-3), обозначающий механизм субъектности К-2	DEZISION / ENTSCHEIDUNG / РЕШЕНИЕ ₁ Мыслится как личный акт СУВЕРЕНА, посредством которого утверждается и поддерживается его право на управление ГОСУДАРСТВОМ	RECHTSNORMEN / НОРМЫ Мыслятся как совокупность правовых норм, устанавливаемых НАРОДОМ для обеспечения функционирования ГОСУДАРСТВА
Концепт (К-4), обозначающий ситуацию, при которой действует К-3	AUSNAHMEFALL / ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ Мыслится как ситуация, при которой не действуют правовые нормы	—
Концепт (К-5), обозначающий механизм, обеспечивающий функционирование К-3	GEWALT / МОЩЬ Мыслится как личная мощь СУВЕРЕНА, его воля	MASCHT / СИЛА Мыслится как воля большинства, обезличенная духовная сила НАРОДА, трансцендентная по отношению к воле отдельной личности
Концепт (К-6), обозначающий тип связи между К-2 и К-3	SOUVERÄNITÄT / СУВЕРЕНИТЕТ Мыслится как основанное на GEWALT абсолютное право СУВЕРЕНА принимать РЕШЕНИЕ	LEGITIMITÄT / ЛЕГИТИМНОСТЬ Мыслится как правомочность НАРОДА, т. е. его способность устанавливать НОРМУ волей большинства (MASCHT)
Концепт (К-7), обозначающий выгодополучателя К-1	STAAT / ГОСУДАРСТВО Мыслится как конечный бенефициар РЕШЕНИЯ СУВЕРЕНА	VOLK / НАРОД Мыслится как конечный бенефициар собственной нормоустанавливающей воли

Раздел 2. Политическая коммуникация

Позиция внутри концептуального поля	Децизионизм	Либерализм
Концепт (К-8), обозначающий цель К-1	ПОРЯДОК / ORDNUNG Мыслится как порядок, устанавливаемый в соответствии с РЕШЕНИЕМ СУВЕРЕНА и предшествующий ПРАВОПОРЯДКУ	RECHTSORDNUNG / ПРАВОПОРЯДОК Мыслится как установленный порядок, обеспечиваемый и регулируемый (т. е. изменяемый) в соответствии с НОРМАМИ
Концепт (К-9), обозначающий основное качество К-2, обеспечивающее К-6	AUTORITÄT / АВТОРИТЕТ Мыслится как некоторое абсолютное моральное качество, реализуемое посредством принятия РЕШЕНИЯ	—
Концепт (К-10), обозначающий результат К-3	NORMEN / НОРМЫ Подчиняются РЕШЕНИЮ СУВЕРЕНА	ENTSCHEIDUNG / РЕШЕНИЕ ₂ Подчиняется НОРМАМ, установленным НАРОДОМ

Из таблицы видно, что центральным концептом (К-1) в обеих идеологиях является ГОСУДАРСТВО, однако содержание этого концепта различается. В либеральной идеологии ГОСУДАРСТВО₂ мыслится как правовое государство, обеспечиваемое волей народа, который устанавливает нормы и следует им. В децизионистской идеологии ГОСУДАРСТВО₁ есть конструкция, основанная на личной воле суверена, которой в итоге подчиняются и нормы, и народ.

Построенное поле позволяет наглядно представить понятийную структуру идеологии, выделить наиболее и наименее значимые концепты. Так, из таблицы становится понятно, что критичными для понимания различия между двумя идеологиями являются концепты К-1, К-2, К-3 — они составляют ядро поля. Все остальные концепты, по сути, производны от этих двух. Видно также, что не все позиции обязательно должны быть заполнены в обоих полях (вероятно, обязательно должны быть заполнены лишь ядерные позиции). В частности, в первой модели не заполнены две позиции: К-4 (поскольку предполагается, что в правовом государстве норма действует непрерывно — допущение либерализма, критикуемое Шмиттом) и К-9 (поскольку народ реализует свою волю независимо от собственных качеств; в децизионизме суверен должен обладать неким абсолютным моральным качеством, дающим ему право на принятие решения, тогда как в либеральной модели народ не связан моральной ответственностью перед самим собой, что мыслится как один из изъянов демократии).

Из таблицы также наглядно видно, что обе идеологии оперируют сходным набором концептов, однако положение этих концептов в структуре поля существенно различается. В данном случае обращает на себя внимание перемещение концепта НАРОД на периферию в концептуальном поле децизионизма, что объясняется его антидемократической (и, шире, антирационалистической) установкой: суверен действует в интересах государства, но не народа, и не народом санкционируются его решения. Несколько интереснее исчезновение концепта СУВЕРЕНИТЕТ из концептуального поля либерализма. Оно наглядно иллюстрирует радикальный семантический разрыв в употреблении самого термина *суверенитет*. Во многих европейских языках слово *суверенитет* означает прежде всего 'власть, владыче-

ство над кем-либо или чем-либо' — это значение восходит к этимологическому значению слова *суверен* 'повелитель', и именно в этом смысле употребляет его Шмитт. Более частотное в современной политической коммуникации значение 'юридическая самостоятельность (государства)' развивается у слова много позже. В русском языке, куда соответствующая лексема проникла уже в эпоху господства либерально-демократической модели государства, зафиксировалось лишь более позднее значение (в первом значении лексема употребляется разве что как исторический термин — наряду с термином *вассалитет*). Этот семантический сдвиг имеет, конечно, идеологическую природу, что наглядно видно в нашей таблице: в либеральной модели субъектом суверенности является уже не личность, а народ, наделяемый этим качеством в силу права.

Еще одним результатом моделирования концептуального поля идеологии становится тот факт, что мы получаем относительно замкнутый набор понятий, взаимно определяющих друг друга: ГОСУДАРСТВО определяется через СУВЕРЕНА; в свою очередь, СУВЕРЕН — через ГОСУДАРСТВО, МОЩЬ и РЕШЕНИЕ и т. д. Таким образом, термины, репрезентирующие концепты, образуют своего рода замкнутый, очень компактный семантический метаязык самоописания идеологии. Единицы этого языка представляют собой семантически первичные элементы, своего рода «семантические примитивы», служащие для истолкования всех прочих идеологических понятий внутри соответствующей идеологии и потому воспринимаемые изнутри этой идеологии как не нуждающиеся в пояснении. Это особенно касается терминов, репрезентирующих центральные концепты, которые отражают общую аксиологическую ориентацию идеологии и, по-видимому, составляют наименее рациональную ее часть (эти концепты, по всей видимости, в наибольшей степени связаны с аффективной ориентацией носителей идеологии в социально-политическом пространстве). Кроме того, элементы этого метаязыка вместе с их концептуальным содержанием могут использоваться разными продуцентами идеологического дискурса в текстах разной направленности и разного объема, опознаваясь тем не менее как семантически специфические элементы и за счет этого маркируя соответствующие тексты как принадлежащие единому идеологическому дискурсу.

Из анализа видно, что получаемая в результате сеть концептов не совсем то же самое, что набор идеологем. Под идеологемами в самом общем виде понимаются не столько концепты, структурирующие саму идеологию, сколько понятия и обозначающие их знаки, которые выражают конкретную политическую версию идеологии, развиваемую в конкретных социальных, культурных, исторических условиях. Скажем, в советском идеологическом дискурсе присутствуют идеологемы «партия», «пятилетка», «соцсоревнование» и прочие, которые даже для той версии социализма, которую строили в СССР, являются вторичными, не структурирующими. В то же время задача описания языка идеологии, структурирующего политическую практику ее носителей, по-видимому, должна предшествовать и задачам критического дискурсивного анализа, направленного на разоблачение манипулятивных речевых тактик конкретных идеологий.

ПРИМЕЧАНИЯ

- [1]. Идеологический субстрат дискурса может быть самым разным, существенно, однако, чтобы в ходе анализа выявлялись стратегии его идеологизации и тем самым осуществлялась его деидеологизация. В зарубежной лингвистике сходное направление изучения идеологического дискурса разрабатывается, в частности, в рамках так называемой Critical Discourse Studies (CDT), развиваемой Т. Ван Дейком и его последователями [Van Dijk 1996, 1999; Wodak, Meyer 2001 и др.].
- [2]. Ср. в этой связи дифференциацию идеологем, предложенную А. П. Чудиновым. К первой группе он относит слова и словосочетания, смысл которых «неодинаково понимается сторонниками различных политических взглядов», которые при этом используются внутри разных идеологий. Вторую группу образуют слова, которые «используются только сторонниками определенных политических взглядов, соответствующим

имеющим наименования передают специфический взгляд на соответствующую реалию» [Чудинов 2006: 92—93]. Таким образом, проявляющийся на дискурсивном уровне лексико-семантический сдвиг является достаточно явным маркером идеологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гусейнов Г. Ч. Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х. — М. : Три квадрата, 2004.
2. Кутина Н. А. Языковое строительство: от системы идеологем к системе культурем // Русский язык сегодня. — М. : Азбуковник, 2000. Вып. 1. С. 182—189.
3. Мальшева Е. Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. 2009. № 4 (30). С. 32—40.
4. Мирошниченко А. А. Лингво-идеологический анализ языка массовых коммуникаций : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Ростов н/Д, 1995.
5. Мусихин Г. И. Очерки теории идеологий. — М. : ВШЭ, 2013.
6. Нахимова Е. А. О лексикографическом представлении идеологем // Современная политическая лингвистика : материалы Междунар. науч. конф. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2003.
7. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. — М. : Флинта : Наука, 2006.
8. Шmitt К. Политическая теология. — М. : КАНОН-Пресс-Ц, 2000.
9. Freedon M. Ideologies and political theory: a conceptual approach. — Oxford : Clarendon Press ; New York : Oxford Univ. Pr., 1996.
10. Freedon M. Liberal languages: ideological imaginations and twentieth-century progressive thought. — Princeton, N. J. : Princeton Univ. Pr., 2005.
11. Schmitt C. Politische Theologie. Vier Kapitel zur Lehre von der Souveränität. — Berlin : Duncker & Humblot, 2004.
12. Van Dijk T. A. Discourse, racism and ideology. — La Laguna (Spain) : RCEI Ediciones, 1996.
13. Van Dijk T. A. Ideology: a multidisciplinary approach. — London : SAGE, 1998.
14. Wodak R., Meyer M. Methods of critical discourse analysis. — London: SAGE, 2001.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

УДК 811.161.1'38:342.56
ББК Ш141.12-55

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

С. О. Гуляйкина
Т. В. Дубровская
Н. С. Данкова
Пенза, Россия

S. O. Gulyaykina
T. V. Dubrovskaya
N. S. Dankova
Penza, Russia

**МАНИПУЛЯТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕДИЙНЫХ
СТРАТЕГИЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СУДЕБНОЙ
ВЛАСТИ (на материале СМИ Пензенской области)**

**MANIPULATIVE POTENTIAL
OF MEDIA STRATEGIES
IN JUDICIAL POWER REPRESENTATION (based on
mass media texts of Penza Oblast')**

Аннотация. Рассматривается манипулятивный потенциал лингвистических средств, представленных в медийных стратегиях. Критический дискурсивный анализ статей региональных СМИ на тему законной постройки жилых домов позволил выявить ряд стратегий, способствующих созданию как положительного, так и отрицательного имиджа судебной власти. Манипулятивные стратегии характерны и для изданий, относимых к «качественной» журналистике, и для таблоидов. Подробно описаны такие стратегии, как оценочная, эмоционализации, а также пассивации и активации.

Abstract. The article covers linguistic means with manipulative potential presented in media strategies. Critical Discourse Analysis applied in the study of the local media articles on the legitimacy of housing construction allows for defining strategies that contribute to positive as well as negative representation of the judiciary. The strategies of evaluation, emotional presentation, passivization and activation are described in detail.

Ключевые слова: манипулятивный; лингвистические средства; стратегии; СМИ; статья; законный; постройка; положительный; отрицательный; имидж; репрезентация.

Key words: manipulative; linguistic means; strategies; mass media; article; legal; construction; positive; negative; image; representation.

Сведения об авторе: Гуляйкина Светлана Олеговна, кандидат филологических наук, доцент кафедры «Английский язык».

About the author: Gulyaykina, Svetlana Olegovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of English.

Место работы: Пензенский государственный университет.

Place of employment: Penza State University.

Контактная информация: 440026, г. Пенза, ул. Красная, 40, 8-й корп., к. 8-810.
e-mail: gulyaykina@list.ru

Сведения об авторе: Дубровская Татьяна Викторовна, доктор филологических наук, доцент, зав. кафедрой «Английский язык».

About the author: Dubrovskaya Tatiana Viktorovna, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of Department of English.

Место работы: Пензенский государственный университет.

Place of employment: Penza State University.

Контактная информация: 440026, г. Пенза, ул. Красная, 40, 8-й корп., к. 8-810.
e-mail: gynergy74@gmail.com

Сведения об авторе: Данкова Наталья Станиславовна, старший преподаватель кафедры «Английский язык», аспирант по специальности «Теория языка».

About the author: Dankova Natalia Stanislavovna, Senior Lecturer of Department of English, Post-graduate Student in Language Theory

Место работы: Пензенский государственный университет.

Place of employment: Penza State University.

Контактная информация: 440026, г. Пенза, ул. Красная, 40, 8-й корп., к. 8-810.
e-mail: natasha-antivirus@mail.ru

Статья является частью научного исследования в рамках проекта (поддержанный РГНФ научный проект №14-14-58002 «Дискурсивное конструирование имиджа судебной власти в региональных средствах массовой информации (на примере Пензенской области)»), основная цель которого состоит в верификации гипотезы о зависимости общественного мнения о судебной власти от доминирующих в СМИ репрезентаций института правосудия. Сложившаяся в современном российском обществе ситуация, связанная с восприятием института судебной власти и правосудия, противоречива и, несомненно, требует детального рассмотрения. Проблема имиджа судебной

власти исследуется в данной статье сквозь призму журналистского текста, который представляет собой систему, где все элементы взаимосвязаны, а имидж одного социального агента определяет имидж другого социального агента.

Предпринятый нами анализ текстов пензенских СМИ методом критического анализа дискурса позволил выявить не только типичные стратегии репрезентации судебной власти, но и способы реализации их манипулятивного потенциала. Статья представляет собой кейс-стади, содержащий прагмалингвистический анализ двух публикаций на актуальную для Пензы тему незаконной постройки много-

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №14-14-58002 «Дискурсивное конструирование имиджа судебной власти в региональных средствах массовой информации (на примере Пензенской области)».

© Гуляйкина С. О., Дубровская Т. В., Данкова Н. С., 2014

квартирных домов. Одна из них, под названием *Пензу захлестнула волна самостроев*, размещена на сайте проправительственного портала издательского центра «Пензенская правда» (pravda-news.ru) 6 августа 2013 г. (далее — статья 1), вторая — *Как и зачем в Пензе «убивают» застройщиков жилья эконом-класса* — опубликована в пензенской независимой газете «Улица Московская» от 13 августа 2013 г. (далее — статья 2).

Представляется, что первая публикация является образцом так называемой «качественной журналистики», тогда как вторая в большей степени наделена свойствами таблоида. Термином «качественная журналистика» (quality journalism) традиционно обозначают «серьезные и надежные источники информирования, в которых эмоции сведены к минимуму, а граница между фактом и мнением проведена достаточно четко» [Molek-Kozakowska 2012: 237] (здесь и далее перевод с английского наш. — С. Г., Т. Д., Н. Д.). Подобные средства массовой информации довольно часто представляются проправительственными изданиями и нередко противопоставляются таблоидам и другой несерьезной прессе.

Несмотря на существующее противопоставление качественной прессы и таблоидов по принципу «объективность — необъективность», считаем важным отметить, что для качественных изданий далеко не всегда характерна стопроцентная объективность. Так, Дж. Ричардсон отмечает, что объективность — всего лишь практика написания текста, а не определяющее свойство качественной журналистики, которая даже в случае сообщения новостей полагается на оценочные суждения на каждом этапе подготовки новостного блока: начиная от сбора новостной информации, ее сортировки, написания новостей, издания и заканчивая их представлением [Richardson 2007: 86 — 88].

В качественной журналистике предлагаемый контент определяется тем или иным жанром: интервью, выступление от первого лица, обзор фактов/новостей и т. п. Основная задача журналиста качественного издания — объективно представить информацию для того, чтобы читатель самостоятельно сделал вывод и составил собственное мнение о прочитанном. В то же время задачей любых СМИ является воздействие на аудиторию. Как замечает А. В. Полонский, массмедиа «не просто присутствуют в жизни общества, <...> не просто являются обязательным компонентом социальной среды, <...> а стали ключевым, статусным контекстом, где обретают свои культурные и идеологические формы все социальные процессы, где разрабатываются актуальные модели социальной идентичности, где определяется характер доминантных смысловых и идеологических векторов общественного сознания» [Полонский 2014: 111].

Авторы рассматриваемых публикаций занимают четкие идеологически различные позиции по вопросу самостроев. Первая публикация представляет собой краткий, длиной в одну страницу, обзор ситуации, сложившейся в городе Пенза в связи с судебными разбирательствами о признании незаконными строениями уже возведенных многоквартирных домов. Позиция автора, пожалуй, наилучшим образом характеризуется выражением *Dura lex, sed lex*. Вынесенное судом решение о сносе дома должно быть выполнено, поскольку невыполнение судебных решений подрывает авторитет закона. Вторая публикация — довольно объемная статья (6,5 страниц), которая представляет собой рассказ застройщика, признанного виновным в незаконном возведении жилого здания. Ее автор принимает сторону застройщика, сочувствует ему, объясняет и комментирует его действия, доводя до сведения читателей, почему некоторые из предпринятых застройщиком шагов оказались незаконными.

Для воздействия на массовое сознание СМИ применяют избранные ими языковые приемы, такие как повтор, риторический вопрос, высказывания обобщенно-личного характера и др. Данные приемы применяются журналистами в рамках различных стратегий. Стратегия трактуется нами вслед за Н. Рейзигл и Р. Водак как «более или менее точный план намеренной деятельности (включая дискурсивную деятельность), направленный на достижение определенной социальной, политической, психологической или лингвистической цели» [Reisigl, Wodak 2001: 44].

Стратегия, направленная на формирование определенного (нужного автору) мнения адресата с привлечением таких приемов, как сокрытие информации, предоставление неполной информации, замена понятий иноязычными или другими непонятными читателю терминами, определяется психолингвистами как «манипулятивная». Зарубежные (например, С. Хассен [Хассен 2001], Р. Чалдини [Чалдини 2001] и др.) и отечественные (например, Е. Л. Доценко [Доценко 2000], С. Г. Кара-Мурза [Кара-Мурза 2001] и др.) исследователи манипуляции неоднократно отмечали, что инструментами манипулирования являются слова. Однако одно отдельно произнесенное или написанное слово далеко не всегда раскрывает свое полное значение. Полностью слово раскрывается в контексте. Поскольку мысли реализуются в речи посредством высказываний, а не отдельно взятых слов, то считаем целесообразным в речевых манипуляциях за единицу анализа принять высказывание, выражающее законченную мысль. Слова, придающие высказыванию определенный стилистический оттенок, будем считать элементами, образующими речевую единицу.

Рассматривая изучаемые статьи на лексическом уровне (т. е. на уровне элементов вы-

сказывания), отметим, что лексика, выбранная автором статьи 1, носит нейтральный безоценочный характер и включает единицы официально-делового стиля: *рассмотрено дело, вынести решение, исполнительные листы, иск администрации, авторитет закона, от лица государства* и т. п. Автор юридически грамотно употребляет специализированную лексику и производит впечатление достаточно компетентного в освещаемой сфере журналиста, например:

(1) *С момента, как истец отправляет исполнительный лист в службу судебных приставов, собственнику (застройщику) закон дает пять дней, чтобы осуществить снос в добровольном порядке* (pravda-news.ru. 06.08.2013).

Подбор лексики автором статьи 2 продиктован стремлением создать впечатление живого, откровенного разговора с застройщиком и тем самым сблизить его с читателем. Поскольку статья довольно объемна, автор разделил ее на несколько частей, каждая из которых имеет свое название. Стоит отметить, что «оценки, содержащиеся в заголовках публикаций, как положительные, так и отрицательные, не только выражают мнение автора, но и способствуют формированию подобного мнения <...> у читательской аудитории» [Дубровская 2008: 75]. Такие подзаголовки, как *Освоение целины, Как строилась дорога жизни, Как за ними надзирали, Косвенные доказательства, Заказчики и мотивы* и т. п., несомненно, далеки от нейтрального стиля и содержат определенную оценку. Коннотативное значение слова *целина* включает понятие тяжелого труда и, как следствие, словосочетание *освоение целины* производит впечатление непосильной работы, проделанной застройщиком на начальном этапе строительства. Глагол *надзирать* обладает явно выраженной отрицательной оценкой (ср. с нейтральным *наблюдать*). Употребление существительных *заказчики* и *мотивы* способствует погружению читателя в атмосферу проведения настоящего расследования по делу под названием «Как и зачем в Пензе „убивают“ застройщиков жилья эконом-класса».

При написании статьи 2 автором также неоднократно используется такая оценочная лексика, как *(по) непонятным (причинам), шантажировать, дешевый (шантаж)* и т. п. С целью создания впечатления неформального разговора между застройщиком и читателем журналист употребляет ряд сниженных (разговорных) лексических единиц и фразеологизмов: *(цены) скакнули, (был) ошарашен, (приезжала) своим ходом, дали отмажку, повелся на обещания, (я) не с Луны свалился* и т. п., например:

(2) *Это было связано с тем, что за 2 года цены сильно скакнули, и я не мог достроить дом по тем деньгам, которые*

в свое время вносили граждане («Улица Московская». 13.08.2013).

(3) *Я был ошарашен. И сначала подумал, что она несерьезно говорит про снос дома. Мало ли — к слову пришлось* (Там же).

Такой прием служит созданию близости с читателем: застройщик — такой же человек, как и все, его поступки просты и понятны, любой на его месте поступил бы так же.

Обратим внимание на выбранную журналистами синтаксическую организацию текстов статьей. Большинство предложений из статьи 1 построено по принципу прямого порядка слов, например:

(4) *При этом Фемида давно вынесла решения о сносе многих самовольных построек, исполнительные листы переданы службе судебных приставов* (pravda-news.ru. 06.08.2013).

С целью привлечения внимания к тому или иному факту автор ставит на первое место дополнение или обстоятельство, например:

(5) *В 48 случаях суд вынес решение о сносе* (pravda-news.ru 06.08.2013).

Продемонстрированный журналистский прием не носит манипулятивного характера, поскольку в данных фразах отсутствует сокрытие авторских намерений или предоставление неполной информации. Автор лишь выносит на первый план то, что считает наиболее важным для раскрытия обозначенной темы. Подобным речевым приемом пользуются как журналисты качественной прессы, так и простые обыватели в повседневном общении.

Автор статьи 2 чаще прибегает к использованию инверсионного порядка слов в предложении, в котором сначала сообщается действие, а затем называется лицо, отвечающее за его осуществление. Рассмотрим следующий фрагмент, взятый из статьи 2:

(6) *Началось возведение второго дома. <...> А вот когда началось возведение фундамента под второй многоквартирный дом, эта единственная дорога оказалась перекрыта. <...> Началось разбирательство. <...> Началась серия проверок по факту обращения* («Улица Московская». 13.08.2013).

Намеренный повтор глагола-сказуемого *начаться*, поставленного автором в начало каждого предложения, способствует формированию впечатления того, что *начаться* в городе может что угодно: от строительства нового дома до проверок прокуратуры и администрации.

Обратим внимание на такой синтаксический аспект, как количество главных членов в предложении. Текст статьи 2 избилует односоставными предложениями, которые — в отличие от двусоставных — предоставляют адресату возможность восстановить отсутствующий член предложения. В рассматриваемой статье присутствуют такие виды односоставных синтаксических конструкций, как назывные (*Какой большой дом!*), обобщенно-личные (*В частном секторе обычно сначала строят,*

а потом узаконивают), определенно-личные (Да ведь на этой земле всё равно ничего не построишь...), неопределенно-личные (Тем более мне в частной беседе сказали, что...) и безличные (Третий подъезд тоже строить нельзя). Такие типы предложений, несомненно, обладают большим манипулятивным потенциалом, поскольку адресату приходится самому домысливать или выводить из контекста, какое лицо совершило то или иное действие. Сравним фрагменты двух статей:

(7) Алексей Шишкин считает, что только неуклонное следование букве закона может остановить волну самостроев. Иначе люди, надеясь, что застройщик как-нибудь с кем-нибудь „договориться“, так и будут покупать квартиры в подобных домах. Ведь они стоят дешевле (pravda-news.ru. 06.08.2013);

(8) Меня выслушали и сказали, что паспорт оформят потом. <...> Для соблюдения формальностей нам выписали постановление о штрафе физического лица на 2000 руб., мы сходили и оплатили. Никаких предписаний о запрете этого строительства не выносились («Улица Московская». 13.08.2013).

Автор первой статьи строит предложения предельно ясно, так, что они не допускают двоякого толкования: указываются лицо и совершаемые им действия. Все предложения цитируемого абзаца являются двусоставными. Во второй статье неопределенно-личные конструкции со сказуемыми *выслушали и сказали, оформят, выписали* противопоставляются нераспространенному двусоставному предложению *мы сходили и оплатили*, за счет чего создается впечатление полного бесправия нас и абсолютной власти и могущества их. В силу отсутствия конкретных существительных читатель вынужден самостоятельно домыслить, кто именно выслушал застройщика, оформил техпаспорт, выписал штраф и т. д. Судя по содержанию статьи, такими лицами являлись и сотрудники БТИ, и сотрудники Госжилстройтехинспекции, и все остальные, кто так или иначе, по мнению автора и рассказчика, препятствовал постройке дома.

Безличные конструкции (например, *не выносилось* из приведенного выше фрагмента), на наш взгляд, служат той же цели: сокрытие субъекта действия привносит некоторую туманность и размытость в повествование, позволяет делать произвольные толкования. Поскольку лицо не определено, то им может быть кто угодно. Пытаясь установить таинственную личность, адресат неизменно обращается к контексту, из которого вновь следует, что таинственным субъектом указанных действий являются препятствующие строительству представители городской администрации или других муниципальных структур.

Изучение текстов СМИ, так или иначе конструирующих имидж судебной власти, позволило выделить несколько стратегий, использо-

вание которых способствует созданию как положительного, так и отрицательного представления об институте правосудия. Принимая во внимание исследования, посвященные дискурсивным стратегиям в медийных текстах [van Leeuwen 2003; Sowińska, Dubrovskaya 2012], считаем возможным выделить такие стратегии, как оценочная стратегия, эмоционализация, активация и пассивация.

ОЦЕНОЧНАЯ СТРАТЕГИЯ

Рассмотрим изучаемые статьи с точки зрения реализации в них оценочной стратегии, которая воплощается в основном в единицах лексического уровня.

Как отмечалось ранее, автором статьи 1 в целом используется нейтральная лексика с профессиональным юридическим уклоном в соответствии с требованиями выбранного жанра статьи. Тем не менее обратим внимание на наличие таких оценочных определений, как *грустный, обманутый, злополучный* и других, например:

(9) Но в этих грустных историях о домах и обманутых дольщиках не видно конца (pravda-news.ru. 06.08.2013).

Сочетание в одном предложении негативно окрашенных прилагательных *грустный и обманутый* рисует в воображении читателя портрет несчастного покупателя дешевого жилья. Складывается впечатление, что и сам автор сочувствует обманутым гражданам. Однако его идеологическая позиция довольно четко продемонстрирована посредством другого определения в следующем авторском комментарии, включенном в текст статьи 1:

(10) Показательного сноса мы не видели ни одного. — Авт. (pravda-news.ru. 06.08.2013).

По мнению автора, показательный снос незаконной постройки мог бы послужить наглядным примером другим недобросовестным застройщикам. Выбор глаголов журналистом также неслучаен. Употребление глагола *миндальничать* с негативным коннотативным значением способствуют созданию впечатления о вседозволенности застройщиков:

(11) А может, хватит миндальничать с застройщиками? (pravda-news.ru. 06.08.2013).

Положительная оценка действий судебной власти в данной статье создается посредством употребления следующих предикатных единиц: *вынести решения, действовать строго по закону, нести ответственность* и др. Некоторые из перечисленных предикатов взяты из прямой речи самих судей, что призвано усилить веру читателя в эффективность работы судебной системы, например:

(12) Председатель областного суда Алексей Шишкин подвел итог: <...> Но судья действует строго по закону, а эмоции оставляет за дверью. Если поступать по-другому, наступит хаос (pravda-news.ru. 06.08.2013).

Проведенный анализ позволяет утверждать, что автор статьи «Пензу захлестнула

волна самостроев», придерживаясь нейтрального публицистического стиля и грамотно употребляя юридическую лексику, умело создает имидж судьи как слуги закона, на фоне которого застройщики выглядят явными правонарушителями.

В оппозиционной «Улице Московской» судейский корпус представлен врагом застройщика, причем последнему явно симпатизирует сам автор статьи *Как и зачем в Пензе «убивают» застройщиков жилья эконом-класса*. Обратит внимание на глагол-сказуемое *убивают*, употребленный автором в названии статьи. Негативная оценка института правосудия осуществляется автором не только посредством реализации коннотативного значения глагола *убивать* в речи, но и путем метафоричного употребления его в данной фразе: признание застройщика виновным приравнивается к его убийству. В статье довольно многочисленна оценочная лексика, представленная различными частями речи, например:

(13) *Эти участки продавались всеми подряд* («Улица Московская». 13.08.2013).

(14) *По каким-то непонятным причинам Администрация г. Пензы, продавая землю с торгов, совсем забыла про асфальтированную дорогу, которая проходила по этой земле к старому двухэтажному дому* («Улица Московская». 13.08.2013).

В первом примере местоимение *все* усилено наречием *подряд*, что создает впечатление полного попустительства со стороны властей на этапе деления земли под застройку. Прилагательное *непонятные* в сочетании с местоимением *какие-то* служит созданию впечатления того, что Администрация *совсем* «забыла» про дорогу по вполне понятным причинам. Так, слово за словом, автор статьи 2 создает довольно внушительную «доказательную базу», на основании которой делает следующий вывод в конце статьи:

(15) *Неудивительно, что 16 апреля 2013 г. мы проиграли апелляцию в Пензенском областном суде: он постановил снести весь наш дом, состоящий из трех подъездов* («Улица Московская». 13.08.2013).

Наречие *неудивительно*, употребленное в функции обстоятельства, наилучшим образом, на наш взгляд, передает авторскую оценку работы судей и одновременно способствует созданию отрицательного имиджа судебной власти.

СТРАТЕГИЯ ЭМОЦИОНАЛИЗАЦИИ

При изучении текстов статей нами были выявлены лингвистические средства, формирующие стратегию эмоционализации, посредством которой автор указывает на переживание эмоций агентами событий. Эмоционально насыщенный текст, как правило, привлекает внимание читателя, а герой, демонстрирующий свои чувства и эмоции, становится более по-

нятным читательской аудитории, нередко вызывая симпатию.

Автор статьи 1 приводит ряд высказываний опрашиваемых им официальных лиц, чьи эмоции по поводу самостроев находят свое отражение как интонационно (в тексте — посредством восклицательного знака), так и лексически. Проанализируем следующие отрывки:

(16) *В 48 случаях суд вынес решение о сносе, — говорит заместитель председателя областного суда по гражданским делам Татьяна Серикова. — А заявлений о выдаче исполнительного листа поступило только 23!* (pravda-news.ru. 06.08.2013)

(17) *Председатель областного суда Алексей Шишкин подвел итог: <...> Можете себе представить, чтобы он [водитель, сбивший ребенка] ущерб не возместил и в колонию не пошел? Думаете, мне не жаль людей, которые купили квартиры в таких домах?* (pravda-news.ru. 06.08.2013)

Негодование заместителя председателя Сериковой по поводу малого числа сносов незаконных домов выражено в восклицательном предложении, в начале которого употреблена усиливающая противопоставление частица *а*, что способствует созданию в данном контексте большего контраста между количеством судебных решений и реальным количеством их исполнений. Риторические вопросы, заданные председателем Шишкиным, адресованы каждому читателю и содержат довольно прозрачный ответ. Прямое указание на эмоции самого судьи *мне жаль*, несомненно, сближает его с аудиторией и вызывает симпатию со стороны читателей.

Так автором статьи 1 умело создан положительный образ судебной власти: судьи не только продуктивно работают (пример 16), но и обладают понятными простому обывателю чувствами и эмоциями (пример 17).

Автор статьи 2 прибегает к использованию стратегии эмоционализации для создания образа полной беспомощности застройщика перед властью и судом. Рассмотрим, каким образом автор описывает встречу застройщика и представителей администрации по поводу подписания мирового досудебного соглашения:

(18) *Когда я туда зашел, глаза разбежались: повсюду были телекамеры и журналисты. Это была полнейшая неожиданность для меня* («Улица Московская». 13.08.2013).

Эмоциональное волнение рассказчика передано при помощи наречия *повсюду*, превосходной степени прилагательного *полнейшая* и фразеологического оборота *глаза разбежались*. Автор тем самым сближает «обманутого» застройщика с читателем, способным переживать аналогичные эмоции и испытывать похожие чувства.

В качестве эмоционально окрашенных можно привести, например, такие глаголы, как

ошалеть, обнаглеть и т. д., а также сочетания типа *перевернуть с ног на голову, говорить сквозь зубы* и др.:

(19) *Я слегка ошалел от услышанного* («Улица Московская». 13.08.2013).

(20) *Она говорила со мной сквозь зубы* («Улица Московская». 13.08.2013).

Хотя первое судебное заседание окончилось победой застройщика (Первомайский районный суд г. Пензы отказал Администрации г. Пензы в сносе), апелляция в Пензенском областном суде была проиграна:

(21) *Неудивительно, что 16 апреля 2013г. мы проиграли апелляцию в Пензенском областном суде: он постановил снести весь наш дом, состоящий из трех подъездов* («Улица Московская». 13.08.2013).

Негативная оценка, наполняющая наречие *неудивительно*, способствует созданию отрицательного имиджа судебной власти, представленной врагом застройщика в статье 2.

СТРАТЕГИЯ АКТИВАЦИИ И ПАССИВАЦИИ

Стратегии активации и пассивации рассматриваются нами как одна стратегия в силу тесной взаимосвязи явлений активации и пассивации. По словам Т. ван Льюэна, активация наблюдается тогда, когда социальные агенты представлены активными, динамично выполняющими какие-либо действия [van Leeuwen 2003: 43]. При пассивации социальные агенты претерпевают какие-либо виды деятельности со стороны других агентов или отказываются от начатых ими действий. Иногда социальный агент становится не объектом, а жертвой чьих-либо действий.

Наиболее ярким примером активации в статье 1 нам представляется следующий отрывок:

(22) *Дома, заявленные как индивидуальные коттеджи, без всяких проектов превращаются в многоэтажки. Растут „коробки“, которые по техническим условиям невозможно подключить к централизованному водопроводу, газовой трубе, канализации. Незаконные дома вымахали на улицах Боровиковского, Гоголя, Подольской...* (pravda-news.ru. 06.08.2013).

Дома представлены автором настоящими живыми организмами, способными самостоятельно расти, заполнять улицы и т. п. Такая метафора, сопровождающаяся градацией *превращаются — растут — вымахали*, усиливает впечатление быстрого роста строящихся домов.

В следующем отрывке стратегии активации и пассивации следуют друг за другом, причем активными агентами представляются застройщики, а пассивным — судейский корпус:

(23) *По мнению Татьяны Ивановны, такие случаи подрывают авторитет закона. Решение от лица государства вынесено, и его необходимо исполнять* (pravda-news.ru. 06.08.2013).

Выражая обеспокоенность растущим количеством самостроев и неспособностью государства справиться с этим ростом, автор статьи 1 подчеркивает необходимость соблюдения закона и наказания тех, кто «подрывает» его авторитет.

Приводимые ниже отрывки из статьи 2, на наш взгляд, могут служить примерами реализации стратегии пассивации (пример 24) и активации (пример 25):

(24) *Летом 2011г. стройка двух многоквартирных домов была заморожена, 6 месяцев там никто не работал* («Улица Московская». 13.08.2013).

(25) *Я принял решение вложить деньги в эти объекты. Я пришел в декабре 2011г.: специально для этого мы создали компанию „Экономстройсервис“. На объектах тут же начались строительные работы* («Улица Московская». 13.08.2013).

В первом отрывке глагол-предикат *заморозить* употреблен в форме пассивного залога; отрицательная форма глагола *работать* усилена местоимением *никто*. Данные приемы служат одной цели — продемонстрировать отсутствие движения в строительстве в результате отсутствия хозяина-застройщика. С появлением застройщика, как следует из второго примера, решения принимаются, компании создаются, строительные работы тут же начинаются. Принимая во внимание контекст статьи 2, отметим, что данные и другие лингвистические приемы способствуют созданию впечатления искусственного сдерживания деятельности застройщика, полного сил и желаний строить доступные дома экономкласса.

При рассмотрении указанных стратегий стоит отметить, что они нередко взаимодействуют и дополняют друг друга, например:

(26) *Я считаю, ведется борьба с застройщиками жилья эконом-класса в угоду крупным застройщикам. Сейчас этот рынок в Пензе практически умер. По моим оценкам, его реально убили Чернов и Кипурова* («Улица Московская». 13.08.2013).

В данном примере автор приводит такие негативно окрашенные глаголы, как *умер* и *убили*, причем каждый из них усилен наречием *практически* и *реально* соответственно. Подобная лексика образует оценочную стратегию. В то же время глагольные сочетания *ведется борьба*, *реально убили* составляют стратегию активации. Администрация города Пенза и суд, вставший на защиту чиновников, несомненно, представляются автору статьи 2 врагами, лишаящими застройщика не только возможности строить недвижимость, но и какого-либо желания заниматься строительством.

Подводя итог проведенного нами кейс-анализа, обратим внимание на тот факт, что манипулятивный потенциал заложен в тексте самой природой языка: язык предоставляет возможности утаивания информации, сокрытия

намерений, додумывания контекста и т. д. Подобные приемы используются как журналистами таблоидов, так и представителями качественной журналистики. В нашем случае характеристиками таблоида в большей степени наделена статья 2, поскольку ее автор руководствуется желанием воздействовать на чувственно-эмоциональную сферу читательской аудитории при изложении своей точки зрения по проблеме строительства домов экономкласса.

Поскольку указанные выше лингвистические приемы употребляются авторами статей неоднократно и несомненно преследуют цель создать определенный имидж, мы вправе говорить о наличии лингвистических стратегий. В статье рассмотрены оценочная стратегия, стратегия эмоционализации и стратегия активации и пассивации. Использование авторами эмоционально окрашенных лексических единиц, слов сниженного (разговорного) стиля, оценочной лексики способствует формированию ненейтральных предложений-высказываний, образующих нужный автору контекст. Так стратегически грамотно сформированный контекст образует тот или иной имидж судебной власти в обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. — М. : ЧеРо ; Изд-во МГУ, 2000.
2. Дубровская Т. В. Образ судьи и судебной власти в дискурсе английских СМИ // Изв. высш. учеб. заведений. Поволж. рег. Гуманитарные науки. 2008. № 3 (7). С. 72—81.
3. Дубровская Т. В., Гуляйкина С. О. О роли печатных СМИ в создании имиджа российской судебной власти // Язык. Право. Общество : сб. ст. Всерос. на-

уч.-практ. конф. (г. Пенза, 23—24 апр. 2013 г.) / под ред. канд. филол. наук О. В. Барабаш, канд. пед. наук, проф. Г. И. Канакиной. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2013. С. 118—124.

4. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием в России сегодня. — М. : Алгоритм, 2001.

5. Полонский А. В. Массмедийность как категория дискурса и текста // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования : 1 Междунар. науч.-практ. конф. (Белгород, БелГУ, 1—4 апр. 2014 г.) : сб. науч. работ / под ред. Е. А. Кожемякина, А. В. Полонского, А. Г. Ходеева. — Белгород : Константа, 2014. С. 110—122.

6. Хассен С. Освобождение от психологического насилия. — СПб. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2001.

7. Чалдини Р. Психология влияния. — СПб. : Питер, 2001.

8. Leeuwen van T. The representation of social actors // Texts and Practices: Readings in Critical Discourse Analysis / Caldas-Coulthard C. R., Coulthard M. (eds). — London : Routledge, 2003. P. 32—70.

9. Molek-Kozakowska K. Tracing tabloidization: A comparative analysis of rhetorical styles in quality and tabloid newspapers // Exploring Language Through Contrast. — Newcastle upon Tyne : Cambridge Scholars Publ., 2012. P. 236—251.

10. Reisigl N., Wodak R. Discourse and Discrimination. Rhetorics of Racism and Antisemitism. — London : Routledge, 2001.

11. Richardson J. Analysing newspapers. — Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2007.

12. Sowińska A., Dubrovskaya T. Discursive strategies in the media construction of Poland, Russia and the USA in the context of the debate on the US anti-ballistic missile defense shield in Polish and Russian quality papers // Exploring Language Through Contrast. — Newcastle upon Tyne : Cambridge Scholars Publ., 2012. P. 268—287.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Т. С. Круглова.

Н. Л. Зелянская
Пермь, Россия

N. L. Zelyanskaya
Perm, Russia

**МЕДИАОБРАЗ ПОЛИТИКА:
ИНТЕРНЕТ-СООБЩЕСТВО КАК АГЕНС
ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ**

**MEDIA IMAGE OF A POLITITIAN:
THE INTERNET COMMUNITY
AS AN AGENT OF POLITICAL REALITY**

Аннотация. На материале комментариев интернет-пользователей реконструирован медиаобраз В. Путина. Медиаобраз — это совокупное представление о деятельности, взглядах, эффективности политика, формирующееся в медиасреде как ответная коммуникативная реакция на его политическую активность. Методы анализа: частотный анализ и графосемантическое моделирование. Обосновывается, что интернет-аудитория становится активным началом в политическом дискурсе — генератором критериев оценки деятельности. В. Путин воспринимается медиасознанием не столько как личность, сколько как олицетворение самой власти. Взаимоотношения В. Путина с гражданами России описываются в рамках оппозиции «правитель — народ».

Abstract. The media image of Vladimir Putin has been reconstructed on the material of comments of the Internet users. A media image is a set of ideas about the activity, views and effectiveness of a politician which are formed in the media environment as a communicative response to his political activity. The methods of analysis, used in the undertaken study, are frequency analysis and graphic and semantic modeling. The article argues that the Internet community becomes an active member in political discourse — it turns to be a generator of criteria for the assessment of activity. V. Putin is seen not so much as a personality, but as an embodiment of power. The relationship of V. Putin with the Russian public at large is described within the framework of the opposition “RULER – PEOPLE”.

Ключевые слова: медиаобраз; политический дискурс; частотный анализ текста; графосемантическое моделирование.

Key words: media image; political discourse; frequency analysis of the text; graphic-semantic modeling.

Сведения об авторе: Зелянская Наталья Львовна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник кафедры теоретического и прикладного языкознания.

About the author: Zelyanskaya Natalia Lvovna, Candidate of Philology, Leading Researcher of Theoretical and Applied Linguistics Department.

Место работы: Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Place of employment: Perm State National Research University.

Контактная информация: 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15, корп. 5, к. 35а.
e-mail: zelyanskaya@gmail.com.

ВВЕДЕНИЕ

В современном мире интернет-коммуникация заняла не просто большое место в жизни человека, она стала основным репрезентантом меняющегося социума, в ней находят отражение новые формы взаимодействия в обществе. Процессы порождения, распространения, хранения и восприятия информации также уже неотделимы от интернет-реальности. Трансформировалось и само восприятие объективного мира людьми (ср. рассуждения Кастельса о современной культуре, для которой органично восприятие виртуального мира в качестве действительности, в той же (или даже большей) степени реальной, что и объективный мир [Кастельс 2000: 132]).

Когнитивные процессы отдельной личности посвящено большое количество работ зарубежных и отечественных философов, культурологов, семиотиков [Бехманн 2012; Бодрийяр 2000; Кастельс 2000; Маклюэн 2005].

Все социальные характеристики, считавшиеся в прежние эпохи значимыми, обуславливающими и адекватно характеризующими человека, его внутренний и внешний миры, потеряли свою абсолютность в качестве коммуникативных барьеров. Объективные факторы времени и пространства, социальные и возрастные границы нейтрализуются в интернет-коммуникации. Описанию феномена виртуальности, ее проявления в современной культуре и влияния на онтологию социума и

Все чаще интернет-пространство выбирается в качестве предпочитаемого источника для мониторинга состояния различных социальных, экономических, культурных, политических проблем, для изучения имиджа общественных деятелей, организаций [Белоусов, Зелянская 2009, 2010; Guillaume, Bath 2008; Welch, Weber, Edwards 2000]. Интернет-мнения становятся эффективной формой обратной связи с целевой аудиторией, базой для определения проблемных областей имиджа и способов его коррекции. Интернет-аудитория создает своеобразный медиаобраз актуальной проблемы или субъекта общественной жизни, заключающий в себе спектр представлений, ожиданий, претензий, в свою очередь, характеризующих современное состояние общественного сознания.

Политический дискурс в этом отношении является наиболее репрезентативным, так как во многом обуславливается новым состоянием социума. Политическое интернет-общение

создает условия для острых открытых дискуссий, проверки получаемой информации путем сопоставления разных источников, способствует объединению людей по информационно-мировоззренческим параметрам, которые порой становятся более функциональными, чем социальные. В данных условиях в число активных агентов политической реальности начинают входить и «рядовые» граждане страны: возможность ответа, который будет ретранслироваться и станет известен политической элите и представителям власти, делает политическую коммуникацию общением с обязательной обратной связью [Вершинин 2004; Морозова 2001; Степанова 2013].

Появилась традиция изучения комментариев, которые отражают настроения интернет-пользователей, их мнения о политиках и политических проблемах. Можно выделить следующие направления исследований: анализ комментариев интернет-общественности с точки зрения доминантной оценочности, взаимозависимости содержания и социально-демографических характеристик пользователей [Стексова 2013; Coleman 2005; Park, Lim, Sams et al. 2011]; изучение зависимости общественного мнения от влияния авторитетных персон, СМИ и т. д. [Каменева, Рабкина 2013; Smith 2010]; обнаружение общих закономерностей формирования предпочтений электората [Caprara 2007; Lee, Oh 2012; Vecchione, Gonzalez-Castro, Caprara 2011]; оценка прогностического потенциала мнений интернет-среды о политическом процессе [Iorgensen, Fillipe 2008] и др.

В данной связи особой значимостью обладает возможность реконструкции медиаобраза политического деятеля, которую дает чутко реагирующее на все важные события общение в Интернете. В нашем понимании медиаобраз политика — это совокупное представление о деятельности, взглядах, влиятельности, эффективности агенса политической жизни, формирующееся в медиасреде как ответная коммуникативная реакция на его политическую активность.

Медиаобраз политика дает представление об ожиданиях аудитории, об оценочных параметрах, наиболее актуальных для политического деятеля в глазах электората, задает параметры коррекции самопрезентации политика с целью улучшения собственного имиджа.

МЕТОД

В данной статье реконструируется медиаобраз Владимира Путина на материале комментариев интернет-пользователей с форумов и блогов, посвященных обсуждению политических проблем. Всего проанализировано 4046 контекстов, представляющих собой отзывы-комментарии, написанные с 2010 по 2012 г. В этот период политик сначала занимал пост председателя правительства (до мая 2012 г.), а затем — президента Российской Федерации.

Реконструкция медиаобраза осуществлялась нами с помощью метода графосемантического моделирования, предложенного К. И. Белоусовым и Н. Л. Зелянской, и частотного анализа, объединенных в рамках информационной системы «Семограф» (<http://semograph.com>) [Баранов, Белоусов и др. 2011] в единую исследовательскую программу.

Частотный анализ и моделирование проводятся в несколько этапов.

На первом этапе генерируется список слов с показателями их встречаемости в корпусе. В «слова» объединяются знаки, имеющие одну форму (означающее), которая может соотноситься с разными означаемыми.

Проведение частотного анализа текстов и текстовых корпусов должно осуществляться на основе подсчета не столько встречаемости отдельных слов, сколько их значений, реализованных в конкретных контекстах. В информационной системе «Семограф» различия в реализованных значениях передаются на уровне лексем. Лексема понимается как словесный знак, рассматриваемый в совокупности своих форм (словоформ), имеющих одно значение (лексико-семантический вариант). То есть каждое использование слова в одном значении в совокупности всех грамматических форм при таком подходе будет оформляться в виде описания отдельной лексемы.

На втором этапе, после генерации частотного списка слов, в информационной системе «Семограф» выделяются лексемы на основе отдельных реализованных в контекстах значений.

На третьем этапе осуществляется группировка созданных лексем в семантические общности лексем, объединенные интегральным семантическим признаком, — семантические поля.

Четвертый этап состоит из генерации семантических карты и графа. Семантическая карта — это матрица табличного вида: ее боковик и головку образуют определенные на третьем этапе семантические поля, а в ячейках (на пересечении строки и столбца) размещается показатель совместного употребления двух полей в контекстах всего корпуса текстов.

Предполагается, что если два слова (и созданные на их основе лексемы) присутствуют в одном контексте, то они становятся связанными между собой через отнесение их к одному контексту. Поскольку каждая лексема относится к какому-то полю, постольку предполагается наличие структурных связей между полями, в которые входят указанные лексемы и непосредственно репрезентирующие их в контекстах слова. Таким образом, для каждого контекста автоматически подсчитываются все комбинации слов; а далее через лексемы, в которые входят слова, устанавливается связь между семантическими полями. Затем полученные по каждому контексту данные суммируются, и результатом становится семантическая карта всего корпуса текстов.

Следует отметить, что значения, отражаемые в семантической карте, могут быть представлены как в абсолютных величинах, так и в относительных. Относительные показатели рассчитываются установлением отношения абсолютных показателей к общему количеству контекстов. Относительные показатели более релевантны, так как не зависят от объема материала и показывают пропорции распределения отдельных семантических полей и их связей в едином семантическом пространстве.

Пятый этап состоит в визуализации семантической карты корпуса текстов в виде семантического графа (графосемантической модели), в котором узлы репрезентируют семантические поля, а ребра — связи между полями. Конечно, все множество связей между полями на семантической карте невозможно отобразить в семантическом графе, так как плотная сеть отношений между полями не даст возможность интерпретировать граф, поэтому устанавливается порог «отсечения» семантических связей. Многие коэффициенты корреляции имеют показатели, недостаточные для того, чтобы говорить о наличии корреляции. Поэтому из полученных показателей корреляции семантических полей отбирались те, которые по модулю превышали значение 0,4. Кроме того, мы ориентировались на показатель плотности графа, не превышающий 0,35: опытным путем мы обнаружили, что в этих пределах плотности интерпретируемость графа бывает оптимальной.

В таблице представлены семантические поля, отражающие основные актуальные для интернет-аудитории концепты, репрезентирующие представления о В. Путине.

Таблица.

Значимые семантические поля медиаобраза В. Путина

Поле	Частотность
Путин	0,428
Социально-демографические роли	0,204
Я	0,147
Модальность	0,146
Обобщенное название пространства	0,134
Государственное устройство	0,125
Прошлое время	0,122
Настоящее время	0,120
Мы	0,119
Состояние	0,118
Результат речемыслительной деятельности	0,113
Интеллектуальная деятельность	0,108
Россия	0,107
Взаимодействие	0,105
Власть	0,092

В графосемантической модели (см. рис.) показаны основные связи между семантическими полями, указывающие на направления развития смыслов, актуализирующихся в общественном сознании при обсуждении деятельности В. Путина.

На модели поле «Путин» занимает центральную позицию, так как именно личность этого политика является главным предметом обсуждения. Но данный факт интересен не своей предсказуемостью, а тем, что коллективное медиасознание не наделяет даже относительно сопоставимой значимостью в одном контексте с Путиным никакую другую политическую силу — ни персонифицированную (конкретного политика), ни обобщенную (партию, структуру и т. п.). Путин воспринимается как единственный активный субъект политической жизни — ни ярких оппонентов, ни значимых соратников в модели не представлено.

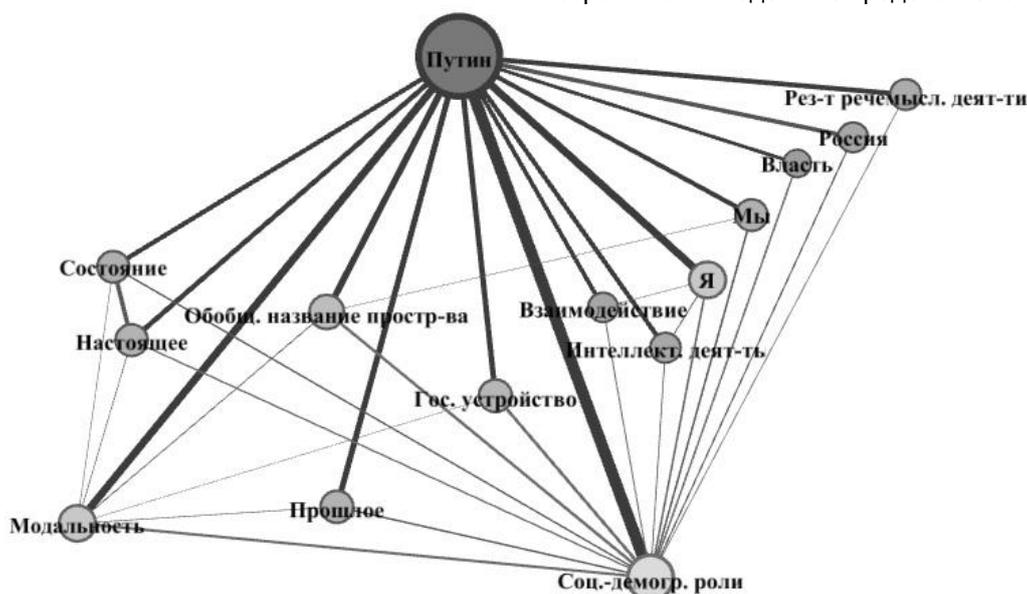

Рис. Графосемантическая модель медиаобраза В. Путина

Столь же активным по количеству образованных связей (но, конечно, гораздо менее частотным) оказалось поле «Социально-демографические роли», в которое вошли лексемы, обозначающие людей — российских граждан — по профессиональным, возрастным, имущественным и тому подобным характеристикам. Так, другим актантом, сопоставимым с Путиным, массовое сознание «назначает» совокупность россиян, наделенных разными признаками, что выдвигает схему непосредственного взаимодействия «ПРАВИТЕЛЬ — НАРОД» в качестве наиболее продуктивной в России.

Пример 1. <...> *Кто то сказал какой народ такая и власть. Путин кстати тоже не в восторге от своего народа. <...> А народ наш ленив. <...>* [Гатяна Салтыкова 2010].

И еще одним семантическим полем, одновременно значимым и по частотности, и по валентности, стало поле «Модальность», образованное словами, выражающими отношение горящего к обсуждаемому тезису. Подавляющее большинство высказываний выражает модальность долженствования-необходимости, т. е. образ В. Путина воспринимается в парадигме заданных параметров, соответствия или несоответствия этим параметрам. Пользователи Интернета, как правило, свое отношение формулируют в виде набора требований к тому, что необходимо обсуждаемому политику делать, говорить, как вести себя и т. д. А в силу того, что конкретно-оценочные интенции — положительные или отрицательные — не отражены в модели (соответствующие концепты не вошли в число частотных), можно предположить существование в массовом медиасознании норм взаимодействия системы «ПРАВИТЕЛЬ — НАРОД», которые строятся вне позитивной/негативной оценочной шкалы. Эти нормы спроецированы на В. Путина и как бы «замыкают» его медиаобраз в границах понятий долга и необходимости.

Пример 2. <...> *Знал Путин о чём разговаривать с народом. И РЕЦЕПТ ДАЛ: КАЖДЫЙ ДОЛЖЕН ДЕЛАТЬ СВОЮ РАБОТУ. Этот рецепт именно больше адресован для сильных мира сего <...>* [li-lika 2010].

Остальные семантические поля достаточно сильно уступают перечисленным и по частотности, и по валентности. Но мы считаем, что целостную семантическую структуру медиаобраза В. Путина продуктивно интерпретировать с функционально-тематической точки зрения, т. е. рассмотреть поля и образуемые ими связи в соответствии с несколькими тематическими группами, в которые логично объединяются выделенные семантические поля.

Медиаобраз изначально является своеобразным ответом общества на деятельность политика, т. е. «репликой» в пространстве политического медиадискурса. Потому интерес представляют поля, обозначающие субъектное

пространство медиаобраза — актантов, вовлеченных медиасознанием в коммуникацию. В данную группу входят поля «Путин», «Социально-демографические роли», «Я», «Государственное устройство», «Мы», «Россия».

Кроме «Путина» и «Социально-демографических ролей» — полей, указывающих на двух основных коммуникантов российского политического дискурса, по представлениям общества, — значимую роль играет коммуникативное «я» автора комментария. Основная функция «я» — осмысление ситуации (связь с «Интеллектуальной деятельностью») и особенностей взаимодействия Путина с остальными актантами политической реальности (связь со «Взаимодействием»).

Пример 3. *Если бы пал выбор между Пукиным и Ходором, я бы выбрал Ходора. Этот хоть что то делал, развивал, строил и даже если и своровал, то не убежал, как все чиновники, он открыто доказывал свою невиновность, т.к. в ней был уверен и пытался противостоять силовой машине Пукина. <...> Это достойно уважения* [Мразь за решетку 2010].

(Коммуникативное «я» совершает интеллектуальный акт выбора; указание на противостояние между двумя политиками — пример взаимодействия между двумя актантами.)

Эквивалент авторского «я» в данном случае — коммуникативное «мы», которое является своеобразной объективацией индивидуального «я», а декларируемому мнению присваивает статус всеобщего. Как показывает модель, «я» и «мы» не объединяются значимыми связями и соотносятся с разными микро-структурами. В частности, надличностное «мы» уже не имеет связей с «Интеллектуальной деятельностью» и со «Взаимодействием», но вписано в некое недифференцированное пространство (поле «Обобщенное название пространства»), которое можно отождествить с нормативным пространством долженствования, объединяющим правителя и народ.

Пример 4. *Историю творим мы, здесь и сейчас. Нет никакого высшего закона определяющего ход истории. Нет судьбы. Не было бы Путина, вы думаете пришел бы другой человек и поступал бы так же? Нет, нет. История есть цепь случайностей. <...> Россия — это страна которой хронически невежет. <...>* [Атас! 2010].

Поле «Государственное устройство» репрезентирует концепт, связывающий управление страной с государственным аппаратом, должностными лицами, ответственными за разные отрасли управления. Очевидно, данный субъект власти воспринимается пользователями как менее значимый, нежели персонифицированный глава, и как зависимый от него — хотя встраивается в тот же модальный дискурс долженствования-необходимости.

Пример 5. *Родители больных детей не могут оплатить лечение, ищут деньги, где*

могут, просят помощи, унижаются. ТАК СТЫДНО ЗА НАШЕ ГОСУДАРСТВО, БОЛЬНО и ОБИДНО!!! Государство должно оплачивать лечение детей!!! <...> [Гусева Нина Георгиевна 2010].

Поле «Россия» в общем контексте модели обладает статусом слабого субъекта, даже в большей степени объекта, связывающего В. Путина и остальных граждан, но не имеющего в медиасознании самостоятельных характерных черт или влияния на взаимоотношения между властью и народом. Рефлексия о роли России как государства, страны, родины, историко-культурного феномена при обсуждении деятельности В. Путина оказывалась неактуальной (см. пример 4).

Сфера взаимоотношений между выявленными субъектами, функционирующими в рамках реконструированного медиаобраза, и атрибуты этих отношений составили следующую тематическую группу: «Модальность», «Состояние», «Взаимодействие», «Власть».

Поле «Власть», в которое вошли лексемы, обозначающие разные формы и номинации власти, объединяет «Путина» и «Людей», т. е. указывает на одну из важных для общественной рефлексии проблему — существующие форматы взаимоотношений между лицом, обладающим властью, и гражданами (см. пример 1).

Кроме того, внимание фокусируется на иных видах отношений между основными коммуникативными субъектами — см. поля «Взаимодействие» и «Модальность».

Пример 6. *Ну а по поводу ВАЗа — хватит кормить его, пусть выплывает сам. Вместе с тем пошлины пусть остаются, да и похорошему должны быть увеличены, чтобы подвигать мировые концерны на размещение и локализацию производств* [Михаил Сивогор 2010].

(Взаимодействие между государством и ВАЗом — Волжским автомобильным заводом — передается лексемой «кормить»; модальность должностования адресуется представителям госвласти.)

Пространство «Модальности» не только связывает в медиаобразе В. Путина главных субъектов коммуникации, но и характеризует доминирующие «Состояния» — предпочитаемые в обсуждениях совокупности обстоятельств, среди которых абсолютное большинство связано с бытием, существованием как таковым (передается формами глаголов «быть», «жить») либо с желаемостью и/или ожидаемостью чего-либо («хотеть», «ждать»).

Пример 7. <...> *У Шевчука, как и у любого человека, разумеется, тоже есть какие-то личные проблемы, но он предпочитает решать их самостоятельно, как и должен поступать вообще каждый взрослый самостоятельный человек. А именно такая постановка вопроса не переносима сегодняшним Кремлём, который активно вмешивается*

во все стороны жизни россиян и **хочет**, чтобы каждый гражданин страны **был лично зависим** от его подачек и милостей [larisa_kosach nl 2010].

(Должному поведению Ю. Шевчука противопоставлена позиция Кремля, но даже описание активного вмешательства властей сводится к состоянию желания: «хочет, чтобы».)

Модально окрашено также время и пространство, отраженные в медиаобразе В. Путина.

Пример 8. <...> *Надо где-то искать ещё денег. Именно поэтому недавно с идеей о введении налога на богатство высказался Кудрин* <...> [chugunka10 2010].

Акцент на состояниях, причем нединамичных, не обусловленных активными действиями по изменению мира, может объясняться составом еще одной тематической группы, которая включает в себя поля, репрезентирующие виды действий, актуальных для медиаобраза В. Путина, и результаты таких действий: «Результат речемыслительной деятельности», «Интеллектуальная деятельность». Так, основу медиаобраза политика составляет речевая и интеллектуальная деятельность и ее результаты, связаны они как с «я» комментатора, осмысляющего деятельность политика, так и с самим В. Путиным. Семы, соотносимые с активным вмешательством, изменением мироустройства, не вошли в число значимых и не отражены в модели.

Пример 9. <...> *я вот думаю: если есть доказательства того, что это по приказу Путина взрывали многоэтажки, то почему Путин до сих пор на свободе?* [Diarista jovial 2010].

Или: <...> *Путин сидел у себя в кабинете и думал чего бы слить, он долго ничего не мог найти и тут оно!* <...> [Джастис 2010].

Последний значимый тематический блок, сформированный нами из семантических полей, отражает специфику пространства и времени, актуализированных медиасообществом в связи с деятельностью В. Путина. В эту группу вошли поля «Обобщенное название пространства», «Прошлое время», «Настоящее время».

По мнению пользователей, для В. Путина наиболее характерно обобщенное представление о пространстве: он вписан в мир без конкретных черт и ориентиров, в мир, имеющий ментальную природу, но, как мы уже отмечали, в этом пространстве он объединен с народом нормами должностования/необходимости — дискурсом долга, ценностей, представлений о правильности. И время здесь становится дополнительным доказательством такой связи. В частности, в прошлом находятся свидетельства реальности декларируемого нормативного дискурса (см. пример 8, в котором модальность высказывания — «надо» — подкрепляется ссылкой на близкое прошлое — «недавно»).

А настоящее становится не только временным вместилищем актуальных событий, но и источником «непреходящего» бытия (соответствует настоящее вневременное), выдвигающего на первый план существующие закономерности и правила, а не сиюминутные происшествия (см. пример 4, в котором семантика лексемы «сейчас» и грамматического времени глагола соответствующего предложения отражает именно такое вневременное настоящее).

ВЫВОДЫ

Интернет-аудитория, реагируя на актуальные политические события, встраивается в политический дискурс в качестве активного начала — генератора критериев оценки деятельности. При этом медиасознание воссоздает образ политика как многоуровневый информационный феномен, объединяющий эти оценочные критерии; преломленную через доминирующую оценочность деятельную активность политика, его личность; а также коллективное самопредставление «я» как часть политической жизни России.

Обширный материал дает возможность проследить все нюансы реальных словесных репрезентаций, существующих в естественной коммуникативной среде. Объем материала и закономерности, обнаруженные с помощью его статистического упорядочения, позволяют не только с большой точностью описать характерные черты изучаемого объекта, но и вскрыть неявные структуры и семантические связи, обусловленные организацией общественного сознания на современном этапе его развития.

Медиасознание воспринимает В. Путина не столько как личность, сколько в качестве олицетворения власти как таковой, поэтому альтернативные политические силы, оппозиционные или дружественные режиму, даже упоминаемые авторами комментариев, в общем корпусе текстов не достигают того же уровня значимости, как бы поглощаются и замещаются фигурой Путина. Нейтрализуется и шкала положительной/отрицательной оценки: при наличии многообразных суждений разной степени жесткости или лояльности в итоге наиболее актуальным для восприятия политика оказывается нормативный контекст долга, правил, осознания необходимости. Взаимоотношения В. Путина с гражданами России встраиваются не по принципу «должностное лицо — оценивающие его деятельность люди», а в рамках модели «ПРАВИТЕЛЬ — НАРОД», компоненты которой мыслятся как данные друг другу обстоятельствами, не зависящими от личной воли. Потому самостоятельной значимости не обретает в медиаобразе какая-либо активная деятельность политика, она заменяется рефлексией о правильности/неправильности принципов правления.

ИСТОЧНИКИ

1. *Амас!* Комментарий от 08.12.2010 // Путин-человек с двойной моралью? URL: http://www.politforums.ru/internal/1291759976_1.html (дата обращения: 15.10.2014).
2. *Гусева Нина Георгиевна.* Комментарий от 20.04.2010 // Путин должен уйти. URL: <http://www.putinavotstavku.org/material.php?id=4BCD64960C D6B> (дата обращения: 15.10.2014).
3. *Джастис.* Комментарий от 16.12.2010 // Путин: «Россия выиграла бы ВОВ и без Украины». URL: <http://www.politforums.ru/internal/1283260583.html> (дата обращения: 15.10.2014).
4. *Михаил Сивогор.* Комментарий от 03.09.2010 // Как три одинаковых Путина ехали на трех одинаковых желтых Калинах с одинаковыми номерами. URL: <http://www.gidepark.ru/user/590606769/article/97549> (дата обращения: 15.10.2014).
5. *Мразь за решетку.* Комментарий от 16.12.2010 // В. Путин: внесистемная оппозиция распродаст всю Россию. URL: <http://forum.top.rbc.ru/index.php?showtopic=8967689&st=180> (дата обращения: 15.10.2014).
6. *Татьяна Салтыкова.* Комментарий от 31.05.2010 // Шевчук спросил Путина о демократии и свободе. URL: <http://www.rb.ru/article/shevchuk-sprosil-putina-o-demokratii-i-svobode/6436457.html> (дата обращения: 15.10.2014).
7. *chugunka10.* Комментарий от 02.04.2010 // В чьих интересах Путиным была введена 13% плоская шкала подоходного налога? URL: <http://www.politforums.ru/world/1270207971.html> (дата обращения: 15.10.2014).
8. *Diarista jovial.* Комментарий от 30.03.2010 // Парад уродов. URL: <http://www.diary.ru/~v01dem4r/p102574871.htm#369922241> (дата обращения: 15.10.2014).
9. *larisa_kosach nl.* Комментарий от 30.05.2010 // Дискуссия Шевчука с Путиным. URL: <http://gidepark.ru/user/2210226150/article/175162/> (дата последнего обращения: 15.10.2014).
10. *li-lika (Лилия Черкасова).* Комментарий от 17.12.2010 // Система Путина ждет ремонта, автор его не предлагает. URL: <http://slon.ru/blogs/pavlo vsky/post/513463/comments/> (дата последнего обращения: 15.10.2014).

ЛИТЕРАТУРА

11. *Баранов Д. А., Белоусов К. И., Влацкая И. В., Зелянская Н. Л.* Система графосемантического моделирования : свидетельство о государственной регистрации в Федеральной службе по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам : зарегистрировано в Реестре программ для ЭВМ № 20111617192 от 15.09.2011.
12. *Белоусов К. И., Зелянская Н. Л.* Имидж и его лингвистическая реконструкция // *Маркетинг в России и за рубежом.* 2009. № 6 (74). С. 55—65.
13. *Белоусов К. И., Зелянская Н. Л.* Лингвопраксиология и мониторинг Интернета (интернет-аудитория о «паспорте здоровья школьника») // *Практический маркетинг.* 2010. № 12 (166). С. 22—40.
14. *Бехманн Г.* Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний. — М. : Логос, 2012.
15. *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. — М. : Добросвет, 2000.
16. *Вершинин М. С.* Политическая коммуникация в информационном обществе: перспективные направле-

ния исследований // Актуальные проблемы теории коммуникации. — СПб. : Изд-во СПбГПУ, 2004. С. 98—107.

17. Каменева В. А., Рабкина Н. В. Функциональный и прагматический потенциал демотиваторов как визуально-вербальной формы современной интернет-коммуникации // Политическая лингвистика. 2013. № 43. С. 144—151.

18. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. — М. : ГУ ВШЭ, 2000.

19. Маклюэн М. Галактика Гутенберга: становление человека печатающего. — М. : Академический Проект : Фонд «Мир», 2005.

20. Морозова О. Н. Политическая интернет-коммуникация: ее роль, функции и формы // Политическая лингвистика. 2011. № 35. С. 156—161.

21. Стеклова Т. И. Речевая агрессия в интернет-комментариях как проявление социальной напряженности // Политическая лингвистика. 2013. № 45. С. 77—81.

22. Степанова Л. Н. Комментарий в современном информационно-коммуникативном пространстве: перспективы лингвистического исследования // Современная филология : материалы 2 Междунар. науч. конф. (г. Уфа, янв. 2013 г.). — Уфа : Лето, 2013. С. 94—97.

23. Caprara G. V. The Personalization of Modern Politics // European Review. 2007. Vol. 15. № 2. P. 151—164.

24. Coleman S. Blogs and the New Politics of Listening // The Political Quarterly. 2005. № 76(2). P. 272—280.

25. Guillaume L., Bath P. A. A content analysis of mass media sources in relation to the MMR vaccine scare // Health Informatics Journal. 2008. № 14. P. 323—334.

26. Iorgensen M. B., Fillipe L. J. Discourse Analyses. The Theory and Method. — Harcov : Humanitarian Centre, 2008.

27. Lee E.-J., Oh S. Y. To Personalize or Depersonalize. When and How Politicians' Personalized Tweets Affect the Public's Reactions // Journal of Communication. 2012. № 62. P. 932—949.

28. Park S. J., Lim Y. S., Sams S., Nam S. M., Park H. W. Networked Politics on Cyworld. The Text and Sentiment of Korean Political Profiles // Social Science Computer Review. 2011. № 29. P. 288—299.

29. Smith G. R. Politicians and the News Media. How Elite Attacks Influence Perceptions of Media Bias // The International Journal of Press/Politics. 2010. № 15. P. 319—343.

30. Vecchione M., Gonzalez-Castro J. L., Caprara G. V. Voters and leaders in the mirror of politics. Similarity in personality and voting choice in Italy and Spain // International Journal Of Psychology. 2011. № 46 (4). P. 259—270.

31. Welch M., Weber L., Edwards W. «All the News That's Fit to Print». A Content Analysis of the Correctional Debate in the New York Times // The Prison Journal. 2000. № 80. P. 245—264.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова.

Р. Д. Керимов
Кемерово, РоссияR. D. Kerimov
Kemerovo, Russia**МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ТАРГЕТИРОВАНИЕ
В НЕМЕЦКОЙ
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ
КОММУНИКАЦИИ:
СЦЕНАРИИ ПАРТИЙНОЙ, ОБЩЕСТВЕННОЙ
ЖИЗНИ И ИСТОРИИ ФРГ****METAPHORICAL TARGET MAPPING IN GERMAN
SOCIO-POLITICAL COMMUNICATION:
SCENARIOS OF THE GERMAN PARTY SYSTEM,
SOCIAL LIFE AND HISTORY**

Аннотация. Статья посвящена описанию метафорической системы современной немецкоязычной социально-политической коммуникации. Таргетирование понятийной области «Политика» способствует установлению структурно-семантических и функциональных связей метафорических единиц и их всестороннему анализу с использованием лингвокогнитивных методик. Рассматривается понятие когнитивного сценария, который применительно к социально-политической коммуникации может трактоваться как сегментирование (таргетирование) сферы-мишени «Политика», являющейся областью проецирования для метафорических образов. В статье рассматриваются такие базовые сценарии партийно-политической и общественной жизни современной единой Германии, как «Партийно-политическая жизнь ФРГ», «Общественная жизнь Германии», «История государства и общества».

Abstract. The paper describes the metaphorical system of the present-day socio-political German communication. Target mapping of the domain "Politics" helps to establish the structural semantic and functional relations between metaphors as well as to carry out their comprehensive cognitive linguistic analysis. The article further dwells on the notion of cognitive scenario, which, in relation to socio-political communication, may be viewed upon as segmenting (target mapping) of the target domain "Politics". This domain serves as the projecting field of metaphorical images. The article describes such basic scenarios of political and social life of modern united Germany as "The Party System and Politics of the FRG", "Social Life in Germany" and "The History of the State and Society".

Ключевые слова: когнитивная метафора; понятийная область; сфера-мишень; когнитивный сценарий; социально-политическая коммуникация; политическая лингвистика; языковая картина мира; немецкий язык.

Keywords: cognitive metaphor; conceptual domain; target domain; cognitive scenario; socio-political communication; political linguistics; linguistic worldview; the German language.

Сведения об авторе: Керимов Руслан Джаванширович, кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии, доцент.

About the author: Kerimov Ruslan Dzhanvashirovich, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Chair of the German Philology, Assistant Professor.

Место работы: Кемеровский государственный университет.

Place of employment: Kemerovo State University.

Контактная информация: 650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6, кор. 6, к. 6412.
e-mail: kerimovrus@mail.ru.

В современном языкознании проявляется стабильный повышенный интерес к вопросам функционирования метафоры в сфере политики, обусловленный как интенсивным развитием лингвокогнитивной парадигмы и концептуальной метафорологии [Будаев, Чудинов 2008: 4], затрагивающими область социополитической коммуникации, так и «внешними факторами — бурным развитием информационных технологий, возрастающей ролью средств массовой информации, тенденцией к глобализации. Многочисленные исследования сосредоточены на том, какие метафоры используют политики и журналисты разных стран и как это влияет на общественное сознание и политическую жизнь» [Скребцова 2011: 50].

В предыдущем номере «Политической лингвистики» уже поднимался широкий круг вопросов, связанных с определением и установлением объемов понятий «социально-политическая коммуникация» и «когнитивный сценарий», а также была представлена типология первых двух (из всего пяти) когнитивных сценариев общественно-политической жизни

современной единой Германии [Керимов 2014б, см. также обзорную работу по данной проблематике: Керимов 2014а].

Следует отметить, что данные понятия уже функционируют в терминологическом аппарате современных дискурсивных, когнитивных и политлингвистических исследований, причем преимущественно в различной авторской интерпретации, без какой-либо одной трактовки или хотя бы общепринятого подхода к их дефинированию и употреблению.

Необходимость существенного уточнения терминов «политическая коммуникация» и «когнитивный сценарий» появилась при теоретической разработке и практическом языковом анализе корпуса современной немецкоязычной политической метафорологии (периода первых 15 лет существования объединенной Германии (1990—2005)) [Керимов 2012 и 2013].

Практические и теоретические изыскания в области политического дискурса показали, что при обширном охвате языкового и речевого материала рамки политдискурса слишком узки, в связи с чем за его границами остается суще-

ственный пласт социально маркированной лексики, фразеологии и паремииологии, а также конвенциональных метафор и многих общекультурных общественно-социальных символов, которые в полной мере можно отнести к вербальному уровню политической культуры, но которые в данный период времени не являются в ФРГ дискурсивно активными ввиду различных интра- и экстралингвистических факторов, как например, семантической неопределенности или, наоборот, полисемичности, строгой дистрибутивной ограниченности и низкой лексической валентности, синонимической конкуренции (употребления более востребованного синонима); политической неактуальности в данных социальных условиях, невнимания со стороны языковой моды и пр. В этом случае эмпирическим материалом лингвистического анализа выступает более широкое, социально ориентированное пространство политической коммуникации. Политическая коммуникация трактуется как «речевая деятельность, ориентированная на пропаганду тех или иных идей, эмоциональное воздействие на граждан страны и побуждение их к политическим действиям, для выработки общественного согласия, принятия и обоснования социально-политических решений в условиях множественности точек зрения в обществе» [Чудинов 2005: 13]. При этом политическая коммуникация выступает одной из сфер общественных коммуникаций, помимо нее также ведущими в лингвокультуре являются, например, ⁹³ «финансовая, юридическая, производственная, медицинская, научная, педагогическая, религиозная, бытовая, сфера массовой коммуникации и сфера искусств», которые «противопоставлены друг другу по целям общения» [Чудинов 2005: 43].

У политической коммуникации главная функция — «борьба за политическую власть: политическая коммуникация призвана оказать прямое или косвенное влияние на распределение власти (путем выборов, назначений, создания общественного мнения и др.) и ее использование (принятие законов, издание указов, постановлений и др.). Политическая коммуникация отражает существующую политическую реальность, изменяется вместе с ней и участвует в ее создании и преобразовании» [Чудинов 2013: 10].

Таким образом, политическая коммуникация охватывает широкий вербальный пласт социальной реальности и включает в себя в том числе политический дискурс. Некоторые авторы при исследовании речевых механизмов (например, манипулятивного воздействия) считают дискурсивный компонент основным в процессе общественной коммуникации, поскольку «именно дискурсивный подход к сфере политической коммуникации представляется особенно плодотворным, потому что он задает тот ракурс исследования, который позволяет осмыслить

важную, сущностную сторону этой области функционирования языка — специфику осуществляемой в ней концептуализации мира, порождающей широкий спектр форм манипулятивного воздействия» [Михалёва 2005: 7].

При комплексном рассмотрении метафорической системы вербальное пространство политической культуры сегментируется на три элемента, выступающие одновременно и источником, и сферой функционирования метафорических образов: узуальный (социально-маркированный словарь), традиционный (конвенциональные лингвокультурные символы) и дискурсивный (политическая речь и публицистика), которые в совокупности составляют собственно социально-политическую коммуникацию, где первый компонент — «социальный» — указывает также на включение в эту область общественно-социальной, профессиональной и экономической деятельности отдельного человека (семьи, группы, класса) как реализации общественных отношений в повседневной частной жизни граждан. Подобную организацию структуры социально-политической коммуникации (если вынести за скобки нерегулярный второй компонент — традиционную лингвокультурную символику), как уже отмечалось, можно соотнести даже с классической трихотомией Ф. де Соссюра «язык — речь — речевая деятельность» [Керимов, Федянина 2014: 158].

Понятие когнитивного сценария в современных лингвокогнитивных исследованиях очень размыто, и оно не получило широкого распространения в политической лингвистике. Так, например, М. В. Пименова, исследуя концептуализацию чувств в русском языке, понимает сценарий как событие, разворачивающееся во времени и/или пространстве, предполагающее наличие субъекта, объекта, цели, условий и причин возникновения, времени и места действия, когда событие обусловлено причинами, послужившими к его появлению [Пименова 2003: 58], и определяет его как «совокупность объединенных временными и причинными связями признаков, описывающих упорядоченную во времени последовательность стереотипных событий. Такие структуры знаний обеспечивают адекватную когнитивную обработку стандартных ситуаций» [Пименова 2003: 109]. В данном случае сценарий предстает в качестве одной из методик исследования и моделирования структуры ментального концепта [см. также: Пименова 2009].

В свою очередь, З. Д. Попова и И. А. Стернин рассматривают сценарий («скрипт») как одну из динамических разновидностей концепта, т. е. «отражение в сознании целостных последовательностей нескольких эпизодов во времени; это стереотипные эпизоды с признаком движения, развития; фактически это фреймы, разворачиваемые во времени и пространстве как последовательность отдельных эпизодов, этапов, элементов» [Попова, Стернин 2003: 7].

И. Ю. Колесов при изучении проблем концептуализации и языковой репрезентации зрительного восприятия (на материале английского и русского языков) также использует понятие когнитивного сценария, который входит в систему структуризации знаний о мире, а его связь с другими концептуальными процедурами автор определяет согласно следующей схеме: «Картина мира (фрагмент) > ментальная репрезентация > когнитивная сцена > пропозиция» [Колесов 2008: 123], где когнитивная сцена — «результат концептуализации образа предметной ситуации, роль которой — в „планировке“ определенного содержания мысли о предметной ситуации и выборе ракурса ее репрезентации, в выделении смысловой основы значения»; в когнитивной сцене «отражена познанность говорящим „положения дел“, интерпретируется знание о типичной ситуации (прототипе); другими словами... это определенный профиль, *ракурс концепта*» [Колесов 2008: 120]. Как считает ученый, «отраженная в пропозиции ментальная репрезентация называется... когнитивной сценой ввиду того, что поверхностная (синтаксическая) структура предложения соотносена знаковым образом не со знанием о типичном событии в полном его объеме — концептом (где уже не является существенным фактор восприятия и осознания события), и не с самим событием в мире, а с отдельной версией познания лишь одного из таких событий, что составляет сущность процесса концептуализации того, что говорящий знает о денотативной ситуации» [Колесов 2008: 121]. Когнитивная сцена анализировалась также на материале художественной литературы как элемент архитектоники текста [Кузьминых 2013].

Применительно к социально-политической коммуникации когнитивный сценарий можно рассматривать как сегментирование (таргетирование) сферы-мишени (в классической трактовке Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Лакофф, Джонсон 2008; см. также: Jäkel 1997; Kövecses 2002; Schwarz 1996]) «Политика» (в самом широком ее понимании), являющейся областью проецирования для метафорических образов [Чудинов 2001; Liebert 1992; Rigotti 1994]. При этом когнитивный сценарий подразумевает метафорическую репрезентацию некоторой стереотипной ситуации, системы отношений, социальной структуры, положения вещей в мире, государстве, обществе, частной жизни гражданина, истории, культуре, экономике, науке и культуре, государственных институтах и властной элите. При описании в рамках определенного исследования только одного, как правило, крупного сегмента социальной реальности сценарность не используется, так как в подобных случаях нет системы объектов описания, а один обширный референт всегда представляет собой сложно упорядоченное и разнородное множество реляций, не сводимых

к каким-либо одноуровневым схемам. Так, например, сферу-мишень (область-магнит) метафорической экспансии может представлять некоторый пространственно-временной и/или социально-культурный континуум: СССР/Россия [Пшенкин 2006], постсоветская действительность [Будаев 2007]; Россия [Будаев 2009; Будаев, Ворошилова, Дзюба и др. 2011: 220—246; Керимов 2010; Чудинов 2001, 2013: 121—128], Германия [Керимов 2005, 2006; Куданкина 2005], Европа [Керимов 2005; Musolff 2000] и т. д. или определенное историческое событие, как, в частности, война в Югославии в 1990-х гг. [Чудинов 2006: 174—180], мировой финансовый кризис 2008 г. [Салатова 2013] и др. (см. также обзор сфер-мишеней современной политической метафористики в монографии: [Будаев, Чудинов 2006: 123—128]).

А. Н. Баранов и Ю. Н. Караулов в своем «Словаре русских политических метафор» представляют как сферы-источники русскоязычной политической метафористики (раздел 1 — «Метафорические модели политической реальности») [Баранов, Караулов 1994: 1—86], так и сферы-мишени для метафорических образов (раздел 2 — «Мир политики в зеркале метафор») [Баранов, Караулов 1994: 87—306]. Учитывая лексикографический характер своей книги, авторы для дифференциации исходных и конечных понятийных областей используют термины «сигнификативный дескриптор» и «денотативный дескриптор»: «Оппозиция сигнификативного измерения (метафорической модели) и денотативного измерения (область объектов метафорического осмысления) была выбрана для образования системы координат лексикографического описания... Из сказанного ясно, что в первой части словаря — „Метафорические модели политической реальности“ — собраны наиболее частотные метафорические модели, используемые в русском (или, если угодно, русскоязычном) политическом дискурсе. Здесь можно найти метафорические модели ПЕРСОНИФИКАЦИИ, ПУТИ, ТРАНСПОРТНОЕ СРЕДСТВО и др. Вторая часть — „Мир политики в зеркале метафор“ — содержит словарные статьи, в которых конкретным реалиям политической жизни сопоставлены продуктивные и непродуктивные метафорические модели, обнаруженные в имеющемся материале — текстах современной публицистики» [Баранов, Караулов 1994: VI—VII]. Во втором разделе словаря описываются домены-мишени российского политического дискурса — «Власть», «Государство», «Диктатура/тоталитаризм», «Идеология», «Политика», «Политическая деятельность», «Политические лидеры и вожди», «Рынок» и «Субъекты политической жизни», причем каждая понятийная область делится на субсферы (ситуации): так, например, у «Власти» представлены «виды власти», «борьба за власть», «передача/смена власти» и «дисфункция власти»; у «Государства» реализуются «функции

государства» и «государственные структуры»; у «Политики» — «политическая ситуация», «политическое событие» и «политические проблемы» и т. д.

Также в политлингвистических исследованиях при описании метафорической репрезентации конкретных исторических событий иногда используется термин «нарратив».

По мнению Е. И. Шейгал, политический нарратив «является специфическим способом опредмечивания образа мира политики, существующего в сознании языковой личности»; это «совокупность дискурсных образований разных жанров, сконцентрированных вокруг определенного политического события», также «помимо собственно событийного аспекта в нем находят отражение основные категории мира политического: субъекты (агенты) политики, политические ценности и диспозиции, политические действия и стратегии» [Шейгал 2004: 269]. Таким образом, важными признаками политического нарратива будут ситуативность и временная протяженность, многоплановость и полиадресантность: «Для политического нарратива характерна множественность изложения (множественность повествователей) и протяженность во времени... обусловленная, во-первых, тем, что сам жизненный сюжет может быть не завершен и развиваться на глазах у повествователей, и во-вторых, тем, что сюжет оказывается настолько общественно значим, что его переживание растягивается во времени, стимулируя соответствующую коммуникацию. Разновидностями политического нарратива являются такие сложные коммуникативные события, как избирательная кампания, кампания протеста...» [Шейгал 2004: 270].

Главное отличие политического нарратива от политического сценария состоит в том, что нарратив — это «порождение» и неотъемлемая часть политического дискурса, нарратив не принадлежит всему политическому языку, так как он реконструируется только по материалам публицистики и «живой» политической речи. Нарратив испытывает сильное воздействие текущей политической ситуации, поэтому количество и частотность метафорических моделей каждого конкретного политического нарратива не соотносятся с таковыми показателями узуального пласта социально маркированной лексики. Научную ценность при комплексном рассмотрении всего корпуса политической метафорики может представлять сопоставительный анализ узуальных и дискурсивно-нарративных свойств политических текстов, включающий в себя в том числе и таксономию коммуникативно-языковых группировок метафор в каждом сегменте социальной коммуникации.

Нарративные исследования в политической лингвистике, посвященные выборам и другим социально значимым событиям, получили широкое распространение в XXI в., но при

этом только некоторые работы содержат в своем заглавии термин «нарратив» [ср., напр.: Ряпосова 2002 vs. Веснина 2010; Ворожцова 2007; Иванова 2007; Каслова 2003; Салатова 2013; Солопова 2006; Таратынова 2012].

Термин «когнитивный сценарий», детерминирующий всю современную социально-политическую коммуникацию, представляется удачным, поскольку в семантике слова «сценарий» присутствуют семы предопределенности, распределения ролей, планирования действий. В политике все решения принимаются скрыто от широкой публики, «за кулисами» недоступных простым гражданам властных кулуаров, а общественности преподносятся уже готовые, прописанные кем-то (государством, правительством, партией, олигархами и т. д.) решения; лоббирующим силам при этом предписываются «роли». Сценарии общественной жизни концептуализируют социальную действительность, они постоянны, меняются в них только субъекты, объекты, реляции, исторические события и их оценка властной элитой и идеологий государства. Сценарий реализуется в некоторых типических ситуациях, сценах.

В современной немецкоязычной социально-политической коммуникации выделяются пять базовых сценариев партийно-политической и общественной жизни современной единой Германии (1990—2005) [Керимов 2014б: 130]:

- Сценарий 1. «Политические процессы в мире» (3 сцены).
- Сценарий 2. «Государственные институты ФРГ» (10 сцен).
- Сценарий 3. «Партийно-политическая жизнь ФРГ» (5 сцен).
- Сценарий 4. «Общественная жизнь Германии» (6 сцен).
- Сценарий 5. «История государства и общества» (5 сцен).

В предыдущем номере «Политической лингвистики» представлен подробный обзор первых двух немецкоязычных политических сценариев («Политические процессы в мире» и «Государственные институты ФРГ») [Керимов 2014б]. Далее предлагается рассмотрение трех оставшихся когнитивных сценариев, с использованием (для удобства и структурной целостности) общей сквозной нумерации с учетом уже ранее рассмотренных первых двух.

СЦЕНАРИЙ 3. «ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ФРГ»

В политической жизни современной единой Германии самую важную роль играют политические партии, которые в конкурентной борьбе через выборы делегируют своих представителей на всех уровнях (федеральном, земельном, региональном, коммунальном) в законодательные (бундестаг, земельные парламенты) и исполнительные (федеральное правительство во главе с канцлером, земельное правительство во главе с премьер-министром)

органы государственной власти, а также на пост формального главы государства — Федерального президента (который, правда, после утверждения в должности по закону обязан покинуть свою политическую партию).

В связи с этим межпартийная конкуренция является ключевым фактором всех общественно-политических процессов, протекающих в ФРГ, что также делает данную область активной целью для метафорических высказываний как однопартийцев, так и политических оппонентов. На основе анализа актуального корпуса антропоморфной метафоры были смоделированы пять базовых сцен данного сегмента понятийной сферы-мишени, представляющих ключевые действующие силы в партийно-политической жизни Германии: правительство (формируется победившей на выборах в бундестаг партией или коалицией партий), оппозиция (ее образуют проигравшие на выборах или не вошедшие в коалицию партии), представители своей партии/фракции (в парламенте) и политические оппоненты, а также различные реляции и реалии внутрипартийной жизни и межпартийной борьбы.

Актуальность вопросов внутрипартийных отношений объясняется тем, что в германской политической системе существует традиция так называемой свободы совести, когда любой депутат имеет право голосовать так, как считает нужным, высказывать свои собственные взгляды на обсуждаемые проблемы, не считаясь с тем, что ему предписывает в каждом конкретном случае его партия. Именно данное противоречие между традиционной свободой самостоятельного выбора позиции и навязыванием общепартийного взгляда создает почву для разногласий, скандалов, политического торга и переговоров.

Наконец, сцена «политическая деятельность» охватывает обобщенную сферу активной общественной деятельности гражданина, в той или иной степени связанной с политикой, но напрямую не указывающей на конкретную партийную принадлежность социально активного гражданина.

СЦЕНА 3.1. «ПРАВИТЕЛЬСТВО»

При метафорическом представлении деятельности правительства в социально-политической коммуникации в целом можно отметить две тенденции: положительную самооценку членами правительства своей работы и критику решений правительства со стороны оппозиции. В единой Германии (с 1990 г.) до 1998 г. у власти была коалиция партий ХДС/ХСС и Свободной демократической партии (во главе с канцлером Гельмутом Колем), а в 1998—2005 гг. правительство составляла коалиция СДПГ и Партии зеленых (во главе с Федеральным канцлером Герхардом Шрёдером).

Правительство, говоря о своей деятельности, часто создает впечатление о проведении

успешных экономических реформ и равномерном развитии страны:

- *Die Bundesregierung ist dieses Problem mit der Rentenreform umfassend und aktiv angegangen. Wir haben in diesem Zusammenhang mit dem Altersvermögensgesetz erstmals die ergänzende Kapitaldeckung für die Altersvorsorge eingeführt. Das ist ein Quantensprung für Deutschland und ein wichtiger Beitrag zur Zukunftssicherung* [Müller 2003];

- *In der Wirtschafts- und Finanzpolitik müssen wir jetzt klaren Kurs halten und die Politik für mehr Beschäftigung am Standort Deutschland entschlossen fortsetzen* [Waigel 1998: 3].

Депутаты от правящей коалиции ХДС/ХСС и СвДП высоко отзывались о работе своего однопартийца Федерального канцлера Г. Коля, представляя его фигуру как «скалу у прибоя», «лоцмана» и акцентируя внимание на его политической твердости и опыте, ср.: *Gebraucht werden Welterfahrung, klare Führung, Verlässlichkeit — kurz: ein Fels in der Brandung, ein Lotse, kein Segel, das sich nach jedem Lüftchen dreht, — Das ist Helmut Kohl* [Waigel 1998: 4].

Критика оппозицией действующего правительства заключается в описании якобы негативных, «разрушительных» последствий принимаемых решений для экономики страны, отсутствии политической воли, незнании текущей ситуации, для чего используются яркие метафорические образы с негативной оценкой:

- *In welches Bundesland wir auch schauen, die Bilanz der sozialdemokratischen Wirtschaftspolitik ist verheerend* [Friedhoff 1998: 4].

- *Kohl ist demnach „am Ende seines Lateins“, weil er es versäumt habe, den Bürgern die Wahrheit zu sagen* [BZ 1995].

- *Schröder ist für den Schmusekurs mit den Unternehmen zuständig, die zuvor von Lafontaine geschöpft worden sind* [Waigel 1998: 4].

Также критика может состоять в дискредитации правительства путем подтасовки фактов, высвечивания одного из аспектов работы, разоблачения, для чего, например, в следующих случаях манифестируются религиозная и волшебномифологическая метафорика: *Innovationen und Arbeitsplätze: Die Bundesregierung singt immer wieder das Hohelied von Spitzentechnologien und Millionen von Arbeitsplätzen* [Kiper 1998: 4]; *Nun hat die Bundesregierung kurz vor der Wahl ein Füllhorn zusätzlicher ABM-Gelder ausgeschüttet, um mit scheinbaren Erfolgen am Arbeitsmarkt aufwarten zu können* [Luft 1998: 4].

В социально-политической коммуникации иногда встречаются ситуации, когда в ходе дебатов в бундестаге депутаты от противоположной фракции используют метафорические контексты своих оппонентов, придавая им ироничный и/или негативный смысл, в том числе путем домысливания (дистраивания) чужого образа в невыгодном для автора данного высказывания свете или делая другие выводы из актуального смысла: *Sehen Sie, auch das erspa-*

ren Sie mir jetzt nicht: Wenn Sie Helmut Kohl als Weltklasse plakatierten und ihn zum Stabilitätsanker erklären, dann möchte ich sagen: Kohl muß weg [Lafontaine 1998: 5].

При дискредитации персоны канцлера Германии Г. Коля у его оппонентов была популярной шутка, построенная на игре слов с участием фамилии Коля. Дел в том, что его фамилия «Kohl» созвучна перфектному причастию «verkohlt» от глагола «verkohlen», имеющего прямое значение «обугливать, превращать в уголь» и уже зафиксированное в словаре переносное значение «поддразнивать (кого-л.); подтрунивать (над кем-л.); обманывать, водить за нос (кого-л.)». В контексте высказывания якобы негативные последствия правления в Германии канцлера Г. Коля как раз обозначаются глаголом «verkohlen» («обугливать (что-либо)», «сжигать»), характеризую время правления Г. Коля с 1982 г. по 1998 г. как «16 „обугленных“ лет»: *16 „verkohlte“ Jahre auf dem Arbeitsmarkt lassen sich eben nicht einfach ausradieren, vor allem dann nicht, wenn die Staatsfinanzen so wie in den letzten Jahren heruntergewirtschaftet wurden* [Ostertag 1998: 8].

СЦЕНА 3.2. «Оппозиция»

В свою очередь, правительство с трибуны парламента активно критикует оппозицию, в том числе, точно так же как и сама оппозиция правительство, голословно. Федеральное правительство обычно обвиняет оппозицию в нежелании сотрудничать, «пустых» лозунгах, неконструктивной критике, распространении паники среди населения, излишнем пессимизме, при этом используя яркие религиозные, музыкальные, гастрономические образы:

- *Aber wir brauchen heute keine Chilisten und Eschatologen, keine Untergangsstrategen und Pessimismus-Philosophen, die alles schlechtmachen und negativ bewerten, sondern eine begründete Philosophie, mit der wir den Menschen sagen können, daß wir die Arbeitslosigkeit vermindern* [Geißler 1998: 9];

- *In dieser Debatte wurde von der Opposition aber nur dröge Mäkelei geboten, von ihr ging keine Faszinationskraft aus, und die Fanfarenstöße fehlten* [Riesenhuber 1998: 8];

- *Ich sage Ihnen eines: Die Opposition hat nur Nebel verbreitet, ihre Rezepte stammen aus den 70-er Jahren, auch wenn Sie sie mit dem Gewürz „Umwelt“ ein bisschen aufpeffern und Sie sie außerordentlich mit dem Wort „Gerechtigkeit“ verzuckern* [Babel 1998: 6].

Критика оппозиции может состоять и в отклонении ее предложений по обсуждаемым проблемам, как это эксплицируется в следующем отрывке, где задействуется выражение „j-n, etwas in den Orkus schicken / stoßen / befördern“ в значении „(geh.) j-n, etwas vernichten, beseitigen“ [DGWDS]: *Dieses Kombinationsmodell muß in den Orkus* [Metzger 1998: 8].

Иногда министры действующего правительства нелестно отзываются об оппозиции,

которая, находясь у власти до этого правительства, делала всё неправильно, оставив после себя «тяжелое наследие», с которым пришлось разбираться уже новому правительству, ср.: *Am Ende Ihrer Regierungszeit waren es noch ganze 340.000 junge Leute, weil Sie trotz der Inflationsrate die Grundlagen für die Anspruchsberechtigung nicht verändert haben. Das war Investitionsstau, das war unterlassene Zukunftsvorsorge* [Eichel 2003].

Правительство также со своей стороны дискредитирует оппозицию и ее якобы пустые обещания: *Das Schicksal der Arbeitslosen war ihnen egal. Sie wollten die Wahl auf dem Rücken der Arbeitslosen gewinnen* [Rüttgers 1998: 5].

СЦЕНА 3.3. «ВНУТРИПАРТИЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»

Внутрипартийные отношения редко становятся предметом дискуссии, особенно со стороны официальных лиц, и, как правило, в контексте риторики о необходимости развивать и совершенствовать политическую систему Германии. Так, президент Й. Рау, который до своей инаугурации был членом СДПГ, делился своим мнением о том, что в СДПГ всё реже учитываются интересы верующих и немецкой церкви, в связи с чем используется образ «желобка для дождевой воды» („das Rinnsal“): *Dieser religiöse Sozialismus ist in der Sozialdemokratie aber ein ganz dünnes Rinnsal gewesen* [Rau 2000: 296].

К данной тематике относятся реалии повседневной деятельности немецких партий, описываемые в средствах массовой информации:

- *Auf dem Wahlparteitag ... hätte die SPD Zeit, über Reformen zu diskutieren. — Das werden wir tun. Ich hoffe, dass wir es schaffen, ohne unfruchtbare Konflikte sozialverträgliche neue Wege zu gehen* [BZ 2001].

- *„Wir stehen insgesamt auf dem Prüfstand“, sagte er vor vier Wochen auf einem CDU-Parteitag in Gießen... [ND 2001].*

СЦЕНА 3.4. «МЕЖПАРТИЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»

Межпартийные отношения, в отличие от внутрипартийных, являются в социально-политической коммуникации очень насыщенной темой для обсуждений, причем как самими субъектами партийно-политических процессов, так и третьими лицами, что связано с тем, что именно партии борются за власть и делегируют своих представителей на важнейшие государственные должности при победе на выборах.

Федеральный президент Й. Рау относился к острой межпартийной борьбе как к «идеологической окопной войне», в которой он не хотел участвовать: *Es ist nicht meine Aufgabe, mich an parteipolitischen Grabenkämpfen zu beteiligen* [Rau 2001b: 409].

Также Й. Рау отмечал, что в последнее время в Германии между партиями стираются идеологические границы и все партии начина-

ют походить друг на друга, уподобляясь неким «партийным холдингам»: *Wenn sich die Parteien nur noch durch die Köpfe an ihrer Spitze, durch die Gestaltung ihres Internetauftritts und die Farben ihrer Wahlplakate unterschieden, dann waren wir auf dem Weg zu einer Art Parteien-Holding, deren Teile nach außen unterschiedlich auftreten, aber ein gemeinsames Unternehmensinteresse haben* [Rau 2002b: 638].

Помимо этого, президент ФРГ призывал политиков внимательно слушать и понимать друг друга, а не только говорить о своих требованиях и проблемах, что образно представлено как посещение семинаров по обучению правильному слушанию („Zuhörerseminare“) вместо обучения ораторскому искусству („Rednerschule“): *Ich glaube, dass wir Politiker und gesellschaftlich Handelnde brauchen, die die Gabe des Zuhörens haben, und die erst antworten, wenn sie zugehört haben. Darum habe ich früher gesagt, wir sollten nicht in Rednerschulen gehen, sondern auf Zuhörerseminare, damit die Menschen wirklich das Gefühl haben, dass ihre Sachen vertreten wird und nicht nur Menschen sich darstellen, die ein politisches Mandat haben* [Rau 2001b: 364—365].

В германских СМИ часто обсуждаются взаимоотношения не только между главными антагонистами на политической арене Германии: партией ХДС/ХСС и СДПГ, но и внутри коалиций ХДС/ХСС и СвДП, СДПГ и Партии зеленых, где также случаются конфликты интересов и идеологические расхождения: *Die Grünen waren sehr viel realistischer. Ein „Ritt über den Bodensee“ werde das Regieren mit diesem schwierigen Partner SPD... Dennoch wollen die Grünen den Schritt in die Regierung mit einer SPD wagen...* [Welt 1998].

С другой стороны, СМИ часто разоблачают сговор партий, которые порой действуют не во благо граждан Германии, а в угоду собственным интересам, что выражается в следующих контекстах устойчивым сочетанием „mit j-m vom selben Teller essen“ в значении „gemeinsam handeln, vorgehen“ [CUGWDR] и известной посылкой латинского происхождения („Manus manum lavat“): *Sollte allerdings die CDU über den Wahltag hinausdenken und labile Verhältnisse verhindern wollen, müsste sie aufhören mit dieser Misstrauenskampagne. Sie will schließlich mit ihrem Koalitionspartner weiter vom selben Teller essen. Weil sie es müssen wird* [Tagesspiegel 1999]; *Als die PDS-Fraktion im vergangenen Jahr dem Haushaltsposten „Verfassungsschutz“ nicht zustimmen wollte, hatte Gysi, als der Morgen graute, die Mehrheit für Hoppner organisiert. Dafür werden auch die Interessen der PDS in Sachsen-Anhalt berücksichtigt und in konkrete Politik umgesetzt — eine Hand wäscht die andere* [Spiegel 1995].

Следует отметить, что коалиции партий иногда получают метафорическое обозначение, которое сначала функционирует как традиционное, а потом уже попадет в словарь,

узализируясь. Так, правящая коалиция 1998—2005 г. в составе трех партий именовалась „die Ampelkoalition“ (букв. «светофорная» коалиция), что явилось следствием переосмысления цветообозначений этих партий (красный — СДПГ, желтый — СвДП, зеленый — «Зеленые»), которые как раз и составляют три цвета светофора, причем это слово отмечено и в толковых словарях. Этот образ получил дальнейшее развитие, и, например, переговоры этих трех партий получили обозначение „Ampelgespräche“.

СЦЕНА 3.5. «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ»

В данном фрагменте сферы-мишени антропометафорической экспансии описываются как ситуации выбора политической партии, так и процессы иной общественной деятельности, связанной со сферой политики, но при этом партийно не детерминированной.

Так, например, в немецкоязычной социальной коммуникации представлен ряд узальных устойчивых выражений со значением неверного (для карьеры) выбора (партии) с использованием образов разных исходных понятийных сфер:

- „das falsche Gesangbuch haben“ — „eine der Karriere nicht förderliche Parteizugehörigkeit haben“ [CUGWDR] (букв. «выбрать не ту псалтырь»);

- „aufs falsche / richtige Pferd setzen“ — „(ugs.) die Lage falsch / richtig einschätzen und entsprechend handeln“ [DGWDS] (букв. «сесть не на ту / на ту лошадь»).

При этом можно пытаться угодить двум партиям, как это эксплицируется, например, в следующих устойчивых выражениях: „zwischen zwei Stühlen sitzen“ — „es sich mit beiden (streitenden) Parteien verscherzt haben“; „auf beiden [auf zwei] Schultern Wasser tragen“ — „zwei Parteien gleichzeitig gerecht werden (wollen)“ [CUGWDR]. Либо, наоборот, можно показать свою нелояльность кому- / чему-либо: „j-m die kalte Schulter zeigen“ — „sich gegenüber j-m abweisend verhalten“ [CUGWDR]: *Konrad Weiß zeigt CDU die kalte Schulter...* [BZ 1991].

Политическая деятельность является важной для общества и государства, в связи с чем Й. Рау именовал ее «политическим ремеслом» („der Politikbetrieb“): *Die immer kürzeren Formate in den Medien fördern den Trend zur Personalisierung politischer Vorgänge. Das bedeutet für den Politikbetrieb und für das Funktionieren seiner Institutionen viel* [Rau 2001b: 419].

Ситуация управления, осуществления властных полномочий представлена в устойчивых выражениях из техногенной сферы (как управление механизмом) и театральной среды (сравнение с кукловодом, который управляет куклой): „alle Hebel ansetzen [in Bewegung setzen]“ («(перен.) пустить в ход все средства, привести в действие все рычаги»); „am Drücker sitzen [sein]“ («быть у руля; заправлять чем-либо»); „Er hält die Faden dieses Unternehmens

in seiner Hand (букв. «Все нити этого предприятия в его руках»).

Глагол „betreiben“ («заниматься (чем-либо)»); в технологической области имеет значения «приводить в движение [в действие]; эксплуатировать», но может проецироваться в сферу абстрактного, ср.: «вести, проводить (политику, кампанию и т. п.); преследовать (цель); хлопотать (о чем-либо), ускорять (что-либо)», например: „einen Prozess betreiben“ («вести тяжбу [судебное дело]»); „eine Heirat betreiben“ («вести дело к женитьбе»); „das Wehrwesen betreiben“ («проводить гонку вооружений»); „eine gemeinsame Politik betreiben“ («проводить общую политику»). В швейцарском варианте немецкого языка глагол „betreiben“ имеет также значение «платить налоги» [CUGWDR].

Интересными представляются введенные еще К. Марксом образы «базиса» („die Basis“) и «надстройки» („der Überbau“), которые составляют структуру общества. Слово «базис» получило дальнейшее «политическое» развитие и стало обозначать еще «членов партий, профсоюзов, движений и пр.»: „die Basis“ — „5. b) die Mitglieder einer politischen Partei, einer Gewerkschaft, Bewegung, die nicht zur Führung gehören“ [DGWDS], например: „die Zustimmung der Basis einholen“.

СЦЕНАРИЙ 4

«ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ГЕРМАНИИ»

Реалии общественной жизни в Германии занимают весомое место в социально-политической коммуникации ввиду высокой степени развитости гражданского общества и чрезвычайно активной социальной позиции немецких граждан. В данном сценарии можно выделить 6 базовых когнитивных сцен, охватывающих актуальные сегменты общественного ландшафта современной ФРГ: общественные отношения, куда относятся социальные значимые политически и партийно недетерминированные реляции внутри общества между его гражданами; социальный статус (чаще всего определяемый финансами); описание социально обусловленных аспектов жизнедеятельности человека, а также некоторые реалии профессиональной, экономической и асоциальной деятельности рядового гражданина.

СЦЕНА 4.1. «ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ»

К данной сцене причисляется репрезентация социально значимых отношений на общественном уровне: различные межличностные социальные связи, социальная иерархия, исполнение руководящих функций и пр.

Специфика данного фрагмента такова, что здесь представлены социально значимые действия отдельного гражданина, вне какой-либо политической и партийной детерминированности, поэтому общественные отношения в социально-политической коммуникации манифестируются преимущественно узуальными образами.

Так, ситуация контроля (над кем-/чем-либо) отражается в ряде выражений с ключевым именем „der Finger“: „seinen [den] Finger drauf haben“, „j-m auf die Finger sehen [schauen/gucken]“, „den Finger am Drücker haben“ [CUGWDR] («иметь власть [решающий голос]»; букв. «держат палец на кнопке»).

Номинация „das Horn“ («рожек, корнет») представлена в устойчивых выражениях со значением «быть с кем-то одного мнения», «поддерживать чье-либо мнение»: „ins gleiche [dasselbe] Horn blasen [stoßen / tuten]“ — „mit j-m der gleichen Meinung sein; j-n in seiner Meinung unterstützen“ [CUGWDR] (букв. «дудеть в одну и ту же дудку»).

Надменное, высокомерное отношение к окружающим актуализируется при использовании (в непрототипической функции) образа лошади, что имеет под собой историческую подоплеку, связанную с тем, что в Средние века и вплоть до Нового времени аристократы (а, соответственно, и богатые люди) могли себе позволить ездить на лошадях и таким образом смотреть на представителей других, в социальном отношении более низких/бедных классов (крестьянство, бюргерство) как бы (находясь верхом) сверху вниз, что нашло отражение в следующей идиоме, описывающей данную ситуацию в том числе наоборот — если слезть с лошади, то перестаешь на всех смотреть свысока: „sich aufs hohe Ross setzen“ — „eine hochmütige, überhebliche Haltung annehmen“ [DGWDS]; „auf dem/[s]einem hohen Ross sitzen“ — „hochmütig, überheblich sein“ [DGWDS]; „von seinem hohen Ross herunterkommen/-steigen“ — „seine hochmütige, überhebliche Haltung aufgeben“ [DGWDS].

Лексема «карман» („die Tasche“) в составе устойчивых сочетаний также может выражать проявление преимущества, власти над кем-либо/чем-либо (то есть кого-то как вещь кладут в свой карман) или получения чего-либо (что уходит в свой карман как некий предмет): „j-n in die Tasche stecken“ / „j-n in der Tasche haben“; „etwas (schon) in der Tasche haben“ — „etwas mit Sicherheit bekommen werden; etwas schon haben“ [CUGWDR]; „Du hast das noch nicht in der Tasche“ («Ты это ещё не получил»; букв. «это у тебя еще не в кармане»).

Ситуация отстранения кого-либо от должности (отправки в отставку), разрыва личных отношений связана с образом «запасного (железнодорожного) пути (отстойного сортировочного пути)» („das Abstellgleis“) в следующих идиомах:

- „j-n aufs Abstellgleis schieben“ — „j-n seines Einflusses, seines Wirkungsbereiches berauben“ [CUGWDR]: „Er wurde aufs Abstellgleis geschoben“;

- „aufs Abstellgleis kommen“ — „seines Einflusses, seines Wirkungsbereiches beraubt werden“ [CUGWDR].

Устранение оппонентов (политических, экономических и др.) описывается в узуальном со-

четании „j-n an [gegen] die Wand drücken“ — „einen Konkurrenten o. Ä. rücksichtslos beiseite, in den Hintergrund drängen“ [CUGWDR] (букв. «прижать кого-либо к стене»).

В выражении с компонентом „das Gas“ („der Gashahn“) репрезентируется ситуация причинения кому-либо экономического вреда, разорения кого-либо посредством «перекрывания вентиля газопровода»: „j-m das Gas [den Gashahn] abdrehen“ — „j-n (wirtschaftlich) zugrunde richten, ruinieren“ [CUGWDR] (ср. в рус. языке: «перекрыть кому-либо кислород»).

Такое действие, как обман, в немецкоязычной социальной коммуникации объективируется метафорами волшебной тематики во фразеологизмах „das ist (ein) fauler Zauber“ («это сплошной обман»); „j-m faulen Zauber vormachen“ («морочить кому-либо голову»); „mach doch keinen (faulen) Zauber!“ («не прикидывайся!»); „den Zauber kennen wir!“ («знаем мы эти штучки!»).

Физиоморфная метафорика также активно описывает различные действия гражданина на уровне общественных отношений. Так, например, «шея» („der Nacken“) представлена в ряде устойчивых выражений как маркер силы воли:

- „einen steifen Nacken haben“ (быть упрямым; быть гордым);
- „j-m den Nacken steifen“ («подбадривать кого-либо; укреплять чью-либо волю к сопротивлению; поддерживать в ком-либо твердость духа»);
- „j-m den Nacken beugen“ («сломить чье-либо сопротивление [упрямство], покорить кого-либо; согнуть в бараний рог»);
- „den Nacken (unter das Joch) beugen“ («подчиниться, покориться; гнуть спину»);
- „j-m den Nacken ins Joch zwingen“ («покорить [поработить] кого-либо»);
- „j-m den Fuß auf den Nacken stellen [setzen]“ («поработить [подчинить] кого-либо»).

«Локти» („der Ellenbogen“), в свою очередь, также выполняют не основную (физиологическую) функцию, а служат способом занять выгодное положение в обществе, как бы расталкивая, оттесняя при этом (именно локтями) других людей: *Die kalte Logik des Marktes in allen gesellschaftlichen Bereichen kann höchstens zur Ellenbogenmentalität...* [Rau 2001b: 70].

СЦЕНА 4.2. «СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС»

Значимыми в социально-политической коммуникации являются и вопросы, связанные с социальным статусом человека, причем в немецком обществе данный критерий коррелирует не только с понятием богатства, капитала и прочих финансово-денежных маркеров, но и с внешним проявлением деловой хватки и карьерной успешности.

Социальный достаток человека концептуализируется в ряде устойчивых выражений, например „der hat aber Platten“ (букв. «у него есть пластинки»), происхождение которого объясняется тем, что в начале XX в., когда появи-

лось данное высказывание, пластинки были только у состоятельных граждан.

Образ «ложки» („der Löffel“) представлен в следующих выражениях, где она является социальным маркером и отражает переосмысление буквального и виртуального (мыслимого) действий: „mit einem silbernen [goldenen] Löffel im Munde geboren sein“ («быть родом из богатой семьи»; букв. «родиться с серебряной/золотой ложкой во рту»); „er tut, als hätte er die Weisheit mit Löffeln gegessen [gefressen]“ (разг. «он считает себя очень умным, он очень высокого мнения о своем уме, он считает себя умнее всех»).

Номинация „der Nacken“ фигурирует также при описании различных негативных качеств характера и социального статуса человека (с негативной оценочностью): „den Schalk [den Schelm] im Nacken haben“ («быть плутом [проказником]»); „ihr sitzt der Geiz [die Habsucht] im Nacken“ («она скупа [жадна]»); „er hat den Spieß im Nacken“ («его мещанская суть [мещанское нутро] дает себя знать [выпирает наружу]») и т. п.

В свою очередь, социальный недостаток и нужда могут быть представлены узуальными единицами с компонентом „der Salz“ («соль») (в Средние века соль стоила дорого, и ее могли позволить себе только состоятельные граждане): „sich nicht das Salz aufs Brot [in die Suppe] verdienen“ — „nicht in der Lage sein, so viel zu verdienen, dass es zum Leben reicht“ [CUGWDR]; „ich brauche es wie Salz und Brot“ («мне это нужно как воздух»); „nicht das Salz zur [in die] Suppe verdienen“ («не заработать даже на кусок хлеба»; букв. «не заработать даже на соль в суп»); „er hat nicht das Salz zum Brote“ («он не имеет самого необходимого, он живет в крайней нужде»; букв. «у него нет соли на хлеб»).

Следует отметить, что социальный статус человека — сущность виртуальная и определяется отношением к данному человеку со стороны общества (иногда отношение общества может и не соответствовать реальному положению дел).

Так, например, женатый мужчина может иметь статус «подкаблучника», если таковым его считают окружающие. В немецком языке образ зависимого от волеизъявления жены мужчины также реализуется текстильной метафорой, но если в русском языке задействуется обозначение составной части обуви (т. е. «находящийся под каблуком»), то в немецком эксплицируются уже «домашние туфли (без задника)» („der Pantoffel“), ср.: „unter dem Pantoffel stehen“ — „von der Ehefrau beherrscht, unterdrückt werden“ [CUGWDR], например: „Er steht unter dem Pantoffel“, „Er ist unter den Pantoffel gekommen [geraten]“.

В современной ФРГ вопросы социального статуса и деловой репутации четко регламентируются, являясь важной частью общественных отношений.

СЦЕНА 4.3. «СОЦИАЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ ГРАЖДАНИНА»

Социально значимые действия гражданина детерминируют представление различных аспектов жизни в обществе, связанных с выполнением возложенных на него обязательств, со взаимодействием с обществом и с бюрократическим аппаратом государства, с ситуацией выражения своей гражданской позиции.

Например, интересный религиозный образ, основанный на использовании имени упоминающегося в Библии римского прокуратора Иудеи Понтия Пилата („Pontius“), в разговорном языке описывает преодоление бюрократических препон, связанное с тратой времени и усилий, в выражении „von Pontius zu Pilatus laufen“ — (ugs.) „in einer Angelegenheit viele Wege machen müssen, von einer Stelle zur andern gehen bzw. geschickt werden“ [DGWDS].

Принятие социально важных решений может быть описано в том числе и метафорой поезда, который «уже ушел» или «оказался не тем, какой нужен»:

- „der [dieser] Zug ist abgefahren“ — „es ist zu spät, man kann nichts mehr ändern“ [CUGWDR] («поезд уже ушел, слишком поздно, опоздали (что-либо делать)»);

- „im falschen Zug sitzen“ — „sich für das Falsche entscheiden, sich geirrt haben“ [CUGWDR] («принять неправильное решение, ошибиться»; букв. «сидеть не в том поезде»).

К негативной, антисоциальной деятельности можно отнести и социальную пассивность гражданина, его нежелание трудиться и т. п., что в следующих идиомах передается с помощью физиологических образов: „auf der faulen Haut liegen“, „sich auf die faule Haut legen“ [CUGWDR] («лениться, бездельничать»).

СЦЕНА 4.4. «ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ»

Иногда узуальные вторичные номинации представляют профдеятельность человека (как правило, в общем, как обозначение карьерного развития, реже — касательно какой-либо конкретной профессии). Так, например, лексема „die Pike“ («пика, копье») присутствует в составе фразеологизмов, описывающих ситуацию начала карьеры с самого низа, как в армии в Средние века начинали службу простым солдатом, который воевал пикой: „etwas von der Pike auf lernen [arbeiten / anfangen]“ — „etwas von Grund auf erlernen“ [CUGWDR]; „von der Pike auf dienen“ — „eine Laufbahn auf der untersten Stufe beginnen“ [CUGWDR].

Выполнение какой-либо работы, в том числе в большом объеме, отражено в таких высказываниях, как „die ganze Arbeit liegt auf seinem Rücken“ («вся работа лежит [держится] на нем» (букв. «на его плечах»)); „Er muss tüchtig spinnen“ («Ему приходится много работать / вкалывать» (букв. «прясть (пряжу)»)).

Карьерный рост традиционно обозначается подъемом вверх по «карьерной лестнице», что

представлено и в немецком словаре: „die Treppe hinauffallen“ — „einen plötzlichen und unerwarteten (beruflichen) Aufstieg erleben“ [CUGWDR].

Наименование конкретной профессии происходит, например, в выражении с участием библейского персонажа апостола Иакова („Jakob“), имя которого (при атрибуции соответствующим прилагательным) получило в разговорном немецком языке вторичное значение «торговец дешевыми товарами», в связи с чем в переносном смысле у данного существительного даже появилась форма множественного числа, образуемая с помощью суффикса „-s“: „billiger Jakob“ — „(ugs.) Händler, bei dem die Waren besonders billig sind“ [DGWDS].

СЦЕНА 4.5. «ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ»

Экономическая деятельность отдельного гражданина связана с процессами зарабатывания и траты денег, а также с иными ситуациями, относящимися к финансам и материальным благам (покупка, продажа (чего-либо), получение наследства, дать/взять деньги (в долг) и т. п.). Экспликантами данных отношений являются, как правило, узуальные единицы, которые также могут образовывать целостные семантические поля вокруг определенного центрального образа.

Так, например, от глагола „pumpen“ («качать (насосом)») в разговорной речи появились энантиосемичные переносные значения: 1) «(bei, von Dat.) занимать, брать займы (деньги у кого-либо)»; 2) «(Dat.) одалживать, давать займы [в долг] (кому-либо)» [CUGWDR]. Второе значение глагола „pumpen“ представлено в семантике имени существительного „der Pump“ и в устойчивых сочетаниях с ним (в переносном значении): „auf Pumpen“ — „(ugs.) mit geborgtem Geld, auf Borg, auf Kredit“ [DGWDS]; „etwas **auf Pumpen** kaufen, anschaffen, bekommen, finanzieren“; „j-m etwas **auf Pumpen** verkaufen“; „**auf Pumpen** leben, konsumieren, einkaufen“; „ein Luxusleben **auf Pumpen**“; „Die Solidarpakt-Partner waren sich einig, dass die Politik **auf Pumpen** ausgereizt ist“ [Spiegel 1993, Nr. 11: 19].

Процесс зарабатывания денег своим трудом, в частности, передается также и образом «хлеба» (ср. в рус. яз.: «заработать себе на хлеб»): „(seine) Brötchen verdienen“ — „seinen Lebensunterhalt verdienen“ [CUGWDR].

Обширное семантическое поле сформировалось вокруг образа «кармана» („die Tasche“), куда, в том числе, относятся репрезентации разных финансовых операций, когда у «кармана» актуализируется функция вместилища денежных средств. Соответственно процесс «опустошения кармана» означает растрату этих денег, а «наполнение карманов», в свою очередь, подразумевает приобретение денежных средств и т. п., ср. следующие идиомы:

- „j-m die Taschen leeren“ — „(ugs.) j-m [auf hinterhältige Weise] sein Geld abnehmen“ [DGWDS];

- „sich (Dat.) die eigenen Taschen füllen“ — „(ugs.) sich bereichern“ [DGWDS];
- „j-m die Taschen füllen“ — „(ugs.) j-m zu unrechtmäßigem Profit verhelfen“ [DGWDS];
- „etwas aus eigener/der eigenen Tasche bezahlen“ — „etwas selbst bezahlen“ [DGWDS];
- „j-m etwas aus der Tasche ziehen“ — „(ugs.) j-m etwas, besonders Geld [auf hinterhältige Weise] abnehmen“ [DGWDS];
- „j-m auf der Tasche liegen“ — „(ugs.) sich von j-m unterhalten lassen“ [DGWDS];
- „tief in die Tasche greifen müssen“ — „viel zahlen müssen“ [CUGWDR];
- „in die eigene Tasche arbeiten, wirtschaften“ — „(ugs.) auf betrügerische Weise Profit machen“ [DGWDS];
- „j-m in die/j-s Tasche arbeiten, wirtschaften“ — „(ugs.) j-m in betrügerischer Weise materielle Güter zukommen lassen“ [DGWDS];
- „(sich) in die eigene Tasche arbeiten [wirtschaften]“ — „sich durch Unterschlagung bereichern; unterschlagen“ [CUGWDR].

Экономическая деятельность отдельного гражданина и/или семьи образно описывается также и конвенциональными метонимиями [см.: Федянина 2008; Керимов, Федянина 2014].

Сцена 4.6. «Асоциальная деятельность»

К аспектам асоциальной деятельности относятся ситуации взяточничества, воровства, сокрытия налогов и иные преступления, которые получили образное обозначение, преимущественно на узуальном уровне, реже — в традиционной символической и креативных конструкциях. Так, например, при описании дачи взятки используется милитарная метафора в следующем узуальном сочетании: „mit goldenen [silbernen] Kugeln schießen“ («добиваться влияния [успеха] деньгами; давать взятки»; букв. «стрелять золотыми/серебряными пулями»).

Нарушения в налоговой сфере физическими и юридическими лицами, сокрытие налогов в немецком разговорном языке вербализуется с участием религиозного компонента композитом „die Steuersünden“ (Pl.) (букв. «налоговые грехи»).

Интересный метафорический образ (на метонимической основе) связан с «белым воротничком» (англ. „white-collar“). Данная метафора калькирована в немецкий язык из английского языка, в котором сочетание „white-collar“ (по принципу бахуврихи) указывает на работников офиса (которые, помимо прочего, имеют данную часть предмета одежды, работая в костюмах), а имя прилагательное „white-collar“ обладает значением «канцелярский, конторский, относящийся к работе в офисе» [DGFW], в связи с чем преступные деяния в сфере бизнеса, совершаемые путем мошенничества, подлога и прочего, в английском языке получили наименования „white-collar crime“, „white-collar criminal“, „white-collar criminal mo-

nopoly“ [CUGWDR]. Выражение „white-collar crime“ было заимствовано в немецкий язык, причем весьма примечательным способом: первая часть, „white-collar“, была взята в неизменном виде, а вторая, „crime“, была переведена на немецкий язык, что дало в совокупности уникальный англо-немецкий композит: „die White-Collar-Kriminalität“.

Ситуации мздоимства и казнокрадства, лоббирования чиновниками своих личных и/или партийных интересов ярко эксплицируются гастрономической метафорикой, когда в социально-политической коммуникации описывается процесс поедания соответствующими чиновниками больших кусков (общественного) торта, распития шампанского и др.

СЦЕНАРИЙ 5. «ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА»

Данный сценарий является единственным, который описывает политику не в современном ее состоянии, а в исторической перспективе. При первичном изучении «исторического» сценария представлялось возможным выделить до 10 ситуативных фрагментов, но в итоге на основе анализа метафорических образов антропоморфных сфер-источников оформлены только пять актуальных когнитивных сцен, четыре из которых напрямую коррелируют с историей Германии (точнее, германских государств в разные исторические эпохи): прошлое ФРГ и Западного Берлина (1949—1990); история и политики ГДР (1949—1990); прошлое и персонала Третьего рейха (1933—1945) и истории Германии до 1933 г., куда чаще всего относятся реалии Германской империи О. фон Бисмарка (1871—1918). Пятая сцена — описание международных отношений в XX в., связанное в первую очередь с реалиями холодной войны и разделением мира на два «лагеря»: социалистический во главе с СССР (куда входила ГДР) и капиталистический (западный) под руководством США (куда относилась ФРГ). В ходе исследования не удалось выделить метафорических экспликантов, манифестирующих прошлое Евросоюза, в связи с чем можно констатировать тот факт, что данный «проект» рассматривается немцами только как всецело актуальный, непрерывный процесс. Также не были эксплицированы случаи описания и/или рассмотрения вопросов, связанных с будущим Германии, Европейского союза и мировой конъюнктуры, что указывает на прагматичность и конкретность немецкой политики, коррелирующей с целями и задачами настоящего времени и не отвлекающейся на рассуждения о виртуальном или желательном будущем.

Следует подчеркнуть, что случаи актуализации образов прошлого не являются самоцелью, а проявляются только в контексте обсуждения проблем настоящего, при этом политические образы из прошлого Западной Германии (ФРГ) и Западного Берлина (1949—1990) всегда

сопровожаются положительной оценочностью, в то время как история и политики ГДР, а также исторические образы всего социалистического лагеря во всех случаях отражаются в строго негативном, обличительном свете, что ни в коей мере не соотносится с исторической достоверностью и фактами из жизни стран-антагонистов США и ФРГ в период холодной войны. Еще один интересный момент, выявленный в ходе проведенного исследования, состоит в том, что в политических сценах практически полностью отсутствует объективация взаимоотношений ФРГ и ГДР в исторической перспективе. Всякое упоминание ГДР сводится к беспощадной критике данного государства и его политического строя, а о конфронтации и агрессии между двумя немецкими странами речи не идет вообще, как будто бы на Западе мирно ждали 40 лет, когда Восточная Германия «созреет» для объединения с капиталистической ФРГ.

Сцена 5.1. «Прошлое и политики ФРГ (и Западного Берлина)»

Экскурсы в историю Западной Германии и Западного Берлина (1949—1990) связаны с представлением персоналий некоторых наиболее авторитетных для западногерманских политиков деятелей прошлого, оставивших заметный след в истории ФРГ и/или способствовавших в Европе процессам интеграции, явившимся предзнаменованием Европейского сообщества и Европейского союза.

Одним из авторитетнейших политиков послевоенной Германии остается Конрад Аденауэр (Konrad Adenauer) — самый первый Федеральный канцлер ФРГ (1949—1963), который заложил основы политической системы современной (послевоенной) Германии и который, по мнению Й. Рау, также «подготовил и привел» Германию «к Европе»: *Wir denken heute an einen großen Deutschen (Konrad Adenauer), der sein Vaterland auf Europa vorbereitet und nach Europa geführt hat* [Rau 2001b: 22].

Западный Берлин, который в 1949—1990 г. имел особый статус ООН, был тесно экономически и политически связан с ФРГ и обладал в глазах западных немцев героическим ореолом как оплот западного блока внутри соцлагеря, в связи с чем его даже после окончания Второй мировой войны в ФРГ называли «фронтным городом» („die Frontstadt“), так как он фактически находился на границе между двумя противоборствующими блоками.

В окказиональных контекстах Западный Берлин предстает в разных ролях с ярко выраженной позитивной оценкой, в том числе со стороны некоторых современных немецких политиков из восточной части Германии (экс-ГДР): он оценивается как «окно в Берлинской стене во внешний мир»: *West-Berlin war für uns die ganze Zeit das Fenster nach draußen in der Mauer* [Lucyga 1999].

Сцена 5.2. «Прошлое и политики ГДР»

Политическая система, политики и само государство ГДР в подавляющем большинстве речей очерняются современными немецкими политиками, которые любят противопоставлять «тоталитарную» систему ГДР якобы «демократическим» устоям и «свободам» в Западной и, соответственно, современной единой Германии.

Так, например, в следующем окказиональном отрывке образ «связанных одной веревкой альпинистов» („die Seilschaft“) (в переносном смысле это слово характеризует «группу единомышленников, связанных „темными“ делами») детерминируется по отношению к партийным функционерам бывшей ГДР из уже не существующей СЕПГ, причем оратор придает им в своем высказывании негативную оценку: *Wir dürfen das Versprechen, gegen die alten Seilschaften und für die Menschen zu arbeiten, nicht brechen* [Wetzel 1999].

В толковых немецкоязычных словарях также есть единичные узуальные метафоры, которые характеризуют политическую систему бывшей ГДР и СЕПГ (почти всегда с негативными коннотациями). Так, у названия музыкального инструмента „die Blockflöte“ (единственное прямое значение — „einfaches hölzernes Blasinstrument, dessen Windkanal im Mundstück durch einen Block gebildet wird“ [DGWDS]) в словаре с пометой „salopp abwertend“ отмечены два переносных смысла: „a) Blockpartei in der DDR; b) Mitglied einer Blockpartei in der DDR“ [DGWDS], ср.: *Die Partei des Helmut Kohl und die Partei des Herrn Gerhardt arbeiten in den neuen Ländern überall mit der PDS zusammen, und Sie haben hier Leute, die als Blockflöten Mauerbau und Stacheldraht gerechtfertigt haben. Da führen Sie dann eine so verlogene Kampagne!* [Lafontaine 1998: 6].

В некоторых контекстах всё же могут возникать неожиданные образы, претендующие на статус метафорического символа, как это представлено в следующем случае, где фигура светофорного человечка („das Ampelmännchen“) из ГДР выступает как собирательный образ уклада жизни бывшей Восточной Германии, который, несмотря на некоторую несуразность (что в контексте вербализовано соответствующими атрибутами), по мнению газеты „Frankfurter Rundschau“, не должен меняться по западногерманскому подобию: *Sie merken schon, vom Ampelmännchen ist die Rede. Der alte DDR-Ampelmann, klein, knuffig und mit Hut, soll den dürren Eindringling aus dem Westen... aus dem Verkehr ziehen* [FR 19.08.1998: 6].

В целом ретроспективная тематика ГДР возникает в тех случаях, когда немецкие политики хотят противопоставить «плохой» ГДР современную «хорошую» Германию.

В некоторых контекстах отрицательный образ ГДР служит основой для создания кри-

тических высказываний о современной восточной части единой Германии. В этом случае речь может идти, например, о том, что одни негативные тенденции в ГДР перетекли в другие «плохие» (подчас диаметрально противоположные) явления в уже современной восточной части Германии (экс-ГДР): *Sind die Ostdeutschen eigentlich die schlechteren Deutschen? Erst hieß es verkürzend, das seien alles Stasis, jetzt wird der Osten oft pauschal als Hochburg der Neonazis dargestellt* [Rau 2001a: 371].

СЦЕНА 5.3. «ПРОШЛОЕ И ПОЛИТИКИ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА»

Период существования и реалии Третьего рейха (Германия в 1933—1945 гг.) не относятся у современных немецких политиков к активным темам обсуждений и упоминаются ими лишь вскользь в дискуссиях по другим вопросам в рамках кратких исторических экскурсов. Тем не менее деятельность Третьего рейха, как правило, получает строго негативную оценку со стороны политической элиты ФРГ.

В немецкоязычном политическом лексиконе правители Третьего рейха именуются „die Nazi-Schergen“, где слово „der Scherge“ («палач») используется в переносном смысле. В окказиональных контекстах, как правило, акцентируют внимание на отсутствие при нацистской диктатуре гражданских прав и свобод и на культе личности фюрера А. Гитлера, для которого немецкий народ был только «орнаментом», ср.: *In der Realität waren die Massen Beiwerk, Ornament für den Führerkult* [Rau 2002a: 243].

СЦЕНА 5.4. «ПРОШЛОЕ И ДЕЯТЕЛИ ГЕРМАНИИ (ДО 1933 Г.)»

История Германии до 1933 г. ассоциируется преимущественно с существованием Германской империи (1871—1918), созданной О. фон Бисмарком, когда в Европе и в Германии активно проводилась политика колониальной экспансии и военного империализма, которая в конце концов привела к развязыванию Первой мировой войны, погубившей в итоге и Германскую империю, и Австро-Венгрию, и Российскую империю, и некоторые другие участвовавшие в этой войне монархии.

В следующем контексте империализм XIX в. представлен как «болезнь», которая «свирепствовала» среди ведущих мировых держав, включая Германию: *Die Deutschen kamen im 19. Jahrhundert, als das Fieber des „Imperialismus“ unter den Großmächten grassierte, nicht als Kolonialisten nach Sri Lanka* [Rau 2001b: 108].

СЦЕНА 5.5. «ПРОШЛОЕ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ»

Реалии всемирной истории относятся в социально-политической коммуникации в подавляющем большинстве случаев к событиям холодной войны, бушевавшей в послевоенной Европе и в мире в целом в 1946—1991 гг., с

момента произнесения британским политиком У. Черчиллем его знаменитой Фултонской речи 5 марта 1946 г. до распада СССР 25 декабря 1991 г. (уход М. С. Горбачёва с поста президента СССР).

В общем следует отметить, что современные немецкие политики строго негативно характеризуют страны социалистического блока (как и в случае с ГДР) и противопоставляют бывшим соцстранам свободный и прогрессивный западный мир, при этом часто игнорируя и подтасовывая исторические факты.

Так, в следующем контексте критика коммунистических властей бывших соцстран (в том числе и ГДР) осуществляется композитными метафорами с использованием негативных религиозного („die Sünden“ (Pl.)), архитектурного („die Ruinen“ (Pl.)) и (не актуального для настоящего исследования) природного („die Verwüstungen“ (Pl.)) образов, ср.: *Für Ihr Land wie für Deutschland gilt sinngemäß, was der tschechische Präsident Havel über die Hinterlassenschaft des Kommunismus gesagt hat: dass nämlich nicht nur Wirtschaftsruinen und Umweltsünden das Erbe einer diktatorischen Vergangenheit sind, sondern auch die Verwüstungen in den Köpfen der Menschen* [Rau 2000: 247—248].

Очень широкое распространение в политической риторике XX в. получил образ «железного занавеса» („der Eiserner Vorhang“). Для западногерманских политиков эта метафора стала актуальной в августе 1961 г., после строительства Берлинской стены, отделившей восточную часть города — столицу ГДР — от Западного Берлина. Данные действия восточногерманского правительства были восприняты в ФРГ весьма болезненно, и западногерманские политики заявили, что на границу двух Германий «опустился железный занавес».

В 1989 г. Берлинская стена «рухнула», но западные, в том числе и немецкие, политики до сих пор сохраняют в своем риторическом арсенале этот образ, описывая исторические процессы в европейской истории второй половины XX в., а также якобы имевшее место, с точки зрения некоторых немецких политиков, «героическое» сопротивление восточноевропейских народов своим коммунистическим режимам, например антиправительственные выступления рабочих и беспорядки в ПНР в 80-х гг. прошлого века: *Unser Kontinent war ein halbes Jahrhundert durch den Eisernen Vorhang geteilt. Jetzt wächst er zusammen, und Rumänien nimmt an diesem historischen Prozess teil. <...> Sie haben das Tor zur Demokratie aufgestoßen und den Weg zur Rückkehr Rumäniens in die Gemeinschaft der demokratischen Staaten in Europa freigemacht* [Rau 2002b: 167].

В политических текстах метафора «железного занавеса» подчас получает неожиданное усиление за счет введения новых слов, указывающих на действия, которые совершались по

отношению к нему. Так, по мнению немецких политиков, в «железном занавесе» и «вырезались дырки», и его «отодвигали в сторону», например: *Fast vierzig Jahre lang hat die innerdeutsche Grenze die Kernaufgaben des Bundesgrenzschutzes bestimmt. Als dann endlich immer mehr Löcher in den Eisernen Vorhang geschnitten wurden und als er schließlich ganz beiseitegeschoben war, da stellte das den Bundesgrenzschutz vor eine seiner größten Bewährungsproben* [Rau 2001b: 117]. Конец холодной войны в Европе ознаменовался, по мнению современных немецких политиков, окончательным разрывом «железного занавеса».

Данные примеры наглядно демонстрируют, что в немецком политическом дискурсе театральная концептуальная метафора используется для манипуляции массовым сознанием и построения новой модели истории. Под прикрытием ярких, образных, а также уже традиционных метафор немецкие политики подтасовывают исторические факты и пытаются представить их в выгодном для себя свете, с тем чтобы, во-первых, поощрить своих восточно-европейских партнеров из новых государств — членов ЕС (Польши, Чехии, Румынии и пр.), прозападным политикам которых импонирует риторика лидеров стран бывшего враждебного блока НАТО, согласно которой новые восточно-европейские члены ЕС еще совсем недавно якобы не жили в тени СССР в соцлагере в соответствии с указаниями из Москвы, а будто бы «мужественно» «рвали» железный занавес и боролись против «красных режимов», тем самым приблизив конец как соцлагеря, так и самого СССР и посредством этой своей «героической борьбы» заслужив («выстрадав») членство в Евросоюзе. При этом подобной аргументацией немецкие политики оправдывают вступление в ЕС бывших стран Варшавского договора и в глазах собственных граждан, которым объясняют, за какие заслуги из их кармана поощряются их восточные соседи (в виде оказания им гипотетической всевозможной экономической помощи по социальным программам Евросоюза). Во-вторых, политическая элита современной единой Германии, которая унаследовала политическую культуру Западной Германии, пытается создать видимость того, что и ФРГ в свое время якобы внесла вклад в победу демократии на просторах социалистического блока и инициировала объединение двух Германий.

Политическая коммуникация, как уже неоднократно говорилось, имеет дело не с реальным положением дел в мире, а с виртуальной социальной реальностью, создаваемой (концептуализируемой) политическими элитами в том виде, в каком она им выгодна, и навязываемой простым гражданам. Для этих целей используются и метафорические образы прошлого, которым дается новая трактовка с сохранением их изначальной оценки. Ярким при-

мером этого является метафорическая номинация „die Achse“ («ось»): она в политике впервые была введена в оборот в 1936 г. лидером фашистской Италии Б. Муссолини для обозначения военного сотрудничества Италии и Германии, получившей наименование „die Achse Berlin — Rom“ («ось Берлин — Рим»), которая позже стала осью «Берлин — Рим — Токио».

В связи с этим за данным образом закрепились негативные коннотации, которые сохраняются при предикации новым объектам, в частности, в следующем контексте немецкие СМИ называют «ось Россия — Китай — Индия»: *Die drei Großmächte Russland, China und Indien schmieden an einer Achse* [Woche 04.04.1997: 17].

Если охарактеризовать все актуализируемые в современной немецкой социально-политической коммуникации аспекты когнитивного сценария «История государства и общества» в целом, то следует констатировать, что позитивные образы и символы прошлого связаны в принципе только с историей самой ФРГ (и Западного Берлина) в 1949—1990 гг., а все другие экскурсы в мировую и европейскую историю (включая более ранние периоды немецкой истории) наполнены преимущественно негативом.

Заканчивая обзор когнитивных сценариев общественно-политической жизни Германии, следует отметить, что крупные исторические события способны наложить отпечаток как на содержательное наполнение каждого когнитивного сценария, так и на его общественно-оценочную составляющую. Так, например, шпионские скандалы в ФРГ (связанные с тем, что вскрылись факты тотального прослушивания немецких политиков, включая Федерального канцлера, спецслужбами США) в 2014 г., трагические события на Украине 2013—2014 гг. и многочисленные военные конфликты последнего времени на Ближнем Востоке (Ливия, Египет, Сирия, Ирак, Израиль — Палестина и др.) остались за рамками настоящего исследования, но можно с уверенностью утверждать, что все эти события повлияли на 4 из 5 политических сценария (кроме блока «Общественная жизнь Германии», ориентированного только на внутренние дела государства и преимущественно социально-частную жизнь граждан). События настоящего также каузируют пересмотр прошлого и придание ему такого исторического контекста, чтобы оправдать свои действия в настоящем. Даже поверхностное изучение материалов германских СМИ, освещавших (как правило, путем передергивания или фальсификации данных) ситуацию на Украине, позволяет констатировать планомерное, последовательное и целенаправленное придание России образа врага и агрессора на первых этапах развития кризиса (осень 2013 г. — начало 2014 г.), что влечет за собой изменение ценностной и оценочной составляющих не только в сценарии «Политические процессы в

мире», но и в блоке «История государства и общества», связанном со взаимоотношениями Германии и России в прошлом. Тем не менее, несмотря на постоянное развитие отдельных элементов, разработанная типология представляется целостной и устойчивой при комплексном анализе референтно-смыслового пласта социально-политической метафоры в когнитивном аспекте, а дальнейшая детализация сценариев и сцен может уточнить их квантитативный потенциал.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Словарь русских политических метафор / РАН, Ин-т рус. яз. — М.: Редакция АСМ; Помовский и партнеры, 1994.
2. Будаев Э. В. Постсоветская действительность в метафорах российской и британской прессы: моногр. — Нижний Тагил: Изд-во НТГСПА, 2007.
3. Будаев Э. В. Метафорический образ России в современном мире: моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2009.
4. Будаев Э. В., Ворошилова М. Б., Дзюба Е. В., Красильникова Н. А. Современная политическая лингвистика: учеб. пособие / отв. ред. А. П. Чудинов. — Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2011.
5. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политическом интердискурсе: моногр. 2-е изд., испр. и доп. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2006.
6. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Зарубежная политическая метафорология: моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2008.
7. Веснина Л. Е. Метафорическое моделирование миграции (по материалам российских печатных СМИ и данным ассоциативного эксперимента): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2010.
8. Ворожцова О. А. Лингвистическое исследование прецедентных феноменов в дискурсе российских и американских президентских выборов 2004 года: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2007.
9. Иванова Е. В. Метафорическая концептуализация природных катастроф в экономическом дискурсе (на материале медийных текстов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Челябинск, 2007.
10. Каслова А. А. Метафорическое моделирование президентских выборов в России и США (2000 г.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2003.
11. Керимов Р. Д. Архитектурный признак немецких концептов 'Германия' и 'ЕС' в политическом дискурсе // Концептуальные сферы «Мир» и «Человек»: коллективная моногр. / отв. ред. М. В. Пименова. — Кемерово: Графика, 2005. С. 263—283. (Сер. «Концептуальные исследования»; вып. 6).
12. Керимов Р. Д. Германия // Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. — Волгоград: Парадигма, 2006. Т. 4. С. 157—176.
13. Керимов Р. Д. Стереотипный образ России в германской политике // Образ России в зарубежном политическом дискурсе: стереотипы, мифы и метафоры: материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 13—17 сент. 2010 г.) / гл. ред. А. П. Чудинов; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2010. С. 72—76.
14. Керимов Р. Д. Метафорический антропоморфизм в немецкой социально-политической коммуникации: моногр. / ФГБОУ ВПО «Кемерово. гос. ун-т». — Кемерово: Офсет, 2012.
15. Керимов Р. Д. Метафоры метасферы человека в немецкой социально-политической коммуникации: моногр. / ФГБОУ ВПО «Кемерово. гос. ун-т». — Кемерово: Офсет, 2013.
16. Керимов Р. Д. Аспекты метафорического таргетирования в современной немецкоязычной социально-политической коммуникации // Политическая коммуникация: перспективы развития научного направления: материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 26—28 авг. 2014 г.) / гл. ред. А. П. Чудинов; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2014а. С. 106—111.
17. Керимов Р. Д. Метафорическое таргетирование в немецкой социально-политической коммуникации: сценарии внешней и внутренней политики ФРГ // Политическая лингвистика. 2014б. № 3 (49). С. 129—141.
18. Керимов Р. Д., Федянина Л. И. Метафорическая актуализация фрейма «Экономика» в социально-политической коммуникации ФРГ // Политическая лингвистика. 2014. № 1 (47). С. 157—170.
19. Колесов И. Ю. Проблемы концептуализации и языковой репрезентации зрительного восприятия (на материале английского и русского языков): моногр. — Барнаул: Изд-во БГПУ, 2008.
20. Куданкина О. А. Актуализация концепта *Германия* в российской публицистике: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Архангельск, 2005.
21. Кузьминых Ю. А. Моделирование и интерпретация архитектоники когнитивной сцены (на материале произведений О. Уайльда «Портрет Дориана Грея» и В. Вульф «Миссис Дэллоуэй»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Белгород, 2013.
22. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. А. Н. Баранова, А. В. Морозовой; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. 2-е изд. — М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
23. Михалёва О. Л. Политический дискурс как средство реализации манипулятивного воздействия: моногр. — Иркутск: Изд-во ИГУ, 2005.
24. Пименова М. В. Особенности репрезентации концепта *чувство* в русской языковой картине мира // Мир человека и мир языка: коллективная моногр. / отв. ред. М. В. Пименова. — Кемерово: Графика, 2003. С. 58—120. (Сер. «Концептуальные исследования»; вып. 2).
25. Пименова М. В. Сценарий как один из способов описания концепта (на примере концепта *радость*) // Новое в славянской филологии: сб. статей / отв. ред. М. В. Пименова. — Севастополь: Рибэст, 2009. С. 68—79. (Сер. «Славянский мир»; вып. 4).
26. Попова З. Д., Стернин И. А. Проблема моделирования концептов в лингвокогнитивных исследованиях // Мир человека и мир языка: коллективная моногр. / отв. ред. М. В. Пименова. — Кемерово: Графика, 2003. С. 6—16. (Сер. «Концептуальные исследования»; вып. 2).
27. Пишенин А. А. Метафорический образ СССР/России в американском политическом дискурсе второй половины XX — начала XXI веков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Барнаул, 2006.
28. Рясосова А. Б. Метафорические модели с агрессивным прагматическим потенциалом в политическом нарративе «Российские федеральные выборы (1999—2000 гг.)»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2002.
29. Салатова Л. М. Метафорическое моделирование экономического кризиса 2008 года в массмедийных дискурсах России и США: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2013.
30. Скребцова Т. Г. Когнитивная лингвистика: курс лекций. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011.
31. Солопова О. А. Метафорическое моделирование образов «прошлого», «настоящего» и «будущего» в дискурсе парламентских выборов в России (2003 год) и Великобритании (2001 год): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2006.
32. Таратынова Т. В. Метафорическое моделирование российских и американских президентских выборов в немецких СМИ (2008): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2012.

33. *Федянина Л. И.* Концепт *Geld* в немецкой языковой картине мира: опыт концептуального анализа : учеб. пособие / ГОУ ВПО «Кемеров. гос. ун-т». — Кемерово : Кузбассвузиздат, 2008.

34. *Чудинов А. П.* Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000) : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2001.

35. *Чудинов А. П.* Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации : моногр. 2-е изд., стер. — Екатеринбург : Изд-во УрГПУ, 2005.

36. *Чудинов А. П.* Политическая лингвистика : учеб. пособие. — М. : Флинта : Наука, 2006.

37. *Чудинов А. П.* Очерки по современной политической метафорологии : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2013.

38. *Шейгал Е. И.* Семиотика политического дискурса : моногр. — М. : Гнозис, 2004.

39. *Jäkel O.* Metaphern in abstrakten Diskurs-Domänen: eine kognitiv-linguistische Untersuchung anhand der Bereiche Geistestätigkeit, Wirtschaft und Wissenschaft. — Frankfurt am Main ; Berlin ; Bern ; New York ; Paris ; Wien : Lang, 1997. („Duisburger Arbeiten zur Sprach- und Kulturwissenschaft“; Bd. 30).

40. *Kövecses Z.* Metaphor: A practical introduction. — New York : Oxford Univ. Pr., 2002.

41. *Liebert W.-A.* Metaphernbereiche der deutschen Alltagssprache: kognitive Linguistik und die Perspektiven einer kognitiv-linguistischen Lexikographie. — Berlin ; Bern ; New York ; Paris ; Wien : Lang, 1992. („Europäische Hochschulschriften“: Reihe 1, „Deutsche Sprache und Literatur“; Bd. 1355).

42. *Musolff A.* Mirror Images of Europe. Metaphors in the public debate about Europe in Britain and Germany. — München : IUDICIUM Verl., 2000.

43. *Rigotti F.* Die Macht und ihre Metaphern: über die sprachlichen Bilder der Politik. — Frankfurt am Main ; New York : Campus Verl., 1994.

44. *Schwarz M.* Einführung in die kognitive Linguistik. 2., überarb. und aktual. Aufl. — Tübingen ; Basel : Francke, 1996.

СЛОВАРИ

45. *Compact Universal Großwörterbuch deutsche Rechtschreibung = CUGDR /* Chefred. A. Sendlinger. — München : Compact Verl., 2007.

46. *Duden*, Das große Fremdwörterbuch: Herkunft und Bedeutung der Fremdwörter = DGFW / hrsg. und bearb. vom Wissenschaftlichen Rat der Dudenredaktion. 3., überarb. Aufl. — Mannheim ; Leipzig ; Wien ; Zürich : Dudenverlag, 2003.

47. *Duden*, Das große Wörterbuch der deutschen Sprache : in 10 Bd. = DGWDS / hrsg. vom Wissenschaftlichen Rat der Dudenredaktion. 3., völlig neu bearb. und erw. Aufl. — Mannheim ; Leipzig ; Wien ; Zürich : Dudenverlag, 1999.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕЧИ

48. *Babel G.* Mehr Arbeitsplätze nur durch Reformen // Das Parlament. 1998. Nr. 31. 24 Juli. S. 6.

49. *Eichel H.* Rede zum Jahreswirtschaftsbericht 2002 der Bundesregierung: „Vor einem neuen Aufschwung — Verlässliche Wirtschafts- und Finanzpolitik fortsetzen“ in der Debatte der 218. Sitzung im Deutschen Bundestag

(Berlin, den 21. Februar 2002) // Bulletin 1996—2002 : CD-ROM-Version PC/MAC / hrsg. vom Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. — Berlin, 2003. Nr. 2002-11-1.

50. *Friedhoff P. K.* Bildung wird ein Eckpunkt der Reformen // Das Parlament. 1998. Nr. 31. 24 Juli. S. 4.

51. *Geißler H.* Der Strukturwandel ist bewältigt // Das Parlament. 1998. Nr. 31. 24 Juli. S. 9.

52. *Kiper M.* Rasender Stillstand dieser Regierung // Das Parlament. 1998. Nr. 31. 24 Juli. S. 4.

53. *Lafontaine O.* Eine Serie von gebrochenen Versprechen // Das Parlament. 1998. Nr. 38. 11. Sept. S. 4—6.

54. *Luft Ch.* Die Sozialpflichtigkeit des Eigentums // Das Parlament. 1998. Nr. 31. 24 Juli. S. 4.

55. *Metzger O.* Dieser Haushalt ist verfassungswidrig // Das Parlament. 1998. Nr. 38. 11. Sept. S. 7—8.

56. *Lucyga Ch.* Rede in der Berlin-Debatte : web document 1999. URL: http://www.bundestag.de/info/berlin/debatte/bdr_044.html.

57. *Metzger O.* Dieser Haushalt ist verfassungswidrig // Das Parlament. 1998. Nr. 38. 11 Sept. S. 7—8.

58. *Müller W.* Rede auf dem Deutschen Werbekongress (München, den 7. März 2002) // Bulletin 1996—2002 : CD-ROM-Version PC/MAC / hrsg. vom Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. — Berlin, 2003. Nr. 2002-17-1.

59. *Ostertag A.* Arbeitsförderung modernisieren // Das Parlament. 1998. Nr. 31. 24 Juli. S. 8.

60. *Rau J.* Reden und Interviews. — Berlin : Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 2000. Bd. 1.1.

61. *Rau J.* Reden und Interviews. — Berlin : Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 2001a. Bd. 2.1.

62. *Rau J.* Reden und Interviews. — Berlin : Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 2001b. Bd. 2.2.

63. *Rau J.* Reden und Interviews. — Berlin : Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 2002a. Bd. 3.1.

64. *Rau J.* Reden und Interviews. — Berlin : Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 2002b. Bd. 3.2.

65. *Riesenhuber H.* Langfristige Strategie der Regierung // Das Parlament. 1998. Nr. 31. 24 Juli. S. 8—9.

66. *Rüttgers J.* Das Ziel heißt: Arbeitsplätze für alle // Das Parlament. 1998. Nr. 31. 24 Juli. S. 4—5.

67. *Waigel Th.* Deutschland steht mitten im Aufschwung! // Das Parlament. 1998. Nr. 38. 11 Sept. S. 3—4.

68. *Wetzel K.* Rede in der Berlin-Debatte : web document 1999. URL: http://www.bundestag.de/info/berlin/debatte/bdr_071.html.

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

69. *BZ* (Zeitung). — Berlin (Deutschland) = BZ.

70. *Frankfurter Rundschau* (Zeitung). — Frankfurt am Main (Deutschland) = FR.

71. *ND* (Zeitung). — Berlin (Deutschland) = ND.

72. *Spiegel, der* (das deutsche Nachrichtenmagazin). — Hamburg (Deutschland) = Spiegel.

73. *Tagesspiegel, der* (Zeitung). — Berlin (Deutschland) = Tagesspiegel.

74. *Welt, die* (Zeitung). — Hamburg (Deutschland) = Welt.

75. *Woche, die* (Zeitung). — Hamburg (Deutschland) = Woche.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, доцент Ю. В. Кобенко.

М. В. Лесняк M. V. Lesnyak

Ростов-на-Дону, Россия Rostov-on-Don, Russia

**РЕЧЕВАЯ СТРАТЕГИЯ
«ВЕРОЯТНОСТНОЕ ОЦЕНИВАНИЕ»
В ПАРЛАМЕНТСКОМ ДИСКУРСЕ: НЕМЕЦКИЕ
КАНДИДАТЫ НА ВЫБОРЫ В ЕВРОПАРЛАМЕНТ
2014 ГОДА**

Аннотация. Рассматривается речевое поведение немецких кандидатов на выборы в Европарламент 2014 г., а именно речевая стратегия «вероятностное оценивание автором речевого события как реально-го/нереального». Кроме того, дается представление о специфике немецкой парламентской коммуникации. Исследование проводится методами скрытой прагмалингвистики — научного направления, которое интересуется спонтанный выбор говорящим речевых сигналов грамматических и текстуальных категорий. Используется методика модифицированного контент-анализа, единицей которого является малая синтаксическая группа. При анализе предлагается оперировать такими параметрами, как абсолютный речежанровый показатель и среднежанровая величина.

Ключевые слова: прагмалингвистика; речевое поведение; речевая стратегия; парламентский дискурс.

Сведения об авторе: Лесняк Марина Валерьевна, преподаватель кафедры романо-германской филологии, факультет филологии и журналистики.

Место работы: Южный федеральный университет.

Контактная информация: 344006, г. Ростов-на-Дону, Пушкинская, 150, к. 1.
e-mail: mvlesnyak@srfedu.ru.

**SPEECH STRATEGY
“PROGNOSTIC EVALUATION”
IN PARLIAMENTARY DISCOURSE:
GERMAN CANDIDATES FOR THE EUROPEAN
PARLIAMENT ELECTIONS 2014**

Abstract. The article deals with the verbal behavior of the German candidates for the European Parliament elections 2014 in terms of the speech strategy of “author’s prognostic evaluation of the speech event as real/unreal”, and describes the specific features of the German parliamentary communication. The research is carried out with the help of latent pragmalinguistics methodology – a field which is focused on the spontaneous speaker’s choice of the speech signals of grammatical and textual categories. The method of modified content analysis of small syntactic groups is used. It is suggested that such parameters as absolute speech genre index and average genre value be introduced into the undertaken analysis.

Key words: pragmalinguistics; verbal behavior; speech strategy; parliamentary discourse.

About the author: Lesnyak Marina Valerievna, Lecturer of the Chair of German and Romance Philology, Faculty of Philology and Journalism.

Place of employment: Southern Federal University.

150, k. 1.

Политическое устройство современного государства невообразимо без парламентаризма, который является основой соответствующего политического строя, регулирует расстановку сил и степень их влияния на конкретном политическом ландшафте. Сегодня парламент существует как в рамках отдельных государств, так и на межнациональном уровне, примером чему служит Европейский парламент Европейского союза. Соответственно именно парламентская коммуникация занимает на сегодняшний день значительное место в исследованиях политического дискурсивного поля и является одной из наиболее актуальных тем.

Данная статья призвана пополнить актуальный перечень подходов к изучению парламентского дискурса и обращается к одному из продуктивных для исследования европейской парламентской коммуникации методов [Алферов, Кустова 2014: 93] — прагмалингвистическому. Целью статьи является рассмотрение речевого поведения немецких политиков в ситуации предвыборной борьбы в Европарламент в 2014 г. с позиции скрытой прагмалингвистики. В соответствии с заявленной целью в начале статьи предпримем попытку описать специфику парламентской коммуникации в

Германии, далее проанализируем речевое поведение немецких кандидатов в Европарламент.

Немецкий национальный парламент отличается от парламентов других европейских стран по ряду признаков, что, по всей видимости, обусловлено перипетиями национальной истории, которая не могла не отразиться на парламентском развитии и, как следствие, на парламентской коммуникации. А. Буркхардт предлагает типологию немецкого парламента, включающую восемь типов парламентской организации в Германии. Критерием этой классификации является функция, которую выполнял тот или иной немецкий парламент в рамках соответствующего политического строя в определенный исторический период [Burkhardt 2003: 5—6]:

1. *Дискуссионный парламент* существовал в 1848—1849 г. (Франкфуртское национальное собрание, заседания которого проводились в франкфуртской церкви Святого Павла). В нем парламентские дебаты велись независимыми от партий депутатами до тех пор, пока большинство не приходило к общему решению.

2. *Парламент-алиби*. Образован в результате свободных выборов, но обладал ограниченными компетенциями, не оказывал никакого

Статья написана при поддержке РГНФ: конкурс № 14-04-00029 «Культурологические и лингвопрагматические аспекты парламентской коммуникации в странах Евросоюза (Великобритания, Германия, Франция, Европарламент)».

© Лесняк М. В., 2014

вливания на правительство, мог быть созван, открыт и закрыт главой государства. Служил для обсуждения прежде всего правительственных решений (немецкий рейхстаг до 1918 г.).

3. *Рабочий парламент, или парламент борьбы* (Веймарское учредительное собрание, немецкий рейхстаг до 1933 г.), базировался на свободном и тайном голосовании. Но идеологические противоречия и большое расхождение во мнениях ограничивали возможности компромисса. На пленумах проходили агрессивные дебаты.

4. *Фиктивный парламент* (немецкий рейхстаг 1933—1945 гг.) — парламент, который не имел ничего общего с истинным парламентским устройством. Базировался на несвободных и открытых выборах. Созывался по приказу высшего руководства и служил в качестве форума для обсуждения экстенсивных решений правительства и распределения генеральных полномочий.

5. *Аккламационный парламент* (Народная палата ГДР в 1949—1989 гг.). В его основе также лежат фактически несвободные и нетайные выборы, в которых принимали участие различные группы населения. В нем подтверждались уже принятые государственной партией / правительством решения.

6. *Временный парламент* (Парламентский Совет, Народная палата ГДР с 13 ноября 1989 г. по 7 марта 1990 г.). Имеет парламентский характер, ориентирован на консенсус, служит для регулирования нового государственного строя.

7. *Партийный, или витринный парламент* (немецкий бундестаг). Основывается на свободных, равных и тайных выборах. На пленуме обосновываются политические решения для общественности. Действительно проводятся ритуалы принятия решения, например голосование. Тем не менее основная цель дебатов состоит не в обоюдном убеждении, поскольку фактически решения принимаются уже на заседаниях фракций и комитетов. Поэтому этот вид парламентской организации называют также «парламент фракций».

8. *Парламент, избираемый для проведения какого-либо политического мероприятия*. Парламент, который просуществовал полгода с целью законодательного регулирования объединения ГДР с ФРГ и самостоятельно распустился.

Из предложенной выше классификации видно, что соответствующий тип парламента задает определенные коммуникативные рамки и определяет специфику коммуникативных процессов, протекающих в нем.

Немецкий парламент сегодня представляет собой сцену, на которой политики играют заранее выученные роли и демонстрируют публике за пределами здания заседаний уже срежиссированные политические пьесы. То есть он выполняет функцию витринного пар-

ламента, на заседаниях которого большинству депутатов уже известны политические решения, озвучиваемые докладчиками. Не зря современные политические фракции называют «парламентами в парламенте» [Kessel 2003: 128]. Таким образом, истинным адресатом парламентской коммуникации являются не политические противники, а «слушатель за пределами зала заседаний» [Hoinle 1999: 36], т. е. политический электорат. Поэтому парламентская коммуникация (как, пожалуй, и политическая коммуникация вообще) большей частью является стратегически выстроенной, заранее спланированной, продуманной. Однако нельзя говорить о полном отсутствии спонтанности речевой деятельности. Так, дебаты на злободневную тему, представляющие собой реакцию на события, происходящие в мире политики, отличаются в большей или меньшей степени спонтанностью. Кроме того, речь политиков в рамках парламентской коммуникации (выступления, дебаты, дискуссии) является «лично-стно маркированной» [Сапрыкина 2007: 129] и всегда несет отпечаток «личностных качеств». Исследование такого «человеческого фактора» в речевой деятельности немецких политиков позволит осветить современный немецкий парламентский дискурс в модусном ракурсе [Алферов, Кустова 2014: 10].

Проанализируем немецкий парламентский дискурс на материале предвыборных выступлений кандидатов в Европейский парламент методами одного из актуальных направлений в современной прагмалингвистике — скрытой прагмалингвистике, основоположником которого является Г. Г. Матвеева [Матвеева, Самарина, Селиверстова 2009: 51]. Центральной категорией скрытой прагмалингвистике считается спонтанный выбор говорящим речевых сигналов грамматических и текстуальных категорий, которые всегда присутствуют в речи оратора, накладываются на пропозициональную структуру высказывания и неизменно оказывают воздействие на слушающего.

Речевое воздействие на получателя сообщения можно охарактеризовать как двустороннее по критерию направленности, а именно: с одной стороны, говорящий заранее целенаправленно выбирает максимально эффективные, на его взгляд, языковые средства, создавая коммуникативную стратегию; с другой стороны, он автоматически, в силу привычки, обусловленной речевым опытом и характеризующей его речевую личность, делает выбор грамматических речевых сигналов, создавая речевую стратегию скрытого воздействия на аудиторию. По всей видимости, воздействующий эффект от предпринятых речевых действий как на осознаваемом, так и на неосознаваемом уровнях суммируется. Поэтому изучение речевых стратегий скрытого воздействия представляется особенно важным для интегративного прагмалингвистического анализа.

Речевая стратегия скрытого воздействия определяется как комплексное многоуровневое коммуникативное явление, реализующееся на акциональном уровне, т. е. уровне речевых действий, и на текстуальном уровне. В основе данной стратегии лежит привычный, машинальный, потому и не осознаваемый, выбор лингвистических единиц, грамматических и текстуальных категорий, воздействующий эффект от которого также не осознается реципиентом [Лесняк 2014: 62]. Речевая стратегия как вариация речевого поведения говорящего иллюстрирует скрытую интенцию его самовыражения в определенной коммуникативной ситуации [Матвеева 1998: 28].

Поскольку в политическом предвыборном дискурсе политики зачастую моделируют при помощи языковых средств картину «светлого будущего» в случае избрания на пост соответствующего кандидата и представляют ее как реальную, то прагмалингвистический анализ предвыборных выступлений немецких кандидатов в Европейский парламент целесообразно провести на примере стратегии скрытого воздействия «вероятностное оценивание автором речевого события как реального/нереального».

Стратегия скрытого воздействия «вероятностное оценивание автором речевого события как реального/нереального» (далее стратегия «вероятностное оценивание») предполагает оценку отправителем своего высказывания как соответствующего или не соответствующего действительности [Моисеенко 2000: 74]. При этом оценивание речевого события с позиции реальности/нереальности зависит от конкретных представлений говорящего, т. е. от его картины мира. Здесь речь идет о субъективной модальности. Под этим термином принято понимать определенный фокус зрения говорящего, согласно которому он презентует слушающему свое видение сообщаемого [Там же]. Сущностью субъективной модальности является оценивание описываемых фактов (согласие/несогласие, положительная/отрицательная оценка) [Приходько 2011: 262]. При этом субъективная модальность является не обязательным признаком высказывания, а проявляется в виде формально-грамматического значения. Существует мнение, что модальность в германских языках, в том числе в немецком, более грамматикализована, чем в других группах языков [Hansen 2004]. Поэтому сигналами речевых стратегий скрытого воздействия правомерно считаются грамматические категории и структуры, в которых лексемы приобретают новые нюансы смысла [Нужнова 2003: 87].

Основным средством выражения субъективной модальности в аспекте реальности/нереальности в скрытой прагмалингвистике считается категория наклонения глагола [Моисеенко 2000: 75]. Автоматически выбирая ту или

иную форму глагольного наклонения из ряда возможных грамматических вариантов, отправитель сообщения актуализирует определенные нюансы смысла и выражает свое отношение к событию как реализованному/реализуемому/нереализуемому.

Для исследуемой стратегии были выделены три речевых плана [Матвеева 1993: 174]: 1) план реализованного события; 2) план нереализованного события, который, в свою очередь, делится на субпланы: возможного/невозможного, обязательного/необязательного, допустимого/недопустимого, разрешенного/неразрешенного, желательного/нежелательного, объективного/субъективного события; 3) план нереализуемого события. Для каждого плана были выявлены соответствующие речевые маркеры [см. подр.: Лесняк 2014]. Более частая актуализация в речи говорящим того или иного плана-варианта вызывает неосознаваемый перлокутивный эффект у слушателя.

В соответствии с заявленной целью исследования был проведен анализ речевого поведения четырех немецких кандидатов, баллотировавшихся в Европарламент в 2014 г.: Дэвида Мак-Алистера — представителя правящей партии Германии (ХДС), Ребекки Хармс — депутата партии «Зеленые», Габи Циммер — кандидата от партии «Левые» и Маркуса Фербера — представителя партии ХСС.

Использовалась методика модифицированного контент-анализа. Ее суть заключается в количественном подсчете речевых маркеров каждого плана-варианта/субплана-варианта изучаемой речевой стратегии скрытого воздействия. Например, к маркерам плана реализованного события относятся глаголы в изъявительном наклонении настоящего и прошедшего времени, инфинитивные конструкции. При этом важно отсутствие модальных идентификаторов в предложении [Матвеева 1993: 174—176]. Единицей анализа выступает *малая синтаксическая группа* (в дальнейшем МСГ), под которой понимается минимальная актуализированная предикативно-модальная единица. На синтаксическом уровне это простое нераспространенное предложение или часть составного предложения. Производится подсчет малых синтаксических групп, в которых авторами текстов актуализированы маркеры плана реализованного события. Затем вычисляется процентная доля маркированных малых синтаксических групп в их общем количестве (абсолютный речежанровый показатель), а также среднеречежанровая величина актуализации авторами каждого субплана. Она может рассматриваться как некая норма плана или субплана для типичного автора в текстах конкретного жанра [Куклина 2005: 116].

Например, в текстах Д. Мак-Алистера всего было исследовано 168 малых синтаксических групп, в 124 из которых был актуализирован

план реализованного события. Соответственно процентный показатель оратора по данному параметру, абсолютный речезанровый показатель, составляет 73,8 %. Среднеречезанровая величина высчитывались путем сложения всех малых синтаксических групп с конкретным планом/субпланом всех авторов, последующего умножения на 100 и деления полученной величины на общее количество исследованных малых синтаксических групп. Так, например, план реализованного события был актуализирован Д. Мак-Алистером в 124 малых синтаксических группах, Р. Хармс — в 96, Г. Циммер — в 190, М. Фербером — в 166. Если сложить эти результаты, то общее количество малых синтаксических групп плана составит 576. Затем 576 необходимо умножить на 100 и разделить на 817. Таким образом, среднеречезанровая величина для плана реализованного события составит 70,5 %.

Полученные результаты представлены в таблице.

При интерпретации результатов диагностирующими актуализацию в речи личностных качеств являются те показатели речевых планов, которые превышают среднеречезанровую величину. Так, из таблицы следует, что план реализованного события чаще, чем их коллеги, актуализировали Д. Мак-Алистер (73,8 %) и Г. Циммер (73 %). Это свидетельствует о скрытой интенции данных ораторов описывать события как реальные, фокусировать внимание слушателей на реальных фактах, происходящих в настоящее время или прошедших. Такое речевое поведение является типичным для представителей правящих партий, которые обладают наибольшим политическим влиянием в стране. Показатели субплана нереализованного возможного события, превышающие

Таблица. Речевое поведение политиков по скрытой воздействующей стратегии «вероятностное оценивание»

Политические группы	Авторы	Планы								Кол-во МСГ
		План реализованного события, %		План нереализованного события, %				План нереализуемого события, %		
				Субплан возможного события		Субплан обязательного события				
МСГ	АРП	МСГ	АРП	МСГ	АРП	МСГ	АРП	МСГ	АРП	
Христианско-демократический союз Германии (ХДС)	Дэвид Мак-Алистер	124	73,8	23	13,7	18	10,7	4	2,4	168
«Зеленые»	Ребекка Хармс	96	69,5	19	13,7	20	14,4	3	2,1	138
«Левые»	Габи Циммер	190	73,0	45	17,3	10	3,8	14	5,4	259
Христианско-социальный союз (ХСС)	Маркус Фербер	166	65,8	49	19,4	34	13,5	4	1,6	252
Итого МСГ плана		576		136		82		25		
СРВ, %		70,5		16,6		10		3		
Всего		817								

Примечание. МСГ — малая синтаксическая группа, СРВ — среднеречезанровая величина, АРП — абсолютный речезанровый показатель.

среднеречезанровую величину (16,6 %), обнаружены у Г. Циммер (17,3 %) и М. Фербера (19,4 %). Частый выбор данного плана говорит о неосознаваемом намерении оратора представить будущую действительность как возможную. Иными словами, политик стремится сказать: если вы выберете меня, то у вас появятся определенные возможности. Тем самым говорящий предстает перед аудиторией человеком проницательным, предвидящим все потенциальные пути развития ситуации. Субплан нереализованного обязательного события чаще других актуализировали Р. Хармс (14,4 %) и М. Фербер (13,5 %). Показатель Д. Мак-Алистера (10,7 %) несущественно превышает среднеречезанровую величину (10 %) по данному плану, поэтому мы считаем возможным не относить его к диагностирующим. Более частая актуализация в речи данного плана свидетельствует о скрытой интенции политического деятеля смоделировать будущую дей-

ствительность как обязательную и неотвратимую. То есть на неосознаваемом уровне послание может звучать так: если вы отдадите свой голос за меня (мою партию), то в будущем события будут развиваться именно так, а не иначе. Это произойдет в любом случае. Оценка событий может быть как положительной, так и отрицательной. При этом оратор неосознанно позиционирует себя как уверенный, убежденный, сильный политик. Единственный показатель, превышающий среднеречезанровую величину (3 %) по плану нереализуемого события, принадлежит Г. Циммер (5,4 %). В политической сфере это может в упрощенном виде трактоваться следующим образом: если бы ситуация была иной, то все было бы иначе. Тем самым политик выставляет себя в невыгодном свете. В целом речевое поведение Г. Циммер характеризуется как нестабильное, поскольку показатели трех из четырех возможных планов-вариантов превы-

шают среднеречевые величины. Соответственно такое речевое поведение может быть воспринято аудиторией как характеристика ненадежного политика.

В результате выборов в Европарламент, которые состоялись в Германии 25 мая 2014 г., первое место занял альянс сил ХДС (29 голосов) и ХСС (5 голосов), четвертое место — партия «Зеленые» (11 голосов), а пятое — партия «Левые» (7 голосов) [Выборы в Европейский парламент].

Таким образом, можно отметить некую корреляцию между речевым поведением кандидатов и результатами выборов. Выступления немецких кандидатов в Европарламент отражают не столько политические интересы конкретных политиков, сколько интересы целой политической группы. Поэтому выбор соответствующего кандидата или партии отражает согласие или несогласие электората с расстановкой политических сил и распределением политического влияния в стране. Как мы видим, речевое поведение Д. Мак-Алистера, представителя правящей партии, характеризующее его как рассудительного политика, реально смотрящего на вещи, соответствует ожиданиям избирателей в данный исторический период в данных условиях. Речевое поведение кандидата от партии «Зеленых» Р. Хармс в плане стратегии вероятностного оценивания обнаружило такие личностные характеристики политика, как уверенность, убежденность, решительность, что оказало соответствующий воздействующий эффект на избирателей. Нестабильное речевое поведение Г. Циммер, депутата партии «Левые», коррелирует с последним местом на выборах среди рассматриваемых политических деятелей.

Проведенный прагмалингвистический анализ речевого поведения немецких кандидатов в Европарламент в 2014 г. методами скрытой прагмалингвистики ни в коем случае не постулирует прямой взаимосвязи между речевым поведением коммуникантов и результатами выборов. Однако речевое влияние на неосознаваемом уровне, по нашему мнению, усиливает осознанно планируемое вербальное воздействие, суммируется с ним и вызывает мощный перлокутивный эффект.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алферов А. В., Кустова Е. Ю. Европейский парламентский дискурс: стратегия исследования // Вестн. ПГЛУ. 2014а. № 1. С. 91—94.
2. Алферов А. В., Кустова Е. Ю. Пропозиция и модальность парламентской коммуникации: французская национальная ассамблея в лицах / А. В. Алферов, Е. Ю. Кустова // Личность, речь и юридическая прак-

тика : сб. науч. тр. Междунар. науч.-метод. конф. — Ростов н/Д : ДЮИ, 2014б. Вып. 17. С. 10—14.

3. *Выборы* в Европейский парламент 2014. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Выборы_в_Европейский_парламент_\(2014\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Выборы_в_Европейский_парламент_(2014)) (дата обращения: 10.09.2014).

4. Куклина Т. В. Психологические и прагмалингвистические аспекты речевого поведения авторов (на материале текстов рецензий и политических выступлений) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Куклина Татьяна Владимировна. — Ростов н/Д, 2005.

5. Лесняк М. В. Речевая стратегия как инструмент моделирования возможной действительности в политическом дискурсе (с позиции скрытой прагмалингвистики) // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2014. № 3 (332). Вып. 87. С. 61—67.

6. Матвеева Г. Г. Скрытые грамматические значения и идентификация социального лица («портрета») говорящего : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Матвеева Галина Григорьевна. — СПб., 1993.

7. Матвеева Г. Г. Нюансы смысла в скрытой прагмалингвистике // Филологический вестн. РГУ. 1998. № 2. С. 28—32.

8. Матвеева Г. Г., Самарина И. В., Селиверстова Л. Н. Два направления в современной прагмалингвистике // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 12. 2009. Вып. 1, ч. 2. С. 50—57.

9. Моисеенко Л. А. Речевое поведение авторов военных мемуаров и диагностирование их индивидуальных свойств : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Моисеенко Лариса Александровна. — Ростов н/Д, 2000.

10. Нужнова Е. Е. Прагмалингвистический аспект речевого поведения специалистов в области компьютерной техники : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Нужнова Елена Евгеньевна. Ростов н/Д, 2003.

11. Приходько А. И. Статус оценочной модальности в языке // Уч. зап. Таврического нац. ун-та им. В. И. Вернадского. Сер. «Филология. Социальные коммуникации». 2011. № 3, т. 24 (63). С. 260—264.

12. Сапрыкина Е. В. Структура речевого действия «обвинение» в рамках парламентского дискурса // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2007. № 15 (93). С. 128—132. URL: <http://www.lib.csu.ru/vch/093/124.pdf> (дата обращения: 28.06.2010).

13. Burkhardt A. Parlament und seine Sprache: Studien zur Theorie und Geschichte parlamentarischer Kommunikation. — Niemeyer : Tübingen, 2003.

14. Hansen B. Modals and the boundaries of grammaticalization: the case of Russian, Polish and Serbo-Croatian // What makes Grammaticalization? / W. Bisang, N. Himmelmann, B. Wiemer (eds.). — Berlin : Mouton de Gruyter, 2004. S. 245—270.

15. Hoinle M. Metaphern in der politischen Kommunikation: eine Untersuchung der Weltbilder und Bilderwelten von CDU und SPD. — Konstanz : Hartung-Gorre Univ. Diss., 1999.

16. Kessel W. Deutscher Bundestag. Im Reichstagsgebäude. — Berlin : Deutscher Bundestag, 2003.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова.

Лу Тинтин
Пекин, Китай

Lu Tingting
Beijing, China

**СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
ПОЛИТИЧЕСКОГО И КУЛЬТУРНОГО
КОНТЕКСТА РУССКОЯЗЫЧНОГО
И КИТАЙСКОЯЗЫЧНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО
ИНТЕРВЬЮ**

**A COMPARATIVE STUDY
OF POLITICAL AND CULTURAL DIFFERENCES
BETWEEN RUSSIA AND CHINA: AN ANALYSIS OF
DIALOGIC STRUCTURE OF POLITICAL
INTERVIEWS**

Аннотация. Рассматривается политическое интервью как особая жанровая разновидность политического дискурса. На материале корпуса, состоящего из 15 русскоязычных и 15 китайскоязычных политических интервью, автор раскрывает специфику диалогической структуры интервью в политическом и культурном контексте России и Китая.

Abstract. As a special kind of political discourse, political interviews are influenced by both mass media agencies and political institutions. Based on the analysis of a small corpus of political interviews within the framework of the "dialogic unity" theory, this paper aims to explore the dialogic structural characteristics of Russian and Chinese political interviews. The article argues that the dialogical character of Russian political interviews is more obvious than that of Chinese ones. The divergence in dialogic structure reflects the differences in political and cultural context, in mass media as well as in participants' communication purposes.

Ключевые слова: политический дискурс; политическое интервью; структура диалога; политический и культурный контекст России и Китая; конфуцианство; многопартийность.

Key words: political interviews; political discourse; dialogic structure; political and cultural context.

Сведения об авторе: Лу Тинтин, кандидат филологических наук.

About the author: Lu Tingting, candidate of philology.

Место работы: Пекинский университет международного образования, Хэйлунцзянский университет.

Place of employment: Beijing Foreign Studies University, Heilongjiang University.

Контактная информация: 100024, Китай, г. Пекин, район Чао Ян, Динфучжун Наньли № 1.
e-mail: lutingting0809@mail.ru.

Особенность современной политической жизни заключается в том, что политики всё реже общаются с населением напрямую, выступая в залах и на площадях, и всё чаще делают это с помощью средств массовой информации. Политическое интервью как важный способ современной политической коммуникации — это беседа журналиста и политика на политические темы, транслируемая средствами массовой информации. Материалом статьи послужили 15 русскоязычных и 15 китайскоязычных политических интервью, анализ которых позволяет сделать известные выводы о специфике интервью в политическом и культурном контексте России и Китая, влияющем на структурно-содержательные признаки данной жанровой разновидности.

По мнению А. К. Михальской, политическое интервью относится к политическому дискурсу и характеризуется как 1) высоко конвенциональный (социально «условный») речевой жанр с жестким распределением речевых ролей непосредственных участников; 2) агональный речевой жанр — «поединок», «диалог-спор»; 3) публичный речевой жанр, в котором и непосредственные участники речевой ситуации, и адресаты являются не отдельными индивидами, а «публичными персонами», гражданами и в котором предметом речи являются

исключительно общественно значимые явления; 4) вследствие своей публичности — высоко «формальный» речевой жанр, требующий от партнеров четкого и постоянного соблюдения речевой этики и этикета, речевого «исполнения» в границах элитарного типа соблюдения речевой культуры [Михальская 2009: 67—68]. Н. И. Лавринова, в свою очередь, отмечает, что «своеобразие политического интервью обусловлено сочетанием в его характеристике признаков, свойственных и политическому дискурсу, и дискурсу СМИ, а также особенностями, присущими ему как диалогическому тексту» [Лавринова 2009: 68].

Мы считаем, что жанрообразующие признаки политического интервью во многом обусловлены как институтом СМИ, так и политическими институтами. В связи с этим оно отличается от бытового диалога коммуникативной целью, ролями коммуникантов, объемом реплик, выбором темы разговора, правилами смены ролей говорящих и т. д. Оно отличается и от других видов интервью особенностями диалогического реплицирования, интенциональной составляющей речевых актов, репертуаром прагматических стратегий и тактик.

Анализ структуры политического интервью сделан нами с опорой на теорию диалогического единства. Понятие диалогического единства

本文为北京第二外国语学院2013校级项目“从俄汉政治访谈的会话结构看两国的政治文化差异”(项目编号090078);北京第二外国语学院“2013种子计划-新教师科研启动计划人员”项目(项目编号210007)的成果。

© Лу Тинтин, 2014

как особой единицы общения впервые было выдвинуто в 1960 г. Н. Ю. Шведовой. Это «сочетание реплик, которые связаны друг с другом по определенным правилам синтаксической зависимости» [Шведова 1960: 280—281]. Такое определение ограничивалось структурно-синтаксическими особенностями, но в дальнейшем в ряде работ было убедительно доказано, что семантический аспект неотделим от структуры высказывания и что его необходимо учитывать в дефинициях. Вслед за Л. А. Брусенской мы считаем, что «диалогическое единство — смысловое и грамматическое единство, объединенное единой тематикой». Следовательно, политическое интервью представляет собой совокупность вопросно-ответных единств, объединенных микротемой, репрезентирующей политическую направленность текстов данного жанра. Вопросительные реплики журналистов инициируют диалог, развивают его и требуют, в свою очередь, ответной реплики (или достаточно развернутого высказывания) политиков. Сигналом завершения вопросно-ответного единства является появление новой микротемы, задаваемой новой вопросительной репликой журналистов.

Таким образом, структурной единицей политического интервью, как и других разновидностей этого жанра, является вопросно-ответное единство. По количеству реплик можно выделить **простое** и **сложное** вопросно-ответное единство как единицы, внутренне связанные не только структурно, но и семантически. Простое вопросно-ответное единство состоит из двух реплик, а сложное — из трех и большего количества.

Журналист — А. Дорохов, гость — Д. Зеленин.

1. Дорохов. *Дмитрий Вадимович, но если хотя бы чуть-чуть приоткрыть завесу над этим вежливым и очень уклончивым выражением „социально-экономическая ситуация в регионе“. Все-таки, может быть, какие-то подробности? О чем вы говорили с Владимиром Владимировичем?*

2. Зеленин. *На самом деле сейчас мы наблюдаем рост.*

3. Дорохов. *У себя в Тверской области?*

4. Зеленин. *Да.*

5. Дорохов. *Несмотря ни на что?*

6. Зеленин. *Несмотря ни на что. Общее количество вакансий уже в 2 раза превышает количество безработных. Такое было до кризиса: 2007 — начало 2008 года. В кризисный год, в 2009, количество вакансий было в 2 раза ниже, чем количество безработных. Сейчас ситуация поменялась, то есть пошел спрос. И это говорит о том, что, заявляясь на различные, на различные необходимые трудовые ресурсы, предприятия видят перспективы (радиостанция «Говорит Москва», 2010, 18 авг.).*

Данный фрагмент диалога состоит из 6 реплик. Третьей репликой журналист уточняет

семантическое наполнение местоимения «мы», которое в политическом дискурсе может репрезентировать широкий круг субъектов. Пятой репликой журналист прерывает политика, выражая сомнение в истинности сказанного им.

В политическом интервью сложные вопросно-ответные единства выполняют функцию выражения мнения, интерпретации предыдущей реплики политика, переспроса и т. п.

Анализ корпуса материала позволяет выделить общие черты русскоязычного и китайскоязычного политических интервью:

- Политическое интервью на обоих языках представляет собой совокупность вопросно-ответных единств. Такая диалогическая структура обусловлена традиционными требованиями к текстам данной жанровой разновидности в СМИ.

- По количеству реплик и способу их построения в обеих лингвокультурах выделяются два типа вопросно-ответных единств: простое и сложное.

- Существуют идентичные подтипы сложного вопросно-ответного единства: инициируемые подготовительной репликой журналиста, дополнительной репликой, оценочной репликой; репликой, интенцией которой является получение информации, а также репликами интерпретационного и обобщающего характера.

Можно выделить и различия между политическими интервью в двух языках.

- Для русскоязычного характерно большее разнообразие способов построения сложного вопросно-ответного единства. Поэтому, кроме отмеченных выше общих подтипов, можно выделить и специфические — реплики, инициирующие вопрос политика и его возражения, а также вставные реплики. Отдельные сложные вопросно-ответные единства имеют несколько способов построения.

- В русскоязычном политическом интервью часто встречаются сложные вопросно-ответные единства, состоящие из пяти и более реплик (такие случаи очень редки в китайскоязычных политических интервью).

- Русскоязычное и китайскоязычное политические интервью различаются и частотой употребления сложного вопросно-ответного единства. В китайскоязычном политическом интервью чаще используют простое вопросно-ответное единство (примерно 52 % от общего числа вопросно-ответных единств). В свою очередь, для русскоязычного политического интервью характерно более частое употребление сложного вопросно-ответного единства (около 70 % от общего числа вопросно-ответных единств). По сравнению с китайскоязычным русскоязычное политическое интервью отличается большей «диалогичностью».

Обратимся к анализу различий между русскоязычным и китайскоязычным политическими

ми интервью, обусловленных политическим и культурным контекстами ведения диалога. Специфика политического контекста проявляется в отдельных положениях основных законов обоих государств, ср.: «Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления. В Российской Федерации признается идеологическое многообразие. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. В Российской Федерации признаются политическое многообразие, многопартийность» (Конституция Российской Федерации); «Китайская Народная Республика является социалистическим государством народно-демократической диктатуры под руководством рабочего класса, базирующимся на союзе рабочих и крестьян» (Конституция Китайской Народной республики); «Институт многопартийного сотрудничества и политических консультаций под руководством КПК является основным политическим строем. Будучи правящей, КПК является руководящим ядром дела социализма в Китае. При предпосылке признания руководящей роли КПК демократические партии имеют статус партий-соучастниц в политической жизни страны» (Предложения о поддержке и улучшении института многопартийного сотрудничества и политических консультаций под руководством КПК. Документ № 14). Как отметил китайский ученый Ху Чжэнжун, «во всяких социальных строях СМИ держит в руках определенная общественная организация, как правило, правящие классы. Поэтому можно утверждать, что системе СМИ определяет социальный строй» [Ху Чжэнжун 1997: 27].

Россия и Китай сильно различаются по политическому строю, чем обусловлены различия в этих странах и систем средств массовой информации, и их функций.

Различия в политических контекстах приводят к нетождественному речевому поведению российских и китайских политиков и журналистов в процессе интервью. Основными коммуникативными задачами китайских политиков являются пропаганда и интерпретация партийной и правительственной политики, установок, мер и т. д. Журналист, в свою очередь, способствует корректной реализации этих задач. Таким образом, общие коммуникативные задачи определяют и общую интенцию участников диалога. Подобная гармоничная коммуникация способствует реализации интегративной функции китайского политического дискурса.

В условиях многопартийного строя российские политики, наоборот, дифференцируют свои позиции с целью партийной борьбы и сохранения и достижения политической власти. Журналист же, как носитель точки зрения определенной группы граждан РФ, активно зада-

ет вопросы и выражает свое мнение по тому или иному поводу. Отсюда многообразие функций российского политического дискурса (функции интеграции и дифференциации, функции агональности и побуждения). В результате гармоничность коммуникации в рамках российского политического интервью проявляется, на наш взгляд, в значительно меньшей степени, чем в рамках китайского.

Давая политическое интервью в разных политических контекстах, российские и китайские политики реализуют разные коммуникативные задачи, по-разному понимают функции и перлокутивный эффект политической коммуникации, а журналисты России и Китая проявляют разную степень коммуникативной активности и стремления к кооперации с интервьюируемым. Результатом сказанного является, на наш взгляд, большая степень диалогичности и агональности русскоязычного политического интервью.

Кроме политического контекста, на диалогическое членение политического интервью оказывает влияние и культурный контекст обеих стран. Если мы сравним книгу «Лунь юй» (наиболее распространенный перевод — «Беседы и суждения») Конфуция с беседами Сократа, то увидим принципиальную разницу восточной и западной коммуникативных культур.

Учения Конфуция и Сократа передаются в основном в устном виде. 500 фрагментов, которые включает «Лунь юй», можно подразделить на три типа. Для первого типа характерна монологичность, например:

Учитель сказал:

— Учиться и время от времени повторять изученное, разве это не приятно? Встретить друга, прибывшего издалека, разве это не радостно? Человек остается в неизвестности и не испытывает обиды, разве это не благородный муж?

Фрагмент второго типа состоит из двух реплик — вопроса и ответа:

Цзы-гун спросил о благородном муже. Учитель ответил:

— Он прежде осуществляет задуманное, а потом уже говорит об этом.

Фрагмент третьего типа состоит из трех и более реплик:

Цзы-ся спросил:

— Что значат слова: „Чарующая улыбка придает красоту, блеск глаз создает привлекательность, простой фон с помощью раскрашивания обретает разноцветные узоры“?

Учитель ответил:

— Рисунок появляется на простом фоне.

Цзы-ся сказал:

— [Это значит, что] ритуалом пренебрегли?

Учитель сказал:

— Шан, вы уловили мою мысль. С вами можно беседовать о „Ши цзин“.

Мы видим, что, хотя второй тип высказывания формально имеет форму диалога, он все же ближе к монологу, поскольку первая реплика является только введением в тему беседы. Соответственно мы относим и первый, и второй типы текстов к монологическим. По нашему подсчету, 347 текстовых фрагментов, приведенных в «Лунь Юй» (87 %), относится к первому типу, а 87 — ко второму.

Продемонстрируем теперь, что учению Конфуция внутренняя монологичность свойственна в гораздо большей степени, чем текстам греческого философа Сократа. Приведем отрывок из его бесед:

Сократа спросил Евфидема:

— «Скажи, Евфидем, знаешь ли ты, что такое справедливость?»

— «Конечно, знаю, не хуже всякого другого».

— «А я вот человек, к политике непривычный, и мне почему-то трудно в этом разобраться. Скажи: лгать, обманывать, воровать, хватать людей и продавать в рабство — это справедливо?»

— «Конечно, несправедливо!»

— «Ну, а если полководец, отразив нападение неприятелей, захватит пленных и продаст их в рабство, это тоже будет несправедливо?»

— «Нет, пожалуй что, справедливо».

— «А если он будет грабить и разорять их землю?»

— «Тоже справедливо».

— «А если будет обманывать их военными хитростями?»

— «Тоже справедливо. Да, пожалуй, я сказал тебе неточно: и ложь, и обман, и воровство — это по отношению к врагам справедливо, а по отношению к друзьям несправедливо».

— «Прекрасно! Теперь и я, кажется, начинаю понимать. Но скажи мне вот что, Евфидем: если полководец увидит, что воины его приуныли, и солжет им, будто к ним подходят союзники, и этим ободрит их, — такая ложь будет несправедливой?»

— «Нет, пожалуй что, справедливой».

— «А если сыну нужно лекарство, но он не хочет принимать его, а отец обманом подложит его в пищу, и сын выздоровеет, — такой обман будет несправедливым?»

— «Нет, тоже справедливым».

— «А если кто, видя друга в отчаянии и боясь, как бы он не наложил на себя руки, украдет или отнимет у него меч и кинжал, — что сказать о таком воровстве?»

— «И это справедливо. Да, Сократ, получается, что я опять сказал тебе неточно; надо было сказать: и ложь, и обман, и воровство — это по отношению к врагам справедливо, а по отношению к друзьям справедливо, когда делается им на благо, и несправедливо, когда делается им во зло».

В этом фрагменте беседы вопросы Сократа активизируют мыслительную деятельность собеседника и подталкивают его к самостоятельным выводам. Такой тип беседы является, как мы считаем, полноценным диалогом.

Лингвистическое различие между репликами диалогов указанных собеседников подтверждается и в трудах философов. Как отметил китайский ученый Цзян Инин, «различие мыслительного способа между Конфуцием и Сократом заключается в том, что Конфуций обращает больше внимания на поиск способов, малое внимание уделяет общей сущности предметов, поэтому в его мыслительном процессе мало обсуждения и допроса, а только нравоучение в конкретной ситуации; а непрерывно расспрашивая и размышляя, Сократ стремится к поиску сущности предметов, к метафизическому пониманию» [Цзян Инин 2011: 14].

В исторических процессах, связанных с формированием менталитета китайского народа, конфуцианство играло важнейшую, незаменимую роль. Как видим, оно повлияло и на специфику текстообразования, поэтому можно утверждать, что внутренняя монологичность политического интервью как жанра китайского политического дискурса тесно связана с китайским конфуцианством.

К какой культуре принадлежит Россия, расположенная в Евразии: к Востоку или к Западу? Этот вопрос горячо обсуждается с давних времен. Академик Д. С. Лихачёв отстаивает гуманистическую концепцию единого культурного пространства, обосновывает европейскую ориентацию русской культуры, вобравшей в себя христианские ценности и три основные принципа европейской культуры — ее личный характер, универсализм и свободу. На наш взгляд, находясь между восточной и западной культурами и впитывая их, Россия представляет собой специфический, открытый тип культуры. Полемичность, свойственная западной культуре, оказала и оказывает сильное влияние на русских интеллектуалов, что нашло подтверждение в таких исторических событиях, как деятельность Северного и Южного обществ декабристов, аристократических салонов Петербурга в XIX в., кружка Петрашевского, литературно-художественного кружка «Среда», споры западников и славянофилов. Диалогичность русскоязычного политического интервью является результатом существования полемики культуры, формировавшейся более двух столетий.

В процессе исследования политического интервью нельзя не учитывать тот факт, что на его участников влияют условия, в которых оно проходит. Поэтому следует еще раз повторить, что сходство в текстообразовании этой жанровой разновидности обусловлено общими чертами феноменов политического дискурса и дискурса СМИ, а различия — нетождествен-

ными политическими и культурными контекстами двух стран.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брусенская Л. А., Гаврилова Г. Ф., Малычева Н. В. Словарь лингвистических терминов. — Ростов н/Д : Феникс, 2005. URL: <http://veselchak.ru/article/17/06/t-0308-12635.html>.
2. Лавринова Н. И. Текстобразующие характеристики политического интервью // Вестн. Помор. ун-та. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2009. № 5.
3. Михальская А. К. Политическое интервью как речевой жанр // Риторическая культура в современном обществе : тез. 4 Междунар. конф. по риторике. — М. : Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 2009.
4. Шведова Н. Ю. К изучению русской диалогической речи // Вопросы языкознания. 1956. № 2.
5. Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. — М., 1960.
6. 胡正荣. 传播学总论 [M]. 北京: 北京广播学院出版社, 1997.
7. 江颖颖. 孔子与苏格拉底的思维方式对中西方哲学传统的影响[J]. 哈尔滨市委党校学报, 2011, (3): 11-14.
8. 江洲. 一部俄罗斯文化史百科全书——《俄罗斯思考》评价[J]. 国外理论动态, 2002, (8): 28—29.
9. 利哈乔夫. 解读俄罗斯 [M]. 北京: 北京大学出版社, 2003.
10. 李泽厚. 论语今读 [M]. 北京: 生活·读书·新知三联书店, 2008.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. Б. Руженцева.

УДК 811.161.1:39(571.56)
ББК Ш141.12-006.35

ГСНТИ 11.01.67; 16.21.27

Код ВАК 23.00.05; 10.02.19

Е. Г. Маклашова
Якутск, Россия

E. G. Maklashova
Yakutsk, Russia

**ДИСКУРС ЭТНИЧНОСТИ В ПРАВОВОМ ПОЛЕ
НАЦИОНАЛЬНОГО
СУБЪЕКТА ФЕДЕРАЦИИ**

(на материале Республики Саха (Якутия))

Аннотация. Предпринята попытка определить динамику дискурса этничности в правовом поле национального региона РФ в условиях политического транзита. Устанавливаются значения слов «национальный» и «этнический» в законодательном поле Республики Саха (Якутия) на основе анализа региональных нормативных актов, принятых с 1990 по 2014 г. Утверждается, что в законодательном поле Якутии отсутствуют правовая ясность терминов «национальный» и «этнический» и четкие границы между ними. Обосновывается необходимость понятийного закрепления в правовом поле отношений, связанных с национальным и этническим развитием российского общества.

Ключевые слова: этничность; национальный; дискурс этничности; полисемия; нормативные правовые акты Республики Саха (Якутия).

Сведения об авторе: Маклашова Елена Гавриловна, кандидат политических наук, научный сотрудник, сектор этносоциологии.

Место работы: Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН.

Контактная информация: 677007, Россия, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Петровского, 1.
e-mail: maklashova@mail.ru.

**DISCOURSE OF ETHNICITY
IN THE LEGAL FIELD OF FEDERAL SUBJECTS OF
RUSSIA**

(the case of Sakha Republic of Yakutia)

Abstract. The article attempts to define the dynamics of the discourse of ethnicity in the legal field of federal subjects of Russia in conditions of political change. The author discloses the meanings of the words “national” and “ethnic” in the legislative field of the Republic of Sakha (Yakutia) on the basis of the analysis of regional normative acts. The article argues that the legislative field of Yakutia does not display legal clarity, and there are no distinct boundaries between the terms “national” and “ethnic”. The article specifies the need of conceptual fixation of relations connected with the national and ethnic development of the Russian society in the legal field.

Key words: ethnicity; nationality; discourse; polysemy; legal field; Republic of Sakha (Yakutia).

About the author: Maklashova Elena Gavrilovna, Candidate of Political Sciences, Research Officer, Sector of Ethnology.

Place of employment: Institute of Humanitarian Research and Indigenous Peoples of the North Siberia, Branch of Russian Academy of Sciences.

Contact information: 677007, Russia, Republic of Sakha (Yakutia), g. Yakutsk, ul. Petrovskogo, 1.

ВВЕДЕНИЕ. Сегодня в отечественном научном и политическом дискурсе все чаще поднимаются вопросы о нации, нацстроительстве, этносе, этничности. Причем такие дискуссии имеют весьма конфликтный характер, особенно в коммуникативном пространстве национальных субъектов Российской Федерации. Как показывает практика, в научном дискурсе противоречия исходят из особенностей теоретико-методологических баз, в публичной сфере — из отсутствия разъяснений при использовании в дискуссии слов «нация», «национальный», «этнический». А каков дискурс этничности и каково соотношение терминов «национальный», «этнический» в правовом поле, ведь именно правовые нормы призваны быть устойчивыми, объективными, отражать интересы большинства, формировать правопорядок в области осуществления тех или иных общественных отношений? Эти вопросы определили цель написания данной статьи. Работа базируется на институциональном и дискурсивном подходах, которые дают возможность установить особенности конструирования общественных взаимоотношений в период становления и развития Якутии как национального субъекта Российской Федерации.

Анализ правового пространства Якутии осуществлен на основе базы данных СПС «КонсультантПлюс» по состоянию на 1 июля 2014 г. (дата пополнения — 10 июня 2014 г.). В группу для контент-анализа вошли нормативные правовые акты Республики Саха (Якутия) (законы, указы, определения, заключения, постановления, распоряжения, решения, приказы, пояснения органов государственной власти Республики Саха (Якутия) (РС(Я)), Конституция РС(Я), договоры, концепции), принятые с 1990 по 2014 г., как действующие, так и утратившие силу. Ключевыми словами поиска определены «национальный», «этнический» и «этнос».

В системе органов государственного управления нет единых непреложных механизмов реализации национальной политики России. Более того, общеизвестно, что в период «парада суверенитетов» имелось разнообразие курсов по регулированию отношений в области межэтнических отношений и национальных (общегосударственных) идей. В настоящее время мы становимся свидетелями реформирования социокультурного пространства российского общества и формирования единства в понимании национальных идей и межэтнического и культурного разнообразия.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта «Научно-образовательный фонд поддержки молодых ученых Республики Саха (Якутия)» 2014-01-0019 по теме «Этничность в социополитическом пространстве региона (по материалам Республики Саха (Якутия))».

© Маклашова Е. Г., 2014

Наблюдаются существенные правовые и политические трансформации, обусловленные как влиянием глобализационных процессов, так и совершенствованием понятийного аппарата (при существенном влиянии научных изысканий). Тем не менее здесь государство пользуется полным суверенитетом и иммунитетом [Садриева 2011: 90—92]. В этой связи изучение изменений понимания национальных и этнических компонентов общественной жизни в правовой сфере республики Саха (Якутия) как национального субъекта РФ вызывает научный интерес.

ДЕФИНИЦИИ «НАЦИОНАЛЬНЫЙ» И «ЭТНИЧЕСКИЙ» В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ЯКУТИИ. Введение ключевого слова «национальный» в поисковую строку СПС «КонсультантПлюс» выстроило список из 4784 материалов в разделе правовых актов РС(Я), датированных с 1990 г. по настоящее время. Определяющими для дальнейшего политического и общественного развития республики как национального государственного образования в составе Российской Федерации стали три основополагающих закона, давших старт процессу конструирования этнического дискурса в регионе. Первым документом, содержащим термин «национальный», является Декларация о государственном суверенитете Якутской-Саха Советской Социалистической Республики (далее — Якутская-Саха ССР), принятая 27 сентября 1990 г. Термин «национальный» в данном документе используется для определения особенностей, основанных на этнических и культурных признаках, а также для закрепления государственной формы защиты такой специфики. В частности, в Декларации записано [Декларация о...]: 1) носителем суверенитета является народ, состоящий из граждан республики всех национальностей (ст. 1); 2) формирование национально-территориальных образований является формой обеспечения малочисленным народам Севера сохранения их исконной среды обитания, самоуправления, политического и правового равноправия (ст. 4); 3) Якутская-Саха ССР имеет право на самоопределение своего национально-государственного статуса (ст. 9). Вторым правовым актом является Закон Якутской-Саха ССР от 26 февраля 1991 г. № 386-XII «О государственном статусе Якутской-Саха Советской Социалистической Республики», который устанавливает политическую связь между суверенитетом, языком как основным этническим маркером, этничностью и государственностью. Третьим — Закон Якутской-Саха ССР от 2 марта 1991 г. № 416-XII «О собственности в Якутской-Саха ССР», положивший начало делению республики по территориальному и национально-территориальному признаку (по образу и подобию административного деления Российской Федерации).

В целом, проанализировав массив документов, можно выделить следующие случаи

применения термина «национальный» в законодательных актах РС(Я):

- в качестве определения правового и политического статуса республики, подкрепленного основами федерального законодательства, отличающего его от других субъектов Федерации, подчеркивающего сложность культурного пространства, особенность и этнокультурную направленность политики региона;

- как обобщающий термин при определении гражданско-правовых и государственных особенностей, но, скорее всего, подразумевающий и этнокультурные. Например: национальное самосознание, национальная идея, национальные кадры и т. д.;

- как общее определение этнокультурных особенностей наравне с природно-климатическими, оказывающих прямое влияние на систему принятия решений. Так, законодательно закрепляется необходимость учета при разработке региональных мероприятий национальных (этнических), национально-бытовых, культурных особенностей Якутии;

- при регулировании вопросов в отношении коренных малочисленных народов в целях государственного протекционизма их национальных и культурных запросов [см. подр.: Астахова 2010];

- в качестве типологизации административного деления республики, исходящего из этнических и культурных особенностей территорий;

- для обозначения ценности и значения этнокультурного достояния Якутии. Так, в Законе РС(Я) от 17 июня 1998 г. №26-II «Об особо ценных объектах национального и культурного достояния народов Республики Саха (Якутия)» под национально-культурным достоянием народа понимается культурное наследие, имеющее уникальный характер с точки зрения археологии, истории, культуры, архитектуры, науки и искусства (ст. 1). В этой связи статус национальных образуют учреждения, имеющие отношение к сохранению культурного фонда Якутии: Национальный художественный музей РС(Я), Национальный архив РС(Я), Национальный ландшафтно-этнографический и культурный парк «Сайсары», Национальный театр танца РС(Я) и т. д.;

- для определения идентичности на основе культурных, психологических, эмоциональных качеств;

- как часть общественной жизни в республике, отражающая этнокультурные особенности жизнедеятельности: национальные виды спорта, национальные промыслы, национально-прикладное искусство, национальные традиции, национальный праздник, национальный орнамент, национальный предмет, национальный продукт, национальные блюда, национальная литература, национальная опера;

- при указании на виды противоправных действий, таких как национальная рознь, национальная ненависть;

– в широком значении — как государственный. Например: национальный день здоровья, национальная безопасность, национальный контроль, национальные стандарты, национальные проекты;

– для установления статуса, роли и места организации в системе республиканских учреждений. Так, статус национальных носят организации, составляющие основу национального богатства республики [Положение о едином...]. В частности, созданы Национальный банк РС(Я), Национальная вещательная компания «Саха», Национальная авиакомпания «Саха-Авиа», Национальный центр медицины, Национальная компания рыбного хозяйства «Балыксыт», Национальная компания «Тюсюлгэ», Национальная нефтегазовая компания «Саханафтегаз», Национальная страховая компания «Аргыс», Национальный концерн охотничьего хозяйства «Сахабулт», Национальный фонд возрождения «Барбары», Национальная издательско-полиграфическая компания «Сахаполиграфиздат» и т. д.;

– для определения статуса проводимых мероприятий, например: национальная жилищная политика, национальная экологическая программа;

– при определении принадлежности к другому государству, например: документы национальных органов страны [Закон РС (Я) от 15. 12.1994 3 №45-1 «О санитарно-эпидемиологическом...], национальный паспорт иностранца [Положение о порядке медицинского...].

Таким образом, можно выделить три коннотации термина «национальный» в законодательстве Якутии, а именно:

– отражающую этнокультурные особенности, т. е. имеющее отношение к нации как этносу, национальное — этническое;

– относящуюся к дефиниции нации как государства, национальное — государственное;

– комбинированное понятие, отражающее особый конструкт, базирующийся и на этническом, и на государственном понимании, созданный специально для ретрансляции этнокультурных особенностей региона на политическую плоскость и их государственной защиты.

При этом выделенные выше коннотации могут использоваться в одном документе. Например, в Постановлении Правительства РС(Я) от 26 января 2001 г. № 48 «О концепции повышения трудовой мотивации, занятости и снижения уровня бедности в Республике Саха (Якутия)» во введении приводятся слова М. Е. Николаева (являвшегося на тот момент президентом РС(Я)), где говорится о национальных интересах России и Якутии, что, скорее всего, означает государственные интересы. В самом тексте говорится о национальном возрождении народов республики, основанном на развитии интеллектуального, духовного потенциала и культуры, повышении профессио-

нального и образовательного уровня (V раздел п. 5.6 Положения).

Интересным фактом является то, что в 2012 г. в одном из постановлений при упоминании слова «национальный» в скобках давалось разъяснение, что национальный — общероссийский, но такое пояснение записано в Постановлении Государственного комитета по ценовой политике РС(Я) от 31 июля 2012 г. № 76 «Об установлении тарифов на электрическую энергию, предоставляемую ООО „Транснефтьэнерго“ потребителям на территории Республики Саха (Якутия)».

Интерпретации слов «этнический», «этнос» ввиду наличия общего смыслового значения и отсутствия разночтений достаточно четки, однообразны и ясны. Так, по ключевому слову «этнический» база СПС «КонсультантПлюс» показала его наличие в 191 документе. Первое упоминание встречается в Постановлении Совета министров Якутской-Саха ССР от 11 апреля 1991 г. № 184 «Вопросы регулирования земельных отношений на территории Якутской-Саха ССР» и используется в словосочетании «этнические группы» как термин, определяющий совокупность людей, объединенных общими культурными, языковыми и психологическими признаками (глава I п. 4). В Законе Якутской-Саха ССР от 17 октября 1991 г. № 648-XII «Об охране природы в Якутской-Саха ССР» в ст. 5 используется в словосочетании «этнические территории», что позволяет законодательно привязать и закрепить этническое сообщество, этнос, этническую группу за той или иной территорией, где они компактно проживают, более того, дополнить понятие «этнический» не только культурными и языковыми отличиями, но и хозяйственно-экономическими (введение традиционного природопользования).

Дефиниция «этнический» в его денотативном значении в законодательном поле Якутии используется:

– для определения совокупности людей, объединенных общими культурными, языковыми признаками, ощущающих себя как уникальное культурное сообщество, обладающее этническим самосознанием. Например, этнические группы. Подобная интерпретация сопровождает такие термины, как «малочисленные народы», «коренные народы Якутии», «этнические группы», «этнические группы Севера», «другие этнические общности Севера»;

– отражения культурных особенностей территорий;

– определения типа образований (этнические образования), органов (этнические общины, этнические ассоциации), функционирование которых исходит из наличия культурных особенностей территорий, на которых они осуществляют свою деятельность. Например, в Положении о порядке лицензирования права пользования недрами на территории Республи-

ки Саха (Якутия), утвержденном постановлением Правительства РС (Я) от 12 мая 1995 г. № 203, записано, что при проведении поисковых и разведочных работ регулярные платежи за право пользования недрами устанавливаются в особых случаях на основании международных договоров, по инициативе местных органов власти, этнических образований;

– отражения культурных, антропологических и физиологических особенностей индивидуумов, например: «этнические особенности населения» [Концепция устойчивого развития...];

– выделения особого типа самосознания, основанного на понимании, осознании индивидуумом причастности к совокупности людей, обладающих общими для них историей, культурой, традициями, языком, например: «национально-этническое самосознание» [Государственная программа РС (Я)...].

Таким образом, можно отметить, что в законодательном поле Якутии используется терминология этнологической и социальной наук, но отсутствует четкая правовая ясность и четкие границы между терминами «национальный» и «этнический», т. е. они используются по умолчанию. Так, если термин «этнический» употребляется в его денотативном значении, то слово «национальный» имеет разные смысловые оттенки. При этом, читая текст законов, пользователь в принципе самостоятельно может определить подходящую коннотацию. Такая ситуация в региональном законодательстве позволяет дрейфовать при описании культурных и политических процессов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Настоящее исследование показало, что в правовом дискурсе в республике Саха (Якутия) наблюдается нейтралитет в отношении законодательного регулирования социальных процессов, положенных в основу государственности и ежедневной работы органов государственной власти. Наиболее дискурсивным является слово «национальный» ввиду его полисемичности, термин «этнический», напротив, более устойчив, понятен и конкретен. Законодательное разъяснение применения в правовых нормах слов «национальный» и «этнический» нарочито не закрепляется. Такая ситуация позволяет лавировать в положениях, касающихся общественных процессов, которые, как известно, весьма изменчивы, в то время как нормы закона должны быть незыблемы. Интерпретирование законодательно не урегулированных положений при определенных условиях может дать разные результаты, что в принципе проявляется в Якутии. Тем не менее можно четко констатировать, что начиная с 1990 г., периода бурной суверенизации и децентрализации, положения республиканских нормативных и законодательных актов не содержат вариаций, направ-

ленных на гомогенизацию республики в культурном плане, ассимиляцию инокультур, доминирование одного этноса и (или) культуры, и в первую очередь направлены на закрепление и учет в системе управления не политических, не экономических и не природных факторов, а сугубо исторических и культурных особенностей региона. Можно заключить, что вопросы этничности в национальном регионе России, при сохранении существующей практики организации власти, остаются и будут оставаться наиболее актуальными и «болевыми». Таким образом, возникает необходимость широкого, углубленного дискурсивного анализа правового поля Российской Федерации по регулированию вопросов этнокультурного развития и национального укрепления, в том числе с использованием компаративистики в отношении разностатусных субъектов РФ с целью уточнения необходимости понятийного закрепления в правовом поле отношений, связанных с национальным и этническим развитием российского общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Астахова И. С. Защита прав коренных малочисленных народов Севера в региональных парламентах России (на примере Государственного Собрания Ил (Тумен) Республики Саха (Якутия)) // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. 8. С. 12—23.
2. Государственная программа РС(Я) «Создание для духовно-культурного развития народов Якутии на 2012—2016 годы» : утверждена Указом Президента РС (Я) от 12.10.2011 № 956 // СПС «КонсультантПлюс».
3. Декларация о государственном суверенитете Якутской-Саха Советской Социалистической Республики от 27.09.1990 № 226-ХII // СПС «КонсультантПлюс».
4. Закон РС(Я) от 15.12.1994 3 №45-1 «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Положение о порядке медицинского обслуживания иностранных граждан в Республике Саха (Якутия) : утв. постановлением Правительства РС (Я) от 30.12.1994 № 508 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Концепция устойчивого развития арктических улусов и мест компактного проживания коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия) до 2020 года : утв. постановлением Правительства РС(Я) от 17.12.2007 №515 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Положение о едином порядке государственной регистрации и контроле за деятельностью юридических лиц на территории Республики Саха (Якутия) : утв. постановлением Правительства РС(Я) от 28.05.1998 № 230 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Садриева Р. Р. Особенности гражданско-правовой ответственности Российской Федерации по обязательствам, возникающим у нее в соответствии с реализацией государственных гарантий, предусмотренных федеральными законами // Евразийский юридический журнал. 2011. 7 (38). С. 90—92.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук Н. Н. Ефремов.

УДК 81'36
ББК Ш105.2

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19; 10.02.04

Д. С. Мухортов
Москва, Россия

D. S. Mukhortov
Moscow, Russia

**ПРАГМАСЕМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
САМОСТОЯТЕЛЬНЫХ И СЛУЖЕБНЫХ ЧАСТЕЙ
РЕЧИ В ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЯХ ГЛАВЫ
ГОСУДАРСТВА (на материале программных речей
Рональда Рейгана)**

**A PRAGMASEMANTIC ANALYSIS
OF FUNCTIONAL AND CONTENT WORDS
IN PRESIDENTIAL RHETORIC: A CASE STUDY
OF RONALD REAGAN'S ADDRESSES
TO THE NATION**

Аннотация. На материале программных выступлений по экономическим вопросам 40-го президента США Рональда Рейгана в данной статье впервые в отечественной лингвистике рассматривается вопрос о том, что в процессе изучения языковой личности политического деятеля существенным этапом является кластерное рассмотрение самостоятельных и служебных частей речи в его дискурсе. Теоретической основой для анализа стали результаты многолетних исследований, проводимых лабораторией психолингвистики Техасского университета (США), а для обработки эмпирических данных была взята программа контент-анализа LIWC (Linguistic Inquiry and Word Count); с ее помощью стало возможным подтвердить некоторые важные гипотезы, касающиеся особенностей вербального поведения главы государства, а также определить дальнейший ход работы в плане прагмасемантической интерпретации речей первых лиц государства.

Abstract. The article discusses findings of University of Texas at Austin's psycholinguistic laboratory as per functional and content words, and with the help of the LIWC content analysis programme proves that linguistic style is a meaningful way of studying political personality.

Ключевые слова: самостоятельные части речи; служебные части речи; прагмасемантический анализ слова; контент-анализ; президент страны; президентская риторика.

Key words: functional words; content words; pragmasemantic analysis of the word; content analysis; head of state; presidential rhetoric.

Сведения об авторе: Мухортов Денис Сергеевич, кандидат филологических наук, доцент, кафедра английского языкознания, филологический факультет.

About the author: Mukhortov Denis S., PhD, Associate Professor, Department of English Linguistics, School of Philology.

Место работы: Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.

Place of employment: Moscow State University.

Контактная информация: 119991, Москва, Ленинские горы, ГСП-1, МГУ имени М. В. Ломоносова, 1-й корпус гуманитарных факультетов (1-й ГУМ), филологический факультет, ауд. 1045.
e-mail: dennismoukhortov@mail.ru.

Одним из эффективных способов изучения языковой личности политика (подробнее о «языковой личности» см., например, нашу статью: [Мухортов 2014]) является анализ самостоятельных и служебных частей речи, причем созданию наиболее объективной картины способствует исследование не отдельных лексических единиц, а их кластеров. Эта идея была успешно реализована при создании многочисленных программ контент-анализа (напр., Diction [Markoski], General Enquirer [Stone, Dunphy, Smith, Oglivy 1966], Latent Semantic Analysis [Landauer, Foltz, Laham 1998; Wolfe, Michael, Goldman 2003], Textalyser [Textalyser]), и неоднократно подтверждена в ряде исследований, проводившихся в рамках спецсеминара «Прагмасемантический анализ политического дискурса» на кафедре английского языкознания филологического факультета МГУ (например, в курсовых работах студентов романогерманского отделения филологического факультета МГУ Екатерины Кучеренко и Анны Сидоревич).

Среди современных программ контент-анализа особое место, на наш взгляд, занима-

ет программа Linguistic Inquiry and Word Count (LIWC), разработанная на факультете психологии техасского университета под руководством Джеймса Пеннебейкера [Pennebaker, Francis, Booth 2001]. Данная методика нацелена на распределение языковых средств по категориям и вычисление процентного соотношения содержания единиц из каждой категории в анализируемом тексте с целью дальнейшего изучения соотношения лингвистических и экстралингвистических факторов, сопутствующих реальной деятельности личности конкретного человека в определенной социальной, политической или другой его роли.

Дж. Пеннебейкер отмечает, что первоначальной целью ее создания было желание понять, как люди используют речь, когда они описывают эмоциональные подъемы и спады в моменты жизненных потрясений или переживаний. В 1980-е годы Дж. Пеннебейкер и его коллеги пришли к выводу о том, что, когда люди пишут о своих травмах на протяжении нескольких дней подряд по 15-30 минут, состояние их здоровья улучшается [Pennebaker, Kiecolt-Glaser, and Glaser, 1988]. Эта мысль

позволила исследователям определить, какие категории слов соотносятся с изменениями здоровья человека. Помимо изначальных узкопоставленных задач предметом анализа становились речи политиков. Через рассмотрение отдельных лексических категорий авторы LWC смогли прогнозировать победу на выборах, например, Дэвида Камерона и Ника Клега [Pennebaker, Persaud, (2010a), Pennebaker, Persaud, (2010b)], а также «диагностировать» изменения в вербальном поведении высокопоставленных лиц, например, бывшего мэра Нью-Йорка Рудольфа Джулиани [Chung, Pennebaker, 2007: 351].

Программа вычисляет общее количество слов в тексте и среднее арифметическое — в предложении. При этом важно подчеркнуть, что прагмасемантический анализ не ограничивается простым вычислением количества речевых единиц. Исследователями определен ряд формул, по которым можно сфокусироваться на целом ряде нюансов, связанных с языковой личностью политика. Причина внимания ученых к подобным вещам кроется в том, что любой язык предполагает возможность выбора различных языковых единиц для выражения одной мысли, и причины, побудившие человека сказать что-то так, а не иначе, могут оказаться весьма информативными.

Все пласты лексики в речи анализируемого субъекта подразделяются Дж. Пеннебейкером [Pennebaker 2011] на две взаимодополняющие группы: самостоятельные (**Content words**) и служебные части речи (**Function words/Style words**). К первым относятся имена существительные и прилагательные, наречия и глаголы действия. Ко вторым — разработчики LWC относят местоимения, артикли, предлоги, вспомогательные глаголы, отрицательные частицы, союзы, числительные и некоторые наречия. Данная категория слов — это строительный материал, который служит тому, чтобы цементировать слова из первой группы и формировать из них предложения (“These junk words <...> serve as the cement that holds the content words together” [Slatcher, Chung, Pennebaker, Stone 2007: 345]. И это не единственная их функция. Как ни странно, именно по служебным словам можно отличить одного человека от другого, а также охарактеризовать особенности вербального поведения человека и составить его языковой профиль, который вне зависимости от ситуации остается величиной неизменной. По мнению Дж. Пеннебейкера, служебные части речи являются ключами к лабиринту психологии человека, с их помощью мы можем познать самую суть изучаемой личности. Частоту употребления таких слов техасские психолингвисты связывают с развитостью личного и социального опыта: чем чаще в своей речи человек употребляет эти лексические элементы, тем богаче его коммуникативный потенциал.

Слова, относящиеся к этим двум категори-

ям, объединяются в подкатегории, позволяющие описать уникальность языкового стиля политика. Для удобства их можно разделить на три группы характеристик: когнитивные, эмоциональные и поведенческие.

С помощью когнитивных характеристик можно судить об особенностях познания мира и именования предметов и фактов действительности, о стиле и формате мышления, а также о мудрости как проявлении жизненного опыта.

Эмоциональные характеристики позволяют говорить об эмоциональной сфере человека, образности и экспрессии способов выражения его мыслей, оптимистичности или пессимистичности его настроения по отношению к объекту дискуссии, а также о проявлениях депрессивности, подавленности и даже суицидальности.

Поведенческие характеристики проявляют честность и лживость помыслов человека, дают понять, каким социальным статусом обладает данная личность, а также указывают на гендерную направленность языкового мышления конкретного человека, т. е. отвечают на вопрос, является ли морфо-синтаксический и лексико-фразеологический строй речи «маскулинным» или «фемининным».

Схематично это можно представить следующим образом.

1. Когнитивные характеристики

- 1.1. Когнитивные особенности
- 1.2. Стиль мышления
- 1.3. Формат мышления
- 1.4. Мудрость

2. Эмоциональные характеристики

- 2.1. Эмоции
- 2.2. Оптимизм
- 2.3. Депрессивность

3. Поведенческие характеристики

- 3.1. Честность/лживость
- 3.2. Фемининность/маскулинность
- 3.3. Статусность

В рамках данной статьи не представляется возможным подробно остановиться на всех достижениях исследовательской лаборатории Дж. Пеннебейкера, поскольку их перечисление заслуживает отдельного упоминания и специальной статьи, и поэтому мы перейдем непосредственно к выводам, которые были сделаны в ходе изучения служебных и самостоятельных частей речи в выступлениях Р. Рейгана.

Материалом для анализа послужили следующие девять речей сорокового президента США:

1. Address to the Nation on the Economy (February 5, 1981);
2. Address to the Nation on Federal Tax Reduction Legislation (July 27, 1981);
3. Address to the Nation on the Program for Economic Recovery (September 24, 1981);
4. Address to the Nation on the Fiscal Year 1983 Federal Budget (April 29, 1982);
5. Address to the Nation on Federal Tax and

Budget Reconciliation Legislation (August 16, 1982);

6. Address to the Nation on the Economy (October 13, 1982);

7. Address to the Nation on the Federal Budget and Deficit Reduction (April 24, 1985);

8. Address to the Nation on Tax Reform (May 28, 1985);

9. Address to the Nation on the Venice Economic Summit, Arms Control, and the Deficit (June 15, 1987).

Эти выступления объединяют несколько моментов. Во-первых, все они произносились в то время, когда Р. Рейган занимал пост президента Соединенных Штатов. Во-вторых, они являются программными заявлениями, а значит, они обращены ко всем группам граждан, а не к какой-то конкретной аудитории. И, в-третьих, их главной темой являются вопросы государственного финансирования и планирования бюджета, что накладывает на выступающего определенные ограничения в дискурсивном плане, т. е. он не может допускать излишеств в использовании метафор, синтакси-

ческий строй предложений не должен быть отягощен множеством придаточных предложений, цифровая информация должна дозироваться и перемежаться с пояснениями и расшифровкой сказанного.

Выбор данной тематики для анализа обусловлен следующим. Освящая такую специфичную сферу, как экономика, политик должен в понятной форме донести до граждан свою позицию, и это требует от него максимальной собранности и предельной концентрации своих ораторских способностей. В результате, политик, который по природе не является экономистом, должен суметь перевоплотиться в эксперта по финансовым вопросам и убедить всех и каждого, что ситуация такая-то и такая-то и выйти из нее нужно так-то и так-то. В процессе реализации этой непростой коммуникативной задачи могут особенным образом проявиться и когнитивные, и аффективные и, тем более, поведенческие особенности языковой личности данного политика.

В результате обработки речей с помощью LIWC получились следующие данные.

	February 5, 1981	July 27, 1981	September 24, 1981	April 29, 1982	August 16, 1982	October 13, 1982	April 24, 1985	May 28, 1985	June 15, 1987
Word count	2995,00	3505,00	4291,00	2758,00	3064,00	3548,00	3465,00	3228,00	2856,00
Words per sentence	17,02	20,3	21,78	19,99	19,03	17,92	20,38	21,81	25,96
Qmarks	0,13	0,06	0,05	0,04	0,20	0,11	0,29	0,12	0,04
Unique	29,42	28,84	26,92	28,54	27,94	28,66	29,64	30,14	31,30
Dic (dictionary)	85,88	86,99	86,41	84,74	85,87	87,57	85,80	85,10	83,40
Six letter words	21,34	21,06	21,30	23,31	22,72	21,22	22,57	23,20	22,83
Function Words	55,13	55,09	56,58	56,74	54,67	54,62	53,54	51,80	54,52
Pronoun	12,62	13,92	12,47	12,15	11,75	12,66	12,84	9,85	13,10
Personal Pronoun	7,48	8,33	6,57	7,43	5,87	6,45	7,56	5,67	7,95
I	1,40	1,48	1,49	1,60	1,31	1,30	0,75	0,81	2,07
We	4,74	2,51	3,45	3,48	2,90	3,16	4,50	2,60	3,71
You	0,73	2,82	0,63	1,05	0,95	0,90	1,44	1,24	1,40
He/She	0,07	0,43	0,47	0,00	0,00	0,23	0,12	0,15	0,21
They	0,53	1,08	0,54	1,31	0,72	0,87	0,75	0,87	0,56
I-pronoun (I+WE)	5,14	5,59	5,90	4,71	5,87	6,20	5,28	4,18	5,15
Article	7,21	7,73	7,53	7,61	7,34	7,24	6,20	7,56	7,88
Verb	12,02	12,50	12,54	13,49	13,19	12,03	12,32	10,38	11,31
Auxiliary verb	8,48	8,36	8,74	8,96	9,04	7,36	8,11	6,85	7,04
Past tense	2,40	2,88	3,19	4,53	3,85	3,18	2,11	1,15	2,87
Present Tense	7,11	7,16	5,85	6,06	6,59	7,50	7,04	5,20	6,55
Future Tense	1,47	1,54	1,96	1,60	1,34	0,85	2,14	2,45	1,05
Adverb	3,84	3,88	3,87	3,99	4,73	3,89	3,92	3,16	4,20
Prepositions	15,03	13,52	15,03	15,01	14,85	15,25	13,30	15,02	14,74
Conjunctions	6,14	6,05	5,38	5,80	5,16	5,95	5,97	5,42	6,97
Negations	1,17	1,17	1,44	1,05	1,31	1,13	1,47	1,21	0,84
Quantities	4,47	3,65	4,01	3,70	4,50	3,75	3,55	4,43	3,29
Number	3,27	2,88	3,94	5,04	4,31	2,73	3,55	3,25	1,68
Swear Words	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
Social Words	8,75	11,13	8,69	9,10	7,51	8,46	10,82	9,05	9,14
Family	0,07	0,26	0,12	0,11	0,03	0,28	0,23	0,90	0,07
Friend	0,07	0,00	0,05	0,15	0,13	0,17	0,17	0,19	0,07
Humans	0,70	0,51	0,40	0,33	0,46	0,70	0,66	0,93	0,39
Affectations	3,87	4,99	4,85	3,95	4,24	5,27	5,71	6,47	5,64
Positive Emotions	2,20	3,20	3,15	2,86	2,87	2,85	3,92	4,83	4,10
Negative Emotions	1,57	1,74	1,68	1,09	1,34	2,34	1,76	1,43	1,47
Anxiety	0,10	0,29	0,19	0,07	0,16	0,28	0,14	0,25	0,18
Anger	0,63	0,88	0,63	0,29	0,33	0,62	0,81	0,40	0,63
Sadness	0,30	0,23	0,26	0,40	0,49	0,42	0,14	0,46	0,28
Cognitive Mechanism	16,09	14,55	15,92	14,76	14,00	16,85	16,31	16,98	16,25
Insight	1,50	1,51	1,56	1,81	1,50	1,89	0,95	1,89	1,61

Causative Words	16,09	14,55	15,92	14,76	14,00	16,85	16,31	16,98	16,25
Discrepancies	2,14	2,34	1,75	1,49	1,66	2,59	1,21	2,73	1,93
Tentative	1,67	1,83	1,70	1,85	1,93	1,47	1,85	1,73	1,65
Certainty	1,67	1,71	1,54	1,05	1,21	1,83	2,31	1,73	1,72
Inhibition	0,70	0,80	1,28	0,83	0,65	0,93	1,70	0,65	1,58
Inclusive words	6,84	4,76	5,57	5,55	4,57	5,47	5,71	6,04	6,02
Exclusive Words	2,14	1,85	2,21	1,56	2,02	2,00	2,22	1,52	1,75
Percept	0,93	1,71	1,10	1,27	1,24	1,27	0,87	0,87	1,02
See	0,30	0,54	0,28	0,54	0,39	0,56	0,20	0,28	0,28
Hear	0,33	0,77	0,58	0,44	0,62	0,39	0,29	0,25	0,32
Feel	0,23	0,31	0,28	0,25	0,23	0,31	0,38	0,22	0,35
Bio	0,47	0,46	0,68	0,33	0,26	0,79	0,72	0,56	0,49
Body	0,30	0,17	0,21	0,00	0,07	0,23	0,14	0,15	0,18
Health	0,17	0,23	0,33	0,07	0,03	0,42	0,38	0,34	0,25
Sexual	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,06	0,00	0,00	0,04
Ingest	0,00	0,06	0,14	0,25	0,16	0,08	0,26	0,06	0,07
Relativity	15,23	14,44	15,43	15,16	16,19	17,11	15,06	13,88	15,09
Motion	2,44	1,91	2,17	2,28	2,02	2,40	2,22	2,04	2,31
Space	6,91	6,11	5,92	6,67	6,33	6,88	6,23	6,04	7,39
Time	5,71	6,13	7,06	5,84	7,60	7,61	6,49	5,02	5,57
Work	6,91	6,02	4,94	4,35	6,07	5,02	5,34	6,63	4,20
Achieve	3,04	2,85	2,89	2,50	2,42	3,07	2,45	4,09	3,29
Leisure	0,37	0,26	0,21	0,33	0,20	0,76	0,52	0,99	0,25
Home	0,27	0,46	0,28	0,62	0,26	0,68	0,55	0,87	0,32
Money	5,98	5,68	3,52	4,06	5,84	3,02	4,73	5,92	2,91
Religion	0,10	0,14	0,19	0,15	0,13	0,23	0,14	0,28	0,18
Death	0,13	0,09	0,05	0,07	0,07	0,03	0,06	0,06	0,04
Assent	0,10	0,06	0,00	0,04	0,23	0,00	0,06	0,06	0,07
Nonfl	0,17	0,17	0,21	0,22	0,29	0,17	0,32	0,12	0,39
Filler	0,10	0,09	0,02	0,00	0,07	0,14	0,09	0,06	0,04

На основании полученных результатов появилась возможность проанализировать различные уровни лексики языковой личности данного политика.

1. Когнитивные характеристики

1.1. Когнитивные особенности

Речь человека может изобиловать развернутыми предложениями, он может выражать свои идеи путем построения сложных синтаксических конструкций и использования усложненной лексики. И это будет свидетельствовать о когнитивной сложности и понятийной ясности или изоженности данной личности (когнитивная сложность (КС) отражает степень категориальной расчлененности сознания индивида, которая способствует избирательной сортировке впечатлений о действительности, опосредствующей его деятельность. Сознание человека неоднородно и в различных содержательных областях может характеризоваться различной когнитивной сложностью (например, высокой КС в области спорта и низкой — в

сфере межличностного восприятия). Операциональным критерием КС может выступать размерность (число независимых факторов) субъективного семантического пространства [Когнитивная сложность]). Человек, разговаривающий подобным образом, использует а) слова-эксклюзивы (от английского глагола “exclude” — «исключать») типа except, without, but, которые исключают из контекста какие-то факты действительности, процессы, объекты и т. д., б) слова с модальным значением вероятности (maybe, perhaps, possibly), в) непосредственно сами модальные глаголы (should, could, ought, must, would), но при этом не использует г) слов с модальным значением включенности (including, with, and). В понятийно-категориальной таблице LIWC эти слова называются соответственно как а) exclusive words и negations, б) tentatives, в) discrepancies, г) inclusive words.

Данную мысль можно представить в виде следующей формулы.

(Negations + Discrepancies + Tentatives + Exclusive Words) – Inclusive Words

Приведем полученные результаты в форме таблицы.

Negations	1,17	1,17	1,44	1,05	1,31	1,13	1,47	1,21	0,84
Discrepancies	1,10	1,40	1,93	1,99	1,44	1,49	2,22	2,29	1,26
Tentative	1,67	1,83	1,70	1,85	1,93	1,47	1,85	1,73	1,65
Exclusive Words	2,14	1,85	2,21	1,56	2,02	2,00	2,22	1,52	1,75
Inclusive words	6,84	4,76	5,57	5,55	4,57	5,47	5,71	6,04	6,02

Данные показывают, что инклюзивных слов, указывающих на среднюю когнитивную сложность в речи Р. Рейгана на протяжении

всего периода президентства в разы больше, чем слов, характерных для стиля речи человека с когнитивно сложным мышлением.

Подтвердим это примерами из текста.

It's time to recognize that we've come to a turning point. We're threatened **with** an economic calamity of tremendous proportions, and the old business-as-usual treatment can't save us. **Together**, we **must** chart a different course.

We **must** increase productivity. That means making it possible for industry to modernize **and** make use of the technology which we ourselves invented. That means putting Americans back to work. And that means above all bringing government spending back within government revenues, which is the only way, together **with** increased productivity, that we can reduce and, yes, eliminate inflation [Reagan 1981a].

I'm convinced we're in the trough, as it's called, of this recession **and** that we'll begin to see recovery in the second half of the year. There will be political pressure from some to turn on the printing presses **and** flood us **with** paper money. Well, that's been done before, **and** the answer is always the same — a flush feeling for about 5 minutes, then more inflation leading toward a plunge into an even worse recession.

There is another road that leads to permanent recovery. It begins **with** a responsible budget now. In the coming days, I will do everything I can to help the Congress achieve this vital goal. And you can help, **too**, by letting your representatives know that you think this is no time for "politics as usual;" that you, **too**, want an end to runaway taxes, spending, government debt, and high interest rates [Reagan 1982a].

Полужирным шрифтом выделены слова-эксклюзивы, и мы видим, что в речи президента их немало. Также для доказательства теории следует обратить внимание на синтаксис речи президента. Становится понятным, что в основном политик пользуется простыми, короткими предложениями. Таким образом легче донести мысль до слушающего. Тем более что тема экономики — одна из самых трудных для восприятия.

Полученный результат можно объяснить несколькими факторами из биографии Рейгана. Во-первых, известно, что в вузе он не проявлял тяги к науке, не погружался в чтение серьезных книг и не засиживался над сочинениями и докладами, а значит, ему был чужд замысловатый стиль общения. А во-вторых, анализируемые речи не указывают на какую-то единую целевую аудиторию, в своей общей массе слушателями являются люди самых разных профессий и увлечений, и для них необходимо говорить так, чтобы поняли все, и

люди умственного труда, и физического. Возможно, именно поэтому и ценили Рейгана, что он мог доносить сложные мысли простым языком и непринужденным разговором достигал наибольшего коммуникативного эффекта.

1.2. Мышление

Категория когнитивных характеристик непосредственным образом указывает на взаимосвязь между языком и мышлением человека. Исследователи выделяют два способа мышления: **аналитическое** и **динамическое**. Они отражают то, как человек обсуждает какую-то проблему.

Для политика с **аналитическим** мышлением свойственно делить одну проблему на несколько более мелких по масштабу и предлагать пути решения каждой из них по отдельности. Такому типу мышления характерно использование а) конкретных существительных (неизменным показателем этой лексической категории является артикль), б) большого количества предлогов и в) слов, которые можно объединить английским словом "relativity" (в «Longman Dictionary of Contemporary English» "relativity"— the relationship in physics between time, space, and movement according to Einstein's theory). К лексике из разряда "relativity" (русс. «относительность») принадлежат, а) дейктические маркеры, т. е. слова, характеризующие пространственную и временную отнесенность предмета (walk/walked, is/was, will, shall, might, down, below, with, and, include, but, except, without) или слова, принадлежащие концептуальным полям "time" и "space" (hour, day, clock, around, over, up), а также б) глаголы движения (walk, move, go). Эту мысль можно записать следующим образом.

Analytical thinking = Articles + Prepositions + Relativity

Политик, имеющий **динамический** тип мышления будет решать проблему так, что он сначала проследит ее истоки и найдет первопричину, а затем — выдвинет предположение о том, как эта проблема будет решаться без вмешательства правительства. Для речевого стиля такого человека характерно использование большого количества глаголов, особенно прошедшего и будущего времени.

Dynamic thinking = Verbs + Past Tense + Future Tense

Обратим внимание на полученные данные.

Article	7,21	7,73	7,53	7,61	7,34	7,24	6,20	7,56	7,88
Prepositions	15,03	13,52	15,03	15,01	14,85	15,25	13,30	15,02	14,74
Relativity	15,23	14,44	15,43	15,16	16,19	17,11	15,06	13,88	15,09

Verb	12,02	12,50	12,54	13,49	13,19	12,03	12,32	10,38	11,31
Past t.	2,40	2,88	3,19	4,53	3,85	3,18	2,11	1,15	2,87
Fut. t.	1,47	1,54	1,96	1,60	1,34	0,85	2,14	2,45	1,05

В результате исследования количественных показателей мы пришли к выводу о том, что для Р. Рейгана характерно аналитическое мышление. Деление проблемы на части может быть действительно более иллюстративным, и к этому Рейган стремился всегда. Приведем пример из текста обращения к нации 5 февраля 1981 г.

I'm not going to subject you to the jumble of charts, figures, and economic jargon of that audit, but rather will try to explain where we are, how we got there, and how we can get back. First, however, let me just give a few "attention getters" from the audit.

The Federal budget is out of control, and we face runaway deficits of almost \$80 billion for this budget year that ends September 30th. That deficit is larger than the entire Federal budget in 1957, and so is the almost \$80 billion we will pay in interest this year on the national debt.

Twenty years ago, in 1960, our **Federal Government payroll** was less than \$13 billion. Today it is 75 billion. During these 20 years our population has only increased by 23.3 percent. The Federal budget has gone up 528 percent.

Now, we've just had 2 years of back-to-back double-digit **inflation** — 13.3 percent in 1979, 12.4 percent last year. The last time this happened was in World War I.

In 1960 **mortgage interest rates** averaged about 6 percent. They're 2 1/2 times as high now, 15.4 percent.

The percentage of your earnings the Federal Government took in **taxes** in 1960 has almost doubled.

And finally there are 7 million Americans caught up in the personal indignity and human tragedy of **unemployment**. If they stood in a line, allowing 3 feet for each person, the line would reach from the coast of Maine to California [Reagan 1981a].

Здесь видно, как Р. Рейган, рассказывая о проблемах, с которыми сталкивается современная Америка, уделяет внимание каждой из них по отдельности. Полужирным шрифтом выделены тематические слова, которым посвящен каждый из абзацев: это и федеральный бюджет в целом, и зарплаты правительства, и уровень инфляции, ипотечных ставок, налогов и безработицы. Иначе говоря, экономический кризис, пугающий своими масштабами простых граждан, превращается в совокупность более мелких и потому разрешимых вопросов, и это успокаивает слушателей, привносит в их жизнь чувство стабильности и защищенности.

В другой своей речи, 24 сентября 1981 года, Р. Рейган говорит о втором этапе своей экономической реформы. Он предлагает ряд мер по сокращению трат на некоторые правительственные организации:

Now, here's what I propose. **First**, I'm asking Congress to reduce the 1982 appropriation for most

government agencies and programs by 12 percent. This will save \$17 1/2 billion over the next several years. Absorbing these reductions will not be easy, but duplication, excess, waste, and overhead is still far too great and can be trimmed further.

No one in the meeting asked to be exempt from belt-tightening. Over the next 3 years, the increase we had originally planned in the defense budget will be cut by \$13 billion. I'll confess, I was reluctant about this because of the long way we have to go before the dangerous window of vulnerability confronting us will be appreciably narrowed. But the Secretary of Defense assured me that he can meet our critical needs in spite of this cut.

Second, to achieve further economies, we'll shrink the size of the non-defense payroll over the next 3 years by some 6 1/2 percent, some 75,000 employees. Much of this will be attained by not replacing those who retire or leave. There will, however, be some reductions in force simply because we're reducing our administrative overhead. I intend to set the example here by reducing the size of the White House staff and the staff of the Executive Office of the President.

As a third step, we propose to dismantle two Cabinet Departments, Energy and Education. Both Secretaries are wholly in accord with this. Some of the activities in both of these departments will, of course, be continued either independently or in other areas of government. There's only one way to shrink the size and cost of big government, and that is by eliminating agencies that are not needed and are getting in the way of a solution [Reagan 1981c].

Полужирным шрифтом выделены вводные конструкции «во-первых», «во-вторых» и «в-третьих», что показывает структурированность предлагаемого решения. Для слушающего же это означает то, что президент хорошо разбирается в вопросе, изучил каждый его аспект, и поэтому знает, что нужно делать и как делать.

Есть еще один пример, подтверждающий наше предположение об аналитическом мышлении Р. Рейгана. В обращении к нации 29 апреля 1982 г. заходит речь о главных внутривнутриполитических соперниках Америки — республиканцах и демократах. Рейган, будучи членом республиканской партии и искренне разделяющий ее идеологию, доказывает несостоятельность философии демократической партии. По его словам, она проявляется в нескольких факторах, что более наглядно демонстрирует точку зрения оратора:

There hasn't been too much opportunity in the last 40 years to see what our philosophy can do. But we know what theirs can do: the longest sustained inflation in history, the highest interest rates in a hundred years, eight recessions since World War II, and a trillion-dollar debt [Reagan 1982a].

Итак, мы рассмотрели две категории, характеризующие умственные особенности личности — «когнитивная сложность» и «стиль мышления». В следующей части речь пойдет о

категории, которая в западнолингвистической литературе именуется «форматом мышления». В отличие от «когнитивной сложности» она определяет то, как политик видит мир, что в нем он выделяет первостепенным, а что считает несущественным, эта категория характеризует картину мира говорящего, и это сближает ее со «стилем мышления».

1.3. Формат мышления (thinking format)

Как было сказано выше, «формат мышления» напрямую относится к характеру человека, который проявляется в стиле речи. Дж. Пеннебейкер выделяет три стиля письменной и устной речи: **формальный, аналитический и повествовательный**, исходя из того, что каждый из нас от рождения в большей или меньшей степени является либо **рассказчиком**, тем, кто облакает свои мысли в форму рассказа, либо **аналитиком**, который начинает разбираться в причинах происходящего, либо **«формалистом»**, человеком, придерживающимся формального стиля и ведущим себя так, как повели бы сотни подобных ему людей.

Трудно сказать, какой из форматов мышления является более предпочтительным для политика, а какой — менее. Можно предположить, что избирателю более близок кандидат, мыслящий так же, как и он сам, ему более понятна логика, схожая с его логикой мышления, а методы, с помощью которых политик собирается бороться с проблемами, будут созвучны с тем, что думает он сам.

Для того чтобы определить речевой стиль президента, через который проявляется формат его мышления, необходимо выделить следующие лексические пласты:

Для **аналитического** мышления характерно использование: 1) слов, которые не допускают в формулируемую мысль какие-то предметы или явления действительности (*but, without, except*), 2) отрицания (*no, not, never*), 3) слова, указывающие на причинно-следственные связи (*because, reason, effect*), 4) слова со значением «понимать и осознавать» (*realize, know, meaning*), 5) слова, говорящие о неуверенности оратора (*maybe, perhaps*), 6) слова, выражающие определенность убеждений и уверенность в себе (*absolutely, always*), и 7) слова, детерминирующие объем или количество чего-либо (*some, many, greater*). Данную мысль можно представить в виде формулы:

1) Analytic

Analytic thinking = Exclusives + Negations + Causatives + Insight words + Tentatives + Certainty words+ Quantities

Формальный стиль мышления определяется по наличию 1) длинных слов (состоящих из шести букв и более), 2) артиклей, 3) предлогов и 4) числительных. При этом в речи говорящего должно быть минимальное количество: 1) местоимений первого лица единственного числа, 2) глаголов настоящего времени, 3) слов, выражающих неопределенность (так называемых “discrepancies”: *would, should, could*), и 4) широко распространенных наречий (*really, very, so*). Превратим это в формулу:

Formal thinking = (Six letter words + Articles + Prepositions + Numbers) — (I + Present Tense + Discrepancies + Adverbs)

Формальный стиль связан со следующими чертами характера: человек, мыслящий формально, больше озабочен собственным статусом и властью, чем рефлексией. Здесь будет наблюдаться одна закономерность: чем старше человек, тем больше показателей формального мышления проявляется в его речи. Такой человек пьет и курит гораздо меньше, чем люди двух других категорий. Эти люди менее честны с собой и другими.

Для **повествовательного** типа характерно использование следующих категорий лексики: 1) личных местоимений (всех видов, но больше всего местоимений третьего лица), 2) глаголов прошедшего времени и 3) союзов (*with, and, together*). В виде формулы данная мысль выглядит следующим образом:

Narrative thinking = He/She + They + Past Tense + Conjunctions + Inclusives

Люди подобного склада ума хорошо социализированы, т. е. адаптированы в обществе, у них большое количество друзей, и они, образно говоря, легки на подъем.

Выделим в речах Р. Рейгана характеристики всех типов мышления в табличном виде.

Exclusive Words (but, without, except)	2,14	1,85	2,21	1,56	2,02	2,00	2,22	1,52	1,75
Negations (no, not, never)	1,17	1,17	1,44	1,05	1,31	1,13	1,47	1,21	0,84
Causative Words (because, reason, effect)	2,14	2,34	1,75	1,49	1,66	2,59	1,21	2,73	1,93
Insight (realize, know, meaning)	1,50	1,51	1,56	1,81	1,50	1,89	0,95	1,89	1,61
Tentative (maybe, perhaps)	1,67	1,83	1,70	1,85	1,93	1,47	1,85	1,73	1,65
Certainty (absolutely, always)	1,67	1,71	1,54	1,05	1,21	1,83	2,31	1,73	1,72
Quantities (some, many, greater)	4,47	3,65	4,01	3,70	4,50	3,75	3,55	4,43	3,29

2) Formal

Six letter words	21,34	21,06	21,30	23,31	22,72	21,22	22,57	23,20	22,83
Article	7,21	7,73	7,53	7,61	7,34	7,24	6,20	7,56	7,88
Prepositions	15,03	13,52	15,03	15,01	14,85	15,25	13,30	15,02	14,74
Number	3,27	2,88	3,94	5,04	4,31	2,73	3,55	3,25	1,68

I	1,40	1,48	1,49	1,60	1,31	1,30	0,75	0,81	2,07
Present Tense	7,11	7,16	5,85	6,06	6,59	7,50	7,04	5,20	6,55
Discrepancies	1,10	1,40	1,93	1,99	1,44	1,49	2,22	2,29	1,26
Adverb	3,84	3,88	3,87	3,99	4,73	3,89	3,92	3,16	4,20

3) Narrative

He/She	0,07	0,43	0,47	0,00	0,00	0,23	0,12	0,15	0,21
They	0,53	1,08	0,54	1,31	0,72	0,87	0,75	0,87	0,56
Past tense	2,40	2,88	3,19	4,53	3,85	3,18	2,11	1,15	2,87
Conjunctions	6,14	6,05	5,38	5,80	5,16	5,95	5,97	5,42	6,97
Inclusive words (with, together)	6,84	4,76	5,57	5,55	4,57	5,47	5,71	6,04	6,02

Проанализировав эти данные, можно сделать вывод о том, что для Р. Рейгана характерен формальный стиль мышления. При этом следует обратить внимание на то, что тема всех анализируемых речей — экономика, и основной фактический материал, которым оперирует оратор, доказывая свою точку зрения, — это цифры, указывающие на денежные суммы или статистические данные. В случае Рейгана также возможно предположить, что ему свойственен и повествовательный стиль. На это указывает наличие в речи политика целого ряда слов с семантикой включенности, а также сочинительных и противительных союзов. Однако доминантным для президента является формальный стиль.

Предположение о том, что Рейган мыслит более формально, кажется справедливым еще и потому, что он является старейшим президентом Америки, а, как было сказано выше, именно для людей преклонного возраста формальный стиль наиболее типичен. Также подтверждением этого вывода служит и то, что «формалисты» всегда стремятся к власти и высокому социальному статусу, а биография Рейгана ясно дает понять, что для него стремление к этим вещам было одним из главных жизненных регуляторов.

1.4. Wisdom/Мудрость

Эта категория тесно связана с возрастом человека. Каким бы расплывчатым ни было понятие мудрости, оно является одним из са-

мых привлекательных характеристик политика, поскольку мудрый человек вызывает наибольшее доверие у избирателей. Следовательно, политик, чья речь звучит как речь пожилого человека, воспринимается более опытным и мудрым.

Для лексикона этой категории характерно использование 1) слов, несущих позитивный эмоциональный заряд, 2) длинных слов (состоящих из шести и более букв), 3) слов, характеризующих когнитивные механизмы человека (cause, know, ought), и 4) глаголов будущего времени. При этом должно быть заметным уменьшение количества использования таких групп слов как: 1) местоимения первого лица единственного числа (I), 2) слов, относящихся к категории времени (time, moment, minute, current), 3) слов, выражающих негативные эмоции, и 4) слов, показывающих социальные привязанности (social words). На основании этого выведем формулу:

$$\text{Wisdom} = (\text{Positive words} + \text{Six letter words} + \text{Cognitive mechanism words} + \text{Future Tenses}) - (\text{I} + \text{Time} + \text{Negative} + \text{Social Words})$$

Мудрость Р. Рейгана вряд ли у кого-то вызовет сомнения, однако ради чистоты эксперимента приведем данные контент-анализа и проиллюстрируем их ниже примерами из текстов.

Positive Emotions	2,20	3,20	3,15	2,86	2,87	2,85	3,92	4,83	4,10
Six letter words	21,34	21,06	21,30	23,31	22,72	21,22	22,57	23,20	22,83
Cognitive Mechanism	16,09	14,55	15,92	14,76	14,00	16,85	16,31	16,98	16,25
Future Tense	1,47	1,54	1,96	1,60	1,34	0,85	2,14	2,45	1,05

I	1,40	1,48	1,49	1,60	1,31	1,30	0,75	0,81	2,07
Time	5,71	6,13	7,06	5,84	7,60	7,61	6,49	5,02	5,57
Negative Emotions	1,57	1,74	1,68	1,09	1,34	2,34	1,76	1,43	1,47
Social Words	8,75	11,13	8,69	9,10	7,51	8,46	10,82	9,05	9,14

Эти результаты можно назвать предсказуемыми, потому что Рейган занял пост прези-

дента в возрасте 69 лет и до сих пор остается человеком, который стал президентом США в

столь преклонном возрасте. Более того, если понимать под мудростью богатство накопленного опыта, то за свою жизнь Р. Рейган успел проявить себя во многих областях деятельности (радио, телевидение, спорт, управление, политика), что позволило ему приобрести соответствующие знания, умения и навыки.

Примеры из речей разных лет лишний раз подтверждают это. Полуужирным шрифтом отмечены категории слов из разряда индикаторов мудрости.

Tomorrow I **will** meet with Republican members of the Gang of 17 to forge the **beginnings** of an **acceptable** budget initiative. On Monday I **will** meet with the full Republican **leadership** and with members of the Senate and House Budget Committees. I will also consult with **responsible** members of the Democratic Party in the Congress to make this a truly bipartisan effort in the national interest.

But our efforts must not stop there. Once we've achieved a balanced budget — and we **will** — I want to ensure that we keep it for many long years after I've left office. And there's only one way to do that. So, tonight I am asking the Congress to pass as soon as possible a **constitutional amendment** to require balanced Federal budgets [Reagan 1982a].

As I've said, even with this small increase, **we'll** spend a smaller share of our budget on defense than we did 20 years ago. Cuts we've proposed in projected defense **spending will contribute** a **hundred** billion dollars, a full one-third of our **proposed** budget savings for the next 3 years. Now, this **will** require canceling some programs; some **nonessential** military bases may be closed or cut back. But mainly, we **will** continue to identify and **eliminate** waste and crack down harder on **excesses** in contract costs [Reagan 1985a].

Under our new tax proposal the oil and gas industry **will** be asked to pick up a larger share of the national tax burden. The old oil **depletion allowance will** be dropped from the tax code except for wells **producing** less than 10 barrels a day. By **eliminating** this special **preference**, **we'll** go a long way toward **ensuring** that those that earn their wealth in the oil **industry will** be subject to the same taxes as the rest of us. This is only fair. To continue our drive for energy **independence**, the current treatment of the costs of exploring and drilling for new oil **will be maintained** [Reagan 1985b].

And third, there's something else I hope **you'll** ask for: the line-item veto. The **President** should have what the **Governors** of 43 States use to stop this sort of fiscal **nonsense**, what I had in California when I was Governor there: the ability to reach into those huge **expenditure** bills and cut out the waste. It's time for action, and I urge the Congress to move ahead and come up with a package of reforms that **will** correct some of the glaring **deficiencies** of the current budget process [Reagan 1987].

2. Эмоциональные характеристики

Помимо когнитивных способностей и особенностей мыслительного процесса для того чтобы составить представление о языковой личности политического деятеля требуется и характеристика его эмоционального состояния. Причина кроется в том, что на действия человека в равной степени влияют особенности мышления и его эмоциональное состояние. Они определяют его картину мира и формируют цели в жизни и приоритеты в карьере. Именно поэтому необходима оценка эмоций политика, а также то, как он выражает их в своей публичной речи.

2.1. Эмоции

Эмоции вызываются различными внешними факторами и влияют на то, как мы думаем и на то, как мы реагируем на различные раздражители. В этой категории рассматриваются три базовые — самые сильные — человеческие эмоции: радость, грусть и злость. Две из них — грусть и злость — считаются негативным проявлением эмоциональной стороны личности, и их наличие приводит к тому, что человек начинает задумываться над причинами события, выведшего его из состояния эмоционального равновесия. С другой стороны, радость, как и другие положительные эмоции типа любви и гордости, вызывают чувство удовлетворения и препятствуют мыслительным процессам, позволяющим понять суть происходящего.

Языковыми маркерами радости и счастья являются: 1) местоимения первого лица множественного числа (we-words), 2) конкретные существительные, проявляющие себя через категорию артикля (articles), а также 3) индикаторы конкретного времени и пространства.

В результате получаем следующую формулу:

$$\text{Emotions} = \text{We} + \text{Articles} + \text{Space} + \text{Time}$$

Счастье — понятие трудноопределимое, однако общепризнанным является понимание того, что речь счастливого человека показывает, что он смотрит на мир более открыто и позитивно, он видит больше перспектив и возможностей и готов браться за решение любых трудных задач.

Грусть определяется по наличию большого числа 1) глаголов прошедшего и будущего времени, 2) местоимений первого лица и 3) предлогов.

$$\text{Sadness} = \text{Past Tense} + \text{Future Tense} + \text{I} + \text{Prepositions}$$

Грусть заставляет человека зацикливаться на себе, особенно когда он испытывает эмоциональную или физическую боль. Грустящий человек больше всего стремится анализировать собственное прошлое и постоянно оглядывается назад.

Злость. Будучи тоже негативной эмоцией, злость при этом качественно отличается от

грусти. Если человек зол, он едва ли станет концентрироваться на себе; вместо этого он будет сосредоточен на окружающих.

Для категории «Злость» характерно использование: 1) местоимений второго лица, единственного числа (you) 2) местоимения третьего лица (he, she, they) и 3) глаголов настоящего времени.

Anger = You + He/She + They + Present Tense

Что же касается эмоций в политической сфере, то здесь они не должны влиять ни на деятельность политика, ни на его отношение к окружающему миру. Хороший дипломат всегда спокоен и бесстрашен, его практически невоз-

можно вывести из себя. Поэтому, когда избиратели видят неприкрытые эмоции кандидата, доверие к нему неизбежно падает. С другой же стороны, человеческая эмоциональность и эмпатия открывают обширное поле для различных манипуляций. Политику просто необходимо демонстрировать наличие тех или иных эмоций, потому что именно эмоциями, а не идеями легко делиться с адресантом в процессе коммуникации. Аффективное, эмоциональное воздействие всегда намного более продуктивно, нежели рациональное.

Рассмотрим цифровые данные, чтобы определить, соответствуют ли речи Р. Рейгана какой-нибудь из перечисленных «эмоциональных» категорий.

Счастье

We	4,74	2,51	3,45	3,48	2,90	3,16	4,50	2,60	3,71
article	7,21	7,73	7,53	7,61	7,34	7,24	6,20	7,56	7,88
Space	6,91	6,11	5,92	6,67	6,33	6,88	6,23	6,04	7,39
Time 5	5,71	6,13	7,06	5,84	7,60	7,61	6,49	5,02	5,57

Грусть

Past tense	2,40	2,88	3,19	4,53	3,85	3,18	2,11	1,15	2,87
Future Tense	1,47	1,54	1,96	1,60	1,34	0,85	2,14	2,45	1,05
I	1,40	1,48	1,49	1,60	1,31	1,30	0,75	0,81	2,07
Prepositions	15,03	13,52	15,03	15,01	14,85	15,25	13,30	15,02	14,74

Злость

you	0,73	2,82	0,63	1,05	0,95	0,90	1,44	1,24	1,40
He/She	0,07	0,43	0,47	0,00	0,00	0,23	0,12	0,15	0,21
They	0,53	1,08	0,54	1,31	0,72	0,87	0,75	0,87	0,56
Present Tense	7,11	7,16	5,85	6,06	6,59	7,50	7,04	5,20	6,55

Из этих таблиц следует, что в речах Р. Рейгана преобладают позитивные эмоции. При этом видно, что человек грустит о чем-то, поскольку разрыв с категорией «грусть» минимален. В любом случае слова президента вызывают в слушателях положительный эмоциональный отклик и не воспринимаются легкомысленными. Следует полагать, что подобный эффект конструировался специально: мысль, красной нитью проходящая через все анализируемые речи — о том, что нужно усердно работать ради экономического благосостояния, как бы удваиваясь, отражалась и на уровне эмоционального восприятия сказанного.

2.2. Оптимизм

Трудно усомниться в том, что оптимистично настроенные люди импонируют публике больше, чем те, кому свойственен пессимизм. Даже в самые трудные времена человечеству необходима надежда, поэтому одна из главных задач политика олицетворять эту надежду, быть другим, причем желателен единствен-

ным, быть сильным плечом для собственного народа и его путеводной звездой.

Оптимист, согласно Дж. Пеннебекеру и Радж Рерсоду, с большей вероятностью будет использовать следующие категории слов: 1) глаголы настоящего и будущего времени, 2) местоимения первого лица множественного числа (we, our, us), 3) короткие простые слова (т. е. сводить употребление больших слов к минимуму), а также 4) слова, несущие позитивный эмоциональный заряд. В то же время он будет стараться избегать слов, которые выражают негативные эмоции.

Представить эту мысль проще всего в виде формулы:

Optimist = (Present Tense + Future Tense + We + Positive) — (Negative + Six letter words)

В табличном виде это выглядит следующим образом.

Present Tense	7,11	7,16	5,85	6,06	6,59	7,50	7,04	5,20	6,55
Future Tense	1,47	1,54	1,96	1,60	1,34	0,85	2,14	2,45	1,05
We	4,74	2,51	3,45	3,48	2,90	3,16	4,50	2,60	3,71
Positive Emotions	2,20	3,20	3,15	2,86	2,87	2,85	3,92	4,83	4,10
Negative Emotions	1,57	1,74	1,68	1,09	1,34	2,34	1,76	1,43	1,47
Six letter words	21,34	21,06	21,30	23,31	22,72	21,22	22,57	23,20	22,83

Эти данные свидетельствуют о том, что Р. Рейган был, скорее, пессимистом, нежели оптимистом. Перед нами человек, проживший долгую жизнь с не самым счастливым детством; он осознает, что живет не в идеальном мире, и к некоторым явлениям он относится враждебно (долгая и продолжительная борьба Рейгана с коммунизмом служит тому убедительным доказательством), поэтому некая доля пессимизма во взглядах Р. Рейгана вполне оправдана.

Есть и другие факторы, повлиявшие на результаты данного исследования. Такие выводы получились в основном из-за большого количества длинных слов. При этом нельзя не заметить некое противоречие, ведь по сравнению с категорией негативных слов, слов, выражающих позитивные эмоции, в речах президента стабильно больше. Причина кроется в том, что выбранные речи посвящены экономике, предмету, изобилующему терминологией, а значит, и теми самыми «длинными словами», например, *payroll*, *inflation* или *unemployment*.

2.3 Депрессивность

Склонность к депрессивному мировосприятию может быть весьма показательным аспек-

том личности. Особенно важно выявить подавленность среди прочих эмоциональных особенностей президента, так как в идеале человек, занимающий такой важный пост, не может себе позволить предаваться унынию и опускать руки.

Язык удрученного человека маркирован большим количеством 1) местоимений первого лица единственного числа (I, me, my), 2) слов, относящихся к физическому состоянию человека и связанных с поддержанием его нормального тонаса жизни, в том числе “body”, “health”, “sexual”, “ache”, “sleep”, 3) слов, выражающих отрицательные эмоции (hate, worthless), и минимальным набором 4) слов с позитивными коннотациями (happy, pretty).

В виде формулы данную мысль можно представить так:

$$\text{Depression language} = (\text{I} + \text{Body} + \text{Health} + \text{Sexual} + \text{Negative words}) - \text{Positive words}$$

Соберем результаты по этой категории водино.

I	1,40	1,48	1,49	1,60	1,31	1,30	0,75	0,81	2,07
Body	0,30	0,17	0,21	0,00	0,07	0,23	0,14	0,15	0,18
Health	0,17	0,23	0,33	0,07	0,03	0,42	0,38	0,34	0,25
Sexual	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,06	0,00	0,00	0,04
Negative Emotions	1,57	1,74	1,68	1,09	1,34	2,34	1,76	1,43	1,47
Positive Emotions	2,20	3,20	3,15	2,86	2,87	2,85	3,92	4,83	4,10

На основании этого мы делаем вывод, что Р. Рейгану не свойственно депрессивное состояние. Несмотря на то, что экономическая тема предполагает известную долю скепсиса, в речи президента позитивных слов больше, чем негативных. А, если учесть известные нам особенности биографии Р. Рейгана и имея определенное представление о его личности в целом, можно утверждать, что полученный результат не только не противоречит, но и дополняет уже имеющуюся картину.

В подтверждении сказанного приведем несколько примеров из текста. В первом из них наибольшее количество личных местоимений первого лица единственного числа. Из обращения президента к американцам становится ясным, что ситуация и в обществе, и в экономике не проста, и политик чувствует себя несколько удрученным, поэтому ему ничего не остается, как только взывать к другим, чтобы изменили ситуацию, однако будучи американцем с присущим ему позитивным мышлением, он выводит свое настроение на позитивный лад.

In the meantime, I'm going to be stepping up my own public commitment to this cause. I'm going to take the case to you, the American people, because, believe me, if some in Congress won't see the **light**, I know you can make them feel **the heat**. In all of this, the stakes are high; nothing

less than our economic future is at stake. So, tonight I ask your **support**. I ask your **support**, because I think Americans are increasingly aware that our constitutionally guaranteed right to vote, to assemble, to engage in **free speech**, and all the other forms of political **freedom** have their equally important economic counterparts: the right not to be too heavily burdened by big government, by excessive taxes, by skyrocketing inflation, and high interest rates; the right to a **future** where you and your **children** can go just as far and reach just as high as your individual talents and energies will take you, **a future rich in freedom, in opportunity, in growth** — an economic bill of rights. I will be outlining the specifics in the next few weeks [Reagan 1987].

You turned America around — turned around her **confidence**, turned around her economy, turned around over a decade of one national nightmare after another. We're into our 29th straight month of economic **growth**, with inflation staying down and more of us working than ever before — that's 8 million **new jobs**. Now that our program is working, you may have noticed they're not calling it Reaganomics anymore.

Once again, the United States is **the flagship economy for the world**. A new generation of entrepreneurs is coming up, pointing us toward a 21st century full of **amazing change** and vast **new opportunities** [Reagan 1985a].

Together we've chosen a **new road** for America. It's a **far better road**. We need only the courage to see it through. I know we can. Throughout our history, we Americans have proven again and again that no challenge is too big for a **free, united people**. Together, we can do it again. We can do it by slowly but surely working our way back to **prosperity** that will mean jobs for all who are willing to work, and **fulfillment** for all who still cherish **the American dream** [Reagan 1982c].

Во всех этих отрывках встречается большое количество слов, выражающих положительные эмоции. Однако, поскольку это политическая речь, то позитивная лексика здесь имеет свои особенности. В основном в речах Рейгана представлены слова, обозначающие сакральные для американской политической культуры понятия, такие как «свобода», «возможности», «материальное благополучие» и «Американская мечта». Иначе говоря, положительный эффект который эти слова оказывают на слушателей связан с тем, что они воспроизводят близкие и знакомые им концепты счастья.

Поведенческие характеристики

Исследование поведенческих характеристик несколько отличается от анализа когнитивного и эмоционального состояния политика. Наше поведение зачастую продиктовано сложившимися обстоятельствами, поэтому на основании полученных результатов непросто сделать вывод о языковой личности в целом, вне контекста данной ситуации. Однако избиратели судят о политике именно по его поступкам, а значит, подобный анализ необходим. Политик вынужден сопровождать свое поведение комментариями, и в этих словах раскры-

ваются некоторые важные черты, которые в равной степени являются определяющим фактором, влияющим на электоральное поведение и речевой портрет самого политика.

3.1. Honesty and lying words

Честность, возможно, главное достоинство политика. Уличенный во лжи президент незамедлительно теряет доверие народа, что означает конец его политической карьеры.

В речи политика, который говорит правду, будут присутствовать в большом количестве следующие лексические кластеры: 1) местоимения первого лица единственного числа (*I, me, my*), 2) многосложные слова, 3) слова, характеризующие время и процесс движения (*time, motion*), 4) слова, имеющие отношение к рефлексии (*realize, understand, think*). Правдивые высказывания также характеризуются тем, что в основном имеют вид длинных, сложносочиненных или сложноподчиненных предложений.

Что касается лжи, то человек, приукрашивающий действительность, наверняка, будет использовать в своей речи 1) модальные глаголы типа *would, could, should* (*discrepancies*), 2) слова, выражающие позитивные эмоции, 3) местоимения второго лица (*you*).

Представить данную мысль можно в виде формулы:

$$\text{Tendency to lie} = (I + \text{Six letter words} + \text{Time} + \text{Motion} + \text{Words per sentence} + \text{Conjunctions} + \text{Insight words}) - (\text{Discrepancies} + \text{Positive} + \text{You})$$

В табличном виде эти данные выглядят следующим образом.

I	1,40	1,48	1,49	1,60	1,31	1,30	0,75	0,81	2,07
Six letter words	21,34	21,06	21,30	23,31	22,72	21,22	22,57	23,20	22,83
Time	5,71	6,13	7,06	5,84	7,60	7,61	6,49	5,02	5,57
Motion	2,44	1,91	2,17	2,28	2,02	2,40	2,22	2,04	2,31
Insight	1,50	1,51	1,56	1,81	1,50	1,89	0,95	1,89	1,61
Words per sentence	17,02	20,3	21,78	19,99	19,03	17,92	20,38	21,81	25,96
Conjunctions	6,14	6,05	5,38	5,80	5,16	5,95	5,97	5,42	6,97

Discrepancies	1,10	1,40	1,93	1,99	1,44	1,49	2,22	2,29	1,26
Positive Emotions	2,20	3,20	3,15	2,86	2,87	2,85	3,92	4,83	4,10
You	0,73	2,82	0,63	1,05	0,95	0,90	1,44	1,24	1,40

Напрашивающийся вывод заключается в том, что во всех анализируемых речах Р. Рейган говорит правду. Подкрепим это несколькими примерами.

I've just **returned** from **Venice, Italy**, where I met with the leaders of the other six **industrialized democracies** for our yearly **economic** summit. You've been hearing and reading reports that nothing was really **accomplished** at the summit and the United States, **in particular**, came home **empty-handed**. Well, this was my seventh summit and the seventh time I've heard that same chorus. You know — it might be **appropriate** — a noted **bullfighter** wrote a poem, a few lines of which do seem appropriate: "The bullfight critics

ranked in rows fill the enormous plaza full. **But only one is there who really knows, and he's the one who fights the bull**" [Reagan 1987].

Этот отрывок показывает, что в своей речи Рональд Рейган действительно использует большое количество многосложных слов, сложных предложений и личных местоимений первого лица. Такая же ситуация наблюдается и в речи 27 июля 1981 года:

Because of what you did, **Republicans** and **Democrats** in the Congress **came together** and **passed** the most **sweeping cutbacks** in the history of the Federal budget. **Right now**, Members of the House and Senate are meeting in a conference **committee** to reconcile the **differences** be-

tween the two budget-cutting bills passed by the House and Senate. **When they finish, all Americans will benefit from savings of approximately \$140 billion in reduced government costs over just the next 3 years.** And that doesn't include the **additional savings** from the hundreds of **burdensome regulations** already **cancelled or facing cancellation** [Reagan 1981b].

Также в данном случае можно встретить глаголы движения и слова, обозначающие временную отнесенность (например, right now).

Пример из речи 16 августа 1982 года:

I'd campaigned on the belief that **government** costs should be **reduced** and that the **percentage** of the people's earnings taken by **government** in taxes should also be reduced. **I** also said that one area of government spending could not be reduced, but must instead be increased. **That was the spending necessary to restore our nation's defenses, which had been allowed to deteriorate to a dangerous degree in the preceding 4 years.**

Interest rates continued high **as the months went by**, and **unemployment increased**, particularly in the **automobile industry** and housing construction. Few could or would afford the high interest rates for home **mortgages** or **installment** buying of an **automobile** [Reagan 1982b].

Таким образом, предположение о том, что Рейган честен во всех анализируемых речах кажется вполне обоснованным. Однако стоит

заметить, что правдивость в отношении экономических проблем не означает, что президент не может укрывать некоторые факты, касающиеся других сфер государственных интересов. Это доказывает и скандал, разразившийся под конец второго президентского срока Рейгана, и инцидент, получивший название «дело «Иран-контрас». Правительство было обвинено в тайной продаже оружия партизанам Никарагуа, вопреки специальному запрету Конгресса США.

3.2. Феминность и маскулинность

Через язык также выражаются гендерные установки. Они усваиваются человеком в процессе социализации, и поэтому гендерно маркированная речь и биологический пол говорящего не всегда соответствуют друг другу.

Маскулинная речь будет включать в себя большее количество 1) многосложных слов, 2) существительных, 3) предлогов, 4) числительных, 5) слов в предложении, 6) ругательных слов. То есть формула «мужской речи» будет выглядеть так:

$\text{Masculine language} = \text{Six letter words} + \text{Articles} + \text{Numbers} + \text{Words per sentence} + \text{Swear words}$

«Мужчины» более склонны к категоризации окружающего мира и для этого им необходимы существительные и числительные.

Составим таблицу.

Six letter words	21,34	21,06	21,30	23,31	22,72	21,22	22,57	23,30	22,83
Article	7,21	7,73	7,53	7,61	7,34	7,24	6,20	7,56	7,88
Number	3,27	2,88	3,94	5,04	4,31	2,73	3,55	3,25	1,68
Words per sentence	17,02	20,3	21,78	19,99	19,03	17,92	20,38	21,81	25,96
Swear Words	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00

Фемининная речь будет характеризоваться наличием: 1) личных местоимений, 2) глаголов (включая вспомогательные), 3) слов с негативным значением (особенно выражающих обеспокоенность (*anxiety*), 4) отрицаний (*no, not, never*) и 5) слов, выражающих уверенность (*always, absolutely*).

В виде формулы данная мысль может выглядеть так:

$\text{Feminine language} = \text{Personal Pronouns} + \text{Verbs} + \text{Auxiliary verbs} + \text{Negative} + \text{Anxiety} + \text{Negations} + \text{Certainty}$
--

Personal Pronoun	7,48	8,33	6,57	7,43	5,87	6,45	7,56	5,67	7,95
verb	12,02	12,50	12,54	13,49	13,19	12,03	12,32	10,38	11,31
Auxiliary verb	8,48	8,36	8,74	8,96	9,04	7,36	8,11	6,85	7,04
Negative Emotions	1,57	1,74	1,68	1,09	1,34	2,34	1,76	1,43	1,47
Anxiety	0,10	0,29	0,19	0,07	0,16	0,28	0,14	0,25	0,18
Negations	1,17	1,17	1,44	1,05	1,31	1,13	1,47	1,21	0,84
Certainty	1,67	1,71	1,54	1,05	1,21	1,83	2,31	1,73	1,72

Подсчитав результаты, мы видим, что для Р. Рейгана характерна речь маскулинного типа. При этом следует отметить, что в анализируемых речах чрезвычайно завышено количество числительных в связи с темой этих речей. Однако, даже несмотря на это, «мужские» ре-

«Женский» лингвистический стиль предполагает, что человек склонен «примерять» ситуацию на себя, также его речь более динамична. При решении проблемы он фокусируется на ее развитии и изменении (для этого и нужно большое количество глаголов). Более того, в «фемининной» речи выделяется частое использование вводных конструкций типа *I think, I believe*.

Составим таблицу.

чевые маркеры имеют значительный перевес. Проиллюстрируем эту мысль примерами.

В речи, произнесенной 5 февраля 1981 года, можно встретить многосложные слова, сложные предложения, много числительных и существительных.

Some **government** programs seemed **so worthwhile** that borrowing to fund them didn't bother us. By **1960** our national **debt** stood at **\$284 billion**. **Congress** in 1971 decided to put a ceiling of **400 billion** on our ability to borrow. Today the debt is **934 billion**. **So-called temporary increases or extensions in the debt ceiling have been allowed 21 times in these 10 years, and now I've been forced to ask for another increase in the debt ceiling or the government will be unable to function past the middle of February — and I've only been here 16 days.** Before we reach the day when we can reduce the **debt ceiling**, we may in spite of our best efforts see a national debt in excess of a **trillion dollars**. Now, this is a figure that's literally beyond our **comprehension** [Reagan 1981a].

Такая же ситуация наблюдается и в речи от 24 сентября 1981 года:

By making these few **changes**, we would have solved the short- and long-range **problems of social security funding** once and for all. In addition, we could have canceled the increases in the payroll tax by **1985**. **To a young person just starting in the work force, the savings from canceling those increases would, on the average, amount to \$33,000 by the time he or she reached retirement, and compound interest, add that, and it makes a tidy nest egg to add to the social security benefits** [Reagan 1981c].

И в речи 28 мая 1985.

The tax system is crucial, not just to our **personal**, material **well-being** and our nation's **economic well-being**; it must also reflect and support our deeper **values** and **highest aspirations**. It must promote **opportunity**, lift up the weak, **strengthen** the family, and perhaps most **importantly** it must be rooted in that unique American **quality**, our special **commitment to fairness**. **It must be an expression of both America's eternal frontier spirit and all the virtues from the heart and soul of a good and decent people — those virtues held high by the Statue of Liberty standing proudly in New York Harbor** [Reagan 1985b].

I	1,40	1,48	1,49	1,60	1,31	1,30	0,75	0,81	2,07
We	4,74	2,51	3,45	3,48	2,90	3,16	4,50	2,60	3,71
you	0,73	2,82	0,63	1,05	0,95	0,90	1,44	1,24	1,40

Данная таблица показывает, что Р. Рейган использует лексикон соответствующий высокому статусу президента. Рассмотрим на примерах, какие из пяти значений "we" он использует.

Речь, произнесенная 5 февраля 1981 года:

We invented the assembly line and mass production, but punitive tax policies and excessive and unnecessary regulations plus government borrowing have stifled our ability to update plant and equipment. When capital investment is made, it's too often for some unproductive alterations demanded by government to meet various of its regulations. Excessive taxation of individuals has robbed us of incentive and made overtime unprofitable.

Данные примеры, равно как и предыдущие результаты указывают на то, что для Р. Рейгана было характерно стремление классифицировать и разграничить окружающий мир, ведь именно это качество выражается с помощью маскулинной лексики. Доказательством справедливости данного предположения может служить и тот факт, что для Рейгана мир был действительно разделен на две противоборствующие стороны: мир демократии и социализма. И он долгое время оставался сторонником этого соперничества.

3.3. Статус

Каждый человек обладает прирожденным и приобретенным статусом, однако в современную эпоху особенно для американской культуры наиболее важную роль играет именно статус приобретенный. Именно он определяет поведение человека, а значит, и речь, которую он использует для коммуникации.

Главным показателем высокого статуса является небольшое количество личных местоимений первого лица единственного числа (*I, me, my*) и изобилие местоимений первого лица множественного числа (*we, us, our*) и второго лица (*you, your*). Формула будет выглядеть следующим образом.

$$\text{Status} = (\text{We} + \text{You}) - \text{I}$$

При этом Дж. Пеннебейкер говорит о том, что слова из разряда WE делятся на пять различных значений: 1) означает «мы» как совокупность «я»+ «ты»; 2) «мы» как мои друзья + я, но не «ты»; 3) «мы», которое подразумевает «ты» (характерно для тех случаев, когда человек просит кого-то сделать что-то); 4) «мы» как «я», так называемое королевское «мы»; 5) «мы» как каждый, кто мысли также как и я. Четыре последних формы «мы» чаще всего встречаются в речи человека, стоящего на более высокой ступени социальной иерархии.

Приведем данные.

We once produced about 40 percent of the world's steel. **We** now produce 19 percent. **We** were once the greatest producer of automobiles, producing more than all the rest of the world combined. That is no longer true, and in addition, the "Big Three," the major auto companies in our land, have sustained tremendous losses in the past year and have been forced to lay off thousands of workers [Reagan 1981a].

Здесь мы видим использование местоимения первого лица множественного числа в значении «я+вы», то есть все американцы и вся Америка.

Речь 13 октября 1982:

With your support, **we** can show the world that we've learned our lesson and that this time **we're** going to get the job done and get it done right. This time, **we're** going to keep inflation, interest rates and government spending, taxing and borrowing down, and get Americans back on the job [Reagan 1982c].

В этом случае, местоимение употребляется в значении «мои друзья, а в данном случае это «правительство + я, но не ты».

И в речи, произнесенной 15 июня 1987 года:

If this trend isn't stopped, and stopped now, **we** stand to lose all the progress on the economic front that **we've** made. If our budget reduction efforts are not consistent and credible, **we** will be sending signals all over the world that the American economy is in trouble again. So, that's what the choice comes down to: more government, more taxation, more regulations, and a backsliding toward the old days of economic inflation and stagnation or, on the other hand, additional growth, greater opportunity, adequate national security, and more for the family budget, not the Federal budget. The choice is now upon each of us. As I've said, we've reached breakpoint, decision time [Reagan 1987].

В этой речи Рейган также говорит больше о «нас» как о «правительстве совместно с президентом».

Таким образом, речь Рональда Рейгана полностью соответствует его высочайшему политическому статусу. При этом, поскольку данные обращения направлены на простых зрителей, то в речи президента присутствуют в большом количестве слова, объединяющие его с миллионной телеаудиторией.

В настоящий момент в Америке наблюдается кризис президентства, и эксперты все чаще призывают воспользоваться опытом предыдущих поколений и апеллируют к общепризнанным авторитетам, одним из которых является Рональд Рейган. Как и тридцать лет назад, самой запоминающейся чертой эпохи правления Рональда Рейгана являются его публичные выступления. В его речах воплощаются и отражаются главные чаяния простых американцев, что помогло ему снискать народную любовь и «звание» «The Great Communicator».

Сам Рейган никогда не отрицал и не скрывал тот факт, что публичная речь, «диалог» с избирателями всегда был одним из важнейших элементов его формирования в качестве политического деятеля.

Однажды Рейган заметил: “my critics over the years have said that I became president because I was an actor who knew how to give a good speech. I suppose that's not too far wrong” [Ritter, Henry 1992: 115].

Помимо всего прочего, он не стеснялся использовать в полной мере свой опыт и талант актера для достижения своих целей. Это было особенно актуально в 1980-е, в эпоху повсеме-

стного распространения телевидения, когда политики впервые получили возможность обращаться ко всем слоям населения одновременно. И это в корне изменило цели и методы публичной коммуникации. Теперь избиратели получали всю информацию о кандидатах и о проблемах в собственной стране посредством телевидения. [Denton 1988] Таким образом, неудивительно, что Рейган, будучи в прошлом актером, немедленно увидел и сумел воспользоваться возможностями, которые предоставляла эра телевидения. Свободное владение ораторским искусством в союзности с действительными политическими ходами и решениями обеспечили Рональду Рейгану статус выдающегося политика и помогли ему снискать народную любовь.

В заключение следует сказать о том, что у современных психолингвистов появляются все новые инструменты прагматической интерпретации языковой личности политика. Проведенный анализ показал, что одновременное изучение функциональных и служебных частей речи оказывается действенным способом в понимании когнитивных, эмоциональных и поведенческих характеристик политика. Скрупулезное рассмотрение высказываний высокопоставленных чиновников с помощью количественных методов анализа позволяют раскрывать новые нюансы в плане диагностики вербального поведения политического деятеля, выявлять взаимосвязь между тем, что политик думает и как он об этом говорит. Предложенная в данной статье стратегия исследования языкового профиля политической личности не является идеальной, поскольку при ее ближайшем рассмотрении возникает множество вопросов, а порой и желание опровергнуть некоторые постулаты. Однако научный спор с разработчиками программ контент-анализа, в том числе LIWC, возможен только в случае непосредственной работы с этими ресурсами и применении их к проверке разных гипотез. В этой статье сделан лишь первый шаг в этом направлении, и мы надеемся, что наши дальнейшие изыскания позволят уточнить высказанные иностранными учеными идеи, развивать их и применять к новым объектам исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Когнитивная сложность* // Мир психологии. URL: <http://psychology.net.ru/dictionaries/psy.html?word=401> (дата обращения: 28.10.2014).

2. *Мухомтов Д. С.* «Об общем и частном в понятиях «языковая личность», «речевой портрет», «идиостиль» и «идиолект» (на примере вербального поведения современных политических деятелей). // сб. Политическая коммуникация: перспективы развития научного направления: материалы международной научной конференции, Екатеринбург, 26—28 августа 2014 г. — Екатеринбург: Изд-во Урал.гос.пед.ун-та, 2014. — С. 167-173.

3. *Abdel Latiff, M.* (2010) Corpus-based Study of Gender, Identity, and Language Used in Online Social Net-

working Communities. Universiti Tun Hussein Onn Malaysia.

4. *Chung, C.K., Pennebaker, J.W.* The Psychological Functions of Function Words. // in Fieldler (Ed.) (2007). Social Communication (p. 343-359). New York: Psychology Press.

5. *Denton Jr., R.E.* (1988). The primetime presidency of Ronald Reagan: The era of the television presidency. New York: Praeger.

6. *Diction* the text-analysis program [Electronic Source]. — URL: <http://www.dictionsoftware.com/diction-overview>. Access date: 03.05.2014.

7. *Gottschalk, L.A., Gleser, G.G.* (1969). The measurement of psychological states through the content analysis of verbal behavior. Berkeley: University of California Press.

8. *Landauer, T.K., Foltz, P.W., and Laham, D.* (1998) Introduction to Latent Semantic Analysis, Discourse Processes, 25, pp. 259-184.

9. *Markoski Allison A.* How they spoke: an analysis of the 2004 presidential campaign speeches: [Undergraduate senior honors thesis], Honors College, Ball State University, Muncie, Indiana, United States. URL: <http://cardinalsolar.bsu.edu/handle/handle/191467>.

10. *Pennebaker, J. W., Persaud, R.* (2010) The 2010 UK Election: The second debate. Is David Cameron this week's new heartthrob? [Electronic Source]. — URL: <http://wordwatchers.wordpress.com/2010/04/23/the-2010-uk-election-the-second-debate/>. Access date: 15.10.2014.

11. *Pennebaker, J. W., Persaud, R.* (2010) The Third UK Debate: Assessing Optimism, Honesty, and Thinking Styles. [Electronic Source]. — URL: <http://wordwatchers.wordpress.com/2010/04/23/the-2010-uk-election-the-second-debate/>. Access date: 15.10.2014.

12. *Pennebaker, J.W. & King, L.A.* (1999). Linguistic styles: Language use as an individual difference. Journal of Personality and Social Psychology, 77, pp. 1296-1312.

13. *Pennebaker, J.W.* (2011) The secret life of pronouns: what our words say about us. New York, Bloomsbury Press.

14. *Pennebaker, J.W., Kiecolt-Glaser, J.K., Glaser, R.* (1988). Disclosure of traumas and immune function: Health implications for psychotherapy. Journal of Consulting and Clinical Psychology, Vol. 56, pp. 239-245.

15. *Pennebaker, J.W., King, L. A.* Linguistic Styles: Language Use as an Individual Difference. Journal of Personality and Social Psychology. 1999, Vol. 77, No. 6, pp. 1296-1312.

16. *Reagan R.* Address to the Nation on Federal Tax and Budget Reconciliation Legislation (August 16, 1982b). URL: <http://www.reagan.utexas.edu/archives/speeches/1982/81682a.htm> (дата обращения: 15.04.2014).

17. *Reagan R.* Address to the Nation on Federal Tax Reduction Legislation (July 27, 1981b). URL: <http://www.reagan.utexas.edu/archives/speeches/1981/72781d.htm> (дата обращения: 15.04.2014).

18. *Reagan R.* Address to the Nation on Tax Reform (May 28, 1985b). URL: <http://www.reagan.utexas.edu/>

[archives/speeches/1985/52885c.htm](http://www.reagan.utexas.edu/archives/speeches/1985/52885c.htm) (дата обращения: 15.04.2014).

19. *Reagan R.* Address to the Nation on the Economy (February 5, 1981a). URL: Ronald Reagan Presidential Library & Museum [Electronic Source]. — URL: <http://www.reagan.utexas.edu/archives/speeches/1981/20581c.htm> (дата обращения: 15.04.2014).

20. *Reagan R.* Address to the Nation on the Economy (October 13, 1982c). URL: <http://www.reagan.utexas.edu/archives/speeches/1982/101382d.htm> (дата обращения: 15.04.2014).

21. *Reagan R.* Address to the Nation on the Federal Budget and Deficit Reduction (April 24, 1985a). URL: <http://www.reagan.utexas.edu/archives/speeches/1985/42485b.htm> (дата обращения: 15.04.2014).

22. *Reagan R.* Address to the Nation on the Fiscal Year 1983 Federal Budget (April 29, 1982a). URL: <http://www.reagan.utexas.edu/archives/speeches/1982/42982b.htm> (дата обращения: 15.04.2014).

23. *Reagan R.* Address to the Nation on the Program for Economic Recovery (September 24, 1981c). URL: <http://www.reagan.utexas.edu/archives/speeches/1981/92481d.htm> (дата обращения: 15.04.2014).

24. *Reagan R.* Address to the Nation on the Venice Economic Summit, Arms Control, and the Deficit (June 15, 1987).

25. *Ritter, K., Henry, D.* (1992). Ronald Reagan: The Great Communicator. New York: Greenwood Press.

26. *Ronald Reagan Presidential Library & Museum* [Electronic Source]. — URL: <http://www.reagan.utexas.edu/archives/speeches/publicpapers.html>. Access date: 15.04.2014.

27. *Slatcher R. B., Chung C. K., Pennebaker J. W., Stone L. D.* Winning words: Individual differences in linguistic style among U.S. presidential and vice presidential candidates Journal of Research in Personality 41 (2007) pp. 63-75.

28. *Slatcher, R.B., Chung, C.K., Pennebaker, J.W., Stone, L.D.* (2007) Winning words: Individual differences in linguistic style among US presidential and vice presidential candidates. Journal of Research in Personality, 41, pp. 63 — 75.

29. *Stone, P.J., Dunphy, D.C., Smith, M.S., Ogilvy, D.M.* (1966). The General Inquirer: A computer approach to content analysis. Cambridge, MA: MIT Press.

30. *Textalyser.* URL: <http://textalyser.net/> (date of access: 20.08.2014).

31. *The General Inquirer* [Electronic Source]. — URL: <http://www.wjh.harvard.edu/~inquirer/3JMoreInfo.html>. Access date: 20.04.2014.

32. *The Ronald Reagan Foundation & Library* [Electronic Source]. — URL: <http://www.reaganfoundation.org/life-and-times.aspx>. Access date: 25.04.2014.

33. *Weintraub, W.* (1989) Verbal behavior in everyday life. New York, Springer.

34. *Wolfe, B.W. Michael, Goldman, R. Susan.* (2003) Use of Latent Semantic Analysis for Predicting Psychological Phenomena: Two Issues and Proposed Solutions. Behaviour Research Methods, 2003, 35, pp. 22-31.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова.

Т. М. Полякова
Киев, УкраинаT. M. Polyakova
Kiev, Ukraine**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ УКРАИНИЗМА МАЙДАН
В РУССКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ
МЕДИАДИСКУРСЕ****UKRAINIANISM MAIDAN IN THE RUSSIAN
POLITICAL MEDIA DISCOURSE**

Аннотация. Рассматривается история функционирования тюркизма 'майдан' в русском и украинском языках, анализируется развитие семантической структуры лексемы 'майдан' как украинской культуремы в русском политическом медиадискурсе. Частотность употребления этой лексемы в начале XXI в. в российских СМИ связана с украинскими общественно-политическими событиями. В СМИ прослеживаются следующие лексико-семантические варианты этого слова: «место, где по различным поводам собираются люди»; «бессрочная акция протеста, революция»; «участники акции протеста, лагерь протестующих». Новые лексико-семантические варианты слова 'майдан' приводят к неоднозначности некоторых контекстов.

Ключевые слова: политический медиадискурс; неосемантизм; семантическая структура; тюркизм; украинизм; 'майдан'.

Abstract. The article examines the history of functioning of the Turkism 'maidan' in the Russian and Ukrainian languages, and the development of the semantic structure of this lexeme as a Ukrainian cultureme in the Russian political media discourse. The relative frequency of usage of this lexeme in early 21st century in the Russian mass media is connected with socio-political situation in Ukraine. The following lexico-semantic variants of this lexeme are found in mass media: "place where people gather on different occasions"; "timeless protest action, revolution" and "participants of a protest action, protesters' camp". New lexico-semantic variants of the word 'maidan' make certain contexts ambiguous.

Key words: political media discourse; neosemanticism; semantic structure; Turkism; Ukrainianism; 'maidan'.

Сведения об авторе: Полякова Татьяна Михайловна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела русского языка.

Место работы: Национальная академия наук Украины, Институт языковедения им. А. А. Потемнина.

Контактная информация: 01001, г. Киев, ул. Грушевского, 4.
e-mail: polyakovamihajlina@ukr.net.

About the author: Polyakova Tatiana Mikhailovna, Candidate of Philology, Senior Research Officer, Department of the Russian Language.

Place of employment: National Academy of Sciences of Ukraine, A. A. Potebnia Institute of Linguistics.

Характерной чертой русскоязычных средств массовой информации (и в большей степени — СМИ Украины) на рубеже 2013—2014 гг. стала очередная активизация употребления украинизма *майдан*, отражающая значимые события в жизни украинского общества. Лексема тюркского происхождения, имеющая общую историческую традицию номинирования культурных и социальных реалий в русском и украинском языках, «заиграла» новейшими и «забытыми старыми» семантическими «гранями», привела в движение систему русского языка на разных уровнях.

Лексема *майдан* [< тюрк. «ровное; свободное место»] упоминается в памятниках письменности средневековой Руси и уже во второй половине XVII в. имеет обширную семантическую структуру: «*майдán (мойдán)*, 1. Площадь, место для сходок; базарная площадь. 2. Помещение для игры в кости, в зерн и т. п. 3. Расчищенное в лесу место под завод по производству смолы, дегтя и т. п. 4. Часть лука — оружия для метания стрел» [СРЯ: 9—10].

В течение двух столетий семантическая сетка лексемы видоизменяется в русском языке, она значительно детализируется, подвергается процессам перемещения лексико-семантических вариантов (ЛСВ) на периферию, процессам терминологизации, развитию и переходу ЛСВ в узкую сферу употребления [см.: Даль, т. 2: 290; Ушаков, т. 2: 118; ССРЛЯ, т. 6: 499]. Подобные семантические трансформации происходят с лексемой *майдан* и в укра-

инском языке [см.: ЕСУМ, т. 3: 361; СУМ1, т. 4: 597—598].

Проникая в воровской жаргон, лексема *майдан* образует разветвленную систему арготизмов в русском и украинском языках, что отражено в исследованиях конца XIX в. — 20—30-х гг. XX в. [см.: Горбач 2006: 576].

К началу XXI в. в русских и украинских словарях фиксируются следующие значения лексемы *майдан*: «В южных областях России: базарная площадь» [Крысин: 408]; «1. В южных областях России, на Украине: площадь, где происходят сходки, собрания, митинги, а также в торговые дни — базары. 2. Археол. Древняя могила, курган...» [БТС: 513] (в русской лексикографической литературе исходный ЛСВ приобретает устойчивость и вмещает в себя культурологический компонент, соотношенный с украинскими общественными и бытовыми традициями [Ожегов: 288]); «В селе или в городе — просторное незастроенное место, от которого расходятся улицы; большая площадь. 2. Специально оборудованный для чего-либо небольшой ровный участок земли» [СУМ2: 519].

Анализ лексикографических источников, дающих представление о хронологических рамках употребления того или иного значения тюркизма в русском и украинском языках, свидетельствует о следующем: слово *майдан* в течение многовекового употребления приобретало новые значения и, наоборот, теряло многие из старых значений, но основное свое зна-

чение, так называемое исходное, или первичное ('площадь; ровное, открытое, просторное место'), сохранило до сих пор. Ряд ЛСВ, являющихся на сегодняшний день историзмами и архаизмами, «осел» в локальных, исторических и специальных словарях (см., например, Словарь русских народных говоров, в котором у лексемы *майдан* зафиксировано двадцать шесть (!) ЛСВ [СГ: 302—303]).

В русском политическом медиадискурсе частотность употребления слова *майдан* связана с событиями общественного характера в Украине и, соответственно, с развившимися номинативными свойствами тюркизма.

Украинская культураема *Майдан* реализует ономастическую функцию, являясь микротопонимом — 'наименованием центральной части Киева, одной из площадей украинской столицы', например: *Протестующие оккупировали Майдан Независимости в Киеве* (2000. 7—13.02.2014); *Теперь нардепы предлагают сделать Майдан и Крещатик пешеходной зоной, посадить там аллею и поставить лавочки* (Сегодня. 28.03.2014).

Нарицательное наименование *майдан*₁ (ЛСВ₁) отражает непрерывность исторической традиции в Украине, обозначая 'место, площадь, где происходят собрания людей по всевозможным поводам (празднования, концерты и другие мероприятия)', а также 'площадь для выражения социального протеста', например: *На майданах* (в Киеве, Львове, Тернополе, Ивано-Франковске) *собирается украинский народ, чтобы выразить поддержку евроинтеграции* (2000. 20—26.12.2013).

Украинские события 2013—2014 гг. активизировали употребление лексемы *майдан* в таких значениях: *майдан*₂ (ЛСВ₂) — '(бессрочная) акция протеста; социальный бунт, противостояние с властью; борьба за смену режима, революция' и *майдан*₃ (ЛСВ₃) — 'участники акции протеста; лагерь, объединение людей, осуществляющих протестную акцию'. Относительная независимость от контекста ЛСВ₂ и ЛСВ₃ особенно наметилась в новейший период истории Украины, о чем свидетельствует, например, функционирование лексемы *майдан* в этих значениях в 2004 г. (о происхождении и особенностях употребления неосемантизма *майдан*₂ в украинском языке см.: [СНЛ: 11—12, 171—177]). Очередная реализация в СМИ ЛСВ₂ и ЛСВ₃ с уточнением иных причин/особенностей акции протеста ('борьба за евроинтеграцию') открыла или продолжила ряд обозначений *майдана* как специфической для Украины реалии: *оранжевый/помаранчевый майдан, евромайдан*.

Устойчивый коммуникативный и социальный характер приобретает ЛСВ₂: *возникла перспектива майдана; начать майдан; майдан стартовал; когда майдан только закипал; с момента майдана; раздуть костер майдана; находиться в процессе майдана; в*

ходе майдана; майдан идет круглосуточно; майдан рождается/живет/умирает/умер; майдан закончится; проиграть майдан; пережить майдан; до и после майдана; участвовать в (евро)майдане; проявить себя на майдане; майдан вытянул всех из состояния покоя; майдан расширяет границы; майдан нуждается в подогреве; майдан требует человеческих жертв; майдан перерастет в гражданскую войну; события майдана; этап майдана; радикализация майдана; технологии майдана; государственный переворот под прикрытием майдана; смена режима с помощью майдана; взять власть во время майдана; прийти во власть на штыках майдана; майдан достоинства; партия, которая прошла майдан; прийти к власти через майдан; майдан расколот/воссоздаст страну; студенческий майдан; майдан по поводу роста курса доллара; политический майдан; майдан видимый/подковерный; майдан последнего разлива; будет новый, настоящий народный майдан; зеркально отразит майдан; улучшение от майдана; вероятность очередного майдана; повод майдана; идея майдана; формат майдана; история/хроника майдана; дух майдана; лицо майдана; штаб майдана; следствие майдана; цена майдана; участник майдана; ветераны майдана; жертвы майдана; режиссер майдана; партия майдана; придать майдану евроинтеграционный характер; Украина объята майданом; облагороженная майданом страна; демократизированная майданом Украина; власть, пришедшая майданом; горячие точки майдана; соратники/союзники по майдану; нравится/(не) нравится майдан; увидеть в майдане море новых возможностей; сожалеть о майдане; (стрим)трансляция майдана; выйти в эфир „под майдан“; ассоциировать кого-либо с майданом; музей майдана; картина/кино о майдане; правда о майдане; экспорт (евро)майдана; синдром майдана; зрелище майдана; свет/кровавая тьма майдана; украинский национализм поднимался не в один майдан.

Реализация ЛСВ₂ в информационном пространстве нередко связана с прямым толкованием слова, например: *Динамика Майдана. Оппозиция постарается устраивать серьезные акции* (Сегодня. 6.12.2013); *Историки будут писать книгу о „Майдане“, этом протестном движении против украинских властей, которое переросло в революцию с пока еще непонятными перспективами* (Итоги недели. 12—18.02.2014); *Майдан — это борьба, прежде всего, за справедливость* (День. 11—12.04.2014).

Разнообразную и широкую сочетаемость в свете общественно-политических событий в Украине в 2013—2014 гг. проявляет ЛСВ₃: *собрался местный майдан; майдан диктует (условия); майдан приветствует; майдан намерен; майдан скандировал; майдан осветал; майдан осудил; майдан добьется своей*

цели; **майдан** сбросит (правительство); **майдан** назначил; **майдан** утвердит; **майдан** боролся; **майдан** хочет / (не) захочет; **майдан** понимает / может не понять; **майдан** расходится/отступает; **майдан** боится; **майдан** доверяет; **майдан** предпринимает; **майдан** реализует (план); **майдан** фонтанирует идеями; **майдан** занимает (неоднозначную) позицию; **майдан** определяется; **майдан** ждет; **майдан** перегруппировался; **майдан** восстал; **майдан** возражает; **майдан** должен постоянно/давить (на власть); **майдан** должен излечиться от комплекса жертвы; **майдан** контролирует (Киев); **майдан** едет спасать; **майдан** не спит ночью; **майдан** по домам не спешит/поехал домой; **майдан** снова заговорит; **майдан** впитал идеологию; **майдан** не един; (негативная) реакция **майдана**; акции **майдана**; противостояние/протест **майдана**; недовольство **майдана**; одобрение **майдана**; настроение **майдана**; мнение **майдана**; хозяйственная/информационная/культурная жизнь **майдана**; (националистическая) ориентация **майдана**; требования **майдана**; задача/функция **майдана**; опрос **майдана**; социология **майдана**; репутация **майдана**; эвакуация **майдана**; проблема **майдана**; будущее **майдана**; стихийная атака **майдана**; спецоперация **майдана**; работа **майдана**; действия **майдана**; принципы **майдана**; контроль **майдана** над переговорами; внимание **майдана**; выступать от имени **майдана**; голос **майдана**; плоть от плоти **майдана**; работать под присмотром **майдана**; получить задание от **майдана**; указания **майдана**; поговорить/переговоры с **майданом**; (все, что) проглатывается **майданом**; убедить **майдан**; сказать за весь **майдан**; содержать **майдан**; обидеть **майдан**; рассорить **майдан** между собой; спойть **майдан**; **майдан** специально раскачивают; послания **майдану**; приказ(ы) **майдану**; уступки **майдану**; дать **майдану** сигнал; предложить **майдану**; **майдану** позволено; **майдану** — кость; **майдану** несложно освободить админздание/снять баррикады; повернуть/перевести/перераспределить энергию **майдана**; „отмазка“ для **майдана**; советники **майдана**; типаж **майдана**; структура **майдана**; группы **майдана**; гражданский/силовой сектор **майдана**; радикальное крыло **майдана**; силы самообороны **майдана**; руководство **майдана**; верхи **майдана**; сотник **майдана**; здоровая часть **майдана**; власть, поставленная **майданом**; определенный **майданом** пакет реформ; делегированный **майданом**; согласовано с **майданом**; захвачено **майданом**/частью **майдана**; скомпрометированы в глазах **майдана**; по версии **майдана**; назначенец/ставленник **майдана**; сознательный/иррациональный по своей природе **майдан**; **майдан** на распутье; **майдан** преисполнен гневом; возбужденный **майдан**; гуляющий **май-**

дан; выездной **майдан**; разъехавшийся **майдан**; перейти на сторону **майдана**; служить **майдану**; сочувствующие **майдану**; оглядываться на **майдан**; **майдан** — движущая сила украинской революции; **майдан** не вправе подменять украинский народ. Полный иллюстративный пример реализации ЛСВ₃: **Майдан** устал. Им нужен новый план (Сегодня. 13.01.2014); Во вторник всем **майданом** отправятся в Верховную Раду (Вести. Россия РТР. 15.02.2014); За голоса Запада, откуда приехал почти весь **майдан**, придется побороться (В центре событий. ТВЦ. 6.04.2014); Энергичный сотник повернул всю энергию **Майдана** в другую сторону (День. 11—12.04.2014).

Помимо активизации и оформившейся самостоятельности значений **майдан**₂ и **майдан**₃ наблюдается реализация их подзначений или вторичных значений, которые в большей мере зависят от контекста и могут быть истолкованы через содержание ЛСВ₂ и ЛСВ₃.

Так, в определенных случаях взаимодействия ЛСВ₂ с контекстом проявляется его подзначение 'боевые /силовые/ действия интенсивного характера, направленные на достижение желаемого результата': организовали/затеяли силовой **майдан**; под давлением **майдана**; **майданы** заранее амнистированы; **Майдан** радикализировал мышление до той черты, за которой всякое понимание заканчивается (2000. 18—24.04. 2014). Указанное подзначение нередко реализуется на фоне присутствующей смысловой антонимии: Против **майдана**, за мирное разрешение конфликта, выступают шахтеры (Вести. Россия 24. 20.02.2014); Теперь людям нужно найти бескровный легитимный путь смены власти, если она не отвечает критериям, и на выборах выбирать таких кандидатов, чтобы опять не свергать их путем **Майдана** (День. 21—22.03.2014).

Вторичные значения у лексико-семантического варианта **майдан**₃ ('участники акции протеста, бунта') развивались на основе факта, тиражируемого СМИ: **майдан** неоднородное, аморфное образование.

Подзначение 'действующая боевая единица, силовая составляющая протестующих' реализуется в таком контексте: **майдан** пошел в наступление; **майдан** пошел на штурм; **майдан** ведет войну; **майдан** готов жечь и разрушать; **майдан** готов воевать; **Майдан** начал действовать на рассвете, открыв огонь на поражение (Новости. Первый канал РТР. 20.02.2014); **Майдан** грутально утверждал свою природу по всей Украине (2000. 18—24.04.2014). Анализ путей развития этого подзначения допускает его производность и от вторичного значения у ЛСВ₂ ('боевые действия...') → 'участники таких действий'.

ЛСВ₃ является производящим для подзначения 'общественно-политическая сила, преследующая свои цели', например: **Майдан** —

самостоятельная политическая сила (Новости. Интер. 20.02.2014); *Вариант признания Майдана как легитимного источника власти на Украине обсуждался Западом всерьез* (Итоги недели. 26.02—4.03.2014); *Дискуссии о том, является или не является майдан легитимным органом госвласти на Украине* (Вести. Россия 24. 5.03.2014); *Можно восторгаться майданом, а можно и задуматься, отчего это у нас именно он является властьюобразующим органом* (2000. 7—13.03.2014).

Учитывая характер иерархической взаимосвязи всех последующих значений, производных от ЛСВ₁ ('место для различных действий' → 'конкретное действие' → 'субъект такого действия' → 'тип субъекта'), можно охарактеризовать развившуюся многозначность украинизма *майдан*, как цепочечную полисемию.

«Свежесть» взаимной мотивированности производных ЛСВ отражается в их подвижности и понятийной общности в определенной обозначаемой ситуации. В условиях конкретного контекста наблюдаются следующие примеры проявления признаков гомогенного единства значений:

- ЛСВ₁ ('место, площадь для выражения протеста') ⇔ ЛСВ₂ ('акция протеста'), напр.: *Многие интеллектуалы не были на Майдане. Они не могли там бегать и жечь шины* (День. 11—12.04.2014); *Я думаю, что если выжил на Майдане, то и сейчас не пропаду* (Сегодня. 16.04.2014);

- ЛСВ₁ ('место протеста') ⇔ ЛСВ₂ ('акция протеста') ⇔ ЛСВ₃ ('лагерь протестующих'), напр.: *Следствие покажет, причастны ли к этому люди с майдана* (Новости. Интер. 20.03.2014);

- ЛСВ₁ ('место протеста') ⇔ ЛСВ₃ ('лагерь протестующих'), напр.: *После сегодняшней встречи мы можем четко сказать: наш майдан штурмовать не будут* (Новости. Интер. 19.02.2014);

- ЛСВ₁ ('место протеста') ⇔ ЛСВ₃ ('объединение протестующих') ⇔ вторичн. ЛСВ₃ ('разновидность протестующих — представители общественно-политической силы'), напр.: *Взятый с майдана министр иностранных дел* (Вести недели. Россия РТР. 16.03.2014);

- ЛСВ₂ ('акция протеста; революция') ⇔ ЛСВ₃ ('ее участники'), напр.: *Поддержать майдан и финансировать его* (Вести. Россия 24. 12.03.2014); *Звучали лозунги майдана* (Новости. Интер. 16.03.2014); *Майдан будет продолжать уродовать центр Киева* (2000. 27.12.2013—2.01.2014); *Приказ разогнать Майдан я бы не выполнил* (Сегодня. 17.03.2014); *Кто и как будет расплачиваться за победу майдана?* (В центре событий. ТВЦ. 6.04.2014);

- ЛСВ₂ ('акция протеста; социальный бунт') ⇔ вторичн. ЛСВ₂ ('силовые действия, направленные на конкретный результат'), напр.: *В процессе главной дискуссии относительно*

ситуации в Украине будут говорить об очевидных и неочевидных изменениях, к которым привел Майдан. Думаю, одно из таких основных изменений — отточенное умение граждан самоорганизоваться (День. 13.03.2014);

- ЛСВ₂ ('борьба за смену режима, революция') ⇔ вторичн. ЛСВ₂ ('боевые действия') ⇔ ЛСВ₃ ('участники борьбы'), напр.: *Майдан создал новую реальность в Украине* (Прогулки по городу. КиевTV. 21.03.2014);

- ЛСВ₃ ('участники протеста') ⇔ вторичн. ЛСВ₃ ('разновидность протестующих — силовая составляющая'), напр.: *И не успели лидеры оппозиции подписаться под соглашением об урегулировании кризиса, как тут же были подвергнуты обструкции со стороны майдана. „Правый сектор“ распространил заявление о том, что „национальная революция продолжается“* (2000. 14—20.03.2014); *Сейчас Майдан укрепляет восточные границы Украины* (Сегодня. 17.03.2014).

Контекстуальное единство ЛСВ₂ и ЛСВ₃ является наиболее распространенным и реализуется в нескольких моделях, например:

- в словосочетаниях с некоторыми именами деятелей или лиц ('nomina agentis/personalis + майдан'), при этом группу nomina agentis/personalis формируют различные единицы — от общих наименований до конкретизирующих функцию лица, от наименований с положительной оценкой в своем значении до ироничных номинаций (*инициатор, организатор, предводитель, руководитель, вождь, деятель, политик, представитель, координатор, спонсор, бенефициар, апологет, священник, боевик, герой, звезда, королева, (серый) кардинал, гастролер, завсегдаята, олимпиец, конферансье, тамада, кукловод майдана*);

- в словосочетаниях, образованных по модели 'артефакт + майдан' (*символика (евро)майдана, лента (евро)майдана, новинки/сувениры (евро)майдана, (малая) архитектура майдана, баррикады майдана, катапульты майдана*);

- в словосочетаниях с глагольными формами, обозначающими какое-либо воздействие на майдан как на объект или действие, связанное с майданом (*поднять, держать, поддерживать, финансировать, патронировать, контролировать, использовать, оседлать, приватизировать, законсервировать, критиковать, дискредитировать, очернить, предать, „опустить“, „слить“, усмирять, подавлять, атаковать, разогнать, зачистить, смести, расстреливать, свернуть майдан, руководить, управлять майданом, покончить с майданом, влиять на майдан* и *реагировать на майдан, воспринимать майдан, приветствовать/поощрять майдан, симпатизировать майдану, восторгаться/воспользоваться майданом, смеяться над майданом, обратить взор на майдан, при-*

мазаться/проявить интерес к **майдану**, 'поддаваться **майдану**', 'быть за **майдан/против майдана**', 'тратить деньги на **майдан**', 'вложиться в **майдан**', 'надеяться на **майдан**', 'сделать ставку на **майдан**', 'бояться **майдана**', 'страховаться от **майдана**' и т. д.). В медийном пространстве фиксируются конкретные примеры «оформления» ЛСВ₂ и ЛСВ₃ с одновременным проявлением понятийной общности этих значений: *В эфире радиостанции гость нахваливал **Майдан**: это народ взбунтовался против наглой, воровской и, как следствие, не очень компетентной власти. Это общественный протест* (День. 15.04.2014).

Формально выраженным показателем ЛСВ₂ может служить грамматическая форма числа: *президентские кампании сопровождаются **майданы**, потребовались **майданы**, проводить **майданы**, **майданы** могут повториться, страну ждут новые **майданы**, **майданы** на социально-экономической почве бундуют везде (в Украине), организовывают **майданы**, уstraивать свои **майданы**, запрещать **майданы**, всевозможные **майданы**, **майданы** „от безделья“, любители **майданов**, летописец киевских **майданов**, в обществе должны сами выработаться антитела от **майданов***. Однако и здесь наблюдается возможность метонимического применения слова или, точнее, его словоформы — *собирать **майданы**, проплачивать **майданы*** (т. е. 'протестующих людей').

Развитие новых лексико-семантических вариантов у слова *майдан* обусловило неоднозначное толкование вне контекста ряда словосочетаний. Например, двоякое значение приобретают следующие выражения: 'встретиться на **майдане**' ('встретиться в центральной части города' и 'встретиться на акции протеста, в период революционных событий'), 'стоять на **майдане**' ('находиться на центральной площади города' и 'участвовать в акции протеста, в борьбе с действующим режимом'), 'территория **майдана**' ('территория центральной части города'/площади для различных действий' и 'территория противостояния'/лагеря протестующих'), 'идти (уйти) на **майдан**' ('идти на центральную улицу города' и 'идти на акцию протеста'), 'пройтись по **майдану**' ('прогуляться по центральной площади' и 'покрытывать **майдан**_{2,3}'), 'спорт вне **майдана**' ('спортивные состязания вне площади для различных действий/мероприятий' и 'спортивные состязания вне политического противостояния') и др. Подобные выражения являются подходящим языковым материалом, реализующим аттрактивную функцию заглавий для последующего информационного сообщения (сохраняется тенденция к «дезориентирующему характеру заголовков в СМИ» [Подчасов 2000: 52—55], наметившаяся к началу XXI в.). Например: **СПОРТ ВНЕ МАЙДАНА**. Междуна-

родный олимпийский комитет прилагает огромные усилия, чтобы спорт оставался вне политики. <...> Давайте поддерживать всех наших спортсменов независимо от их политической ориентации и признавать, что их достижения являются общенациональным достоянием, а не „собственностью“ какой-то политической силы (2000. 14—20.02.2014).

В медийном тексте на общественно-политическую тематику проявляется однородность значений микротопонима ('центральная площадь города') и лексемы *майдан*₁ ('место, площадь для выражения протеста'), напр.: *Во-первых, ни в коем случае вы не имеете права, пока не завершится все, что вы запланировали сделать в этой стране, уйти с этого **Майдана*** (Комсомольская правда в Украине. 24.02.2014); *Люди на **Майдане** требовали смены не только действующих лиц, но и самих правил игры в Украине* (День. 13.03.2014). Если речь идет о печатных СМИ, то в этом случае, казалось бы, могли бы прийти на помощь орфографические разграничители — правила правописания имен собственных и нарицательных. Однако написание лексемы *майдан* как нарицательного имени (если она является нарицательным наименованием), т. е. со строчной буквы, отмечается в единичных СМИ. В большинстве печатных изданий Украины лексема оформляется как имя собственное (*Майдан*) независимо от того, какой ЛСВ она реализует, что является графосемантическим показателем тесной связи всех номинируемых сторон реалии с локальной (конкретной) точкой их происхождения.

И здесь можно говорить о повторяющейся цикличности взаимоперехода микротопонима и ЛСВ₁. Так, само возникновение киевского микротопонима *Майдан* как украинской культуремы связано с нарицательным и исходным для всех последующих ЛСВ значением 'площадь, возвышенное (и удобное) место для различных сборищ и действий', см., напр.: «На *майдані* коло церкви революція іде (П. Тичина); *Майдан* на хвилину ожив, залюндився (М. Коцюбинський)» [УРС, т. 2: 473], см. также последовательность развития лексико-семантической структуры слова *майдан* в одном из локальных словарей русского языка: «1. Площадь; 2. Сборище (сход); 3. Главная улица; <...> 7. Трибуна (откуда говорили речи на сходе)» [Миртов: 179]. «Донской словарь» подтверждает и тот факт, что для лексемы *майдан* как наименования 'главной улицы' исторически характерна смена ролей — производной и производящей единицы, т. е. ЛСВ 'главная, центральная улица' не находится в так называемой «однозначной подчинительной связи» [Шмелев 1977: 122] по отношению к другим значениям, связанным со «сходом» народа или местом для провозглашения «народных речей» ('главная улица' → 'трибуна'); ср. с современным употреблением: 'трибуна *Майдана*', 'сцена *Май-*

дана', 'площадка **Майдана**' — и последующую апеллативизацию микропонима: 'сцена какого-нибудь **майдана**', напр.: *Я был на **Майдане**, но на его площадке не выступал* (Сегодня. 4.02.2014); <...> *приковывание губернаторов наручниками на сцене какого-нибудь **майдана*** (2000. 14—20.03.2014).

Динамические процессы в лексико-семантической структуре слова **майдан** не ограничиваются выделенными ЛСВ и их взаимодействием. Фиксируются единичные контекстуальные ЛСВ, свидетельствующие о различных семантических трансформациях украинизма **майдан₂** (развитие значений на основе метонимической связи, обобщение денотативного компонента, утрата периферийных сем), например:

- **майдан₂** ('революция') → 'победа революции': *Драться за **майдан** до последней капли крови* (События. ТВЦ. 14.04.2014); *Хотят отобрать у нас **Майдан**, забрать Украину, уничтожить наш народ* (День. 15.04.2014);

- **майдан₂** ('силовые действия, направленные на смену режима') → 'свержение действующей власти, (военный) государственный переворот': *„В первые дни петлюровской власти опереточные гайдамаки ходили по Крещатику, снимали все русские вывески и вешали вместо них украинские“. Это из Паустовского, очевидца петлюровского **майдана** 1918 года* (2000. 13—19.12.2013); *Московский **майдан**. <...> Переворот в Москве в 1991 году* (Сегодня. 29.03.2014); *Смена власти в украинском варианте в России невозможна. <...> В России **майдану** не бывать* (Право голоса. ТВЦ. 29.04.2014);

- (евро)**майдан₂** ('революция, борьба за смену режима') → 'технология революции, смены режима': *Узнать, как на низовом уровне действовал международный механизм собирания геополитических противников России, поближе познакомиться с белорусской специфической общественной технологией, которая прекрасно известна украинцам по **майдану*** (2000. 8—14.11.2013); *На данном этапе **евромайдан** — это технология, которая уже неоднократно в виде „цветных революций“ использовалась для разрушения законности и стабильности во многих странах. <...> Флаг ксенофобии и русофобии был поднят... в первые же дни* (2000. 7—13.02.2014); *Новые решения в стиле „**майдан**“: США — хорошо, Россия — плохо* (События. ТВЦ. 24.04.2014);

- **майдан₂** ('общественный протест') → 'активное, самоопределившееся общество': *С точки зрения самоидентификации, активного гражданского общества, **Майдан** рождается именно сейчас* (День. 21—22.03.2014).

Контекстуальные единичные ЛСВ от украинизма **майдан₂**, которые не приобрели заметной устойчивости, могут номинировать реалии, не связанные с (общим) социальным протестом на улицах Украины или социальным

протестом, имеющим специфические для украинского общества черты (т. е. происходит определенный «выход» номинации за рамки украинской лингвокультурной сферы), например:

- **майдан₂** ('социальное противостояние в Украине: борьба за смену режима') → 'борьба за что-либо, связанные с ней испытания': *Есть люди (люди с особыми потребностями. — Т. П.), которые с самого детства переходят через такую **майдан**, что не приведи Господь. Им стоять за свои права. — Т. П.) без надежд на кардинальные изменения* (2000. 7—13.03.2014);

- **майдан₂** ('революция, протестные акции, характерные для украинского общества') → 'революция, общественные протесты какие-либо и где-либо': *Московский **майдан**. <...> Большую роль в московской революции 1991-го сыграли русские националисты* (Сегодня. 29.03.2014); *В Минске **майдана** не будет. Здесь нет для **майдана** места* (Новини № 1. 112 УкраинаTV. 11.07.2014); *...повод для протестов в Фергюссоне более весомый — полиция не побила, а убила молодого человека <...> правоохранители США тут же предприняли меры, чтобы не допустить никакого **майдана** в этом отнюдь не столичном американском городе* (2000. 29.08—4.09.2014).

Реализация ряда контекстуальных значений у неосемантизма **майдан₂**, расширение сочетаемостных возможностей свидетельствуют об активизации украинизма **майдан₂** и его последующем освоении в русском языке в период 2013—2014 гг.

Семантическая трансформация тюркизма **майдан₁** предопределена экстралингвистическими факторами и воссоздает картину развития собственно украинского явления, что подтверждает обзор тюркских лексикографических источников, в том числе и современных, сопоставительный анализ развития лексико-семантической структуры татарского, кыпчакского, казахского, туркменского слова *maidan*, турецкого, крымско-татарского *māidan* и т. д. В этом смысле можно говорить о «последствиях аккультурации», т. е. о последствиях такого «процесса взаимодействия культур, в ходе которого происходит их изменение, усвоение ими новых элементов, образование в результате симбиоза разных традиций реалии принципиально нового синтета» [Каиржанов 2012: 216—217].

Анализ иллюстраций функционирования украинизма **майдан** и его производных в русском политическом медиадискурсе подтверждает неограниченность семантического ресурса, вскрывающего, а точнее влекущего за собой культурные и социально-исторические ассоциативные параллели.

СЛОВАРИ

1. БТС = Большой толковый словарь русского языка / [сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов]. — СПб. : Норинт, 2000.

2. *Даль* = Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. — М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1955.

3. *ЕСУМ* = Етимологічний словник української мови : у 7 т. / [гол. ред. О. С. Мельничук]. — Київ : Наукова думка, 1982—2012.

4. *ІСНЛ* = Активні ресурси сучасної української номінації: Ідеографічний словник нової лексики / авт.-уклад. Є. А. Карпіловська, Л. П. Кислюк, Н. Ф. Клименко, В. І. Критська, Т. К. Пуздирева, Ю. В. Романюк ; відп. ред. Є. А. Карпіловська. — Київ : ТОВ «КММ», 2013.

5. *Крысин* = Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. — М. : Русский язык, 1998.

6. *Миртов* = Миртов А. В. Донской Словарь : материалы к изучению лексики донских казаков // Труды северо-кавказской ассоциации научно-исследовательских институтов. — Ростов н/Д : Тип. Кубполиграффа, Краснодар, 1929. Вып. 6, № 58.

7. *Ожегов* = Ожегов С. И. Словарь русского языка / [под ред. Н. Ю. Шведовой]. — М. : Русский язык, 1984.

8. *СГ* = Словарь русских народных говоров / [гл. ред. Ф. П. Филин ; сост. Н. И. Андреева-Васина, Ю. Ф. Денисенко, О. Д. Кузнецова и др.]. — Л. : Наука, 1981. Вып. 17 (*Леснокаменный — Масленичать*).

9. *СРЯ* = Словарь русского языка XI—XVII вв. / [гл. ред. Ф. П. Филин ; сост. Г. А. Богатова, О. В. Малкова, Г. П. Смолицкая и др.]. — М. : Наука, 1982. Вып. 9.

10. *ССРЛЯ* = Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / [пред. ред. кол. Ф. П. Филин]. — М. ; Л. : Наука, 1950—1965.

11. *СУМІ* = Словник української мови : в 11 т. / [гол. ред. І. К. Білодід]. — Київ : Наукова думка, 1970—1980.

12. *СУМ2* = Словник української мови / кер. В. В. Німчук ; відп. ред. В. В. Жайворонок. — Київ : ВЦ «Просвіта», 2012.

13. *УРС* = Українсько-російський словник : в 6 т. / [гол. ред. кол. І. М. Кириченко]. — Київ : Вид-во АН УРСР, 1953—1963.

14. *Ушаков* = Толковый словарь русского языка : в 4 т. / [под. ред. Д. Н. Ушакова]. — М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1935—1940.

ЛИТЕРАТУРА

15. *Горбач О.* Арго в Україні. — Львів : Ін-т українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, 2006.

16. *Каиржанов А. К.* Византизм и ментальность Киевской Руси. Ч. 1. Раздумья на степной дороге (очерки по языкознанию и культурологии). Ч. 2. — Київ : Издательский дом Дм. Бураго, 2012.

17. *Подчасов А. С.* Дезориентирующие заголовки в современных газетах // Русская речь. 2000. № 3. С. 52—55.

18. *Шмелев Д. Н.* Современный русский язык. Лексика : учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. «Рус. яз. и литература». — М. : Просвещение, 1977.

Статью рекомендує к публікації д-р філол. наук, проф. В. М. Брицын.

Ю. Р. Тагильцева
Екатеринбург, Россия

**«БРАТ ТЫ МНЕ ИЛИ НЕ БРАТ?»,
ИЛИ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ
ВОЙНА
В КОНТЕКСТЕ**

РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКИХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. Исследуется история отношений России и Белоруссии в рамках Союзного государства через призму информационного противостояния, отражающего непростые политические и экономические взаимоотношения сторон. Особое внимание уделяется поиску коммуникативного компромисса как способу нейтрализации информационного противостояния между Россией и Белоруссией.

Ключевые слова: информационная война; противостояние; общественное мнение; коммуникативный компромисс.

Сведения об авторе: Тагильцева Юлия Ринатовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры рекламы и связей с общественностью.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 149.
e-mail: jennifer1979@yandex.ru.

Yu. R. Tagiltseva
Ekaterinburg, Russia

**“ARE YOU MY TRUE BROTHER?”,
OR INFORMATION-PSYCHOLOGICAL WARFARE
IN THE CONTEXT
OF RUSSIA-BELARUS RELATIONS**

Abstract. The article considers the history of relations between Russia and Belarus in the framework of the Union State in the light of the information counteraction, reflecting the difficult political and economic relations between the parties. Particular attention is paid to the search of a communicative compromise as a method of neutralization of informational confrontation between Russia and Belarus.

Key words: informational warfare; confrontation; public opinion; communicative compromise.

About the author: Tagiltseva Yulia Rinatovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of Advertising and PR.

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

*Все счастливые семьи похожи друг на друга,
каждая несчастливая семья несчастлива по-своему.
Л. Н. Толстой. «Анна Каренина»*

После распада СССР геополитическое, экономическое, информационное пространство некогда единого государства было поделено на сферы влияния, что привело, как отмечают исследователи, к возникновению и развитию дестабилизирующих процессов в рамках отдельно функционирующих независимых государств.

Поскольку Белоруссия, как и некоторые бывшие союзные республики, обладает низким запасом полезных ископаемых и заинтересована в энергоносителях, сырье и высоких технологиях, то изначально она выбрала курс на единение и сотрудничество с Россией. Так, в 1999 г. был подписан «Договор о создании Союзного государства России и Белоруссии», который вступил в силу лишь 26 января 2000 г. И, как отмечают аналитики, это был серьезный шаг в сторону интеграции России и Белоруссии на постсоветском пространстве. Но уже в 1999 г. намечается первый прецедент «непонимания» в отношениях двух стран: Россия вводит экспортные пошлины на нефть и нефтепродукты, а Белоруссия, в свою очередь, отказывается обложить пошлинами российскую нефть и продаваемые в страны ЕС нефтепродукты, производимые из российской нефти. В результате начинается простой в интеграционных от-

ношениях. И лишь в 2002 г. В. Путин предлагает основать Союзное государство на несколько иных условиях — по образцу ЕС. Как следствие, было подписано соглашение, по которому Россия поставляет Белоруссии в течение 5 лет газ по внутригосударственным ценам, а Белоруссия обещалась создать газотранспортное совместное предприятие Газпрома и Белтрансгаза. Уже через несколько месяцев после подписания соглашения разразился первый конфликт в союзных отношениях — в ноябре 2002 г. А. Лукашенко потребовал 5 млрд долларов за Белтрансгаз, что превышало стоимость самой компании в несколько раз. А дальше пошло по наклонной: переговоры затягиваются на год, отказ со стороны Белоруссии от введения единой валюты, первая «газовая война» между государствами в 2004 г., в результате чего Белоруссия отключена от газоснабжения, переговоры и уступка Газпрому половины акций Белтрансгаза; осень 2005 г. — ослабление и изменение направленности и интенсивности взаимозаинтересованности стран друг в друге — политические акценты их уходят на второй план; 2006 г. — Газпром инициирует пересмотр условий поставок газа в Белоруссию: Минску предлагается неподъемная цена — 200 долларов за 1000 кубометров; 2007 г. — Россия прекращает поставку газа в

Работа выполнена в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов наук (проект МК-1644.2014.6 «Методика комплексного (лингвистического, психолингвистического, психофизиологического) анализа экстремистского текста и его воздействия на адресата»).

© Тагильцева Ю. Р., 2014

Белоруссию по внутрироссийским ценам (истечение срока договора пришлось на апрель 2007 г.), а в январе начинается «нефтяная война» из-за введения Россией пошлины на экспорт нефти в Белоруссию (180,7 долларов за тонну) и введения последней платы за транзит нефти (45 долларов за тонну). Как следствие, приостановлены поставки нефти в Словакию, Венгрию, Польшу, Чехию и Германию, но после телефонных переговоров глав двух государств поставка нефти возобновилась буквально через несколько дней.

Эти перипетии на пути развития Союзного государства России и Белоруссии заставили последнюю озадачиться возникшими проблемами и поменять вектор интеграции в сторону ЕС. Примечателен и тот факт, что Россия и Белоруссия в обход друг друга пытались решить проблему диверсификации поставок энергоносителей: Белоруссия — принять участие в проекте строительства трубопроводов, транспортирующих нефть из Каспийского региона через Украину, а Россия — создать новый трубопровод БТС-2 (в обход Белоруссии и Украины). Однако в декабре 2007 г. состоялся первый официальный визит В. Путина в Белоруссию. Результатом переговоров стал переход двух стран в формат рыночных отношений, что привело к аннулированию де-факто проекта создания Союзного государства.

В июне 2009 г. в СМИ прокатилась очередная взрывная информационная волна, связанная с внезапным «молочным конфликтом», разгоревшимся между некогда братскими республиками — Россией и Белоруссией. В памяти сразу же всплыли ностальгические воспоминания о грузинском и молдавском вине, латвийских шпротах.

Данный конфликт был спровоцирован локальным поводом — «несоответствием белорусского молочного продукта российским стандартам качества, применяемых к подобным продукциям». (Конечно, одновременно появились и другие версии. Так, по слухам, основным поводом противоборства стало лоббирование интересов российских производителей молочной продукции на территории Белоруссии).

Кроме того, этот конфликт касался прежде всего экономической сферы, а не всего комплекса межгосударственных отношений, тем более двух стран, официально образующих единый государственный союз. Таким образом, наличие геополитической подоплеки в данном конфликте сразу исключается.

Целью указанной информационной войны стало заставить одну сторону — Белоруссию — действовать в желательном для России направлении: «соблюдения основных российских требований качества молочной продукции, ввозимой в страну». Таким образом, первоначально ставилась цель защиты интересов российского потребителя и производителя молочной продукции. Конечно, не исключалось и стрем-

ление лоббировать интересы российских производителей.

В ответ на прозвучавшие обвинения Белоруссия сделала их опровержение и, более того, представила свое видение произошедшего. Предпринятое Россией, по мнению белорусской стороны, стало ответом на возмущение белорусских производителей, недовольных действиями российских предпринимателей, желавших скупить белорусские молочные заводы, т. е. провести передел пищевой промышленности. Все последующие действия как со стороны России, так и Белоруссии носят демонстративный характер.

В результате обе стороны обменялись угрозами: Белоруссия — отказом в доступе к газопроводу, проходившему по ее территории, Россия — возможным повышением платы за транзит. В довершение всего 17 июня 2009 г. стало известно, что российская газовая монополия Газпром потребовала от Белтрансгаза возврата 231 млн долларов — разницы, которая не была перечислена из-за устного соглашения Александра Лукашенко и Дмитрия Медведева о поставках российского газа по сниженной цене в 150 долларов за тысячу кубометров.

Новая волна «нефтяной войны» захлестнула страну в начале 2010 г.: ее причиной стали завышенные требования с обеих сторон по поставкам нефти. Так, министр энергетики РФ С. Шматко заявил о продолжении льготной поставки нефти в Белоруссию (6,3 млн тонн нефти для внутреннего пользования, а все прочее — со 100%-й пошлиной) в обмен на вхождение российского капитала в предприятия белорусской нефтяной инфраструктуры. Однако Белоруссия стала настаивать на том, что внутри Таможенного союза (Россия, Белоруссия и Казахстан) никаких пошлин не может быть. В результате приватизация белорусских нефтеперерабатывающих заводов оказалась болезненной, поскольку это затрагивало частные интересы белорусских предпринимателей.

2013 г. ознаменовался новым витком в экономической войне: 26 августа под арест взят генеральный директор «Уралкалия» Владислав Баумгертнер, которому Следственный комитет Республики Беларусь предъявил обвинение в превышении должностных полномочий (по ч. 3 ст. 424 УК Белоруссии), и был объявлен в розыск по линии Интерпола совладелец «Уралкалия» Сулейман Керимов. В ответ Россия предприняла «отчаянный шаг» как с юридической, так и с политической точки зрения: предъявила «претензии к качеству белорусской продукции, а также было заявлено об ограничении поставок нефти в республику. Официально — в связи с ремонтом нефтепровода „Дружба“» [Саркисян]. По сути, действия А. Лукашенко можно квалифицировать как очередной демарш, продиктованный стремлением показать правительству России, что рос-

сийский бизнес должен соблюдать правила игры в правовом пространстве Белоруссии, в противном случае белорусские правоохранительные органы закрывать глаза не станут. Несмотря на все последующие перипетии этого дела, обеим сторонам все же удалось найти компромисс: в апреле 2014 г. прошла встреча Д. Мазепина с А. Лукашенко, в результате которой президент Белоруссии разрешил «вести переговоры „Беларуськалий“ с „Уралкалием“, только если речь будет идти о мировых объемах» [Беларусь будет сотрудничать с «Уралкалием» только в мировых объемах].

На сегодняшний момент отношения России и Белоруссии оказываются двойственными: с одной стороны, А. Лукашенко заявил на январской пресс-конференции 2013 г., что «Союзное государство не только не утратило своего значения, но и является стержнем постсоветской интеграции» и «российско-белорусские отношения развиваются поступательно и уверенно, определенным ориентиром для всей постсоветской интеграции» [Герашенко], с другой — в отношениях возникают проблемные ситуации:

- вопрос растворителей, разбавителей и смазок, которые не подпадали под российско-белорусское балансовое соглашение по поставкам нефти из России;

- слияние КАМАЗа и МАЗа в холдинг «РосБелАвто»;

- объединение «Гомсельмаша» и «Ростсельмаша»;

- партнерство «Беларуськалия» с «Уралкалием»;

- несогласие с политикой В. Путина в отношении Украины и временный «уход в сторону» в связи с санкциями, налагаемые ЕС на Россию.

Несмотря на глубокие и разноплановые проблемы, возникающие в российско-белорусских отношениях, оба государства заинтересованы во взаимной интеграции, чему есть несколько причин:

- в военно-стратегическом отношении Белоруссия обеспечивает для России неприкосновенность западных границ;

- с геополитической точки зрения Россия с ее военными возможностями для Белоруссии является мощным союзником, гарантом безопасности;

- в рамках союза решаются некоторые вопросы обеспечения политической, экономической, экологической, технологической безопасности;

- стратегическое экономическое партнерство.

Особое место в развитии российско-белорусского конфликта играют пристрастия главных политических и экономических «игроков».

Так, белорусская сторона представлена прежде всего следующими игроками. Во-первых, президент Белоруссии А. Лукашенко, который, как отмечают аналитики, «ведет двойную игру. Пытается играть на противоречиях с

Россией экономической сфере, провоцируя политические скандалы, которые импонируют западникам» [Жильцов].

Во-вторых, в период «нефтяных войн» отмечается активность крупных белорусских нефтеперерабатывающих заводов и иностранного производственно-торгового частного унитарного предприятия «Миралекс».

В-третьих, первый вице-премьер Белоруссии В. Семашко, одновременно являющийся председателем наблюдательного совета «Приорбанка», который, наряду с «ВТБ-Банком», «Альфа-банком», «Белросбанком», банком «Минск-Москва», совместно с «BNP Paribas», «Fortis» занимаются финансированием поставок нефти и нефтепродуктов.

Российская сторона представлена следующими игроками.

Во-первых, правительство России во главе сначала с В. Путиным, потом Д. Медведевым.

Во-вторых, российские нефтяные компании, имеющие свои дочерние предприятия в Белоруссии, — «Лукойл», «Татнефть», «Альянс», «ТНК-ВР», «Газпромнефть», «Юнивест-М», «Юникс Ойл». Все эти компании стремятся покрыть территорию Белоруссии сетью автомобильно-заправочных станций (АЗС).

В-третьих, российский вице-премьер И. Сечин, одновременно являющийся и председателем совета директоров крупной госкомпании «Роснефть».

И последний участник «невидимого фронта» — Запад с программой Евросоюза «Восточное партнерство».

Каждая из представленных сторон периодически пыталась повлиять на другую, используя явные и скрытые приемы информационно-психологического воздействия с целью вызвать определенные действия, решения противника.

Если исходить из общих целей информационно-психологической войны, предложенных Н. С. Бухариным, В. В. Цыгановым, В. Жуковым, С. Э. Некляевым, то получается следующее.

Целями России стали:

- сохранение Белоруссии как стратегического союзника;

- экономическое и политическое доминирование над Белоруссией — поглощение ее основных экономических активов с целью появления «зависимости» от решений Москвы, возможностей влияния посредством экономических рычагов.

Белоруссия оказывала экономическое и политическое воздействие на правительство России посредством экономического и политического шантажа с целью получения «приемлемых условий поставки и транспортировки газа, нефти».

Существует и еще одна интересная точка зрения, выдвинутая П. Ковалевым, о том, что информационно-психологическая война между

Россией и Беларуссией была развернута при участии Запада (ряда стран ЕС и США). Так, в программе действий США от 25 октября 1995 г., оглашенной на совещании Объединенного комитета начальников штабов Вооруженных сил США, президент США Б. Клинтон заявил, что в ближайшее время необходимо решить следующие задачи:

- «— расчленения России на мелкие государства путем межрегиональных войн;
- развала военно-промышленного комплекса России и армии;
- установления нужного режима в оторвавшихся от России республиках» [Ковалев].

Перечисленных целей предполагалось достичь через информационное доминирование в медиапространствах России и Беларуссии с постоянным воздействием на сознание масс для создания и закрепления определенных ярлыков: с одной стороны, Россия — «агрессор», Беларуссия — «жертва», с другой — «неблагодарная» Беларуссия.

Как отмечалось выше, одним из объектов информационно-психологического воздействия стало общественное мнение обеих стран. Рассмотрим последствия подобных манипуляций власти. Для этого мы использовали результаты следующих социологических опросов: «Общественное мнение о союзе России и Беларуссии и выборах в союзный парламент» — аналитический обзор по результатам опросов общественного мнения, проведенных в 1997—2001 г. фондом «Общественное мнение», ВЦИОМ, исследовательским центром «РОМИР», агентством региональных политических исследований (АРПИ), группой «7/89» [Россияне о Союзе России и Беларуси... 17.01.2002]; последний общереспубликанский мониторинг общественного мнения Беларуссии, проведенный фондом «Общественное мнение» 13 сентября 2004 г. [Опрос общественного мнения в Беларуси]; «Российско-белорусский союз: объединяться или просто дружить» — опрос, проведенный ВЦИОМ в июне 2009 г. [Российско-белорусский союз: объединяться или просто дружить]; «Предвыборная ситуация в Республике Беларусь» — опрос, проведенный под эгидой международного центра социологических и маркетинговых исследований SOCIUM с 1 по 10 декабря 2010 г. [Социологи выяснили предвыборные настроения]; «Россия и Польша, россияне и поляки: соседи... партнеры... друзья?» — проводился ВЦИОМ и СВOS совместно с компанией «Grua IQS» в ноябре-декабре 2012 г. [Россия и Польша, россияне и поляки: соседи... партнеры... друзья?].

НАПРАВЛЕННОСТЬ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Начиная с 1997 по 2013 г. включительно настроения, связанные с созданием Союзного государства и дружбы между Россией и Беларуссией, остаются практически на одном уровне.

Так, с 1997 г. по 2001 г., по мнению россиян, одним из самых старых и надежных союз-

ников является Беларуссия. Практически 42 % опрошенных россиян отметили, что сотрудничество России должно в первую очередь развиваться с Беларуссией.

В 2004 г. социологический опрос, проведенный в Беларуссии, показал, что 49 % опрошенных считают необходимым активизировать процесс интеграции Беларуссии и России, а 42,8 % высказались за объединение Беларуссии и России в единое государство.

С 2006 по 2009 г. отношения к данному вопросу со стороны россиян и белорусов практически не меняются. Так, 40 % россиян видят российско-белорусский союз в форме объединения двух государств в одно на равноправной основе, причем 41 % белорусов тоже поддерживают идею объединения. И, как отмечают исследователи, на протяжении означенного временного периода не менее 80 % опрошенных россиян оценивают свое отношение к Беларуссии как «очень хорошее» или «в основном хорошее».

В июле 2010 г. — после «газовой войны» — на вопрос «В каком союзе было бы лучше жить народу Беларуссии — в Европейском союзе или в союзе с Россией?» 42,5 % опрошенных выбрали Россию. Правда, стоит отметить, что до начала демонстрации фильма «Крестный батька» и «газовой войны» эту идею поддерживало 43,1 % белорусов. Но уже в декабре — с 1-го по 10-е — этого же года, в предвыборный период, исследователи отмечают, что в связи с потеплением российско-белорусских отношений увеличилось число (с 45,3 до 47,3 %) тех, кто выступает за объединение Беларуссии и России по типу ЕС.

По данным опроса, проведенного в декабре 2012 г., практически 70 % россиян признали Беларуссию дружественным государством.

Таким образом, можно наблюдать одинаковую направленность общественного мнения как в России, так и в Беларуссии относительно объединения обеих стран в союзное государство на равноправных основах.

ИНТЕНСИВНОСТЬ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Исходя из представленных статистических данных, можно отметить несколько интересных моментов.

Во-первых, интенсивность общественного мнения в связи с дружественными взаимоотношениями между Россией и Беларуссией находится в районе 42 %. Более того, после пиковых стадий конфликта, когда наступают потепления в отношениях, дружба между странами, согласно опросам, возрастает. Например, если в июле 2010 г. за объединение с Россией высказалось 42,5 %, то уже в декабре — 47,3 %.

Во-вторых, даже после информационных атак провокационно-пропагандистского характера 35,5 % белорусов считают российско-белорусские взаимоотношения союзническими и 44,1 % — конфликтными. При этом ответст-

венность за провоцирование конфликта, разгоревшегося в июле между Россией и Белоруссией, 46,6 % белорусских респондентов возлагают на президента Белоруссии, а 28,3 % — на российское руководство. Однако не стоит думать, что на общественное мнение о том, кто спровоцировал конфликт, повлиял фильм «Крестный батька» (первая и вторая части). Как показывает опрос, проведенный в Белоруссии в июле 2010 г., «сумма отрицательных мнений больше суммы положительных. 32,7 % тех респондентов, что знают о фильме, считают его в той или иной степени лживым. И только 27,6 % полагают, что фильм полностью или в основном правдив» [Рахлей].

Таким образом, можно отметить, что на протяжении всего периода — с 1997 по 2013 г. — ориентированность Белоруссии на Россию и наоборот не исчезает, а лишь ослабевает, что объясняется порой равнозначностью ориентации Белоруссии как на восток, так и на запад и растущими различиями в укладах общественной жизни, в развитии экономики и политической организации.

РЕАКЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОСТИ

Сильная реакция общественности в Белоруссии, конечно, была зафиксирована в июле 2010 г., несмотря на информационную оборону правительства внутри страны. Согласно проведенному в период с 20 по 23 июля 2010 г. социологическому опросу, 65,3 % белорусов не знали о существовании двух частей фильма «Крестный батька», причем 37,9 % опрошиваемых сами фильм не смотрели, но узнали об этом от своих друзей, посмотревших его в «Байнете». В результате каждый 7-й городской житель видел этот фильм. Все же реакция на него была.

6 июля 2010 г. в Минске состоялась акция протеста против российского телеканала «НТВ», организаторами которой стали активисты пропрезидентского Белорусского республиканского союза молодежи (БРСМ). Как отмечает «Naviny.by», этот протест «стал ответом на серию материалов, которые члены молодежной организации посчитали оскорбительными для Белоруссии» [«Осторожно! Воняет!». Идеологический креатив от БРСМ].

Реакция со стороны оппозиции не заставила себя ждать. 16 июля на пресс-конференции лидер гражданской инициативы «Европейская Беларусь» А. Санников заявил, что благодаря НТВ появились новые факты, которые можно использовать при расследовании дела об исчезновении политиков В. Гончара, Ю. Захаренко, бизнесмена А. Красовского и журналиста Д. Завадского. А лидер Объединенной гражданской партии А. Лебедько «обратился в Генеральную прокуратуру Белоруссии на предмет возбуждения уголовного дела по содержащимся в нем (фильме) фактам» [Оппозиция готовит обращение в ООН и Европарламент по вопросу расследования дел об исчезнувших политиках].

И как заявлял на пресс-конференции А. Санников, 16 августа прошла акция оппозиции — компания «Говори правду!», была заявлена гражданская инициатива «Европейская Беларусь» правозащитниками в Минске перед зданием президиума Академии наук Белоруссии. Цель данной акции — требование международного расследования исчезновения оппозиционных политиков В. Гончара и Ю. Захаренко, бизнесмена А. Красовского и журналиста Д. Заварского, но перед этим — 5 августа — оппозиционеры направили в МИДы постоянных членов Совета ООН обращение с просьбой начать расследование. Более того, сами они «не скрывают, что к проведению массовых протестов их подтолкнули показанные на НТВ сюжеты» [Телевизионная война]. Таким образом, реакция оппозиции — это следствие информационно-психологической войны, разразившейся между Москвой и Минском в период «газовой войны».

Примечателен и тот факт, что 20 июля в Санкт-Петербурге у здания филиала НТВ петербургская ячейка КПРФ провела митинг в защиту А. Лукашенко, обвинив канал «в подрыве российско-белорусских отношений» и выступив «за немедленное создание союза двух стран во главе с А. Лукашенко» [Питерские коммунисты пикетировали офис НТВ в защиту Лукашенко]. Возникает закономерный вопрос: почему КПРФ? Дело в том, что еще начиная со второй половины 1990-х гг. обоих политических лидеров объединило одно общее желание — воссоздание некоего подобия СССР. Для Г. Зюганова эта идея — новый политический шаг, способный держать его «на плаву», для А. Лукашенко — грандиозный амбициозный план создания единого экономического пространства, в котором цены на энергоресурсы для Белоруссии будут оставаться на уровне внутрироссийских. Таким образом возникла идея создания Союзного государства. Более того, Г. Зюганов предложил выступить в качестве посредника в переговорах между А. Лукашенко и В. Путиным по ее воплощению.

На протяжении нескольких лет оба политика поддерживали (во время президентских выборов в Белоруссии в 2001 г. и в России в 2008 г.) друг друга и рассматривали как стратегически важных партнеров. поэтому 20 июля 2010 г. КПРФ был организован митинг-протест в поддержку А. Лукашенко, а 22 июля на пресс-конференции Г. Зюганов мягко покритиковал «правительство России по вопросам, напрямую не касающимся Республики Беларусь: «Именно Беларусь обеспечивает защиту российских границ на том пути, на котором испокон веков на Москву шли завоеватели. Это особенно важно сегодня, когда в результате так называемой военной реформы Вооруженные силы России практически разрушены» [Радов].

И опять новый виток информационного противостояния. С вечера 20 июля на сайте

«Navity.by» появился ряд статей и заметок, направленных против политики В. Путина: вышла заметка о петербургском митинге-протесте, организованном КПРФ, на следующий день появляется интервью с Б. Немцовым, а 22 июля — заметка о пресс-конференции Г. Зюганова.

Таким образом, действия российских коммунистов — это не просто последствия информационно-психологической войны между Россией и Беларуссией, а прежде всего ожидаемый со стороны Беларуссии акт политических партнеров.

ФАКТОР ТРЕВОЖНОСТИ В ОБЩЕСТВЕ

Если в целом говорить о враждебных настроениях и этнических фобиях, которые должны были возникнуть у обоих народов в период информационно-психологической войны между Минском и Москвой, то их зафиксировано не было. Так, июльский опрос НИСЭПИ показал, что «более трех четвертей белорусов полагают, что они ближе к русским, чем к европейцам» [Класковский].

Как отмечает независимый белорусский социолог профессор О. Манаев, «отношение к России, к русским у рядового белоруса глубоко встроено в психологию, культуру, и оно — положительное» [Там же].

Конечно, фактора тревожности в российском и белорусском обществах как такового нет, но наблюдаются «интеграционные» разочарования в некогда братских республиках. Во-первых, слишком много было «грязи» как с той, так и с другой стороны, в результате чего социумы устали от этого. Во-вторых, как считает тот же О. Манаев, сказались и «процессы суверенизации массового сознания, усиления национальной самоидентификации» у белорусов [Там же].

В результате белорусское общество по итогам сентябрьского опроса НИСЭПИ показало рост проевропейских настроений — 42,2 % опрошенных высказалось за вступление Беларуси в ЕС.

На сегодняшний день в российско-белорусских отношениях наблюдается затяжное перемирие, что свидетельствует о негласном политическом компромиссе как средстве консервации противоречий, поскольку обе стороны не видят способа выхода из конфликта и не готовы возвращаться к интеграции в Союзное государство на изначальных условиях. Можно отметить и тот факт, что данный политический компромисс сопровождается коммуникативным компромиссом, который заключается в корректировании негативных мнений, настроений, поступков и оценок противоборствующих сторон посредством информационно-психологических методов и средств. При этом прежние акции и высказывания в рамках информационного противостояния открыто не дезавуируются.

Во-первых, на современном этапе можно отметить позитивную тональность дипломати-

ческой лексики как в СМИ, так и при встречах на правительственном уровне. Все чаще стали встречаться словосочетания с лексемами **«единое мнение», «договорились», «взаимные обязательства», «согласование», «совместное», «двустороннее сотрудничество», «ключевой партнер»**. Это свидетельствует о создании образа России как «партнера» в сознании массового российского потребителя информации.

Во-вторых, наблюдается трансформация «образа врага» в «образ партнера», что свидетельствует о стремлении создать эффект дружелюбия и способствовать сглаживанию «накала страстей». Так, в СМИ получил освещение визит А. Лукашенко 15 марта 2013 г. в Санкт-Петербург, во время которого белорусский президент встретился с В. Путиным и вручил ему орден Дружбы народов «за значительный личный вклад в развитие дружественных отношений между Республикой Беларусь и РФ» [Лукашенко вручил Путину орден Дружбы народов].

В-третьих, намечается межкультурный диалог на разных уровнях — культурном, экономическом и геополитическом:

- при Министерстве культуры РФ создан Международный культурный центр, который финансируется из бюджета Союзного государства;
- в Анапе ежегодно проводится детский праздник «Творчество юных»;
- в Витебске проходит международный фестиваль искусств «Славянский базар»;
- 27 февраля 2013 г. в Костроме прошел фестиваль православной культуры России и Беларуссии «Единая вера — единая Русь Святая»;
- выполняется совместная четырехлетняя российско-белорусская космическая программа по дистанционному зондированию Земли «Мониторинг — СГ»;
- с 20 по 26 сентября 2013 г. под руководством министров обороны Российской Федерации и Республики Беларусь прошли совместные российско-белорусские стратегические учения «Запад-2013» (ранее подобные учения проходили в 2009 г. и 2011 г.— «Запад-2009» и «Щит Союза — 2011»);
- 29 мая 2014 г. подписан договор о создании Евразийского экономического союза между Россией, Беларуссией и Казахстаном (ранее между этими странами в 2011 г. был заключен договор о создании Таможенного союза).

Также продолжается и экономическое партнерство, в том числе в принципиально важной для обеих сторон сфере энергоснабжения: Беларуссия договорилась с Россией о поставке 23 млн тонн нефти в 2013 г.

Как видим, информационно-психологическая война между Россией и Беларуссией носит амплитудный характер, сопровождаемый всплесками активности СМИ, продиктованными политической активностью первых лиц го-

сударства, и затуханием этих всплесков по мере достижения целей «нефте-газо-молочных» войн. И все же взаимодействие обеих сторон характеризуется не только конфронтацией, но и стремлением после очередного витка противостояния найти приемлемый консенсус в отношениях, в результате чего возникает ситуация коммуникативного компромисса как следствие политического компромисса в российско-белорусской дипломатии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Беларусь* будет сотрудничать с «Уралкалием» только в мировых объемах. 2014. 19 июня. URL: <http://pronedra.ru/money/2014/06/19/rossija-belarus/> (дата обращения: 25.06.2014).
2. *Бурьян С. В.* Российско-белорусские отношения на современном этапе. 2009. 19 дек. URL: <http://nest-expert.ru/node/62> (дата обращения: 12.02.2013).
3. *Бухарин С. Н., Цыганков В. В.* Методы и технологии информационных войн / С. Н. Бухарин, В. В. Цыганов. — М.: Академический проект, 2007.
4. *Геращенко А.* Лукашенко верен себе. 2013. 17 янв. URL: http://www.stoletie.ru/slavyanskoe_pole/lukashenko_veren_sebe_471.htm (дата обращения: 14.03.2013).
5. *Жильцов С., Воробьев В.* Российско-белорусские отношения: состояние и перспективы // Дипломатическая служба. 2011. № 1. URL: http://www.ranor.ru/journals/diplomat/archive/detail_article.php (дата обращения: 18.02.2013).
6. *Жуков В.* Взгляды военного руководства США на ведение информационной войны. URL: <http://www.psyfactor.org/infowar2.htm>.
7. *Класковский А.* Пещерной русофобии в Беларуси не обнаружено. 2010. 7 окт. URL: http://naviny.by/rubrics/politic/2010/10/07/ic_articles_112_170745/ (дата обращения: 26.05.2013).
8. *Ковалев П.* Информационная война Белоруссия-Россия: время собрать камни. 2012. 10 февр. URL: <http://www.belvpo.com/ru/7406.html> (дата обращения: 11.03.2013).
9. *Лукашенко* вручил Путину орден Дружбы народов. 2013. 15 марта. URL: <http://www/km.ru/word/2013/03/15/aleksandr-lukashenko/706185> (дата обращения: 27.05.2013).
10. *Некляев С. Э.* Информационно-психологическая война в условиях сетевой войны как новая форма угрозы национальной безопасности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2008. 5. С. 35—51.
11. *Неменский О. Б.* Отношения России и Белоруссии, 1999-2007 (анализ). 2008. 11 июля. URL:

<http://www.edrus.org/content/view/9596/71/> (дата обращения: 12.02.2013).

12. *Россияне* о Союзе России и Беларуси. Аналитический обзор по материалам опросов общественного мнения, проведенных в 1997—2001 гг. 2002. 17 янв.
13. *Оппозиция* готовит обращение в ООН и Европарламент по вопросу расследования дел об исчезнувших политиках. URL: http://naviny.by/rubrics/politics/2010/07/16/ic_news_112_335804 (дата обращения: 23.05.2013).
14. *Опрос* общественного мнения в Беларуси. URL: <http://bd.fom.ru/report/cat/ggol041309> (дата обращения: 22.05.2013).
15. *«Осторожно! Воняет!».* Идеологический креатив от БРСМ. URL: http://naviny.by/rubrics/society/2010/07/06/ic_media_video_116_4432 (дата обращения: 23.05.2013).
16. *Питерские коммунисты* пикетировали офис НТВ в защиту Лукашенко. 2010. 20 июля. URL: http://naviny.by/rubrics/abroad/2010/07/20/ic_news_118_342613/ (дата обращения: 24.05.2013).
17. *Радов Н.* Лукашенко и Зюганов — товарищи по необходимости. URL: <http://www.regnum.ru/news/1341709.html> (дата обращения: 31.05.2013).
18. *Рахлей М.* Ориентация белорусов на Россию ослабевает. URL: http://naviny.by/rubrics/society/2010/8/10/ic_articles_116_169998/ (дата обращения: 20.05.2013).
19. *Российско-белорусский союз: объединяться или просто дружить.* Пресс-выпуск № 14. URL: http://iac.gov.by/ru/sociology/research/Rossijsko-beloruskij-sojuz-objedinjatsja-ili-prosto-druzhit_i_000000125.html (дата обращения: 24.05.2013).
20. *Россия* и Польша, россияне и поляки: соседи... партнеры... друзья? / ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=113687> (дата обращения: 22.05.2013).
21. *Саркисян Г.* Конфликт по поводу «Уралкалия» и торговая война России с Беларусью. URL: <http://anvictory.org/konflikt-po-povodu-uralkaliya-i-torgova-vojna-rossii-s-belarusyu/> (дата обращения: 22.10.2013).
22. *Социологи* выяснили предвыборные настроения. URL: <http://www.euroline.by/belarus/4652-sociologivvyjasnili-predvybornye-nastroenija.html> (дата обращения: 22.05.2013).
23. *Суздальцев А.* Нефтяная война? 2010. 10 янв. URL: <http://politoboz.cjm/content/neftyany-vojna> (дата обращения: 10.03.2013).
24. *Телевизионная война.* 2010. 19 июля. URL: <http://polit.ru/article/2010/07/19/lukatv/> (дата обращения: 23.05.2013).

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова.

М. А. Фокина

Нижний Новгород, Россия

M. A. Fokina

Nizhny Novgorod, Russia

**ЖАНРОВЫЕ И ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ
БЛОГОВ ПОЛИТИКОВ****GENRE AND LINGUISTIC PECULIARITIES OF
BLOGS OF POLITICIANS**

Аннотация. Рассматривается специфика блогов политиков в аспекте тематики, коммуникативной цели, образа автора, коммуникативного будущего и языкового оформления, в котором особое внимание уделяется особенностям функционирования прецедентных высказываний. Сделан вывод о необходимости предоставления блогам политиков статуса особой жанровой разновидности. С точки зрения коммуникативной цели в блогах политиков совмещаются информативность и оценочность. Стратегия самопрезентации и создания позитивного политического имиджа в блоге политика включает характерную для обычных блогов анонимность. Блогам политиков свойственна и меньшая, по сравнению с другими блогами, интерактивность.

Abstract. The article describes the peculiarities of blogs of politicians in terms of topic, communicative aim, of author's image, communicative future and language expression, with a special emphasis on the functioning of precedent statements. It is argued that the status of a special genre variety should be allotted to blogs of politicians. From the point of view of communicative purpose the blogs of politicians combine informative and evaluative potential. The strategy of self-presentation and positive political image creation in the politician's blog make anonymity, characteristic of non-political blogs, impossible. The blogs of politicians possess lower interactivity in comparison with other types of blogs.

Ключевые слова: электронная коммуникация; блоги политиков; жанрообразующие признаки; прецедентные высказывания.

Key words: Internet-communication; blogs of politicians; constitutive parts of a genre; precedent statements.

Сведения об авторе: Фокина Маргарита Андреевна, преподаватель, кафедра прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации, факультет гуманитарных наук.

About the author: Fokina Margarita Andreevna, Teacher, Department of Applied Linguistics and Intercultural Communication, Faculty of Humanities.

Место работы: национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Нижний Новгород).

Place of employment: National Research University "Higher School of Economics" (Nizhny Novgorod).

Контактная информация: 603155, г. Нижний Новгород, ул. Большая Печерская, д. 25/12.
e-mail: margo_fokina@mail.ru.

Стремительное развитие электронной коммуникации в современном мире делает закономерной растущую популярность Интернета и сетевых коммуникаций среди политических акторов. И. А. Быков отмечает, что «сетевые коммуникации являются одним из самых перспективных направлений развития политической коммуникации в современном обществе» [Быков 2013: 159]. Одним из динамично развивающихся интернет-жанров политического дискурса является жанр блога.

В русле данного исследования актуальным представляются жанрообразующие признаки, выделенные еще М. М. Бахтиным, который определил речевые жанры как «определенные, относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы высказываний» [Бахтин 1996]. Значимой представляется и модель жанра, разработанная Т. В. Шмелевой [Шмелева 1997]. Модель включает следующие параметры: коммуникативная цель, образ автора, образ адресата, образ коммуникативного прошлого, образ коммуникативного будущего, тип событийного содержания и языковое воплощение. Среди черт, которые определяют специфику блогов политиков, таким образом, выделим тематику, коммуникативную цель, образ автора, образ коммуникативного будущего и языковое, в том числе стилистическое, оформление.

Как известно, блог — это совокупность регулярно обновляемых интернет-страниц, объединенных с помощью специального программного шаблона в кластеры, каждый из которых включает дневниковую запись-пост (от англ. *post*) и комментарии к ней, оставляемые как самим автором записи, так и иными посетителями блога. С учетом степени развития и внутренней разнородности жанра блога можно говорить о назревшей необходимости классификации жанровых разновидностей блога. В фокусе данного исследования находится проблема специфических жанровых характеристик блогов политиков и выделения на этом основании блогов политиков в отдельную жанровую разновидность электронных дневников.

В характеристике коммуникативной цели блогов политиков была выявлена контаминация, взаимодополнение двух составляющих — информативности и оценочности. Отправной точкой, или информационным поводом, записи, как правило, служит некое сообщение о событии в обществе или политических кругах, о знаменательной дате и т. д. Информативная целевая установка подчеркивается в названии одного из блогов — «Вести от Сергея Миронова». Однако конечной целью является оценочная, что подтверждается вынесением оценочных высказыва-

Материалом для исследования послужили образцы записей блогов Сергея Миронова, Бориса Немцова и Геннадия Гудкова на платформе «Livejournal» за 2013 и первый квартал 2014 г.

ний в сильные позиции текста, в частности в заголовки: *Кодекс профессиональной этики нужен, но совесть кодексом не заменишь* — заголовок записи о вынесении проекта Кодекса профессиональной этики журналистов на обсуждение Федеративного совета Союза журналистов России; *Торговля юбилейными медалями — это торговля историей страны* — запись о лишении юбилейных медалей статуса государственных наград; *За что боролись... Итоги 4 ноября 2013*. В последнем примере отрицательная оценка Дня народного единства вербализуется через прецедентное высказывание, представленное в усеченном виде.

Образ коммуникативного будущего, согласно Т. В. Шмелевой, предполагает наличие представлений о последующем эпизоде общения, заложенных в жанре. Образ коммуникативного будущего блога напрямую связан с такой композиционной составляющей, как комментарии. По мнению Л. С. Савицкой, конвенция обязательности комментария к записи в блоге является одной из детерминирующих конвенций данной формы дискурса [Савицкая 2011]. Однако в противовес типичным электронным дневникам, где, согласно наблюдениям исследовательницы, эксплицируются ожидания комментария автором и автор зачастую сам принимает в них участие, в блогах политиков нами не отмечено случаев добавления авторами записей в комментарии. Случаи эксплицированной заинтересованности в комментариях единичны. Один из примеров встречаем в конце записи о юбилейных наградах, где политик обращается к потенциальным читателям: *Мне интересно ваше мнение. Считаете ли вы, что торговля юбилейными медалями — это торговля нашей историей?* Таким образом, авторами почти или вовсе не задействуется интерактивный потенциал жанра, продиктованный электронной средой коммуникации.

Образ автора, несомненно, является одним из определяющих критериев блогов политиков. При этом исследуемые блоги объединяет не только профессиональная принадлежность авторов, но и другой важный параметр: в блогах политиков отсутствует обозначение автора в виде ника (интернет-псевдонима). Анонимность, характерная для электронной коммуникации в целом и жанра блога в частности, в случае с блогами политиков оказывается невозможной, так как противоречит стратегиям самопрезентации и создания позитивного политического имиджа, широко эксплуатируемым авторами: *РПР-Парнас — единственная независимая и одновременно зарегистрированная партия. Ее сохранение — жизненно важная задача для будущего. Поэтому я буду решительно бороться с раскольниками, чтобы партию сохранить; От имени настоящих членов партии хочу принести извинения нашим избирателям за то, что мы не смогли вовремя понять и разоблачить ложь и ханжество пар-*

тийных лидеров, их циничный расчет и лицемерие.

В отличие от жанра блога в целом, предполагающего максимальное тематическое разнообразие, блоги политиков имеют строго ограниченную тематику, продиктованную образом автора. При этом необходимо разграничить блоги политиков и блоги на политическую тему, исследование которых предложено Н. Б. Рогачевой [Рогачева 2009]. По ее мнению, блоги на политическую тематику отличает интерактивность, неформальность, непрофессиональный статус коммуникантов, а также ярко выраженная субъективность подачи информации об общественно значимых событиях. Как отмечает Н. Б. Рогачева, происходит разрушение оппозиции «личное — публичное», политические события освещаются сквозь призму личности автора. Что касается блогов политиков, здесь очевидно доминирует публичная составляющая, являющаяся обязательной, личностная же составляющая востребована настолько, насколько это предполагают установки автора и его политическая ориентация. Например, Геннадий Гудков, позиционирующий себя как «независимый политик», в большинстве записей говорит от собственного «я», подчеркивая неангажированность и самостоятельность взглядов и суждений: *Я глубоко убежден, что вызывающее и даже оскорбительное поведение части выходцев с Кавказа есть исключительно результат бездарной работы власти и ее институтов, и намерен это доказать.* Наоборот, Сергей Миронов нередко транслирует общепартийные взгляды, используя местоимение «мы»: *Мы требуем запретить яд под видом газировки; Мы против очередной попытки ущемить местное самоуправление* (заголовки).

Другое отличие блогов политиков от блогов на политическую тему состоит в разной степени задействованности интерактивных ресурсов жанра: как было отмечено выше, в блогах политиков она минимальна. Также вызывает вопросы релевантность для блогов политиков таких признаков, как неформальность и непрофессиональный статус коммуникантов, благодаря которым, по мнению Н. Б. Рогачевой, обсуждение политических вопросов в сетевых дневниках может быть сопоставлено с «разговором о политике на кухне» [Рогачева 2009: 99]. Очевидно, что в случае с блогами политиков блогер является профессионалом в обсуждаемой сфере, что означает статусное неравноправие участников коммуникации.

Говоря о стиливом оформлении блогов на политическую тему, Н. Б. Рогачева утверждает, что «для политической дискуссии в сетевом дневнике (и шире — в Интернет-коммуникации) характерно стремление придать своей точке зрения объективность (большое количество цитат, ссылки на фотографии, статистические данные, другие Интернет-ресурсы), что сбли-

жает сетевой дневник с традиционными жанрами СМИ» [Рогачева 2009: 99]. Стремление к фактографичности и документальности характерно и для блогов политиков: для подтверждения своей точки зрения авторы приводят разные виды данных. Например, в записи «Слишком жаркая Олимпиада» Борис Немцов для доказательства аномально высокой температуры в Сочи включает в текст снимки экрана метеорологического сайта, кадр трансляции лыжной гонки в виде фотографии, видео с обзором рисков сочинской Олимпиады, а также цитаты иностранных СМИ со ссылками на источник и переводной вариант. Благодаря этому запись блога предстает как гетерогенный текст, интегрирующий в одно целое вербальные, визуальные и звуковые элементы, задействованные в видеоряде. Впрочем, использование возможностей, предоставляемых электронной средой коммуникации, не является неотъемлемой чертой блогов политиков и в конечном счете остается выбором автора. В этом смысле можно сказать, что Сергей Миронов и Геннадий Гудков, два других автора проанализированных блогов, остаются более консервативными в выборе средств: ими выбираются в основном традиционные для СМИ фотографии, цитаты и статистические данные официальных источников со ссылкой или без нее: *Десять лет спустя (в 2010) в нашей стране насчитывалось аж 57 млн. счастливых обладателей авиабилетов; говорят, сегодня мы якобы приближаемся к цифре в 75 млн.* [Блог Геннадия Гудкова].

Итак, блоги политиков отражают тенденцию к подтверждению объективности своей точки зрения, характерную для жанра блога в целом. Однако существенным моментом, отличающим блоги политиков от большинства других электронных дневников, является почти полное отсутствие средств письменной передачи устной речи, характерных для электронной среды коммуникации в целом: удвоения, утроения и т. д. гласных и согласных, написания слов прописными буквами, ненормативных знаков препинания и их разнообразных сочетаний, дефисного написания слов. Встретившиеся примеры носят нерегулярный характер: *Совершенно очевидно, что после ТАКОГО „Справедливая“ партия уже никогда с этими вожжами победить не сможет, и ее руководители случившееся наверняка осознают* (использование прописных букв); *Гуляем за чей счет??* (ненормативные знаки препинания). Также отсутствуют особые графические средства передачи эмоций (смайлики) и примеры языкового новаторства за счет нарушения графических и грамматических норм.

Следует остановиться подробнее на лингвистических особенностях блогов. Т. В. Шмелева считает данный параметр приоритетным в определении жанра: «Если говорить об иерархии жанрообразующих параметров РЖ, то надо сказать, что лингвистически

наиболее важен именно параметр языкового воплощения, все остальные нужны нам настолько, насколько они влияют на него» [Шмелева 1997: 88]. Как было отмечено выше, все блоги содержат в себе отдельные черты публицистического стиля, однако в случае с блогами политиков можно говорить не об отдельных стилевых элементах, а о предельной близости стиля блогов политиков к публицистическому. Основные функции публицистического стиля — сообщение и воздействие — находят отражение в информативно-оценочной природе коммуникативной цели блогов политиков. Что касается языковых средств, представляется целесообразным выделить наиболее ярких из них на отдельных уровнях.

В частности, на уровне лексики характерно использование политической и экономической терминологии, обусловленной тематикой блогов (*законопроект, Федеральный Закон, уполномоченный по правам человека; малое предпринимательство, свободная экономическая зона, инфляция*), в том числе экспрессивно окрашенных единиц (*оккупация*); жаргонизмов (*пахан, шестерка, крышевать*), языковых клише, типичных для публицистики (*писать историю, исторический день, нарушение обязательств, двойные стандарты*). Весьма частотны характерные для публицистического стиля фразеологизмы (*с гулькин нос, ради красного словца, для отвода глаз*) и другие виды прецедентных высказываний, часто в трансформированном виде: *Государство — ничто, партия — все; Но шевелиться чиновники стали, только когда, образно говоря, гром уже грянул.*

Среди синтаксических средств следует отметить достаточное количество восклицательных (*Мы не признаем итоги выборов в Подмосковье!*) и вопросительных предложений, в том числе риторических вопросов: *Но разве можно вообще что-то внятно объяснить людям в истеблишменте, которые считают свои действия непогрешимыми? Как можно вести диалог с теми, кто давно превратил свои должности в инструмент личного обогащения и рассматривает страну как добычу, отданную им на разграбление?* Также весьма характерна парцелляция: *4 июля 2007 года, выступая в Гватемале на сессии МОК Путин заявил, что Россия готова потратить на подготовку к Играм 12 миллиардов долларов. Сам заявил. На английском — и синтаксический параллелизм: Как оптимист, я пока надеюсь на лучшее. Как реалист, я обязан говорить и о плохом — или: Это день начала собирания земель русских. Это день воссоединения разделенного народа.*

Для всех авторов характерно использование разнообразных средств выразительности — тропов и фигур. Помимо синтаксического параллелизма, парцелляции и риторических вопросов следует отметить частотность метафор (*без поддержки кремлевских кукловодов им не*

удержать своё доминирование в партии; изоляция от Запада толкает страну в объятия Китая), в том числе развернутых (какой едрос не любит половить рыбку в мутной воде нынешней российской вседозволенности).

Итак, несмотря на их формальную принадлежность к электронной коммуникации, блоги политиков отличается некоторая консервативность, проявляющаяся в недостаточной задействованности ресурса интерактивности и фактической принадлежности записей к публицистическому стилю при отсутствии языковых черт электронной коммуникации. Специфика блогов политиков с точки зрения тематики, коммуникативной цели, образа автора, образа коммуникативного будущего и функционально-стилевой принадлежности делает возможным предоставление блогам политиков статуса особой жанровой разновидности.

Как было отмечено выше, в языковом оформлении блогов политиков особую роль играют прецедентные высказывания, в связи с чем закономерным является вопрос об их структурных и функциональных особенностях в исследуемом жанре. Под прецедентным высказыванием, согласно определению В. В. Красных, понимается разновидность прецедентных феноменов, представляющая собой «репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности, законченную и самодостаточную единицу, которая может быть или не быть предикативной» [Красных 1998: 53].

Характерным признаком прецедентных феноменов является возможность изменений на разных уровнях без потери узнаваемости — базового компонента прецедентности. В частности, на лексическом уровне частотным видом трансформации прецедентного высказывания является замена компонента (в проанализированных текстах встретился следующий пример: «Государство — ничто, партия — все»). Ключевые компоненты прецедентного высказывания из сферы рекламы «Имидж — ничто, жажда — все» заменяются лексемами, отвечающими политической тематике блога (*государство, партия*). Синтаксические трансформации могут затрагивать уровень словосочетания и предложения. На уровне словосочетания наблюдается расширение исходного выражения за счет добавления компонента с учетом тематики конкретной записи блога. Например, структурно простое устойчивое словосочетание *разбор полетов* в записи об Олимпиаде преобразуется в сложное словосочетание *разбор спортивных полетов*, состоящее из стержневого слова *разбор* и относящегося к нему простого словосочетания *спортивных полетов*. Целью такой трансформации является приспособление прецедентного высказывания к тематике записи блога и усиление оценочной, чаще отрицательной, функции прецедентного высказывания: *сделать казенную морду топором*.

На уровне предложения любопытным является своеобразное «усечение» прецедентного высказывания, представляющего собой сложное предложение, до одной из частей: *За что боролись...; Но шевелиться чиновники стали, только когда, образно говоря, гром уже грянул*. При этом сознание реципиента безошибочно реконструирует исходное прецедентное высказывание (*Пока гром не грянет, мужик не перекрестится; За что боролись, на то и напоролись*).

Возможность трансформации прецедентного высказывания свидетельствует о его закреплённости в сознании представителей лингвокультурного сообщества. Прецедентные высказывания, допускающие замену компонентов без потери узнаваемости, представляют собой своеобразные типизированные модели предложений и тяготеют к фразеосхемам: «X или не X?» (*Ходить или не ходить?*), где X — инфинитив; «Какой X не любит Y», где X — существительное м. р. в им. п., Y — инфинитив / сущ. в в. п. или р. п. (*Какой едрос не любит половить рыбку в мутной воде нынешней российской вседозволенности*).

Для характеристики функций ввода прецедентных высказываний в текст блогов политиков необходимо установить связь предложений, содержащих прецедентные высказывания, с конструкциями, передающими чужую речь. Проанализированным предложениям, в отличие от конструкций с прямой и косвенной речью, не свойственна бинарность, т. е. наличие двух элементов — вводящего (авторской речи) и вводимого (чужой речи). Это связано с тем, что прецедентные высказывания не предполагают обязательную атрибуцию другому лицу. Для прецедентных феноменов, восходящих к фольклору, указание на источник невозможно; что касается прецедентных феноменов, являющихся результатом индивидуального творчества, их нередко характеризует своеобразная «оторванность от корней». Функционируя в качестве прецедентных, высказывания принадлежат всему лингвокультурному сообществу, а значит, не распознаются его носителями как чужая речь. Тем не менее в некоторых случаях автор сознательно или бессознательно дистанцируется от вкраплений сверхличностного характера в высоко персонализированном тексте блога. Для этого служат, во-первых, кавычки (*в отделе работает система круговой поруки, когда „рука руку моет“*), во-вторых, вводные конструкции, указывающие на источник сообщаемого: *Если так пойдет и дальше, может, пора, как в известном анекдоте, аллюминий люминием называть?; Но нашла, как говорится, коса на камень...; Дескать, закон суров, но это закон*. Как видно из примеров, источник максимально обобщен, подчеркивается общеизвестность приводимого автором высказывания. Это актуализирует еще одну роль вводных конструкций в данных прецедентных высказываниях: они маркируют рефе-

рентную функцию прецедентных феноменов, связанную с эффектом увеличения числа лиц, к которым апеллирует языковая личность (в данном случае политик). С учетом общеизвестности прецедентных высказываний можно утверждать, что таким образом в референтную группу автора блога включаются все потенциальные читатели, за счет чего увеличивается воздействующая сила текста.

Помимо референтной, проанализированные прецедентные высказывания способны выполнять еще две функции, которые мы, вслед за Ю. Н. Карауловым, обозначим как образно-семантическую и функцию формулы [Караулов 2010]. В образно-семантической функции прецедентные высказывания используются как некие образцы, мерки для сопоставления, сближаясь с тропами. Ввиду этого не-предикативные феномены в данной функции часто используются в разного рода сравнительных конструкциях: *Они все замолчали, как в рот воды набрали*. В функции формулы прецедентное высказывание носит характер правила, афоризма, сентенции, аккумулирующих знания о мире: *Не все в этом мире продается или покупается*. Функционально к ним примыкают генерализованные высказывания, обладающие потенциалом прецедентности благодаря своей афористичности, но еще не являющиеся прецедентными ввиду недостаточной степени распространенности. Пример: *Правильные слова должны превращаться в правильные дела*.

Прецедентные высказывания, употребленные в блогах политиков, отражают изменения в синтаксическом строе языка, происходящие в настоящее время. На уровне словосочетания интересна судьба некоторых конструктивно закрепленных синтаксических форм, обуславливающих синтаксическую модель предложения. Например, прецедентное высказывание *планы громадь* предстает в следующем виде, предполагающем большую самостоятельность словоформы *громадь*: *По планам, громадь которых мы всегда оцениваем скептически, в 2020 можно ожидать 126 млн. авиапассажиров*.

На уровне предложения необходимо отметить частотность вставных конструкций, большинство из которых оказываются синтагматически не связанными с основным сообщением: *Типаж управдома советской поры, который некогда воплотила Нонна Мордюкова в „Бриллиантовой руке“ („А кто недоволен, отключим газ!“), живет и процветает; Если бы не половинчатость и незавершенность „посторанжевых“ реформ (где ж она, Юлия Тимошенко?!), не было б сегодняшнего Майдана*. Активное употребление вставных конструкций, по утверждению Г. Н. Акимовой, не только подтверждает тенденцию к развитию аналитизма, но и является экономным средством создания нескольких планов повествования [Акимова 2009: 55]. Этому способствуют и прецедентные феномены, употребленные во вставке (преце-

дентное имя *Юлия Тимошенко* и прецедентное высказывание *А кто недоволен, отключим газ!*), усиливающие степень «нелинейности», глубины и многомерности информации.

Синтаксическими особенностями обусловлено и пунктуационное оформление прецедентных высказываний. В проанализированных текстах наибольший интерес вызывает употребление кавычек для выделения прецедентных высказываний, где данный знак препинания обнаруживает свою полифункциональность. С одной стороны, в случае, если предполагается цитирование, кавычки действительно востребованы как маркер чужой речи: *„Король умер, да здравствует Король!“ — вот в чем заключается трагизм декабря 1993*. С другой стороны, когда прецедентное высказывание является фразеологической единицей, использование кавычек выполняет другую задачу. Согласно Н. С. Валгиной, кавычки могут подчеркивать необычность выделяемых автором слов, и эта необычность подчеркивается, чтобы она не ускользнула от читающего [Валгина 2004]. Например, автор предложения *В-третьих, ведь „могут, когда хотят“* с помощью кавычек демонстрирует, что просторечные формы („хотят“) не характерны для его речи и могут быть употреблены им лишь в ироническом ключе. Кавычки могут выступать и маркером иронии: *Более того, я сразу попросил одного из депутатов Госдумы подготовить запросы в адрес руководства ГУВД и МВД РФ, полагая, что после моего выступления полиция „Ясенево“ уж точно будет защищать „честь мундира“*. Словом, *приготовился к долгой борьбе по защите интересов обыкновенной москвички, ставшей жертвой распясовавшихся хулиганов*. В тексте автор говорит о преступном бездействии полиции, отрицает наличие чести у «обладателей» мундиров.

В некоторых случаях употребление кавычек относится к случаям нерегламентированной пунктуации, например если выделенным оказывается не все прецедентное высказывание, а лишь его часть: *Настоящим прорывом к тому, чтобы перестать стрелять „из пушки по воробьям“, могла бы стать ратификация 20-й статьи Конвенции ООН*. Данный пример подтверждает общую тенденцию пунктуационной избыточности, отмеченную Г. Н. Акимовой.

Таким образом, с синтаксической точки зрения прецедентные феномены, функционирующие в текстах блогов политиков, не являются жесткими автономными структурами. Они способны приспосабливаться под авторские интенции, органично вплетаться в ткань повествования за счет трансформаций на разных уровнях. Отражая изменения в синтаксическом строе современного русского языка, прецедентные феномены оказываются открыты не только индивидуальному творчеству, но и естественным языковым процессам.

Итак, несмотря на их формальную принадлежность к электронной коммуникации, блоги политиков отличается некоторая консервативность, проявляющаяся в недостаточной задействованности ресурса интерактивности и фактической принадлежности записей к публицистическому стилю при отсутствии ярких языковых черт электронной коммуникации. Специфика блогов политиков с точки зрения тематики, коммуникативной цели, образа автора, образа коммуникативного будущего и функционально-стилевой принадлежности делает возможным предоставление блогам политиков статуса особой жанровой разновидности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Акимова Г. Н., Вяткина С. В., Казаков В. П.* [и др.]. Изменения в синтаксическом строе // Синтаксис современного русского языка : учеб. для высших учебных заведений Российской Федерации / под ред. С. В. Вяткиной. — СПб., 2009.
2. *Бахтин М. М.* Проблема речевых жанров // Собр. соч. — М. : Русские словари, 1996. Т. 5.
3. *Быков И. А.* Сетевая политическая коммуникация: теория, практика и методы исследования. — СПб. : ФГБОУ ВПО СПбГУТД, 2013.
4. *Валгина Н. С.* Актуальные проблемы современной русской пунктуации : учеб. пособие. — М., 2004.
5. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. — М. : Изд-во ЛКИ, 2010.
6. *Красных В. В.* Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). — М. : Диалог-МГУ, 1998.
7. *Рогачева Н. Б.* Речежанровая вторичность в политическом дискурсе (на материале жанра блога) // Политическая коммуникация : материалы Всерос. науч. школы для молодежи (Екатеринбург, 25 авг. — 8 окт. 2009) / Урал. гос. пед. ун-т ; гл. ред. А. П. Чудинов. — Екатеринбург, 2009. Т. 2.
8. *Савицкая Л. С.* Образ коммуникативного будущего в блогговом формате интернет-дискурса: модусная структура и языковое воплощение // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2011. № 6 (2).
9. *Шмелева Т. В.* Модель речевого жанра // Жанры речи. — Саратов, 1997.
10. *Блог Бориса Немцова.* URL: <http://b-nemtsov.livejournal.com/> (дата обращения: 20.09.14).
11. *Блог Геннадия Гудкова.* URL: <http://gudkov-gennadij.livejournal.com/> (дата обращения: 20.09.14).
12. *Блог Сергея Миронова.* URL: <http://sergey-mironov.livejournal.com/> (дата обращения: 20.09.14).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Т. В. Романова.

И. С. Алексеенко
Новороссийск, Россия
О. Ю. Гукосьянц
Пятигорск, Россия

I. S. Alekseyenko
Novorossiisk, Russia
O. Y. Gukosyants
Pyatigorsk, Russia

**СПЕЦИФИКА
ИНТЕРНЕТ-ОПОСРЕДОВАННОЙ
КОММУНИКАЦИИ И ФЕНОМЕН ВИРТУАЛЬНОЙ
ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ**

**SOME SPECIFIC CHARACTERISTICS
OF THE INTERNET-MEDIATED COMMUNICATION
AND THE PHENOMENON OF VIRTUAL
LINGUISTIC IDENTITY**

Аннотация. Раскрывается сущность, описываются достоинства и недостатки основных разработанных в современной теории коммуникации коммуникативных моделей. Ввиду некоторых характерных особенностей, присущих виртуальному общению, созданные ранее коммуникативные модели не отражают процесс общения в Сети. Предлагается собственная модель коммуникативного процесса в интернет-опосредованной коммуникации, раскрывается феномен виртуальной языковой личности, описываются способы самопрезентации виртуальной языковой личности в условиях электронного общения.

Abstract. The article describes some basic communicative models worked out in the modern communication theory and demonstrates their strong and weak points. Due to certain peculiar features of virtual communication the previously created models could not properly reflect the process of communication over the Internet. A new model of the communicative process in the Internet-mediated communication is put forward in this article. It also defines the phenomenon of virtual linguistic identity and the ways of the virtual linguistic identity's self-presentation.

Ключевые слова: интернет-опосредованная коммуникация; коммуникативная модель; виртуальная языковая личность; самопрезентация; никнейм.

Key words: Internet-mediated communication; communicative model; virtual linguistic identity; self-presentation; nickname.

Сведения об авторе: Алексеенко Ирина Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой английского языка и второго иностранного языка.

About the author: Alekseyenko Irina Sergeevna, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of Department of English and the Second Foreign Language.

Место работы: Новороссийский филиал ФГБОУ ВПО «Пятигорский государственный лингвистический университет».

Place of employment: Novorossiysk branch of Pyatigorsk State Linguistic University.

Контактная информация: 353920, г. Новороссийск, ул. Куникова, 47б.
e-mail: nf-pglu2005@yandex.ru.

Сведения об авторе: Гукосьянц Ольга Юрьевна, аспирант кафедры западноевропейских языков и культур.

About the author: Gukosyants Olga Yuryevna, Post-graduate Student, West European Languages and Cultures Department.

Место работы: Пятигорский государственный лингвистический университет.

Place of employment: Pyatigorsk State Linguistic University.

Контактная информация: 357500, г. Пятигорск, пр-т Калинина, 9.
e-mail: Gukosjants@mail.ru.

Развитие и все большая доступность сети Интернет способствовали значительному увеличению числа пользователей, что, безусловно, позволяет говорить о новой форме коммуникативного взаимодействия — интернет-опосредованной коммуникации. Подразделяясь, в свою очередь, на отдельные жанры (электронное письмо, форум, чат, доски объявлений, рекламные баннеры, ICQ, виртуальная конференция и др.), интернет-коммуникация, в силу ряда характерных особенностей (анонимности, дистантности, опосредованности, электронного сигнала, креативности, наличия компьютерной этики, смысловой мозаичности и др.), отличается специфической моделью коммуникативного процесса и выдвигает некоторые условия для пользователей, желающих вступить в электронное общение. Одним из главных требований, предъявляемых потенциальным коммуникан-

там для допуска к общению в Сети, является необходимость регистрации на соответствующей веб-странице и соответственно создание аккаунта, что в рамках таких популярных жанров, используемых для общения, как чаты, блоги, форумы и личные дневники, подразумевает предоставление персональных данных пользователя — никнейма, электронного адреса, телефона, — создание аватара. Таким образом, во Всемирной сети появляется новый «житель», новая **виртуальная языковая личность**. Рассмотрению феномена виртуальной англоязычной языковой личности, модели коммуникации в интернет-опосредованной коммуникации и обращению к некоторым знаковым в развитии теории коммуникации коммуникативным моделям посвящена данная публикация.

Одну из первых наглядных линейных моделей коммуникации предложил американ-

ский политолог Г. Лассуэлл. Данная модель включала пять элементов, определить которые можно было, ответив на следующий вопрос: «Who says what to whom in which channel with what effect?» [Lasswell 1948: 131].

Последовательные ответы на поставленный вопрос позволяют построить следующую схему коммуникативного процесса: *кто?* (коммуникатор) — *что говорит?* (сообщение) — *кому?* (аудитория) — *по какому каналу?* (канал) — *с каким эффектом?* (результат, эффект).

Г. Лассуэлл анализирует акт коммуникации с точки зрения его функциональности, выделяя при этом три ключевых аспекта данного процесса:

- наблюдение за окружающей обстановкой;
- обеспечение взаимосвязи частей общества и изменений среды;
- передача социального и культурного наследия или опыта от одного поколения к другому [Lasswell 1948: 132].

Несомненным преимуществом представленной модели является развернутый план коммуникативного действия. Опираясь на формулу Г. Лассуэлла, можно провести анализ коммуникации на уровне управления (коммуникатор), уровне содержания (само сообщение), уровне используемых средств и каналов, проанализировать аудиторию (получатель) и выявить результаты (полученный эффект).

Существенным недостатком данной модели, делающим невозможным ее применение для анализа компьютерно-опосредованной коммуникации, является отсутствие фактора обратной связи. Адресат рассматривается лишь в качестве объекта, реагирующего на полученную информацию.

Р. Брэддок, признавая «формулу Лассуэлла», включил в нее две дополнительные составляющие: *условия*, в которых протекает коммуникация, и *цель*, с которой говорит коммуникатор [Braddock 1958].

Более развернутой, но все же линейной однонаправленной моделью коммуникации считается модель, предложенная американским математиком К. Шенноном и его соотечественником У. Уивером. Данная модель была создана для описания коммуникации посредством телефонной связи и получила название *шумовой модели*. К факторам коммуникативного процесса по К. Шеннону относятся: *источник информации* — *отправитель* — *канал передачи сообщения* — *приемник* (декодер) — *цель или место назначения* (получатель, извлекающий информацию из сообщения). Важно, что данный процесс протекает в условиях *шума* или любых других помех, затрудняющих коммуникацию и влияющих на ее успешность [Shannon 1948] (рис. 1).

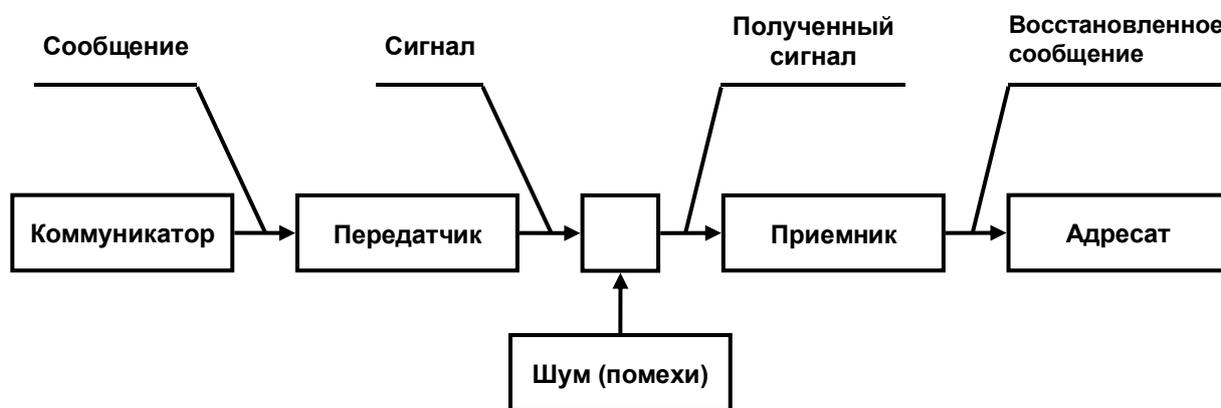

Рис. 1. Коммуникативный процесс по К. Шеннону

Особенности данной модели состоят в том, что она абстрагируется от смысла сообщения, уделяя основное внимание *количеству передаваемой информации*, акцентирует внимание на технических способах осуществления процесса коммуникации. Рассматриваемая модель акцентирует внимание на том, что в результате шума передаваемая информация достигает реципиента в искаженном виде. Таким образом, полученное сообщение не совпадает по значению с исходным, что вызывает затруднения коммуникационного обмена. Фактор шума/помех является существенным и при описании виртуальной коммуникации, поскольку в результате дистантности и опосредованности компьютером, реальной удаленности

коммуникантов (что представляет собой определенный тип помех) можно говорить о ситуации неправильной интерпретации сообщения.

Многие исследователи считают, что результатом интерпретации модели К. Шеннона стала функциональная модель коммуникации, предложенная Р. Якобсоном. Обе модели рассматривают коммуникацию как линейный однонаправленный процесс. Однако, в отличие от К. Шеннона, Р. Якобсон ключевую роль отводит не информации, а языку.

В процессе коммуникации от адресанта к адресату направляется сообщение, созданное и интерпретируемое с помощью общего для обоих участников кода, которым и является язык. В модели также учитывается воздей-

вие, которое сообщение оказывает на реципиента. Каждому из элементов модели соответствует определенная функция языка; при этом контекст в модели Р. Якобсона связан с содержанием сообщения [Якобсон 1985] (рис. 2).

Модель Р. Якобсона способствовала появлению двух новых пунктов в междисциплинарных исследованиях. Во-первых, по Р. Якобсону, коммуникация напрямую зависит от кода, т. е. набора определенных символов и знаков, что исключает влияние присутствующих в модели Г. Лассуэлла канала и контакта. Во-вторых, под *контекстом* коммуникации следует понимать собственно дискурс [Jensen 2002: 8].

Анализируя две вышеописанные модели коммуникации, заключаем, что достоинствами данных моделей являются представление ими развернутого плана коммуникативного процесса, выявление фактора шума (помех), затрудняющего общение, из чего следует, что отправленное сообщение и сообщение, достиг-

нувшее реципиента, неодинаковы по значению. Преимуществом модели Р. Якобсона, по сравнению с моделью Шеннона, является включение человека в коммуникацию не просто как источника/приемника информации, а рассмотрение *отношения коммуниканта к акту коммуникации и эффекта, оказываемого сообщением*. Главный недостаток описанных моделей состоит в том, что они не предполагают наличие обратной связи — адресат выполняет лишь роль объекта, реагирующего на сообщение.

Новым этапом в развитии теории коммуникации и коммуникативных моделей стала модель Д. Берло (D. Berlo, 1960), состоящая из четырех элементов: **S** (*the communication source, the encoder* — источник сообщения, отправитель) — **M** (*the message* — сообщение) — **C** (*the channel* — канал передачи сообщения) — **R** (*the receiver, the decoder* — получатель сообщения).

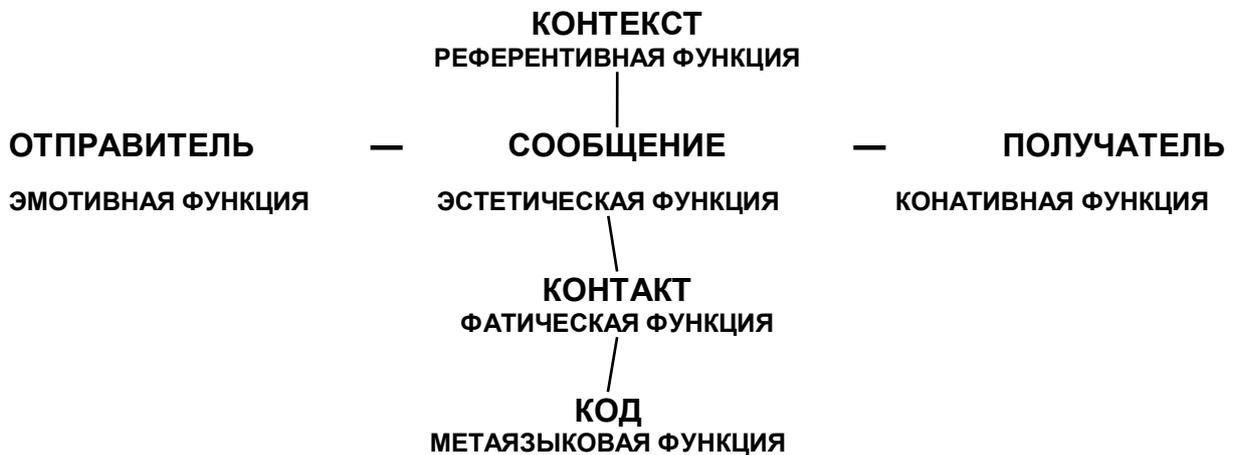

Рис. 2. Модель Р. Якобсона

Согласно данной модели отправитель сообщения обладает определенной идеей, которая выражена в сообщении и передана через некоторый канал передачи адресату. Понимание адресатом переданного сообщения зависит от многих факторов, таких как образование, уровень культуры, жизненный опыт. Ответная реакция адресата на полученное сообщение показывает, насколько правильно оно было интерпретировано [Heath, Bryant 2000: 61—70].

Представленная модель демонстрирует роль общности социокультурного фактора и единого отношения адресата и адресанта к предмету общения в осуществлении успешной коммуникации.

Фактор шума отражен также в исследовании М. Л. Де Флюера. Помимо различной интерпретации исходного сообщения (как некоторой информации) и полученного сообщения (как некоторого значения), в своей модели М. Л. Де Флюер учитывает фактор обратной связи, чем в корне меняет представления о коммуникативном процессе, существовавшие ранее. По мнению ученого, именно наличие

обратной связи позволяет видоизменять и приспособлять сообщение под конкретные условия выбранного канала коммуникации, повышая тем самым его эффективность [De Fleur 1975].

Следующей ступенью в развитии коммуникативных моделей стало появление *циркулярной модели Ч. Осгуда — У. Шрамма* (рис. 3).

Особенностью данной модели стало обращение к самим участникам коммуникации. У. Шрамм выдвинул следующий тезис: для того, чтобы понять передаваемое сообщение, коммуникатор и реципиент должны обладать схожим опытом в определенной области [Schramm 1974].

По мнению У. Шрамма, коммуникативный процесс бесконечен, а получатель и отправитель являются равноправными участниками коммуникации.

Последний тезис является особенно актуальным в рамках нашего рассмотрения. Исходя из того что коммуникативное пространство, созданное в сети Интернет, позволяет принимать участие в коммуникации любому количе-

ству пользователей, а адресанту и адресату — в одинаковой степени влиять на процесс организации коммуникации, по-разному интерпретировать передаваемые сообщения, осуществлять двусторонний информационный обмен и поддерживать постоянное общение, виртуальную коммуникацию можно считать непрерывной, а ее участников — равноправными.

Ярким этапом в развитии теории коммуникации стало появление коммуникативной модели, созданной американским исследователем массовой коммуникации Дж. Гербнером. Логическая структура модели выглядит следующим образом: «Некто (1) — воспринимает какое-либо событие (2) — и реагирует (3) — на ситуацию (4) — путем использования некоторых средств (5), — чтобы сделать доступными материалы (6), — в той или иной форме (7) — и обстановке (8) — передающие содержание (9) — с определенными последствиями (10)» [Gerbner 1956: 171] (рис. 4).

Согласно данной модели, индивид М воспринимает событие Е как некое изменение своего состояния, как ощущение Е1 в форме зрительного, слухового или иного восприятия. При этом право выбора воспринимаемого события остается за самим индивидом. Таким образом, человеческая коммуникация может рассматриваться как субъективный, избирательный, изменчивый и непредсказуемый процесс, а система человеческой коммуникации — как открытая система.

В 1950-х гг. Т. Ньюкомом была предложена модель коммуникации, основанная на предположении о том, что коммуникация — процесс, позволяющий двум (или нескольким) индивидам поддерживать одинаковые ориентации друг к другу и к внешнему объекту. Схематически данная модель имеет вид треугольника, в основании которого расположены индивиды А и В, а вершиной является некоторый объект Х (рис. 5).

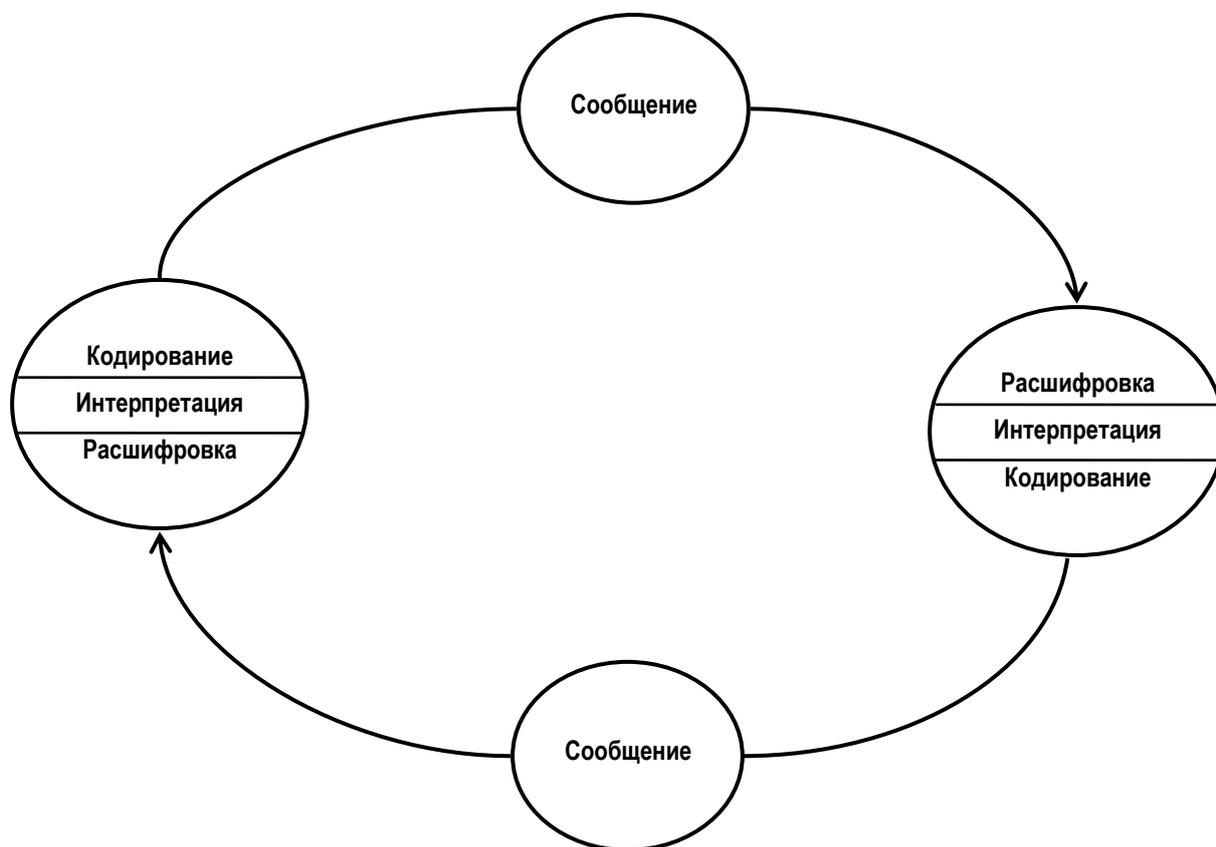

Рис. 3. Циркулярная модель коммуникации Ч. Осгуда — У. Шрамма

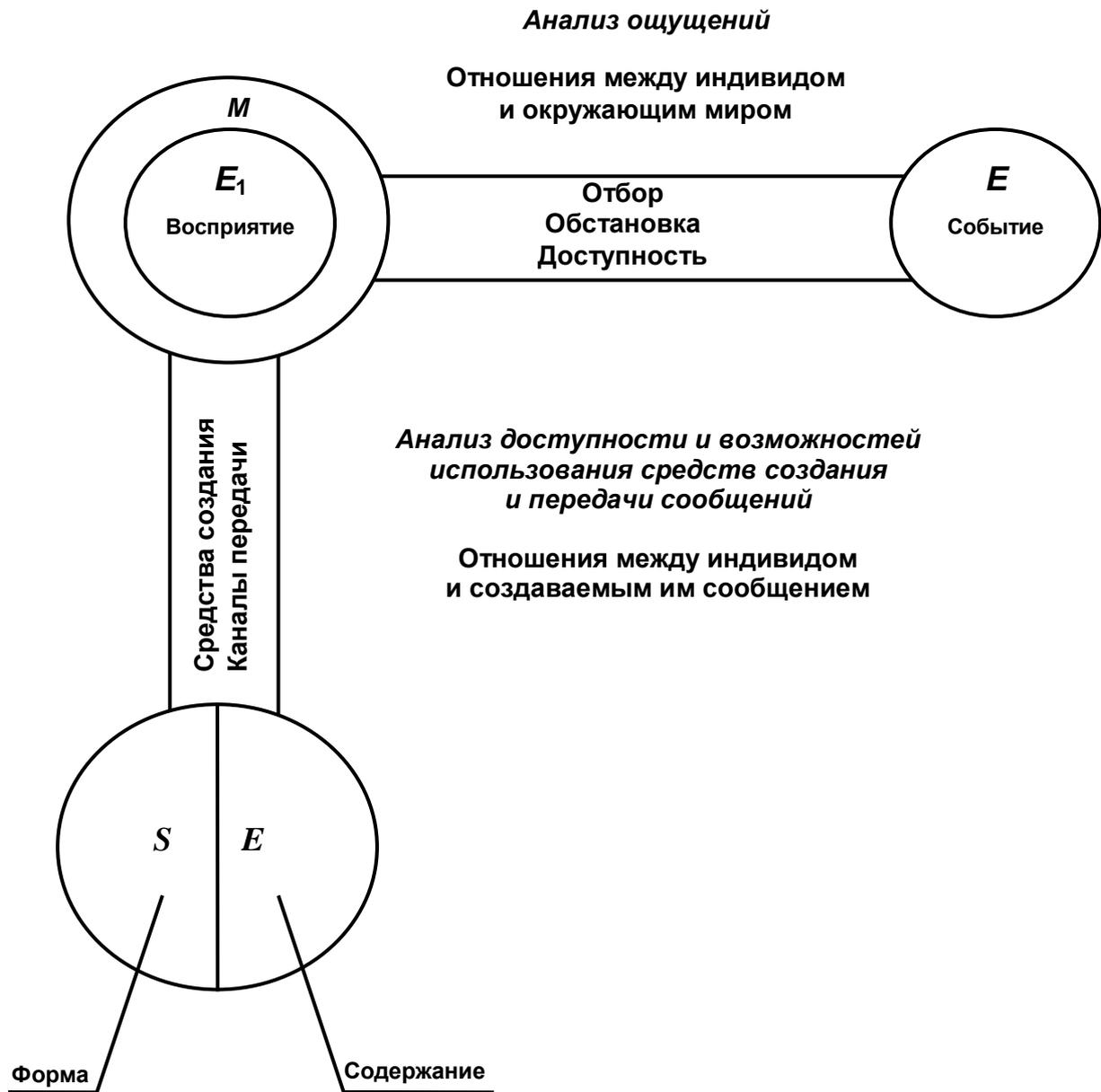

Рис. 4. Коммуникативная модель Дж. Гербнера

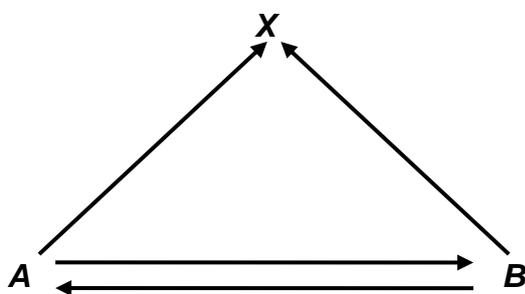

Рис. 5. Модель Т. Ньюкома

В случае, когда сбалансированность взаимоотношений между А и В либо их позиций по отношению к X нарушается, возникает комму-

никация, задачей которой становится сохранение существующей симметрии [Newcomb 1953].

Отчасти данная модель характеризует и процесс общения в виртуальной среде. Получая некоторое сообщение, противоречащее собственным представлениям, пользователь начинает активно включаться в дискуссию, искать факты, доказывающие правильность принятого им решения, что способствует развитию процесса коммуникации. Однако, по нашему мнению, опираться на данную модель в полной мере, анализируя интернет-опосредованную коммуникацию, было бы неправильно, хотя обращение к ней для выяснения причины возникновения коммуникации вполне оправданно.

Особенностью модели американских исследователей Б. Вестли и М. Мак-Лейна явля-

ется наличие непосредственной связи каналов коммуникации с окружающей действительностью и обратной связи аудитории с источником информации. Задачей канала коммуникации является выявление потребностей аудитории и их удовлетворение путем кодирования в общепринятую систему символов и передачи сообщений через средства массовой информации. Важной отличительной чертой представленной модели является учет фактора фильтрации сообщений как существенного аспекта процесса массовой коммуникации. Исследователи признают наличие некоторого элемента, как правило, человека, контролирующего прохождение информации и допускающего либо не допускающего получение сообщения аудиторией [Westley 1957]. Наиболее наглядным примером канала коммуникации, во многом определяющего сам процесс общения, является всемирная сеть Интернет. Образую виртуальную реальность, Интернет отражает особенности реального мира, в Сети формируются коммуникативные сообщества, общению которых содействуют технические возможности Интернета как особого канала коммуникации. В Сети также наблюдается процесс «отсеивания» поступающих сообщений модераторами сайтов, имеющими право редактировать, удалять сообщения и закрывать пользователям доступ к сетевому ресурсу [см. также: Кобышева, Головченко 2012].

Немецкий исследователь Г. Малецке (G. Maletzke) предложил принципиально иную «схему полей массовой коммуникации», в которой указал социально-психологические факторы, оказывающие влияние на коммуникационный процесс. Модель построена на традиционных элементах: коммуникатор (источник), сообщение, посредник и получатель. Однако, по мнению исследователя, между посредником и получателем существует «давление», или «принуждение» [Maletzke 1963]. В указанной модели Г. Малецке обращает внимание именно на возможность оказания влияния и степень влияния на различных адресатов. Учитывая психологические особенности личности, ученый показывает, что ее внутренняя структура оказывает большое влияние на восприятие, а люди с заниженной самооценкой наиболее подвержены убеждению. В свою очередь, коммуникатор, выстраивая сообщение, всегда опирается на определенный образ адресата, что порождает четко сформированное коммуникативное поведение, предсказуемость исхода коммуникации и возможность управлять ею.

Образ коммуникационного посредника, существующий у аудитории, формирует соответствующие требования к сообщению. Наиболее существенным в **образе коммуникатора** для реципиента является *степень доверия* к нему. Уровень доверия определяется соответствием коммуникатора определенному образу, максимально одобряемому аудитории

ей. Чем большее доверие завоеует коммуникатор, тем лучше будет восприниматься отправленное им сообщение. Основным условием успешности коммуникации для субъектов данного процесса становится правильная социальная ориентация на свою аудиторию. В случае виртуальной коммуникации анонимность аудитории в значительной степени мешает эффективности влияния, оказываемого передаваемым сообщением. Возможное решение данной проблемы для адресанта — изучение аудитории и формирование, в свою очередь, **образа коммуниканта**. Одним из определяющих факторов, способствующих построению образа собеседника, а вместе с ним и положительного либо отрицательного отношения к нему, является стиль общения, речевое поведение собеседника.

Однако представленные коммуникативные модели не принимали в расчет определенные моменты общественной жизни. В связи с этим новым подходом к изучению процесса коммуникации стала коммуникативная модель, созданная Дж. Рили и М. Рили. Ученые предложили «социологический» подход к изучению массовой коммуникации, ориентированный на анализ процессов, происходящих в аудитории, и рассматривающий массовую коммуникацию лишь как одну из многих социальных систем, сосуществующих в современном обществе [Riley 1959].

Данный подход основывается на положении о том, что коммуникаторы включены в многочисленные психологические отношения, которые, хотя и не связаны с коммуникацией непосредственно, все же оказывают на нее серьезное, а иногда и решающее влияние. Среди таких психологических отношений важнейшими являются принадлежность индивида к определенным первичным и референтным группам. Первичными группами авторы называют объединенные близкими отношениями группы людей, непосредственным членом которых является индивид (например, семья). Референтную группу авторы определяют как условный образец, ориентируясь на который индивид формирует свои ценности, установки, поведение. Близкие человеку первичные группы также могут выступать для него носителями норм и являться, таким образом, референтными [см. также: Алимуратов, Реунова 2006; Алимуратов 2008]. В свою очередь, первичные группы выступают частью более широкого социального окружения. В отдельную категорию можно выделить также так называемые «вторичные» группы — политические организации, союзы, объединения и другие, которые тоже выступают для своих членов носителями норм и ценностей.

Процесс массовой коммуникации влияет на социальную установку, на взаимоотношения между группами различных уровней, но что еще более важно, он сам испытывает влияние этих взаимоотношений и во многом определя-

ется особенностями той социальной системы, в рамках которой и происходит массовое общение [Riley 1959: 33—35].

Таким образом, в анализируемой модели обращается внимание на важность социальных связей членов коммуникационного процесса, но природа этих связей не эксплицируется.

В отечественной лингвистике рассмотрением вопросов моделирования речи, разработкой теории порождения речевого высказывания занимался один из основателей психологической теории речевого воздействия

А. А. Леонтьев. Ученый предложил модель порождения речи, состоящую из следующих этапов: внутреннее программирование — грамматико-семантическая реализация высказывания и выбор слов — конструирование высказывания (определение последовательности слов по нормам грамматики языка). По А. А. Леонтьеву, решающее влияние на ход коммуникативного процесса оказывает мотив, цель коммуникации. В данной связи, звено мотивации включено как определяющее в структуру порождения речевого высказывания [Леонтьев 1969].

Рис. 6. Модель эффективного межличностного взаимодействия

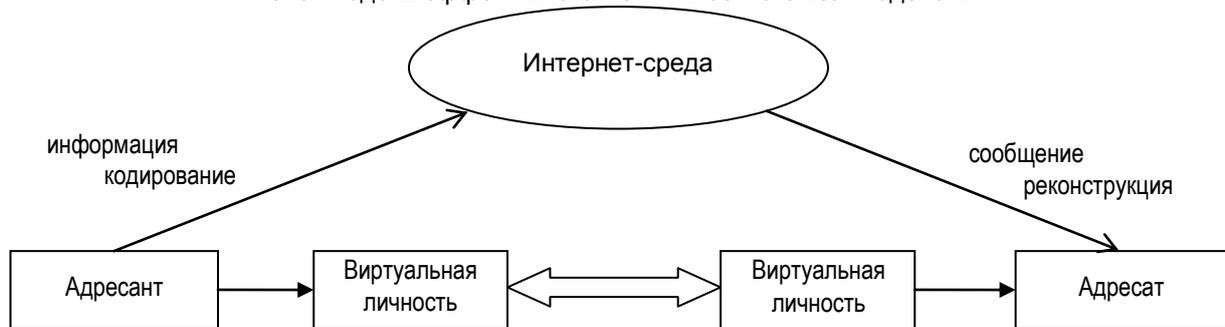

Рис. 7. Модель коммуникации в виртуальном пространстве

На современном этапе учеными-коммуникативистами О. Харги (O. Hargie) и Д. Диксоном (D. Dickson) разработана модель эффективного межличностного взаимодействия, в которую входят шесть основных элементов [рис. 6]:

- 1) личностно-ситуационный контекст;
- 2) цель;
- 3) посредники;
- 4) отклик;
- 5) ответная реакция;
- 6) осознание.

Модель основывается на трех основных положениях. Во-первых, люди всегда действуют целенаправленно; во-вторых, они восприимчивы к последствиям совершаемых ими действий; в-третьих, реагируя на полученные результаты, они стремятся улучшить деятельность в будущем.

На процесс коммуникации оказывают влияние в первую очередь индивидуальные особенности каждой личности, а также сама ситуация общения. Люди устанавливают и преследуют определенные цели в ситуациях, в

рамках которых они взаимодействуют. Чтобы осознать каждую конкретную цель, задействованы посреднические процессы. Соответственно, могут быть сформулированы возможные коммуникативные стратегии, оценены эффекты их воздействия и выбран конкретный план действий. На использование и корректировку данного плана влияют полученные ответы собеседника.

Интерактивный характер данного процесса в том, что каждый участник, отправитель сообщения, воздействуя на собеседника, наблюдает обратную реакцию на отправляемое сообщение, которая влияет на достижение поставленной коммуникативной цели [Hargie, Dickson 2004: 22—24].

Существенной особенностью анализируемой модели является акцент на индивидуальных личностных качествах личности, влияющих на процесс коммуникации, и на ситуации, в рамках которой разворачивается коммуникативный процесс. Влияние ситуации на процесс осуществления общения, возможностей самопрезентации, раскрытия творческого потенциала говорящего весьма ощутимо на просторах Интернета в процессе общения незнакомых, как правило, в реальной жизни виртуальных личностей.

В пределах нашего исследования, основываясь на приведенных выше мнениях, мы представили модель коммуникации в виртуальном пространстве так, как показано на рис. 7.

Виртуальная среда в значительной степени влияет на процессы интеракции, о чем свидетельствуют особенности интернет-опосредованной коммуникации. Общение в Интернете является разновидностью непрямого общения, оно **дистантно** и опосредовано электронной сетью, создающей особые условия для порождения и восприятия речи, для обмена текстами. В случае интернет-коммуникации общение происходит не между отправителем и получателем информации, как при обычном непосредственном общении. Ввиду того что Интернет выступает не только как канал, средство общения, но и как особая коммуникативная среда, он становится равноправным участником коммуникации. Общение, таким образом, осуществляется между виртуальной личностью и интернет-средой. Таким образом, процесс коммуникации протекает в рамках определенной среды, в которую поступает информация и из которой получают сообщения не конкретные личности, а их виртуальные образы, созданные в Интернете. Реальный адресат в виртуальном мире отсутствует. Благодаря фактору анонимности, существующему в Сети, внешние характеристики участников (пол, возраст, внешность) остаются **скрытыми**. Пользователь сообщает о себе лишь выборочную информацию, которая также может быть неправдивой. Таким образом, ре-

альная личность маскируется под некоторый виртуальный образ, созданный ей самой и достраиваемый собеседником на основе имеющихся фактов вербального поведения, а также собственных предпочтений, отношения к партнеру по коммуникации. Скрываясь в виртуальном мире под специально созданными виртуальными образами, коммуниканты общаются друг с другом через призму данных образов. Общение, таким образом, происходит не между реальными личностями, а между **виртуальными воображаемыми партнерами, т. е. виртуальными языковыми личностями** [Crystal 2006; Синельникова 2011].

Под виртуальной языковой личностью мы понимаем существующую в реальной жизни языковую личность, погруженную в ситуацию общения в виртуальной реальности, основным средством самопрезентации которой является ее коммуникативное поведение, созданные сообщения.

В процессе общения в Сети виртуальная личность конструирует собственную идентичность за счет **самопрезентации**, которая, в свою очередь, неотделима от самопознания (а точнее знания самого себя) и самооценки себя как языковой личности. Самопрезентация, или самоподача говорящего, определяется как реализованная в процессе межличностного общения способность коммуниканта оказывать влияние на процесс формирования своего образа у собеседника [Елькина 2012: 69].

Тот факт, что участники создают значимые узнаваемые идентичности в онлайн-контексте, подтверждает социальный характер интернет-сообщества — особый контекст, в котором участники оценивают успех взаимодействия по степени восприятия их окружающими. Таким образом, чтобы обладать определенной идентичностью, необходимо находится в контексте, в котором можно идентифицировать себя и быть идентифицированным окружающими [Waskul, Douglass 1997: 378].

Основными способами самопрезентации могут быть названы самописание и самовыражение. В первом случае человек создает свой образ, используя описание. Он создает иконический образ себя, максимально близкий, по его мнению, к его личности. Во втором случае создаваемый образ отличается от «выражающего» его человека, и автор предстает перед нами в косвенном, символическом виде [Курчакова 2007: 142; цит. по: Елькина 2012: 69].

Очевидно, что в условиях виртуальной реальности и отсутствия живого зрительного контакта возможности самопрезентации резко сокращаются. Невербальный компонент общения в данном случае практически полностью потерян и компенсируется лишь отчасти, в зависимости от творческого потенциала виртуального коммуниканта. Ввиду этого самопрезентация становится возможной благодаря использованию

именно лингвистических механизмов. Таким образом, существенными средствами самопрезентации являются имя пользователя — никнейм — и его речевое поведение в Сети.

Поскольку общение за счет фактора анонимности протекает зачастую с **неизвестным, воображаемым собеседником**, у пользователей появляется возможность создавать новый социальный портрет, не совпадающий с реальной действительностью и основанный порой на **подмене коммуникативных ролей**, что сказывается на выборе никнейма как возможности отражения выбираемой сущности и на определенной направленности речевого поведения. В связи с этим логично говорить об идентичности виртуальной личности и возможности игрового переименования собственного образа.

Clydebear:

*Anyway, I would hope that whatever we can do behind the scenes to ensure Robin remains an Arsenal player for as long as possible is being done. He **clearly** loves the club, he's **relishing** the captaincy and the responsibility it brings, and it's now up to those around him to respond to what he's doing on the pitch. By that I mean the other players. Everyone has a part to play, it can't be a case we just give it to Robin to let him do his stuff. **Personally, I think** the defensive side of his game is one that could still **be improved**, and maybe what Theo needs is bit more consistency in general. **I think** I described him as **frustratingly** effective a few weeks back and when you look at the quality of his crossing to set up the chances for Gervinho and van Persie (which was a fantastic ball), and then compare with some of the efforts he skies into the crowd from similar positions, **then it's hard to kill two birds with one stone**. Still, **I hope** Saturday's game will have brought him out of the semi-funk he was in and he can kick on from here. I am still laughing at John Terry, **I don't think** I'll ever stop [Clydebear].*

Это высказывание, автором которого, по данным профиля, является мужчина, содержит ряд гендерных маркеров, присущих женской речи, а именно: наречия, оканчивающиеся на *-ly* (*clearly, personally, frustratingly*); употребление пассивного залога; выражения *I think, I hope, I don't think*; фразеологизма *to kill two birds with one stone*. Единственной мужской особенностью речи, наблюдаемой нами в данном отрывке, является связность текста, текстовая когезия. На наш взгляд, вполне возможно, что за именем *Clydebear* скрывается женщина, маскирующая собственную гендерную идентичность. (Об особенностях детского, женского и мужского дискурса см. также: [Алимурадов, Блинова, Раздубев 2010; Алимурадов, Гусева 2010; Алимурадов, Григорьева, 2009 и др.])

Итак, рассмотрев основные модели коммуникативного процесса и обозначив модель коммуникации, отражающую ситуацию обще-

ния в виртуальном пространстве, заключим, что интернет-опосредованная коммуникация осуществляется в относительно специфических условиях при участии виртуальных языковых личностей, создание образа которых возможно с помощью виртуального имени — никнейма — и через речевое поведение в Сети. Благодаря фактору анонимности и опосредованности данного вида коммуникации, реальные личности имеют возможность создавать новый социальный портрет, не совпадающий с реальной действительностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алимурадов О. А. Кластерная теория референции и семантика имен: краткие заметки на полях // Филология и человек. 2008. № 1. С. 42—50.
2. Алимурадов О. А., Блинова Д. Е., Раздубев А. В. Фреймовое моделирование языковой картины мира, репрезентируемой в англоязычном детском дискурсе // Вестн. Иркут. гос. лингвист. ун-та. 2010. № 4. С. 6—13.
3. Алимурадов О. А., Григорьева Н. В. Интеракционная природа дискурса и некоторые критерии его осмысленности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2009. № 2. С. 31—37.
4. Алимурадов О. А., Гусева М. А. Структурная и признаковая модели концепта BEAUTY (КРАСОТА), объективируемого в современном англоязычном женском дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. № 3. С. 12—19.
5. Алимурадов О. А., Реунова О. И. О сущности процесса референции // Вестн. Пятигор. гос. лингвист. ун-та. 2006. № 1. С. 79—89.
6. Елькина О. М. Лингво-социокультурные особенности речевой деятельности в сфере компьютерно-опосредованной коммуникации (на материале англоязычных блогов) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. — Пятигорск, 2012.
7. Кобышева Е. И., Головаченко И. Ф. Интеграция online медиации в правовое пространство России // Вестн. Пятигор. гос. лингвист. ун-та. 2012. № 2. С. 367—372.
8. Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность. — М. : Просвещение, 1969.
9. Синельникова Л. Н. Языковая личность vs. дискурсивная личность: отношения дополнительности или новая категоризация // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе : межвуз. сб. науч. тр. — Орел : ФГБОУ ВПО ОГИИК: ООО «Горизонт», 2011. Вып. 9. С. 37—44.
10. Якобсон Р. О. Речевая коммуникация. Язык в отношении к другим системам коммуникации // Избр. работы / Р. О. Якобсон. — М. : Прогресс, 1985. С. 306—330.
11. Braddock R. An Extension of the «Lasswell Formula» // Journal of Communication. 1958. 8. P. 88—93.
12. Clydebear. Comments // Stuck In The Middle With You / Smith S. URL: <http://sharideth.com/2014/03/27/stuck-in-the-middle-with-you/#comments> (date of access: 25.04.2014).
13. Crystal D. Language and the Internet. — N. Y. : Cambridge Univ. Pr., 2006.
14. DeFleur M., Ball-Rokeach S. Theories of Mass Communication. — N. Y., 1975.
15. Gerbner G. Toward a General Model of Communication // Audio-Visual Communication Review. 1956. Vol. 4. P. 171—199.

16. *Hargie O, Dickson D.* Skilled Interpersonal Communication: Research, Theory, and Practice. 4th edition. — Routledge, 2004.

17. *Heath R.L., Bryant J.* Human Communication Theory and Research: Concepts, Contexts, and Challenges. 2nd edition. — New Jersey : Lawrence Erlbaum Associates, 2000.

18. *Jensen K. B.* A Handbook of Media and Communication Research: Qualitative and Quantitative Methodologies. — London : Routledge, 2002.

19. *Lasswell H. D.* The structure and function of communication in society // The Communication in Ideas / Bryson (ed.). — N. Y. : HarperandBrothers, 1948.

20. *Maletzke G.* Psychologie der Massenkommunikation. Theorie und Systematik. — Hamburg, 1963.

21. *Newcomb T. M.* An approach to the study of communicative acts // Psychological Review. 1953. Vol. 60. P. 293—304.

22. *Riley J.W., Riley M. W.* Mass communication and the social system // Sociology Today / R. K. Merton et al. (eds.). — N. Y., 1959.

23. *Schramm W., Roberts D. F.* The Process and Effects of Mass Communication. — Univ. of Illinois Pr., 1974.

24. *Shannon C.* The Mathematical Theory of Communication // The Bell System Technical Journ. 1948. Vol. 27.

25. *Waskul D., Douglass M.* Cyberself: the emergence of self in on-line chat // Information Society. 1997. 13. P. 375—397.

26. *Westley B., MacLean M.* A Conceptual Model for Communications Research // Journalism Quarterly. 1957. 34. P. 31—38.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. О. А. Алимуратов.

И. В. Бородина
Саратов, Россия

I. V. Borodina
Saratov, Russia

РЕЧЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОФИЦИАЛЬНОГО ЮБИЛЕЯ: СТИЛИСТИЧЕСКИЙ И ЖАНРОВЫЙ АСПЕКТЫ

Аннотация. Рассматривается влияние официально-делового стиля на публичную речь людей, особенности сценария официального юбилея и характерные черты речевых жанров приветствия и похвалы, которые связаны с официальным характером торжества. Материалом для анализа послужила двухчасовая аудиозапись официальной части, проходившей во время торжественного заседания ученого совета вуза, юбилея профессора, доктора филологических наук.

Ключевые слова: жанры речи; официально-деловой стиль; сценарий; приветствие; похвала.

Сведения об авторе: Бородина Ирина Владиславовна, аспирант, кафедра русского языка и речевой коммуникации, Институт филологии и журналистики.

Место работы: Саратовский государственный университет.

Контактная информация: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, корп. 11, к. 310.
e-mail: borodina_iv@mail.ru.

SPEECH PECULIARITIES OF THE OFFICIAL JUBILEE: STYLISTICS AND GENRE

Abstract. The article deals with the influence of formal style on public speech and the peculiarities of a jubilee scenario and the typical features of the speech genres of greeting and praise, which are connected with the formal atmosphere of the event. The article analyzes a two hour audio record of the official part of the jubilee sitting of the academic council of the University honoring a professor, doctor of philology.

Key words: speech genres; formal speech; scenario; greeting; praise.

About the author: Borodina Irina Vladislavovna, Post-graduate Student of Department of Russian and Speech Communication, Institute of Philology and Journalism.

Place of employment: Saratov State University.

Проблемы описания речевых жанров и стилевой дифференциации речи являются актуальными для современной лингвистики. В данной работе мы анализируем влияние официальной обстановки общения и делового стиля речи на сценарий и воплощение речевых жанров официального юбилея: приветствия и пожелания.

Отметим, что юбилей, согласно толковому словарю С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой — годовщина чьей-то жизни или деятельности, круглая дата и празднование по этому случаю. Официальным юбилеем мы считаем торжество, проходящее не дома, а в общественном месте — в кафе, ресторане или в рабочей обстановке. Официальный праздник соответствует установленному заранее плану и включает в себя подготовленные речи.

В русской культуре всегда строго делили деловую и неделовую сферы общения. Юбилеи являются сочетанием официально-деловой и неделовой сферы общения, делятся на официальную и неофициальную части [Колтунова 2002: 246].

Деловое общение считается самым массовым видом социального общения. Официально-деловой стиль речи определяют как подтип литературного языка, который закреплен за сферой социально-правовых отношений, реализующихся в законотворчестве, экономике, управленческой и дипломатической деятельности [Колтунова 2002: 25]. Деловому стилю свойственно тяготение к долженствованию, точности формулировок, неличному характеру общения, наличию некоего «обобщенного лица», а также регламентированность, шаблонность, акцент на констатации, утверждении, предписание свести на нет повествование,

рассуждение, описание [Кожина 1993: 175—176].

В связи со сложностью стилевой дифференциации исследователи говорят и о переходных явлениях в речи, периферийной области стиля, а также о том, что стили речи редко встречаются в чистом виде [Кожина 1993: 160] и могут включать, к примеру, элементы публицистического стиля. Отмечается, что устная деловая речь имеет ряд особенностей по сравнению с письменной, например, спонтанность, репродуцируемость приводит к нерегламентированности синтаксиса, взаимопроникновению коммуникативных единиц, самоперебивам, а составление и обдумывание речи в процессе говорения может роднить устную деловую речь с разговорной речью.

Торжественные речи во время юбилея относятся к разновидности устной деловой монологической речи [Колтунова 2002: 143—145]. Устная монологическая речь в большей степени, чем диалогическая, близка к письменной. Как правило, это подготовленная речь, поэтому признаки спонтанности для нее характерны меньше, чем для диалогической, в ней реже встречаются паузы гезитации, заполнители пауз и оговорки, для нее в большей степени характерны признаки книжного синтаксиса — длина, распространенность, конструктивная усложненность, господство принципа расположения над интонацией, свой набор связочных средств. Монологическая публичная речь — развернутая, так как говорящий обращается не к одному, а ко многим слушателям. Монологическая нечитаемая речь является гибридным стилевым образованием, соединяет черты делового стиля и разговорной речи. Кроме того, устная деловая речь может включать элемен-

ты научного или публицистического стилей (на базе разговорной речи).

Разновидностью торжественной речи является поздравительная речь. Целью поздравления может быть поддержание деловых отношений и контактов, что относится и к поздравлению от лица коллектива с юбилеем [Колтунова 2002: 227].

Для описания речи во время официального юбилея важно дать определение сценарию торжества. Под сценарием мы подразумеваем последовательность событий, которая упорядочивает сложные образования речевого и неречевого характера [Красных 2003: 234]. Кроме того, сценарий включает в себя стереотипные эпизоды, фреймы, которые разворачиваются во времени и пространстве как последовательность этапов и элементов [Попова, Стернин, 2001: 74]. Таким образом, сценарии можно рассмотреть как детерминированную культурой этическую жизненную модель, основанную на коммуникативном событии [Шалина 2007: 249].

Для празднования юбилея достойного деятеля издавна предписывалось «как следует подготовиться ко дню чествования и начать все нужные к нему приготовления заблаговременно» [Владимирский, Юрьев, 1889: 104]. Этикетное действие, посвященное особенно важному событию и выполняемое с соблюдением всех деталей, квалифицируется как церемония [Колтунова 2002: 245]. Предварительная подготовка к юбилею может включать сверку временных рамок фрагментов торжества и репетицию. Таким образом, сценарии, как и речевые жанры, понимаемые как вербально-знаковое оформление типической ситуации социального взаимодействия людей [Седов 2006: 31], могут отражать русскую культуру и ярко показывать требования официальной обстановки общения, которые считаются важными для выполнения в нашей культуре. Для описания сценариев и речевых жанров юбилея особенно интересными для нас являются их особенности, связанные с требованиями официальной среды, и их отражение в речи.

Цель данной статьи — проанализировать реализацию жанров в официальной среде. Задачи, которые мы ставим перед собой — описать жанры речи в официальной обстановке общения, проанализировать, какие элементы делового стиля характерны для жанров речи, которые используются во время празднования юбилея заслуженного деятеля в профессиональной среде. С этой точки зрения мы подробно рассмотрим жанры приветствия и похвалы.

В качестве материала для анализа используется двухчасовая аудиозапись официальной части юбилея профессора, доктора филологических наук С. Церемония проходила во время торжественного заседания ученого совета вуза. Акцент в анализе ставится на элементы, которые ярко отличают официальное торжество от неофициального праздника.

Для описания сценария юбилея отметим, что он проходил точно в день рождения юбиляра, в официальной обстановке, в большой аудитории внутри корпуса вуза, с ограничением по времени (длительность церемонии составила 2 часа — чуть больше, чем длительность пары лекций). Практически всех участников праздника можно причислить к представителям элитарной речевой культуры, таким образом, их речь может считаться образцовой [Колтунова 2002: 11].

Сценарий официального юбилея характеризуется рядом особенностей, которые помогают отличить его от неофициального праздника. Среди этих особенностей — рассылка приглашений, присутствие ведущего, наличие списка гостей, заранее утвержденный список выступающих, порядок выступлений, который можно соотнести со статусом гостя. Рассмотрим вкратце каждую из этих особенностей.

Приглашения на юбилей были разосланы заранее, что является редкостью для современных праздников. Рассылка приглашений сразу подчеркивает особую важность события, его официальность и внимание к формальным элементам во время этой церемонии.

Для юбилея особенно важна роль ведущего. Во время описываемого нами события в этом качестве выступает научный руководитель структурного подразделения вуза, где работает юбиляр. Ведущий открывает заседание и передает слово проректору, представителю ректората. Передача слова происходит в порядке, который был заранее утвержден в соответствии с социальным статусом участников церемонии. Под индексами статуса мы понимаем служебное положение, материальное положение, личные заслуги, возраст [Колтунова 2002: 238]. Во время нашего праздника после представителя ректората с речью выступил глава наградной комиссии, затем — заведующий кафедрой, где трудится юбиляр, глава структурного подразделения, представители других кафедр и университетов других городов, ученики юбиляра, которые работают в разных вузах города. Таким образом, список составлен логично и с соблюдением субординации. Затем были перечислены другие города, откуда пришли поздравления. В нашем случае география охватывает Россию и ряд зарубежных стран.

Интересно, что порядок выступлений определяет не юбиляр, а его руководство — организаторы празднования. Каждый человек при этом не говорит от своего имени, а высказывается от имени коллектива, например, как представитель ректора или кафедры, при этом обязательно называя свою должность и статус, т. е. имеет место речь от обобщенного лица, что прямо соответствует требованиям делового стиля. С поздравлением могут выступить и несколько человек — членов одного коллектива.

Подарки на юбилей были символическими и одновременно полезными, например пылесос,

чтобы прочистить русский язык, первый и пока единственный экземпляр сборника стихов. Застолье предполагалось во время неофициальной части торжества.

Анализируя сценарий официального юбилея заслуженного деятеля науки, мы встретили ряд особенностей, которые возникли в связи с официальной обстановкой общения и требованиями деловой речи. Торжество проходит в общественном месте, в профессиональной среде, где важно пристальное внимание к требованиям этикета и соблюдение всех формальных способов выражения вежливости и предупредительности — рассылка приглашений, присутствие ведущего, составление списка выступающих.

Перейдем к рассмотрению отдельных речевых жанров, характерных для официального юбилея, начиная с жанра приветствия.

В литературе есть ряд работ, посвященных анализу приветствий. Согласно модели речевого жанра Т. В. Шмелевой, приветствия можно отнести к этикетным жанрам. Кроме того, приветствие ранее рассматривалось в контексте когнитивной лингвистики. Другие исследователи описывали ситуации встречи, приветствия, прощания, расставания как взаимоувязанные фрагменты единой ситуации [Шемарова, Гайсина 2005: 37—45], как компоненты единого когнитивного пространства — концептосферы «встреча / приветствие — прощание / расставание». При этом исследователи указали, что константный семный набор концепта «приветствие» составляют компоненты «встреча», «направленность на адресата», «добропожелание». Важно, что при этом описании отмечено влияние постоянных и переменных ролей адресанта и адресата (социальные, ситуативно-ролевые, возрастные, гендерные), признаков, характеризующих межличностные связи, пространственно-временные, количественные, модально-оценочные элементы и др.

Таким образом, приветствие является этикетным речевым жанром, на структуру которого оказывает влияние социальный статус коммуникантов.

Мы понимаем под приветствием небольшую приветственную речь, которая предваряет основное выступление и во время которой говорящий здоровается с присутствующими, обозначает свой статус, обращается к юбиляру и гостям. Мы полагаем, что речевой жанр «приветствие» является обязательным элементом официального юбилея, что также отличает эту церемонию от неофициального праздника, где гости практически не используют приветствия в речи.

Во время официального юбилея С. нам встретилось 7 приветственных речей, 6 раз в структуре приветствия были или подразумевались обращения.

Гостей приветствует не только ведущий перед началом торжества, но и каждый выступающий. Во время приветствия обязательно происходит указание на статус говорящего и обращение к юбиляру, строго соответствующее этикетным нормам. Иногда указание на

статус говорящего происходит во время передачи слова ведущим. Предоставление слова всегда делается официально, границы четко очерчены, брать слово без дозволения ведущего вечера противоречит «формату» праздника. Примеры передачи слова: *Я с удовольствием передаю слово и. о. ректора университета, профессору Е. Г. Е., пожалуйста, Е. Г. / от старейшин университета, от ветеранов университета, на правах председателя наградной комиссии университета слово Ю. А. С. / пришло время дать слово родной кафедре О. Б., заведующий кафедры русского языка и речевой коммуникации К. М. А. / слово дирекции института, это родной наш дом /от кафедры-побратима, кафедры русского языка и методики его преподавания, ученица О. Б., С. В. А / предоставляю слово друзьям из калмыцкого государственного университета, от имени учеников О. Б., работающих в других вузах, слово Е. П. Л. / поздравление от братского медицинского университета / мы сейчас с удовольствием представим слово человеку, который всегда нас радует своим замечательным словом, нашему главному риторовцу и заслуженному ритору — О. Б.*

Таким образом, происходит общение на «Вы», которое подчеркивает официальную обстановку и подчеркивает статус коммуникантов.

Приветствие сразу же задает торжественный тон мероприятию и подчеркивает праздничную атмосферу, а также демонстрирует дружелюбие говорящего и взаимное уважение. Здесь, как и на протяжении всего юбилея, часто встречаются указания на регалии, статус, звания, должности. Указание на статус (*исполнить поручение директора, от имени ректора, Ученого совета и коллектива*) подчеркивает ограниченность проявления воли говорящего, отвечает требованиям деловой речи и повышает торжественность и всеохватность события. Очень мало, только два раза, встретилось упоминание чувств: *я хочу сегодня поделиться моими чувствами с вами // я волнуюсь.*

Лексика приветствий богата этикетными формами и стандартными фразами. Обращения происходят по имени-отчеству: *незабвенная О. Б. // уважаемые коллеги / уважаемая О. Б. / дорогие друзья // я буду говорить как исполняющий обязанности ректора // здравствуйте / уважаемые коллеги / позвольте нам зачитать приветственный адрес // уважаемый президиум / я хочу начать с того, что у нас сегодня замечательный день / вы знаете / очень приятно сегодня поздравлять Вас с днем рождения.*

Мы встречаем книжную лексику, высокий стиль (*незабвенная, позвольте*), однако сюда не проникают разговорные выражения, практически не встречается десемантизированная лексика. Выбираются слова, которые помогают добиться наибольшего соответствия речи правилам этикета — прилагательные *уважаемые, дорогие*, глаголы *позвольте*, прилагательное

книжного стиля *незабвенная*, глаголы торжества *поздравить, зачитать*, существительные *приветственный адрес*. На наш взгляд, такой выбор помогает сразу задать тональность общения и предопределяет структуру жанров, используемых в дальнейшем.

Таким образом, выбор слов в приветствии всегда точно соответствует ситуации и обстановке общения.

Приветствие является кратким жанром, обычно выражается фразой из 2—3 словосочетаний или одним предложением. Тут могут встречаться обрывы конструкции (*Наверное / многие догадываются / что мне говорить очень сложно // Я буду говорить как исполняющий обязанности // Дорогая О. Б.*), повторы (*О. Б. предоставила нам всем счастливую возможность / дала всем нам счастливый шанс / сказать о том / как мы ее любим / как мы ее ценим*) и самоперебивы (*уважаемый президиум / уважаемая О. Б. / преподаватели / студенты / я особым / сердечным образом поздравляю вас всех с нашим сегодняшним праздником // Мы вообще считаем себя и являемся / многие из нас непосредственно / учениками О. Б. / и вот / наша кафедра в основном состоит из ее учеников / и поэтому сегодня мы счастливы сказать / О. Б. / что мы вас любим как самого близкого человека*).

Иногда используется перечисление однородных членов предложения: *дорогие друзья, уважаемые коллеги, студенты, присутствующие* и т. д.

Таким образом, хотя мы описываем устную монологическую деловую речь, которая является подготовленной, мы видим признаки нечитаемой речи: сложные конструкции здесь так же рассыпаются на более простые или обрываются.

Итак, приветствие задает тональность мероприятия: обязательное обращение на «вы», по имени-отчеству, дистанция общения (более 1 метра), строгое соответствие этикету, указания на регалии и статус — все это указывает на официальную обстановку общения. Во время приветствий, как и во время реализации остальных рассматриваемых речевых жанров, происходит полное выговаривание слогов, не встречается разговорная и десемантизированная лексика, встречаются книжные слова, так как речь подготовлена и есть элементы гибридности стиля. Выбор слов соответствует ситуации, поскольку в празднике участвуют представители элитарной речевой культуры. Однако бывают повторы и самоперебивы и единичные случаи срывов конструкций, так как речь участниками не читается. Все эти особенности подтверждают принадлежность приветствий к монологической устной деловой речи.

Жанр похвалы часто становился предметом лингвистических исследований. Согласно В. В. Дементьеву, похвалу рассматривали И. Г. Дьячкова, Л. И. Ключко, В. В. Леонтьев, Е. С. Петелина, Р. В. Серебрякова, Т. А. Три-

польская, М. Ю. Федосюк, О. Н. Хорешко [Дементьев 2010: 301]. Похвала изучалась и в качестве концепта в лингвокогнитивном аспекте, и в качестве речевого акта. И. Г. Дьячкова определяет похвалу как фатический речевой жанр, в котором говорящий выражает положительную оценку поступка, поведения адресата или лица, не участвующего в разговоре, результатов его труда, предметов, которыми он обладает, рассчитывая вызвать положительную эмоциональную реакцию и самооценку у адресата [Дьячкова 2000: 46—47]. Исследовательница предлагает описание похвалы как последовательности коммуникативно-ментальных актов: «Знаю, что Х сделал нечто хорошее или имеет нечто хорошее и говорю ему об этом; знаю, что Х'у это будет приятно; говорю это, так как хочу, чтобы Х всегда делал так».

Очень много работ посвящено разграничению похвалы и комплимента. Так, О. Б. Горобец определяет похвалу как оценочный жанр. Пытаясь провести межжанровые границы похвалы и комплимента, она отмечает, что если для комплимента некоторое преувеличение достоинств адресата и повышенная эмоциональность являются нормой, то для похвалы это неприемлемо. Исследовательница делает акцент на том, что от похвалы ждут объективной оценки, признания реальных заслуг и достижений. Похвала, по ее наблюдениям [Горобец 2010: 77—78], затрагивает несколько признаков, ее иллокутивная цель состоит в реакции говорящего на какое-либо действие адресата или определенную ситуацию, требующую реализации похвалы, а эффект от похвалы связан с успехами и достижениями. Во время официального юбилея, на наш взгляд, подчеркивается именно всеобщность добродетелей юбиляра, поэтому в подавляющем большинстве случаев нам встречается похвала — развернутая речь, посвященная достижениям и качествам юбиляра, которые всеми среди участников события признаются положительными.

Таким образом, похвала — оценочный фатический жанр, к тому же он является значимым для определения культурных представлений носителей языка, так как отражает то, что поощряется в описываемом социуме.

В нашем материале похвала встречалась 10 раз.

Самой распространенной темой похвалы являлась оценка профессиональных достижений юбиляра, то, что он является хорошим ученым, талантливым педагогом — это упоминалось в развернутых речах-похвалах 20 раз. На втором месте по частотности находится похвала за человеческие, личные качества: 7 раз отмечалось, что юбиляр — хороший человек, также подчеркивалась *способность помочь советом, мудрость* (4 случая), *щедрость* (2 случая), по одному разу хвалили за красноречие (*уникальный стиль разговорной и письменной речи*), *строгость, организаторские способности, справедливость, прин-*

ципиальность. Еще 4 раза встретила похвалу за жизнь, достойную уважения, за то, что работы именинницы известны и признаны во всем мире.

Не менее сильное эмоциональное воздействие оказывают и оценки признаваемых личных качеств: *легкость в общении, изысканная простота, ошеломляющая твердость духа, изумительная ясность и гибкость ума, немислимая глубина, необыкновенное чувство времени и стиля.*

Высшая степень восхищения выражается не только при описании личных качеств, но и во время перечисления профессиональных характеристик. Например: *Ваш научный авторитет непререкаем // деятельность, признанная научным сообществом // созданная вами научная школа широко известна // Вы — уникальный ученый, талантливый учитель, прекрасный, высококвалифицированный педагог // Вы воспитали учеников, заложили потенциал // заслуженный ритор // родная кафедра // любовь неизменная, признательность, глубочайшее уважение, восхищение // Ваши работы стали классикой // уникальный стиль // Вы вызываете у нас восторг, безмерное уважение // потрясающая работоспособность.*

Отметим, что среди добродетелей, которые считались достойными похвалы во времена античности и приветствовались в праздничной, или эпидейктической речи (торжественная речь для особого случая, которой свойственно обращение к эмоциям слушателей), значились мужество, благородство, справедливость, рассудительность, мудрость, великодушие, бескорыстие, щедрость, кротость [Михальская 2011: 322—325]. Это совпадает с темами современной похвалы, таким образом, ее можно рассматривать как часть эпидейктической речи. Структурно современная похвала тоже включается в эпидейктическую речь, так как соединяется с пожеланиями, воспоминаниями, которые усиливают эмоциональное воздействие на слушателя. Тенденция к усилению значения слов, высокая оценка личных качеств юбиляра (*ошеломляющая работоспособность, уникальный стиль, изысканная простота, заслуженный ритор, неизменная любовь*) также соответствует канонам эпидейктического красноречия, то есть мы наблюдаем здесь связь с традицией, когда человека прославляют, достоинств, и так ему присущие, расписываются подробно и подчеркиваются трудности, которые смог преодолеть человек.

При упоминании юбиляра во время его похвалы употребляются категоричные выражения книжной лексики (*непререкаем, безмерное, ученый-энциклопедист, ей не свойственны избыточные средства коммуникации, геополитическое мышление, колосья добродетели, привнести*), встречаются почетные торжественные звания (*заслуженный ритор*), устаревший книжные обороты (*яко, сей, ученье,*

душеполезные, кормитель, рачитель, культуры речи делатель, алчущих), переносные значения книжных слов (*потенциал, эталон*) и переносное значение нейтральных слов (*глубина, гибкость ума, легкость, бренд*), а также разговорные фразы (*послужит нянькой*), тавтологическое выражение (*высококвалифицированный педагог*), уменьшительные значения слов (*шепоток*). Встретилась фраза, собранная из прецедентных названий книг писателей XIX в. (*О. Б. никогда не ищет / кто виноват / она всегда знает / что делать*).

Книжные обороты здесь более чем уместны, если учесть официальность праздника, академическую среду и то, что речь являлась подготовленной.

Лексическое многообразие похвалы усиливает степень ее воздействия. Кроме того, таким образом проявляется такое свойство устной деловой монологической нечитающей речи, как гибридность — сочетание разговорных и книжных элементов в речи.

Во время похвалы, как правило, встречаются прилагательные превосходной степени (*глубочайшее уважение*) и причастные обороты (*деятельность, признанная научным сообществом*). Цель их употребления — усилить положительное значение характеристик именинника.

Похвала является очень объемным жанром, представляет собой развернутую речь длиной до 10—15 предложений. В речи во время похвалы встречаются перечисление однородных членов предложения (1 случай), самоперебивы (2 случая). Пример самоперебива, который может вести к срыву конструкции: *И я думаю / что она замечательный ученый / талантливый педагог / очень хороший человек / мы поняли давно / и к тому же О. Б. необычайно современный человек.*

Редко, но все же в речи рядом с самоперебивами могут встречаться повторы и десемантизированные элементы, например: *Мы вообще считаем себя и являемся / многие из нас непосредственно / учениками Ольги Борисовны // И вот наша кафедра в основном состоит из ее учеников / и поэтому сегодня мы счастливы сказать / О. Б. / что мы вас любим как самого близкого человека // Мы не просто вас любим / а мы вами восхищаемся // Вы в нас вызываете чувство глубокого священного восхищения // В Вас очень органично соединяется сразу множество талантов / Это талант ученого, талант учителя-педагога / талант уникального человека / и я хотела бы каждому из этих талантов сказать несколько слов / поскольку / все-таки // шпаргалка мне нужна / чтобы не забыть о каких-то заслугах О. Б.*

Мы видим, что похвала имеет сложную конструкцию. В двух случаях нам встретились десемантизированные элементы (*конечно, вот*): *Я вот вспоминаю совсем недавний эпизод / Г. К. и И. П. вели передачу вместе с О. Б. /*

*она оказалась в студии областного радио / и на область вот / передача „Служба русского языка“ // И по слухам / по впечатлениям / молве / которая окутала уже передачу / я знаю о том / что стали звонить люди и говорить / какой ужас творится с русским языком / беда с русским языком / пропадает русский язык / гибнет русский язык / катастрофа с русским языком // **Вот** О. Б. взяла слово / микрофон и сказала / всё это ерунда / русский язык никогда не погибнет // Русский язык очищается. // Вот в этом вся О. Б. // И я / не узурпируя право на выражение всех своих чувств / эмоций и так далее / **я хотел сказать только** / что О. Б. еще и университетский человек // Это слова, которые наполняются особым смыслом // И **вот** фильм / который мы смотрели и который был создан по инициативе Л. Ю. К. / который не смог здесь оказаться / но очень хотел здесь оказаться / и других людей университета / здесь / и это замечательно).*

Иногда конструкцию трудно разобрать из-за того, что сложно разделить высказывание на предложения, однако и здесь можно заметить десемантизированные элементы и самоперебивы (Такие избыточные средства языка / как ирония / подтекст ей чужды и поэтому с О. Б. удивительно легко общаться // Она говорит то / что считает нужным сказать / и там никогда нет задней мысли / там никогда нет интриги / в плохом смысле этого слова // Там всегда все четко, понятно, просто / и в этом смысле с ней разговаривать намного легче / чем с каким-нибудь нашим студентом / наделенным вот этими всякими качествами // **Вот сейчас** в газетах бывают рубрики «В городе» / «В стране» / «В мире» / хочется добавить «В университете» // О. Б. специализируется по всем этим рубрикам / она знает все / что происходит в университете / в городе / в стране / в мире / это энциклопедист / это человек с удивительным / я бы сказала / прагматическим / современным мышлением // **Может быть / даже** и геополитическим мышлением / понимающий структуру этого мира и структуру этого знания // О. Б. / **как никто другой** / имеет собственную философию // Это философия не умозрительная / это философия / выстраданная всей ее жизнью // но главное / что эта философия легко пересказывается.

Таким образом, жанру похвалы свойственна сложная структура на синтаксическом уровне, здесь встречаются срывы конструкции (12 раз), самоперебивы (14 раз), реже — десемантизированные элементы (*вот, конечно, если хотите*; 4 раза). Частотный прием — перечисление однородных членов предложения (11 раз).

Мы видим, что похвала — оценочный фатический жанр, призванный подчеркнуть глобальные добродетели юбиляра, качества, за которые хвалят, соответствующий идеалам античной эпидейктической речи. Во время современной похвалы достоинства, присущие

человеку, усиливаются, раскрываются подробно, говорится о препятствиях, которые преодолел юбиляр. За счет всего этого во время похвалы происходит эмоциональное воздействие на слушателей.

Как проявление гибридности речи в устной деловой речи книжные обороты во время похвалы на официальном юбилее более чем уместны, если учесть ситуацию общения, то, что оно проходит в академической среде, а также тот факт, что речь является подготовленной. Изредка в речи встречаются и разговорные элементы (*послужит нянькой*), которые проникают в похвалу как элемент, выражающий душевность и более близкий уровень общения. Кроме того, похвала часто соединена с воспоминанием или вытекает из него, а это личный жанр, тяготеющий к использованию как книжной, так и разговорной лексики, к свободной форме выражения. Личностный и субъективный аспект не получается вычленивать из похвалы, которая в целом является объективной, но мы считаем такое отклонение вполне допустимым, так как описываемый жанр реализуется во время не строго официального события, такого события, при котором важно проявить дружелюбие и подчеркнуть искренность, которая, в свою очередь, поможет оттенить торжественность момента. Во время похвалы можно заметить и срывы конструкций, самоперебивы, паузы, редкие десемантизированные выражения (*вот, если хотите* и пр.), так как организационное начало здесь, по М. В. Колтуновой, исходит от спонтанно развивающейся мысли. В целом выражение похвалы во время официального юбилея соответствует требованиям к устной деловой произносимой, не читаемой с листа монологической речи.

Итак, мы описали жанры приветствия и похвалы, рассмотрев их сквозь призму официального стиля речи, нужного всем управленцам и руководителям. Была выявлена и показана связь с ситуацией общения, преломление речи и особый выбор речевых средств в официальной обстановке, показана реализация жанров и то, как именно признаки устной деловой публичной речи проявляются в ситуации официального юбилея.

Так, в описанных нами жанрах речи во время юбилея преобладают этикетные формы и официальные элементы.

Официальность праздника подчеркивается и в сценарии — наличием ведущего, приглашений, церемонией передачи слова, подготовленными речами. Порядок выступающих соотносится с их статусом и возрастом, и это отражается в речевом наполнении события.

Речевые особенности жанров, реализующихся во время официального торжества, отражают особенности деловой монологической речи. Как правило, речи были подготовлены, однако воспроизводились по памяти, поэтому им свойственна гибридность стиля, и наряду с

книжной лексикой могут встречаться элементы разговорной речи.

В целом в речи во время официального юбилея происходит полное выговаривание слогов, в единичных случаях встречается десемантизированная и разговорная лексика, употребляются книжные слова, т. е. присутствуют элементы гибридности, присущей устной деловой речи, но в целом выбор слов соответствует ситуации. Это свидетельствует о том, что в празднике участвуют представители элитарной речевой культуры. Однако встречаются повторы, самоперебивы и редкие случаи срыва конструкций, что естественно, так как участники произносят речь, а не читают ее. Все эти особенности подтверждают принадлежность приветствий к монологической устной деловой речи.

Жанр приветствия сразу же придает торжественную тональность мероприятию, в приветствиях обязательно встречается указание на статус, подчеркиваются регалии, оратор выступает от общего лица, от имени коллектива или отдела. Обязательное обращение на «вы», по имени-отчеству, дистанция общения, составляющая более одного метра — все это отвечает требованиям официальной обстановке общения.

Жанр похвалы является очень объемным жанром, он представляет собой развернутые речи, прославляющие юбиляра, его деятельность и характер. Во время похвалы подчеркиваются глобальные добродетели юбиляра, качества, которые прославляют, соответствуют идеалам античной эпидейктической речи. Современную похвалу можно рассматривать как часть эпидейктической речи, кроме того, можно проследить культурную преемственность (стоит учитывать, что празднование происходит в академической среде). Наряду с книжной лексикой, здесь также встречаются разговорные элементы. Из похвалы нельзя исключить и некоторую субъективность, хотя в целом она является объективной. Эта особенность может быть связана с тем, что описываемый жанр реализуется в ситуации не строго официально-общения.

Юбилей чаще других дней рождений становится официальным праздником и проводится в соответствующей обстановке. Этому торжеству свойственен большой географический охват, оно требует тщательной подготовки. Предполагается соблюдение ряда правил. Подчеркивание статусов, обращения по имени-отчеству и указания на вечные ценности и добродетели говорит о приверженности традиции и о том, что в речи могут снова возрождаться жанры комплимента, а в культуре — прославление человечности и уважение к научной деятельности. Вместе с тем в описанном

юбилее много современных деловых черт — подчеркивается принцип кооперации, уважения, поддерживается доброжелательный тон, выражается дружелюбие, полезное во многих сферах деятельности, в том числе и в тех, которые обслуживает деловой стиль — в управлении, политике.

На рассматриваемых примерах видно, что компетентность в сфере делового общения непосредственно связана с успехом во многих сферах деятельности — науке, искусстве, производстве, торговле, управлении персоналом и дипломатии. Эта компетентность является важнейшей частью профессионального облика людей, занятых в сфере управления, так как именно общение с людьми настраивает их на энергичную деятельность [Колтунова 2002: 5].

Таким образом, описание речевых жанров в соответствии со стилем речи заслуживает внимания разных отраслей лингвистики и комплексного рассмотрения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горобец О. Б. Похвала и комплимент: межжанровые границы // Учен. зап. Комсомольского-на-Амуре гос. техн. ун-та. 2010. № 2II-(2). URL: [http://www.uzknastu.ru/files/pdf/II-2\(2\)2010/75-80.pdf](http://www.uzknastu.ru/files/pdf/II-2(2)2010/75-80.pdf) (дата обращения: 12.08.2014).
2. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. — М.: Знак, 2010. (Коммуникативные стратегии культуры).
3. Дьячкова И. Г. Высказывания-похвалы и высказывания-порицания как речевые жанры в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. — Омск, 2000.
4. Красных В. В. «Свой» среди чужих. Миф или реальность? — М.: Гнозис, 2003.
5. Кожина М. Н. Стилистика русского языка: учеб. для студ. пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит». 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Просвещение, 1993.
6. Колтунова М. В. Язык и деловое общение: нормы, риторика, этикет: учеб. пособие для вузов. — М.: Экономическая литература, 2002.
7. Михальская А. К. Русский язык: риторика. 10—11 кл.: учеб. для общеобразоват. учреждений филол. профиля. 6-е изд., стер. — М.: Дрофа, 2011.
8. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. — Воронеж, 2001.
9. Седов К. Ф. Языкознание. Речеведение. Генристика // Жанры речи: сб. науч. ст. — Саратов: Наука, 2009. Вып. 6: Жанр и язык. С. 23—40.
10. Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой. URL: <http://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=244> (дата обращения: 12.08.2014).
11. Шалина И. В. Культурный сценарий «Супружеская измена» (по разговорам-воспоминаниям носителей уральского просторечия) // Жанры речи: сб. науч. ст. — Саратов: Наука, 2007. Вып. 5: Жанр и культура. С. 247—262.
12. Шемарова В. А., Гайсина Р. М. Встреча, приветствие, прощание, расставание // Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. — Волгоград: Парадигма, 2005. Т. 2. С. 36—58.
13. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи. — Саратов, 1997. Вып. 1. URL: <http://www.sgu.ru/structure/philological/linghist/sbornik-zhanry-rechi/materialy-vypuskov/vypusk-1> (дата обращения: 20.08.2014).
14. Юрьев В. В., Владимирский А. И. Правила вежливости и светского этикета. — М.: Белый город, 2007.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Т. А. Милёхина.

Р. А. Валиев R. A. Valiev
С. А. Минюрова S. A. Minurova
Екатеринбург, Россия Ekaterinburg, Russia

**МЕТОДИКА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ
УПРАВЛЕНИЯ
В СФЕРЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
НА МУНИЦИПАЛЬНОМ УРОВНЕ**

Аннотация. Представлены разработанные авторами портативные опросники, направленные на выявление эффективности стратегического и оперативного управления межнациональным взаимодействием органами муниципального самоуправления. Показаны результаты апробации опросника по оперативному управлению.

Ключевые слова: стратегическое управление; оперативное управление; межэтническая напряженность; опросник управления межнациональным взаимодействием.

Сведения об авторе: Валиев Равиль Азатович, кандидат педагогических наук, доцент, кафедра социальной психологии, конфликтологии и управления, Институт психологии.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26, к. 364.
e-mail: rw1973@mail.ru.

Сведения об авторе: Минюрова Светлана Алигарьевна, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей психологии, Институт психологии.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26, к. 366.
e-mail: minurova@uspu.ru.

**METHODS OF DETERMINATION
OF EFFECTIVENESS OF MANAGEMENT IN THE
SPHERE OF INTERETHNIC COOPERATION AT
MUNICIPAL LEVEL**

Abstract. The article presents basic questionnaires worked out by the authors and aimed at determination of effectiveness of strategic and operational management of ethnic interaction by municipal authorities. It manifests the test results of questionnaires on operational management.

Key words: strategic management; operational management; interethnic tensions; questionnaire management of ethnic interaction.

About the author: Valiev Ravil Azatovich, Candidate of Pedagogy, Associate Professor of Department of Social Psychology, Conflictology and Management.

Place of employment: Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg.

About the author: Minurova Svetlana Aligariyevna, Doctor of Psychology, Professor, Head of Department of General Psychology, Deputy Rector for Academic Studies.

Place of employment: Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg.

Для компетентного выполнения государственными и муниципальными служащими профессиональных обязанностей в настоящее время обязательно требуются способности, знания и умения в сфере гармонизации межнационального взаимодействия. Это обусловлено, с одной стороны, общемировыми процессами глобализации, с другой — возрастающими тенденциями межэтнической напряженности в российском обществе.

Как координировать и контролировать управленческую деятельность служащих в сфере межнационального взаимодействия? Для ответа на этот вопрос мы разработали портативные опросники, которые могут быть использованы в ходе беседы со служащими для получения информации о том, как на муниципальном уровне выстраивается оперативное и стратегическое управление деятельностью в сфере межнационального взаимодействия.

При разработке опросников мы исходили из двух базовых тезисов.

1. Целью деятельности служащих в сфере межнационального взаимодействия является профилактика и предупреждение межэтнической напряженности.

Межэтническая напряженность — это нарушение баланса социальных отношений, в результате которого происходит раскол обще-

ства по этническому принципу. Межэтническая напряженность имеет разную модальность. Она может проявляться в диапазоне от скрытой фоновой напряженности до агрессии и насилия в отношениях между народами. Выделяются четыре уровня межэтнической напряженности: фоновая (латентная), выраженная (фрустрационная), конфликтная и кризисная [Солдатова 1998].

Фоновая межэтническая напряженность существует в любом, даже самом гармоничном, обществе, где есть признанное деление на этнические группы. Она предполагает прозрачность этнических границ, позитивные отношения между людьми разных национальностей. Если в обществе и существуют состояния неудовлетворенности, то их причины обычно не осознаются в плоскости отношений между народами. В межэтническом взаимодействии сочетаются как кооперативные, так и соревновательные процессы. Но даже на этом уровне могут проявляться ростки эмоциональной напряженности. Контакты с незнакомыми людьми другой национальности — «чужаками» — могут вызывать страх, недовольство, а иногда и гнев.

Выраженная напряженность проявляется в ситуации поляризации этнических групп в обществе. Внутри какой-либо этнической группы зреет недовольство, которое постепенно про-

никает в межгрупповые национальные отношения. Главный признак ситуации выраженной напряженности заключается в том, что различные жизненные проблемы начинают связываться с этнической принадлежностью. Этнические границы становятся осязаемыми, напряженность становится зримой, прорываясь наружу в формах бытового национализма. Ему соответствуют появление и широкое распространение в обществе уничижительных групповых характеристик (например, «лицо кавказской национальности», «черные» и др.), возрастание популярности анекдотов на национальные темы, учащение конфликтных межличностных эпизодов на национальной почве и т. п. На этом этапе в массовом этническом самосознании закладываются основные психологические оси межэтнической напряженности: зависимости, ущемленности, несправедливости, враждебности, виновности, несовместимости, соперничества, страха, недоверия.

Конфликтная напряженность отражает ситуацию, когда возникает реальный конфликт несовместимых целей, интересов, ценностей этнических групп и их соперничество за ограниченные ресурсы. Рост межэтнической напряженности формирует межгрупповое взаимодействие преимущественно по типу соперничества. Проявляется резкая эмоциональная поляризация: по отношению к своему народу — накал позитивных чувств, по отношению к другим народам — социальная агрессивность, «воинствующий энтузиазм» как форма социальной защиты, предполагающая активное вступление в борьбу за значимые социальные ценности, особенно за те, которые освящены национальной культурной традицией. Возникает раздражающая ситуация, которая провоцирует разрядку социальной агрессивности. Единичность случаев проявления бытового негативизма сменяется массовым характером. Сокращается дистанция между негативным восприятием людей другой национальности и действиями против них.

Кризисная напряженность возникает тогда, когда межэтническую напряженность невозможно урегулировать цивилизованными методами и в то же время она требует немедленного разрешения. Ее главные отличия — страх, ненависть, насилие, радикализм и национальный фанатизм. В обществе наблюдается накал эмоционального возбуждения, неконтролируемый страх, гнев, что становится мощным побуждением к иррациональным агрессивным действиям.

2. Управление деятельностью в сфере межнационального взаимодействия в муниципалитетах может выстраиваться на стратегическом и оперативном уровнях.

Сущность стратегического управления состоит в формировании и реализации стратегии развития межнационального взаимодействия в рамках территории на основе непрерывного контроля и оценки происходящих изменений с целью поддержания гармоничных отношений между этническими группами в условиях нестабильной внешней среды. Стратегическое управление предполагает ответ на три важных вопроса: «1) „В каком состоянии находится межнациональное взаимодействие в настоящее время?“; 2) „В каком состоянии оно может находиться в ближайшем будущем?“; 3) „Каким способом достичь желаемого результата — поддержания гармоничного межнационального взаимодействия?“» [Стратегический менеджмент 2009].

Для решения первого вопроса необходима информационная основа с соответствующими данными для анализа прошлых, настоящих и будущих ситуаций. Второй вопрос отражает ориентацию на будущее: необходимо определить, к чему стремиться, какие ставить цели. Третий вопрос связан с реализацией выбранной стратегии, в ходе которой может происходить корректировка двух предыдущих этапов [Там же]. Важнейшими составляющими данного этапа являются имеющиеся или доступные ресурсы, система управления, организационная структура и персонал, который будет реализовывать данную стратегию.

Оперативное управление обеспечивает процесс реализации краткосрочных и оперативных планов по поддержанию и развитию межнационального взаимодействия, сводится к принятию решений в конкретно складывающейся в данный момент ситуации. В ходе оперативного управления осуществляется повседневное руководство процессом межнациональных отношений на территории, получают разработку вопросы оптимального использования ресурсов.

В работе И. Ансоффа представлено сопоставление характеристик оперативного и стратегического управления [Ансофф 1989]. О. С. Виханский, продолжая работу И. Ансоффа, предложил свою матрицу сравнения оперативного и стратегического управления, которую составил по ключевым характеристикам управления организацией [Виханский 1998] (табл. 1).

Разработанные нами опросники составлены так, чтобы каждый вопрос позволял обнаружить выполнение определенных показателей стратегического и оперативного управления межнациональным взаимодействием на территории (табл. 2, 3).

Таблица 1. Сравнение оперативного и стратегического управления

Оперативное управление	Отличительный признак	Стратегическое управление
Оказание услуг населению	Миссия, предназначение	Выживание в долгосрочной перспективе
Эффективное использование внутренних ресурсов территории	Объект концентрации внимания менеджмента	Поиск новых возможностей, адаптация к изменениям окружения
Ориентация на краткосрочную и среднесрочную перспективу	Учет фактора времени	Ориентация на долгосрочную перспективу
Работник — исполнитель функций	Подход к управлению персоналом	Работник — носитель идей
Рациональность использования потенциала	Критерии эффективности управления	Гибкость, готовность к изменениям

Таблица 2

Вопросы для выявления показателей стратегического управления в сфере межнационального взаимодействия в границах территории

Показатели стратегического управления	Вопросы для беседы со служащими
Выживание в долгосрочной перспективе	Какие меры по развитию диалога между людьми разных национальностей разработаны в территориальной единице?
Поиск новых возможностей, адаптация к изменениям окружения	Какие запросы на консультации со специалистами по проблемам межнациональных отношений сформулированы в территориальной единице?
Ориентация на долгосрочную перспективу	Какие долгосрочные программы предупреждения межнациональных проблем разработаны в территориальной единице?
Работник — носитель идей	Какие механизмы используются для подбора, стимулирования людей, которые готовы и способны работать с межнациональными проблемами?
Гибкость, готовность к изменениям	Как в территориальной единице решается задача моделирования способов решения возможных межнациональных конфликтов?

Таблица 3

Вопросы для выявления показателей оперативного управления в сфере межнационального взаимодействия в границах территории

Показатели оперативного управления	Вопросы для беседы со служащими
Оказание услуг населению	Какие этнические группы представлены в территориальной единице? Какие вопросы межнационального взаимодействия чаще всего обсуждаются в рамках деятельности муниципалитета?
Эффективное использование внутренних ресурсов территории	По каким вопросам, в какой форме выстраиваются контакты с другими структурами по проблеме межнационального взаимодействия?
Ориентация на краткосрочную и среднесрочную перспективу	Какие межведомственные совещания по проблемам межнационального взаимодействия проходили в территориальной единице в последнее время?
Работник — исполнитель функций	Кто становится инициатором обсуждений вопросов межнационального взаимодействия? Кто занимается урегулированием межнациональных вопросов в территориальной единице?
Рациональность использования потенциала	Какая помощь нужна территории в решении проблем межнационального взаимодействия?

Таблица 4

Этнические группы, проживающие на муниципальных территориях

Этнические группы	Количество ответов	Доля ответов, %
Татары	17	68
Русские	13	52
Украинцы	10	40
Башкиры	9	36
Армяне	7	28

Этнические группы	Количество ответов	Доля ответов, %
Немцы	7	28
Азербайджанцы	6	24
Белорусы	6	24
Таджики	6	24
Марийцы	4	16
Удмурты	4	16

Таблица 5

Вопросы межнационального взаимодействия,
чаще всего обсуждаемые в рамках деятельности муниципалитетов

Частота проблем	Количество ответов	Доля ответов, %
Отсутствуют	14	74
Возникают ситуативно и редко	4	21
Постоянно возникают	1	5

Таблица 6

Вопросы по проблеме межнационального взаимодействия

Вопросы по проблеме межнационального взаимодействия	Количество ответов	Доля ответов, %
Не возникают	9	47
Этнорелигиозное взаимодействие	6	24
Межкультурное взаимодействие	6	24
Миграция, здравоохранение, трудоустройство	6	24
Безопасность взаимодействия	1	4

Опросник для выявления показателей оперативного управления в сфере межнационального взаимодействия в рамках территории был апробирован при работе с муниципальными службами, проходившими повышение квалификации по курсу «Безопасность межнациональных и межконфессиональных отношений» на базе кафедры социальной психологии, конфликтологии и управления Уральского государственного педагогического университета, г. Екатеринбург. Результаты отражены в таблице 4.

Практически половина опрошенных (48 %) не указала русских среди других этнических групп, представленных на территориях. Это может свидетельствовать о том, что при проектировании и планировании деятельности по гармонизации межнационального взаимодействия муниципалитеты не ставят задачу работы с коренным населением, исключая из зоны активного восприятия служащих такую этническую группу, как «русские», акцентируя внимание на группах приезжих, малых народов. Однако межэтническая напряженность зачастую

возникает в среде местного населения, не удовлетворенного жизненными обстоятельствами и перекладывающего ответственность за это на «понаехавших чужих».

Следующий вопрос позволяет проанализировать две составляющие — содержание ответов и частоту обсуждения в рамках деятельности муниципалитета. Как видно из табл. 5, 74 % опрошенных ответили, что не видят проблем такого рода на своей территории, лишь 26 % служащих отметили, что проблемы межнационального взаимодействия возникают (единично, редко, нечасто, часто, постоянно). Проявляется стратегия ухода от проблем межнационального взаимодействия на территории.

Следующий пункт опросника — «По каким вопросам, в какой форме выстраиваются контакты с другими структурами по проблеме межнационального взаимодействия?» — рассматривается также по нескольким параметрам: содержание обсуждаемых вопросов (табл. 6), структуры, с которыми выстраиваются контакты (табл. 7) и формы контактов (табл. 8).

Таблица 7

Участники обсуждения вопросов по организации контактов по межнациональному взаимодействию

Участники	Количество ответов	Доля ответов, %
Органы МВД, ФСБ	12	48
Нет ответа	12	48
Органы местного самоуправления	4	16
Общественные организации	3	12

Таблица 8

Формы контактов между разными структурами по организации межнационального взаимодействия

Формы контактов с другими структурами по проблеме межнационального взаимодействия	Количество ответов	Доля ответов, %
Регулярные (совещания, встреча на консультативном совете, заседание комиссий)	13	52
Единовременные (рабочие встречи, оргкомитеты, круглые столы)	6	24
Личные контакты (беседы, личные контакты, взаимообмен информацией, диалог)	4	16
Нет ответа	4	16

Таблица 9

Межведомственные совещания по проблемам межнационального взаимодействия, проходившие в рамках территории в последнее время

Межведомственные совещания	Количество ответов	Доля ответов, %
Совет по национальностям и религии	13	52
Отсутствие ответа	3	12
Межведомственная комиссия	2	8
Этнических проблем нет	2	8
Совещание по экстремизму и антитерроризму	1	4
Антинаркотическая комиссия	1	4
Деятельность УФМС	1	4

Наблюдается противоречивость представлений служащих о приоритетах деятельности муниципалитета в сфере межнационального взаимодействия. С одной стороны, большинство опрошенных отмечают остроту проблем интеграции мигрантов, соотечественников-переселенцев в связи с необходимостью решения вопросов их трудоустройства, размещения, медицинского обеспечения и т. п. С другой стороны, служащие сообщают о том, что на совещаниях чаще всего обсуждаются вопросы организации национальных праздников и других культурных мероприятий. Также мы видим, что почти половина опрошенных отмечает отсутствие вопросов в сфере межнационального взаимодействия.

Служащие отмечают, что наиболее частые контакты по вопросам урегулирования межнационального взаимодействия в рамках территории происходят с силовыми структурами. Это может свидетельствовать о том, что организация межнационального взаимодействия в

большей степени сопряжена с обеспечением его безопасности.

Более половины ответов респондентов (76 %) свидетельствуют о том, что контакты между разными структурами по вопросам организации межнационального взаимодействия носят организованный характер в рамках либо постоянных, либо единовременных форм (табл. 9).

Наиболее частотные ответы респондентов на вопрос о проводимых в последнее время межведомственных совещаниях указывают на деятельность советов по национальностям и религиям (52 %). Основной целью данных советов является взаимодействие администраций муниципальных органов самоуправления с национально-культурными и религиозными объединениями. Это означает, что на территориях существует понимание необходимости постоянного совершенствования деятельности в данной сфере (табл. 10).

Таблица 10

Инициатор обсуждений вопросов по межнациональному взаимодействию

Инициаторы	Количество ответов	Доля ответов, %
Администрация	19	76
Консультативный совет	6	24
Лидеры этнических групп	3	12
Граждане	1	4
Нет инициаторов	1	4

Таблица 11

Субъект урегулирования межнациональных вопросов на муниципальных территориях

Субъекты регулирования межнациональных отношений	Количество ответов	Доля ответов, %
Глава администрации и его заместители	15	60
Комиссии, комитеты, советы	10	40
Органы МВД и ФСБ	3	12
Органы местного самоуправления	3	12

Таблица 12

Помощь, необходимая муниципальным территориям в решении проблем межнационального взаимодействия

Вид помощи	Количество ответов	Доля ответов, %
Информационная	9	36
Нет ответа	8	32
Методическая	7	28
Финансовая	1	4

По ответам респондентов (76 %) видно, что чаще всего толчок к началу обсуждения вопросов межнационального взаимодействия дает администрация местного самоуправления. Это указывает на низкий уровень инициативности при обсуждении данных вопросов конкретных представителей этнических меньшинств и «коренного» населения (16 % ответов), что может означать в представлениях данных групп недостаточную продуктивность контактов в области межнационального взаимодействия. Эффективная модель межнационального взаимодействия в данном случае могла бы наблюдаться, если бы инициатива организации взаимодействия исходила в равной степени от обеих сторон (различных этнических групп и администрации) (табл. 11).

Согласно большинству ответов (60 %), в роли субъектов регулирования межнациональных отношений выступают глава администрации и его заместители, что может указывать на ряд моментов в работе муниципальных органов. Во-первых, данная деятельность является значимой для территорий и требует непосредственного участия в своем разрешении «первых» лиц. Во-вторых, к деятельности по урегу-

лированию вопросов межнационального характера территории в полной мере не подключают специалистов по сопровождению и разрешению подобного рода вопросов. На это указывает второй по количеству ответ — субъектами урегулирования данных вопросов являются комиссии, комитеты и советы (40 %), в рамках деятельности которых могут быть задействованы эксперты различных областей социально-гуманитарного знания, — а также отсутствие прямого ответа, что деятельностью по урегулированию занимаются узконаправленные специалисты (табл. 12).

Больше половины опрошенных указали, что требуется информационная, методическая, организационная поддержка. В частности, консультации по составлению программ, этнокарт, проведение системного обучения персонала. Остальные участники (32 %) ушли от ответа на вопрос о необходимой помощи при организации деятельности в сфере межнационального взаимодействия. Отмечается отсутствие у муниципалитетов нормативных и методических инструментов для эффективного решения острых проблем (табл. 13).

Таблица 13

Особенности оперативного управления в сфере межнационального взаимодействия

Показатели оперативного управления	Вопросы для беседы со служащими	Наиболее часто встречающийся ответ
Оказание услуг населению	Какие этнические группы представлены в территориальной единице?	Татары (48 % не указывают русских)
	Какие вопросы межнационального взаимодействия чаще всего обсуждаются в рамках деятельности муниципалитета?	Вопросы отсутствуют
Эффективное использование внутренних ресурсов территории	По каким вопросам выстраиваются контакты с другими структурами по проблеме межнационального взаимодействия?	Вопросов для выстраивания контактов не возникает
	Какие структуры участвуют при обсуждении вопросов по организации контактов по межнациональному взаимодействию?	Органы МВД, ФСБ; нет ответа
	Формы контактов между разными структурами по организации межнационального взаимодействия	Регулярные (совещания, консультативный совет, заседание комиссий)

Показатели оперативного управления	Вопросы для беседы со служащими	Наиболее часто встречающийся ответ
Ориентация на краткосрочную и среднесрочную перспективу	Какие межведомственные совещания по проблемам международного взаимодействия проходили в территориальной единице в последнее время?	Совет по национальностям и религии
Работник — исполнитель функций	Кто становится инициатором обсуждений вопросов международного взаимодействия?	Администрация
	Кто занимается урегулированием международных вопросов в территориальной единице?	Глава администрации и его заместители
Рациональность использования потенциала	Какая помощь нужна территории в решении проблем международного взаимодействия?	Информационная помощь

Исходя из того, что общей целью деятельности по оперативному управлению является оказание услуг населению, мы видим (табл. 11), что, с одной стороны, муниципальными служащими основное население территорий в недостаточной мере рассматривается как первоочередной потребитель услуги, а с другой — у муниципальных служащих отсутствует представление о содержании услуг, которые необходимо оказывать местному населению в сфере международного взаимодействия. Несмотря на то что существуют конкретные формы взаимодействия администраций муниципальных органов самоуправления и других структур, участвующих в организации взаимодействия с национально-культурными и религиозными объединениями, диффузность представлений о содержании услуги или их отсутствие обуславливают неэффективное использование внутренних ресурсов территории, в связи с чем всегда востребованы силовые методы контроля и разрешения ситуаций международного взаимодействия. Вполне вероятно, что именно для преодоления такого положения дел администрация сама инициирует обсуждения, касающиеся вопросов международного взаимодействия. При этом также необходимо отметить, что при характеристике урегулирования возникающих международных вопросов в ответах респондентов отсутствует указание на участие в их разрешении специалистов, работающих в этой области. По мнению респондентов, эффективность решения вопросов международного взаимодействия на территориях будет выше, если муници-

палитетам будет оказываться методическая помощь через консультации по составлению программ, этнокарт, информационная помощь через системное обучение, привлечение к деятельности специалистов, которые хотят, могут, готовы заниматься профилактикой и предупреждением межэтнической напряженности. Результатом такой помощи должно стать изменение культурных знаний муниципальных служащих в сфере международных взаимодействий [Крылова 2013].

Таким образом, проведенная апробация опросника позволила выявить особенности оперативного управления в сфере международного взаимодействия в рамках муниципальных территорий Свердловской области. В дальнейших исследованиях планируется апробация опросника, направленного на выявление особенностей стратегического управления международными отношениями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ансофф И. Стратегическое управление : сокр. пер. с англ. / науч. ред., авт. предисл. Л. И. Евенко. — М. : Экономика, 1989.
2. Виханский О. С. Стратегическое управление : учеб. — М. : Гардарика, 1998.
3. Крылова С. Г. Образовательный потенциал межкультурного взаимодействия // Педагогическое образование в России. 2013. № 4. С. 19—25.
4. Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. — М. : Смысл, 1998.
5. Стратегический менеджмент. Основы стратегического управления : учеб. / М. А. Чернышев и др. — Ростов-н/Д : Феникс, 2009.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

УДК 821.112.2-2(091)
ББК ШЗЗ

ГСНТИ 16.21.33

Код ВАК 10.01.03

В. О. Возмилкина V. O. Vozmilkina

Е. Г. Доценко E. G. Dotsenko

Екатеринбург, Россия Ekaterinburg, Russia

**ИСПЫТАНИЕ ГЕРОЕВ ПОЛИТИКОЙ
И РЕЛИГИЕЙ В РОМАНАХ Э. ГАСКЕЛЛ**

Аннотация. В статье романы Э. Гаскелл «Мэри Бартон» (1848), «Руфь» (1853), «Север и Юг» (1855) рассматриваются в связи с политическими и религиозными проблемами, с которыми сталкиваются герои. Обнаруживается взаимосвязь обращения к политической ситуации в стране в эпоху 1830—1850-х гг. с нравственными установками в английском романе XIX в. На примере творчества Э. Гаскелл продемонстрирована специфика социального романа, возможности эволюции героя в викторианской литературе.

Ключевые слова: Э. Гаскелл; викторианство; социальный роман; политический конфликт; чартизм; англиканская религия.

Сведения об авторе: Возмилкина Валерия Олеговна, аспирант, кафедра русской и зарубежной литературы.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 277.
e-mail: vozmilkina@mail.ru.

Сведения об авторе: Доценко Елена Георгиевна, профессор кафедры литературы и методики ее преподавания.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, к. 279.
e-mail: eldot@mail.ru.

Э. Гаскелл была современницей серьезных изменений, затронувших в 30—50-х гг. XIX в. все сферы английского общества. Особое значение для представителей всех классов имели политические реформы, которые постепенно трансформировали парламентскую систему Англии. Отголоски политических проблем можно обнаружить во многих произведениях писателей-викторианцев — Диккенса, Теккерея, Дж. Элиот. Но именно от Э. Гаскелл уже в первом романе «Мэри Бартон» мы узнаем о том, что рабочие Манчестера и окрестных городов обращаются с петицией к парламенту страны. Речь идет о первой чартистской петиции, отразившей недовольство экономическим положением населения промышленных районов: «Только один из 100 (19.000) лондонцев подписали петицию Чартистов в марте 1839 г., по сравнению с Бирмингемом (94.000), где подписи поставила большая часть его населения» [Inwood 1998: 619]. Известно, что в действительности 12 июня 1839 года парламент Англии отклонил петицию чартистов, под которой стояло более одного миллиона двухсот тысяч подписей. Отказ парламентариев выслушать рабочих спровоцировал в дальнейшем стачки по всей стране.

**POLITICAL AND RELIGIOUS TRIALS
OF THE CHARACTERS IN THE NOVELS
BY ELISABETH GASKELL**

Abstract. The article dwells on the novels «Mary Barton» (1848), «Ruth» (1853), «North and South» (1855) by E. Gaskell in connection with political and religious problems which the characters are to solve. The authors of the article reveal the relationship between the political situation in 1830–50s and moral standards in the English novel of the XIX century. On the example of E. Gaskell's works, the article shows the specific features of the social novel and the possibilities of evolution of a literary character in Victorian literature.

Key words: E. Gaskell; Victorian era; social novel; political conflict; Chartism; Anglican religion.

About the author: Vozmilkina Valeria Olegovna, Post-graduate Student of Department of Russian and Foreign Literature.

Place of employment: Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

About the author: Dotsenko Elena Georgievna, Professor of Department of Literature and Methods of its Teaching.

Place of employment: Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

Другая особенность середины XIX века в Англии — необходимость в реформировании и собственно реформирование религиозной системы: «Ранневикторианский период был, по сути, эпохой религиозной» [Harrison 1973: 150]. Несмотря на привычное и в целом правильное представление о Великобритании этого периода как стране с абсолютным доминированием англиканства, церковная организация была сложной и неоднородной. Помимо англиканской церкви, существовала церковь католическая и множество последователей протестантизма — так называемые «диссентеры», или нонконформисты, чьи приходы были особенно сильны «в недавно разросшихся городах основных промышленных регионов» [Harrison 1973: 151]. Для севера Англии, и, в частности, Манчестера, где жила Гаскелл и где разворачивается действие ее первого романа, политические и религиозные проблемы оказывались в равной степени актуальны, однако в литературе нашли далеко не одинаковое отражение. «Политика, — как отмечает Б. М. Проскурнин, — все очевиднее становилась самостоятельным явлением в национальной культуре, важным элементом системы духовных ценностей нации, и литературе пришлось начать осознать

эстетическую “достаточность” этого феномена» [Проскурнин 2000: 6].

Э. Гаскелл интересовали противоречия в жизни общества. Ее знакомство не только с людьми высшего сословия, но и с представителями рабочего класса давало ей возможность показать и достаточно эмоционально оценить существующие конфликты, хотя она не стремилась переносить на страницы книг известные ей по непосредственному опыту ситуации. Так, отвечая на вопрос о подлинности ее героев в романе «Мэри Бартон», Э. Гаскелл указывала в дружеской переписке: «Никто и ничто не реален в “Мэри Бартон” (мне жаль, но я должна сказать правду), за исключением характера Джона Бартона. Обстоятельства отличаются, но характер и некоторые из его речей точно принадлежат одному бедному человеку, которого я знаю» [Gerin 1976: 87].

Внимание Гаскелл к рабочему классу было вызвано его бедственным положением. В романе «Мэри Бартон» писательница красноречиво рассказывает о жизни бедняков. Лишившись работы на фабрике, отец семейства, Джон Бартон, не имеет возможности вылечить маленького сына от скарлатины: «В доме в ту пору не хватало самой простой еды, чтобы накормить семью раз в день» [Гаскелл 2013а: 34]. Э. Гаскелл не раз упрекали в чрезмерном количестве трагических сцен в повествовании: «Болезненный элемент, очевидный в ее ранних произведениях и становящийся с годами все более заметным, должен восприниматься в качестве составной части эмоциональной реализации Элизабет — оборотной стороны ее обычно веселого и кипучего духа, в качестве темной стороны комического взгляда на жизнь — в равной мере свойственного в конце концов и ее великому современнику Диккенсу» [Gerin 1976: 81]. Э. Гаскелл в каждом из своих социальных романов пытается разрешить общественные конфликты своего времени не напрямую, а проводя своих героев через серьезные духовные потрясения.

В этом смысле важную роль играет религиозность самой писательницы. Э. Гаскелл не только принимает «общехристианские ценности» в качестве основы подлинно нравственного поведения, но и показывает поликонфессиональность викторианской Англии. И в этом уже отличие от других «ранневикторианских» классиков, для которых религия — это по умолчанию религия англиканская. В середине XIX века в Англии на фоне обнищания населения официальная церковь не предприняла попыток стать ближе к народу. Поэтому в рабочих районах стали особенно активно распространяться раскольнические (или диссентерские) настроения. В то же время нарастает политическая напряженность, и вторая петиция рабочих уже и в Лондоне собрала гораздо больше сторонников, чем первая: «В мае 1842 года, когда толпа, как минимум, из 100000 лондонцев

прошла к парламенту со второй петицией, старая апатия исчезла. Лондон становится центром чартистской воинственности» [Inwood 1998: 620].

Время выхода романа «Мэри Бартон» — 1848 год — совпадает с кульминационным для чартизма моментом, однако создано произведение несколько раньше и обнаруживает истоки политической активности пролетариев в тот момент, когда ни сама писательница, ни ее герои еще не знали, чем эта активность обернется. Э. Гаскелл обратилась к эпохе конца 30-х годов: «Основное действие в романе “Мэри Бартон” повествует о 1838—1840-х гг.: в 1841 году был коммерческий кризис, настроения голодных сороковых, требования чартистов, — все это придало импульс повествованию» [Easson 1979: 48]. Реформа 1832 года, в соответствии с которой произошли серьезные изменения в избирательной системе страны, не давала, однако, права рабочим избираться и иметь политическую власть. «Реформа дала право голоса тем, кто обладал собственностью, и только 1/20 часть населения имела политические права», — отмечает А. А. Аникст [Аникст 1956: 270]. Недовольные реформой организовали движение рабочих, которое позже и получило название чартизм. Он был «продуктом индустриальных районов, реакцией на страдания, производимые индустриализмом» [Williams 1969: 49]. Представители этого движения выступали за выполнение парламентом требований «People’s Charter» («Народной Хартии»), из названия которой, собственно, и возник термин. Джон Бартон, герой одноименного романа Э. Гаскелл, чартист: он является членом рабочего союза. Нужда доводит его до отрешения от догматов официальной церкви. Однако Гаскелл в этом романе разрешает конфликт, не обращаясь к проблеме и религии инакомыслящих. Ее герой совершает убийство «по политическим мотивам» и погибает, терзаемый муками совести. Просветление, испытываемое Бартоном на пороге смерти, связано не с идеей протеста, которую Гаскелл не принимает, но с глубоким и искренним раскаянием. «Джон Бартон совершил свое деяние только с одной целью: испугать целое сословие людей, которые, по мнению тех, кто стоит ниже их, стремятся лишь побольше выжать из рабочего за меньшую плату, или в крайнем случае к тому, чтобы устранить опасного соперника — фабриканта, напугать тех, кто мешает рабочим добиться своих прав. Джон Бартон верил в это, и все же, едва улеглось первое возбуждение, его настиг Мститель, неумолимый Мститель. Но теперь Джон понял, что убил человека и брата; понял, что зло никогда не принесет добра, даже тем страдальцам, чье дело он так слепо защищал» [Гаскелл 2013а: 500].

Если Евангелие и его истины («не убивай», «не прелюбодействуй», «не противься злему», «любите врагов ваших», «не судите, да не су-

димы будете», «просите, и дано будет вам») в «Мэри Бартон» дают названия целому ряду глав и в конце концов объединяют героев, то в более поздних романах Э. Гаскелл появляются межконфессиональные разногласия викторианской Англии, которые вписываются и в историю социального неравенства, и в историю духовных испытаний, через которые проходят сами герои. Открыто о диссентерах в лице пастора Бенсона и его прихожан Гаскелл пишет в романе «Руфь», а теоретические разногласия между различными тенденциями англиканской церкви представлены в «Севере и юге».

Диссентерский пастор Бенсон в романе «Руфь» принимает участие в судьбе девушки бескорыстно и самоотверженно. Этот герой, без сомнения, симпатичен автору, как и религия, которую он исповедует. Авторская симпатия подсказывает читателю предпочтения самой Гаскелл, которая считает религию диссентеров подлинно христианской — не в смысле соответствия некоей схоластической «букве», но как исполняющую заповеди заботы о ближнем и милосердия. Пастор Бенсон и его сестра принимают в свой дом девушку, совершившую «грех» и осуждаемую обществом с позиций викторианской морали: «Руфь спасло христианское милосердие мистера Бенсона, который лгал окружающим относительно обстоятельств ее прошлого» [Easson 1979: 112].

В XIX веке протестанты, к которым принадлежал пастор Бенсон, уже не подвергались гонениям за инакомыслие, но и не встречали официальной поддержки, как господствующая англиканская церковь. Движение диссентеров пользовалось популярностью в рабочих районах севера Англии: исследователи отмечают растущее число диссентеров к середине века «среди самых бедных» [Clark 1965: 175]. У Э. Гаскелл: «Бедняков привлекала сюда любовь к своему пастору и убеждение, что религия, которую он исповедовал, не могла быть неправой» [Гаскелл 2013b: 161]. По логике Э. Гаскелл, исповедующей христианство в унитарном варианте, несчастье «падших» лучше понимает та церковь, которая сама испытала несправедливость дискриминации. Доброта мистера и мисс Бенсон оказалась выше всякой социальной этики: благодаря их участию у Руфи и ее незаконнорожденного ребенка появился шанс восстановить свое доброе имя в обществе. День крестин мальчика Леонарда в диссентерской церкви обозначил новый этап в жизни Руфи, который можно — в тех же религиозных терминах — обозначить как путь от грехопадения к покаянию и служению. Обращение к Богу стало для Руфи спасительным шагом.

Впрочем, испытания Руфи не закончились с возвращением в лоно церкви. Девушка, которую соблазнил и бросил светский повеса Беллингем, в доме Бенсонов получает не только духовную опору, но и образование. Речь идет о последовательном развитии личности: Руфь занимается

воспитанием собственного ребенка, становится гувернанткой чужих детей, своим безупречным поведением и нравственным чувством заслуживает уважение окружающих. «Разоблачение» юношеского греха Руфи вновь отбрасывает ее на нижние ступени социальной лестницы, но теперь уже сила духа самой героини негибаема, она помогает нуждающимся во время эпидемии, повышается до уровня мученицы, жертвующей своей жизнью ради спасения других.

В романе «Руфь», написанном в 1853 году, Э. Гаскелл продолжает развивать и политическую тему, на этот раз связанную не с противостоянием между рабочими хозяевами, но с предвыборной борьбой. К этому времени политическая жизнь Англии представляла собой явление организованное и прогрессирующее, с точки зрения расположения на политической карте страны различных партий. Партийные единомышленники организовывали клубы, которые выполняли функции политических организаций. Еще в 1832 году консерваторами был основан Карлтон клуб [Harrison; эл. ресурс], а в 1836 году членами либеральной партии был открыт Клуб реформ [The Reform Club; эл. ресурс]. Деятельность этих организаций напоминала работу современных предвыборных штабов, которые ставили своей целью проводить агитационную работу для влияния на исход выборов. Понимая важность изменений, происходящих в системе управления и законодательства страны, автор обращает наше внимание на методы политической борьбы, многие из которых актуальны и сегодня, но бесконечно далеки от нравственных норм, принципиально значимых для любимых героев писательницы.

Мистер Брэдшоу, владелец мануфактур и один из немногих богатых прихожан церкви, где служит пастор Бенсон, надеется выдвинуть в парламент своего человека, который будет представлять там интересы диссентеров. Предвыборная работа Брэдшоу подразумевает использование целого ряда политических технологий. Для начала он решает использовать свой дом в Эклстоне в качестве предвыборного штаба. Именно там принимают мистера Дона, который выбран агентом как наиболее подходящий кандидат. Его выдвижение сопровождается аналитической работой штаба. Так, выясняется, что в округе 600 избирателей. 200 человек будут голосовать за конкурента — мистера Крэнурта, 200 человек — это рабочие или люди, связанные с мануфактурой, то есть потенциальные избиратели, которые проголосуют за нужного кандидата. Сложность возникла с оставшимися двумястами избирателями: они колебались в принятии правильного решения. Именно эта группа избирателей стала объектом борьбы конкурентов Брэдшоу и Крэнурта, так как именно от ее голосов зависел исход выборов. Безымянный агент мистера Брэдшоу поставил перед собой цель найти способ заставить сомневающуюся часть электората

принять верное решение. Одним из способов воздействия на людей стал подкуп: «Кто хочет достичь успеха даже в добрых делах, должен снизойти к людским слабостям и действовать разумно» [Гаскелл 2013b: 266]. Религиозность самого мистера Брэдшоу испаряется, когда становится понятно, что без подкупа избирателей не обойтись: «Было бы довольно некстати в столь близкое к выборам время вспомнить, что подкуп, какими бы словами его ни называли, попросту говоря, грех» [Гаскелл 2013b: 272]. Очевидно, что на политической арене цель зачастую оправдывает средства: «Славная цель реформа законодательства оправдывает, по моему мнению, все средства ее достижения...» [Гаскелл 2013b: 267].

Хотя кандидат мистера Брэдшоу выиграл выборы («Мистеру Брэдшоу удалось достичь своей цели: его кандидат выиграл выборы, а гордые противники были посрамлены» [Гаскелл 2013b: 321]), его дальнейшее поведение не оправдало надежд диссентера: «Вообще нынешний член парламента обнаружил слишком большую готовность действовать в соответствии с чужими советами, причем ему было не важно, кто их давал, — словно ленился взвешивать их мудрость...» [Гаскелл 2013b: 322]. Сарказм Гаскелл очевиден: богач, который «устал кататься на яхтах, путешествовать и желает чего-то новенького» [Гаскелл 2013b: 262], принадлежал лагерю либералов, но не был диссентером, интересы которых он должен был представлять. Легкомыслие мистера Донна, который баллотировался в парламент и не имеет представления о предстоящей работе, и мистера Брэдшоу, сделавшего ставку на неподходящего кандидата, дискредитируют значимость парламентских выборов.

Для фабулы самого романа «политическая» линия, противопоставленная религиозному смирению Бенсонов и Руфи, особенно значима, поскольку под маской Донна скрывается все тот же соблазнитель Беллингем. Благодаря предвыборным мероприятиям в графстве, судьба снова сводит Руфь и ее бывшего возлюбленного. Уже практически победив в городе эпидемию смертельной болезни, страшная сиделка Руфь заражается от своего последнего пациента — Беллингема, возвышаясь в своей смерти до немислимых высот: «Это история раскаяния и искупления прямо из Евангелия; поведение, такое же, как у Марии Магдалены, умывающей и вытирающей своими волосами стопы Иисуса Христа: пылкое и демонстративное, по существу, “женское” поведение» [Clark 1965: 130]. Любопытно, что героя, казалось бы, наиболее требующего перевоспитания, Гаскелл перевоспитывать отказывается: Беллингем-Донн был бесчестным ловеласом в юности и становится бесчестным политиком, устав от юношеских забав. Ему даже не дано понять смысл самопожертвования Руфи. Религия и политика, вновь столкнувшись

в концовке романа «Руфь», оказываются еще более противопоставленными друг другу: лишь один путь ведет к вечному спасению, но за другим закреплено процветание на Земле.

В этом смысле не хотелось бы однозначно соглашаться с пониманием религиозных исканий героев Гаскелл исключительно как проповеди христианского смирения. В нашем литературоведении идеи милосердия и смирения у писателей-викторианцев традиционно связывают с попыткой реализма XIX века разработать свою программу решения общественных и социальных противоречий: «Диккенсу и Гаскелл ближе были проповеднические тенденции и идеи христианского милосердия, определившие этическое содержание их романов» [Сидорченко 2004: 22]. Думается, что вопросы религии не могли занимать Гаскелл преимущественно в прагматическом плане. Действительно, в первом из своих романов писательница приводит практически всех героев к высокому смирению перед своей судьбой, уравнивая таким образом бедных и богатых, молодых и старых, здоровых и больных, но многие персонажи при этом покидают Англию (с ее насущными проблемами) — в буквальном или метафорическом смысле. Более поздние произведения предлагают раскаяние и смирение лишь избранным персонажам, тогда как вопросы политические или экономические решаются либо остаются нерешенными, часто находясь принципиально в стороне от духовно-нравственных поисков тех самых «избранных».

Роман Э. Гаскелл «Север и Юг» (1855) также интересен с точки зрения соотношения политического и религиозного планов. Это произведение в большей степени развивает политическую тему, начатую Гаскелл в романе «Мэри Бартон». Помимо тематических переключек в описании деятельности рабочих союзов и стачек, появляется новый ракурс изображения забастовок глазами и рабочих, и фабрикантов. В индустриальном обществе утверждаются актуальные для эпохи формы взаимоотношений: «Те, кто установили новые мельницы и фабрики, мощные капиталисты XIX века, нанимали на службу рабочих для запуска машин. Новые отношения стали доминирующими в английском обществе: между владельцами и исполнителями, боссами и рабочими, капиталом и трудом» [Haslam 2000: 6].

В этом смысле позиция фабриканта Джона Торнтона кажется рациональной и позитивной. Он рассуждает не столько о своей материальной выгоде и индивидуальном превосходстве, сколько о необходимости бесперебойного производства, на которое он потратил годы каждодневного труда. В его речи нет оскорбляющих достоинство рабочих фраз или намеков на их желание стать хозяевами вместо него. Герой Э. Гаскелл высказывает суждения о личной свободе рабочих и своем отношении к ним, исходя из взаимовыгодного интереса: «Я пола-

гаю, мои интересы идентичны интересам моих рабочих и наоборот» [Гаскелл 2011: 149].

Нейтральная позиция по отношению к рабочим не спасает фабрику Торнтон от забастовки, а затем и от вторжения разъяренной толпы в его дом: голос пытающейся урезонить бунтовщиков Маргарет «заглушили топот бесчисленных ног у самой стены дома и свирепый хор грубых, разъяренных голосов, словно рычащих от удовлетворения, более ужасный, чем сердитые крики несколько минут назад» [Гаскелл 2011: 217]. Одной из причин, подтолкнувшей рабочих на открытое заявление протеста против условий труда, стал приезд ирландцев, согласных за небольшое жалование выполнять аналогичную работу. Качество работы ирландцев быстро разочаровывает хозяев: «...неумело те справляются со своей работой и озадачивают своих новых хозяев крайним невежеством и тупостью» [Гаскелл 2011: 281]. Поэтому после забастовки хозяева раскрывают двери фабрик, чтобы впустить вчерашних бунтовщиков: «Завтра двери фабрик широко распахнутся, чтобы впустить всех, кто устремится на работу хотя бы ради того, чтобы показать, что они не имеют никакого отношения к забастовке» [Гаскелл 2011: 282].

Распределение политической и религиозной активности в романе «Север и Юг» своеобразно. Отец Маргарет — мистер Хейл — был священником Англиканской церкви, но, усомнившись в правильности догматов Церкви, отказывается от сана. «Я страдаю во имя совести, мое дитя... Я должен делать то, что велит мне моя совесть» [Гаскелл 2011: 44], — объясняет пастор дочери свое решение уехать в Милтон. Став в глазах церкви еретиком, изгоем, мистер Хейл вынужден довольствоваться скромным местом частного учителя в промышленном городе «на севере». Верность своей совести дорого обошлась ему: в Милтоне умирает миссис Хейл, семья вынуждена жить в стесненных условиях. Несмотря на это, бывший пастор не изменил своих убеждений. Э. Гаскелл в какой-то момент соединяет проходящих через страдание героев, чьи поступки не совпадают с требованиями официальной церкви и трудового законодательства. Совместная молитва в доме Хейлов, пришедшая на смену «активному» политическому или антицерковному протесту, становится одним из наиболее трогательных моментов в романе: «Маргарет — сторонница Церкви, ее отец — раскольник, Хиггинс — атеист, все вместе преклонили колени» [Гаскелл 2011: 288]. Показательно, что сын мистера Хейла, Фредерик, женился на католичке и «удалялся от той религии, в которой был крещен» [Гаскелл 2011: 318]. Со смертью мистера Хейла религиозные мотивы в романе перестают играть значимую роль, однако и позиция самого героя, и его неожиданный уход из жизни оставляют нас с чувствами сожаления и своего рода недосказанности.

Догматические споры на уровне собственной англиканской церкви, также осознающей необходимость реформ, Э. Гаскелл не анализирует столь так подробно, как это позднее сделает Э. Троллоп: «Мы слишком поспешно объявляем злом всякий раскол в нашей церкви. Умеренный раскол... привлекает внимание к предмету споров, вербует сторонников из равнодушных и учит размышлять над религией» [Троллоп 1970: 167]. Но проблема заявлена. Оксфорд, ставший центром «католического возрождения» [Harrison 1973: 153] и дискуссий вокруг так называемой «высокой» англиканской церкви, в романе присутствует именно в связи с мистером Хейлом: бывший пастор умирает в Оксфорде, где он когда-то учился и где остаются его друзья. В определенном смысле эта смерть сопоставима с искуплением Джона Бартона и возвышением Руфи: мистер Хейл возвращается к своим истокам, его земная миссия завершена, хотя он гораздо меньше «подготовлен» к смерти, чем два предыдущих персонажа. Кроме того, благодаря данной сюжетной линии противостояние промышленного севера и сельскохозяйственного юга в романе дополняется вопросами веры — теоретическими в Оксфорде и практическими, требующими реальной заботы о ближнем, — в Милтоне.

Будучи сторонницей не самой распространенной, унитарной, ветви христианства, но представляя своим творчеством настоящий викторианский литературный канон, Э. Гаскелл во всем выступает за компромисс и толерантные отношения — между людьми, между конфессиями, между классами. Писательницу часто критиковали за утопический подход к решению острых проблем, но фактически она обращает наше внимание, скорее, на поиск наиболее продуктивных методов решения общественных конфликтов. Так, в романе «Север и юг» после забастовки мистер Торнтон сблизился с рабочим Хиггинсом и всерьез занялся улучшением условий труда на производстве. Профессиональный и дружеский союз фабричного рабочего и хозяина сохраняется, даже когда Торнтону приходится объявить о банкротстве: «Мисс Хейл, у меня есть документ, подписанный по кругу моими рабочими и, как я подозреваю, составленный Хиггинсом, в котором они подтверждают свое желание работать на меня, если я снова получу право нанимать рабочих от своего имени» [Гаскелл 2011: 534].

Персонажам, которые не заканчивают свой жизненный путь на страницах произведений писательницы (и чаще всего это главные герои), Э. Гаскелл дает возможность пересмотреть свои жизненные убеждения, осознать ошибки, прийти к счастью через взаимопонимание. Ее героиням Мэри Бартон, Маргарет Хейл, Молли Гибсон достается очень разное образование, зато их воспитание связано с

теми уроками, которые преподносит жизнь и которые не проходят бесследно. Если для Гаскелл «промышленная ситуация — это матрица человеческих отношений» [Linder 1980: 32], то модель компромисса «севера» и «юга» на благо будущего развития промышленности и страны применима и к пониманию ее героями выпавших на их долю испытаний как трудного, но необходимого начала пути к самосовершенствованию.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аникст А. А.* История английской литературы. М.: Учпедгиз, 1956. 464 с.
2. *Гаскелл Э. Мэри Бартон*: Роман / Пер. с англ. Т. Кудрявцевой. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013(а). 544 с.
3. *Гаскелл Э. Руфь* / Пер. с англ. А. Степанова. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013(б). 480 с.
4. *Гаскелл Э. Север и Юг*: Роман / Пер. с англ. В. Григорьевой, Е. Первушиной. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. 544 с.
5. *Проскурнин Б. М.* Английский политический роман XIX века: Очерки генезиса и эволюции. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2000. 286 с.
6. *Сидорченко Л. В., Бурова И. И., Аствацатуров А. А.* История западноевропейской литературы. XIX век: Англия: Учебное пособие для студентов филологических факультетов высших учебных заведений / под ред. Л. В. Сидорченко, И. И. Буровой. СПб.: СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2004. 546 с.
7. *Троллоп А.* Барчестерские башни: Роман / Пер. с англ. И. Гуровой. М.: Художественная литература, 1970.
8. *Beer P.* "Reader, I married him". A study of the Women Characters of Jane Austen, Charlotte Bronte, Elizabeth Gaskell and George Eliot. London: Macmillan Press LTD, 1974. 213 p.
9. *Clark G. K.* The Making of Victorian England. London: Methuen & Co. Ltd, 1965. 311 p.
10. *Easson A.* Elizabeth Gaskell. London etc.: Routledge & Kegan Paul, 1979. 278 p.
11. *Gerin W.* Elizabeth Gaskell. A biography. Oxford: Clarendon press, 1976. 318 p.
12. *Harrison J. F. C.* The Early Victorians 1832—1851. St. Albans, Herts: Panther, 1973. 224 p.
13. *Harrison L.* The most important of all Conservative clubs. URL: <http://www.cityoflondon.gov.uk/things-to-do/visiting-the-city/archives-and-city-history/london-metropolitan-archives/the-collections/Pages/carlton-club.aspx> (дата обращения 17.11.2014).
14. *Haslam D.* Manchester, England: the story of pop cult city. London, Fourth Estate, 2000. 320 p.
15. *Inwood St.* A History of London. London: Macmillan, 1998. 1111p.
16. *Linder Ch.* Fictions of Commodity Culture: From the Victorian to the Postmodern. Aldershot: Ashgate, 1988. 190 p.
17. *The Reform Club* URL:<http://www.londontown.com/LondonInformation/Leisure/The-Reform-Club/150d7/> (дата обращения 17.11.2014).
18. *Williams D.* John Frost: A Study in Chartism. New York: A. M. Kelley, 1969. 355 p.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. С. И. Ермоленко.

УДК 811.161.1'37
ББК Ш141.12-31

ГСНТИ 16.21.51

Код ВАК 10.02.01

Т. И. Галеев
Казань, Россия

T. I. Galeev
Kazan, Russia

**СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ СЛОВ
ГОСПОДАРЬ И ГОСУДАРЬ
И ИХ ДЕРИВАТОВ В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ
ЯЗЫКЕ**

**SEMANTIC TRANSFORMATIONS OF WORDS
“GOSPODAR” AND “GOSUDAR” AND THEIR
DERIVATIVES IN LITERARY RUSSIAN**

Аннотация. Предлагается всесторонний диахронический анализ одного из важнейших концептов русской языковой картины мира, связанного с зарождением власти на Руси. Исследуются глубинные смыслы, непосредственно связанные со взаимоотношением правителей и общества.

Abstract. The article presents an overall diachronic analysis of one of the basic concepts of the Russian linguistic picture of the world, connected with the emergence of power in Russia. It studies the deep meanings which are directly associated with the relations between the rulers and the society.

Ключевые слова: семантика; титулы; фразеология; Древняя Русь; социальный статус; словообразование.

Key words: semantics; title; phraseology; Ancient Russia; social status; word building.

Сведения об авторе: Галеев Тимур Ильдарович, кандидат филологических наук, ассистент кафедры русского языка как иностранного, Институт филологии и межкультурной коммуникации.

About the author: Galeev Timur Ildarovich, Candidate of Philology, Assistant Lecturer of Department of Russian as a Foreign Language, Institute of Philology and Intercultural Communication.

Место работы: Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Place of employment: Kazan (Volga) Federal University.

Контактная информация: 420021, г. Казань, ул. Татарстан, 2, к. 312.
e-mail: ti.galeev@kpfu.ru.

Так как члены общества, находящиеся в определенной иерархии, непрерывно взаимодействуют друг с другом, взаимосвязанными оказываются и называющие их слова, образующие тематические группы. Под тематической группой (парадигмой) понимаются слова, объединенные лексемой, называющей родовое понятие, которое именует понятия одного уровня обобщения. Среди сословных терминов и прочих лексем социальной семантики нас интересуют слова, обозначающие представителей верхушки общества: князь, царь (цесарь), государь, самодержец, император, боярин (барин), дворянин, шляхтич, дружинник. Некоторые титульные наименования были рассмотрены ранее в рамках исследования лексем социальной семантики [Галеев 2011; Галеев 2013; Galeev 2014].

1. К истории лексем *господарь* и *государь* в русской лингвистической традиции

В этимологической литературе лексема *государь* возводится к более ранней лексеме *господарь* [Этимологический словарь русского языка 1959; Фасмер 1986; Школьный этимологический словарь русского языка... 2004; ЭС-СЯ 1987]. Одни исследователи считают процесс перехода *господарь* в *государь* фонетическим [Этимологический словарь русского языка 1959; Школьный этимологический словарь русского языка... 2004], другие предполагают более сложный путь — обратное заимствование из тюркских или финских языков [Вернекер 1913]. Было высказано также мнение, что *государь* получилось из *господарь* в результате контаминации со словами *суд*, *судить* [Историко-этимологический словарь... 2002]. Ни одна из перечисленных точек зрения

не является достаточно аргументированной, и поэтому вопрос о характере перехода *господарь* > *государь* нельзя считать решенным.

Из-за отсутствия четкой позиции относительно характера перехода *господарь* в *государь* А. Золтан ставит под сомнение сам факт существования лексемы *государь* в древнерусском языке до XVII в. [Золтан 2002: 554—590]. А. Золтан считает, что написание «государь» впервые появилось в письменном русском источнике лишь в 1645 г. До этого были распространены лишь написания (старинными буквами) «господарь», «осподарь» и сокращение «гдрь». По мнению А. Золтана, многие переиздатели — от поздних переписчиков летописей до профессиональных историков — сокращение «гдрь» понимали как «государь», что и стало причиной общепринятого мнения, будто написание «государь» появилось еще в языке XIV—XV вв.

Слово *господарь/осподарь* в значении «хозяин» было зафиксировано А. Арциховским и В. Борковским в новгородской берестяной грамоте № 247, датированной еще XI в.: «**А господарь въ нетажъ, недѣе**» [Арциховский, Борковский 1963: 69—71]. Слово встречается также в отрывочной грамоте № 465 первой половины XV в., где оно употреблено уже в качестве наименования титула, по мнению издателей, по отношению к князю Константину Дмитриевичу: «**[к осподи]ну к осподар[ю]**». Издатели относят данную грамоту к 1420 г. [Арциховский, Янин 1978: 61—63].

И. Срезневский обнаружил лексему *господарь* со значением «хозяин» в Синайском патерике XI—XII вв.: «**Не въдущо господарю нивѣ**». В ряде грамот и юридических документов слово *господарь* подвергается терми-

нологизации, обозначая «владелец имущества, скота или холопа»: **«А кто конь купить князь боярин, или купечь, или сирота, а будет в коне червь или проест, а то пойдет к осподарю, у кого будет купил, и тому свое серебро взяти опять взад»** [Срезневский 1890—1912] (далее — *Срезн.*).

На основе приведенного материала А. Золтан делает важные для данного исследования выводы: «Слово (г)осподарь ‘хозяин’ в XV в. было еще известным на всей восточнославянской территории», в то же время «в землях, вошедших к концу XV в. в Московское государство, слово *(э)осподарь* как элемент великокняжеского (или любого) титула до XV в. не засвидетельствовано». Слово *господарь* в значении «монарх» было широко распространено в качестве титула в Московской Руси в XV в.

Этой историко-семантической стороне вопроса в этимологической литературе уделяется мало внимания; обычно игнорируется факт, что *господарь* является общеславянским только в значении «хозяин, владелец», а не как наименование титула главы государства. Можно согласиться с данными исследования этимолога А. Золтана относительно развития полисемии лексемы *господарь*, но его утверждения относительно отсутствия слова *государь* в русском языке до XVII в. противоречат данным «Материалов для словаря...» И. Срезневского. Это слово было чрезвычайно распространено и многозначно в языке древнерусского периода, о чем свидетельствует тот факт, что у него еще до XVII в. было зафиксировано четыре значения:

1. «Господин, владелец» (**Злѣ гдѣрь, иже челядь свою томить босотою и наготою и дѣлом не по силѣ — XVI в.**);

2. «Титул великого князя, царя и короля» (**Гднѹ гдѣрю великому князю Ивану Васильевичю — XV в.**);

3. «Титул архиепископа и патриарха как высшей духовной власти» (**Пресвятѣйшему господину и государю отцу моему Макарию, митрополиту всея Русіи — XVI в.**);

4. «Титул Новгорода» (**Вся пять концовъ, весь государь Велики Новгородъ — XV в.**).

Как видно из примеров и их датировки, до XIII в. лексема *государь* не выполняла сословных функций, т. е. не являлась наименованием титула, но служила наименованием владельцев имущества, челяди. С древнейших времен *государь* — это «хозяин, владелец». В памятниках церковной письменности XI—XIV вв. *господарем* или *государем* называется «хозяин нивы и собственник челяди» [ЭСБЕ]. Так как лексема *государь* была очень частотной, в частности в языке юридических документов, таких как Русская Правда, с течением времени некоторые словосочетания со словом «господарь» подверглись терминологизации.

Так, на рубеже XIII—XIV вв. возникали конструкции наподобие **«Король Полскии, Литовски и Руски иных земель гдѣрь»** [Срезн.], которые автор «Материалов для словаря...» использует в качестве примера к одному из значений лексемы *государь* — «титул великого князя, царя и короля», хотя не исключено, что в данном контексте эта лексема используется в значении «господин, владелец», т. е. дословно «владелец польских, литовских и некоторых русских земель», а по средневековой концепции государственного устройства монарх де-факто являлся «владельцем земель».

Позже в официальных документах конструкции «государь + прилагательное + земель» и «государь земель + прилагательное» уступают конструкциям «государь и великий князь» и «царь и государь», которые впоследствии сменили титулы «господарь всея Руси», «государь всея Руси» и «царь всея Руси».

Синонимия слов *царь* и *государь* сохранилась и в современном русском языке, в отличие от синонимии лексем *государь* и *господин*, вторая из которых использовалась для обращения к высшим представителям светской («царь и великий князь»), а затем и духовной («архиепископ и патриарх») власти и их номинации: **«Се язъдалъ есми ту свою вотчину Бело озеро своему господину и государю великому князю Ивану Васильевичю всея Руси»** (1486 г.); **«пресвятейшему господину и государю преосвященному отцу нашему архиепископу»** (1535 г.).

Титул *государь* в качестве своеобразного предиката в древнерусском языке также употреблялся по отношению к городу Великий Новгород, придавая ему величественность, исключительность. В то время как любое княжество находилось под властью авторитарного правителя, князя, который мог передавать свою власть по наследству, в Новгородской республике была установлена демократическая форма правления, и жители этого «государства в государстве» титул *государя* присудили, как ни странно, городу, при этом князя московского новгородцы называли только *господином*.

Согласно данным ЭСБЕ, в XVII в. термин *государь* на регулярной основе заменялся на *боярин*. В Соборном уложении 1649 г. хозяева старинных и кабальных холопов называются *боярами*. Из этого следует, что лексема *боярин*, заменяя лексему *государь*, могла терять соотнесенность с определенным сословием в том случае, когда тот или иной владелец, хозяин, собственник, названный *боярином*, в действительности к боярскому сословию не принадлежал. Однако эта тенденция распространения не получила и была отмечена только в языке XVII в.

2. История семантических преобразований слов *господарь* и *государь* в русском языке указанного периода: явления синонимии в синхронии и диахронии, формирование многозначности у лексемы *государь*, особенности современных значений приведенных лексем

Главной особенностью развития полисемии у слова *государь* в XVIII в. является семантическое сближение лексем *господин* и *государь* при утрате описанной выше соотносительности с титулом представителя духовной власти. Если раньше *господином* называли в основном архиепископа или патриарха, то в Словаре Академии Российской [САР 1789] звание *государь* «придается к особам, коим мы обязаны воздавать почтение, или учтивость».

В XVIII в. титул *государь*, согласно статье Словаря Академии Российской, может применяться не только к царю, императору, но и к «особам царского рода», и в частности к цесаревичу. Что касается лексемы *господарь*, то в словарях XVIII и XIX вв. [САР 1789; САР 1806—1822] она определяется только как «бывший титул князей Молдавии и Валахии». Такие значения интересующего нас слова *господарь*, как «хозяин», «титул правителя» или «господин», в этих словарях не отражены. Подобными семантическими оттенками в указанных словарях XVIII и XIX вв. обладает лексема *государь*.

3. Фразеологические единицы с лексемой *государь*

В словарях Академии Российской XVIII и XIX вв. и «Словаре церковно-славянского и русского языка» [СЦСРЯ 1847] (далее — СЦСРЯ) отмечаются значения существительного *государь* «обращение к лицу, обладающему титулом государь». Предполагается, что лексема *государь* может располагаться перед титулом (*государь император*) или перед именем собственным (*Государь Пётр Великий*). В первом случае *государь* является обращением, а во втором — либо обращением, либо наименованием титула в зависимости от положения того, к кому оно адресовано.

В письменной речи особенно распространено выражение *милостивый государь*, которое окончательно теряет соотносительность с одноименным царским или патриаршим титулом. Словоупотребление *милостивый государь* вплоть до революции 1917 г. часто употреблялось в дворянской и интеллигентской среде как нейтральная форма обращения: *Прощайте, милостивый государь* (А. Радищев).

Однако и в дореволюционное время следует разграничить выражения *милостивый государь* и *всемилостивейший государь*, которое использовалось чаще при обращении к главе государства. В пятом пункте статьи в СЦСРЯ, посвященной слову *государь*, указано, что исследуемое существительное использу-

ется в качестве обращения «в прошениях на высочайшее имя» (*всемилостивейший государь*), «в представлениях к Великим Князьям» (*милостивейший государь*), т. е. к родственникам императора, и «в письмах к частным лицам» (*милостивый государь*). В. Даль в своем словаре [Даль 1989—1991] (далее — СД) добавил, что «к равному» по социальному положению лицу можно обращаться *милостивый государь мой*, а «к низшему» — *государь мой*. Если словом *государь* называют человека, не обладающего высшим социальным статусом, то можно говорить о нормированном для этикетной идиоматики семантическом переосмыслении титула главы государства. В эпистолярном жанре эту лексему положено использовать для того, чтобы проявить свое уважение к адресату сообщения.

Таким образом, за счет упомянутых правил эпистолярного этикета происходит дальнейшее развитие полисемии слова *государь*: теперь *государем* можно называть не только могущественного и уважаемого человека, но и равного, и даже того, кто находится по социальному статусу ниже говорящего.

Другое важное уточнение, сделанное автором «Толкового словаря живого великорусского языка», касается вопроса разграничения значений слова *государь* — «титул» и «обращение». Если лексема *государь* стоит перед словом «император, великий князь», то она выступает как обращение, синонимичное слову *господин* (*Государь Император*, *Государь Великий Князь*), а если *государь* располагается перед именем собственным, то в таком случае *государь* — это сан и титул (*Государь Павел I*).

Также СЦСРЯ и СД указывают на уже встреченное ранее учтивое наименование *Государь Великий Новгород*, проводя параллели с не менее учтивым наименованием *Господин Псков*, а также отмечают значения лексемы *господин* «хозяин, владыка, барин, помещик, вельможа» как архаичные. Соотносительность слова *господин* с наименованием титула духовной власти к середине XIX в. уже не прослеживается ни в СД, что неудивительно, так как этот словарь отражает живой язык, ни в СЦСРЯ, что кажется неожиданным, так как этот словарь, наоборот, должен отражать архаичные значения слов, особенно относящихся к церковной лексике.

У лексемы *господарь* в СЦСРЯ, помимо уже упомянутой ранее в Словаре Академии Российской дефиниции «бывший титул князей Молдавии и Валахии», вновь указываются древние значения «государь» и «господин». Те же значения приводятся и во всех последующих словарях русского языка. Отсутствие изменений в лексическом плане доказывает переход лексемы в разряд другого пласта лексики, а именно историзмов.

В лексикографических источниках XIX в. у лексемы *государь* было обнаружено больше значений, чем в словарях других исторических

периодов. Указанная ниже схема (см. рис.) аккумулирует данные отражения своеобразных семантических особенностей лексемы *государь* и показывает взаимосвязь всех перечисленных словарных дефиниций этого слова.

Как видно из приведенной схемы, значения, указанные на I уровне («хозяин, господин,

владелец») и II уровне («титул», «вежливое обращение», «метафора»), были наиболее древними: существовали еще до XIV—XV вв. Значения лексем, характерные для слов III уровня, появились в XV—XVIII вв. Значения слов в нижних уровнях — в XIX в.

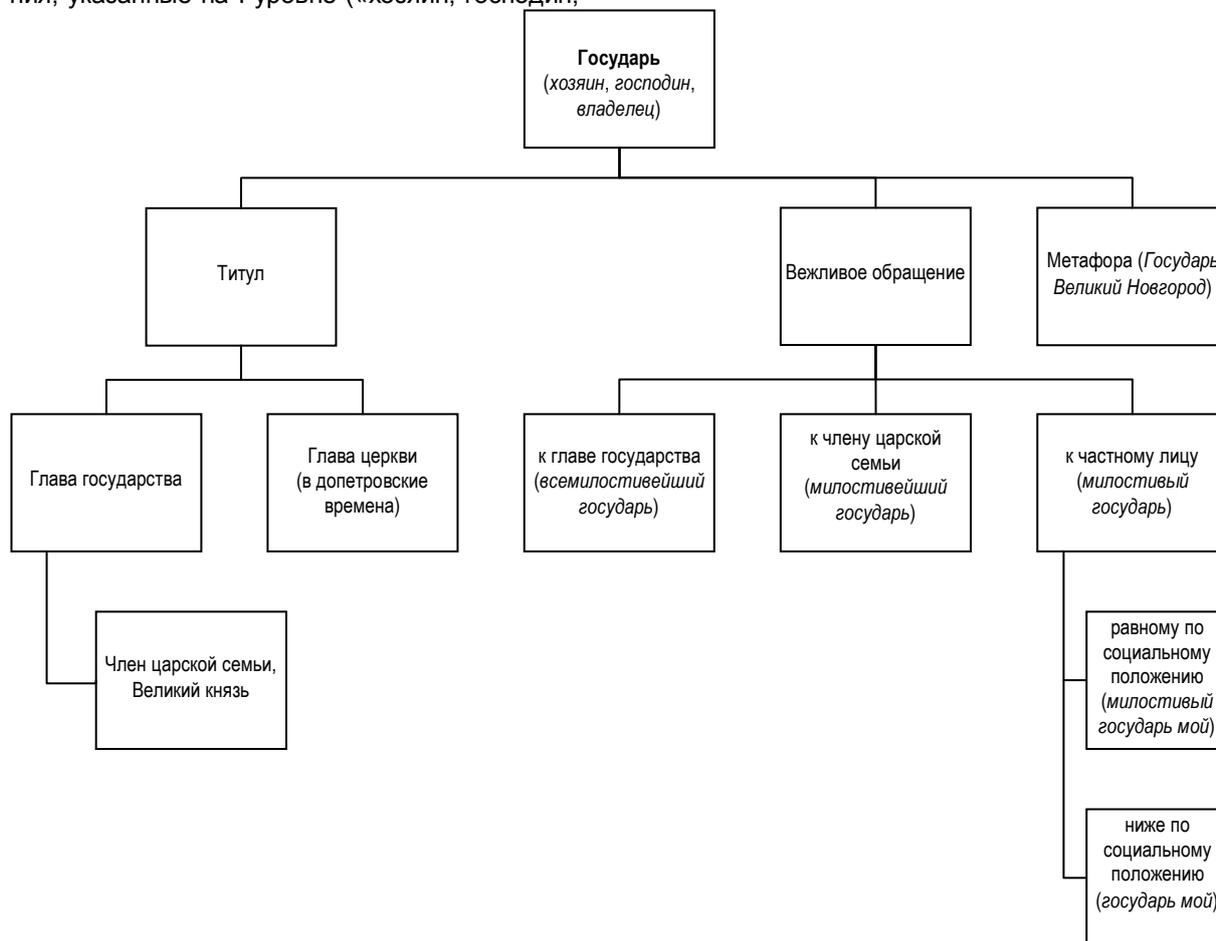

Рис.

К концу XIX — началу XX в. лексема *государь* утрачивает свою былую многозначность, и такие лексикографические источники, как толковый словарь Д. Н. Ушакова [Толковый словарь русского языка 1935—1940] (далее — СУ) и толковый словарь С. И. Ожегова [Толковый словарь русского языка 1992] (далее — СО) выделяют по два значения указанного слова, причем каждый из словарей фокусирует внимание на разных аспектах функционирования этой лексемы в дореволюционной России. В СУ в качестве основного значения указано «монарх, глава государства» с пометкой «дореволюционное, официальное». В качестве дополнительного — «слово, прилагавшееся к титулу лиц императорского дома». В СО наряду с видовой характеристикой слова *государь* «единовластный правитель, царь» встречается более частная — «в Древней Руси: князь-правитель». Таким образом, в двух словарях первой половины XX в. зафиксированы три значения слова *государь*. Указанные

словари отметили существование и устаревшей формулы вежливого обращения *милостивый государь* или *государь мой*. В СО отражена синонимия приведенных обращений — *милостивый государь* и *государь мой*, хотя, как было отмечено выше, между ними есть определенная разница, заключающаяся в предполагаемом социальном неравенстве адресата и адресанта сообщения.

В современных словарях [Большой толковый... 1998; Новый словарь русского языка... 2000] (далее соответственно СК и СЕ) в качестве основного значения лексемы *государь* указаны «глава монархического государства; царь, император» и «почтительное обращение к своему господину», при этом в СК отмечено, что обращение «государь» применимо к «должностному лицу» и к «старшему в семье» (*государь ты наш, батюшка родимый!*).

Последнее утверждение достаточно спорно, так как составителями словаря не была учтена историческая синонимия лексем ба-

тюшка, государь и царь, что находит свое отражение в идиоматических выражениях *царь-батюшка* и *государь-батюшка*: *Я б для батюшки-царя // Родила богатыря* (А. Пушкин); *Батюшка-государь Иван Васильевич, дай Бог ему здоровья, таки миловал господина моего* (А. Н. Толстой). В том же СК приведенные семантические отношения отражены в статье, посвященной слову *царь*.

В современном русском языке лексема *государь* обладает семантической гибкостью и активно используется при необходимости избежать повторения в текстах, заменяя множество синонимичных лексем, обозначающих общее, классифицирующее понятие «глава государства» (*правитель, монарх, высочайшая особа, коронованная особа*), а также титулы и наименования правителей России (*князь, самодержец, царь, порфиноносец, скипетродержец, единодержец, помазанник божий, венценосец, властодержец, скипетроносец*) или титулы и наименования правителей иностранных государств (*король, падишах, император, хан, сюзерен, шахиншах, шах*) и, наконец, обращения (*господин, Ваше Величество*) [Абрамов 1999]. Любое из этих слов и выражений может быть заменено существительным *государь* без смысловых и стилистических погрешностей.

Во фразеологии лексема *государь* сохранилась в основном в архаических междометиях: «*государь братцы!*» и «*государь мои батюшки!*» [Большой словарь русских поговорок 2007], представляющих собой восклицания, выражающие сильное удивление, изумление, в которых используется исследуемая лексема *государь* во множественном числе, что и приводит к своеобразному конфликту содержания и формы.

В некоторых идиоматических выражениях, таких как «*государя вопить, кричать*» («криком взывать о помощи, защите») и «*хоть государя кричи*» («о состоянии крайнего отчаяния»), значение, связанное с наименованием титула, у лексемы *государь* сохранилось.

Любопытно, что в современном школьном жаргоне директора школы иногда шутивно-иронически называют «великим государем» [Там же].

4. Особенности словообразовательного гнезда с центральной лексемой **государь**

Лексема *государь*, в отличие от *господарь*, была продуктивна в деривационном аспекте. От нее образованы слова различных частей речи: прилагательные (*государев, государский*), существительные (*государыня, государич, государство*), глаголы (*государиться*), а также их производные, относящиеся к различным частям речи (*государственный, государствовать, государствование*).

Наиболее близкими и в то же время древними считаются те производные лексемы, которые обозначают семейно-родственные отношения: *государич* — «сын государев», *госу-*

дарыня, которая наряду с конкретным значением «верховная владетельница или супруга государева» (*государыня императрица Елизавета Петровна*) способна обладать и более общей дефиницией «придается к титулам особ императорской фамилии» (*государыня великая княгиня; государыня великая княжна*) [СЦСРЯ]. По аналогии с семантическим процессом, в результате которого сформировалось обращение *милостивый государь* на базе слова *государь*, на основе слова *государыня* формируется достаточно частотное обращение *милостивая государыня*.

В современных лексикографических источниках не отражено у лексемы *государь* значения «особа императорской фамилии», поскольку дочерей (сестер, племянниц и т. п.) императора, как правило, *государынями* не называли. Словарные статьи по отраженным особенностям словоупотребления лексемы *государыня* близки к статьям, посвященным слову *царица*. В обеих статьях у приведенной лексемы отмечены два значения: «правительница», когда говорится о единоличной обладательнице власти (*государыня Екатерина Алексеевна*), и «жена правителя», если верховной властью обладает ее супруг (*государыня Мария Федоровна*) [СЕ].

Притяжательное прилагательное *государев* и относительное прилагательное *государский*, судя по данным СЦСРЯ, лексически тождественны. Авторы словаря у каждой из приведенных лексем отмечают по два значения: «принадлежащий *государю*» (*государев крестьянин*), «подобный *государю*» (*государева, государская служба*) и «от *государя* издаваемый, подтверждаемый» (*государев, государский указ*). В словарях более позднего периода значения указанных прилагательных объединены, несмотря на наличие лексического тождества и семантической избыточности у каждого из них. Так, по аналогии с прилагательными *царев* и *царский* значения могли распределиться следующим образом: у прилагательного *государев* значение «*государю принадлежащий*», а у *государский* — «от *государя* издаваемый». Тем не менее со временем более употребительным становится относительное прилагательное со словообразовательным формантом *-ск(ий)* — *государский*, которое постепенно вытеснило соответственный притяжательный аффикс *государев*.

У прилагательного *государынин* в Словаре Академии Российской XVIII в. и в некоторых словарях XIX в. зафиксировано два значения: «государыне принадлежащий» (*государынино платье*) и «государыне повеленный, определенный» (*государынин указ*) [САР 1806—1822; СЦСРЯ].

Производные лексемы от соответствующего *государь* в силу общего стремления к развитию полисемии продолжают функционировать в языке уже после свержения монархической

власти, но в новом отвлеченном значении (*государство, государственный*). Так, в современном языке продолжают существовать лексемы *государство* и *государственный*, практически полностью утратившие соотнесенность с таким словом, как *государь* (в значении «монарх»), которое практически не функционирует в языке.

Слово *государство* как производная лексема от соответствующего *государь* характерно для древнерусского языка в нескольких значениях. В языке письменных источников XV и XVI вв. это и «царство» (**Буди же мѣсть и блѣгодпѣ Гѣ Бѣ на моемъ снѣ на великомъ князѣ и на снѣхъ и внуцехъ съ вѣликимъ ихъ гоуьствомъ и со всѣми блѣговѣрными князи**), и «титул государя» (**наияснѣйшій великій княже, тые рѣчи, которые есми росповѣдиль наияснѣишому гоударьству вашому** [НКРЯ]). Возможно, известное в древнерусском языке обращение-титул *ваше государство* является своеобразным аналогом пришедшего ему на смену обращения *ваше величество*.

Выражение *государство ваше* не зафиксировано в лексикографических источниках XVIII в. и позднее: в Словаре Академии Российской у слова *государство* отмечено лишь два значения — прямое «земля и страна, обладаемая государем; царство» (*странствовать по европейским государствам*), а также переносное (метонимичное) «народ» (*всѣ гоударство возрадовалось*).

В СЦСРЯ дополнительно отмечено архаичное значение существительного *государство* — «государская власть» (*Сами гоударилися как хотели, а с меня гоударство сняли*). Выражение «на *государство* поздравлять» («ближние и всяких чинов люди на *государство* его поздравляли») в языке не было особенно частотным в силу большего распространения близких по смыслу аналогичных выражений с лексемой *царство* (*венчание на царство; избрание на царство*).

В связи с утратой соотнесенности существительными *государство* и *государь* в современном языке слово *государство*, исходя из данных СО, приобрело 2 новых значения:

- «политическая организация общества, осуществляющая его управление...» (*демократическое государство; законы государства; теория государства; во главе государства*);
- «страна, находящаяся под управлением той политической организации» (*африканские государства; европейские государства*).

Иногда *государством* называется «система органов управления, правительство» («государство заморозило вклады населения», «государство не помогает бедным») [СК]. Возможно, именно это значение было использовано в крылатой фразе, приписываемой Людовика XIV: *Государство — это я!*

Понятие «*государство в государстве*», столь часто используемое в отечественной публицистике и журналистике, означающее «организацию, существующую внутри другой как самостоятельная структура» [СК], может иметь следующие значения:

1. Страна. *Государство в государстве* — *Ватикан обладает такими сокровищами античного искусства, как Аполлон Бельведерский, Лаокоон, Бельведерский торс и т. д.* («Туризм и образование»).

2. Город. *Москва — это отдельное государство в государстве* («Октябрь»).

3. Ведомство. *Государство в государстве: власть реальная ГПУ и его дальнейших превращений* (Г. Горелик, А. Сахаров).

4. Коммерческие фирмы. *Господа, следует четко понимать, что Ходорковский с компанией строил ЮКОС как государство в государстве* («Лебедь») [НКРЯ].

Следует отметить, что, несмотря на фиксацию данного фразеологизма в лексикографических источниках, значение лексемы в составе фразеологизма соответствует формулировкам словарных статей. Когда при упоминании КГБ или ЮКОСа автор называет их *государством в государстве*, он не имеет в виду ни «страну, находящуюся под управлением той политической организации», ни саму «политическую организацию общества», ни даже «систему органов управления, правительство». В данном случае лексема *государство* подвергается метафоризации, и у нее появляется значение «структурное подразделение, находящееся внутри другого структурного подразделения». Возможно, со временем этот семантический оттенок значения найдет свое отражение в словарях.

От существительного *государство* образуется прилагательное *государственный*, также характеризующееся многозначностью. Если изначально у лексемы *государство* в «Материалах для словаря...» выделялось только одно значение — «относящийся к государству» (*государственные дела*), то в СД их уже десять. Рассмотрим развитие полисемии у этой лексемы на протяжении последних трех веков. В Словаре Академии Российской у лексемы *государственный* отмечалась двоякая соотнесенность — с лексемами *государь* (первое значение — «государю принадлежащий», например, «государственные крестьяне») и *государство* (второе значение — «государству принадлежащий», например, «государственные доходы»).

В языке XIX в. соотнесенность с лексемой *государь* утрачивается, возможно, из-за отсутствия необходимости делать различие между термином «государственная собственность» и выражением «собственность государя», так как *государственные крестьяне*, находящиеся в собственности *государя*, де-факто принадлежали *государству*.

В языке XX в. прилагательное *государственный* подверглось процессу метафоризации. В СУ наряду с упомянутым выше основным значением этого прилагательного появляются значения «обладающий большими административными способностями» (*государственный ум; государственный человек*) и «такой, что может оказать влияние на положение дел в государстве» (*дело государственной важности; государственная тайна*). В первом случае прилагательное *государственный* является синонимичным прилагательному *глобальный*. От относительного прилагательного *государственный* с указанным выше значением образуются наречия типа *государственно, по-государственному* (*мыслить государственно, по-государственному*).

В СО на основе перечисленных значений лексемы *государственный* формируются терминологизированные устойчивые словосочетания *государственное право* («правовые нормы общественного строя»), *государственный язык* («официальный язык»), *государственная измена* («политическое преступление») и метафорическое словосочетание *государственная машина* («система аппарата государственного управления»).

В СК наряду с упомянутыми примерами употребления прилагательного *государственный* приводятся словосочетания *государственные экзамены* («выпускные экзамены в высших и средних специальных учебных заведениях, принимаемые специальной комиссией»), *государственный стандарт* («утверждаемые правительственным органом требования к выпускаемой продукции, обязательные для всех предприятий»), *государственное преступление* («преступление, наносящее ущерб интересам государства»).

В СЕ и СД приведенные семантические особенности перечисленных устойчивых словосочетаний были выделены как отдельные значения прилагательного *государственный*:

- «участвующее в управлении какой-либо страной, призванное заботиться о ее безопасности, экономическом развитии, здоровье и благосостоянии граждан» (*государственный пенсионный фонд; государственный таможенный комитет; государственная дума*);

- «принадлежащее всем жителям какой-либо страны» (*государственные богатства; государственные средства, деньги; необходимо эффективнее управлять государственной собственностью*);

- «принятое, разработанное правительством или законодательным органом какой-либо страны и обязательное для соблюдения, выполнения на всей ее территории» (*необходимо разработать государственную программу поддержки переселенцев и беженцев*);

- «финансируемое правительством страны из ее бюджета» (*государственное издательство; большинство абитуриентов*

стремятся попасть в государственный, а не в частный вуз);

- «выпущенное правительством какой-либо страны для поддержки ее экономики» (*государственные акции, облигации; государственный вексель*).

Как видно из приведенных примеров, на данном этапе развития полисемии у субстантивного деривата *государственный* соотносительность с лексемами *государь* и *государство* утрачена.

Другие лексемы в словообразовательном гнезде слова *государь* — *государствовать* (изначально «быть государем» [СД], позднее — «управлять государством» [СЕ]), *государствование* (процесс по глаголу *государствовать*, а также «период правления какого-либо государя» [СЕ]).

Последний глагол синонимичен глаголу *государиться*, который означает «брать на себя государскую власть» (*сами государились какь хотѣли, а съ меня все государство сняли*) [НКРЯ].

Выводы

В языке существовали конструкции, применимые только к российским монархам. Так, если наименование *государь* можно справедливо применять при переводе на русский язык званий, чинов, санов глав иностранных государств, о чем свидетельствует хотя бы название трактата Н. Макиавелли «*Государь*», то идиоматическое обращение *Государь всея Руси* применимо только к российскому правителю. Такая конструкция — «титул монарха» + «всея Руси», использованная в титуле *Великий князь всея Руси*, а со временем и *Царь всея Руси*, носила определенный идеологический характер во времена централизации, объединения русских земель вокруг Московского княжества [Успенский 1998].

ЛИТЕРАТУРА

1. Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1956—1957 гг.). — М., 1963.
2. Арциховский А. В., Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1962—1976 годов). — М., 1978.
3. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. — М.: Олма Медиа Групп, 2007.
4. Большой толковый словарь русского языка = СК / под ред. С. А. Кузнецова. — СПб.: Норинт, 1998.
5. Галеев Т. И. Функциональные особенности личных имен социальной семантики барин и боярин в русской языковой картине мира XVIII—XX вв. / Т. И. Галеев // Учен. зап. Казан. ун-та. 2011. Т. 153, кн. 6. С. 57—66.
6. Галеев Т. И. Функциональные особенности лексемы «князь» // Вестн. Чуваш. ун-та. 2013. № 1. С. 143—147.
7. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка = СД: в 4 т. — М.: Рус. яз., 1989—1991.
8. Золтан А. К предьстории русск. «государь» // Из истории русской культуры. Киевская и Московская

Русь / сост. А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский. — М.: Языки славянск. культуры, 2002. Т. 2, кн. 1. С. 554—590.

9. *Историко-этимологический* словарь современного русского языка : 13 560 слов : в 2 т. / под ред. П. Я. Черных. Изд. 5-е, стер. — М.: Рус. яз., 2002.

10. *Малый* энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона = ЭСБЕ / сост. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. — СПб.: Изд. о-во Ф. А. Брокгауз — И. А. Ефрон, 1907—1909. (В совр. орфогр.).

11. *Новый* словарь русского языка. Толково-словообразовательный = СЕ / под ред. Т. Ф. Ефремовой. — М.: Рус. яз., 2000.

12. *Словарь* Академии Российской = САР. — СПб.: Имп. Акад. наук, 1789.

13. *Словарь* Академии Российской = САР. — СПб.: Имп. Акад. наук, 1806—1822.

14. *Словарь* русских синонимов и сходных по смыслу выражений / под ред. Н. Абрамова. — М.: Рус. словари, 1999.

15. *Словарь* церковно-славянского и русского языка = СЦСРЯ : в 4 т. / сост. Вторым отд. Академии Наук. — СПб.: Имп. Акад. наук, 1847.

16. *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 4 т. — СПб.: Имп. Акад. наук, 1890—1912.

17. *Толковый* словарь русского языка = СО / под ред. С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой. — М.: Азъ, 1992.

18. *Толковый* словарь русского языка = СУ : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. — М.: Гос. ин-т «Советская

энциклопедия» : ОГИЗ (т. 1) ; Гос. изд-во иностранных и национальных словарей (т. 2—4), 1935—1940.

19. *Успенский Б. А.* Царь и патриарх: харизма власти в России. Византийская модель и ее русское переосмысление. — М.: Языки рус. культуры, 1998.

20. *Фасмер М.* *Этимологический словарь русского языка.* URL: <http://vasmer.narod.ru/> (дата обращения: 04.10.2014).

21. *Школьный* этимологический словарь русского языка. Происхождение слов / под ред. Н. М. Шанского, Т. А. Бобровой. Изд. 7-е, стер. — М.: Дрофа, 2004.

22. *Этимологический* словарь русского языка / под ред. А. Г. Преображенского. — М.: Изд-во иностранных и национальных словарей, 1959.

23. *Этимологический* словарь славянских языков. Пра-славянский лексический фонд = ЭССЯ. Вып. 13 / под ред. О. Н. Трубачёва. — М.: Наука, 1987.

24. Berneker E. *Slavisches etymologisches Wörterbuch.* A—mor'é. — Heidelberg : Winter, 1913.

25. *Galeev T.* Russian Titles in the Context of Russian Culture. History of the title TZAR (king) and its derivatives in Old Slavic, Ancient Russian and modern Russian languages // Proceedings of the International Conference on Education, Language, Art and Intercultural Communication. — Atlantis Press. P. 415—419. ISBN: 978-94-6252-013-4, ISSN: part of the series ASSEHR, ISSN 2352-5398, vol. 3.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова.

УДК 821.161.1-343.4«19»
ББК Ш33(2Рос=Рус)6-445

ГСНТИ 70.82.70; 16.21.33

Код ВАК 10.01.01

В. А. Денисенко
Екатеринбург, Россия

V. A. Denisenko
Ekaterinburg, Russia

**АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН И ФАЗИЛЬ
ИСКАНДЕР: ОБ ОДНОМ НЕУЧТЕННОМ
ИСТОЧНИКЕ ФИЛОСОФСКОЙ СКАЗКИ
«КРОЛИКИ И УДАВЫ»**

**ALEKSANDR SOLZHENITSYN AND FAZIL
ISKANDER: ABOUT ONE LITERARY SOURCE OF
“RABBITS AND BOA CONSTRICTORS” THAT HAS
NOT BEEN TAKEN IN ACCOUNT YET**

Аннотация. Рассматривается философская сказка Фазила Искандера «Кролики и удавы», анализируются иносказательные образы сказки и их связь с образами из книги Александра Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ». Написанный несколькими годами ранее «Кроликов и удавов», «Архипелаг» стал одним из источников сказки. Обращение к этому источнику позволяет более однозначно интерпретировать текст Ф. Искандера, написанный эзоповым языком, а также проследить происхождение метафоры «кролики и удавы», закрепившейся в политическом словаре российской интеллигенции.

Abstract. The article is devoted to the philosophical fairy-tale “Rabbits and boa constrictors” by Fazil Iskander. The paper observes allegorical images of the fairy-tale and their connection with the images of “The Gulag Archipelago” by Aleksandr Solzhenitzyn. Written several years earlier than “Rabbits and boa constrictors”, “Archipelago” became the one of the fairy-tale’s sources. Referring to this source, we can make the interpretation of Iskander’s text, which is written in Aesopian language, more clearly, and also trace the origin of the metaphor “rabbits and boa constrictors”, which is entrenched in political vocabulary of Russian intelligentsia.

Ключевые слова: Искандер; Солженицын; «Кролики и удавы»; «Архипелаг ГУЛАГ»; эзопов язык; иносказание.

Key words: Iskander; Solzhenitzyn; “Rabbits and boa constrictors”; “The Gulag Archipelago”; allegory; the Aesopian language.

Сведения об авторе: Денисенко Валерия Алексеевна, аспирант, кафедра русской литературы XX—XXI вв., филологический факультет; ассистент, кафедра русского языка для иностранных учащихся, филологический факультет, Институт гуманитарных наук и искусств.

About the author: Denisenko Valeria Alekseyevna, Post-graduate Student of Department of Russian literature of the XX—XXI Centuries, Philological Faculty; Assistant Lecturer of Department of The Russian language for Foreign Students, Philological Faculty, Institute of Humanities and Arts.

Место работы: Уральский Федеральный университет им. Б. Н. Ельцина.

Place of employment: Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Eltsyn.

Контактная информация: 620083, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51.
e-mail: rius2012@bk.ru.

Философская сказка «Кролики и удавы» изначально была опубликована за рубежом — в «тамиздатовском» журнале «Континент» в 1980 году (№№22-23). В СССР ее напечатали только в 1987 году в «Юности» (№9). Произведение получило определенный читательский резонанс[1], а также стало предметом критических статей [Троль 1981/2; Чупринин 1987; Казинцев 1988; Соловьев 1990; Нефагина 1998; Липовецкий 1988; Липовецкий 2000; Угроватова 2007; Хлебников 2011;] и научных исследований [Иванова 1990; Коззль 2006; Шевель 2012]. При этом значительная часть наблюдений, сделанных критиками и литературоведами, касалась иносказательных образов сказки, которые традиционно интерпретировались с опорой на историко-политический контекст. Данная статья посвящена ранее не учтенному исследователями — литературному — источнику текста Ф. Искандера — книге А. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ». Обращение к этому источнику способствует более точной интерпретации сказки, написанной эзоповым языком, а также позволяет проследить этимологию выражения «кролики и удавы» — метафоры, укоренившейся в российской журналистике.

В литературоведении до сих пор нет точного мнения о том, когда были написаны «Кролики и удавы». Так, с одной стороны, исследователь Н. Б. Иванова полагает, что Искандер работал над сказкой в 1972-1973 гг. [Иванова

1990: 19], о 1973 годе пишут Т. Ю. Угроватова [Угроватова 2007] и Г. Л. Нефагина [Нефагина 1998]. М. Н. Липовецкий в статье «Знаменитое чегемское лукавство: странная идиллия Фазила Искандера» предполагает, что свою сказку прозаик «по-видимому, писал параллельно со многими новеллами из чегемского цикла» [Липовецкий 2000], которые, в конечном итоге, составив роман «Сандро из Чегема», были опубликованы в журнале «Новый мир» в 1973 году (№№8-11). С другой стороны, литератор Дмитрий Быков в книге «Календарь-2» утверждает, что «Кролики и удавы» появились уже после «разгрома» альманаха «Метрополь», в составлении которого Искандер принял участие в 1978 году: «После разгрома альманаха у него [Искандера] рассыпали все книги, остановили все публикации и перестали приглашать на выступления. <...> Он сдал квартиру и уехал жить на <...> писательскую дачу во Внукове. <...> «И тут, — рассказывал он, — наступила полная беспечность. Я понял, что больше у меня ничего не отберут и я совершенно свободен. Разве что посадят, но сажать они уже не хотели. Было чувство, что достиг дна и можно оттолкнуться. Пожалуй, я никогда не был так весел, как в эти полгода» (А что он делал в эти полгода? Писал «Кроликов и удавов», восхитительно беспечную вещь») [Быков 2012]. Комментируя мнение исследователей о том, что книга была написана в начале семидесятых, Д. Быков отмечает: «Искандер со-

© Денисенко В. А., 2014

вершено отчетливо говорил мне в интервью, что писать «Кроликов и удавов» он начал на даче, сдавая московскую квартиру, чтобы было на что жить, и ослепнув на один глаз. Вот там <...> он начал писать абсолютно беспечную вещь, не рассчитанную ни на какую публикацию, исключительно для собственного удовольствия, в состоянии абсурдной эйфории. Это было после разгрома «Метрополя», когда прекратились все публикации.<...> Может, первый набросок этой вещи был сделан раньше. Но в 1973 году, насколько знаю, он писал «Сандро», ни на что особенно не отвлекаясь»[2]. Принимая во внимание тот факт, что одним из источников сказки была книга А. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ», первая часть которой появилась в «тамиздате» в 1973, а последняя — в 1976 году[3], версия Д. Быкова кажется более убедительной.

Стоит отметить, что прежде этот источник сказки не оговаривался исследователями творчества Ф. Искандера. Часть работ была посвящена жанровому своеобразие «Кроликов и удавов» — в них произведение рассматривалось в контексте антиутопической, басенной и сказочной традиции. Так, литературовед М. Н. Липовецкий, еще в рецензии 1988 «Условия игры» заметивший, что «меньше всего «Кролики и удавы», вопреки своему наименованию, похожи на сказку» [Липовецкий 1988: 46], в статье ««Знаменитое чегемское лукавство: странная идиллия Фазиля Искандера»» приходит к следующему выводу: «Хотя уподобление жизни животных социальной и даже политической жизни людей напоминает о традиции животной сказки, басни, а в XX веке — известной сатиры Дж.Оруэлла «Ферма животных», структура «Кроликов и удавов» парадоксальным образом возрождает структурную схему волшебной сказки. <...> [которая] под пером Искандера трансформируется в антисказку» [Липовецкий 2000]. Другой исследователь — Е. А. Шевель пишет, что «термин «философская сказка», применяемый к произведению «Кролики и удавы», в целом фиксирует его жанровый синкретизм: для Ф. Искандера при создании «Кроликов и удавов» продуктивными становятся конститутивные признаки нескольких востребованных в литературном процессе XX в. жанров: утопии, антиутопии, причти и философской сказки (опирающейся на аллегорические традиции сказки и о животных)» [Шевель 2012: 8]. Поскольку и в работах М. Н. Липовецкого, и в исследовании Е. А. Шевель внимание направлено на жанровую специфику текста Искандера, прецедентный слой, обозначенный литературоведами, представлен фольклорными сказками, сказками о животных, литературными сказками, антиутопиями, притчами и баснями.

Такие исследователи, как Н. Б. Иванова, О. С. Козэль, Г. Л. Нефагина и Т. Ю. Угрова-това обращаются к иносказательным образам

«Кроликов и удавов», интерпретируя их с опорой на историко-политический контекст. К примеру, Н. Б. Иванова пишет: «В одном мифическом времени и пространстве Искандер уместает сразу несколько типов авторитарной власти: сталинского (удава) и брежневского (Король и Королева кроликов, «Допущенные к столу» — идеологи кроличьего руководства)» [Иванова 1990: 280]. Схожее объяснение находим у Г. Л. Нефагиной: «Время Великого Питона — тоталитарное государство сталинского типа, время Пустынника — более мягкий авторитаризм брежневского типа. Несмотря на явные параллели, социальное пространство сказки значительно шире — это всякое тоталитарное общественное устройство, а не только конкретное советское общество, хотя многие черты взяты именно из его истории» [Нефагина 1998: 82].

Заметим, что традиция рассматривать иносказательные образы сказки в рамках историко-политического контекста тех лет, когда она была написана, зародилась с момента первой публикации «Кроликов и удавов» в «Континенте». Об этом свидетельствует статья критика журнала «Часть речи» Юлии Тролль, написанная через некоторое время после выхода текста за рубежом. Проводя аналогии между образами сказки и реалиями советской действительности, Ю. Тролль заметила: «Книга «Кролики и удавы» <...> совершенно лишена камуфляжа <...>. Сказка [Искандера] — печальный документ советской эпохи» [Тролль 1981/2: 313]. В частности, Ю. Тролль размышляет об образе Придворного Поэта, который «в основе своем имеет черты и даже биографические факты пролетарского поэта Максима Горького» [Тролль 1981/2: 315]. О том, что «Поэт — образ, явно содержащий пародию на Максима Горького» [Козэль 2006: 69], пишет и исследователь О. С. Козэль, и литературовед Н. Б. Иванова (правда, Иванова отмечает, что «в образе Первого Поэта Искандер, конечно, использовал лишь часть биографии, поведения и государственного мифа о Горьком» [Иванова 1990: 282], связывая образ Поэта в том числе с фигурами В. Маяковского, С. Михалкова и К. Симонова [Иванова 1990: 283]). Действительно, вряд ли кто из читателей не увидел в изображении Придворного Поэта черты писателя М. Горького, так же, как и в образе Великого Питона — Сталина. Поэтому неудивительно, что, когда в 1987 году сказку решено было напечатать в «Юности», «художник изобразил властителя удавов — Великого Питона <...> во френче. Для пушей ясности Питон изображен с руками, одна из которых заложена за борт френча — жест хорошо знакомый читателям старшего поколения, да и не только им, а другая — жест столь же характерный — убрана за спину» [Казинцев 1988: 188]. О том, что и тогда сказка вызывала у читателей довольно определенные политические и истори-

ческие реминисценции, свидетельствует замечание критика В. Соловьева, назвавшего сказку Ф. Искандера «прямолинейной» [Соловьев 1990: 113]. Однако именно в то время — в конце 1980-х — начале 1990-х гг. — сказка попала в эпицентр т.н. «журнальной войны» (ожесточенной полемики между «западно-либеральными» и «патриотически» настроенными изданиями), и это в некоторой степени отразилось на ее интерпретации. Так, после публикации в журнале «Юность», текст получил довольно резкий отзыв в «Нашем современнике». При этом, стараясь предостеречь от произведений Искандера в неблагоприятном свете — как насмешку над «трагедией народа» [Казинцев 1988: 188], критик «Современника» А. Казинцев в некоторой степени исказил авторский замысел. Об этом свидетельствует замечание самого Искандера: «Автор рецензии в слегка завуалированной форме намекает читателю, что под кроликами я имею в виду русских. Меня поразило такое ничем не доказанное утверждение. <...> Если кролики — русские, то кто такие удавы, туземцы, обезьяны?» [Иванова 1990: 274]. Стоит отметить, что неточности и разночтения в интерпретации сказки встречаются и в современных исследованиях. Например, литературовед О. С. Козэль пишет: «В художественной системе Искандера удавы — это империалистические державы, страх перед которыми активно поддерживало советское руководство все годы советской власти. <...> В советское время человек, эмигрировавший за границу, для своей страны становился “проглоченным”, мертвым... “туземцы” — это дружественные социалистические страны, а также некоторые советские республики, у которых активно изымалась “пища”» [Козэль 2006: 68-69]. Подобные погрешности можно, в частности, объяснить иносказательной природой образов сказки, по своей сути, предполагающей неоднозначную интерпретацию. Тем не менее, более или менее однозначно истолковать текст «Кроликов и удавов» позволяет обращение к книге А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ», которая, как уже было отмечено ранее, является одним из прежде не учтенных исследователями творчества Ф. Искандера литературным источником сказки.

Напомним, что в 1970-е гг. книга Солженицына не могла быть опубликована в СССР, но была напечатана на Западе, в парижском издательстве «УМКА-Press». Первая часть вышла в 1973, вторая — в 1974 и третья — в 1975 году. Заметим, что в то время произведения советских писателей, напечатанные за рубежом, пересылались в Советский Союз и, пусть со значительными препятствиями, нелегально, но распространялись в стране по неофициальным каналам. Так что Искандер мог познакомиться с произведением Солженицына сразу, как только оно появилось в «тамиздате» [4]. О том, что знакомство автора «Кроликов

и удавов» с «Архипелагом ГУЛАГом» состоялось именно в 1970-е годы, косвенно свидетельствует замечание самого Искандера, сделанное в 1991 году: «Очень сильное впечатление на меня производило чтение всех книг Солженицына, которые удавалось тогда доставать и читать. С немалыми трудностями. <...> Ну и конечно, «Архипелаг ГУЛАГ»! Я даже не стал его перечитывать сегодня — берегу в себе восприятие тех лет, то огромное, оглушительное впечатление <...>. Я думаю, и явление «ГУЛАГа» в жизни общества 70-х годов, и атмосфера вокруг книги и ее автора, — все это создавало силу электрического поля. Значение этой силы сегодня переоценить невозможно. <...> Его духовное влияние ощущает каждый из нас, причастных к литературному Делу» [Искандер 1991: 64-66]. Слова Искандера о влиянии на него книги Солженицына не были дежурным замечанием. Действительно, чтение «Архипелага» послужило для писателя мощным творческим импульсом. Это подтверждает тот факт, что все основные образы искандеровской сказки прямо отсылают читателей к этому тексту.

К примеру, кроликами Солженицын называет людей, которые, попав под следствие, покорно позволяли «органам» приписывать себе необоснованные, зачастую абсурдные обвинения. Этим же людям, только уже «этапированных» на острова Архипелага ГУЛАГа, Солженицын именуется туземцами (приведем лишь пару примеров: «И только незапрещенными побочными деталями своей биографии оставлял в памяти случайных встречных след о своей погубленной жизни. Вернее, спасти ее он еще надеялся — по-человечески, как миллионы кроликов этой книги» [Солженицын, Т. 1 2006: 495]; «Какой же нибудь безвестный смертный, замерший от повальных арестов и уже неделю угнетенный исподлобными взглядами начальства, вдруг вызван в местком, где ему, сияя, преподносят путевку в сочинский санаторий. Кролик прочувствовался — значит, его страхи были напрасны» [Солженицын, Т. 1 2006: 26]; «Зиновьев, смешно сказать, не просидел и трех месяцев! Не имел ни одного приговора! По сравнению с рядовыми туземцами нашего Архипелага они — младенцы, они не видели тюрьмы» [Солженицын, Т. 1 2006: 377]. Напомним, что в сказке Искандера маленькая мартышка спрашивает у своей мамы: «Уж не от кроликов ли произошли туземцы?» [Искандер 2011: 95]. Не исключено, что для читателей сказки, знакомых также и с текстом Солженицына, этот вопрос мог служить своеобразным паролем к тому, чтобы интерпретировать аллегорические образы «Кроликов и удавов» с ориентацией на «Архипелаг ГУЛАГ». Так, «заглот» кроликов удавами может быть истолкован как метафора следствия во «внутренних органах». Хотя прямого сравнения сотрудников НКВД с удавами в «Архипелаге» нет, но, думается, что на замысел

этого образа Искандера подтолкнуло описание Солженицыным процедуры дознания: «В разные годы и десятилетия следствие по 58-й статье <...> состояло в неизбежной грязной процедуре: недавнего вольного, иногда гордого, всегда неподготовленного человека — согнуть, протолкнуть через узкую трубу, где бы дышать ему было нельзя, так, чтобы взмолился он о другом конце — а другой-то конец вышвыривал его уже готовым туземцем Архипелага и уже на обетованную землю» [Солженицын, Т. 1 2006: 99].

То, что «заглот» кроликов удавами у Искандера можно интерпретировать как следственный процесс в НКВД, подтверждает еще одна деталь. Характеризуя действия работников соответствующих «органов» в отношении их жертв, Солженицын неоднократно использует такие глаголы, как «обработать», «проглотить» и «задушить» (приведем несколько примеров: «Как их обработать? А так: вы жить хотите? <...> Вы понимаете, что расстрелять вас, не выходя из двора ГПУ, уже ничего не стоит?» [Солженицын, Т. 1 2006: 365]; «А мы уже проследили, как «политических» отъединили, удушили и извели» [Солженицын, Т. 2 2006: 234]; «Я думаю, здесь очень уместно бы стал очерк жизни тюремно-лагерных преследований и гибели отца Павла Флоренского — может быть, одного из самых замечательных людей, проглоченных Архипелагом навсегда» [Солженицын, Т. 2 2006: 544]). Напомним, что похожие «методы» были и у удавов из сказки Искандера («В тот день я подстерег кролика у Ослиного Водооя и вполне нормально проглотил его» [Искандер 2011: 32]; «Удав-Пустынный одним прыжком обвился вокруг кролика и стал его неумело и грубо душить» [Искандер 2011: 139]; «Через некоторое время одно за другим стали поступать сообщения о том, что тот или иной удав поймал этого преступного кролика и обработал его» [Искандер 2011: 38]).

На это же указывает и другая аналогия с текстом Солженицына. В одном из эпизодов сказки рассказывается о «пикантном заглоте», сделанном провинциальным удавом: «он застал двух кроликов во время любовного экстаза <...>, не растерялся, а загипнотизировал обоих сразу и тут же обработал [Искандер 2011: 132]. В «Архипелаге», описывая «туземный быт», Солженицын отмечает, что зеков не стеснялись отлавливать прямо во время ночных свиданий: «Ночами, когда гражданин надзиратель мог бы храпануть в дежурке, он должен был ходить с фонарем и ловить этих головоногих баб в койках мужского барака и мужиков в бараках женских» [Солженицын, Т. 2 2006: 190].

Обращает на себе внимание и рассказ Великого Питона о казни удава самопоеданием: «С одной стороны, он понимает, что это его собственный хвост и ему жалко его глотать, с другой стороны, как удав, он не может не глотать то, что попадает ему в пасть. С одной

стороны, он, самопожираясь, уничтожается, с другой стороны, он, питаясь самим собой, продлевает свои муки. В конце концов, от него остается почти одна голова» [Искандер 2011: 39]. Казнь удава самопоеданием, скорей всего, является метафорой самоуничтожения советских элит, описанного Солженицыным следующим образом: «И подходит <...> очередь садиться в тюрьму членам правящей партии! <...> Всем свой черед. Членик за члеником прожевав с хвоста, доберется пасть и до собственной головы» [Солженицын, Т. 1 2006: 62].

Хотя у Солженицына, как мы уже отмечали, нет прямого сравнения служащих НКВД с удавами, но в описании сотрудников внутренних органов время от времени проступает нечто змеиное. Так, в одном из эпизодов, описывая вербовку сексота, Солженицын характеризует служащего, вербующего «стукача», следующим образом: «неизвестный горбоносый капитан с гипнотизирующим взглядом кобры» [Солженицын, Т. 2 2006: 298]. И далее по тексту так и называет его — «капитан-кобра» («Спадают с У. все чары капитана-кобры, весь гипноз, вся скованность, вся боязнь даже за семью» [Солженицын, Т. 2 2006: 301]).

О том, что в творческом сознании Искандера представление о партии и НКВД тесно сплелось с образом удава, свидетельствует один отрывок из повести сатирика «О, Марат!» (опубликованной в альманахе «Метрополь»). В ней автор сравнивает с удавом Л. П. Берию. Главный герой повести Марат однажды начинает встречаться с любовницей Берии. Но во время их первого свидания «высокий покровитель» неожиданно приезжает. Спрятавшийся Марат узнает Берию по профилю. В конце концов, все складывается удачно — Берия уезжает. Но Марат, под впечатлением от увиденного, надолго теряет романтический настрой: «Этот случай, по словам Марата, еще долго мешал ему в любви. В самые решительные часы чувственного восторга перед его глазами всплывал профиль человека в пенсне, и Марат упал в вялую меланхолию. <...> Думаю, сам того не подозревая, Марат потянулся к укротительнице [удава], чтобы зримым видом живого удава вытеснить из сознания профиль удава метафизического» [Метрополь 1979: 395].

В «Архипелаге» Солженицын пытается разобраться в психологии «кроликов», позволяющих «заглотить» себя без сопротивления. Среди возможных причин Солженицын не исключает гипноз (напомним, что в искандеровской сказке удавы, охотясь на кроликов, прибегают именно к этому приему): «Писали о тибетском зелье, лишающем воли, о применении гипноза. Всего этого при объяснении не стоит отвергать: если средства такие были в руках НКВД, то непонятно, какие моральные нормы могли бы помешать прибегнуть к ним? <...> А известно, что в 20-е годы крупные гипнотизеры покидали гастрольную деятельность и

переходили служить в ГПУ. Достоверно известно, что в 20-е годы при НКВД существовала школа гипнотизеров» [Солженицын, Т. 1 2006: 276]. Впрочем, версия о реальном гипнозе, по мнению писателя, несколько сомнительна, и он (как и кролик Задумавшийся из сказки Искандера) приходит к выводу о том, что «без объяснения психологического тут не обойтись» [Солженицын, Т. 1 2006: 276]. Размышляя, почему большинство подсудимых не сопротивлялось даже тогда, когда их приговаривали к смерти, Солженицын пишет: «А убить себя человек дает почти всегда покорно. Отчего так гипнотизирует смертный приговор? <...> Надежда! Что больше ты — крепишь или расслабляешь? Если бы в каждой камере смертники дружно душили проходящих палачей, не верней ли прекратились бы казни? Уж на ребре могилы почему бы не сопротивляться? Но разве и при аресте не так же было все обречено? Однако, все арестованные, на коленях, как на отрезанных ногах, ползли поприщем надежды» [Солженицын, Т. 1 2006: 410].

В сказке Искандера Задумавшийся делает открытие о том, что гипноз удавов — это всего лишь страх кроликов. Однако кролики не готовы принять это, потому что тогда им придется отказаться от мечты о Цветной Капусте. Вслед за Солженицыным, Искандер продолжает развивать мысль о гипнотической силе надежды, позволяющей управлять «кроликами».

Связь «Кроликов и удавов» с «Архипелагом ГУЛАГом» помогает лучше разобраться в иносказательном сюжете сказки, а также позволяет понять, что именно двигало Искандером, когда он создавал тот или иной образ. Так, зная текст Солженицына, можно понять не только то, что за образом Придворного Поэта скрывается Максим Горький, но и то, почему Горький у Искандера изображен в неожиданно пародийном ключе. Во многом это объясняется тем впечатлением, которое могло появиться у Искандера после прочтения «Архипелага». Описывая поездку Горького на Соловки, Солженицын отмечает, что литератор, которого зеки «ожидали почти как всеобщую амнистию» [Солженицын, Т. 2 2006: с.49], приехав узнать, как на самом деле содержат в лагере заключенных, закрыл глаза на правду, «и напечаталось, и перепечаталось в большой вольной прессе, нашей и западной, от имени Сокола-Буревестника, что зря Соловками пугают, что живут здесь заключенные замечательно и исправляются замечательно» [Солженицын, Т. 2 2006: с.51]. Разоблачая Горького, Солженицын разоблачает и миф о нем, поэтому в сказке Придворный Поэт, наделенный чертами знаменитого писателя, вызывает только смех и жалость.

Таким образом, инспирированная «Архипелагом ГУЛАГом» А. И. Солженицына, философская сказка «Кролики и удавы» содержит явные отсылки к этому тексту, что позволяет более точно проинтерпретировать ее образы,

созданные при помощи эзопова языка. Поскольку сказка изначально не была предназначена для публикации в Советском Союзе, то обращение к технике иносказания не было обусловлено потребностью обмануть цензуру и, скорее всего, имело характер литературной игры, в которой был способен принять участие только посвященный читатель, знакомый, как и Ф. Искандер, с текстом А. Солженицына. При этом не стоит умалять серьезность этой игры: как басня или притча, сказка Искандера служила поучительным целям — она была рассчитана на «мрачнейшего» [Искандер 2011: 183] читателя, способного сделать правильные выводы и перестать быть «кроликом». В завершении отметим, что, благодаря сказке Ф. Искандера, метафора А. Солженицына, в основе которой лежит сравнение человека, неспособного из страха противостоять власти, зависимого от нее, с кроликом, была дополнена и прочно закрепилась в политическом словаре русской интеллигенции.

ПРИМЕЧАНИЯ

- [1]. Так, например, на встрече с Ф. Искандером в концертной студии «Останкино» в 1991 году читатели отметили «актуальность и историчность» «Кроликов и удавов», называя философскую сказку «одной из наиболее сильных вещей [Искандера]» [Цитируется по материалам передачи «Фазиль Искандер. Творческий вечер в концертной студии «Останкино», размещенной на сайте <http://my.mail.ru/mail/oreshek.58/video/35125/35713.html>]. О том, что сказка была явлением резонансным, свидетельствует также и то, что благодаря ей расширился политический словарь российской журналистики (выражение «кролики и удавы» стало метафорой, характеризующей взаимоотношения власти и населения).
- [2]. Цитируется по письму Дмитрия Быкова от 19.10.2013, любезно согласившегося ответить на наш вопрос.
- [3]. Согласно хронике культурной жизни семидесятых годов, составленной исследователями И. П. Уваровой и К. Роговым, первая часть «Архипелага ГУЛАГА» была опубликована в Париже в 1973 году в издательстве УМКА-Press, там же в 1974 и 1975 были напечатаны вторая и третья книги [Рогов, Уварова 1998].
- [4]. Или даже до этого. Так, писатель Андрей Битов вспоминает, что читал «Архипелаг ГУЛАГ» «в 71-м или 72-м» [Битов 1991: 64-66], видимо, еще в «самиздате».

ИСТОЧНИКИ

1. Аксенов В., Битов А., Ерофеев В. Метрополь: литературный альманах. — Анн Арбор: Ардис, 1979.
2. Искандер Ф. Кролики и удавы; Созвездие Козлотура; Детство Чика: притча, повесть, рассказы. М.: Эксмо, 2011.
3. Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918-1956. Опыт художественного исследования. Т. 1. Екатеринбург: «У-Фактория», 2006.
4. Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918-1956. Опыт художественного исследования. Т. 2. Екатеринбург: «У-Фактория», 2006.
5. Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918-1956. Опыт художественного исследования. Т. 3. Екатеринбург: «У-Фактория», 2006.

ЛИТЕРАТУРА

6. *Битов А.* Читаем Солженицына// Литературное обозрение. 1991. №2.

7. *Быков Д. Л.* Календарь-2. Споры о бесспорном. 29.08.2014. URL: <http://mreadz.net/new/index.php?id=38180&pages=28>

8. *Иванова Н. Б.* Смех против правил, или Фазиль Искандер. М. : Советский писатель, 1990.

9. *Искандер Ф.* Читаем Солженицына// Литературное обозрение. 1991. №2.

10. *Казинцев А.* Очищение или злословие?// Наш современник. 1998. № 2.

11. *Козэль О. С.* Проза Фазиля Искандера. Мировидение писателя. Поэтика: дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.

12. *Липовецкий М. Н.* «Знаменитое чегемское лукавство»: странная идиллия Фазиля Искандера// Журнальный зал. 29.08.2014. URL: <http://magazines.russ.ru/continent/2000/103/lip.html>

13. *Липовецкий М. Н.* Условия игры// Литературное обозрение. 1988. №7.

14. *Нефагина Г. Л.* Русская проза второй половины

80-х — начала 90-х годов XX века. Минск: «Экономпресс», 1998.

15. *Рогов К. Ю., Уварова И. П.* Семидесятые: хроника культурной жизни// Рутения. 29.08.2014. URL: <http://www.ruthenia.ru/document/202590.html>

16. *Соловьев В.* Фазиль Искандер в окружении своих героев// Литературная учеба. 1990. №5.

17. *Троль Ю.* «Кролики и удавы» Фазиля Искандера// Часть речи. 1981/2. № 2/3.

18. *Угроватова Т. Ю.* Уроки 1-2. «Кролики и удавы» (1973) — сказка Ф. Искандера // Русская литература последних десятилетий / под. ред. В. Г. Маранцмана. 29.08.2014. URL: http://www.prosv.ru/ebooks/Maranman_Rus_liter_11kl/index.html

19. *Хлебников О.* «Гипноз удава — это наш страх»// «Новая газета». 29.08.2014. URL: <http://www.novaya-gazeta.ru/gulag/48541.html>

20. *Чупринин С.* Похвала злословию// Литературная газета. 1987. Вып.44.

21. *Шевель Е. А.* Философская сказка Ф. Искандера «Кролики и удавы»: феноменология жанра: автореф. дис.... канд. филол. наук. Махачкала, 2012.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. М. А. Литовская.

УДК 811.161.1'272
ББК Ш141.12-006

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.51

Код ВАК 10.02.01

Е. В. Дзюба E. V. Dziuba

Екатеринбург, Россия Ekaterinburg, Russia

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СЕКРЕТЫ
ПРОДУКТОВОГО ЭМБАРГО,
ИЛИ О ТОМ, ЧТО НОВОГО УЗНАЛ
ПОТРЕБИТЕЛЬ В РЕЗУЛЬТАТЕ
ЭКОНОМИЧЕСКИХ САНКЦИЙ**

**LINGUISTIC SECRETS OF FOOD EMBARGO,
OR WHAT NEW THINGS HAS THE CONSUMER
LEARNED IN THE RESULT
OF ECONOMIC SANCTIONS?**

Аннотация. На примере продуктов растительного происхождения, запрещенных к ввозу на территорию России из-за экономических санкций со стороны США и стран Евросоюза, с опорой на анализ материалов законодательных документов и публикаций в отечественных СМИ утверждается идея о наличии существенных различий языковой категоризации в научной и торговой картинах мира, отмечается специфика структуры естественных категорий (ОВОЩИ, ФРУКТЫ, ЯГОДЫ) в разных сферах человеческого знания.

Abstract. On the example of agricultural products, banned to import in Russia because of the USA and EU economic sanctions and on the basis of the analysis of legislation and publications in the home mass media, the article argues that there are considerable differences in linguistic categorial representation of the primitive, scientific and commercial picture of the world. The author discloses the specific character of the structure of the natural categories (VEGETABLES, FRUIT, BERRIES) in various fields of human knowledge.

Ключевые слова: эмбарго; языковая категоризация; естественные категории; языковая картина мира.

Key words: embargo; linguistic categorial representation; natural categories; linguistic picture of the world.

Сведения об авторе: Дзюба Елена Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры риторики и межкультурной коммуникации.

About the author: Dziuba Elena Vyacheslavovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Doctor Degree Applicant of Department of Rhetoric and Intercultural Communication.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26, к. 285.
e-mail: elenacz@mail.ru.

Ответные экономические меры России на санкции со стороны США и Евросоюза, регулируемые Указом Президента РФ № 560 от 06 августа 2014 года «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации» и Постановлением Правительства РФ № 778 от 07 августа 2014 года «О мерах по реализации Указа Президента РФ от 06 августа 2014 г. № 560...», позволили в настоящее время актуализировать специфические для обывателя фрагменты картины мира, отраженной в торговой и таможенной документации.

Как теперь известно любому российскому гражданину, Указом Президента РФ № 560 запрещается либо ограничиваются «в течение одного года... ввоз на территорию Российской Федерации отдельных видов сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, страной происхождения которых является государство, принявшее решение о введении экономических санкций в отношении российских юридических и (или) физических лиц или присоединившихся к такому решению» [7].

Правительство РФ во исполнение данного Указа утвердило «Перечень сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, страной происхождения которых являются Соединенные Штаты Америки, страны Европейского союза, Канада, Австралия и Королевство Норвегия и которые сроком на один год запрещены к ввозу в Российскую Федерацию» [5]. Именно этот перечень, в том или ином виде

опубликованный на страницах российских газет [4], ввел в недоумение отечественных потребителей продуктов питания. Многие обыватели, ознакомившись со списком, начали иронизировать: *почему вдруг ягоды стали называться фруктами, арбузы стали дынями, а грибы — овощами?* Возможно, кто-то искал в этом скрытый смысл, а кто-то счел это обыкновенной безграмотностью или следствием известной поспешности. Казалось бы, всем понятно, что грибы — это не фрукт и не овощ; что малина, клубника и крыжовник — это ягоды, а не фрукты. А то, что арбуз — это большая ягода, об этом только и говорят. В действительности, все дело не в чьей-то безграмотности или спешке. Все дело — в разных подходах к процессу «распознавания» явлений окружающего мира и в разных классификациях объектов действительности (здесь — продуктов растительного происхождения).

В когнитивной лингвистике процесс членения онтологического пространства на рубрики и номинации разных явлений называется языковой категоризацией. В формировании языковых категорий принимает непосредственное участие человеческое сознание: на процесс категоризации влияет национально-культурный и социальный контекст, жизненный опыт, фоновые знания, профессиональная принадлежность и многие другие факторы, в т.ч. социальные (например, нормативно-правовые). Эти параметры влияют на структуру категорий, определяя их членство.

Более того, в разных сферах человеческого знания о мире используются разные источники информации, устанавливаются разные признаки явлений окружающего мира, на основании которых объекты группируются. Так и продукты растительного происхождения классифицируются по-разному — в зависимости от актуальных для той или иной сферы существенных признаков, оснований классификаций. Для ботаники важно семейство, род и вид растения (т. е. место в систематике всех растений на планете), важна специфика морфологического строения (разновидность корня, вид плода и т. п.). Для агрономов актуальны особенности почв, климатические условия, время созревания плодов, особенности их хозяйственного использования и т. д. В медицине (фармакогнозии и диетологии) важен признак наличия или отсутствия в продуктах растительного происхождения биологически активных веществ, приносящих пользу или, возможно, вред здоровью человека. В торговой и таможенной сферах продукты растительного происхождения рассматриваются как товар, поэтому здесь актуальна специфика хранения, транспортировки, выкладки продуктов на прилавки магазинов и т. п. Для кулинарии и бытовой сферы важны вкусовые качества, способы обработки фруктов и овощей, особенности приготовления тех или иных блюд. Таким образом, актуализация определенных существенных признаков обуславливает специфику категоризации действительности, обуславливает несоответствие границ, структур и членства категорий в разных сферах человеческого знания. Вот почему одно и то же явление действительности, становясь объектом изучения разных наук, предметом разных оценок, нередко является членом разных категорий. По этой же причине утвержденный Правительством список, представляющий торговую классификацию продуктов растительного происхождения [6], идет в разрез и с научными классификациями (ботанической и агрономической), и с наивным представлением об овощах, фруктах и ягодах.

Примеров наличия разночтений в категориальной оценке того или иного продукта в разных картинах мира достаточно. Вот некоторые из них. Кукуруза в ботанике и агрономии действительно считается злаком. Маслина с научной точки зрения не является ни овощем, ни фруктом: в ботанике это костянка, в агрономии — косточковая культура (наука не оперирует понятием *овощ*). Съедобные части цветной капусты, брокколи, артишока и каперсов в ботанике называются цветками или соцветиями, а в агрономии и торговле считаются овощными культурами. Горох, бобы и фасоль представляют собой семена бобовых, специалисты в области сельского хозяйства так же считают их зернобобовыми культурами, а представители торговли, кулинары и обыватели называют их просто *овощами*.

С ягодами и фруктами дела обстоят еще сложнее. В ботаническом научном аппарате термина *фрукты* не существует, многие плоды, именуемые в обыденной жизни фруктами, в ботанике считаются ягодами, соплодиями или костянками. Под термином *ягода* понимается вид многосемянного плода с сочной мякотью, поэтому помидор и огурец, тыква и ананас, груша и апельсин с ботанической точки зрения являются именно ягодами. Следует пояснить, что ягода как вид плода в ботаническом смысле предполагает наличие разновидностей: 1) яблоко (такой вид плода у яблони, груши, боярышника, рябины); 2) тыква (таким плодом является арбуз, дыня, кабачок, патиссон, тыква); 3) гесперидий (это плоды всех цитрусовых: апельсина, мандарина, лимона, помело и др.) и 4) собственно ягода (помидор, баклажан, сладкий перец, клюква, брусника, черника и др.) [1; 297]. На первый взгляд абсурдными представляются такие выражения: *груша — это ягода в виде яблока, дыня и арбуз — это ягоды в виде тыквы* и т. п. Однако с ботанической точки зрения эти выражения абсолютно корректны. Что же касается ягод в привычном понимании, то далеко не все из них могут с ботанической точки зрения носить такое название: малина и ежевика, клубника и земляника в ботанике являются не ягодами, а костянками. А вот арбуз и дыня, как выясняется, в ботанике считаются именно ягодами, но в агрономии их называют овощами, как и все бахчевые культуры, в кулинарии именуют фруктами [3].

В отношении костянки как вида плода также не наблюдается единства мнений в разных картинах мира. Персик, абрикос, слива, авокадо и им подобные в ботанике называются костянками, в агрономии — косточковыми культурами, но, например, авокадо в торговой картине мира считается фруктом: он произрастает на деревьях, имеет косточку внутри сочной мякоти, как персик или абрикос. В кулинарии же авокадо представляется овощем, так как чаще в силу своей маслянистости и отсутствия сладости используется для приготовления овощных салатов, роллов и других чаще не десертных блюд.

Неоднозначна в разных картинах мира трактовка *орехов* (на орехи также, согласно Указу Президента и Постановлению Правительства, наложено эмбарго). Ботаническая концепция предполагает строгое терминологическое определение этого понятия, обозначающего плоды с твердым ядром, которое свободно располагается в оболочке (скорлупе). Этот термин обобщает наименования очень ограниченного числа так называемых орехоплодных и буковых растений: в строго ботаническом смысле орехом считается лишь грецкий орех, фундук (лещина), желудь и каштан. Названные в рассматриваемом «Перечне...» плоды орехами в ботанике не считаются:

арахис — это представитель семейства бобовых, плоды этого растения называют бобами, как и плоды фасоли, нута или гороха. Кешью и фисташки являются представителями семейства анакардиевых (находятся в одной группе с манго), эти плоды являются семенами соответствующих растений. Кедровые орехи так же представляют собой семена плода (шишки) Сосны сибирской. Кокосовый орех вопреки своему названию собственно ореховидным плодом не считается, это иной вид плода — костянка (плод кокосовой пальмы) и т. д.

Итак, в разных картинах мира (в зависимости от специфических для той или иной сферы признаков категоризации) многие продукты растительного происхождения категоризируются и — соответственно — называются по-разному. Что касается именно торговой классификации, специфика которой обнаружилась в свете экономических санкций, то она, пожалуй, является самой несовершенной и непоследовательной, так как она предполагает предельную размытость описываемых категорий (один и тот же продукт может иметь разную категориальную оценку в разных документах, регламентирующих товароборот). Вероятно, это объясняется следующими факторами. С одной стороны, торговая концепция категоризации объектов действительности, тяготеет к наивному представлению, ведь целевая аудитория торговли — обыкновенный потребитель, который чаще не обладает глубокими знаниями из области ботаники. Именно поэтому помидоры и огурцы названы не ягодами, как в ботанике, а овощами. Если зеленые травы, маслины, грибы и сладкая кукуруза используются в основном для приготовления овощных блюд, то они причисляются к овощам и, соответственно, размещаются в магазинах на прилавках овощных отделов.

С другой стороны, в торговой сфере многие отступления от привычного или научного взгляда на действительность допускаются намеренно — в угоду специфическим нормативно-правовым ограничениям. Часто причиной этого является расширение торгового пространства для конкретной страны, создание таможенных союзов, единых экономических пространств и иных экономических сообществ. Известно, что в странах Евросоюза, например,

некоторым продуктам, которые обыватели традиционно относят к категории ОВОЩИ, официально придан статус фруктов. Это касается томатов, съедобных частей стебля ревеня, моркови, сладкого картофеля, огурцов, тыква, дыни, арбуза и имбиря. Это намеренное допущение обусловлено стремлением легально производить из этих плодов и экспортировать соки, варенья, джемы, мармелад, которые по правилам Евросоюза производятся только из фруктов [2]. Нельзя не отметить и тот факт, что представители торговой сферы для удобства регулирования товароборота стремятся к унификации товарных групп. Поэтому зеленые травы и приправы не выделяются в отдельную группу, а причисляются к овощам; все представители категории ЯГОДЫ, как они трактуются обывателями, в товарной номенклатуре относятся к фруктам. Все эти факторы обуславливают специфику категоризации объектов действительности в торгово-таможенной сфере.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бавтуто Г. А., Еремин В. М. Ботаника: Морфология и анатомия растений. Мн., 1997. 375 с.
2. Законодательство ЕС // URL: <http://eur-lex.europa.eu> (дата обращения: 05.03.2013 г.).
3. Кулинария: Учеб. для сред. проф.-техн. уч-щ / Н. А. Анфимова, Т. И. Захарова, Л. Л. Татарская. М.: Экономика, 1987. 366 с.
4. Полный список продуктов, запрещенных к ввозу в Россию из стран Запада // Комсомольская правда, 12-14 августа 2014 г. С. 4.
5. Постановление Правительства Российской Федерации от 07 августа 2014 г. № 778 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 6 августа 2014 г. № 560 «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности российской Федерации» // URL: <http://government.ru/media/files/41d4f8e16a0f70d2537c.pdf> (дата обращения: 11.11.2014 г.).
6. Товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности Таможенного союза // URL: <http://base.garant.ru/12171195> (дата обращения: 12.11.2014 г.).
7. Указ Президента Российской Федерации «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности российской Федерации» от 06 августа 2014 г. № 560 // URL: <http://www.kremlin.ru/news/46404> (дата обращения: 11.11.2014 г.).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

Е. В. Ерофеева E. V. Erofeeva

Екатеринбург, Россия Ekaterinburg, Russia

**РЕЧЕВЫЕ АКТЫ УГРОЗЫ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ
И ИХ КОСВЕННАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ
ВО ФРАНЦУЗСКОМ ДИСКУРСЕ**

**SPEECH ACTS OF MENACE AND WARNING AND
THEIR INDIRECT REALIZATION IN FRENCH
DISCOURSE**

Аннотация. Предпринимается попытка определения места речевых актов угрозы и предупреждения в смысловой классификации побудительных высказываний. Устанавливаются сходства и различия между указанными речевыми актами. Опираясь на сходство в плане выражения, автор объединяет угрозу и предупреждение и рассматривает их в качестве гипонимов по отношению к более широкой группе высказываний с иллокутивным значением «предупреждение нежелательного действия». Однако существующие различия в плане содержания менасивов и авертивов влекут за собой и различия в плане их выражения, а именно возможность эксплицитно-перформативного оформления речевого акта предупреждения и невозможность такого оформления для речевого акта угрозы. Анализируются способы формирования косвенных речевых актов. В большей степени внимание уделяется семантическим транспозициям. На примере французского исследовательского материала делается вывод о том, что практически любой речевой акт, выражающий побудительную интенцию говорящего, может в определенном контексте стать угрозой, если к нему присоединяется речевой акт обещания негативных последствий. Специфика менасива заключается в том, что это сложное высказывание, относящееся к директивно-комиссивному типу речевых актов.

Abstract. The present article attempts to identify the place of the speech acts of menace and warning in the semantic classification of the directive illocutions. The similarities and differences of the above-mentioned speech acts are defined. The similarities in the expression allow the author to merge the menace and warning and to consider them as hyponym associated with a larger group of expressions with an illocutive semantic “prevention of an undesirable action”. However, the existing differences of the menace and warning semantic lead to the differences in their expression, i.e. the possibility of the explicite and performative expression of the speech act of warning, and the impossibility of such expression of the speech act of menace. The ways of making the indirect speech acts are analyzed. The greater expression is paid to semantic transpositions. On the example of the French research material it is concluded that almost any speech act expressing the directive intension can become a menace in a particular context, if it is accompanied by a speech act promising the negative consequences. The specific trait of the menace implies that it is a complex utterance related to the directive and commissive speech acts.

Ключевые слова: прагматический анализ; речевые акты угрозы и предупреждения; менасивы и авертивы; директивы; побудительные высказывания; перформативные глаголы; бенефактивность; максимы Грайса; прямые и косвенные речевые акты; семантические транспозиции.

Key words: pragmatic analysis; speech acts of menace and warning; directive illocutions; performative verbs; benefactiveness; Grice's maxims; direct and indirect speech acts; semantic transpositions.

Сведения об авторе: Ерофеева Елена Владимировна, кандидат филологических наук, доцент.

About the author: Erofeeva Elena Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor.

Место работы: заведующий кафедрой романских языков, Институт иностранных языков, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург); доцент кафедры иностранных языков, Уральский государственный экономический университет (Екатеринбург).

Place of employment: Head of Department of Romance Languages, Institute of Foreign Languages, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg); Associate Professor of Department of Foreign Languages, Ural State Economic University (Ekaterinburg).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26.
e-mail: e.v.erofeeva@yandex.ru.

Попытки упорядочить и классифицировать побудительные высказывания предпринимались неоднократно [Бельский 1953; Грачева 1982; Романов 1982; Любимов 1984; Никитина 1988; Корди 1989; Богданова 1990; Беляева 1992; Ерофеева 2014 и др.]. Количество вариантов побудительности колеблется от двух: «инъюнктивы» — «реквестивы» [Почепцов 1980: 5—10] до двадцати и более [Элиешюте 1969: 10]. В литературе, посвященной побудительным высказываниям, предлагается целый список подтипов императивных предложений, например: повеление (побуждение в собственном смысле, команда, приказ, военный приказ); официальное указание, инструкции (кулинарные

рецепты, указания на этикетках, распоряжения по поводу поведения); запрещение, побуждение (со значением подбадривания и поощрения); предложение и рекомендация, совет, просьба, пожелание, предупреждение, угроза, порицание (упрек, обвинение); проклятие, разрешение, отказ. С самого начала этого списка становится ясным, что не все вышеперечисленные подтипы повеления соответствуют общему типу побуждения как таковому. Поэтому необходимо найти общие семантические компоненты перечисленных «оттенков волеизъявления» (термин В. С. Храковского), которые позволяют относить их к директивам, а также выявить специфические

составляющие их значений, благодаря которым можно отличить один вид побуждения от другого.

В большинстве работ последнего времени принимается за основу наиболее распространенное тройственное разграничение значений побудительных высказываний, при этом выделяемые варианты получают у разных авторов различные наименования. Так, первая группа обозначается термином «инъюнктивы» [Почепцов 1980: 5; Любимов 1984: 5; Романов 1982: 7; Грачева 1982: 11]. Вторая группа получила название «оптативные побуждения» [Любимов 1984], «апеллятивные побуждения» [Грачева 1982]. В том случае, если учитывается и третья группа, то она называется «рекомендательные побуждения» [Романов 1982] или «суггестивные побуждения» [Никитина 1988: 8].

В тройственной смысловой классификации вариантов побудительных высказываний, предлагаемой в работе Е. И. Беляевой «Грамматика и прагматика побуждения. Английский язык» [Беляева 1992], выделяется три прагматических разновидности директивов: а) прескриптивы (инъюнктивы); б) суггестивы; в) реквестивы в соответствии с признаками обязательности выполнения действия, приоритетности положения говорящего и бенефактивности действия для говорящего.

Директивные речевые акты представлены широкой гаммой различных оттенков побуждения — от категоричного приказа до совета и мольбы. Семантическая общность подобных высказываний проявляется в том, что «лицо каузирует действие (состояние) другого лица». Семантическая структура такого типа имеет сложный характер: «лицо (каузатор) каузирует действие» и «другое лицо должно совершить ответный акт по отношению к каузатору». Общая побудительная модальность, присущая всем трем видам директивов, выступает в приказах как *обязательность*, в совете — как *возможность* и в просьбе — как *желательность* выполнения указанного действия с точки зрения говорящего.

Речевой акт угрозы (далее РАУ) как таковой не входит ни в один из перечисленных видов директивов. Требование, выраженное в РАУ, представляет собой вид прескриптива, основанный на прагматической пресуппозиции нежелания адресата выполнить каузируемое действие. В одних случаях, отмечает Е. И. Беляева, это нежелание обусловлено психологическим состоянием адресата, в других — непризнанием приоритетности положения говорящего. Говорящий может присваивать приоритет, действуя с «позиции силы». Вторая часть семантической структуры угрозы лежит в поле комиссива.

Речевой акт предупреждения (далее РАП), в основе которого лежит желание заставить избежать опасность, представляет собой вид

суггестива, основанный на прагматической пресуппозиции желания адресата не действовать вопреки своим интересам после извещения об опасности [Беляева 1992].

Итак, РАУ и РАП не могут относиться к одному подтипу поля директивов, поскольку различаются в плане содержания (облиigatorность выполнения действия, бенефактивность действия для говорящего). Более того, РАУ в плане выражения реализуется в виде двучастных структур, так как является сложным директивно-комиссивным речевым актом. Что касается РАП, то его семантическая структура также может реализовываться в виде сложных предложений. В этом случае РАП можно отнести к директивно-ассертивным речевым актам. Этим объясняются попытки некоторых лингвистов установить отношения подобия между РАУ и РАП. Например, Ребайн считает, что угроза может становиться предупреждением и наоборот в зависимости от того, представляет собой говорящий санкционную силу или нет. Если говорящий сам готов применить определенные санкции в отношении неподчинившегося адресата, то речь идет об угрозе [Rehbein 1977: 333]. Сейдок предлагает объединить оба типа речевого поведения в один подтип требования на основании сходства критериев, кроме одного — разной позиции интересов слушающего и говорящего.

Наша попытка объединить РАУ и РАП и рассматривать их в качестве гипонимов по отношению к более широкой группе высказываний с иллюкутивным значением предупреждения нежелательного действия опирается на наличие общей черты у названных речевых актов в плане выражения, а именно: РАУ всегда, а РАП иногда реализуются в сложном предложении, что, безусловно, объясняется их сложной семантической структурой.

В целом РАУ и РАП относятся к речевым актам побуждения. Однако Б. Бартшат считает, что побуждение представляет собой нечто вроде позитивного полюса по отношению к предупреждению. Само же предупреждение должно описываться на фоне его отличий от угрозы. Задача заключается в том, чтобы показать, какие специфические особенности получает предупреждение и может ли оно рассматриваться в качестве требования [Bartschat 1982: 80].

Ребайн относит предупреждение к директивным требованиям, затрагивающим определенную ступень (фазу) исполнения некоего действия и способствующим модификации процесса поведения адресата [Rehbein 1977: 325]. При этом слушающему не каузируется мгновенное исполнение действия, но он должен пересмотреть план своего поведения. Это нечто вроде рекомендации на будущее. В этом смысле предупреждение близко к совету. Говорящий знает, что имеется инстанция, которая, расценивая поведение индивида как негативное, выработала определенный план про-

ведения санкционных действий (штрафы, возмездия и др.). Сам же говорящий, не представляющий лично санкционную силу, выступает по отношению к собеседнику в роли доброжелателя и относится нейтрально или даже отрицательно к возможным негативным последствиям, грозящим адресату.

Как известно, любое высказывание исходит от «я», адресовано к «ты» и сообщает нечто о «нем». Обращенность речевого акта как важнейшее его свойство обуславливает коррелятивность «я» и «ты» [Солганик 1981]. Конкретный адресат, подразумеваемый при РАУ (названный прямо или косвенно), может отсутствовать при РАП. Например: *L'eau n'est pas potable. / Вода непригодна для питья.* Когда же адресат не установлен, эффект выполнения действия ожидать напрасно. При предостережении возможны формы обращения типа междометий: *Eh! quelqu'un, ohé! / Эй! Человек!* Например: *Eh! Fais attention quand même! / Эй! Будь повнимательнее!*

Различие между РАУ и РАП представляет собой и различие в «степени заинтересованности адресанта в выполнении ожидаемого действия и в признаке необязательности исполнения действия» [Никитина 1988]. Так, при угрозе адресант желает незамедлительного исполнения действия, причем необязательность этого исполнения исключается: требование должно быть выполнено; при речевом акте предупреждения учитывается тот факт, что это всегда посылка в будущее, а решение об обязательности исполнения или неисполнения действия принимает сам адресат после оценки своего положения.

В противовес предупреждению, при РАУ говорящий не ссылается на законодательную силу, а сам выступает в роли санкционной силы. Отношение между РАУ и РАП заключается, таким образом, в том, что предупреждение может стать угрозой, если говорящий сам готов применить санкционную силу.

Существует тезис о том, что РАУ отличается от РАП разной позицией интересов слушающего и говорящего. Это различие было предложено Сейдоком. Речевой акт предупреждения имеет положительную бенефактивность для адресата, т. е. в намерения говорящего не входит применение насилия по отношению к слушающему:

- (1) **Tais-toi! Parle de cette façon et ton grand-père te dressera en un rien de temps** [Exbrayat 1991]! / **Замолчи! Будешь так разговаривать, получишь от деда в два счета!**

Предполагаемая польза и ее направленность прогнозируются говорящим и влияют на характер волеизъявления и на выбор соответствующих языковых средств. Признак бенефактивности предполагает, соответственно, появление новой ситуации в пользу: а) говорящего при РАУ; б) адресата речи при РАП.

По мнению Сейдока, эти два типа речевых актов относятся к классу требования, но различаются с грамматической точки зрения. В английском языке, считает Сейдок, угроза обычно выражается в форме положительного императива, а предупреждение — в форме отрицательного [Sadock, Jerrold 1974]. В этом смысле предупреждение близко к запрещению. Сравним два примера:

- (2) **Vous allez quitter cette ville tout de suite... Nous avons votre femme et nous la tuons, sinon...** [Arnaud 1992] / **Вы сейчас же покинете город... Ваша жена у нас, и в противном случае мы ее убьем.**
- (3) — **N'oubliez pas, ça fait grossir — dit-il en lui indiquant la quantité de frites dans son assiette...** [Br. Le Varlet 1990] / **„Не забывай, от этого полнеют“, — сказал он, указывая ей на количество жареной картошки в ее тарелке.**

В языке существуют разные средства, с помощью которых реализуется коммуникативная цель речевого акта. «В зависимости от характера индексов иллокутивной силы можно говорить о двух формах выражения РА: эксплицитном, в котором иллокутивное намерение выражено отдельным языковым элементом, и имплицитном, когда иллокутивная сила имплицитно содержится в семантической структуре языковой формы» [Беляева 1992: 25]. Под прямым, эксплицитным способом выражения речевого акта (РА) подразумевается использование перформативного глагола в его «классическом употреблении», т. е. в форме настоящего времени действительного залога изъявительного наклонения с местоимением 1 лица единственного числа (в роли подлежащего). Эти так называемые «эксплицитные перформативы» [Остин 1986: 67], или «перформативные префиксы» [Levinson 1983: 224], которые однозначно и вполне конкретно определяют характер коммуникативного намерения говорящего. В зависимости от семантики перформативного глагола речевое действие говорящего определяется слушающим как приказ, просьба, совет, запрещение и т. д. Так, РАП эксплицитен по своей сути и во французском языке может передаваться перформативными глаголами — *avertir, prévenir*, например:

- (4) **Je vous prévient: vous ferez mieux de ne pas y aller** [Simenon 1988]! / **Я вас предупреждаю, вам лучше туда не ходить!**

Однако имеется ряд речевых актов, которые не могут быть выражены с помощью эксплицитных перформативов (речевые акты инструктории, подстрекательства, оскорбления, угрозы и др.). Эксплицитное выражение иллокутивной силы данных речевых актов возможно лишь при описании, а не при их производстве:

- (5) **Il me menaçait, si je parlais, de tuer Jean... Il me menaçait de nouveau, si je ne lui obéissais pas immédiatement, de faire une nouvelle victime...** [Steman 1983] / **Он угрожал мне,**

что, если я проговорюсь, он убьет Жана... Он снова угрожал мне новой жертвой, если я ему мгновенно не подчинюсь.

Итак, в качестве иллокутивных индикаторов речевых актов, не имеющих перформативного выражения (угроза, хвастовство, гордость, оценка, порицание, похвала, критика), выступают просодика и типовая синтаксическая схема [Романов 1986]. Однако синтаксическая форма предложения — повелительная, повествовательная, вопросительная — задает лишь иллокутивный потенциал высказывания, снабжая слушающего «ключом», позволяющим раскрыть общее иллокутивное намерение говорящего. Г. В. Колшанский замечает по этому поводу, что «определенное место в описании подобных РА занимают и паралингвистические средства, т. е. факторы, непосредственно сопровождающие речь. Сюда следует отнести и выразительные телодвижения, жесты, мимику, которые тоже участвуют в коммуникации, в передаче информации и передаются вербальными средствами (ремарки автора)» [Колшанский 1973: 16].

В процессе нашего исследования было замечено, что добавление квазикомментария типа *Это было предупреждение, Я Вас предупреждаю* и тому подобного к высказыванию, содержащему угрозу, не меняет прагматический тип менасивного высказывания, если в намерения говорящего входит применение санкций, влекущих негативные последствия для адресата. Приведем пример:

(6) *Je vous prévient: si, même malgré votre beau discours, vous me mêlez à une affaire louche, je vous arracherai les yeux* [Arnothy 1984]. / *Я вас предупреждаю: если, несмотря на вашу прекрасную речь, вы втянете меня в темное дело, я вам выцарапаю глаза.*

Таким образом, в современной лингвистике РАУ и РАП относят к речевым актам побуждения. Несмотря на то что названные речевые акты являются сложными образованиями и одинаково состоят из ситуаций побуждения и обещания негативных последствий, в структуре данных речевых актов имеются некоторые различия. В плане содержания это выражается в следующем:

1. Побуждение к действию в РАУ осуществляется через **обещание** негативных последствий, а в РАП имеет место **констатация** негативных последствий.

2. В РАУ выражается отрицательная бенефактивность для адресата, а осуществление негативных последствий входит в намерение говорящего. РАП, напротив, маркирован положительной бенефактивностью для адресата, где применение насилия по отношению к слушающему не входит в намерения говорящего, так как он лично не представляет ту «санкционную силу», которая приводит в исполнение обещание негативных последствий.

3. При угрозе присутствует высокая степень заинтересованности говорящего в мгновенном исполнении действия, тогда как при предупреждении отмечается необлигаторностью выполнения требования для адресата. Это всего лишь попытка заставить слушающего пересмотреть в будущем свое поведение.

Различия в плане содержания РАУ и РАП влекут за собой и различия в плане выражения, а именно возможность эксплицитно-перформативного оформления речевого акта предупреждения и невозможность такого оформления для РАУ.

Говоря о косвенных смыслах высказываний, нельзя оставить без внимания способы формирования косвенных речевых актов. Дж. Серль подробно разобрал роль грамматических конструкций и модальных глаголов в формировании косвенных высказываний [Серль 1986]. Более широко этот вопрос рассматривается в статье В. Г. Гака, который выделяет три основных способа: а) отступление от правил речевого общения, сформулированных Г. П. Грайсом; б) семантические транспозиции; в) переносное употребление некоторых грамматических категорий и разрядов слов [Гак 1992: 84].

Сформулированные Г. П. Грайсом правила языкового общения подразумеваются автором как условия успешности речевых актов и включают в себя правила количества, качества, релевантности, способа действия [Грайс 1985]. Отступление от правила количества (максима полноты информации по Грайсу) часто создает дополнительные коннотации. Недостающие или излишние с точки зрения семантики компоненты могут косвенно выражать различные эмоции и чувства говорящего. Отступление от максимы качества (говори правду!) подразумевает имплицитные способы выражения намерения говорящего. Это правило близко правилу релевантности (не отклоняйся от темы!). Иногда буквальный смысл высказывания оказывается неуместным в конкретной ситуации, но тем самым передает оттенки личностного восприятия ситуации коммуникантом, его манеру внутреннего осмысления событий. Примером может служить рассказ А. Аверченко «Здание на песке»: муж Митя ждет прибавления семейства и не раз задает один и тот же вопрос своему другу. Митя: *„Он будет крупным ребенком. Такой большущий, толстый, розовый мальчуган... А? Как ты думаешь... что мы из него сделаем?“ Муж Митя так надоел мне этими вопросами, что я хочу предложить вслух: — „Котлеты под морковным соусом“. Но говорю: — „Инженера“* [Аверченко 1985: 33]. Хотя и произнесенная, но подразумеваемая фраза косвенно указывает на то, что собеседник устал от однообразных вопросов.

Максима способа действия или манеры подразумевает ясность, краткость и последо-

вательность изложения. Отступление от этого принципа часто используется в рекламе. Например, перед прокатом фильма «Le Grand Bleu» во Франции использовался метод «анти-рекламы» как способ привлечения максимального количества публики: *N'y allez pas! Ça dure plus que 3 heures! / Не ходите на него! Это длится больше 3 часов!*

Семантические транспозиции представляют собой прежде всего использование одного вида речевых актов в значении другого, например вопроса в качестве побуждения (*Не скажете ли Вы, который час?*), отрицательного высказывания в значении утвердительного и наоборот (принцип обратной корреляции в условных менасивных конструкциях). Одним из видов семантической транспозиции является употребление высказывания общего значения вместо частного в конкретных условиях. Для угрозы в качестве примера можно привести высказывания, менасивное значение которых не относится к конкретному субъекту или к конкретным обстоятельствам, например: *Я так этого не оставлю! Жизнь надоело? Ну, заяц, погоди!* Эти фразы отличаются повышенной экспрессивностью и большей категоричностью, так как действия говорящим не конкретизированы: *Брюнет, подвинься, а то блондином станешь! Шкуру с тебя спущу! Узнаешь, как искры из глаз сыпятся! Сделаю тебе бледный вид и форму чемодана, двойное дно, зубы рядом!* [Белянин, Бутенко 1994]. Высказывания подобного рода, представляющие собой «фрагментализованные реплики» (по В. Г. Гаку), относятся к языковым универсалиям. Межъязыковые различия здесь проявляются только в форме реплик или в их лексическом наполнении. Ср. во французском: *Je vous apprendrai à vivre! Vous aurez affaire à moi! Vous me trouverez sur votre passage! Je vais t'en faire voir de toutes les couleurs! Tu vas entendre parler du pays! Je te ferai voir trente-six chandelles!* (буквально *Я научу вас жить! Будете иметь дело со мной! Встретите меня на своем пути! Я покажу тебе это во всех цветах радуги! Ты еще услышишь об этой местности! Ты увидишь у меня тридцать шесть свечей!*) и др.

Далее В. Г. Гак выделяет переносное употребление некоторых грамматических категорий и разрядов слов как еще один способ формирования косвенных смыслов высказываний. Он заключается в том, что некоторые грамматические типы предложений (вопросительные, отрицательные) или некоторые модальные глаголы употребляются в несобственном значении. Такое употребление грамматических форм является индикатором косвенного высказывания и отражает национальную специфику речевого поведения коммуникантов, так как «во многих случаях одна и та же иллокутивная сила реализуется в разных языках с помощью различных средств, даже при одинаковом лексическом наполнении фразы»

[Гак 1992: 87]. Например, для передачи побудительного значения во французском языке могут использоваться повествовательные и вопросительные предложения. Интересно также несобственное использование модальных глаголов *vouloir* — хотеть, *pouvoir* — мочь. Положительная вопросительная форма этих глаголов во французских косвенных высказываниях употребляется для выражения побуждения. При этом соблюдается известная доля вежливости. Довольно часто встречается употребление глагола *vouloir* после условного *si* в директивных речевых актах, выражающих различные оттенки волеизъявления (от совета до приказа).

Использование принципа семантической транспозиции как косвенного способа передачи смысла высказывания свидетельствует об определенном отношении говорящего к когнитивным способностям собеседника, к его способности сделать надлежащий вывод из сообщаемого, т. е. правильно понять и воспринять высказывание.

С точки зрения содержания косвенные речевые акты угрозы и предупреждения, образованные путем семантической транспозиции другого речевого акта в сферу менасивной и авертивной семантики, представляют собой предложения, по своим формальным признакам являющиеся единицей одного прагматического типа, а в речевой ситуации приобретающие иллокутивную силу предложений другого типа. Так, по мнению Н. Д. Арутюновой, косвенные речевые акты в поле побудительности представляют собой использование языковых средств, предназначенных для выражения одной разновидности побуждения, в функции побуждения какого-либо другого типа [Арутюнова 1988].

В ходе исследования мы пришли к выводу, что практически любой речевой акт, выражающий побудительную интенцию говорящего, может в определенном контексте стать угрозой, если к нему присоединяется речевой акт обещания негативных последствий. Действительно, специфика менасива в том и состоит, что это сложное высказывание, относящееся к директивно-комиссивному типу речевых актов [Hancher 1979]. Итак, директивная часть сложного менасивного комплекса может представлять собой:

- (7) **запет**: *Je vous interdis d'appeler mon père Sam, autrement je ne garantis pas votre sécurité* [Arnaud 1992]. / *Я запрещаю вам называть моего отца Сэмом, в противном случае я не гарантирую вашу безопасность;*
- (8) **разрешение** (ложная стимуляция действия): *Répète ça et je te tue* [Exbrayat 1991]. / *Повтори это, и я тебя убью!*
- (9) **совет**: *Je te conseille de ne plus m'injurier, sinon ça va être ta fête et tu vas recevoir une raclée* [Steeman 1983]. / *Я те-*

бе советую больше меня не оскорблять, иначе ты получишь взбучку;

- (10) **приказ:** *Les mains levées et pas de tentatives à la con, sinon je vous fais plein de grands trous dans les poumons* [Simenon 1988]! / Руки вверх, и без дурацких выходов, иначе я изрешечу ваши легкие!;
- (11) **предупреждение:** *Je te previens: le prochain coup que tu laisses tomber les copains pour aller tirer ta crampe, c'est moi qui te fais ton affaire* [Quentin 1985]! / Я тебя предупреждаю: в следующий раз, когда ты бросишь товарищей ради своего удовольствия, твоими делами займусь я!;
- (12) **просьбу:** *Vous êtes prié de ne pas bouger. En cas de désobéissance je tire* [Arnothy 1989]! / Пожалуйста, не двигайтесь. В случае неповиновения я стреляю!

Большое значение в определении коммуникативной направленности данных речевых актов имеет общая отрицательная бенефактивность второй части высказывания. Сравнить: *tuer* — убивать, *tirer* — стрелять, *ne pas garantir la sécurité* — не гарантировать безопасность, *recevoir une raclée* — потерпеть поражение, *faire des trous dans les poumons* — продырявить легкие и т. д.

Все вышесказанное в равной мере относится и к речевому акту предупреждения. Призыв к предосторожности может выражаться в форме:

- (13) **запрета:** *Ne le faites pas; vous ne vous rendez pas compte du degré de mécontentement, de la colère de ces hommes* [Exbrayat 1991]. / Не делайте этого; вы не отдаете себе отчет об уровне недовольства и ярости этих людей.
- (14) **совета:** *A votre place je ne partirais pas seul, car personne ne peut être sûr de rien* [Leblanc 1989]. / На вашем месте я не поехал бы один, потому что никто не может быть ни в чем уверен.
- (15) **просьбы:** *Je vous prie de me croire sur parole et prendre garde parce qu'ils sont dangereux* [Arnothy 1989]. / Я прошу вас поверить мне на слово и поберегаться, потому что они опасны.

Негативные последствия, выражаемые в комиссивном речевом акте (угроза) или в асертивном (предупреждение), тоже могут выражаться другими видами речевых актов, используемыми в значении обещания или констатации. По мнению В. И. Михалевича, в качестве РАУ часто используются ретрогрессивные высказывания, описывающие события через обращение к памяти человека и выполняющие рекомендательную или побудительную функцию. Он иллюстрирует это следующими примерами:

РАУ: *Ne haussez pas les épaules, Leroy, rappelez-vous ce qu'était l'atmosphère de la*

ville pendant les jours du "Coutances" avec les batailles entre les dockers et les C.R.S. / Не пожимайте плечами, Леруа, вспомните, какая царил атмосфера в городе во время эпохи „Кутанс“ с постоянными баталиями между докерами и республиканскими отрядами безопасности.

РАП: *Souviens-toi qu'il n'est plus possible de canoter sur le lac des Aubicrs, car l'entreprise est maintenant trop dangereuse.* / Не забывай, что больше не представляется возможным кататься на лодке по озеру, потому что деятельность предприятия сегодня очень опасна [Михалевич 1989].

Прагматическая направленность побудительных ретрогрессивных высказываний зависит от отношений между коммуникантами. Неравенство в бытовом плане, основанное на авторитете, знаниях, опыте одного из участников акта коммуникации, определяет рекомендательную функцию высказываний.

Менасивная семантика может выражаться в так называемых клятвенных речениях:

- (16) **Je jure que vous me payerez tout ça... Oh! Je vous retrouverai, prenez garde** [Zola 1954]! / Я клянусь, что вы мне заплатите за это... О! Я вас найду, берегитесь!

Высказывания, входящие в контекст жизни, интонационно маркированы. На это обратил внимание М. М. Бахтин: «Такие речевые явления, как приказания, требования, заповеди, запрещения, обещания (обетования), угрозы, хвала и т. п. составляют очень важную часть внеконтекстной действительности. Все они связаны с резко выраженной интонацией, способной переходить (переноситься) на любые слова и выражения, не имеющие прямого значения приказания, угрозы и т. п.» [Бахтин 1979: 366]. В устной речи, благодаря интонации, не составляет никакого труда разграничить самые тонкие оттенки побуждения, угадать самые «утонченные стратегии» [Кауфман 2005]. Письменная речь лишена такого мощного фактора, как интонация. Она замещается либо авторскими ремарками, указывающими на модальный аспект высказывания, либо тип речевого акта выявляется из непосредственного контекста. Показательными являются следующие примеры, где контекст уточняет характер обычного речевого акта констатации:

- (17) **Moi, j'attends-dit-elle. Et il croyait comprendre qu'elle menaçait d'attendre aussi longtemps qu'il serait nécessaire pour y (dans son sac) enterrer à leur tour ses actions à lui, quand la maison croulerait...** [Zola 1954] / „Я-то подожду“, — сказала она. И ему показалось, что она угрожает ждать столь же долго, сколько потребуется, чтобы в свою очередь уничтожить (у него в сумке) его акции, когда компания разорится...

- (18) **Je n'oublie jamais le bien qu'on me fait, ni, à plus forte raison, le mal... (Sa recon-**

naissance avait un arrière-goût de menace, elle était amère et acide comme l'odeur de la poudre à canon) [Leblanc 1989]. / Я никогда не забываю добро, которое мне сделали, ни тем более зло... (Его признательность имела привкус угрозы. Она была горькой и кислой, как запах пушечного пороха).

С точки зрения формы косвенное выражение менасивов и авертивов предполагает использование предложений других коммуникативных типов, нежели этого требует семантика данных речевых актов. Дело в том, что традиционная классификация предложений по коммуникативной установке с выделением повествовательных, вопросительных и побудительных не учитывает прагматического значения, приобретаемого высказыванием в зависимости от социальных отношений, связывающих говорящего и слушающего, а также в зависимости от реальной ситуации, в которой осуществляется речевой акт. Под воздействием иллокутивных факторов повествовательные, вопросительные и побудительные предложения могут менять свою коммуникативную направленность [Конрад 1986: 355; Серль 1986: 195]. Так, менасивная и авертивная семантика может выражаться не только побудительными и повествовательными предложениями, как например:

(19) **Bref, vous êtes cuit, monsieur Courtois** [Calef 1990]. / *Одним словом, вы разорены, господин Куртуа.*

(20) **Sachez donc que ce n'est rien encore, tout ça** [Zola 1954]! / *Найдите, что это еще не все!* — но и вопросительными конструкциями, например:

(21) **Et toi, on t'a jamais dit que toucher à un Macômer, c'était signer son arrêt de mort** [Exbrayat 1990]? / *А тебе разве никогда не говорили, что задеть кого-то из Макомеров — это подписать свой смертный приговор?*

(22) **Attention, mon petit gars, tu veux qu'on te mette ta petite gueule au carré** [Exbrayat 1992]? / *Осторожно, мальчонка, ты хочешь, чтобы тебе набили морду?*

Д. Конрад отмечает, что «употребление вопросительного предложения в значении просьбы, требования, угрозы, предупреждения и т. п. — феномен, известный лингвистам достаточно давно» [Конрад 1986: 349].

В теории речевых актов вопрос определяется как речевое действие, направленное на получение говорящим неизвестной ему информации. В косвенных речевых актах угрозы и предупреждения вопросительные предложения реализуют свою вторичную функцию, а именно используются в качестве побудительных предложений. Так, например, вопросительное высказывание *Et si j'appelle la police? / А если я вызову полицию?* при соответствующем контексте (хозяин дома обращается к не-

званому гостю с требованием перестать стучать в дверь) становится косвенным речевым актом угрозы. Такое замещение коммуникативной цели отвечает тому, что Гордон и Лакофф называют смягчением коммуникативного намерения, так как речевой акт обещания негативных последствий выражен в некатегоричной форме [Гордон, Лакофф 1985]. Приведем еще один пример:

(23) **Vous osez insulter sa fiancée? Vous voulez qu'il vous traîne en prison, espèce de con** [Exbrayat 1990]? / *Вы не боитесь оскорблять его невесту? Вы хотите, чтобы он вас посадил в тюрьму, придурок?*

В данном речевом акте говорящий, используя вопрос, пытается предупредить слушающего о грозящей ему опасности (la prison) в случае несоблюдения предосторожности (*Prenez garde de ne pas insulter sa fiancée*).

Негативные последствия тоже могут быть выражены в форме вопроса:

(24) **Alors, Rigo, tu me laisses sortir ou s'il faut que je te descende** [Exbrayat 1991]? / *Итак, Риго, ты дашь мне выйти или мне тебя прикончить?*

(25) **Vaudrait mieux coopérer avec eux ou s'il te faut qu'ils aient recours à la manière forte** [Quentin 1985]? / *С ними лучше сотрудничать, или ты хочешь, чтобы они прибежали к крайним мерам?*

(26) **Vos parents, seront-ils contents de vous voir à la une des journaux en tant que complice présumée d'un étranger qui a tué sa femme pour en hériter? — Non! — Alors? Vous allez parler** [Arnothy 1989]? / — *А ваши родители, будут ли они рады видеть вас на первых страницах газет в качестве предполагаемой сообщницы иностранца, который убил свою жену из-за наследства?* — „Нет!“ — „Итак? Вы будете говорить?“

Приведенные примеры показывают, что говорящий ждет от слушающего не ответа на свой вопрос, а реакции в виде действия.

Анализ отобранных высказываний показал, что ряд речевых актов угрозы сопровождается речевыми вопросительными конструкциями, утратившими свое лексическое и грамматическое значение и служащими для выражения эмоционального состояния говорящего: гнева, раздражения и т. п. Это такие вопросительные клише, как *compris? c'est clair? c'est d'accord? tu piges? tu vois? — ясно? понятно? сечешь?* и др. Например:

(27) **Lève-toi et accompagne-moi. Si tu cries, si tu t'avises de me trahir, je te tue avant qu'on ne vienne. Compris** [Arnaud 1992]? / *Вставай и иди за мной. Если ты крикнешь или вздумаешь меня обмануть, я убью тебя раньше, чем они придут. Ясно?*

Возвращаясь к вопросу о семантической транспозиции как одном из косвенных способов выражения иллокутивной интенции гово-

рящего, хотелось бы отметить, что данный способ играет большую роль в устройстве и функционировании языка. Благодаря транспозиции, представляющей собой одно из следствий и форм проявления асимметрии в языке, создаются прагматические синонимы для выражения оттенков значения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аверченко А.* Избранные рассказы. — М. : Сов. Россия, 1985.
2. *Арутюнова Н. Д.* Типы языковых значений. Оценка, Событие, Факт // АН СССР, Ин-т языкознания. — М. : Наука, 1988.
3. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. — М. : Искусство, 1979.
4. *Бельский А. Б.* Побудительная речь // Учен. зап. 1-го МГПИИЯ им. М. Тореза. — М., 1953. Т. 6. С. 81—147.
5. *Беляева Е. И.* Грамматика и прагматика побуждения. Английский язык. — Воронеж : ВГУ, 1992.
6. *Белянин В. П., Бугенко И. А.* Живая речь : слов. разговорных выражений. — М. : ПАИМС, 1994.
7. *Богданова Р. М.* Побудительная речь. Проблемы типологии и интерпретации : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1990.
8. *Гак В. Г.* Прагматические аспекты высказывания // Современные проблемы романистики: функциональная семантика : тез. 5 Всесоюз. конф. по романскому языкознанию / АН СССР, Ин-т языкозн. ; КГУ. — 1986. Т. 1. С. 58.
9. *Гордон Д., Лакофф Дж.* Постулаты речевого общения // Новое в зарубежной лингвистике. — М. : Прогресс, 1985. Вып. 16 : Лингвистическая прагматика. С. 276—303.
10. *Грайс Г. П.* Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. — М. : Прогресс, 1985. Вып. 16 : Лингвистическая прагматика. С. 217—237.
11. *Грачева Л. И.* Средства выражения разрешения и запрещения во французском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1982.
12. *Ерофеева Е. В.* Прагматические аспекты речевых актов различной коммуникативной направленности в современном французском языке / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2014.
13. *Кауфман Ж.-К.* Первое утро: как рождается история любви / пер. с фр. Е. Ерофеевой. — Екатеринбург : У-Фактория, 2005.
14. *Колианский Г. В.* Функции паралингвистических средств в языковой коммуникации // ВЯ АН СССР. 1973. № 1. С. 16—23.
15. *Конрад р.* Вопросительные предложения как косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. — М. : Прогресс, 1986. Вып. 16 : Лингвистическая прагматика. С. 349—384.
16. *Корди Е. Е.* Модальные и каузативные глаголы в современном французском языке : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Л., 1989.
17. *Любимов А. О.* Средства выражения побуждения в португальском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1984.
18. *Михалевич В. И.* Референциальная и прагматическая направленность ретрогрессивных высказываний в современном французском языке : дис. ... канд. филол. наук. — Минск, 1989. С. 105—130.
19. *Никитина Н. Н.* Вокативные и императивные высказывания в прагматическом аспекте : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1988.
20. *Остин Дж. Л.* Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. — М. : Прогресс, 1986. Вып. 17 : Теория речевых актов. С. 22—129.
21. *Почепцов Г. Г.* Прагматика текста // Коммуникативно-прагматические и семантические функции речевых единств : сб. науч. тр. — Калинин : КГУ, 1980. С. 5—10.
22. *Романов А. А.* Иллокутивные индикаторы прямых и косвенных речевых актов // Речевые акты в лингвистике и методике : сб. науч. тр. — Пятигорск, 1986. С. 195—200.
23. *Романов А. А.* Коммуникативно-прагматические и семантические свойства немецких высказываний-просьб : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Калинин, 1982.
24. *Серль Дж. Р.* Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. — М. : Прогресс, 1986. Вып. 17 : Теория речевых актов. С. 195—223.
25. *Солганик Г. Я.* К проблеме типологии речи // ВЯ АН СССР. 1981. № 1. С. 70—79.
26. *Элиешюте С. П.* К вопросу о воздейственности речевого побуждения : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1968.
27. *Arnaud G.-J.* Le dossier Atrée // Les angoisses. — Paris : Fleuve noir, 1992.
28. *Arnothy Ch.* L'ami de la famille. — Paris : B — Grasset, 1984.
29. *Arnothy Ch.* Vent africain. — Paris : B — Grasset, 1989.
30. *Bartschat B.* Struktur und Funktion verbaler Aufforderungen // Lingwistische Studien: Reihe A. Arbeitsberichte. — Berlin, 1982. S. 137—141.
31. *Calef N.* Ascenseur pour l'hélicoptère. — M. : Vyssaja Škola, 1990.
32. *Exbrayat.* Aimez-vous la pizza? — Paris : Librairie des Champs-Élysées, 1991.
33. *Exbrayat.* Espion, où es-tu, m'entends-tu? — Paris : Librairie des Champs-Élysées, 1992.
34. *Exbrayat.* Un coeur d'artichaut. — Paris : Librairie des Champs — Élysées, 1990.
35. *Hancher M.* The Classification of cooperative illocutionary acts // Language in society. 1979. Vol. 8. № 1. P. 1—14.
36. *Leblanc M.* Arsène Lupin, gentlement-cambrioleur. — M. : Ed. Radouga, 1989.
37. *Levinson S. C.* Pragmatics. — Cambridge : Univ. Pr., 1983.
38. *Quentin P.* L'assassin est à bord. — Paris : Librairie des Champs — Élysées, 1985.
39. *Rehbein J.* Komplexes Handeln: Elemente zur Handlungstheorie der Sprache. — Stuttgart : Metzler, 1977.
40. *Sadock J. M.* Towards a linguistic. Theory of Speech Acts. — New York : Acad. Pr., 1974. 11.
41. *Simenon G.* La jument perdue // Tout Simenon 2. — Paris : Presse de la Cité, 1988.
42. *Steeman S. A.* Six hommes morts. — Paris : Librairie des Champs-Élysées, 1983.
43. *Br. Le Varlet.* Le bel amour. — Paris : Editions Albin Michel, 1990.
44. *Zola E.* L'Argent. — Moscou : Ed-s en langues étrangères, 1954.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

Ю. А. Истратова
Екатеринбург, Россия

Y. A. Istratova
Ekaterinburg, Russia

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИМВОЛЫ И СТЕРЕОТИПЫ В
ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ**

**POLITICAL SYMBOLS AND STEREOTYPES
IN POETIC DISCOURSE**

Аннотация. Обсуждается проблема политических стереотипов в поэтическом дискурсе Жоржа Брассенса. Исследование показывает, что в качестве символов французский шансонье использует политические антропонимы и политико-географические топонимы. Политический символизм Брассенса образует одну из важнейших составляющих его творчества.

Abstract. The paper investigates the problem of political stereotypes in Brassens' poetic discourse. The study shows that the French chansonnier uses political anthroponyms and politico-geographic toponyms as symbols. Brassens' political symbolism forms one of the most important constituents of his creative work.

Ключевые слова: символы; стереотипы; аллюзивные онимы; политическая аллюзия; французский язык; Жорж Брассенс.

Key words: symbols; stereotypes; allusive onyma; political allusion; French language; Georges Brassens.

Сведения об авторе: Истратова Юлия Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романского языкознания.

About the author: Istratova Yulia Aleksandrovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Romance Linguistics.

Место работы: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург).

Place of employment: Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg).

Контактная информация: 620075, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, д. 51, к. 111.
e-mail: juliaistratova@list.ru.

Французский поэт и композитор Жорж Брассенс (1921—1981) начал выступать как певец в 1952 г. В шестидесятые годы он был удостоен премии Шарля Кро за лучшие диски года и Гран-при поэзии, однако сам он считал себя не столько поэтом, сколько «автором песен». Его творчество пользуется огромной популярностью не только во Франции, но и в Испании, Италии, Англии, России (подробнее об этом см.: [Носик 2011]).

В поэтических текстах Брассенса наблюдается совмещение различных систем смыслообразования. Одни слова обозначают внешний мир в его конкретности, другие несут аллегорическую семантику, третьи связаны с символикой, четвертые активизируют мифологические значения и символы. Без реконструкции этих семантических слоев, их столкновений и переплетений семантика поэтических текстов не может быть адекватно истолкована. Разумеется, творчество Брассенса уже привлекало внимание исследователей [Bonnafé 1963; Sermonte 1990; Vendromme 2000; Tytgat 2004; Rochard 2005, 2009; Wilmet 2010], однако не все аспекты языка поэта освещены в равной степени. Говоря о языке Брассенса, исследователи почти всегда имеют в виду лексику, семантику, стилистику, метрику или исполнительское мастерство. В то же время специфика текстов французского шансонье определяется не только перечисленными признаками, но также сложностью авторского смыслообразования, связанного, в частности, с употреблением сотен так называемых онимов, зачастую остающихся вне поля зрения исследователей (см. наши специальные публикации: [Истратова 2010а; Истратова 2011]). Многим песням Брассенса присуща острая политическая направленность. Известно, что он ак-

тивно участвовал в политической деятельности Федерации анархистов. Во Франции политическая песня начала развиваться по крайней мере со времен Великой французской революции. Форма шансона издавна рассматривалась как важное средство распространения политических идей. Подобно другим политическим группам, анархисты всегда видели в поэтическом тексте замечательное средство привлечения масс. Они сделали песню одним из своих ключевых пропагандистских средств. Этот аспект творчества французского поэта может быть предметом изучения политической лингвистики, которая представлена в России исследованиями таких ученых, как С. И. Виноградов, В. И. Жельвис, И. В. Вольфсон, А. П. Чудинов [Виноградов 1993; Жельвис 1999; Вольфсон 2003; Чудинов 2006].

Политический символизм Ж. Брассенса построен на двух группах онимов: а) политических антропонимах (именах политических деятелей); б) политико-географических топонимах (географических названиях). Изучение поэзии Брассенса показывает, что в его поэтических текстах встречается более четырехсот аллюзивных и символических онимов [Истратова 2010а, 2011]. Ономастическая аллюзия — излюбленный прием Ж. Брассенса. Наша цель — частично восполнить существующий в исследованиях творчества данного автора пробел, обратив внимание на своеобразии антропонимики и топонимики в текстах Брассенса, которые далеко не всегда представлены простыми именами собственными, дополнительно несут смысловую, поэтическую, аллюзивную, символическую или ассоциативную нагрузку.

Для создания ономастической аллюзии Ж. Брассенс использует, среди прочих антропонимов, имена политиков. В его текстах поли-

тические деятели уступают по числу упоминаемых деятелям культуры, однако актуальная политика в целом одна из животрепещущих тем творчества поэта [Истратова 2010б]. Политическая география Brassens включает прямые и косвенные наименования стран, регионов, провинций, городов, коммун (всего около шести десятков топонимов). Все топонимические ассоциации Brassens образуют символическое (смыслообразующее) поле, состоящее из ассоциативных сфер, часть из которых последовательно рассматривается ниже.

Нельзя не заметить, что в центре топонимической системы французского шансонье находится Париж (Иль-де-Франс). Исследование показывает, что в песнях Brassens встречается более сорока наименований парижских достопримечательностей (кварталов, улиц, мостов и т. п.), которые тесно связаны с биографией поэта и его жизнью в столице. Как следует из приведенных нами фрагментов, для адекватного прочтения творчества Brassens важно отделить автора от его лирического персонажа, понять, о чем говорит поэт, распознать ассоциации, заложенные в поэтические строки [Истратова, Томашпольский 2012]. Рассмотрим два связанных между собой фрагмента известных текстов Brassens (автор и его переводчики не всегда следуют орфографическим и пунктуационным нормам французского и русского языков):

(1) *J'avais dix-huit ans tout juste et quittant ma ville natale, // Un beau jour, ô gué, je vins débarquer dans la capitale. // J'entraî pas aux cris d'«À nous deux Paris» en Île-de-France. // Que ton Rastignac n'ait cure, ô Balzac! De ma concurrence, de ma concurrence* («Les ricochets», 1976 [Brassens 2004: 257]).

(2) *Quand mon âme aura pris son vol à l'horizon, vers celles de Gavroche et de Mimi Pinson, // Celles des titis, des grisettes, que vers le sol natal mon corps soit ramené // Dans un sleeping du «Paris-Méditerranée», terminus en gare de Sète* («Supplique pour être enterré à la plage de Sète», 1966 [Brassens 2004: 185]). — *Ему за облака, ушедшим душам вслед // красоток и бродяг давно минувших лет // свой устремить полет отважный, // а ей к родным местам отправиться чуть свет // на скором, что идет прямой дорогой в Сет, // где свалят гроб на двор багажный* (пер.: [Фрейдкин 2012]).

Символически очерчивая границы столичной жизни нашего героя, оба отрывка совмещают реальные факты из жизни поэта с поэтическими образами. В первом из них, с одной стороны, только что (в октябре 1939 г.) отметивший совершеннолетие Brassens приезжает на поезде на Лионский вокзал Парижа (в феврале 1940 г.). С другой стороны, юный лирический герой, оставив средиземноморское побережье (*ville natale*), с радостью (*ô gué*) сходит на берег (*je vins débarquer*) в столице Иль-де-Франс (*capitale, Île-de-France*), пока еще не по-

нимая, что следует по проторенной дороге бальзаковского Растиньяка, намеренного покорить сердце Франции (у Brassens: «*À nous deux, Paris!*»; у Бальзака: «*À nous deux maintenant!*» — «Посмотрим, кто кого!»).

Отметим, что текст относится к 1976 г., когда Brassens был уже широко известен во Франции, т. е. фактически «покорил Париж». Во втором фрагменте, написанном десятью годами ранее (в 1966 г.), как бы загодя подводя итоги, лирический персонаж говорит, что хотел бы, замыкая круг, обрести вечный покой не в столичном Париже, а на своей малой родине, в городе Сет. Отметим, что несуществующим названием поезда «*Paris-Méditerranée*» (в действительности «*Paris-Lyon-Marseille*») Brassens, скорее всего, обязан названию известной с 1937 г. песни Эдит Пиаф. Позднее «*Paris-Méditerranée*» стало наименованием небольшого ресторана в Сете (см. также пример 3; здесь и далее используются данные интернет-ресурса, посвященного творчеству Brassens [Analyse Brassens 2014]). Заметим, что поэт использует не только конкретные политические топонимы, но целые ряды первичных и вторичных гипо-гиперонимических номинаций, противопоставляя, с одной стороны, *Paris, la capitale, Île-de-France*, с другой — *Sète, la ville natale, la gare de Sète, le sol natal, la plage de Sète, Méditerranée*. Ниже встречаются и другие варианты.

Другая топонимическая сфера — хорошо известные Brassens с детства родные места, большие и малые населенные пункты Юга Франции. Среди южных городов основное место по праву принадлежит городу Сет.

(3) *Maudits soient ces enfants de leur mère patrie // Empalés une fois pour toutes sur leur clocher, // Qui vous montrent leurs tours, leurs musées, leur mairie, // Vous font voir du pays natal jusqu'à loucher. // Qu'ils sortent de Paris, ou de Rome, ou de Sète, // Ou du diable Vauvert ou bien de Zanzibar, // Ou même de Montcuq, ils s'en flattent, mazette, // Les imbéciles heureux qui sont nés quelque part* («La ballade des gens qui sont nés quelque part», 1972 [Brassens 2004: 236]). См. также пример 2.

Фрагменты 2 и 3 показывают, что город Сет занимает важное положение в мире поэтических символов лирического героя. В примере 2 это конечная остановка (*terminus*) на жизненном пути поэта. С одной стороны, в отрывке 3 этот населенный пункт стоит в одном ряду с крупнейшими европейскими столицами Парижем и Римом. С другой — Сет попадает в один ряд с провинциальным Монкюком (*Montcuq*), мифическим Вове-ром (*Vauvert*) и экзотическим Занзибаром (*Zanzibar*, см. пример 18) как объект грубоватой иронии лирического персонажа (*maudits soient, empalés, imbéciles heureux*), как символ местного патриотизма. При этом лирический персонаж не отделяет себя от *imbéciles heureux qui sont nés quelque part*. Отметим, что Brassens и его персонаж не идентичны, так как в разных текстах они высказывают разные, часто несовместимые мнения.

Среди других упоминаний южнофранцузской топонимики отметим следующие: *Лионский залив* (фр. *Golfe du Lion* — у южного побережья Франции, где находятся Сет, Марсель и другие города; название залива — «львиный» — объясняют либо его формой, либо свирепостью ветров; см. фрагмент 4); *Марсель* (фр. *Marseille*) — крупнейший порт Средиземноморья на берегу Лионского залива; *Лангедок* (фр. *Languedoc*) — историческая область на юге; *Бордо* (фр. *Bordeaux*) — город на юго-западе; *Лурд* (фр. *Lourdes*) — город в департаменте Верхние Пиренеи (см. пример 5); *Кюкюньян* (фр. *Cuscignan*) — коммуна в регионе Лангедок-Руссильон; *Монкюк* (фр. *Montcuq*) — коммуна в регионе Миди-Пиренеи (см. пример 3). Все случаи этих употреблений можно найти в нашей публикации [Истратова 2010а]. Вот некоторые фрагменты:

(4) *Trempe, dans l'encre bleue du golfe du Lion, // Trempe, trempe ta plume ô mon vieux tabellion // Et, de ta plus belle écriture, // Note ce qu'il faudrait qu'il advînt de mon corps, // Lorsque mon âme et lui ne seront plus d'accord que sur un seul point: la rupture* («Supplique pour être enterré à la plage de Sète», 1966 [Brassens 2004: 185]).

(5) *Ils ne savent pas ce qu'il perdent, tous ces fichus calotins, // Sans le latin, sans le latin, la messe nous emmerde. // Le vin du sacré calice se change en jus de boudin, // Sans le latin, sans le latin, et ses vertus faiblissent. // A Lourdes, Sète ou bien Parme, comme à Quimper Corentin, // Le presbytère sans le latin a perdu de son charme. // O très Sainte Marie, mère de Dieu, dites à ces putains de moines // Qu'ils nous emmerdent sans le latin* («Tempête dans un bénitier», 1976 [Brassens 2004: 262]).

В отрывке 4 из текста «*Supplique...*» 1966 г., который упоминался выше (см. пример 2), лирический персонаж обращается к воображаемому нотариусу (арх. *tabellion*) с просьбой составить распоряжения о похоронах на пляже Сета на берегу Лионского залива (*Golfe du Lion*, буквально «залив Льва»). Залив представлен в виде огромной чернильницы (по цвету), водами которой нотариус (фактически Провидение) пишет судьбы людей. В другом тексте (пример 5), «*Tempête dans un bénitier*» 1976 г., т. е. «Буря в кропильнице (в сосуде для освященной воды)», отсылающем к крылатому выражению *tempête dans un verre d'eau* (ср. латинскую поговорку *excitare fluctus in simpulo* — «поднять бурю в ковше» — Цицерон, «О законах», III, 16, 36), лирический герой Brassens, который, как известно, не был практикующим католиком, высмеивает уровень проблем Церкви, в данном случае — отказ от латинского языка в богослужении (1962—1965 гг.): без латыни храм божий теряет свое очарование в Лурде, Сете, Парме, Кемпере-Корентене (старое двойное название города Кемпер), т. е. символически «езде».

Реже встречаются упоминания политической топонимики юго-восточной Франции: *Гап*

(фр. *Gap*) — город и коммуна департамента Верхние Альпы; *Динь*, или *Динь-ле-Бен* (фр. *Digne-les-Bains*) — город в Провансе, известный термальными источниками; *Монтелимар* (фр. *Montélimar*); *Тараскон* (фр. *Tarascon*) — город на левом берегу Роны недалеко от Арля, Авиньона и *Бокера* (фр. *Beaucaire*) — города на берегу Роны напротив Тараскона, с которым его соединяют несколько мостов; *Камаре-сюр-Эг* (фр. *Camaret-sur-Aigues*) — коммуна в департаменте Воклюз; *Брив-ла-Гайард* (фр. *Brive-la-Gaillarde*) — город в регионе Лимузен; *Обюссон* (фр. *Aubusson*) — коммуна в том же регионе. Приведем характерные для Brassens примеры употреблений:

(6) *Au marché de Briv-la-Gaillarde // À propos de bottes d'oignons, // Quelques douzaines de gaillardes // Se crépaient un jour le chignon* («Hécatombe», 1952 [Brassens 2004: 19]). — *На базаре в Брив-ля-Гаярде / за расценки на лук-порей / бабы косы друг другу драли — / битвы я не видал смешней* (пер.: [Травин 2014]).

(7) *Faux Aubusson, fausses armures, faux tableaux de maître au mur, // Fausses perles et faux bijoux, faux grains de beauté sur les joues, // Faux ongles au bout des menottes, piano jouant des fausses notes // Avec des touches ne devant pas leur ivoire aux éléphants* («Histoire de faussaire», 1976 [Brassens 2004: 272—273]). — *Набор картин, набор ковров // Намек на старых мастеров // Ресницы, ногти, слой румян // Все — накладное, все — обман // Фальшивый жемчуг, и едва ль // Мог бы похвастаться рояль // Что кости клавиш — чистый слон // И сам фальшивил он на тон* (пер.: [Аванесов 2002: 68]).

Брив-ла-Гайард и Обюссон относятся к региону Лимузен. В качестве сцены для первого сочинения, «Побоище» (см. 6), поэт выбирает один из провинциальных городков с большим «сельскохозяйственным рынком» (который теперь называется «Halle Georges Brassens»), в составе которого традиционный «*marché aux oignons*» (отметим, что у переводчика *oignons* трансформируются в *poireaux*). Здесь и в других текстах Brassens использует юмористическую и ироническую политгеографию, встречающуюся у авторов водевилей, хроникеров и модных сочинителей: «*Hécatombe*», 1952 (*Brive-la-Gaillarde*; см. 6), «*La première fille*», 1954 (*Pontoise, Landerneau*; см. 8), «*À l'ombre du cœur de ma mie*», 1958 (*Landerneau*; см. 8), «*Tempête dans un bénitier*», 1976 (*Quimper-Corentin*; см. 5). Второй городок (см. пример 7) упоминается метонимически для обозначения лимузенских ковров из этого региона. Иначе говоря, Обюссоном называют не только один из французских центров ковроткачества, но и ковер, сотканный в Обюссоне.

Из северо-западных областей Франции встречаются главным образом бретонские и нормандские города и коммуны. К бретонским топонимам относятся *Ландерно* (фр. *Landerneau*); *Анже* (уст. *Анжёр*, фр. *Angers*) —

главный город исторической области Анжу; *Брест* (фр. Brest) — город в департаменте Финистер; *Нант* (фр. Nantes), в прошлом — столица герцогства Бретань; *Кемпер* (фр. Quimper) — город, получивший имя своего основателя — отшельника Корентина, а затем переименованный в Кемпер (брет. Kemper 'слияние рек'); долгое время назывался Кемпер-Корентин.

(8) *J'ai tout oublié les campagnes d'Austerlitz et de Waterloo // D'Italie, de Prusse et d'Espagne, // De Pontoise et de Landerneau* («La première fille», 1954 [Brassens 2004: 38]). — *Зубрил историю я в школе, // Но позабыл давным-давно // Кто бил кого на ратном поле // При Понтуаз и Ландерно* (пер. [Аванесов 2002: 55]).

Автор перечисляет сражения, известные по истории Первой мировой войны. Отметим, что в переводе сохранены только французские топонимы. Остальные замены по смыслу («кто бил кого на ратном поле»). Из *нормандской* политгеографии упоминается, например, *Ла-Виллет* (фр. La Villette) — коммуна в Нижней Нормандии:

(9) *Près d'elle, un jour, passa superbe un ange blond, // Un bellâtre, un bélître au torse d'Apollon, // Une espèce d'athlète. // Comme mue d'un ressort, dressée sur son séant, // Elle partit avec cet homme de néant, // Costaud de la Villette* («L'inestimable sceau» [Brassens 2004: 381]).

Северо-восток Франции представлен небольшим перечнем топонимов. Среди них — несколько населенных пунктов Лотарингии: *Гравелотт* (фр. Gravelotte) — коммуна в регионе Лотарингия; *Вердён* (фр. Verdun) — город в Лотарингии; *Банье* (фр. Bagnaux) — коммуна во французском департаменте Мёрт и Мозель; несколько топонимов Пикардии: *Лилль* (фр. Lille) — центр текстильной промышленности; *Монфокон* (фр. Montfaucon) — и один город Бургундии: *Дижон* (фр. Dijon).

(10) *J'ai pris la route de Dijon pour voir un peu la Marjolaine, // La belle digue digue don, qui pleurait près de la fontaine. // Mais elle avait changé de ton, il lui fallait des ducats // Dedans son bas de laine pour n'avoir plus de peine* («La route aux quatre chansons», 1965 [Brassens 2004: 177]).

(11) *À l'heure de Pétain, à l'heure de Laval, // Que faisiez-vous mon cher en plein dans la rafale ? // Je chantais, et les autres* (см. примеч. 1) *ne s'en privaient pas, // «Bel Ami»* (см. примеч. 2), *«Seul ce soir»* (см. примеч. 3), *«J'ai pleuré sur tes pas»* (см. примеч. 4).

Mon cher, un peu plus tard, que faisait votre glotte // Quand en Asie ça tombait comme à Gravelotte ? // Je chantais, il me semble, ainsi que tout un tas // De gens, «Le déserteur» (см. примеч. 5), *«Les croix»* (см. примеч. 6), *«Quand un soldat»* (см. примеч. 7).

Que faisiez-vous mon cher au temps de l'Algérie, // Quand Brel était vivant qu'il habitait Paris ? // Je chantais, quoique désolé par ces combats, // «La valse à mille temps» et «Ne me quitte pas» [Brassens 2004: 366].

Текст отрывка 11 насыщен политическими и культурными реалиями и символами. Они были хорошо понятны во Франции 1940—1960-х гг., но для русскоязычных читателей требуются дополнительные пояснения: ¹⁾ «Les autres» 'другие' — к «другим», продолжавшим петь при Лавале и Петене, Brassens относит, вероятно, Тино Росси, арестованного по политическим причинам в октябре 1944 г. на три недели после освобождения Франции; ²⁾ «Bel Ami», «Милый друг» — имеется в виду, конечно же, не роман французского писателя Ги де Мопассана, а песня Луи Потра (Louis Poterat), исполнявшаяся в 1941 г. Евой Буш (Eva Busch); ³⁾ «Seul ce soir», «Сегодня вечером я один» — песня 1941 г. (Durand, Noël, Casanova) в исполнении Андре Клаво (André Claveau); ⁴⁾ «J'ai pleuré sur tes pas», «Я плакал, когда ты ушла» — песня 1943 г. (слова Tessier, музыка Simonot) в исполнении Андре Клаво (André Claveau); ⁵⁾ «Le Déserteur», «Дезертир» — песня Бориса Виана (Boris Vian, 1954) в исполнении Марселя Мулуджи (Marcel Mouloudji), подвергшаяся цензуре на радио из-за ее антивоенной направленности; ⁶⁾ «Les Croix», «Кресты» — одна из песен на слова Луи Амада (Louis Amade, 1953), принесшая большой успех Жильберу Беко (Gilbert Bécaud); ⁷⁾ «Quand un soldat», «Когда солдат с войны вернется» — песня 1952 г. в исполнении Франсиса Лемарка (Francis Lemarque), где есть такие слова: *Quand un soldat revient de guerre il a // Simplement eu d'la veine et puis voilà.*

Еще одна область политических символов — условное дальнейшее зарубежье. Brassens упоминает небольшое число государств, а также населенных пунктов Европы, Африки и Азии в их символическом, стереотипном значении.

Заключение. Политическая аллюзия Brassens построена на двух группах онимов: а) политических антропонимах (именах политических деятелей); б) политико-географических топонимах (географических названиях). В текстах насчитывается полтора десятка политических антропонимов, среди которых имена политических деятелей древности (например, Аттила, Крез), Нового времени (Наполеон Бонапарт, Генрих II, герцог Мальбрук), современности (Франклин, Франко, Муссолини, Лаваль, Петен, Сталин). Наряду с антропонимами, на политической карте Brassens — более шести десятков политических топонимов. Среди них названия стран, регионов, провинций, городов, в первую очередь Франции, а также Европы, Африки и Азии.

Антропонимы и топонимы неотделимы от политических символов (стереотипов), так или иначе проявляющихся в текстах. Перед нами не простые имена политических деятелей и топонимы, обозначающие место на карте, а имплицативная ономастика, несущая дополнительные смыслы. Как показывают приведенные нами фрагменты поэтических текстов, для адекватной интерпретации творчества Брас-

сенса важно понять, о чем говорит поэт, распознать символические смыслы, заложенные автором в поэтических строках. Политический символизм Brassens образует одну из важнейших составляющих, анализ которой необходим для понимания песенного творчества французского шансонье.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аванесов А. Г.* Brassens в русском переводе. — М. : Стратегия, 2002.
2. *Виноградов С. И.* Слово в парламентской речи и культура общения // Русская речь. 1993. № 2—4.
3. *Вольфсон И. В.* Язык политики. Политика языка. — Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2003.
4. *Жельвис В. И.* Инвектива в политической речи // Русский язык в контексте культуры. — Екатеринбург, 1999.
5. *Истратова Ю. А.* Аллюзивная ономастика в поэзии Brassens / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2011.
6. *Истратова Ю. А.* Аллюзия во французской поэзии: Ж. Brassens. — Екатеринбург : Изд-во УГТУ-УПИ, 2010а.
7. *Истратова Ю. А.* Политическая аллюзия у Brassens // Политическая лингвистика. 2010б. № 4 (34). С. 188—191.
8. *Истратова Ю. А., Томашпольский В. И.* По Парижу с Brassensом // Плюрилингвизм и мультилингвизм. — Тюмень, 2012. С. 128—138.
9. *Носик Б. М.* Прогулки по Парижу с Борисом Носиком. — М. : Эксмо, 2011.
10. *Травин А.* URL: <http://translatesong.livejournal.com/15374.html> (дата обращения: 28.09.2014).
11. *Фрейдкин М.* Собрание сочинений : в 3 т. — М. : Водолей, 2012.
12. *Чудинов А. П.* Политическая лингвистика. — М. : Флинта, 2006.
13. *Analyse Brassens.* URL: <http://www.analysebrassens.com> (дата обращения: 28.07.2014).
14. *Bonnafe A.* Brassens. — Paris : Seghers, 1963.
15. *Brassens G.* Poèmes et chansons. — Paris : Éditions du Seuil, 2004.
16. *Rochard L.* Brassens par Brassens. — Paris : Le Cherche midi, 2005.
17. *Rochard L.* Les mots de Brassens. — Paris : Le Cherche midi, 2009.
18. *Sermonte J.-P.* Brassens: le prince et le croque-notes. — Paris : Rocher, 1990.
19. *Tytgat A.* L'univers symbolique de Georges Brassens. — Paris : Carpentier, 2004.
20. *Vendromme P.* Brassens. Le petit père. — Bruxelles : Éditions Marc Laudelout, 2000.
21. *Wilmet M.* Brassens libertaire. — Bruxelles : Aden, 2010.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

С. Р. Макурова
Майкоп, РоссияS. R. Makerova
Maykop, Russia**КОРРЕЛЯЦИЯ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ФОРМЫ
И ФУНКЦИЙ ЯЗЫКА****THE CORRELATION OF A GRAMMATICAL FORM
AND LANGUAGE FUNCTIONS**

Аннотация. Рассматриваются вопросы языковой (грамматической) формы, а именно признаки маркированности грамматического значения (эксплицитного и имплицитного) в ракурсе когнитивно-ориентированной морфологии. Анализируются функции языка; особое внимание уделяется их когнитивной сложности. Выявлено, что язык в тексте функционирует в соответствии с неразрывной взаимосвязью «системы и среды». В текстах представлено бесконечное разнообразие семантических контекстных приращений в грамматиках и трансформаций грамматических категорий. Установлено, что содержание первостепенно, в то время как форма (грамматическая) является маркером эксплицитного и, что особенно важно, имплицитного содержания.

Abstract. The article deals with the problem of the grammatical form, and namely its indication of a marked grammatical meaning (explicit and implicit) within the scope of cognitive-oriented morphology. The language functions are analyzed; special attention is given to their cognitive complexity. It is revealed that the language functions in the text in accordance with the inseparable connection of "the system and the environment". A great variety of semantic contextual implications in grammemes and transformations of grammatical categories take place in written discourse. It is stated that the content is primary and the grammatical form is the marker of explicit and, what is especially important, implicit meaning.

Ключевые слова: грамматическая форма; функция языка; грамматическое значение; имплицитный смысл; эксплицитный смысл; грамматическая категория; среда.

Key words: grammatical form; language function; grammatical meaning; implicit meaning; explicit meaning; grammatical category; context.

Сведения об авторе: Макурова Сусанна Рашидовна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английской филологии.

About the author: Makerova Susanna Rashidovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of Department of English Philology.

Место работы: Адыгейский государственный университет (Майкоп, Россия).

Place of employment: Adyge State University (Maykop, Russia).

Контактная информация: 385000, г. Майкоп, ул. Университетская, 208.
e-mail: susanna04@rambler.ru.

В центре внимания науки о языке на протяжении многовековой истории находится языковая форма. Это формальный признак со всеми своими свойствами и проявлениями, которые поддаются описанию. Однако если морфологию понимать просто как учение о формах (в отрыве от их семантического наполнения и особенностей выбора на оси селекции), то действительно можно говорить о полной исчерпанности собственно морфологической проблематики: самые полные списки парадигм со всеми формальными модификациями давно стали достоянием грамматик и грамматических словарей. Однако когнитивно ориентированная морфология исходит из того предположения, что выбор формы обуславливается особенностями человеческого интеллекта и коммуникации, т. е. когнитивной способностью человека. «...Исчерпывающее описание языка не может быть дано без полного описания человеческой когниции» [Halliday, Hassan 1989: 63], и это в полной мере относится к морфологическому уровню. В. А. Плунгян [Langacker 1987: 78] справедливо называет важнейшим свойством грамматического значения «когнитивную выделенность» (в связи с этим — регулярные способы импликации), которая, в свою очередь, предопределяет такое основополагающее качество грамматического значения, как облигаторность. Второе звено — нерегулярные (окказиональные) импликации — предполагает такое свойство, как контексту-

ально обусловленную вариативность. Это представляет особый интерес в рамках письменного дискурса и требует глубокой проработки и анализа.

В современной лингвистике особый интерес представляют проявления языковой формы в определенной «среде», так называемое «дискурсивное поведение» языковой формы. По Э. Бенвенисту [Бенвенист 1974: 45] (а вслед за ним это утверждали многие авторитетные языковеды), языковая форма напрямую связана с функционированием данной конкретной единицы.

В лингвистической теории существуют различные классификации функций языка, однако под разными наименованиями порою обнаруживаются сходные функции. Так, австрийский психолог К. Бюлер [Бюлер 1993: 67] выделяет три функции: экспрессивную, существующую в системе *язык — индивид* и рассматриваемую в отношении самого говорящего, т. е. в плане использования языка как средства самовыражения; конативную — функцию общения, рассматриваемую в системе *говорящий — слушающий*, и, наконец, репрезентативную, обеспечивающую взаимодействие индивида и окружающей его среды, куда, однако, другие индивиды К. Бюлером не включаются. Последняя функция связана со способностью материи к отражению и свойством человеческого мозга обеспечивать лингвистическую обработку экстралингвистической реальности. Функции

К. Бюлера отражают позицию психолога, для которого язык интересен именно в системе *язык — индивид*, где индивид является отправной точкой анализа.

Р. Якобсон [Якобсон 1965: 375], представляя общение как взаимодействие адресанта, сообщения, адресата, контекста, контакта и кода, выделяет следующие шесть функций речи: экспрессивную (или эмотивную), поэтическую, конативную, реферативную, фатическую и металингвистическую. Представитель Пражского лингвистического кружка А. Мартине [Мартине 1963: 367—370] указывает на то, что суть его подхода определяется отношением к языку как к социальному явлению, возникшему из потребности общения. В работе выделяются три основные функции языка: коммуникативная, экспрессивная и эстетическая. Последняя функция, по мнению автора, тесно связана с двумя первыми, обусловлена ими и является гораздо более сложной для анализа. Под экспрессивной функцией понимается роль языка как средства выражения мыслительного процесса индивида и выражения отношения говорящего к экстралингвистическим факторам безотносительно к наличию коммуникации.

М. А. К. Халлидей [Halliday, Hassan 1989: 68—72] выделяет три метафункции. Первая — понятийная (*ideational*), в соответствии с которой язык функционирует как средство передачи опыта о закономерностях окружающего мира и опыта языковых реалий, отражающих эти закономерности. В качестве второй выделяется межличностная функция (*interpersonal*), проявляющаяся в использовании языка как средства общения между людьми, в том числе для оказания воздействия на собеседника, а также выражения позиции говорящего. Третья функция, текстовая (*textual*), позволяет воплощать язык в устной или письменной форме и связана с оформлением связных отрезков речи, обусловленных прагматически. Текстовая функция реализуется через тематическую и информационную структуры (или системы) и соответствующие когезивные отношения [Бисималиева 1998: 9]. В работе «*Language, Context and Text*» [Halliday, Hassan 1989: 15]. М. А. К. Халлидей и Р. Хасан приравнивают понятие «функция» к понятию «употребление». Мы полагаем, что между этими понятиями не всегда можно поставить знак равенства, так как употребление полностью зависит от участника коммуникации и его прагматической установки (т. е. всегда целенаправленно), в то время как функция не задается самим говорящим, а является сопутствующей значению (в первую очередь грамматическому) и связана с грамматической формой.

В. В. Виноградов выделяет три функции языка: функцию общения, сообщения и воздействия [Виноградов 1978]. Н. А. Слюсарева указывает на четыре функции языка: коммуникативную, когнитивную, эмоциональную и метаязыковую, причем основополагающими яв-

ляются первые две функции [Слюсарева 1981: 68]. Коммуникативная и когнитивная функции тесно связаны и определяют друг друга. Если первая связана с процессом человеческого общения, получения и передачи информации, то вторая заключается в приобретении, накоплении и обработке индивидом информации, включая информацию экстралингвистического плана (об окружающем мире) и лингвистическую (знания грамматических правил и правил употребления языка в зависимости от социального и иного вида контекста). В этой связи важно отметить потенциал импликатур, которые актуализируют свое значение на разных уровнях. «Имплицативное» относится в первую очередь к сфере когнитивного, подразумеваемого, но косвенно вербализованного. Таким образом, импликатуры можно по праву считать осложненными ментальными образованиями.

Эмоциональная функция также находит свое выражение в процессе коммуникации. Любое высказывание передает некоторую эмоциональную оценку или эстетическое восприятие того, о чем идет речь. В каждом высказывании дополнительно, но в то же время неотделимо от структурных характеристик и содержания, идет выражение чувств говорящим с помощью различных языковых средств.

Метафункция рассматривается как способность языка в полном объеме, непротиворечиво описывать самого себя.

Функции, выделяемые Г. Куком [Cook 1989], почти полностью совпадают с функциями Р. Якобсона. К глобальным, или макрофункциям, языка он относит следующие: эмотивную (*emotive*) — сообщение о внутреннем состоянии и чувствах говорящего; директивную, или конативную (*directive*) — воздействие на поведение адресата; контактоустанавливающую, или фатическую (*phatic*) — открытие канала связи или проверка его наличия; поэтическую (*poetic*) — когда конкретная выбранная форма является сутью послания; референциальную (*referential*) — передачу информации; металингвистическую (*metalinguistic*) — концентрацию внимания на самом языке или коде с целью его разъяснения или пересмотра; контекстную (*contextual*) — создание коммуникации особого рода. Однако, как справедливо отмечает Г. Кук, часто не замечают двойственный характер термина «функция», который может означать как «функцию для получателя», так и «функцию для отправителя», которые необязательно будут совпадать. Другими словами, термин «функция» может относиться как к результату дискурса (для получателя), так и к намерению (для отправителя). С точки зрения прагматики функции рассматриваются в терминах намерения отправителя. Толкование текста часто связано с функцией как результатом для получателя. Большинство классификаций языковых функций соединяют два этих подхода, не разграничивая этих (разных)

функций. Мы согласны с представленной дихотомией, однако не поддерживаем разделение на прагматику-1 (со стороны автора) и прагматику-2 (со стороны читателя), так как если прагматика со стороны автора действительно существует, то прагматика со стороны читателя не может быть выявлена.

Представленные функции реализуются языковыми и неязыковыми средствами в процессе устного и письменного речевого общения. Можно не согласиться с рядом лингвистов [Бюлер 1993: 9—11], которые считают неязыковые средства достоянием только устной речи. Ведь и в письменной речи, наряду с языковыми (вербальными), существуют и невербальные средства, такие как пунктуация, шрифт, подчеркивание и различного типа графоны. Такую функцию, на наш взгляд, выполняют и знаки препинания, маркирующие парантетические вхождения. Очевидно, что в тексте все средства являются индивидуальным способом выражения авторской мысли, что определяет их прямую зависимость от интенции автора.

Не согласимся с тем, что любое речевое сообщение есть средство выражения мыслей адресанта (экспрессивная функция) для оказания воздействия на адресата (конативная функция). В первую очередь общение — это коммуникативный акт, при котором речевое сообщение может оформляться определенным образом (поэтическая функция) и наполняться определенным содержанием (реферативная функция). Сообщение содержит те или иные средства для организации общения (фатическая функция) и организации текста (введение в него средств членения, оценки, интерпретации и т. д.) (металингвистическая функция) [Бисималиева 1998: 10].

В тексте реализуются следующие функции, которые подчинены основополагающей — функции манипулятивного воздействия:

- 1) экспрессивная,
- 2) реферативная,
- 3) фатическая.

Эти функции полностью зависят от основополагающей функции коммуникации, связанной с процессом обработки информации и ее передачи — когнитивной функцией, перспективность исследования которой очевидна для выявления скрытых смыслов, закодированных в граммемах (в рамках когнитивной грамматики как раздела когнитивной лингвистики).

Зачастую ведущие теоретики языкознания избегают использовать коллокацию «когнитивная лингвистика» и предпочитают говорить о когнитивном подходе к языку. А. Е. Кибрик [Кибрик 2008: 52] пишет о том, что, получив широкое хождение, термин когнитивная лингвистика стал модным и в известной степени был скомпрометирован вульгарным применением. Что касается самой сущности когнитивной

стихи, то она состоит прежде всего в стремлении не просто описывать языковые факты, но выявлять причины использования тех или иных языковых знаков. Для когнитивного подхода характерно повышенное внимание к внешним характеристикам языкового знака и постоянное отслеживание кажущихся случайностей языковой формы, поскольку за ними может стоять нечто важное, имеющее серьезные последствия. По сути дела, пишет А. Е. Кибрик, всякая хорошая лингвистика следует таким целям, а значит, она когнитивна; «но разница между эксплицитными и имплицитными целями существует: вероятность найти то, что специально ищешь, значительно выше» [Кибрик 2008: 76].

Задача создания когнитивной грамматики только поставлена, и есть лишь первые приблизительные результаты на этом пути. В самом деле, если использование видовых форм никогда не вызывает речевых затруднений у носителей русского языка, то объяснение семантического содержания видового противопоставления связано с огромными трудностями. Каждый преподаватель русского языка как иностранного испытывал беспомощность при объяснении семантического содержания форм совершенного вида будущего времени, ср.: «Каждый из нас не раз испытывал чувство неудовлетворенности, пытаюсь при помощи обычных грамматических описаний логически убедительно и исчерпывающе объяснить самому себе или своим ученикам употребление видов в русском языке» [Телин 1985: 530]. Наследие «поверхностной» аспектологии (как и грамматики в целом) — это представление о полном и однозначном соответствии между системным семантическим содержанием и грамматической реализацией, которое отразилось в попытках генерализации семантики с помощью единственной семантической оппозиции (ср. попытки установления «инвариантных» значений глагольного вида или именного числа). Однако контекст вносит свои коррективы (или, скорее, предоставляет определенную степень «свободы» в использовании формы в конкретной среде): *...in view of that history, the November 4 election of an African-American father (a bi-racial Black man) as president marks the highest electoral point of the post-civil rights revolution. This is the historical context of Obama's election victory. For the Black community it is not about Democrat versus Republican, lesser evilism or anything else (Even the first Black female Republican Secretary of State Condoleezza Rice choked up the day after Obama's win)* [Against The Current 2009: 36].

В рассматриваемом примере сравнительная степень *lesser* в сочетании с авторским окказионализмом *evilism* (в котором суффикс *-ism* передает значение осуждаемого заблуждения, предрассудка), маркированным по степени экспрессии, обладает пейоративной им-

пликацией. Нетипичная форма обретает в контексте гораздо более емкое содержание.

Представление о тексте как о результате языкового кодирования и одновременном объекте языкового декодирования позволяет более адекватно интерпретировать грамматические формы. Выбор форм вида в императиве традиционно пытались связывать с вежливостью. Известный итальянский славист Розанна Бенаккио приводит прямо противоположные высказывания: одни считают более вежливыми императивы несовершенного вида, другие — совершенного [Бенаккио 2010: 14—15, 66—68]. Убедительно разъясняются подобные факты в трудах Е. В. Падучевой, которая указала компоненты значения несовершенного и совершенного видов в императиве, среди них — компонент обусловленности действия контекстом или ситуацией. *Садитесь* говорят в ситуации, когда это сказать естественно; *сядьте* скорее скажут в ситуации, когда человек не собирався садиться.

Таким образом, можно говорить о ситуативной импликации, которая выражена в определенной грамматической форме.

В когнитивно-дискурсивном плане следует отметить, что обусловленность ситуацией предопределяет вежливое или невежливое звучание императива: употребление несовершенного вида там, где ожидается совершенный вид, делает высказывание невежливым, ибо представляет ситуацию так, будто адресат обязан выполнить действие.

И даже такая на первый взгляд «ясная и прозрачная» категория, как число, тоже не исчерпывается парадигмальными списками, поскольку нет единого правила, которое помогло бы во всех случаях использовать числовые формы. Использование числовых форм изначально предполагало реализацию счета, связанную с понятием числа. Счет же, равно как и измерение, является в первую очередь средством выявления количественной определенности, тогда как грамматическое значение множественности передает прежде всего количественную неопределенность (что отмечалось еще в античных грамматиках).

Рассмотрим следующий пример: *Now that the American people are being called upon to finance this solution, the American people have the right to certain protections and assurances from Washington* [A Financial Plan: Remarks in Florida. Tampa, Florida 2008: 41].

В приведенном примере пассивный залог используется с конкретной целью — скрыть субъект (*Washington* и *Wall Street*), который не упоминается, однако имплицитно подразумевается.

Осмысление и описание таких фактов в области морфологических форм еще в самом начале пути. Адекватное объяснение таких фактов возможно только с опорой на лексическую семантику и на совокупность факторов, которые в

терминологии А. В. Бондарко получили название «среды» [Бондарко 2001: 4—13].

С идеей о неразрывной связи «системы» и «среды» согласуется программа интегрального описания языка. Она нацелена на согласованность грамматического и словарного описания. При таком подходе в описании языка не останется лакун: лексемам будут в явном виде приписаны все свойства, релевантные для функционирования грамматических правил, и любая форма поведения лексем, не упомянутая в словаре, будет учитываться правилами.

Совершенно очевидно, что в различных текстах (разных стилей) может быть представлено разное количество семантических контекстных приращений и трансформаций грамматических категорий. Ю. М. Лотман [Лотман 1992: 130] пишет, что текст есть сложное устройство, хранящее многообразные коды, способные трансформировать получаемые сообщения и порождать новые, как информационный генератор, обладающий чертами интеллектуальной личности.

Нельзя недооценивать форму и ее значимость. Однако форма без содержания несущественна. Так, «музыка лишена предметной определенности и познавательной дифференцированности, но она глубоко содержательна: ее форма выводит нас за пределы акустического звучания, и отнюдь не в ценностную пустоту, — содержание здесь в основе своей этически (можно говорить и о свободной, не предопределенной предметности этического напряжения, обываемого музыкальной формой). Бесконтентная музыка как организованный материал была бы не чем иным, как физическим возбудителем психофизиологического состояния удовольствия» [Ортега-и-Гассет 2005: 29].

И действительно, форма может потерять первичное отношение к содержанию, а содержание может быть низведено до «чисто формального момента» [Бахтин 1975: 35].

Таким образом, содержание первостепенно, в то время как форма (в данном случае грамматическая) является маркером этого содержания.

Продюцент, таким образом, берет на себя ответственность за использование языка и любые трансформации. Показательно замечание Х. Ортеги-и-Гассета: «Писать хорошо — значит постоянно подтачивать общепринятую грамматику, существующую норму языка. Это акт перманентного мятежа против окружающего общества, подрывная деятельность» [Ортега-и-Гассет 2005: 29].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. — М.: Художественная литература, 1975.
2. Бисималиева М. К. Функциональная перспектива научно-филологического текста. — М.: Диалог МГУ, 1998.

3. *Бенаккио Р.* Вид и категория вежливости в славянском императиве: сравнительный анализ. — München : O. Sagner Verl., 2010.
4. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. — М. : Прогресс, 1974.
5. *Бондарко А. В.* Лингвистика текста в системе функциональной грамматики // Текст. Структура и семантика. — М., 2001. Т. 1. С. 4—13.
6. *Бюлер К.* Теория языка. Репрезентативная функция языка. — М. : Прогресс, 1993.
7. *Виноградов В. В.* История русских лингвистических учений : учеб. пособие для филол. специальностей ун-тов / сост. Ю. А. Бельчиков ; предисл. Ю. В. Рождественского. — М. : Высш. школа, 1978.
8. *Кибрик А. Е.* Лингвистическая реконструкция когнитивной структуры // Вопросы языкознания. 2008. № 4. С. 51—77.
9. *Лотман Ю. М.* Избранные статьи. — Таллинн, 1992. Т. 1. С. 129—132.
10. *Мартине А.* Основы общей лингвистики / пер. с франц. В. В. Шеворошкина // Новое в лингвистике / сост., ред. и вступ. ст. В. А. Звегинцева. — М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1963. Вып. 3. С. 366—566.
11. *Ортега-и-Гассет Х.* Миссия университета / пер. с исп. М. Н. Голубевой ; ред. пер. А. М. Корбуг ; под общ. ред. М. А. Гусаковского. — Минск : БГУ, 2005.
12. *Слюсарева Н. А.* Проблемы социальной природы языка в трудах французских лингвистов // Теоретические проблемы социальной лингвистики. — М. : Наука, 1981. С. 56—72.
13. *Телин Н. Б.* Вид и способ действия в русском языке // Новое в зарубежной лингвистике. — М., 1985. Вып. 15. С. 528—637.
14. *Якобсон Р.* Разработка целевой модели языка в европейской лингвистике в период между двумя войнами // Новое в лингвистике. — М. : Прогресс, 1965. Вып. 4. С. 372—377.
15. *Cook G.* Discourse. — Oxford Univ. Pr., 1989.
16. *Halliday M. A. K., Hassan R.* Language, Context and Text: Aspects of Language in a social-semiotic perspective. — Oxford : Oxford Univ. Pr., 1989. P. 51—118.
17. *Langacker R. W.* Foundations of cognitive grammar. — Stanford : Stanford Univ. Pr., 1987. Vol. 1 : Theoretical Prerequisites.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Е. В. Шустрова.

Е. Б. Матыгина
Челябинск, Россия

E. B. Matygina
Chelyabinsk, Russia

**КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ МЕТАФОРИЧЕСКИЙ
СЦЕНАРИЙ «ПУТЬ К ДЕМОКРАТИИ»
ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
КОНДОЛИЗЫ РАЙС**

**THE CONCEPTUAL METAPHORIC SCENARIO
“PATH TO DEMOCRACY”
IN THE FOREIGN POLICY DISCOURSE
OF CONDOLEEZZA RICE**

Аннотация. Статья посвящена одной из базовых концептуальных метафор внешнеполитического американского дискурса, выделенных Джорджем Лакоффом, а именно концептуальной метафоре «Путь к демократии». В теоретической части статьи рассматриваются особенности данной метафоры во внешнеполитическом американском дискурсе, описываются ее аспекты, дается определение концептуальному метафорическому сценарию. В практической части статьи уделяется внимание тому, как концептуальная метафора «Путь к демократии» употребляется в официальных заявлениях госсекретаря США Кондолизы Райс и по какому концептуальному сценарию данная метафора разворачивается в ее официальных речах.

Abstract. The article deals with one of the basic conceptual metaphors of American foreign policy discourse distinguished by George Lakoff, and namely the conceptual metaphor “PATH TO DEMOCRACY”. The theoretical part of the article considers the peculiarities of this metaphor in American foreign policy discourse, describes various aspects of the metaphor and gives the definition of the conceptual metaphoric scenario. The practical part of the article dwells on real cases of usage of the metaphor under consideration in the official remarks of US Secretary of State Condoleezza Rice and describes the conceptual metaphoric scenario of this metaphor in the Secretary's official discourse.

Ключевые слова: базовая концептуальная метафора; концептуальный метафорический сценарий; Джордж Лакофф; Кондолиза Райс; американский внешнеполитический дискурс; демократия.

Key words: basic conceptual metaphor; conceptual metaphoric scenario; George Lakoff; Condoleezza Rice; American foreign policy discourse; democracy.

Сведения об авторе: Матыгина Екатерина Борисовна, аспирант кафедры риторики и межкультурной коммуникации.

About the author: Matygina Ekaterina Borisovna, Postgraduate Student of the Chair of Rhetoric and Intercultural Communication.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Place of employment: Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg.

Контактная информация: 620017, Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, 285.
e-mail: katerinamatygina@mail.ru.

При рассмотрении базовых метафорических систем американского внешнеполитического дискурса Джордж Лакофф уделяет внимание концептуальной метафоре «Путь к демократии» [Lakoff, 1999: 33—34]. Эта метафора активно использовалась американскими политиками на всех этапах развития США, и в ее основе лежит предположение о том, что демократия — это наиболее правильная с моральной точки зрения форма управления государством, способствующая предотвращению военных конфликтов. В соответствии с этой точкой зрения, западные демократии отличаются определенными доступными для наблюдения свойствами: свободными выборами, свободной прессой, гражданскими свободами, независимой судебной системой, гражданским контролем военной силы, свободными рынками и процветающими институтами гражданского общества. Если страна становится на демократический путь, то она продолжит движение по этому пути и в перспективе станет полноценной демократией. По этой логике начинать путь к демократии могут и страны, управляемые диктаторами, особенно если это соответствует национальным интересам и безопасности США и мирового сообщества. Таким странам может быть оказана военная помощь, или они могут получать кредиты от Всемирного банка. Вместе с тем на каждом этапе полити-

ческого развития рассматриваемая метафора получает тот или иной сценарий реализации. Основная задача настоящего исследования — выявление сценария реализации концептуальной метафоры «Путь к демократии» в личностном дискурсе Кондолизы Райс [Condoleezza Rice], занимавшей пост Государственного секретаря США с января 2005 г. по январь 2009 г. Как известно, после утверждения в должности Райс стала инициатором курса «Трансформационной дипломатии», направленного на расширение числа ответственных демократических правительств в мире и особенно на Большом Ближнем Востоке. Названная концепция оказала существенное воздействие на развитие рассматриваемого метафорического сценария в американском политическом дискурсе XXI в.

При рассмотрении базовых концептуальных метафор внешнеполитического дискурса следует учитывать, что эти метафоры постоянно взаимодействуют, дополняют друг друга и получают в политическом тексте параллельное развитие. Так, концептуальная метафора «Путь к демократии» сопровождается и сочетается с другой доминантной метафорой: «Нация — человек». Прежде метафора «Нация — человек» определяла национальный интерес как в первую очередь военную мощь и экономическое здоровье страны, но администрация

Клинтона поменяла компоненты национально-го интереса местами, поставив на первое место экономическое развитие. Таким образом, движение к экономической глобализации стало движением ко все разрастающейся демократизации, а поэтому — к миру во всем мире. Появляется представление о том, что «пряник коммерции заменяет, насколько это возможно, кнут военных действий, а основные экономические интересы в каждой стране склоняют ее на сторону мира». Именно такое видение во внешней политике позволяет представлять главную роль войск как миротворческую.

Следует упомянуть еще об одном аспекте описываемой концептуальной метафоры: о существовании «водосточных колодцев» на пути к демократии. В данном случае речь идет об уместности «Пути к демократии». Становятся ли страны, которым оказывается помощь в продвижении на демократическом пути, демократиями? Поскольку внутренняя сущность государств становится частью внешней политики, то ключевую роль начинает играть культура и история страны, и в связи с этим возникает вопрос: у всех ли стран есть подходящие для демократии культурные позиции и исторические предпосылки?

Для подведения итога теоретического раздела и перехода к практической части нашего исследования обратимся к определению концептуального метафорического сценария.

Под концептуальным метафорическим сценарием мы, ориентируясь на определение, предложенное Андреасом Мусолффом, понимаем «систему допущений, сделанных компетентными членами дискурсивного сообщества о „типичных“ аспектах ситуации-источника, например, ее участниках и ролях, драматических сюжетных линиях и развязках, а также общепринятые заключения о том, считать ли их успешными или неуспешными, естественными или неестественными, допустимыми или неправомерными и т. п.» [Musolf 2006: 28]. Метафорический сценарий, как правило, имплицитно заложен в дискурсе. Он может быть выявлен или обнаружен путем исследования отдельных деталей в тексте и нахождения их в корпусе текстов. Следуя этому утверждению, мы совершили путешествие по текстам официальных заявлений Кондолизы Райс и выявили следующий сценарий «продвижения демократии».

1. США — истинно демократическое государство, гарант демократических свобод в мире. Америка нашла в себе силы пройти путь к демократии, твердо стоит на демократическом пути и гордо шествует по нему. У США есть новая историческая миссия — проведение в жизнь трансформационной дипломатии, а именно создание баланса силы в мире, способствующего распространению независимости и свободы. США не одиноки на своем пути: у государства-лидера есть союзники — другие развитые демократические страны, такие как

Германия, Великобритания, Италия, Франция, Япония и др. Эти страны находятся на правильном рубеже истории, на правильной границе свободы, союзники — это «доноры демократии». Приведем примеры:

- *It's a country that truly tries to make the promise of a multiethnic democracy that is inclusive and for all people true. It wasn't always the case, but we've made that journey and we'll continue to make that journey* (Farewell remarks to the State Department Press Corps, Washington, DC, January 16, 2009).

- *I want to thank the people of Italy, the government of Italy and the Prime Minister, Berlusconi, and the Foreign Minister for Italy's steadfast friendship, for the friendship that goes beyond governments, to the people of America and Italy — many of whom share ties of kinship, and for a relationship that has been at the core of our ability to be successful in the past in the promotion of freedom and democracy, and that we believe will be at the core of our future efforts to do so* (Remarks With Italian Foreign Minister Gianfranco Fini, Villa Madama Rome, Italy, February 8, 2005).

- *As I said earlier, this is not an issue of military power. This is an issue of the power of ideas, of the power of being able to support people in those societies who are just tired of being denied their freedom.*

And so this is a great goal, not just for the United State, but for all of us who are fortunate enough to live on the right side of freedom because in each and every case, for all of us, somebody cared enough about human dignity and human liberty to make a stand in our past. Our ancestors did.

And that's why we all enjoy the liberty and freedom that we do. And sometime in the past, others stood up for us so that we could defeat tyranny and we could live in freedom. And we simply have to do the same thing for the people of the Middle East who are seeking a different future (Remarks at the Institut d'Etudes Politiques de Paris — Sciences Po, Paris, France, February 8, 2005).

2. Существуют страны, недавно вступившие на путь демократии, например Россия, Грузия, Украина, Ливан и другие, или рассматриваемые как таковые, например Ирак, Израиль, Палестина и др. США и союзники поддержали первые искры демократии в этих странах, оказали помощь гражданам, разделяющим демократические идеалы и стремящимся жить в условиях равноправия, свободы и достоинства. Демократия в этих странах еще слаба или только вероятна, поэтому эти государства нуждаются в военной, гуманитарной и экономической помощи. США и союзники должны оказать содействие в построении демократических институтов, создании органов самоуправления и способствовать тому, чтобы демократические силы в этих странах преодолели возможные препятствия со стороны стран-

агрессоров, террористических группировок и противников демократии. Например:

- *As to Russia, it will be aided by the growth of democratic movements and by party building and by the growth of civil society in Russia that can bring to bear on the Russian government and on future Russian governments the desires and the aspirations of the Russian people for the same kind of democratic development. That's why the United States has been very involved in efforts to support civil society. It's why we spent, I think the number is \$43 million last year, in support of democracy programs in Russia* (Remarks to the Press en Route Ankara, Turkey February 6, 2005).

- *Over the past four years. Afghans have worked hard to transform their country into a new democracy. Last October, in the face of threats and attacks by extremist militants, they voted in the country's first-ever presidential election. Today, less than a year later, the Afghans again demonstrated their commitment to build a free country with national democratic institutions and an improving quality of life...*

The results of these elections will lead to the seating of Afghanistan's National Assembly, the final step in the process begun four years ago with the assistance of the international community to create the democratic institutions of a sovereign Afghanistan. The United States is firmly committed to help Afghans build a free, secure and prosperous future and applauds the Afghan people as they advance further on the democratic journey (Elections in Afghanistan, New York City, September 19, 2005).

- *We also talked about what we can do to help the people of Ukraine, who are now taking control of their own democratic future under the presidency of Mr. Yushchenko. I congratulate very much the European Union on the work that they have done on an action plan for Ukraine that has been there for a while and can now be taken up in, I think, a very active way* (Remarks with European Union President Jean Asselborn, European Union High Representative and Secretary General Javier Solana, and European Union External Relations Commissioner Benita Ferrero-Waldner, Luxembourg City, Luxembourg, February 10, 2005).

3. Кроме США, союзников и недавно возникших демократий, существуют страны — заложники авторитарного режима. Это страны, в которых власть подчинена определенной политической группе во главе с правителем-диктатором, внутренняя и внешняя политика не соответствуют нормам мирового сообщества и всемирных организаций. Поскольку в зоне национального интереса и обеспечения безопасности Соединенных Штатов после событий 11 сентября находится объявленная администрацией Джорджа Буша «война с терроризмом» и противодействие созданию ядерного оружия недружественными к Америке странами, миссией Америки и мирового сообщества

становится не только введение санкций против этих стран, но и поддержка слоев населения, жаждущих лучшего будущего. В этом случае демократия рассматривается как естественная потребность угнетенного диктатором народа, а страны с закрытыми типами общества и недемократическим укладом вызывают подозрения и рассматриваются как представляющие террористическую и ядерную угрозу. Например:

- *So many times around the world, I've found myself in discussions about democratic institutions, democratic change, the need to respect human rights, the need to give liberty and freedom to peoples who are living in tyranny. Many times, throughout discussions with countries that are trying to break free of authoritarianism or in cases where countries are still under authoritarian rule, I've found myself defending the free press. I've found myself talking about specific reporters who have been held, about internet bloggers who have been charged with crimes. I've found myself defending newspapers. I've found myself talking about journalists who, just in the pursuit of truth, have actually paid the final price in the greatest measure* (Farewell remarks to the State Department Press Corps, Washington, DC, January 16, 2009).

- *I think The Iranian regime's behavior speaks for itself. This is a regime that has un-elected few who have frustrated the aspirations of a people who have demonstrated time again that they want a more democratic future. And that is something that those of us who happen to be on the right side of freedom's divide have got to speak about if we are to say to the Iranian people that you have not been forgotten in our desires to see all people free, to look towards liberty and towards their aspirations* (Remarks With British Foreign Secretary Jack Straw After Meeting, Foreign and Commonwealth Office, London, United Kingdom, February 4, 2005).

- *...We now have the struggle of our lives in trying to — a struggle of generations — in trying to overcome the ideologies of hatred that are brewing in parts of the world, ideologies of hatred so great that people drove airplanes into our buildings on a fine September day. That's hatred. Ideologies of hatred so great that young women strap suicide vests onto themselves and blow up other young women of their same age.*

- *These achievements have only been possible because America and Europe have stood firm in the belief that the fundamental character of regimes cannot be separated from their external behavior. Borders between countries cannot be peaceful if tyrants destroy the peace of their societies from within. States where corruption, and chaos and cruelty reign invariably pose threats to their neighbors, threats to their regions, and potential threats to the entire international community* (Remarks at the Institut d'Etudes Politiques de Paris — Sciences Po, Paris, France, February 8, 2005).

4. Демократия — это эволюционный процесс, ее нельзя навязать, она должна сформироваться изнутри. Переход к демократии может быть труден, это переход к новому сознанию и новым привычкам. У каждого государства свой путь к демократии, своя скорость перехода к демократическому строю, однако демократия — это и естественная потребность, которая должна быть удовлетворена подобно жажде и голоду. С одной стороны, демократия не может быть навязана и привнесена извне. С другой стороны, повестка дня в сфере национальной безопасности США требует четких действий и напрямую связана с экономической стабильностью и созданием демократического сообщества в мире, и поскольку демократизация — это долгий процесс, его необходимо начать как можно быстрее, и любое промедление будет ошибочным. Приведем примеры:

- *I know we sometimes talk about the United States spreading democracy and liberty; of course, the United States stands for the spread of democracy and liberty. But we are fully aware and believe that this has to be done from within. It was done from within in Ukraine; it was done from within in Georgia. Even in places where the overthrow of a dictatorship like in Iraq or Afghanistan takes place, it still has to be done from within* (Remarks to the Press en Route Ankara, Ankara, Turkey, February 6, 2005).

- *Just as our democratic paths have not always been smooth, we realize that democratic reform in the Middle East will be difficult and uneven. Different societies will advance in their own way. Freedom, by its very nature, must be homegrown. It must be chosen. It cannot be given; and it certainly cannot be imposed. That is way, as the President has said, the spread of freedom is the work of generations. But spreading freedom in the Arab and Muslim worlds is also urgent work that cannot be deferred* (Remarks at the Institut d'Etudes Politiques de Paris — Sciences Po, Paris, France, February 8, 2005).

- *This has been an opportunity, and we will continue that opportunity to discuss the broad agenda before us, the desire to have a more democratic and a more peaceful world, to bring hope to those parts of the world who have enjoyed the fruits of liberty; but also, to talk about the agenda before us in the Middle East* (Remarks With French Minister of Foreign Affairs Michel Barnier After Their Meeting, Paris, France, February 8, 2005).

5. Инструменты продвижения демократии — это НАТО, негосударственные организации на территории других стран и различные международные организации и объединения, направленные на развитие более благоприятных экономических, культурных, религиозных и демократических условий и свобод в других государствах. НАТО представлено в новой роли — не как военно-политическая организация, а как средство распространения демократии и свободы. Например:

- *I too am very pleased that we are here to announce the Foundation for the Future that looks to indigenous reformers to draw upon their ideas and their ideals to nurture grassroots organizations that support the development of democracy. The Foundation will provide grants to help civil society strengthen the rule of law, to protect basic civil liberties, and ensure greater opportunity for health and education.*

- *But most importantly, the Foundation is a sign that citizens have to be trusted who are working for democratic reform in particular countries, and cities, and villages to use their grant money for the greatest good that they see fit* (Remarks at the Announcement of the Fund/Foundation for the Future, Manama, Bahrain, November 12, 2005).

- *Now NATO's role will evolve, I think, is still an open question, but we need to be open to new roles that NATO might play. I do not think that NATO needs to become the policeman of the world. I think that would be asking too much of this alliance. It needs to be focused. It is a bulwark for democratic states, and it can therefore play an important role in the spread of democracy and liberty, but we have other means* (Remarks With French Minister of Foreign Affairs Michel Barnier After Their Meeting, Paris, France, February 8, 2005).

- *And the role of nongovernmental organizations that have been working in Russia and in other newly independent states of the former Soviet Union are simply trying to help citizens to organize themselves better, to petition their government to make changes in the policies that affect their very lives. That's the essence of democracy* (Press Availability With Ukrainian President Viktor Yushchenko, Kiev, Ukraine, December 7, 2005).

6. Каков же конечный пункт «дороги», «пути к демократии»? Это — интеграция Европы, демократизация Ближнего Востока, создание сообщества демократий, что, в свою очередь, является ключом к национальной безопасности Соединенных Штатов и мирового сообщества в целом:

- *We will work to strengthen the community of democracies, so that all free nations are equal to the work before us. We must do all we can to ensure that nations which make the hard choice and do the hard work to join the free world deliver on the high hopes of their citizens for a better life* (President's FY 2006 International Affairs Budget Request, Prepared Remarks Before the House International Relations Committee Washington, DC, February, 17, 2005).

- *But let me just say, in closing, that the United States has always been — or the founders of the transatlantic relationship, from the point of view of the United States, have always been, were always, very strong supporters of European integration and European unity. They believed that a unified Europe could be one in which war was no longer thinkable, that it would be the best possibility for prosperity and for the strengthening of de-*

mocracy in Europe after the horrors of the two World Wars (Remarks With European Union President Jean Asselborn, European Union High Representative and Secretary General Javier Solana, and European Union External Relations Commissioner Benita Ferrero-Waldner, Luxembourg City, Luxembourg, February 10, 2005).

• *We have watched remarkable events in Iraq, in Palestinian territories and in Afghanistan as people demonstrate once again that the call of freedom, the aspiration for freedom, is truly universal. The United Kingdom and the United States understand that aspiration for freedom and we are determined to support peoples who seek that freedom. By helping people build free and democratic nations our common efforts will also make us safer, because we have learned time and time again that America, Britain, Europe, the free world, is indeed safest when freedom is on the march, and when freedom is in retreat we are indeed vulnerable* (Remarks With British Foreign Secretary Jack Straw After Meeting, Foreign and Commonwealth Office, London, United Kingdom, February 4, 2005).

Таков сценарий, по которому разворачивается концептуальная метафора «Путь к демократии» в официальных речах Кондолизы Райс.

Важно помнить о том, что концептуальная метафора не отражает, а конструирует реальную действительность, позволяя нам концентрировать внимание на определенных аспектах того или иного метафорического концепта и удерживая «в тени» другие. В заключение нашего исследования обозначим те стороны, которые затемняются концептуальной метафорой «Путь к демократии».

Во-первых, разнообразные исследования говорят о том, что демократия — это многоплановый концепт и что при любом анализе и изучении демократии должны рассматриваться не только институциональные, но и социальные, культурные, исторические и экономические факторы. Отсюда возникает вопрос: все ли государства имеют необходимую историческую и культурную «платформу» для перехода к демократическому строю и существованию согласно демократическим принципам? Может ли страна, в которую привнесен демократический строй, развивать демократические принципы самостоятельно? Ведь демократия — это свод абстрактных принципов, и в ней отсутствуют механизмы, принуждающие к продвижению и развитию сферы социальных прав и прав человека.

Во-вторых, цветные революции преподносятся как одна из положительных тенденций демократизации мирового сообщества. При этом не рассматриваются такие стороны, как свержение легитимной власти внутри определенного государства, гражданская война, гибель мирного населения.

В-третьих, ускользают от внимания нарушения прав человека со стороны «великой де-

мократии», например, пытки пленных и заключенных на американских базах в Ираке и Афганистане, удерживание людей в правовом вакууме в тюрьме Гуантанамо на Кубе, передача иностранных заключенных (иногда тайно похищенных за границей) странам, практикующим пытки, запуск сети конспиративных тюрем, управляемых США, за рубежом, несанкционированное прослушивание телефонных разговоров в США и др. В связи с этим возникает вопрос: «Как страна, применяющая пытки за рубежом и нарушающая права у себя дома, может говорить другим странам о том, как себя вести?» [Carothers: 2006]

Подводя итог, мы говорим о том, что базовая для американского внешнеполитического дискурса концептуальная метафора «Путь к демократии» разворачивается в официальной риторике госсекретаря США Кондолизы Райс по определенному сценарию, высвечивая привлекательные и благородные стороны демократизации государств как процесса, необходимого для дальнейшего благополучного существования мирового сообщества и для реализации стратегии национальной безопасности Соединенных Штатов Америки, и затемняя те, которые ставят под сомнение универсальность, разумность и легитимность «путешествия» государств к демократии и свободе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Carothers Th.* The Backlash against democracy promotion // *Foreign Affairs*. 2006. March/Apr. Iss. URL: <http://www.foreignaffairs.com/articles/61509/thomas-carothers/the-backlash-against-democracy-promotion> (date of access: 21.07.2014).
2. *Carothers Th.* Promoting Democracy and Fighting Terror // *Foreign Affairs*. 2003. Jan./Febr. Issue. URL: <http://www.foreignaffairs.com/articles/58621/thomas-carothers/promoting-democracy-and-fighting-terror> (date of access: 21.07.2014).
3. *Democracy and Metaphors* // Public Justice Report. URL: [http://www.cpjustice.org/stories/storyReader\\$1011](http://www.cpjustice.org/stories/storyReader$1011) (date of access: 20.07.2014).
4. *Dobriansky P. J., Carothers Th.* Democracy Promotion // *Foreign Affairs*. 2003. May/June Issue. URL: <http://www.foreignaffairs.com/articles/58981/paula-j-dobriansky-and-thomas-carothers/democracy-promotion>.
5. *Gause III, F. G.* Can Democracy stop terrorism? // *Foreign Affairs*. 2005. Sept./Oct. Iss. URL: <http://www.foreignaffairs.com/articles/61021/f-gregory-gause-ii/can-democracy-stop-terrorism> (date of access: 15.07.2014).
6. *Government 'hits' BBC.* News frames. 2013. 12 Sept. URL: <http://newsframes.wordpress.com/2013/09/12/government-hits-bbc/> (date of access: 15.08.2014).
7. *Lakoff G.* Metaphorical Thought in Foreign Policy. Why Strategic Framing Matters. 1999. Dec. URL: http://www.frameworksinstitute.org/assets/files/PDF_GII/metaphorical_thought.pdf (date of access: 01.06.2014).
8. *Low Gr.* Metaphor scenarios: Background // Univ. of York. URL: <http://creeet.open.ac.uk/projects/metaphor-analysis/metaphor-scenarios.htm> (date of access: 20.08.2014).
9. *Low Gr., Deignan A., Cameron L., Todd Z.* Researching and Applying Metaphor in the Real World. — John Benjamins Publ., 2010.

10. *Musolff A.* Metaphor scenarios in public discourse // *Metaphor and Symbol*. 21 (1), 23—38. URL: http://www.cognitivecanary.eu/images/2.-Musolff_Metaphor_and_Symbol.pdf (date of access: 15.08.2014).

11. *Ural A.* An Evaluation of the Perception of Democracy Among University Students Through the Use of Meta-

phor // *International Journal of Education and Research*. 2013. Vol. 1, No. 8, Aug. URL: <http://www.ijern.com/journal/August-2013/43.pdf> (date of access: 15.07.2014).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

А. Ю. Петкау
Екатеринбург, Россия

A. U. Petkau
Ekaterinburg, Russia

**КОНЦЕПТ ЗДОРОВЬЕ В СОВЕТСКОЙ
ДИСКУРСИВНОЙ ПРАКТИКЕ
(на материале СМИ)**

**THE CONCEPT HEALTH IN THE SOVIET
DISCURSIVE PRACTICE
(based on the Soviet press)**

Аннотация. Исследование направлено на выявление основных векторов моделирования концепта «здоровье» в советской дискурсивной практике на материале газеты «Комсомольская правда» и «Вечерний Свердловск» за 1978 и 1980 гг. На основе лексической сочетаемости лексем, эксплицирующих концепт «здоровье», выделены ядерные когнитивные классификационные признаки концепта. Анализ контекстных материалов 1980 г. показал, что в советское время Олимпийские игры явились информационным поводом для пропаганды здорового образа жизни. Выявлен ряд устойчивых словосочетаний, относящихся к советизмам: физкультура и спорт, Всесоюзная здравница.

Abstract. The study is designed to identify the main vectors of the concept Health modeling in the Soviet discursive practice based on the material of the newspapers «Komsomolskaya Pravda» and «Vechernij Sverdlovsk» published in 1978 and 1980. The cognitive classification features of the concept were chosen on the lexical compatibility basis. The analysis of the textual materials of 1980 showed that in the Soviet era the Olympic Games became a stimulus for the propagation of the healthy lifestyle. A number of collocations related to “sovietisms” were identified: Physical education and sport, All-Union health resort, etc.

Ключевые слова: концепт «здоровье»; дискурсивная практика; советская эпоха; моделирование концепта; когнитивные признаки.

Key words: concept Health; discursive practice; the Soviet era; concept modeling; cognitive features.

Сведения об авторе: Петкау Александра Юрьевна, аспирант кафедры риторики и стилистики русского языка департамента «Филологический факультет».

About the author: Petkau Alexandra Yuryevna, post-graduate student, Philology Department, Chair of Rhetoric and Stylistics of the Russian Language.

Место работы: Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина.

Place of employment: Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

Контактная информация: 620000, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51, к. 312.
e-mail: vpetkau@yandex.ru.

Концептуарий языка формируют антропологически важные концепты, которые «складываются в систему взглядов, своего рода коллективную философию» [Апресян 1995: 39]. К подобным ментальным сущностям относится концепт *здоровье*, являющийся важнейшим витальным ориентиром человека. Новые социально-экономические условия стимулируют наполнение новым содержанием ценностных концептов. Исследователями предпринимались попытки изучения репрезентации концепта *здоровье* в современном журналистском дискурсе [см.: Бухтоярова 2010; Тванба 2013; Яроцкая 2012 и др.], но при постоянном интересе к трансформации концепта *здоровье* в постсоветский период отсутствуют специальные исследования, посвященные вербализации имени концепта *здоровье* в советских СМИ. Цель данной статьи — выявление основных векторов моделирования концепта *здоровье* в советской дискурсивной практике на материале текстов СМИ.

П. Серио, Дж. Серля, Н. Фэркло и др.). Лингвистический анализ взаимосвязи данных процессов эксплицирует языковые «картинки жизни» [Шведова 2005: 428], компонентами которых являются существующие в обществе убеждения, установки и др. [см. подр.: Ратмайр 2013: 100]. В СССР идеологически направленные журналистские тексты при опоре на социально значимые события формировали определенные образы, идеологемы, которые в сознании советских людей становились стереотипами и образцами [Майданова, Чепкина 2011: 271]. По мнению Л. Витгенштейна, «важные для нас аспекты вещей скрыты из-за своей простоты и повседневности» [Витгенштейн 1994: 129]. Так, дискурсивная практика задавала «условия осмысления повседневного языка» [Иссерс 2011: 229], правильного прочтения его смыслов.

Дискурсивная практика представляет собой производство и потребление текста в совокупности [Йоргенсен, Филлипс 2008: 120—122, также Иссерс 2013: 250—261]. Для нее важна детерминированность «социальными условиями, в том числе и структурами бессознательного» [Чепкина, Енина 2011: 77] (также см. работы Л. Витгенштейна, Е. Гоффмана, Дж. Остина,

Ярким, социально обусловленным событием советской эпохи, связанным со здоровьем, можно назвать летние Олимпийские игры (Игры XXII Олимпиады) в столице СССР — Москве с 19 июля по 3 августа 1980 г., которые представляли собой идеологический феномен «со смешанным аксиологическим модусом» [Мальшева 2012: 110]. Для анализа были выбраны следующие временные рамки: с 1 июня по 31 августа 1980 г. и с 1 июня по 31 августа 1978 г. Первый временной период охватывает

Работа выполнена при финансовой поддержке УрФУ в рамках реализации Программы развития УрФУ для победителей конкурса «Молодые ученые УрФУ».

месяц до проведения Олимпиады, время проведения Олимпиады и месяц после ее проведения. Второй период охватывает тексты СМИ за 2 года до проведения Олимпиады. Анализировались материалы следующих газет: органа Центрального комитета КПСС — «Комсомольской правды» (далее КП), а также региональной газеты Свердловского горкома КПСС и городского Совета народных депутатов — «Вечернего Свердловска» (далее ВС). Привлечение регионального материала позволило учесть тенденции советских СМИ в целом, а не только центральной прессы (о других причинах важности привлечения регионального материала в исследованиях такого типа см.: [Чудинов 2011в: 40]). В совокупности было обработано 318 выпусков печатных изданий, свыше 6200 текстов разных жанров. В фокусе исследовательского внимания оказалось 1330 лексем, репрезентирующих концепт *здоровье*, или, в другой терминологии, 1330 индикаторов концепта [см., напр.: Ратмайр 2013: 100]. Единицей анализа являлся минимальный контекст — словосочетание с любым лексическим репрезентантом концепта *здоровье* из числа тех, которые ранее были выявлены нами при опоре на данные толкового словаря [Петкау 2014: 451—454]. К анализу привлекались также целые тексты аналитического характера, посвященные теме здоровья.

Обратимся к результатам исследования. Экспликация частотных сочетаний лексемы *здоровье* позволила диагностировать стереотипные представления о восприятии анализируемого явления в советское время. В толковых словарях советского времени лексема *здоровье* определяется как «нормальное состояние правильно функционирующего, неповрежденного организма» [ТСРЯ 1935: 1090, а также БАС 1960: 224; МАС 1985: 605]. Типовая сочетаемость лексемы *здоровье* в советских лексикографических источниках демонстрирует антропоцентрическую направленность концепта: *Здоровье кого: (о человеке) людей, трудящихся, детей, брата, сестры, Ани; Человек, мужчина... какого-л. (крепкого...) здоровья; Желать кому-л... здоровья; У кого-л. какое-л. здоровье; Как (Ваше, твое) здоровье? Как здоровье отца (Петра...)?* [СССРЯ 1983: 187]. Между тем для тоталитарного языка советской эпохи была характерна тенденция к обобщенности, безличности субъекта [см., напр.: Купина 1995]. Корпус нашей выборки иллюстрирует эту тенденцию: *здоровье детей, людей, народа, рабочих, трудящихся*. Здоровье наделяется коллективистскими чертами, его понятие обобщается, подобно тому, как и советский индивидуум был «растворен в коллективе» [Тер-Минасова 2000: 214]. Значимой концептуальной метафорой эпохи Л. И. Брежнева считается большая семья, состоящая из дружественных друг к другу народов или партий, каждый член которой должен испытывать

определенные чувства в ответ на отеческую, или, другими словами, государственную заботу о каждом члене этой семьи [Чудинов 2011а: 55]. Журналистами транслируется основная идея советского правительства, для которого *среди социальных задач нет более важной, чем забота о здоровье советских людей* (Л. И. Брежнев // ВС. 1978. 25 авг.), где под заботой понимается «внимание, попечение, уход» [СРЯ 1978: 182]. В этой связи выглядит естественным наиболее частое сочетание лексемы *здоровье* с существительными следующих выражений: *охрана здоровья, забота о здоровье, состояние здоровья, поддержание здоровья, праздник здоровья, цех здоровья, борьба за здоровье человека* и др.

В советское время здоровье предстает в виде градуированного понятия как в словарных статьях (*хорошее, прекрасное, крепкое, плохое, слабое, неважное*) [СРЯ 1978: 212; СЭРЛЯ 1979: 168—169; СССРЯ 1983: 187; ТСРЯ 1996: 1090]), так и в текстах СМИ. На основе нашей выборки покажем оценочно-положительные атрибутивные характеристики здоровья: *полное здоровье*, т. е. достигающее предела, наивысшее [СРЯ 1978: 509], *отличное* — очень хорошее, превосходное [Там же: 433], *отменное* — очень хорошее [Там же: 433], *крепкое здоровье* — очень сильное, значительное по степени проявления; человек с таким здоровьем силен физически [Там же: 279], человек с *цветущим здоровьем* — «находящийся в полном расцвете сил» [Там же: 801]. Также фиксируется практическое (усредненное) отношение к явлению: *здоровье нормальное* — соответствующее норме, обычное, другими словами, среднее [Там же: 382—383]. По мнению Н. Д. Арутюновой, в области аксиологического градуирования норма лежит не в серединной части шкалы, а совпадает скорее с ее позитивным краем [Арутюнова 1988: 235], поэтому выражение «хорошее здоровье» следует понимать как «соответствующее норме», а не превышающее ее [Там же], ср.: в анализируемых текстах встретилась коллокация *вполне здоров*, т. е. «совершенно, полностью» [СРЯ 1978: 94]. Проведенный анализ позволил выявить атрибутивные характеристики лексемы *здоровье*, не зафиксированные лексикографическими источниками: *космическое здоровье; олимпийское здоровье*. Коррелируя по семантике с представленными выше единицами (*космическое, олимпийское здоровье — крепкое, как у космонавтов, как у участников Олимпийских игр*), они имеют при этом хронологическую привязку, манифестируя советское представление о крепком здоровье. Отметим, что при анализе были зафиксированы регионально окрашенные коллокации, эксплицирующие концепт *здоровье* (*уральский богатырь, сибирское здоровье*), но их удельный вес в корпусе контекстов оказался незначительным.

Здоровье с отрицательным вектором шкалы чаще всего номинируется лексемой *хилый*, т. е. «склонный к болезни» [Там же: 53], находящийся в условно срединном положении между здоровьем и болезнью, *вялый человек* — увядший, лишенный бодрости, энергии [Там же: 115], *изможденный* — крайне изнуренный, истомленный [Там же: 224], *тощий* — исхудалый, худощавый [Там же: 740].

Помимо ключевой лексики *здоровье*, а также однокоренных лексем *здоровый* и *оздоровительный*, дополнительными индикаторами концепта стали частотные лексемы *бодрость*, *бодрый*, *богатырь*, *богатырское*, *крепость*, *крепкий*, *сила*, *сильный*, *энергия*. Данный набор лексем позволил определить наиболее яркий когнитивный классификационный признак концепта — **«Физическая составляющая здоровья» (22,7 %**; здесь и далее процент рассчитан как отношение числа упоминания признака к общему числу признаков). На страницах советских газет формировался образ физически крепкого здорового человека, внушалась мысль, что только через здоровое тело можно сформировать здоровый дух: *Мы ставим перед собой высокую и благородную цель: вырастить и воспитать современного человека гармонично развитым — духовно богатым, нравственно чистым, физически совершенным. В достижении этих качеств, в том, чтобы в здоровом теле всегда был „здоровый дух“, немалая роль принадлежит нам самим* (ВС. 1978. 25 авг.); *Богатырь, весельчак, рассудительный хозяин, трудолюбивый работник!* (КП. 1978. 27 авг.); *Современному человеку необходимо самосовершенствоваться: сильный и ловкий выдержит любое испытание, не растеряется в трудную минуту* (КП. 1980. 2 июля).

Акцент на физической целостности организма объясняется тем, что только крепкий здоровый человек мог полноценно участвовать в строительстве социалистического общества, повышая производительность своего труда, сокращая потери рабочего времени по болезни. Это положение напрямую постулировалось со страниц газет: *По расчетам ученых, на 100 рублей, затраченных на здравоохранение, создается 220 рублей национального дохода. Снижение заболеваемости с временной утратой трудоспособности в городе только на один процент позволит выпустить продукции на 330 тысяч рублей. Следовательно, снижение профессиональной заболеваемости и инвалидности, заболеваемости с временной утратой трудоспособности — один из путей рационального использования трудовых ресурсов* (ВС. 1978. 26 июля). В СССР труд «рассматривается как внутренняя благородная потребность человека» [Чернова 2004: 45], а для продуктивной работы на благо страны необходимо отменное физическое здоровье: *Когда воздух пронзительно чист, когда*

мускулы с каждым днем наливаются силой, ты и твоя работа очень нужны городу, когда все это есть, оптимизма не занимать (ВС. 1978. 10 авг.) и др.

П. Н. Денисов, В. В. Морковкин в «Словаре сочетаемости слов русского языка» отмечают, что наиболее частотной лексема *здоровье* сочетается со следующими глаголами: *охранять*, *беречь*, *укреплять*, *поправить*, *расстроить*, *подорвать*, *вредить*, *уделять внимание*, *дорожить*, *пренебрегать*, *волноваться*, *беспокоиться*, *выпить*, *следить*, *наблюдать*, *заботиться*, *справляться* и т. д. [СССРЯ 1983: 187]. В анализируемых нами текстах СМИ наиболее релевантными оказались глаголы *укрепить* (здоровье) — «сделать более крепким, сильным, стойким» [СРЯ: 762] и *поправить* — «то же, что исправить» [Там же: 516], а также *сохранить* — «сберечь, не дать пропасть» [Там же: 692] и *восстановить* — «привести в прежнее нормальное состояние» [Там же: 92]. По нашим наблюдениям, в советских текстах одной из типичных предложно-падежных конструкций является **У-Х-а** — конструкция с предлогом [Рахилина 2008: 40], например: *забота о здоровье; вредно для здоровья; полезно для здоровья; подумаем о здоровье; пренебрежение к здоровью; уверенный шаг к здоровью; путь к здоровью; в борьбе за здоровье народа; право на здоровье* и т. д.

В советское время здоровье человека интерпретируется не как дар, данный свыше, а как ценность, конструируемая своими руками, с помощью соблюдения постулатов правильного образа жизни. Понятие «здоровый образ жизни» (или ЗОЖ) становится неотъемлемой частью идеологии советского общества: пропаганда здорового образа жизни, поддерживаемая государством, велась через все доступные каналы воздействия. Представим значимые индикаторы, эксплицирующие когнитивный классификационный признак **ЗОЖ «Забота о здоровье» (20,7 %)**: *баня, витамины, витаминный, здравница, профилактика, профилакторий, санаторий-профилакторий, санитария, санитарные нормы*. Релевантной для нашего исследования представляется советская коллокация *Всесоюзная здравница*: «О каком-л. курортном городе, местности с большим количеством лечебно-оздоровительных заведений» [ТСЯС: 214]. Данный советизм имеет стилистически окрашенную помету *высок.*, ср.: *Поставлена задача — к концу нынешней пятилетки добиться такого положения, чтобы каждый уралмашевец имел возможность отдохнуть в заводских здравницах* (ВС. 1978. 14 июля); *На строительство новых здравниц и реконструкцию действующих в десятой пятилетке ассигновано более 110 миллионов рублей* (ВС. 1978. 10 июня). Журналистами в текстах моделировалась идея о том, что здоровье зависит только от самого человека, от его уровня сознательности, ср.: *От себя добавлю, что бо-*

лезнь — это своего рода признак бескультурья. Заболевший человек раньше или вообще не заботился о своем здоровье, или заботился о нем кое-как (КП. 1980. 8 июня); *Обычно рассуждают так: наступит завтра, тогда и подумаем о своем здоровье, но вы никогда не заметите, когда придет завтра* (КП. 1978. 27 июня).

Важно отметить, что «впервые в истории человечества Конституция СССР гарантирует советским людям право на охрану здоровья» [БМЭ 1978: 356]. По воспоминаниям врача Г. А. Карташевского, до революции медицина была только лечебная, при советской власти большее внимание было уделено медицине предупредительной, профилактической. Советское государство обеспечило граждан бесплатной медицинской помощью и учреждениями, в которых можно было заботиться о своем здоровье. В то время появились такие учреждения, как Дом санитарного просвещения, детская профилактическая амбулатория, санитарно-гигиеническая лаборатория и др. [Карташевский 1928: 5—6]. Обратимся к значимым индикаторам, эксплицирующим когнитивный классификационный признак **«Социальная составляющая здоровья» (12,3 %): здравоохранение, охрана здоровья, здравпункт, мероприятия по профилактике, оздоровительные мероприятия, пропаганда здорового образа жизни, служба здоровья, школа здоровья.** Собранный и проанализированный нами материал показывает, что с помощью текстов СМИ создавался положительный образ советской медицины: *Крупные специалисты признаются, что такой системой службы здоровья, какая существует в Советском союзе, могла бы гордиться любая страна* (ВС. 1978. 11 июля); *Здоровье, физическое благополучие человека — наше национальное богатство, общественное достояние. Каждый третий врач в мире — советский. Возросла численность врачей всех специальностей и в нашем городе. На охране здоровья населения стоит многотысячный коллектив медицинских работников* (ВС. 1980. 14 июня).

Основными составляющими здорового образа жизни в то время являлись постоянная закалка организма, выполнение физических упражнений, отсутствие вредных привычек. Классификационный признак **ЗОЖ «Здоровые привычки»** составил **16,5 %** от общего числа признаков. Представим значимые индикаторы, эксплицирующие данный признак: *гигиена, гимнастика, закаливание, зарядка, занятия физкультурой, здоровый режим дня, оздоровительный бег, плавание, правильный (активный) образ жизни, утренние пробежки, физические упражнения.* Одна из ярких примет советского времени — формирование порицательного отношения к людям, имеющим пристрастие к алкоголю и лени: *Давно замечено, что самое простое дело — это ничего не*

делать. Труднее, правда, нигде не работая, пьянствовать изо дня в день и с утра до вечера. Нужен хотя бы маломальский финансовый документ. Ну, скажем, двадцатипятилетний А. П. Бугров нашел такую опору в престарелых родителях, которых держал в страхе и покорности. Его одноклассник А. А. Завьялов, проживающий на улице Избирателей, 20, регулярно и без зазрения совести взыскивал деньги с матери, не останавливаясь перед скандальными дебошами. Обратите внимание на возраст. Это не немощные инвалиды и не больные. Это физически здоровые трутни, упорно не желающие трудиться (ВС. 1978. 26 авг.). В прессе советского периода частотны аксиологические высказывания с преобладанием рациональной и эмоциональной оценки: *Наскоком здоровье не приобретешь, оно требует ежедневного внимания, постоянной закалки* (КП. 1980. 15 июня); *Сейчас никто не удивится, увидев рано утром на улице человека в тренировочном костюме. Это — норма. Мне искренне жаль тех, кто неуважительно относится к собственному здоровью, к своей внешности* (КП. 1980. 9 авг.); *А как закаляют волю, характер напряженные тренировки! Домой идешь после них усталый, вымотанный, а душа поет, зовет делать людям только добро. И жаль, что этого чувства никогда не испытывают те, кто досуг свой заполняет игрой в домино да спиртным* (КП. 1980. 2 июля).

Если рассмотреть частотность обращения к номинациям, эксплицирующим концепт **здоровье** за исследуемые месяцы, то наибольшее число обращения к данной теме в 1978 и 1980 гг. в обоих изданиях приходится на июнь и август. Это связано с тем, что в августе традиционно отмечается День физкультурника, в июне проходит другой праздник, связанный со здоровьем, — День медицинского работника. В материалах, посвященных данным профессиональным праздникам, зачастую звучал «голос» не только экспертов, но и рядовых горожан: *Сегодня газета начинается с важного разговора — об утренней физзарядке, о необходимости систематических занятий физкультурой. Внедрение ежедневной утренней зарядки в быт свердловчан, забота об их здоровье — часть общего похода за город высокой культуры. Этот разговор мы открываем выступлением инженера С. Рыдзевского. Надеемся, что на него откликнутся рабочий и строитель, студент и школьник, учитель и врач* (ВС. 1978. 25 авг.); *Этот парк расположен на Таганке, за кинотеатром „Зенит“. Я прихожу сюда, вернее прибегаю в седьмом часу утра. На бегу приветствую знакомых. Откровенно говоря, мы очень мало знаем друг о друге. Но все равно чувствуем себя одним коллективом. Передаем друг другу статьи об оздоровительном беге, о популярных физкультурных территориях, советуемся, спорим* (в рубрике «Записки физкультурника»). КП. 1980. 15 июня).

Олимпийские игры явились мощным информационным поводом для обращения журналистов к теме здоровья. Спортивные мероприятия были «неотъемлемой частью политических ритуалов и олицетворяли пышущую здоровьем сплоченность собственных рядов» [Будаев, Чудинов 2009: 48]. В СССР спорт являлся одобренной государством социальной практикой. Между тем известно, что существует демаркационная линия между профессиональным спортом и массовой физической культурой. В нашей выборке 1980 г. не зафиксирован ни один контекст со словосочетанием *профессиональный спорт*. Ориентация Олимпийских игр на здоровье и физическую культуру, а не на профессиональный спорт породила советскую коллокацию *физкультура и спорт*. П. Вайль, А. Генис отмечают, что профессионалы были на Западе, где спорт давал прибежище социальным аутсайдерам, советский же чемпион по боксу готовился к титулу не в тюрьме, а в университете, где защищал диссертацию [Вайль, Генис 2009: 212], «между этими полюсами располагался „их“ профессиональный спорт и „наш“ интеллектуальный спорт» [Там же]. Советские люди ассоциировали себя с чемпионами и знали, что при желании они смогут добиться таких же высот. Атмосфера Олимпийских игр способствовала наглядной иллюстрации проводимой политики: в 1980 г. на страницах газеты «КП» открылась рубрика «Школа здоровья», в которую приглашали в том числе и героев Игр XXII Олимпиады. В качестве иллюстрации приведем материал «Закаляйся смолоду», где героем выступил трехкратный олимпийский чемпион Владимир Парфенович: *Спорт и физкультура — живая вода для человека. Знаю немало чемпионов, болевших в детстве. Как-то прочитал статью о кандидате в мастера спорта по штанге Анатолии Алексеевцеве. В детстве он не мог ходить из-за травмы позвоночника. Десять лет лечился, вышел из больницы на костылях инвалидом второй группы. По совету своего друга Анатолий начал заниматься с гантелями, потом ходить на стадион. И вот результат — Алексеевцев не только излечился от тяжелого недуга, но и добился спортивных успехов* (КП. 1980. 9 авг.).

Таким образом, проведенный анализ позволил выявить актуальные смыслы концепта *здоровье* в советском журналистском дискурсе, увидеть влияние социальных факторов на моделирование концепта *здоровье* в массовом сознании советского общества. Советская идеология как профессионально сконструированная система идеологием, отражающая основные ценностные ориентиры советского общества, тесно связана с подчиненной ей дискурсивной практикой. Пропагандистский дискурс идеологически маркирует имя концепта. Здоровье наделяется коллективистскими чертами, приобретает социально значимый харак-

тер, цементируя сложившуюся систему ценностных ориентаций советского человека. Ядро концепта составили когнитивные классификационные признаки *«Физическая составляющая здоровья»* и *«ЗОЖ — забота о здоровье»*, в приядерной зоне концепта зафиксированы когнитивные классификаторы *«Социальная составляющая здоровья»* и *«ЗОЖ — здоровые привычки»*. Социальный контекст (проведение Олимпиады в СССР) обусловил повышенный интерес к проблеме здоровья, оставив неизменно ядерными важными для советского периода когнитивные признаки концепта *здоровье*. При отождествлении физкультуры и спорта профессиональное спортивное событие служило информационным поводом для пропаганды здорового образа жизни советского человека.

СЛОВАРИ

1. *БАС* = Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. Т. 4 / под ред. А. М. Бабкина. — М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1955.
2. *БМЭ* = Большая медицинская энцикл. Т. 8 / под ред. Б. Н. Петровского. Изд. 3-е. — М. : Советская энциклопедия, 1978.
3. *МАС* = Словарь русского языка : в 4 т. Т. 1 / под ред. А. П. Евгеньевой. — М. : Русский язык, 1985.
4. *СРЯ* = Словарь русского языка : ок. 57 000 сл. / под ред. Н. Ю. Шведовой. 12-е изд., стер. — М. : Рус. яз., 1978.
5. *СССРЯ* = Словарь сочетаемости слов русского языка : ок. 2500 словар. статей / Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина ; под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. 2-е изд., испр. — М. : Рус. яз., 1983.
6. *СЭРЛЯ* = Словарь эпитетов русского литературного языка / под ред. К. С. Горбачевича, Е. П. Хабло. — М. : Наука, 1979.
7. *ТСРЯ* = Толковый словарь русского языка: в 4 т. Т. 1 / под ред. Д. Н. Ушакова. — М. : Советская энциклопедия, 1935.
8. *ТСЯС* = Толковый словарь языка Совдепии / под ред. В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной. — СПб. : Фолио-Пресс, 1998.

ЛИТЕРАТУРА

9. *Апресян Ю. Д.* Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. — М. : Языки русской культуры, 1995.
10. *Арутюнова Н. Д.* Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. — М. : Наука, 1988.
11. *Будаев Э. В., Чудинов А. П.* Лингвистическая советология. — Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2009.
12. *Бухтоярова Г. Ю.* Отображение феноменов *болезнь* и *здоровье* в русской языковой картине мира : дис. ... канд. филол. наук. — М., 2010.
13. *Вайль П., Генис А.* 60-е. Мир советского человека. — М. : Новое литературное обозрение, 2009.
14. *Витгенштейн Л.* Философские исследования // Философские работы. — М. : Гнозис, 1994. Ч. 1.
15. *Иссерс О. С.* Дискурсивная практика как наблюдаемая реальность // Вестн. Ом. ун-та. 2011. № 4. С. 227—232.
16. *Иссерс О. С.* Дискурсивная практика: к определению понятия // Лингвистика на службе гражданского общества: методология лингвистической диагностики социальных процессов в регионе : коллектив. моногр. — Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2013. С. 250—261.

17. Йоргенсен М. В., Филлипс Л. Д. Дискурс-анализ. Теория и метод : пер. с англ. 2-е изд., испр. — Харьков : Гуманитарный центр, 2008.
18. *Карташевский Г. А.* Советская медицина в уезде // Изв. Владимир. губисполкома и кооперации. 1928. 30 окт. (№ 317). С. 5—6.
19. *Купина Н. А.* Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. — Екатеринбург ; Пермь : Изд-во Урал. ун-та : ЗУУНЦ, 1995.
20. *Майданова Л. М., Чепкина Э. В.* Медиатекст в идеологическом контексте : моногр. — Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2011.
21. *Мальшева Е. Г.* Концепт «Олимпиада-2014» как новоидеологема современной России (на материале текстов СМИ) // Политическая лингвистика. 2012. № 2 (40). С. 109—113.
22. *Петкау А. Ю.* Идеографическое поле концепта *здоровье* // Когнитивные исследования языка. — М. : Ин-т языкознания РАН ; Тамбов : Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина ; Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2014. Вып. 18 : Язык, познание, культура: методология когнитивных исследований. С. 451—454.
23. *Ратмайр Р.* Русская речь и рынок: традиции и инновации в деловом и повседневном общении. — М. : Языки славянской культуры, 2013.
24. *Рахилина Е. В.* Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. — М. : Русские словари, 2008.
25. *Тванба Т. А.* Аксиологические характеристики концептуализации предметной сферы здоровья во французском медийном критическом дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Иркутск, 2013.
26. *Тер-Минасова С. Г.* Язык и межкультурная коммуникация. — М. : Слово, 2000.
27. *Чепкина Э. В., Енина Л. В.* Журналистский дискурс: анализ практик // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. 2011. № 2 (89). С. 76—85.
28. *Чернова О. Е.* Концепт «труд» как объект идеологизации : дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2004.
29. *Чудинов А. П.* Динамика метафорических образов в российской политической коммуникации начала XXI века // Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке / под ред. М. Н. Володиной. — М. : Академический Проект, 2011а. С. 53—63.
30. *Чудинов А. П.* Современная политическая лингвистика : учеб. пособие / отв. ред. А. П. Чудинов. — Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2011в.
31. *Шведова Н. Ю.* Русский язык : избранные работы. — М. : Языки славянской культуры, 2005.
32. *Яроцкая А. В.* Лексические средства номинации сферы здоровья в англоязычных журнальных текстах : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2012.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. О. А. Михайлова.

Н. Э. Сейбель
Челябинск, Россия

N. E. Seibel
Chelyabinsk, Russia

**СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ МОТИВЫ
СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЙ ДРАМЫ**

**SOCIO-POLITICAL MOTIVES
OF MODERN GERMAN DRAMA**

Аннотация. На широком материале немецкой драматургии 1990—2000-х гг. в статье рассматриваются мотивы социальных и экономических потрясений, отразившихся на семейных ценностях, способностях молодых героев к коммуникации и нравственных ориентирах современного общества.

Abstract. In the article on a large material of German drama 1990—2000 years we can see usual motives of social and economic shock, that affecting family values, communication abilities of young characters and moral principles of modern society.

Ключевые слова: новая драма; постдраматический театр; мотив; ценностная система; немецкая драма XX—XXI в.

Key words: new drama; postdramatic theatre; motif; value system; German drama of XX—XXI centuries.

Сведения об авторе: Сейбель Наталия Эдуардовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры литературы и методики преподавания литературы.

About the author: Seibel Nataliya Eduardovna, Doctor of Philology, Associate Professor.

Место работы: Челябинский государственный педагогический университет.

Place of employment: Chelyabinsk State Pedagogic University.

Контактная информация: 454080, г. Челябинск, пр-т Ленина, 69.
e-mail: seibel@yandex.ru

Несмотря на активно провозглашаемый политический нейтралитет, а подчас и моральную индифферентность, современный немецкий театр продолжает оставаться «моральным институтом и открытым форумом, на который должны быть вынесены самые насущные проблемы времени» [Фишер-Лихте 2000: 11]. Энергия смены времен, трудностей перехода в новое политическое и экономическое состояние определяет движение фабулы в пьесах Г. Костера «Отголосок» (1997), О. Буковски «Гости» (1999), Л. Хюбнера «С Днем рождения!» (1998).

В одном из интервью Гвидо Костер говорит о своем удивлении «силе и энергии, которые необходимы обществу для перемен» [Шмидтке 2000: 391]. В «Отголоске» он создает замкнутый, обреченный мир людей, выброшенных с поезда истории. Вокзал рушится, имущество завтра пойдет с молотка, некогда бывший центром веселья «прилавок напоминает гигантский гроб» [Костер 2000: 21], часы стоят «в знак протеста» [Костер 2000: 24]. Автор собирает в одном месте персонажей, ставших «отголосками прошлого», потерявших жизненные цели и ориентиры, не способных изменить себя и живущих, потому, только воспоминаниями. Г. Костер настаивает на комичности происходящего: его герои гордятся любовными подвигами и бывшим благополучием, в то время как поезда проходят мимо, не останавливаясь. Он прямо реализует метафору «запрыгнуть в уходящий поезд»: почти клоунадой выглядит эпизод, когда его герои пытаются это сделать, понимая, что их мир рухнул, и все надежды на будущее могут быть связаны только со сменой — места, образа жизни и т. д. Они не держатся за прошлое, готовы меняться: «Раньше, по крайней мере, нас не заставляли, ... но запомнить не сложно» [Костер 2000: 24]. Однако они не понимают, как должен измениться мир и

они в нем. Поэтому снова и снова пересказывают друг другу «анекдоты» из собственной жизни, по сути, и составляющие «сквозное действие» пьесы.

Пьесы Оливера Буковски снова и снова возвращают читателя к проблеме самоощущения человека в ситуации социально-политического кризиса. Течение времени не ослабляет проблему, напротив, в поздних своих пьесах драматург концентрирует ее до состояния «критической массы» (название пьесы О. Буковски 2009 года). Если пьеса «Гости» — злой фарс, показывающий, до какой бесчеловечности доведены кризисом, спадом производства и беспросветной бедностью люди, то «Критическая масса» становится концентрированной метафорой взрывоопасности современного общественного состояния. Мечта, взлелеянная в первой пьесе хозяевами будущего отеля о гостях (а не постояльцах), деревенском уюте, экологически чистом отдыхе, рассыпается не только об экономические проблемы, но и о человеческую жадность, о желание всего и сейчас. Гордое заявление Эриха в начале пьесы: «Отель “У Катрин” варит по-немецки» [Буковски 2000: 55] заставляет воспринимать всё описанное как персонификацию современной Германии. Каждый из соседей «тянет одеяло на себя», экономические и политические проблемы приходят в противоречие с личными интересами. Деревня не хочет выживать сообща: всем нужно счастье только для себя, часто с приправой чужого горя. Даже трагедия самоубийства беременной героини вызывает не человеческую, а «экономическую» реакцию: «Ах, ты так! Ты всё... всё... сломала... Это не гостеприимно! ... На вывеске твое имя. Твое! Ты не имела права!» [Буковски 2000: 82]. Однако отчаяние «Гостей» сменяется через десять лет ощущением надвигающихся измене-

ний в «Критической массе». В очереди на биржу труда встречаются мать-одиночка и писатель, разорившийся хозяин мелкой забегаловки и шопоголичка — люди разные по уровню образования, возрасту, национальности представляют палитру членов немецкого общества, которых объединяет принадлежность к «критической массе». У них давно кончилось терпение, они понимают, что необходим взрыв, но будет ли это взрыв гражданского неповиновения или карнавалльно-гротесковый праздник, во что выльется их бунт, куда его можно и нужно направить — вопросы, на которые ответа у автора нет.

Гротескная картина Германского кризиса нарисована и в пьесе Фритца Катера «Heaven (к «Тристану)» (2007), вечное ожидание экономического подъема и культурного расцвета «закольцовывает» время: пьеса насыщена пангерманской символикой, культурными и историческими реминисценциями, поэтизирующими провинциальный быт деталями, которые с определенного момента становятся самоценными и самодовлеющими. Все острее чувствуется, что человеческая жизнь сама по себе, в отрыве от ассоциаций, навеянных вагнеровской оперой, не важна и не интересна.

Основным полем политического, экономического, национального, религиозного конфликтов оказывается семья. Здесь концентрируются противоречия, завязываясь в трагически неразрешимые узлы («Татуировка» Д. Лоэр, «Огнеликий» М. фон Майенбург). Распад семьи, вытеснение любви агрессивными чувствами собственника, непреодолимость бытовой рутины — основные темы пьесы С. Берг «Собака, женщина, мужчина» (2001). «Человек человеку — волк» — метафора, реализуемая в форме текста: рассказ собаки о жизни своих хозяев, кажущихся ей такими же неприкаянными, как и она. Соединяет социальное и семейное и О. Круг (пьеса «Фабрика искусственной кожи», 2011). Общество потребления, каким его рисует автор — мир глубоко несчастных людей, постоянно сталкивающихся с цинизмом, потерявших все моральные ориентиры, живущих в состоянии перманентной вражды друг с другом и сами с собой. «Картина обесценивания любви в наше меркантильное время» [Шевченко 2012, Самара: 120] объединяет различные по форме и способу общения со зрителем пьесы. Но на территории семьи происходит и примирение. «С Днем рождения!» (1998) Л. Хюбнера в этом смысле почти единичный пример. Члены семей, раздираемых конфликтом поколений и поставленных в трудную ситуацию подростковым снобизмом дочерей (Алины и Надины), всё же находят силы, великодушие и причины для взаимного примирения. Потеря работы родителями заставляет девочек пересмотреть представления о ценностях, научиться радоваться жизни, не покупая друзей, не утверждаясь в среде «золотых одноклассников». Если

изначально ими движет страх потерять репутацию в классе и на этой почве происходят конфликты с родителями и «социально непрезентабельными» приятелями, то в финале ими усвоены уроки взаимного уважения, заботы и поддержки. Однако такой благостный путь выхода из социального и семейного кризиса нетипичен не только для современной немецкой драмы в целом, но и для самого Лутца Хюбнера, спустя несколько лет выступившего с одной из самых известных своих драм «Дело чести» (2005). Ясно очерченная история радостной воскресной прогулки, закончившейся убийством, ставит две важнейшие проблемы: межнациональных отношений в стране, утратившей былую монокультуру, и неспособности молодых людей (почти подростков) к общению, неумению слушать, формулировать свои мысли, стремления к безоговорочному «доминированию». Каждый из четырех главных героев — двое юношей-турков (Сэм и Зинан) и две девушки-немки (Элена и Улли) — уверен в том, что честь налагает на него и других определенные обязательства. Дело чести для Сэма — не дать Элене манипулировать им, руководить его поступками. Дело чести для Зинана — не бросить друга в сложной ситуации, остаться на его стороне. Дело чести, как считает Улли, чтобы мальчишки оберегали их и благополучно доставили домой, что бы ни произошло. Сталкиваются не просто люди, но представители разных культурных традиций, конфликт которых усугубляется тем, что для мальчиков рай — в Турции, откуда родители вынуждены были уехать на заработки, а здесь — временное пристанище, в котором можно вести себя как угодно. Детективная форма обостряет конфликт и судебный психолог Коберт, изначально выполняющий в пьесе функцию «объективного взгляда», постепенно втягивается в историю, взрывается от потока недопонимания, случайностей, ошибок, ложно истолкованных действий, принятых за провокацию, уязвленной чести и отстаиваемого достоинства, на которое никто не посягал.

Однако смысловой объем пьесе придает мощное эмоциональное наполнение: Сэм и Элена любят друг друга и невозможность договориться, страх попасть под влияние другого становятся для них настоящей трагедией.

Мотив «раскоммуникации» в молодежной среде, отсутствия общего языка, неспособности выразить чувства, разрыва с поколением родителей объединяет пьесы Й. Розельта «Трюфели» (1992), Д. Доббро «Леголэнд» (2000), Т. Вальзер «Бродячие шлюхи» (2004), Д. Штоккер «Куриная слепота» (2005).

Едва ли не центральный мотив «Трюфелей» Йенса Розельта — мотив измельчания мечты: Штефан мечтает о машине, Петра — о шоколадных конфетах, Анка — о том, чтобы вся дискотека видела её успех. За каждым материальным желанием скрывается тоска по

любви, душевному теплу и вниманию, но они привыкли ждать от мира обмана, и взрослый мир постоянно оправдывает эти ожидания. Старшие врут и недоговаривают в семье: мать, «поманив» рассказом о выигрыше в лотерею, устранилась, отказавшись помочь Штефану. Они используют молодых в политических целях: фоторепортер «стряпает» горячие снимки о национальной ненависти, за умеренную плату предлагая одному из героев ударить на камеру прохожего: «Ведь это же для хорошего дела. Мы же против ненависти к инородцам» [Розельт 2000: 212]. Профессиональный рост оказывается возможен только для пронырливых, хитрых приспособленцев. Человеческие связи разрушены настолько, что даже вспомнить друзей, родных, приятелей, добрых знакомых, когда неожиданно предоставляется возможность поприветствовать их через телевидение человек не в состоянии.

Печальный итог пьесы — разрушение трепетно начинавшейся любовной истории в самом ее зародыше. Штефан и Петра — единственные, кто находит в пьесе общий язык, кто в способен проявить заботу, благодарность, искренность. Однако Петра делает выбор в пользу безымянного персонажа (Друг), агрессивного, жесткого, лживого, преследующего ее своей ревностью. Она не хочет нового начала, не хочет перемен, не хочет опасностей и непредсказуемости новых отношений. Трюфели — знак зарождающегося чувства, рассыпаются по земле и втаптываются в грязь, а героиня одновременно отказывается и извиняется, принимает решение и раскаивается в нем.

Цветные кубики детского конструктора (лего) становятся метафорой современности в пьесе Дирка Доббро, который «рассыпает» и разрушает мир построенной из «кубиков» блочной многоэтажки на неприкаянных подростков и взрослых, каждый из которых одинок и безответственен. Источник молодежных проблем он ищет в безответственности и озлобленности старшего поколения. Человечность — давно забытое чувство, умение выслушать и посочувствовать — атавизм, забота и внимание — утраченные категории.

«Куриная слепота» Д. Штоккер — фабульно очень близка пьесе Розельта: юная героиня — Лейла — выбирает между Моз и Другим. Тот, Другой — ди-джей, мечта девчонок, воплощение успешности и мечты о хорошей жизни, романтический принц из девичьих снов. Но он — садист, избивающий Лейлу и охраняющий свою собственность от любых посягательств. Роман с ним для неё одновременно и источник гордости, и вызов обществу и семье, и путь к разрушению ориентиров «нормальности». Её юное сознание постепенно начинает путать любовь и жестокость, поиски собственного пути и разрушение семьи, дома, покоя. Неспособность постоять за себя она компенсирует вызовом своим «домашним»: разоблачает не-

верность отца, провоцирует агрессию брата, обличает безразличие матери. Пьеса «Куриная слепота» — пьеса подросткового протеста, рожденного ощущением своего морального превосходства над взрослыми своего права судить и выносить приговор.

Еще один важнейший мотив — мотив памяти и утраты. Как общую тенденцию его формулирует Е. Н. Шевченко: «Молодые немецкие авторы, пришедшие в драматургию в 90-е годы, начинают все чаще обращаться к истории своей страны» [Шевченко 2012, Челябинск: 39]. Речь при этом идет не только о конкретных исторических фактах, но и о традициях, составляющих «бытовую культуру» народа: отношение к труду, понимание достоинства, порядка, представление о правах и обязанностях различных групп населения и государства по отношению к ним. Яркий пример — пьеса Деи Лоэр «Третий сектор» (2001), которая построена на игре смыслами «служить / прислуживать»: её герои работают в «третьем секторе» (секторе услуг). Они не служат высокой цели, а прислуживают неизвестной хозяйке (Германии?), которая в пьесе так и не появляется. Ассоциации со страной способствуют и настойчиво акцентированный концепт дома (единого дома), и указание на то, что прислуга живет там всю жизнь (все, за исключением иностранки-уборщицы). Безразличие госпожи к своим слугам в этом контексте становится особенно страшным. У них нет надежды, нет будущего. Они оставлены один на один со своей большой душой и своими страхами. «Фирма благодарит» Лутца Хюбнера (2011) пьеса о том, как разрушаются представления о труде, субординации, порядке, дисциплине (в этом смысле Хюбнер — продолжатель темы, рассмотренной в нашумевшей пьесе «Бесхребетность» И. Лаузунд). Под напором «новой модели поведения» рушится привычный мир руководителя отдела Адама Крузенштерна. Новая экономика — развлекательный аттракцион, молодые и успешные руководители, захватившие фирму, подменяют деловой обед флиртом и игрой в гольф. Адам становится первооткрывателем «неизвестной земли» — нового способа ведения дел. Разрыв между поколениями оказывается почти смертельным. Адам по привычке ищет смысла в действиях нового начальства и не может допустить, что его просто нет. Чувство ответственности за себя и людей, работающих под его руководством, мешает ему воспринять происходящее как должное. В то время как новая политика и экономика дошли до той грани цинизма, у которой никакие интересы, кроме сиюминутных удовольствий руководства не имеют значения.

Так или иначе, все рассмотренные мотивы — семьи, начала нового времени, судьбы человека на фоне политического и экономического кризиса, поиска себя и «раскоммуникации» в молодежной среде — связаны, как с главным,

с мотивом разрыва поколений. Столкновение различных ценностных систем, различных моделей поведения и традиций оказывается обоюдосоопасным и взаимно разрушительным.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Szondi P.* Theorie des modernen Dramas. — Leipzig : Edition Suhrkamp, 1963

2. *Буковски О.* Гости / пер. А. Рыбниковой // Современные немецкие пьесы / под ред. А. А. Чепурова и Т. В. Загорской. — СПб.: Стойиздат СПб., 2000. С. 52—82.

3. *Глембоцкая Я. О.* Изображая скуку: Мимесис скуки в новой драме // Новейшая драма рубежа XX—XXI веков: миметическое / антимиметическое : материалы V научно-практического семинара, посвященного памяти Вадима Леванова 20—21 апреля 2012 г., г. Самара / сост. и науч. ред. Т. В. Журчева. — Самара : Инсома-пресс, 2013. С. 73—83.

4. *Журчева О. В.* Авторские стратегии в новейшей драматургии // Литература и театр: материалы Международной научно-практической конференции / отв. ред. Э. Л. Финк, Л. Г. Тютелова. — Самара : Самар. ун-т, 2006. С. 60—70.

5. *Костер Г.* Отголосок / пер. Т. Загорской // Современные немецкие пьесы / под ред. А. А. Чепурова и Т. В. Загорской. — СПб.: Стойиздат СПб., 2000. С. 17—50.

6. *Леманн Х.-Т.* Постдраматический театр / пер. Ю. Лидерман // Журнальный зал / НЛО. 2011. № 111. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2011/111/le22-pr.html> (дата обращения: 24.11.2012).

7. *Прозорова Н. И.* Философия театра. — М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2012.

8. *Розельт Й.* Трюфели / пер. А. Рыбниковой // Современные немецкие пьесы / под ред. И. Беляевой и И. Алексеевой. — СПб.: Стойиздат СПб., 2000. С. 199—238.

9. *Фишер-Лихте Э.* Немецкая драматургия девяностых годов // Современные немецкие пьесы / под ред. А. А. Чепурова и Т. В. Загорской. — СПб.: Стойиздат СПб., 2000. С. 11—16.

10. *Фишер-Лихте Э.* Франк Касторф: игры с театром. Как новое приходит в мир // Германия XX век. Модернизм. Авангард. Постмодернизм / ред.-сост. В. Ф. Колязин. — М.: РОССПЭН, 2008. С. 481—501.

11. *Хюбнер Л.* Дело чести / пер. О. Качковского. — М., 2008. URL: <http://www.theatre-library.ru/authors/h/hubner> (дата обращения: 30.03.2012).

12. *Шевченко Е. Н.* Архетипические герои в драматургии Деи Лоэр («Синяя Борода — надежда женщин» и «Манхэттенская Медея») // Новейшая драма рубежа XX—XXI веков: проблема героя : материалы 4 науч.-практ. семинара, 23—24 апр. 2011, г. Самара / сост. и науч. ред. Т. В. Журчева. — Самара : Самарский ун-т, 2012. С. 115—127.

13. *Шевченко Е. Н.* Новейшая история в современной немецкой драматургии // Литература и театр: модели взаимодействия : сб. науч. ст. по итогам 5 Междунар. науч.-практ. конф.-фестиваля «АРТсессия» (Челябинск, 29—31 окт. 2012) / отв. ред. Н. Э. Сейбель. — Челябинск : Энциклопедия, 2012. С. 38—67.

14. *Шмидтке Ш.* Со-прикосновение и со-причастность // Современные немецкие пьесы / под ред. А. А. Чепурова и Т. В. Загорской. — СПб.: Стойиздат СПб., 2000. С. 383—394.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

М. В. Терских
Омск, Россия

M. V. Terskikh
Omsk, Russia

ЖАНР ИНТЕРНЕТ-ОТЗЫВА В ТУРИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (МАРКЕТИНГОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ)

INTERNET COMMENTS IN TOURIST DISCOURSE (MARKETING POTENTIAL)

Аннотация. Изучаются языковые и прагматические особенности жанра интернет-отзыва. Особое внимание уделяется имиджеобразующему потенциалу интернет-отзывов туристов; рассматривается значимость данного жанра для специалиста по рекламе и связям с общественностью в сфере туризма и гостеприимства. Изучение отзывов туристов дает возможность учесть позитивный или негативный опыт функционирующих туристических/экскурсионных объектов при разработке нового туристического продукта и проработке схемы его позиционирования и продвижения.

Abstract. The article is devoted to the study of linguistic and pragmatic features of the genre of internet comment. The author pays special attention to the image-making potential of the internet comments and considers the importance of this genre for a specialist in advertising and public relations in the sphere of tourism and hospitality. The study of tourists' comments gives the possibility to consider positive or negative experiences of the functioning tourism/excursion objects when developing a new tourism product and working out the scheme of its positioning and promotion.

Ключевые слова: рекламный дискурс; туристический дискурс; позиционирование; интернет-дискурс; жанр отзыва.

Key words: advertising discourse; tourist discourse; positioning; internet discourse; internet-comment.

Сведения об авторе: Терских Марина Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики, факультет филологии и медиакоммуникаций.

About the author: Terskikh Marina Viktorovna, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Chair of General and Applied Linguistics, The Faculty of Philology and Media Communication.

Место работы: Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.

Place of employment: Omsk State University named after F. M. Dostoevsky.

Контактная информация: 644077, Россия, г. Омск, пр-т Мира, 55а, 2-й корпус ОмГУ, каб. 124.
e-mail: terskih@mail.ru.

Начало XXI в. характеризуется всплеском исследовательского интереса к текстам туристического дискурса: в настоящее время можно наблюдать многовекторное изучение феномена туризма в работах лингвистов, социологов, психологов, культурологов, экономистов. Активно изучается жанровая система отечественного и зарубежного туристического дискурса [Донец 2009; Меньшикова 2011; Панцырев 2004; Протченко 2006], терминсистема сферы туризма [Белан 2009; Виноградова 2011; Даниленко 2011, Мошняга 2011], лингвокультурологическая и когнитивная специфика [Бабкина 2009; Белкова 2011; Боброва 2006; Илюшкина 2008; Кошенкова 2010; Кузина 2006; Шевченко 2009; Стародубцева (Галкина) 2009] и речевоздействующий потенциал текстов туристического дискурса [Атакьян 2010; Каребина 2008; Погодаева 2008; Тюленева 2008; Филатова 2014]. Очевидной при этом представляется прагматическая установка адресанта текстов туристического сегмента (позиционирование и продвижение туристического продукта), что сближает данный вид дискурса с рекламной коммуникацией, но не позволяет отождествить их; в любом случае и для рекламного, и для туристического дискурса наиболее значимой категорий является фактор эффективности (результативности) транслируемого сообщения.

Другими словами, туризм в XXI в. стал значительным социальным, культурным и полити-

ческим явлением. Современная туристическая деятельность — это не только развитая индустрия, но и феномен массовой культуры, поскольку число путешествующих по миру растет год от года.

Систематизировав большое количество дефиниций понятия «туризм», остановимся на следующем рабочем определении, актуальном для нашего исследования: *туризм — деятельность людей, характеризующаяся временным отъездом с постоянного места жительства (а также услуги, сопутствующие отъезду) с целью отдыха, удовлетворения культурных потребностей, с деловыми целями.* Конкуренция в сфере туристического бизнеса растет с каждым годом: борьба идет как в области создания туристического продукта, релеванного для представителей целевой аудитории, так и в сегменте «упаковки» данного экскурсионного/туристического предложения в грамотно проработанное, качественно таргетированное рекламное сообщение.

По статистике, россиянин ежедневно получает до 2000 рекламных сообщений. В нашем перенасыщенном информацией мире рекламные стратегии, которые основаны на навязывании товара или услуги, вторжении в личное пространство потребителя, всё реже достигают цели.

С каждым годом традиционные способы продвижения становятся всё менее результативными, и на смену им приходят новые мето-

ды. Сейчас, чтобы обратить на себя внимание потребителя, маркетологи должны полностью пересмотреть стратегию и исполнение рекламы, а также переосмыслить ее суть. Рекламу, как представляется, необходимо «встраивать» в жизнь человека, при этом превращая реальных и потенциальных потребителей в участников создания рекламного и туристического продукта. Это становится возможным благодаря современным интернет-технологиям, создающим условия, необходимые для коммуникационного обмена.

Ключевое отличие эффективной рекламы как коммуникационного вида деятельности — наличие обратной связи, которая решает несколько наиболее важных для компании задач: позволяет составить объективное представление о качестве продукта или услуги, выявить актуальные потребности целевой аудитории, внести эффективные изменения в структуру работы.

Впечатления от взаимодействия с продуктом, или, иными словами, обратная связь, не только частное мнение одного из клиентов, но и инструмент формирования имиджа организации. Широко известное под названием «сарафанного радио» явление, т. е. передача устной информации от потребителя к потребителю, является наглядным примером, иллюстрирующим значение коммуникаций. Важно отметить, что данная коммуникация носит неформальный характер, а значит, отслеживать ее и управлять информационными потоками наиболее сложно. Потребители делятся собственным опытом от использования продукта, «передавая» свой отзыв коллегам, друзьям, членам семьи — таким образом, они бессознательно формируют имидж той или иной организации в сознании общественности.

С развитием массовых коммуникаций, в частности интернет-технологий, у бизнес-структур появился необходимый диапазон возможностей для того, чтобы собрать своих реальных и потенциальных потребителей в одном месте и работать с общественным мнением. Подобные изменения представляют собой как угрозу, так и преимущество.

В первом аспекте важно отметить быстрое распространение негативной информации о компании, в том числе в целях так называемого «черного PR» в отношении других субъектов рынка. Происходит стимулирование конкурентной среды, которое переходит из плоскости реального рынка в интернет-пространство.

Однако, как нам представляется, количество преимуществ значительно превышает число угроз. Экономия рекламных бюджетов, отслеживание деятельности конкурентов, стимулирование подвижности рынка, прямое взаимодействие с потребителем, многообразие возможностей — всё это сегодня дают интернет-ресурсы. Кроме того, современные технологии позволяют получать мгновенную обратную связь. В качестве речевой единицы и

формы обратной связи в интернет-коммуникации выступает отзыв.

Появление жанра интернет-отзыва обусловлено следующими причинами:

1. Человеческое общение из реальной плоскости перешло в интернет-пространство. Другими словами, человек стал делиться впечатлениями посредством компьютерных коммуникаций. Для обмена впечатлениями стали создаваться специализированные страницы и площадки обсуждения.

2. Компании, оценив потенциал Глобальной сети, коэффициент сосредоточенности целевой аудитории в социальных сетях, также переключаются на новые формы взаимодействия с потенциальным потребителем. Последние стали более активны в области обратной связи.

Отзыв перестал быть целью коммуникации — на сегодняшний день он является базисом для выстраивания долговременных отношений с клиентом, появления лояльной аудитории и, как следствие, формирования имиджа.

Жанр интернет-отзыва имеет ряд особенностей, возникновение которых обусловлено специфическими чертами самой интернет-коммуникации. Характерным признаком и главным достоинством коммуникации в Интернете является возможность общаться в устной и письменной форме с любым субъектом без географических и временных границ, а также высокая скорость передачи информации. Появившееся в Сети сообщение может быть мгновенно растиражировано другими интернет-источниками и пользователями, а затем электронными (радио и телевидение) и печатными (газеты, журналы) СМИ.

Информация в Интернете распространяется сетевым образом, Интернет обладает свойствами, сходными с механизмом действия толпы: и в том, и в другом случае имеется реализующийся по-разному технически феномен неуправляемой никем структуры и «случайной среды».

Интерактивность коммуникации в Интернете позволяет вступать в прямой диалог с аудиторией, получать от нее обратную связь в режиме реального времени, а также дает возможность общения представителей данной аудитории между собой.

Интернет как средство коммуникации дает пользователю неограниченную свободу выбора темы, вида и источника информации, представляя серьезную альтернативу традиционным средствам информации.

Все эти особенности интернет-коммуникации легли в основу формирования жанра интернет-отзыва.

На сегодняшний день Интернет является одним из наиболее важных и, как ни странно, вызывающих доверие источников информации для пользователей.

Прежде чем выбрать тот или иной туристический тур, доверять свой отдых

какому-либо туристическому агентству, посетить экскурсионный объект, многие предпочитают посмотреть отзывы, узнать мнения тех, кто уже воспользовался той или иной услугой. Потребность в получении информации сформировала и стойкое желание пользователей быть услышанными.

Таким образом, двусторонний интерес дал развитие жанру интернет-отзыва. Позднее, когда бизнес-структуры оценили значение интернет-коммуникации, вовлеченность в эти процессы представителей своей целевой аудитории, появился интернет-маркетинг, или управление репутацией компании в Глобальной сети.

Рассмотрим жанр интернет-отзыва с позиции трех субъектов и особенностей интернет-коммуникации.

1. Реальные клиенты. Оценив качество продукта, клиент формирует свое мнение. Так как интернет-среда достаточно подвижна и позволяет вовлечь других пользователей в свою жизнь, предоставляет возможность поделиться тем, что увидел, узнал или попробовал, интернет-общение является одним из проявлений личности в социальных сетях.

Оставляя положительный отзыв, клиент привлекает позитивное внимание к компании, рассказывает о своем личном опыте, реализуя функции самовыражения и общения. Но гораздо более интересным в этом аспекте становится опыт отрицательный. Негативная информация распространяется значительно быстрее, чем позитивная. Это связано с тем, что при получении отрицательных эмоций человек пытается их «выплеснуть», нуждаясь в поддержке и возможности быть услышанным. Одновременно с функцией общения человек реализует и социальную функцию. Получив определенный опыт, он выступает экспертом в той или иной области, а значит, способен давать советы, быть значимым. Как правило, отзыв содержит личную историю, оценку, а также высокую эмоциональную окраску.

2. Потенциальные клиенты. Прежде чем вложить собственные деньги или потратить время, многие пользователи предпочитают оценить тот или иной продукт через отзывы других людей, или реальных клиентов.

Это может быть связано с желанием уберечься от ошибки при выборе, несамостоятельностью, боязнью принятия решения, модой. Поиск информации в Интернете — наиболее простой и доступный способ, так как возможно получение большого количества информации за короткий промежуток времени бесплатно. Обращаясь к отзывам в Интернете, потенциальный клиент уже склонен воспринимать написанное с определенной степенью доверия вне зависимости от того, насколько достоверным является источник информации. Как правило, системное повторение отзывов того или иного характера формирует устойчивую сте-

пень ожидания от продукта и прямым образом влияет на принятие решения.

3. Бизнес-структуры. С распространением социальных сетей и интернет-площадок для пользователей специалисты по рекламе и связям с общественностью оценили степень значимости интернет-коммуникаций и тех возможностей для укрепления репутации, которые они могут дать компании. Но эффективность жанра интернет-отзыва как средства построения имиджа используется специалистами не только как возможность получить обратную связь.

Чтобы увеличить собственный репутационный капитал, нередко компании самостоятельно оставляют положительные отзывы о себе, создавая площадки пользователей или размещая отзывы на всех возможных форумах и в социальных сетях. Кроме того, использование данного инструмента происходит и в целях «черного PR», или постоянного, систематического размещения информации негативного характера о конкурентах. Именно это обстоятельство и является ключевым фактором постановки вопроса о достоверности информации и степени доверия к источнику.

Пример диалога клиента и компании с сайта «Flamp.ru» (подчеркнем, что во всех примерах сохранены орфография, пунктуация и стилистические особенности оригинального текста интернет-отзыва):

Здравствуйте! Мы с подругой в апреле решили съездить на разведку в ОАЭ. Попали к менеджеру Ольге Груздевой (настоящему фанату этой страны). И ни сколько не пожалели! Ольга своим наметанным глазом быстро нашла нам подходящий отель. Им оказался Ibis 2 возле молла Эмиратов. Ольга нас заверила, что это отличная 2ка и оказалась абсолютно права! Отличный отель с хорошим сервисом (в чем мы убедились сами) и близко расположен к метро, что в городе Дубай крайне важно! За те несколько дней, которые мы провели на отдыхе, успели сделать практически все, что запланировали. Посетили парк Феррари, обошли кучу магазинов, съездили в цветочный парк Чудес, побывали почти на всех пляжах, какие нам посоветовала Ольга. В общем, от самого города мы ожидали большего, но все равно получили массу эмоций и поездкой крайне довольны! Спасибо большое!*

Pegas Touristik, офис продаж: Елена, добрый день! Мы очень рады, что Ваш отдых был таким насыщенным. Всегда стараемся учесть все пожелания туристов. Слова благодарности Ольге передадим! До встречи в нашем офисе в Ауре!

Жанр интернет-отзыва является относительно свободным, так как не имеет строгой структуры; с точки зрения теории речевых жанров его примеры относятся к текстоидам, поскольку не имеют строгого членения на части, рассчитаны на активного читателя, состоят

из набора фактов, которые могут быть не связаны между собой; главным речевым замыслом интернет-отзыва является желание «поделиться впечатлением». Согласно теории речевых жанров, текстоиду не свойственно наличие заголовка (пожалуй, присутствие в тексте интернет-отзыва заголовка может быть признаком так называемого «коммерческого», или имитированного отзыва, если, конечно, на данном композиционном элементе не «настаивает» администрация того интернет-ресурса, на котором размещается отзыв); данный тип текста не нуждается в членении на абзацы, а построение его подчеркнуто ассоциативно.

Таким образом, жанр интернет-отзыва на сегодняшний день воплощает в себе совокупность ключевых признаков традиционного отзыва и особенностей интернет-общения.

Коммуникативные возможности жанра интернет-отзыва в аспекте построения имиджа огромны. Воспользуемся традиционным разграничением субъективного и объективного имиджа (объективный имидж — это отражение компании в сознании потребителей, сформированное ими самостоятельно, основанное на личном опыте взаимодействия с компанией; субъективный имидж является результатом целенаправленной деятельности компании; в случае с интернет-отзывами организация «создает» пользователей и оставляет положительные отзывы о деятельности организации).

Рассмотрение этого аспекта является необходимым, так как ключевым образом влияет на форму выражения, стилистику текста и язык. При этом ключевым остается вопрос разграничения независимого и коммерческого отзыва.

Примеры независимых отзывов:

• *Ресторан — омрачал отдых. Как уже отписывали ранее, проблема со свежими овощами. Добыть огурец или помидор проблематично! Кочанный салат — только нарезанные кочерыжки. Наструганные салаты — есть нельзя — кисло, не красиво. Почему то не было зелени вообще никакой — не петрушки, укропа, лука. Неа. Горячее — «битва при Карфагене» за кусочек))). Арабы и китайцы те еще наглые туристы — лицо кирпичом и вперед без очереди. Спиртное — вполне сносное. Но т.к. не любители, то и пофиг. Перекусы в полдник — была и копченая рыба и красная, печень в лепешке, блинчики и многое другое. Хватало всем желающим. Территория большая, ухоженная, яркая.*

• *Здравствуйте. Очень долго думала писать отзыв или нет, но все таки решилась. При выборе поездки в тот или иной отель я очень долго знакоплюсь с ним, при помощи отзывов уже отдохнувших. Но первый раз так нам не повезло. Мы приехали в отель в 7.00. Отдали документы и в знак благодарности большую коробку конфет и 2 больших шоколадки. Но нас это не спасло, так как на*

ресепшине поменялся работник. Браслеты нам одели в 10.00, номер дали в 13.00. Все это ерунда, все это мелочи. Главное НО впереди. Номер на картинке был красивый, но в реальности это что-то (347, 346). Кухня есть, но она не оборудована, как написано в описании. Элементарно нет даже стаканов, чтобы попить воды. Мы приехали отдохнуть на море, а не выискивать недостатки. Но в этот раз нам достался такой ужасные номера. Ветер проникал через все видимые и невидимые щели. По вечерам в номере было не пересказать как холодно. При помощи туалетной бумаги мы с сыном заделали щели в окне, на что ушло 3 рулона бумаги. Перед тем как лечь спать каждый вечер в двери так же закрывали щели. Кондиционер не работает на тепло. Спасала электрическая плитка, которую мы включали перед сном, на ночь оставлять побоялись. Так как мы отказывались от уборки в номере, мы в номере только ночевали и сорить не было времени. Но из-за ветров в номере всегда было очень много песка. Сын нашел хороший выход уборки — открывал все двери. Ветром вес песок уносило, никакого пылесоса не надо.

А в остальном отдых удался. Большое спасибо анимационной команде. Вкусно и сытно кормили в ресторане. Ставлю отлично обслуживающему персоналу ресторана. Молодцы ребята. Внимательные и вежливые.

Данные отзывы содержат не только «однобокую» информацию: перечислены плюсы и минусы обслуживания, рассказаны личные истории, присутствует конкретное описание ситуации. Так как правила сайта, на котором расположены данные тексты, подразумевают возможность опровергать отзывы, рассматривать их подлинность, то подобные — событийные — отзывы с большим количеством участников достаточно трудно «сфабриковать» или оставить без внимания.

• *Всем здравствуйте, пишу не для того, что бы занизить рейтинг отеля, а предостеречь или же, чтобы обратили внимание!*

Хорошее впечатление:

- внешний вид отеля

- пляж

Негатив:

Питание(ужасное, все острое или же пережареное — фасфуд, ужасный фасфуд. Написано «детский буфет» — кроме надписи ни чего — картофель фри и т. д.). Если приехали отдыхать, а не тусить ночью, сочувствую! ООООчень громкая анимация, после 21-00 хоть убегай из отеля или надо столько выпить....) Сами прочли не один отзыв, про плохие думали, да мы же отдыхать поедем, все отзывы надуманы, а нет!

Наличие незначительных, мелких деталей позволяет сделать вывод о том, что отзыв является реальным, автор действительно соприкасался с продуктом и выдал полную оценку.

Как правило, оценочность отзыва туриста, желающего поделиться впечатлениями с другими, помочь им сориентироваться при выборе туристического объекта, меняется от положительно окрашенной (восхищенной, восторженной) до критически негативной. При этом в значительной части отзывов мы сталкиваемся с нейтральной оценкой, в основе которой — желание адресанта рассказать о своем опыте, предостеречь тех, кто будет читать его отзыв, от возможных негативных моментов, связанных с посещением туристического объекта, дать советы тем, кто в них нуждается, почувствовать себя при этом экспертом в данном вопросе.

Коммуникативная цель коммерческого отзыва отчетливо связана с позиционирующими задачами, которые стоят перед автором. Отсюда ярко выраженная интенция сообщить о достоинствах тура, гостиницы, экскурсионного объекта, «однобокость» в оценке турпродукта (восторженная оценочность, повышенная эмоциональность в описании туристического объекта, умалчивание обо всех возможных (даже мелких) негативных деталях, которые могли бы омрачить потенциальным туристам отдых, экспрессивный синтаксис, порой публицистичность подачи информации об экскурсионном/туристическом объекте). Примеры:

• *Обратились в компанию «Апельсин» по рекомендациям знакомых и не прогадали! Обслуживание понравилось, все быстро и качественно, были у менеджера Анны. Порадовали скидки, конкурсы, хотим участвовать в розыгрыше призов. Отдыхали в Турции (Алания) в сентябре 2013 г. отель CONCORDIA CELES HOTEL 5* Нам все понравилось, все здорово, отдых удался, но мало. Обратились к Анне в "Апельсин" еще раз, приобрели коттедж в «Прииртышье» на Новогодние каникулы в январе 2014 г. Наш визит будет не последним! Удачи!*

• *Отдыхала в Сказке с детьми. Все очень понравилось! Аквапарк — замечательный, территория тоже. Огромное спасибо администратору гостиницы — все вежливые. И ресторану — все очень вкусно, персонал вежливый, отзывчивый. Особое спасибо администратору ресторана — Татьяне — за помощь и хорошее обслуживание.*

Очевидно, что сложно переоценить имиджеобразующий потенциал жанра интернет-отзыва в туристическом дискурсе.

Отзыв привлекает внимание, интересное описание становится мотивацией к посещению той или иной туристической дестинации, поскольку происходит:

– актуализация конкретных позитивных качеств турпродукта дает возможность зрительно представить наиболее привлекательные качества туристического объекта, вызывает симпатию. У потребителя формируется определенное позитивное ожидание от взаимодей-

ствия с туристической компанией / организацией гостиничного бизнеса и т. п., а значит, у организации есть возможность усилить лояльность клиента путем оправдания этого предварительного мнения;

– маскировка негативных качеств — деятельность любой организации или качество продукта имеют как позитивные, так и негативные стороны. В случае если имидж компании грамотно выстраивается, незначительные негативные моменты не будут оказывать ключевого влияния на выбор потребителя;

– организация внимания — позитивный имидж наилучшим образом аккумулирует внимание тех, кто еще не определился с выбором, он вызывает доверие, а значит, располагает к восприятию информации и контакту. Большое количество одобрений со стороны других пользователей является объективным индикатором оценки отзыва и его содержания.

Итак, отзыв является основным инструментом формирования имиджа на различном роде интернет-площадках; относится к неформальной коммуникации, управление которой является достаточно сложным, однако за счет сосредоточения информационного потока в одном месте, четкой формализации интернет-отзывы становятся не только объективным источником информации о качестве продукта или услуги, но и возможностью эффективно скорректировать имидж организации.

Еще одно важное достоинство жанра интернет-отзыва для специалиста по рекламе и связям с общественностью в сфере туризма и гостеприимства — возможность учесть позитивный или негативный опыт функционирующих туристических/экскурсионных объектов при разработке нового туристического продукта и проработке схемы его позиционирования и продвижения. В качестве примера обратимся к реализации конкретного проекта, который связан с разработкой концепции корпоративного музея как экскурсионного объекта, выполняющего вместе с тем ряд важнейших позиционирующих организацию функций (проект был реализован М. В. Мирошник). При этом мы в очередной раз сталкиваемся с сопряжением рекламного и туристического типов дискурса: зачастую экскурсионные объекты призваны не только выполнять функции туристического продукта, но и решать маркетинговые задачи, связанные с позиционированием корпорации и ее продукции.

Корпоративный музей является важным элементом культуры компании: наглядная история развития продукта, «хранилище» наград и достижений, фотографий, подарков и т. д. Но иногда собственная история может превратиться в маркетинговый инструмент, особенно если речь идет о производителе алкогольной продукции, возможность продвижения которой традиционными средствами маркетинга ограничена законодательством.

Корпоративный музей в настоящее время может стать эффективным инструментом формирования положительного имиджа компании, повышения лояльности клиентов, партнеров и нематериальной мотивации сотрудников.

В данной статье будут рассмотрены реальные примеры крупнейших корпоративных музеев алкогольной и безалкогольной продукции, а также будет представлена концепция корпоративного музея корпорации «Алкогольная Сибирская Группа», рассчитанного на внутреннюю и внешнюю аудиторию.

Традиционно под словом «музей» понимался социальный институт, занимающийся воспитанием индивидов и социальных групп, выполняющий аккумуляцию культуры и передачу ее новым поколениям, а также помогающий людям вырабатывать и развивать собственное мировоззрение. Корпоративный музей — понятие более узкое, таковыми являются негосударственные ведомственные музеи, структурные подразделения негосударственных учреждений и предприятий.

Корпоративный музей в каждой корпорации уникален: его специфика определяется отраслью, особенностями продукта, масштабами организации, ее корпоративной политикой. Тем не менее можно выделить ряд общих черт корпоративных музеев:

- визуальная составляющая — графическая, текстовая информация, набор экспонатов;
- открытость для посещений и экскурсий;
- наличие информации о людях, работающих в компании;
- удобство помещения корпоративного музея для просмотра экспозиций;
- четкая структура музея (разделение на функциональные зоны);
- периодическое обновление и дополнение экспозиции музея [Смолкин 2002: 32].

Мы рассматриваем корпоративный музей как экскурсионный объект, как элемент корпоративной культуры (HR) и как инструмент маркетинга (PR). Объединяя функционал этих сфер, можно получить стратегически важный инструмент для продвижения продукции компании и формирования благоприятного имиджа организации как среди самих сотрудников, так и среди внешней аудитории (партнеров, потребителей и т. д.).

Рассматривая музей в рамках корпоративной культуры, выделим следующие его функции:

- 1) охранную (создание барьера от нежелательных внешних воздействий);
- 2) интегрирующую (объединение людей, формирование отношения причастности к судьбе компании);
- 3) регулирующую (поддержка правил и норм, а также корпоративных ценностей);
- 4) адаптивную (облегчение взаимного приспособления людей друг к другу и к организации в целом, что особенно важно для сотрудника-новичка);

5) мотивационную (создание стимула по принципу «где мое место в музее сейчас» и «где я могу оказаться, если буду ответственно выполнять свою работу»).

Как представляется, корпоративный музей является важным инструментом HR, так как способствует эффективной коммуникации между сотрудником и работодателем, помогая адаптироваться новому сотруднику, вырабатывая отношение причастности к развитию продукта и достижениям компании и т. д. Корпоративный музей предстает как важная деталь в развитии имиджа компании, поскольку способствует «формированию среди сотрудников атмосферы „единой команды“, укреплению веры в свои силы и успех компании, поддержанию оптимизма в отношении ее будущего, что позволяет создать „бесконфликтную среду“, повысить эффективность работы, привлечь новых специалистов и удерживать имеющихся» [Рева 2003: 25].

Корпоративный музей как инструмент маркетинга включает в себя все элементы комплекса маркетинга: продукт (product), размещение (place), людей (people), а теперь и продвижение (promotion).

Рассматривая корпоративный музей как инструмент маркетинга, можно обозначить следующие его функции:

- 1) познавательную (посетитель может узнать не только историю развития компании и ее брендов, но и историю создания самого продукта);
- 2) развлекательную (музей становится интерактивным, направленным на взаимодействие с потребителем: игры, экраны, ростовые куклы, дегустации и т. д.);
- 3) имиджевую, или позиционирующую;
- 4) функцию продвижения (возможность демонстрации рекламы музея алкогольной продукции без ограничения законодательством, кроме того, его открытие может стать информационным поводом для СМИ);
- 5) исследовательскую (вероятность выявления среди посетителей наиболее лояльных групп потребителей, заинтересованных в продукте);
- 6) коммерческую (возможность дополнительного дохода).

При создании музея, если делать упор на маркетинговую составляющую, необходимо понимать, что далеко не каждый корпоративный музей способен вызвать интерес и привлечь внимание потребителей и СМИ. При этом есть риск сделать его скучным, однообразным, похожим на музеи других компаний.

Перейдем к концепции корпоративного музея «Алкогольной Сибирской Группы», который позволяет, с нашей точки зрения, обеспечить многовекторную эффективность данного инструмента, объединив PR и HR.

«Алкогольная Сибирская Группа» — один из крупнейших в мире производителей водки. Федеральный ассортиментный портфель «Ал-

когольной Сибирской Группы» включает в себя 29 позиций различных ценовых сегментов. В марте 2012 г. в головном офисе компании был создан собственный корпоративный музей. Первоначальной целью проекта было укрепление делового имиджа компании, знакомство сотрудников и гостей с ее историей, повышение лояльности сотрудников. Другими словами, изначально музей был рассчитан на *внутреннюю* целевую аудиторию и представлял собой инструмент HR, призванный решать внутрикорпоративные задачи.

Вместе с тем музей как часть корпоративной культуры компании должен соответствовать политике позиционирования организации и удовлетворять потребности целевой аудитории: внутренней (сотрудников компании) и внешней (партнеров, VIP-гостей, СМИ, а также потенциальных сотрудников компании, потребителей и гостей Омска).

Свое выражение политика корпорации получает в миссии, в которой заключены важнейшие аспекты: цель функционирования организации, область деятельности организации, философия организации, методы достижения поставленных целей, методы взаимодействия организации с обществом (социальная политика организации) [Котлер 2010: 123].

Миссия компании «Алкогольная Сибирская Группа» формулируется так: «Производимая нами водка выйдет в мировые лидеры, потому что мы знаем толк в водке, умеем ее делать и продавать». Компания использует языковые единицы следующих тематических категорий: 1) «умение»: «знаем толк», «умеем»; 2) «производство»: «производимая», «делать»; 3) «мы»: «нами», «мы»; 4) «масштабность»: «мировые»; 5) «первенство»: «лидеры»; 6) «алкоголь»: «водка».

Кроме того, в формулировке миссии компании прослеживается причинно-следственная связь: *Наша водка выйдет в лидеры, потому что мы знаем и умеем...* — зависимость между достижениями компании и прилагаемыми усилиями. Таким образом, компания делает акцент на сотрудниках, общем вкладе в развитие бизнеса (используя личное местоимение множественного числа *мы, нами*), на опыте и умении производить и продавать (*знаем толк, умеем ее делать и продавать*), производимом продукте (*водка*) и, кроме того, на лидерстве (*мировые лидеры*).

Анализ миссии корпорации позволяет обозначить обязательные составляющие музея,

направленные на поддержание имиджа компании, соответствующего ее корпоративной политике и стратегии: 1) экспонаты, посвященные истории самого продукта (*водка*); 2) экспонаты, связанные с историей развития компании (*опыт*); 3) экспонаты, посвященные процессу производства (*умеем делать*); 4) экспонаты, связанные с процессом продаж, развитием бренда (*умеем продавать*); 5) экспонаты — награды и достижения (подтверждение *выхода в мировые лидеры*); 6) экспонаты, посвященные сотрудникам корпорации и связанные с ними (*мы, нами*).

Однако, поскольку в данной статье мы рассматриваем корпоративный музей как инструмент не только HR, но и PR, в том числе и как экскурсионный объект, необходимо дополнить его экспонатами, рассчитанными и на внешнюю целевую аудиторию.

Для того чтобы выявить потребности посетителей музеев такого рода, проведем анализ интернет-отзывов клиентов корпоративных музеев брендов «Coca-Cola» и «Heineken».

Метод анализа отзывов потребителей — контент-анализ (методика семантического частотного анализа, разработанная на базе психолингвистического метода ключевых слов). Анализ позволит определить структуру символического и эмоционального поля, формируемого вокруг корпоративного музея «Coca-Cola». Общее количество проанализированных отзывов — 1200. Ресурс — www.tripadvisor.ru (форум) [Трипэвидзор]. Целевая аудитория не ограничивалась по характеристикам.

Общая оценка посетителями: «отлично» — 32 % (413 человек), «очень хорошо» — 34 % (445 человек), «неплохо» — 21 % (273 человека), «плохо» — 9 % (110 человек), «ужасно» — 4 % (52 человека). Таким образом, как мы видим, 87 % посетителей относятся к рассматриваемому объекту положительно. В данном исследовании будут проанализированы основные концепты, используемые в отзывах позитивно настроенных посетителей. На основании этих концептов будет реконструирован фрейм музея (как «единица знаний, организованная вокруг некоторого понятия и содержащая данные о существенном, типичном и возможном для этого понятия» [Краткий словарь когнитивных терминов 2007: 293]).

Отзывы позитивно настроенной аудитории были проанализированы по дискурским категориям:

Дискурс-категории	Языковые репрезентанты
Идентификация	«Музей», «дегустация», «кинотеатр 4Д», «выставки», «место рождения», «конвейер», «история», «достопримечательность», «сказка», «фабрика», «игры», «удовольствие», «сувенирный магазин»
Деятельность	Концепт «развлечение»: «развлекает», «веселит», «радует», «забавляет», «увлекает»
	Концепт «движение»: «создает», «производит», «реконструируется», «состоялся», «действует»
	Концепт «подарок»: «дарит», «предоставляет», «дает», «преподносит»

Дискурс-категории	Языковые репрезентанты
	Концепт «взаимодействие»: «взаимодействует», «разговаривает», «обращается», «помогает»
Аудитория	Семья, дети, взрослые, сестра, мама, папа, бабушка, дочь, сын, я, поклонники Coca-Cola
Пространство	Мир, континенты, Атланта, Америка, Италия, Азия, Африка, Греция
Атрибутивность	Концепт «сказка»: «волшебный», «сказочный»
	Концепт «изобилие»: «много», «весь», «все»
	Концепт «развлечение»: «развлекательный», «веселый», «классный», «игровой»
	Концепт «зрелище»: «яркий», «потрясающий», «зрелищный»
	Концепт «уникальность»: «единственный», «памятный», «уникальный»
Интерсобытийность	«Бесплатный», «доброжелательный», «памятный», «лучший», «отличный», «исторический» «Обычная экскурсия», «день рождения близких (родственников)», «школьная экскурсия», «туристическая экскурсия», «прогулка с друзьями»

На основании проведенного контент-анализа был сформирован фрейм корпоративного музея «Coca-Cola», в основе которого лежит четыре категории: «какие ключевые функции выполняет музей для клиента», «кто явля-

ется клиентом», «с помощью чего формируется благоприятный имидж музея» (инструментарий), а также «ключевые характеристики персонала»:

Функции	Развлекает, взаимодействует, дарит
Клиенты	Семьи, дети, поклонники «Coca-Cola», взрослые
Инструментарий	Уникальность, 4D-кинотеатр, выставки, бесплатные дегустации, игры
Сотрудники	Доброжелательные, веселые, отзывчивые

Таким образом, к положительно настроенным посетителям музея «Coca-Cola» относится прежде всего детская аудитория, семьи и поклонники напитка. Тем не менее целевая аудитория очень размыта: не имеет четких границ по демографическим, географическим, социальным и психологическим характеристикам. Основные функции музея обозначены в концептах «подарок» (в прямом смысле: бесплатная дегустация, сувениры — и в переносном значении: создание атмосферы «сказочности», привнесение положительных эмоций), «раз-

влечение» (вызывает радость, позитив, восхищение), «взаимодействие» (акцент на интерактивности: взаимодействие с персоналом, ростовыми куклами и т. д.).

Кроме того, с целью выявить причины формирования отрицательного восприятия был проведен анализ отзывов людей, выразивших негативное отношение к музею «Coca-Cola». Интернет-отзывы посетителей, оценивших музей негативно, были реконструированы в следующий фрейм:

Функция	Обманывает, навязывает, продает
Клиенты	Не поклонники «Coca-Cola», взрослые
Инструментарий	Реклама, высокая цена, липкий пол в дегустационном зале, очереди
Сотрудники	(не говорится)

Посетители, настроенные отрицательно, обозначили как причину своего недовольства несоответствие категорий цена — качество, навязывание культа «Coca-Cola», обилие рекламной информации и отсутствие истории как таковой.

Несмотря на это, количественно позитивно настроенные посетители преобладают над негативно настроенными, в чьих отзывах выражены не только минусы, но и плюсы («бесплатные дегустации», «изобилие вкусов»).

Тот же метод контент-анализа используем для выявления символического и эмоционального поля, формируемого вокруг корпоративного музея «Heineken». Общее количество проана-

лизированных отзывов — 800. Ресурс — www.tripadvisor.ru (форум) [Трипавидзор]. Целевая аудитория не ограничивалась по характеристикам. Общая оценка посетителями: «отлично» — 46 % (613 человек), «очень хорошо» — 34 % (452 человека), «неплохо» — 13 % (178 человек), «плохо» — 5 % (69 человек), «ужасно» — 2 % (30 человек).

В целом у 93 % посетителей сформировалось позитивное отношение. Для начала выявим основные концепты, используемые в отзывах позитивно настроенных посетителей. На основании этих концептов будет реконструирован фрейм.

Дискурс-категории	Языковые репрезентанты
Идентификация	«Музей», «антураж», «аттракцион», «история», «империя», «атмосфера», «технологии», «процесс», «звуковые эффекты», «мультимедиа», «пивбар», «экскурсия», «парк развлечений», «4D-кино», «пивоваренный завод»
Деятельность	Концепт «развлечение»: «развлекает», «веселит»
	Концепт «подарок»: «позволяет», «дает», «разрешает (трогать, вертеть, крутить, создавать, пробовать)», «предоставляют возможность», «награждают»
	Концепт «обучение»: «информирует», «учит», «рассказывает», «помогает освоить»
Аудитория	Я, друзья, семья, поклонника пива, не любители пива
Пространство	Амстердам, Голландия
Атрибутивность	Концепт «подарок»: «бесплатный», «свободный», «разрешенный»

Дискурс-категории	Языковые репрезентанты
	Концепт «новое»: «новый», «оригинальный», «интересный», «новейший», «свежий», «современный»
	Концепт «мой»: «собственный», «наш», «близкий», «соответствующий»
	Концепт «развлечение»: «развлекательный», «забавный», «увлекательный», «интерактивный»
	Концепт «изобилие»: «много», «максимальный», «обильный»
	«Тематический», «хороший», «превосходный», «доброжелательный», «качественный»
Интерсобытийность	«Обычная экскурсия», «туристическая экскурсия», «прогулка с друзьями», «экскурсия в пасмурный день»
Сотрудники	«Доброжелательные», «веселые», «отзывчивые»

На основании данного контент-анализа был сформирован следующий фрейм.

Функция	Развлекает, обучает, дарит
Клиенты	Я, друзья, поклонники пива
Инструментарий	Бесплатная дегустация, 4D-кинотеатр, новые технологии, интерактив, тематические зоны, качественное пиво, разнообразие и вариативность экспонатов и развлечений
Сотрудники	Доброжелательные, веселые, отзывчивые

Таким образом, положительно настроенная аудитория среди функций музея отмечает следующие: «развлечение»; «обучение»; «подарок». Целевой аудиторией выступают туристы, любители пива, компании друзей (все — лица старше 18 лет).

На основании проведенного контент-анализа отзывов посетителей музеев «Coca-Cola» в Атланте и «Heineken» в Амстердаме выявлены необходимые составляющие корпоративного музея напитка, которые могли бы привлечь целевую аудиторию и на которых в своих отзывах делали акцент посетители вышеперечисленных музеев: возможность бесплатных дегустаций; развлекательное и интерактивное наполнение; уникальность (уникальное предложение).

С целью привлечь большую аудиторию предполагается позиционирование корпоративного музея корпорации «Алкогольная Сибирская Группа» как Музея сибирской водки. Для того чтобы корпоративный музей воспринимался целостно, предлагается воссоздать в музее путь водки: от начала ее производства до «рюмки в руках потребителя».

1. «Всё начинается здесь»: создание масштабной макетной диорамы завода «Омсквинпром» (места изготовления фирменной продукции корпорации), а также широкоформатного панно с историческими фото и документами, связанными с началом производства алкогольной продукции (таким образом реализуется адаптивная функция — для новичков — и познавательная — для внешней аудитории).

2. «Как это делается»: технология производства продукции корпорации (реализация познавательной, развлекательной (возможность трогать, пробовать) функций).

3. «Готово!»: модель молекулы водки; истории-легенды о том, как была создана водка; интерактивный экран «NewtWindow», позволяющий посетителю ознакомиться с интересными фактами о водке самостоятельно (реализация познавательной и развлекательной (интерактивный экран с нестандартной информацией) функций).

4. «Реклама и сувенирная продукция»: панно с историей развития этикеток всех торговых

марок компании; панно с рекламой водки всех времен; сувенирная продукция, когда-либо выпускавшаяся компанией (реализация познавательной функции и функции продвижения продукта — возможность трансляция рекламы без ограничения законодательством).

5. «Эволюция продукции»: представление всей продукции, когда-либо производимой компанией; представление всех редизайнов бутылок ключевых торговых марок компании (реализация познавательной и интегрирующей (формирование отношение причастности к развитию брендов) функций).

6. «Признание»: награды международных выставок и конкурсов (реализация имиджевой (награды как показатель признания первенства), интегрирующей (формирование отношения причастности к достижениям корпорации), мотивационной (стимулирование сотрудника на новые достижения) функций и функции продвижения (награды как показатель высокого качества)).

7. «В магазине»: выкладка продукции в соответствии со стандартами; карта распространения продукции (реализация регулирующей (поддержка правил, установленных для мерчендайзеров), адаптивной (помощь новому сотруднику в ориентировании в портфеле брендов, производимых компанией) функций).

8. «Дегустация»: оценка качества продукции потребителем (реализация развлекательной функции (дегустатор рассказывает о правилах дегустации) и функции продвижения (возможность бесплатного употребления напитков, как было выявлено в результате контент-анализа, позитивно воспринимается потребителем).

9. «Корпоративный» — стенды-проекты «Этажи»: графическое изображение отделов центрального офиса корпорации «Алкогольная Сибирская Группа», полное воссоздание обстановки с фотографиями сотрудников, шуточными надписями и «пустыми креслами» (вакантными местами), а также предоставление возможности посетителям составить собственное резюме и оставить его на рассмотрение; корпоративные праздники (фото и атрибуты ключевых корпоративных праздников корпора-

ции). При этом реализуются интегрирующая (объединение людей, помощь в понимании сотрудниками положения своего «я» в компании), регулирующая (поддержка ценностей), адаптивная (помощь в ориентировании новичков в организационной структуре компании), мотивационная («буду работать эффективно, чтобы получить должность N»), имиджевая (позиционирование компании как работодателя, для которого ценен труд каждого, а также демонстрация того, что в компании интересно не только работать, но и отдыхать) функции.

10. «Подарочная»: подарки партнеров, сотрудников, клиентов (реализация имиджевой функции).

Как мы видим, корпоративный музей может не только выполнять свои первостепенные функции, связанные с его туристическим потенциалом, рассчитанные на мотивацию и повышение лояльности внутренней целевой аудитории, но и стать эффективным инструментом продвижения компании и ее продукции. Это позволяет производителям алкогольных напитков использовать корпоративный музей как информационный повод, как способ продвижения алкогольной продукции. При этом основным инструментом, позволяющим посредством лингвистических методов реконструировать фрейм корпоративного музея как привлекательного туристического объекта, становится жанр интернет-отзыва, наиболее значимым достоинством которого можно считать возможность установления прямого контакта со своей реальной и потенциальной целевой аудиторией и ведения с ней обоюдного диалога.

ЛИТЕРАТУРА

1. Атакьян Г. С. Прагматика языка туристической рекламы : дис. ... канд. филол. наук. — Майкоп, 2010.
2. Бабкина Т. И. Структурно-семантический анализ лингвокультурного концепта «путешествие»: на материале русских и французских текстов по туризму : дис. ... канд. филол. наук. — Ижевск, 2009.
3. Белан Э. Т. Особенности формирования новых терминосистем (на материале английской и русской терминологий международного туризма) : дис. ... канд. филол. наук. — М., 2009.
4. Белкова Ю. В. Системные и ассоциативные характеристики семантического поля «путешествие» (на материале французского языка) : автореферат дис. ... канд. филол. наук. — Ярославль, 2011.
5. Боброва Е. А. Опыт лингвистического исследования эволюции концепта «путешествие» в англоязычной культуре : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Иркутск, 2006.
6. Виноградова Л. В. Терминология туризма английского и русского языков в синхронном и диахронном аспектах : дис. ... канд. филол. наук. — Великий Новгород, 2011.
7. Даниленко О. В. Становление и развитие туристской терминологии и их экстралингвистической обу-

словленности : дис. ... канд. филол. наук. — Омск, 2011.

8. Донец П. Н. Экскурсия по городу как жанр дискурса // Жанры речи : сб. науч. ст. — Саратов : Наука, 2009. Вып. 6 : Жанр и язык. С. 227—232.

9. Илюшкина М. Ю. Прецедентные феномены в российской и британской печатной рекламе услуг для туристов : дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2008.

10. Карбина О. П. Семантическая организация лингвистических и паралингвистических феноменов в текстах предметной области «Туризм» : дис. ... канд. филол. наук. — Краснодар, 2008.

11. Котлер Ф. Маркетинг от А до Я. 80 концепций, которые должен знать каждый менеджер. — М., 2010.

12. Кошеникова А. А. Сопоставительный анализ языковых средств репрезентации концепта «путешествие» в немецком и татарском языках : дис. ... канд. филол. наук. — Чебоксары, 2010.

13. Краткий словарь когнитивных терминов / сост. Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. — М., 1997.

14. Кузина О. А. Семантические и ассоциативные поля туризма как отражение фрагментов языкового сознания и картин мира русских немцев и американцев : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Барнаул, 2006.

15. Меньшикова Е. Е. Мифопоэтика рекламного туристического нарратива : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Архангельск, 2012.

16. Мошняга Е. В. Концептное пространство межкультурной коммуникации в системе международного туризма : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. — М., 2011.

17. Панцырев К. А. Путевой очерк: эволюция и художественно-публицистические особенности жанра : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 2004.

18. Погодаева С. А. Языковые средства аргументации во французском туристическом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук. — Иркутск, 2008.

19. Протченко А. В. Типологические и функционально-стилистические характеристики англоязычного путеводителя : дис. ... канд. филол. наук. — Самара, 2006.

20. Рева В. Е. Коммуникационный менеджмент. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2003.

21. Смолкин А. М. Менеджмент: основы организации. — М., 2002.

22. Стародубцева (Галкина) Е. А. Лингвокогнитивное моделирование культурных схем «Путешествие» / «Travel» // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. № 1. С. 70—78.

23. Трипавидзор. URL: <http://www.tripadvisor.ru/>.

24. Тюленева Н. А. Лингвокогнитивные стратегии позиционирования и продвижения туристических услуг в российской и англо-американской рекламе : дис. ... канд. филол. наук. — Омск, 2008.

25. Филатова Н. В. Дискурс сферы туризма в прагматическом и лингвистическом аспектах : дис. ... канд. филол. наук. — М., 2014.

26. Шевченко Е. М. Вербализация концепта «путешествие» фразеологическими единицами современного английского языка : дис. ... канд. филол. наук. — Белгород, 2009.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. О. С. Иссерс.

О. В. Ширяева
Майкоп, Россия

O. V. Shirayeva
Maikop, Russia

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ЭКСПЕРТ»
В ДИСКУРСЕ ДЕЛОВОЙ ПРЕССЫ**

**REPRESENTATION OF THE CONCEPT “EXPERT”
IN BUSINESS JOURNALISTIC DISCOURSE**

Аннотация. Анализируется семантика концепта «эксперт»; выявляются лексические и грамматические средства его репрезентации. Исследование осуществляется на материале дискурса современной русской деловой прессы. Социальные рамки делового дискурса определяются пространством профессиональной, повседневной и массмедийной бизнес-коммуникации. Концепт «эксперт» исследуется как один из базовых концептов в деловой картине мира, формирующий представление о трех критериях доверия к информации: истинности, персонализации, авторитетности. Методологическую основу исследования составляют понятия когнитивной лингвистики (Е. С. Кубрякова, З. Д. Попова, И. А. Стернин, Г. Н. Манаенко), теории семантики (Н. Д. Арутюнова, Е. В. Падучева), теории дискурса (А. П. Чудинов, Д. В. Гречихин). Анализируя особую разновидность социальной картины мира — деловую — автор статьи соотносит локальное и универсальное, субъективное и объективное в семантике концепта.

Abstract. The author analyzes the semantics of the concept “expert”; identifies lexical and grammatical ways of its representation; the object of the research is the contemporary Russian business journalistic discourse. The social frames of a business discourse are defined by the space of professional, daily and mass media business communication. The concept “expert” is investigated as one of the basic concepts in the business picture of the world. The concept is based on three criteria of trust in information: validity, personalization and authority. The methodological foundation of research is made up by cognitive linguistics (E. S. Kubryakova, Z. D. Popova, I. A. Sternin, G. N. Manayenko), semantics theory (N. D. Arutyunova, E. V. Paducheva), and discourse theory (A. P. Chudinov, D. V. Grechikhin). In the course of analysis of a specific kind of the social picture of the world — the business picture of the world — the author correlates local and universal, subjective and objective aspects in the semantics of the concept.

В основе функционирования концепта «эксперт» — единая типовая пропозиция: ‘некто (авторитетный) выносит компетентное суждение о предмете’. Данная пропозиция может быть реализована также в юридическом, медицинском, техническом, научном, профессиональном дискурсах. Смысл слова «эксперт» связан с первоначальными значениями «испытание», «проба», «проверка», «опыт». С одной стороны, знание эксперта предстает как «истинное»: достоверное, точное, верифицируемое. С другой стороны, его носителем является человек, а в медиадискурсе это главный источник информации. Поэтому наряду с логическим критерием «истины» приобретает значимость критерий «персонализация» — личная ответственность человека за транслируемое им знание. В лингвотипаже «эксперта» актуализируется также третий важный критерий — авторитетность. Таким образом, соединяя три данных критерия, данный концепт выполняет функцию логико-этической «легитимизации» деловой картины мира.

The concept “expert” functions as the agent in a standard proposition: ‘somebody (an authority) states a competent judgment about an object’. This proposition can be also realized in legal, medical, technical, scientific and professional discourses. The origin of the meaning of the word “expert” comes from the meanings “testing”, “trying”, “checking” and “experience”. On the one hand, the knowledge of the expert appears as “true”: reliable, exact and verifiable. On the other hand, an expert is a person, and in the media discourse it is the main source of information. Therefore along with the logical criterion of “truth” the criterion of “personalization” (personal responsibility for the knowledge) becomes rather significant. It is in the “language type” of an “expert” that the third important criterion, authority, is realized. Thus, connecting these three criteria, this concept carries out the function of logic-ethical “legitimization” of the business picture of the world.

Ключевые слова: медиадискурс; дискурс деловой прессы; деловая картина мира; концепт; эксперт.

Key words: media discourse; business journalistic discourse; business picture of the world; concept; expert.

Сведения об авторе: Ширяева Оксана Витальевна, кандидат филологических наук, докторант кафедры общего языкознания.

About the author: Shirayeva Oksana Vitaliyevna, Candidate of Philology, Doctor’s Degree Applicant of Department of General Linguistics.

Место работы: Адыгейский государственный университет (г. Майкоп).

Place of employment: Adygea State University (Maikop).

Контактная информация: 385000, г. Майкоп, ул. Первомайская, 208.
e-mail: oksana.shirayeva@gmail.com.

Деловая пресса — явление по историческим меркам относительно новое в русском медиаландшафте. Формирование данного сегмента прессы с собственным дискурсом оказалось возможным лишь в определенной культурно-исторической, экономической и политической ситуации: в условиях развития капиталистической модели общества, т. е. в постсоветский период. Деловая пресса восходит к типу СМИ, известным в западной культуре как business journalism (бизнес-журналистика, деловая журналистика). Исторически первое биз-

нес-издание зафиксировано в США — это «Wall Street Journal». Далее в этом сегменте развивалась история таких западных медиабрендов, как «Financial Times», «Harvard Business Review», «Business Weekly», «Smart Money», «Forbes», «Economist», «Focus Finanzen», «Capital», «La Tribune» и др.

В России развитие деловой прессы было прервано в 1917 г. по причине несовместимости советского строя, с его плановой экономикой и тоталитарным дискурсом, и предпринимательской деятельности, основанной на зако-

нах свободного рынка и частной собственности. Известны такие деловые дореволюционные издания, как «Купец», «Коммерческая газета», «Мануфактурные и горнозаводские ведомости», «Земледельческая газета», «Биржевые ведомости» и др. (см. историю отечественной деловой прессы: [Боханов 1984; Головкин 2005; Еременко 2006]). За период конца 1990-х — начала 2010-х гг. в российской журналистике определились новые лидеры деловой прессы, позиционирующие себя как СМИ о бизнесе и для аудитории, представленной бизнес-сообществом: газета «Коммерсантъ», журнал «Деньги» (издательский дом «Коммерсантъ»), газеты «Ведомости», «РБК daily», журнал «Эксперт». Деловые СМИ причисляют к так называемой «качественной прессе», четко отделяющей себя от так называемых «глянца» и «желтой прессы».

Хотя тематика деловых СМИ охватывает, помимо профильной (рынки, финансы, экономическая политика), вопросы общества, культуры, стиля жизни, их редакционная политика ориентирована на информационное обслуживание интересов делового сообщества. Селекция и комбинация означающих, конфигурации смысла в текстах деловой прессы аксиологически маркированы. Безоценочность, нейтральность жанровых и стилистических модальностей в СМИ, безусловно, часть негласной профессиональной конвенции журналистики, распространяющейся в первую очередь на новостные тексты [см.: Allan 2004: 22]. Как верно отмечает В. А. Тырыгина, анализируя жанровую стратификацию тем в СМИ, «в тексте того или иного жанра тематизируется не референтная ситуация вообще, а определенный ракурс, определенный угол зрения на референтную ситуацию» [Тырыгина 2010: 252].

Материалы перечисленных выше деловых изданий и составляют тот обширный и относительно монолитный корпус медиатекстов, которые отражают и одновременно формируют современный русский **деловой дискурс**. Ведь «медиадискурс как социально маркированный процесс оперирования информацией в условиях опосредованного масс-медиа широкого публичного диалога не только отражает особенности массового сознания, но и организует его <...> является социально-регулируемым механизмом» [Гречихин 2008: 14]. Социальные рамки делового дискурса включают участников *профессиональной, повседневной и массовой бизнес-коммуникации*. Один из продуктов последнего типа коммуникации и является предметом нашего изучения: в рамках данной статьи мы обозначили его как **дискурс деловой прессы**. Такое ограничение позволяет отделить от печатных СМИ дискурс, порожденный другими технологическими каналами и подверженный сильному воздействию устной коммуникации, а также невербальных (визуально-аудиальных) средств — медиадискурс теле-

видения и радио. Интернет-версии перечисленных СМИ сохраняют единое речевое пространство со своими бумажными аналогами.

В рамках дискурса деловых СМИ мы предлагаем рассмотреть один из дискурсообразующих концептов — «эксперт». Как будет показано, он является одним из базовых в деловой картине мира и составляет одно из необходимых условий успешной массмедийной бизнес-коммуникации, так как формирует представление о трех критериях доверия к информации, к которым относятся: 1) **истинность**; 2) **персонализация**; 3) **авторитетность**.

Методологически важно определиться с терминологическим наполнением ключевых понятий, которыми предстоит оперировать: *картина мира, деловая картина мира, концепт, медиадискурс, дискурс деловой прессы*. Как показывают актуальные дискуссии, наблюдаются разночтения в понимании дефиниций, семантического объема, прагматических контекстов данных понятий [см., напр.: Руссо 2014; Воркачев 2014].

Дискуссионную ситуацию вокруг понятия «языковая картина мира» и «картина мира» достаточно четко очертил М. М. Руссо в статье «Неогумбольдтианская лингвистика и рамки „языковой картины мира“» [Руссо 2014]. Продемонстрировав крайние позиции по вопросу сохранения актуальности гумбольдтианской концепции языка, М. М. Руссо выделил основные направления ее развития: психолингвистическое и лексикологическое. При этом он отметил, что языковая картина мира так или иначе фигурирует в исследованиях «смежных областей» — когнитивной лингвистики, этнолингвистики и даже культурной антропологии [Руссо 2014: 15]. Справедливо мнение исследователя о необходимости осознавать наличие как универсального, так и национального компонента в языковой картине мира, которая может быть, в сущности, заменена понятием «семантическая» или «лексико-семантическая» система языка.

В своей статье мы опираемся на понятие «картины мира», используемое в рамках когнитивной лингвистики, как оно разрабатывалось Е. С. Кубряковой, З. Д. Поповой, И. А. Стерниним, Г. Н. Манаенко, а в понимании антропологического (аксиологического, идеологического) фактора в языке мы занимаем позицию, близкую Н. Д. Арутюновой, Е. В. Падучевой, А. П. Чудинову, Д. В. Гречихину.

Определяющим критерием для вычленения «картины мира» и ее фрагментов при когнитивном подходе является идея о ментальной категоризации (концептуализации) мира, которая репрезентируется как вербально, так и невербально — на уровне жестовых, поведенческих, социокультурных стереотипов. Мир членится сознанием на значимые концептосферы, компоненты которых и образуют «ментальный лексикон» человека, всегда входящего в некую

социальную, этническую общность [Манаенко 2006: 42]. «Ментальный лексикон» представляет категориальную сетку действительности, основанную на концептах — от самых универсальных концептов, таких как пространство, время, истина/ложь, часть/целое, свое/чужое, холод/тепло, до концептов, формирующих дискурсы, исторически обусловленные и преходящие, маргинальные и локальные («локальный дискурс» — термин Г. Г. Хазагерова, описывающий ситуации общения внутри профессиональных или прагматически мотивированных сообществ — например, «диалог врача с пациентом», «полемика ученых на конференции» [Хазагеров 2005: 19]).

Картина мира — понятие, позволяющее, с одной стороны, вычленять из социального массива неидентичные друг другу группы на основании того, что они разделяют одну картину мира. Так, например, вычленяют общность «английская (русская, французская) нация» на основе картины мира носителей данного языка (языковая, или национальная картина мира); говорят о профессиональных и социальных картинах мира, предполагающих определенную «профдеформацию» или социальную маргинализацию, владение неким общим «ментальным лексиконом» и участие в особом дискурсе, поддерживающем локальную идентичность: картина мира медиков, бизнесменов, моряков, музыкантов, картина мира панков, хиппи, хипстеров и т. п. С другой стороны, коммуникация, понимание между людьми разных наций и страт только потому и возможны, что существует единая база ментальных концептов, универсалии сознания.

Анализируя особую разновидность социальной картины мира — деловую, — мы ориентировались на соотношение локального и универсального, субъективного и объективного. Концепт «эксперт», как видится, оптимально подходит для выявления семантической природы производства и рецепции концепта в принципе. Семантика, с одной стороны, охватывает универсалии (знание/незнание, истина/ложь): делать экспертизу, быть экспертом — значит претендовать на осуществление объективно верифицируемых процедур и на владение знанием; с другой стороны, «обслуживает» локальную концептосферу дела, описывающую мир в собственных, субъективно окрашенных категориях: расчет, польза, выгода, эффективность, успех, капитал, рынок. Концепт «эксперт» в деловом дискурсе выполняет функцию этической и логической легитимизации деловой картины мира, обладает мощным ценностно-формирующим потенциалом.

Что мы называем деловой картиной мира? Семантика функционирует таким образом, что словарное значение слова обогащается коннотациями, связанными с социальным опытом, коммуникативным по своей сути, — так формируются исторически актуальные «смыслы».

Попадание слова в тот или иной дискурс может настраивать и перенастраивать его смысл за счет метафоризации, контекстуальных трансформаций семантики. Как справедливо отмечает Н. Ф. Алефиренко, «способ и характер вербализации когнитивных структур определяется типом дискурсивного мышления, имеющего изначально социокультурную основу» [Алефиренко 2005: 8]. Она же пишет о «дискурсивном поведении», синтезирующем в себе ментальное и вербальное. Существовая в пространстве языка, человек постоянно находится на границах и внутри одновременно нескольких дискурсов, но один-два из них сохраняют для языковой личности приоритет. Вычленяя деловую картину мира в общей языковой картине, мы тем самым вычленяем сегмент языкового сознания и речевого поведения, ориентированного на концептосферу «дела».

В новейших диссертационных и монографических исследованиях чаще представлены «экономическая терминосистема» [Пушкарева 2006], отображающая функционирование специализированной лексики в профессиональном контексте, «экономический (медиа)дискурс» (с сосредоточением на лингвопрагматике экономической коммуникации в академической или медиасреде [Степанова 2007; Томашевская 2000], значительно реже — «экономическая картина мира» (К. В. Томашевская). «Деловая картина мира» появляется в некоторых работах, посвященных профессиональной или, шире, деловой коммуникации [Юсупова 2011]. Деловая картина мира зарождается лишь к концу «лихих девяностых», на протяжении которых бизнес ассоциировался по большей части с криминогенными явлениями, циничной поведенческой моделью, необходимостью налаживать «дело» в условиях едва складывающейся юридической базы и рыночной системы. Время «деловой картины мира» наступает в период относительной стабилизации 2000-х гг., когда становятся востребованными процедуры диагностирования, прогнозирования экономических и политических явлений, стратегического планирования, наступает время долгосрочных инвестиций, «длинных денег». Ключевые смысловые характеристики деловой картины мира — предприимчивость, прагматизм, установка на получение выгоды, рациональное восприятие времени, оптимизм, экспансия, управление саморазвитием, конструктивность, коммуникабельность [подр. см.: Ширяева 2012; Ширяева 2013].

Безусловно, экономический, коммерческий прагматизм как тип социального поведения уже был осмыслен в западной теории: он связан с термином *homo economicus* («человек экономический»). Происхождение понятия приписывают Дж. С. Милля, хотя, как отмечает Дж. Перски в статье «Этология человека экономического» («*The Ethology of Homo Economicus*»), тот никогда не использовал это словосочета-

ние: термин появился лишь в дискуссиях вокруг его идей [Perski 1995: 222]. Так, впервые употребление термина зафиксировано в 1888 г. в работе Дж. К. Ингрэма по политэкономии, где он критикует Милля за абстрактность построений, воздвигнутых вокруг не реально существующего, а воображаемого типа «животных, делающих деньги» («money-making animals») [Perski 1995: 222]. Однако сам Дж. С. Милль подчеркивал, что речь идет всего лишь о социальной модели, и, так или иначе, именно он выявил одну из сторон в деятельности и образе мышления цивилизованного человека — в частности, ориентацию на наживу, приумножение капитала, которая может перерасти в самостоятельную ценность.

Для понимания природы деловой картины мира важно, что в рамках экономической теории была сформулирована аксиология, этика, определяющая поведение и, соответственно, дискурс «человека экономического». По сути, речь идет именно о специфической концептуализации мира. В русском деловом дискурсе, развиваемом в 1990—2010-х гг., можно выделить объектную и субъектную семантику деловой картины мира: объектная описывается референцией, связанной с концептами *дело (бизнес), рынок, капитал, проект, деньги, успех*, субъектная — с лингвотипажами (термин В. И. Карасика [Карасик 2009: 176—190]) *бизнесмен, банкир, олигарх, эксперт, консультант*.

При исследовании концепта «эксперт» мы ориентируемся на следующие базовые характеристики понятия концепта: ментальная природа; аксиологическое наполнение; синтез образного и понятийного, диахронического и синхронического компонентов семантики; полиапеллируемость (к концепту можно апеллировать посредством разных уровней языковой системы — лексикой, фразеологией, синтаксических конструкций, контекста употребления); двухуровневость семантической структуры: *ядро* (словарные значения лексемы) и *периферия* (коннотации, детерминированные субъективно-прагматическим контекстом).

В основе этимологии лексемы «эксперт» — значения «испытания», «пробы», «проверки», «опыта». Обратимся к словарному описанию:

«В русском языке слово „эксперт“ появилось, возможно, из французского языка в середине 19 века, „экспертиза“ — с начала 20 века.

Первоисточник — латинское слово *expertus*, причастие прошедшего времени от *experior* — „пробую“, „испытываю“, в юридическом аспекте „сужусь“. У слова два корневых истока. Первый: *ex* — вне, **снаружи**, за пределами. Второй: *peritus* — **проверенный**, испытанный, но также и опытный, искусный, квалифицированный. Тот же корень и у слова *experience* — опыт, испытание, опытность. Если суммировать, то эксперт — **умный, благодаря опыту**, а потому надежный и проверенный, в том числе, и извне.

Отсюда известное латинское выражение — *experto creditae* — **верьте опытному**, а так же *expertus metuit* — испытывавший опасается. С другой стороны — *experencia fallax, indicium defficile* — опыт обманчив, суждение затруднительно.

Современное значение слова «экспертиза» — исследование специалистом вопросов, требующих специальных познаний в узких областях. Соответственно **эксперт** — это **лицо, обладающее специальными знаниями** и привлекаемое органами расследования, судом или иными государственными и общественными органами для проведения экспертизы» (Н. И. Фокин) [ЭС].

Таким образом, слово «эксперт» — иностранное по происхождению, оно усвоило все оттенки семантики своего латинского первоисточника, а также лексико-семантических вариантов в европейских языках. Анализируя значение и контекст словоупотребления данной лексемы в европейских языках (английском и немецком), мы находим те же смысловые акценты, что и в русском заимствовании.

Так, в английском словаре «Webster» указывается на происхождение от латинского *expertus* через старофранцузский и даются два значения:

1) устар. *experienced* (опытный);

2) *having, involving, or displaying special skill or knowledge derived from training or experience* — наличие, привлечение или демонстрация специальных умений или знаний, имеющих источником обучение или опыт (синоним *proficient* — опытный).

В немецком словаре «Duden» слово *Experte* (der Experte), также возводимое к латинскому *expertus*, пришедшему через старофранцузский, определяется как «компетентный знаток» (*Sachverständiger*), «специалист» (*Fachmann*), «знаток» (*Kenner*). Синонимический ряд позволяет судить о ядре концепта, описываемого через семы «профессия» («*Fach*»: *Fachgröße, Fachmann, Fachfrau*), «дело» и «знание»/«понимание» (*Sachkenner, Sachkennerin, Sachkundiger, Sachkundige, Sachverständiger, Sachverständige*), «умение», практическое знание (*Kenner, Kennerin, Köpner, Köpnerin*), «мастерство» (*Meister/in*), «авторитет» (*Autorität, Kapazität*). Прилагательные, сочетающиеся с данным словом, вызывают сходные аналогии и в русском словоупотреблении: *unabhängig* (независимый), *ausgewiesen* (засвидетельствованный (экспертом)), *gefragt* (опрошенный), *extern* (внешний), *anerkannt* (признанный), *führend* (ведущий), *international* (международный) [ДО].

История освоения слова «эксперт» в русском языке зафиксирована в словарях иностранных слов. Так, в словаре 1907 г. приводится еще довольно узкое значение, связанное с областью права: «...сведущее лицо, приглашаемое судом для дачи заключений по к.-н. специальному во-

просу, для каких-либо специальных исследований, осмотра и проч.» [ПСИС 1907].

Однако уже в 1933 г. наблюдается генерализация значения, объединившего все виды знаний и компетенций, в которых должен быть «сведущим» эксперт: «сведущее лицо, приглашаемое в спорных или трудных случаях для экспертизы» [СИС 1933]. Немаловажным в данной дефиниции является уточнение прагматической ситуации, в которой реализуется экспертное знание: эксперт «приглашается», т. е. его профессионализм становится фактором социальной коммуникации, в которой нечто требуется публично проверить, засвидетельствовать, подтвердить, оценить.

Спектр семантических значений и выявленный лингвопрагматический контекст позволяют заключить, что в основе функционирования концепта «эксперт» — единая типовая пропозиция: *некто (авторитетный) выносит компетентное суждение о предмете*. Данная пропозиция может быть реализована в различных профессиональных дискурсах: юридическом, медицинском, техническом, научном. В дискурсе деловой прессы указанная пропозиция репрезентирована в лингвопрагматической ситуации *специалист комментирует новость из профессионального сегмента действительности, в котором он компетентен*.

Языковая личность эксперта необходимым образом характеризуется его профессиональными компетенциями: они репрезентируются в описании статуса — должности, профессиональных заслуг, ученой степени, опыта и пр. «Экспертный» дискурс может быть персонализирован как в говорящей личности, так и в коллективном субъекте.

В последнем случае концепт указывает на авторитетную организацию, на которую распространяются указанные требования авторитетного статуса (рейтинговое агентство, информационное агентство, научно-исследовательский институт, авторитетный медиаисточник, независимые организации — статистические, архивные институты), или вербализован в речи, приписываемой анонимной инстанции. Анонимный «эксперт» номинируется лексемами, входящими в ядро (ср.: «эксперты», «экспертное сообщество», «наши эксперты», «команда экспертов», «большинство экспертов») или периферию концепта («аналитики», «специалисты», «участники рынка»), иногда — конкретизируется в номинациях специальностей, экспертных областей («финансисты», «банкиры», «энергетики» и т. п.). Например:

Своими оценками проекта „Сила Сибири“ с „Экспертом“ поделился заместитель директора Института экономики и организации промышленного производства СО РАН Валерий Крюков (Эксперт. 8.09.2014).

Бен Бернанке в своей работе на посту главы ФРС США с 2006 по 2014 год столкнулся с серьезным кризисом в финансовой сфере

страны. И его подход к решению проблем, по мнению многих экспертов, можно назвать инновационным. Так, например, считает Роберт Кан, ведущий специалист по экономике Совета по международным отношениям, старший экономист совета управляющих ФРС с 1984 по 1992 год (Эксперт. 1.09.2014).

„Я не раз участвовал в таких переговорах, „Газпром“ всегда предлагает цену ниже себестоимости“, — заявил „Эксперту“ Рустам Танкаев, ведущий эксперт Союза нефтегазопромышленников России (Эксперт. 8.09.2014).

Ослабление рубля довольно сильно беспокоит обеспеченных граждан. „Моих клиентов, а в основном это состоятельные люди, заботят не столько текущие колебания курса рубля, сколько сам тренд на его ослабление, который сейчас значительно усилился. Эти люди постоянно спрашивают, сохранится ли эта тенденция и каковы могут быть пределы падения“, — рассказывает международный финансовый консультант Исаак Беккер. <...>

Из-за быстрого падения рубля аналитики Morgan Stanly недавно повысили прогноз курса доллара на конец года с 36,5 до 38 руб./\$. Их прогноз на конец 2015 г. — 40 руб./\$. К концу следующего года доллар достигнет 39 руб./\$, считает главный экономист „ING банка“ Дмитрий Полевой. <...>

Курс доллара уже до конца года может превысить 39 руб., прогнозирует аналитик „Альпари“ Анна Кокорева, но ненадолго — после этого он будет колебаться в коридоре 37—39 руб. (Ведомости. 19.09.2014).

Во II квартале у Ирландии экономика росла быстрее, чем у любой другой страны еврозоны. Это произошло благодаря увеличению экспорта, инвестиций и восстановлению активности в строительном секторе, пишет Financial Times. ВВП Ирландии по сравнению с I кварталом вырос на 1,5%, а в годовом выражении — на 7,7%, чего не было с 2007 г., отмечает Bloomberg. При этом объеме экономики всей еврозоны с апреля по июнь не изменился.

По словам министра финансов Ирландии Майкла Нунана, восстановление ирландской экономики начинает чувствоваться во всех отраслях. По его прогнозам, в этом году ВВП Ирландии вырастет на 4,5%, что значительно превышает другие прогнозы. Как пишет The Wall Street Journal, ожидается, что в этом году экономика страны вырастет на 2,1%, а в следующем — на 2,7% (Ведомости. 19.09.2014).

Российские банки смогут справиться с последствиями санкций США и ЕС в краткосрочной перспективе, поскольку их зависимость от фондирования на международных рынках капитала ограничена, но профиль

фондирования и ликвидности всего сектора в долгосрочной перспективе ухудшится из-за роста стоимости заимствований и снижения уровня доверия потребителей, предупреждает **агентство S&P**. <...>

Ограничение доступа на рынки капитала приведет к увеличению дисбалансов профиля фондирования в среднесрочном плане и скажется на способности крупнейших банков финансировать экономику страны: ресурсов может оказаться недостаточно, чтобы делать это в полном объеме, предупреждают **аналитики** (Ведомости. 19.09.2014).

Теперь властям необходимо решить, применять ли более существенные меры, например снижение процентных ставок, или смириться с более медленным экономическим ростом, пишет **The Wall Street Journal**. „Есть нижний уровень, который они не потерпят, — считает **экономист Capital Economics** Джулиан Эванс-Притчард. — Но мы его еще не достигли“. <...>

Если ставки повысятся, банкам придется лучше анализировать риски. По мнению **экономистов**, они станут чаще выдавать кредиты частным заемщикам под более высокие проценты, а не своим основным клиентам — госкомпаниям. <...>

В результате, по словам **чиновников**, Госсовет Китая дал указание НБК предоставить Китайскому банку развития кредит под 4,5 % (что существенно ниже текущих ставок) для целей стимулирования экономики (Ведомости. 16.09.2014).

Как заемщики предполагают решать проблемы с кредиторами в случае возникновения материальных затруднений, в июле этого года выясняли **эксперты Национального агентства финансовых исследований**. „Ситуация катастрофическая“, — рассказывает **руководитель департамента исследований банковского сектора НАФИ** Ирина Лобанова. <...>

Банкиры вообще не рекомендуют доводить дело до суда. Официальное обращение в банк — это первое, что нужно сделать. **Финансисты** обещают, что в случае форс-мажора и при задержке выплаты до 30 дней не будут портить кредитную историю клиента, признав это технической просрочкой (Деньги. 15.09.2014).

Без геологоразведки добыча нефти в России будет падать, и быстро. По данным **Ernst & Young (EY)**, для сохранения добычи на уровне 500 млн тонн к 2035 году новые геологоразведочные проекты должны обеспечивать отдачу минимум 160 млн тонн в год, компенсируя снижение добычи на старых месторождениях (Деньги. 8.09.2014).

По информации „Ъ“, УВЗ уже подыскивает себе нового партнера для производства в Юго-Восточной Азии. **Эксперты** считают, что речь может идти прежде всего о китайских производителях.

От санкций в отношении России, инициированных ЕС и США, пострадают в первую очередь не госбанки и госкомпании, а средний бизнес, не имеющий прямого выхода на рынки капитала, — к такому выводу пришли **эксперты рейтингового агентства Standard & Poor's** в специальном обзоре (Коммерсантъ. 4.09.2014).

Таким образом, субъект речи, репрезентирующий концепт «эксперт», может быть классифицирован как «персонализированный» (индивидуальный/коллективный) и «анонимный». Анонимный субъект чаще всего представлен во множественном числе: **аналитики, эксперты, финансисты, банкиры, чиновники, экономисты, большинство экспертов, команда экспертов**. Значительно реже встречаются упоминания анонимного субъекта в единственном числе: такие случаи нетипичны, поскольку сам принцип экспертизы предполагает ответственность источника информации. Как правило, в медиатекстах это обусловлено прагматической ситуацией: интервьюируемый не желает называть себя, но дает согласие на публикацию своего комментария. Таковы все спорные, вызывающие широкий общественный резонанс, конфликтные ситуации — ситуации, связанные с криминальными или политическими событиями, с экономическими скандалами, грозящие в итоге тому, кто сделал заявление, оскорблением репутации, нарушением принципов его информационной или физической безопасности. В таком контексте «эксперт» вербализуется в лексико-семантических вариантах «источник», «неназванный источник», «представитель» (ведомства, министерства, компании и т. п.), «инсайдерская информация», «менеджер (компании)» и пр. Ср.: *К 1 января предприятия должны согласовать с Росводресурсами и Росприроднадзором нормативы и планы строительства очистных сооружений, рассказывает менеджер крупной компании потребительского рынка. В противном случае грозят не просто штрафы, а остановка предприятий по решению суда, беспокоится он. Нормативы еще не подписаны, но обсуждались на экспертных площадках с марта, говорит представитель Минприроды: бизнес был с ними ознакомлен, и у него еще будет время определить свои нормативы и получить разрешения* (Ведомости. 14.09.2014).

В некоторых случаях анонимизация субъекта объясняется механизмом перифразы: во избежание повтора уже представленной информации об эксперте используется синонимическая замена. Например: *На минувшей неделе Национальное бюро кредитных историй (НБКИ), Ассоциация российских банков (АРБ) и информационное агентство „МФД-Инфоцентр“ представили исследование, в котором была дана оценка долговой нагрузки россиян с учетом реальных доходов, профессий, возраста и регионов проживания*

заемщиков. Авторы обзора пришли к выводу, что сильнее всего сейчас кредиты бьют по карману самых необеспеченных: люди с доходом до 13 тыс. руб. в месяц отдадут банкам 33 % (Деньги. 15.09.2014).

Следует также обратить внимание на средства прагматического представления «экспертов»: какие композиционно-речевые, грамматические конструкции и лексические средства используются для презентации говорящего субъекта, выступающего с «экспертной».

С точки зрения композиционно-речевой репрезентации дискурс экспертов может быть разделен на два типа: цитация, косвенная речь. Короткие реплики-комментарии эксперта обычно монтируются в авторский текст, а развернутые суждения оформляются отдельным текстом и верстаются как автономная колонка или врезка. Короткий комментарий вводится следующими грамматическими и синтаксическими конструкциями:

– предлог «по» + сущ. с семантикой «источник информации», «оценка»: *по данным, по словам, по прогнозам, по оценкам, по расчетам, по подсчетам, по мнению;*

– глагольная конструкция (субъект «эксперт» + предикат с семантикой «репрезентации речи», «композиционно-смыслового членения речи»): *передает, говорит, пишет, сообщает, рассказывает, отмечает, подчеркивает, обращает внимание, добавляет;*

– глагольная конструкция (субъект «эксперт» + предикат с семантикой «оценки», «перформатива»): *„эксперт“ убежден, уверен, уверяет, пессимистичен, не видит ничего хорошего, опасается, беспокоится, предупреждает, (не) рекомендует, обещает.*

Развернутый комментарий «эксперта» оформляется по тем же правилам, что и основной текст аналитической статьи.

Таким образом, в концепте «эксперт» кодируется та часть деловой картины мира, которая «отвечает» за достоверность транслируемого медиатекстом знания. В данном ментальном конструкте отображены амбивалентные представления о знании. С одной стороны, сведения должны быть объективными (критерий «истины»): достоверными, точными, верифицируемыми. С другой стороны, носителем знания является человек, а в медиадискурсе это главный источник информации. Поэтому наряду с логическим критерием «истины» приобретает значимость критерий «персонализации», т. е. личной ответственности человека за транслируемое им знание. Истинное знание и личная ответственность за него интегрированы в лингвотипаже «эксперта»: здесь подключается третий важный критерий — авторитетность. Соединяющий три данных ментальных критерия, концепт «эксперт» способствует логико-этической «легитимизации» деловой картины мира.

Экспертная модель социальной действительности связана с представлением о специализации знания, сегментировании теоретической и практической жизни на фрагменты, своего рода экспертные зоны. Эти зоны формируются, управляются, изменяются профессионалами (специалистами). Дискурсивный механизм, нуждающийся в разных видах аргументации, запускает здесь топику «отсылки к авторитету». Соответственно, убедительность воздействия медиадискурса основывается на ассоциативной цепочке: авторитетный эксперт — авторитетный автор статьи — авторитетное деловое издание.

Так реализуется главная интенция информационно-аналитического медиадискурса — убедить адресата в истинности знания, транслируемого изданием, создать в сознании адресата модель своего дискурса как открытого мнениям «независимых» экспертов. Поэтому в организации *экспертного дискурса*, входящего в состав дискурса деловой прессы, участвуют и приглашенные эксперты (субжанр комментария), и постоянные, т. е. авторы, являющиеся специалистами в какой-либо профессиональной нише (например, банкир, пишущий о состоянии финансового рынка; ученый, пишущий о проблемах науки, технологий — с таким типом авторов-экспертов постоянно сотрудничает журнал «Эксперт»). Тем самым аналитические СМИ пытаются отвести от себя подозрение в ангажированности, идеологизированности, ведь ядерная сема концепта «эксперт» — *знаток*, соответственно, медиадискурс делового СМИ получает коннотации, свидетельствующие о нем как о профессиональном, объективном, компетентном источнике информации. Работает одновременно, если воспользоваться терминами Г. Г. Хазагерова, «ближняя» и «дальняя» прагматика [Хазагеров 2006: 43].

В применении к исследуемой нами модели медиадискурса «ближняя» прагматика реализует воздействие в рамках «оси интенции»: я (автор-адресант) — ты (читатель), — «дальняя» — в рамках «оси конвенции»: я (автор текста) — мы (сообщество авторов, редакция, издание). Проверенный «экспертной» текст убедительно воздействует на читателя, а атрибуция «экспертный», «экспертное сообщество» распространяется на весь коллектив издания, медиахолдинга, издательского дома. В результате читатель «верит» экспертам — читатель верит дискурсу, ссылающемуся на экспертов. Поскольку, как уже подчеркивалось выше, типовой адресат делового медиадискурса — представитель бизнес-сообщества, воспринимающий деловые СМИ как транслятор актуальной объективной информации в сфере собственной профессии, концепт «эксперт» приобретает в пространстве данного дискурса повышенную аксиологическую значимость.

СЛОВАРИ

1. *ПСИС 1907* = Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке / сост. М. Попов. 3-е изд. — М., 1907.
2. *СИС 1933* = Словарь иностранных слов / под ред. Т. М. Капельзона. — М. : ГНС, 1933.
3. ЭС = Экономический словарь. URL: <http://dictionary-economics.ru/>.
4. *DO* = Duden Online. URL: <http://www.duden.de/woerterbuch>.

ЛИТЕРАТУРА

5. *Алефиренко Н. Ф.* Дискурс как смыслопорождающая категория (дискурс и вторичное знакообразование) // Язык. Текст. Дискурс : межвуз. науч. альманах / под ред. Н. Д. Манаенко. — Ставрополь : Изд-во ПГЛУ, 2005. Вып. 3. С. 5—13.
6. *Боханов А. Н.* Буржуазная пресса России и крупный капитал (конец XIX в. — 1914 г.). — М., 1984.
7. *Воркачев С. Г.* Лингвокультурная концептология и ее терминсистема (продолжение дискуссии) // Политическая лингвистика. 2014. № 3 (49). С. 12—20.
8. *Головкин Б. Н.* Деловые издания: информационный менеджмент массовой коммуникации. — СПб. : Изд-во Михайлова В. А., 2005.
9. *Гречихин М. В.* Современный русский медиадискурс: язык интолерантности (на материале языка современных российских СМИ) : дис. ... канд. филол. наук. — Белгород, 2008.
10. *Еременко А. В.* Деловая пресса в России: история, типология, моделирование изданий : автореф. ... канд. дис. — Ростов н/Д, 2006.
11. *Карасик В. И.* Языковые ключи. — М. : Гнозис, 2009.
12. *Манаенко Г. Н.* Информационно-дискурсивный подход к анализу осложненного предложения. — Ставрополь : Изд-во СГПИ, 2006.
13. *Руссо М. М.* Неогумбольдтианская лингвистика и рамки «языковой картины мира» // Политическая лингвистика. 2014. № 1 (47). С. 12—24.
14. *Попова З. Д., Стернин И. А.* Когнитивная лингвистика. — М. : АСТ : Восток — Запад, 2010.
15. *Пушкарева И. А.* Экономическая терминсистема как метаязык описания мир-системы: на примере английского и русского языков : дис. ... канд. филол. наук. — Барнаул, 2006.
16. *Степанова А. Л.* Ориентация на потребление как элемент ценностной структуры личности : автореф. дис. ... канд. психол. наук. — М., 2007.
17. *Томашевская К. В.* Экономический дискурс современника в его лексическом представлении : дис. ... д-ра филол. наук. — СПб., 2000.
18. *Ширяева О. В.* Репрезентация концепта «деньги» в русском деловом информационно-аналитическом медиадискурсе (2010-е гг.) // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2012. № 2. С. 67—70.
19. *Ширяева О. В.* Формирование деловой картины мира в российской деловой прессе 1990—2000-х гг. // Известия Высших учебных заведений Северо-Кавказских регионов. 2013. № 1. С. 89—93.
20. *Хаззагерев Г. Г.* Ось интенции и ось конвенции: в поисках новой функциональности в лингвокультурологических исследованиях // Социологический журнал. 2006. № 1—2. С. 40—62.
21. *Чудинов А. П.* Очерки по современной политической метафорологии : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2013.
22. *Чудинов А. П.* Финансовая метафора в современных СМИ // Слово и ключевые смыслы в современных медиа-текстах. — Екатеринбург, 2004. Гл. 4. С. 203—218.
23. *Юсупова И. А.* Обучение устному иноязычному деловому общению студентов вуза : автореф. дис. ... канд. пед. наук. — Н. Новгород, 2011.
24. *Persky J.* Retrospectives: The Ethology of Homo Economicus // The Journal of Economic Perspectives. 1995. Vol. 9, No. 2, Spring. — P. 221—231.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, доц. З. Р. Хачмафова.

РАЗДЕЛ 4. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ЯЗЫК И ПРАВО

Данная рубрика выполнена в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов наук (проект МК-1644.2014.6 «Методика комплексного (лингвистического, психолингвистического, психофизиологического) анализа экстремистского текста и его воздействия на адресата»).

УДК 81'42:34
ББК Ш105.51

ГСНТИ 16.31.61

Код ВАК 10.02.01; 10.02.21

О. В. Барабаш
Пенза, Россия

O. V. Barabash
Penza, Russia

О НЕКОТОРЫХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ И ПРАКТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМАХ ВЫЯВЛЕНИЯ КОРРУПЦИОГЕННЫХ ФАКТОРОВ В ТЕКСТЕ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ

ON SOME THEORETICAL AND PRACTICAL PROBLEMS OF REVEALING CORRUPTION-GENERATING FACTORS IN THE TEXTS OF LEGAL ACTS

Аннотация. Рассматриваются проблемы выявления коррупциогенных факторов в языковой организации нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов. Анализируются отдельные положения норм действующего законодательства, демонстрирующие вариативность толкования и обладающие коррупционным потенциалом. Предлагается расширить перечень правовых документов, подлежащих антикоррупционной экспертизе. Обосновывается предположение о необходимости уточнить содержание понятия «юридико-лингвистическая неопределенность».

Abstract. The article dwells on the problem of revealing corruption-generating factors in the texts of legal acts. The author analyses certain provisions of the current legislation, demonstrating the variability of interpretation and possessing the corruption-generating potential. It is proposed to expand the list of legal acts subject to anti-corruption expertise. It is proved that it is necessary to clarify the content of the notion of "legal and linguistic ambiguity".

Ключевые слова: официальный документ; нормативный правовой акт; лингвистическая экспертиза; антикоррупционная экспертиза; коррупциогенный фактор; юридико-лингвистическая неопределенность.

Key words: official record; legal act, interpretation; corruption-generating factor; linguistic expertise; anti-corruption expertise; legal and linguistic ambiguity.

Сведения об авторе: Барабаш Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, доцент.

About the author: Barabash Olga Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor.

Место работы: Пензенский государственный университет.

Place of employment: Penza State University.

Контактная информация: 440026, г. Пенза, ул. Красная, 40.
e-mail: olphil@mail.ru.

Антикоррупционная политика является одной из важнейших составляющих политической жизни современной России, потому что затрагивает интересы государства, бизнес-сообщества и отдельных граждан. Противодействие коррупции становится актуальной задачей как на федеральном, так и на региональном и муниципальном уровнях.

Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» провозглашает основные принципы антикоррупционной политики, в числе которых называется «приоритетное применение мер по предупреждению коррупции» [Федеральный закон № 273-ФЗ].

Комплекс мер по профилактике коррупции, согласно статье 6 указанного закона, включает два основных направления: во-первых, формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению, а во-

вторых — проведение антикоррупционной экспертизы правовых актов и их проектов.

Цель антикоррупционной экспертизы — выявление в тексте нормативного правового акта или проекта нормативного правового акта положений, создающих возможность злоупотребления законом, иными словами, коррупциогенных факторов.

Как теоретические, так и организационные проблемы, связанные с осуществлением антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов, становятся предметом научного исследования в работах юристов: В. Н. Агеева, Н. П. Алешковой, Г. Н. Горшенкова, А. Ю. Гулягина, Р. А. Журавлева, П. А. Кабанова, М. В. Мамитовой, А. А. Рождествой, К. Е. Рыбака и др.

В то же время, как справедливо отмечает Е. И. Галяшина, «все без исключения коррупциогенные факторы, которые подлежат выяв-

Статья подготовлена при поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта 14-34-01252 «Язык и стиль официальных документов: антикоррупционные требования».

© Барабаш О. В., 2014

лению при проведении антикоррупционной экспертизы, так или иначе содержится и проявляются именно в текстовой материи нормативного правового акта, в его словесном наполнении и структурно-языковой организации» [Галяшина 2010: 36].

В настоящей статье мы намерены проанализировать ряд теоретических и практических проблем, связанных с проведением антикоррупционной экспертизы официальных документов и лежащих в языко-правовой плоскости. В рамках поставленной задачи мы попытаемся ответить на следующие вопросы:

1. Каков перечень документов, подлежащих антикоррупционной экспертизе?

2. Всегда ли категории оценочного характера порождают коррупциогенность?

3. Могут ли другие (нелексические) единицы языка способствовать созданию условий для проявления коррупции?

Одним из спорных является вопрос об определении объекта антикоррупционной экспертизы. Предметом правового регулирования, установленным пунктом 1 статьи 1 Федерального закона от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ, являются правовые и организационные основы антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов. Исходя из этого объектом антикоррупционной экспертизы являются именно нормативные правовые акты и их проекты, а иные (ненормативные) юридические документы обязательной проверке на наличие коррупциогенных факторов не подлежат. Таким образом, законодательство не учитывает того, что индивидуальные правовые акты также могут обладать потенциалом коррупциогенности. Однако на практике они нередко вызывают необходимость в проведении независимой антикоррупционной экспертизы. В частности, в подобном анализе может нуждаться документация по проведению закупок для государственных (муниципальных) нужд, в которой не всегда достаточно четко (либо излишне подробно) сформулированы условия закупки, требования к ее предмету и т. п., что может привести к неправомерному ограничению конкуренции.

Например, в «Документации об открытом аукционе в электронной форме на выполнение работ по капитальному ремонту фасада общежития № 3 войсковой части 3492, фасада казармы № 1 войсковой части 3179, фасада казармы № 1, № 2 войсковой части 3421» требования к материалам по капитальному ремонту расписаны столь подробно, что потенциальный исполнитель заказа практически лишается возможности выполнить указанные требования, если только последние не составлены с учетом возможностей конкретного исполнителя. Так, помимо стандартных требований к характеристикам используемых при ремонтных работах гвоздей (длина, диаметр головки, диаметр стержня и т. п.), заказчик указывает,

что «гвозди должны быть изготовлены из стали по ГОСТ 1050-88 марки: 20кп. Сталь должна быть по степени раскисления кипящая. Массовая доля элементов углерода, кремния, марганца, хрома в стали, от нуля целых трех сотых до нуля целых шестидесяти пяти сотых %. Предел текучести стали $\sigma_{т}$, Н/мм²(кгс/мм²): не должен быть менее двадцати. Временное сопротивление разрыву стали $\sigma_{в}$, Н/мм²(кгс/мм²): менее тридцати трех является недопустимым. Относительное удлинение стали δ , % должно быть не менее двадцати пяти. Относительное сужение стали ψ , более пятидесяти но менее шестидесяти одного %» [Документация об открытом аукционе...] (фрагмент приводится с соблюдением авторской пунктуации). Не менее детально расписаны технические характеристики других строительных материалов.

На наш взгляд, подобная избыточность требований к предмету закупки должна быть признана нецелесообразной, ограничивающей конкуренцию и предоставляющей заказчику — войсковой части — возможность злоупотребления при определении победителя аукциона. Более того, наличие завышенных требований к лицу, предъявляемых для реализации принадлежащего ему права, а также установление неопределенных, трудновыполнимых и обременительных требований к гражданам и организациям являются, согласно Методике проведения антикоррупционной экспертизы [Методика проведения...] (далее — Методика), коррупциогенными факторами. Предварительная экспертиза проанализированной документации позволила бы в итоге сформулировать ее положения с учетом требований антимонопольного и антикоррупционного законодательства.

Таким образом, в качестве объектов антикоррупционной экспертизы могут выступать не только нормативные правовые акты (проекты нормативных правовых актов), но и другие официальные документы, в которых устанавливаются основания для полномочий должностных лиц либо регламентируется их деятельность. В связи с этим представляется целесообразным расширить и закрепить законодательно перечень объектов, подлежащих антикоррупционной экспертизе. К примеру, в рамках становления федеральной контрактной системы подобная экспертиза могла бы стать логичным элементом общественного контроля, предусмотренного статьей 102 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ [Федеральный закон № 44-ФЗ].

Как известно, официально опубликованию нормативного правового акта предшествуют правовая и лингвистическая экспертизы его проекта. При проведении правовой экспертизы оценивается качество законопроекта, соответствие Конституции Российской Федерации и действующему законодательству, перспективы действия закона, принятого на его основе. Лингвистическая экспертиза является

специальным видом экспертного исследования, которое состоит, согласно части 7 статьи 121 Регламента Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, в оценке «соответствия представленного текста нормам современного русского литературного языка с учетом особенностей языка нормативных правовых актов и даче рекомендаций по устранению грамматических, синтаксических, стилистических, логических, редакционно-технических ошибок и ошибок в использовании терминов» [Регламент Государственной Думы...]. Лингвист анализирует логику построения текста, его композицию, выявляет стилистические и логические ошибки.

На официальных сайтах органов государственной власти субъектов Российской Федерации в рубрике «Антикоррупционная экспертиза» публикуется список проектов нормативных правовых актов, поступивших на антикоррупционную экспертизу. Данные проекты успешно проходят экспертизу, подвергаются, при необходимости, редактированию специалистами.

Однако даже после прохождения правовой, лингвистической и антикоррупционной экспертиз некоторые законопроекты принимаются с недочетами. В связи с этим актуальной представляется идея Е. И. Галяшиной об «антикоррупционной юридико-лингвистической экспертизе нормативных правовых актов и их проектов» [Галяшина 2010]. При этом эксперту, осуществляющему антикоррупционную экспертизу правового акта, необходимо владеть, на наш взгляд, комплексной, юрислингвистической компетенцией, позволяющей оценивать и анализировать функционирование языковых средств на различных уровнях правового текста.

Как правило, обнаружение пробелов и недочетов влечет за собой их устранение путем внесения поправок, изменений и дополнений. Например, Федеральный закон «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ претерпел 40 (!) редакций уже в процессе его применения, в том числе редакций, связанных с устранением коррупциогенных факторов.

К сожалению, некоторые недочеты долгое время остаются неисправленными. Например, принятый в апреле 2013 г. Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» № 44-ФЗ призван обеспечить более эффективное, по сравнению с осуществляемым в рамках действующего на тот момент законодательства, правовое регулирование соответствующей сферы деятельности, прозрачность и гласность закупок, предотвращение коррупции и других злоупотреблений. Однако указанный закон вызывает у специалистов массу разногласий в толковании отдельных его положений. Например, пункт 4 части 1 статьи 93 до внесения измене-

ний устанавливал один из случаев закупки у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя) в следующей редакции: «осуществление закупки товара, работы или услуги на сумму, не превышающую ста тысяч рублей. При этом совокупный годовой объем закупок, который заказчик вправе осуществить на основании настоящего пункта, не превышает пять процентов размера средств, предусмотренных на осуществление всех закупок заказчика в соответствии с планом-графиком, и составляет не более чем пятьдесят миллионов рублей в год. Указанные ограничения в части установления предельных значений для определения размера средств не распространяются на закупки товаров, работ, услуг, осуществляемые заказчиками для нужд сельских поселений» [Федеральный закон № 44-ФЗ]. Наличие обозначенных в этом пункте ограничений имеет важное значение для предотвращения злоупотреблений путем отказа от конкурсных процедур. Мы уже обращали внимание на то, что формулировка последнего предложения рассматриваемого пункта представляется несовершенной, так как остается неясным, какие из указанных выше в данном пункте ограничений, устанавливающих предельные значения, — сто тысяч, пять процентов или пять миллионов — можно не применять [Барабаш 2013а]. Федеральным законом от 4.06.2014 г. № 140-ФЗ данный пункт был скорректирован, условия закупки у единственного поставщика в рассматриваемом случае были уточнены. Это свидетельствует об обоснованности выводов, полученных нами при исследовании данного нормативного положения на предмет его коррупциогенности. Кроме того, анализ приведенного примера имеет важное значение для формирования системы антикоррупционных требований к тексту правовых документов. Принципиальным представляется вывод о том, что подобные недочеты в тексте отдельных проектов, а также принятых нормативных актов имеют *пограничный* характер, так как не нарушают напрямую языковых норм, но в то же время создают возможность двоякого толкования правового предписания, создают его юридико-лингвистическую неопределенность.

Юридико-лингвистическая неопределенность является, согласно Методике, коррупциогенным фактором и заслуживает отдельного внимания. Официальное определение включает в соответствующее понятие только явления лексического ряда: «...употребление неустоявшихся, двусмысленных терминов и категорий оценочного характера» [Методика проведения...]. Однако, на наш взгляд, данное определение требует уточнения.

В предыдущих работах [Барабаш 2013б; Барабаш 2014] мы рассматривали примеры функционирования таких оценочных категорий, порождающих коррупциогенность в тексте официального документа, как «незамедли-

тельно» (сообщить), «преимущественно» (состоять из), «приемлемый» (уровень) и др. Их семантика действительно вносит в содержание правового предписания, требующего максимальной четкости, неопределенность, так как не позволяет правоприменителю сделать конкретный вывод о сроках, количестве, уровне.

Отметим, что употребление перечисленных выше лексем в различных правовых документах носит далеко не единичный характер, что подтолкнуло исследователей к попытке систематизировать так называемые «маркеры коррупционных факторов» [Шевурдяев 2009]. В частности, к подобным маркерам относят слова «не менее», «не более», «иные», «прочие», которые во фрагментах текста, посвященных определению функций или полномочий должностных лиц, создают возможность вариативного толкования. Как указывает П. А. Кабанов, маркирующими коррупциогенность могут быть также словосочетания «в случае необходимости», «не надлежащим образом», «при наличии достаточных оснований» (без пояснения достаточности таких оснований); «согласно установленному порядку (или регламенту)» (при его отсутствии); «кадры высокой квалификации», в «исключительных случаях» (при отсутствии их перечня и раскрытия содержания); «серьезный служебный проступок», «обладает иными полномочиями», «рассматривает отдельные вопросы», «значительные повреждения», «причинение существенного вреда» (без перечисления (содержательного описания) их объективных характеристик) и т. п. [Кабанов 2014].

В то же время прагматическая установка нормативного правового акта предполагает наличие оценки. Так, например, антимонопольное законодательство строится на таких оценочных категориях, как «недобросовестная конкуренция», «недобросовестный поставщик», «необоснованные конкурентные преимущества», «ненадлежащая реклама» и т. п. Это обусловлено тем, что в целях защиты конкуренции, предупреждения и пресечения монополистической деятельности антимонопольный орган должен давать *оценку* деятельности предпринимателей и государственных (муниципальных) органов, исходя из критериев, предусмотренных соответствующим законом.

Примером оправданного употребления оценочных категорий в тексте официальных документов могут также служить глагол «улучшить» и производное от него отглагольное имя существительное «улучшение», которые встречаются как в тексте федеральных законов, так и в преамбулах подзаконных нормативных актов, например в постановлениях. Как правило, употребляется формула «в целях улучшения», например: «...капитальный ремонт многоквартирного дома — проведение и (или) оказание предусмотренных настоящим Федеральным законом работ... ..В целях улучшения эксплуатационных характеристик

общего имущества в многоквартирном доме» [Федеральный закон № 185-ФЗ].

Употребление оценочных категорий также является закономерным и оправданным в нормативных актах, регулирующих сферу обеспечения безопасности государства, общества, личности и т. д.

Таким образом, отвечая на второй из поставленных нами вопросов, мы должны констатировать, что не всегда употребление лексем с оценочной семантикой создает юридико-лингвистическую неопределенность положений нормативных правовых актов. При этом, безусловно, языковое выражение правовой нормы, содержащей оценочные категории, не должно допускать вариативного толкования ее смысла.

Оценочные категории и неустоявшиеся термины, как было отмечено выше, представлены единицами лексического уровня. Однако причиной возникновения юридико-лингвистической неопределенности может стать как неверное употребление формы слова, так и структура целого предложения. Данный тезис подтверждается примерами. Так, неоднозначное понимание допускает пункт 3 статьи 73 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ, где законодатель устанавливает требования к информации, которую должна содержать заявка на участие в запросе котировок. В редакции от 28.12.2013 г. № 396-ФЗ подпункт 4 пункта 3 статьи 73 требовал указания в заявке «идентификационного номера налогоплательщика учредителей, членов коллегиального исполнительного органа, лица, исполняющего функции единоличного исполнительного органа участника запроса котировок» [Федеральный закон № 44-ФЗ]. Введение данного подпункта вызывало у специалистов закономерный вопрос: является ли отсутствие этих сведений основанием для отклонения заявки в случае, когда у участника нет коллегиального исполнительного органа (например, у индивидуального предпринимателя)? Отметим, что подобная неясность в тексте закона устанавливает для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения.

Федеральным законом от 4.06.2014 г. № 140-ФЗ внесены изменения в Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», в частности, подпункт 4 пункта 3 статьи 73 в настоящее время изложен в следующей редакции: «4) идентификационный номер налогоплательщика (при наличии) учредителей, членов коллегиального исполнительного органа, лица, исполняющего функции единоличного исполнительного органа участника запроса котировок» [Там же]. Однако уточнение в скобках — при наличии — по-прежнему не проясняет требований законодателя. С точки зрения синтаксиса перед нами вставная конструкция. Вставные

конструкции используются для выражения добавочных замечаний, пояснений, уточнений и тому подобного, тесно связаны с содержанием предложения и относятся, как правило, к предшествующей им части высказывания. В соответствии с грамматическим толкованием рассматриваемого фрагмента, уточняющий член в скобках относится к части «идентификационный номер налогоплательщика». В то же время, как известно, идентификационный номер налогоплательщика — цифровой код, упорядочивающий учет налогоплательщиков в Российской Федерации, который в обязательном порядке присваивается как юридическим, так и физическим лицам. Следовательно, с юридической точки зрения не может идти речь о наличии/отсутствии идентификационного номера налогоплательщика указанных лиц. Таким образом, неясность нормативного положения не была снята в результате его редакции, а напротив, усугубилась вследствие неудачного построения высказывания.

Кроме того, такой стилистический недочет исследуемого фрагмента, как нанизывание родительного падежа, способствует возникновению еще одной синтаксической ошибки. Дополнение «участника запроса котировок», якобы являющееся общей зависимой частью для «учредителей», «коллегального исполнительного органа» и «лица», на самом деле входит в состав причастного оборота и грамматически зависит от других слов — «единоличного исполнительного органа», а следовательно, не может выполнять двойную функцию в предложении. В то же время для достижения полноты высказывания присутствие конкретизирующего зависимого слова от слов «учредитель» и «коллегальный исполнительный орган» является необходимым. В связи с этим представляется целесообразным переформулировать подпункт 4 пункта 3 статьи 73 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ таким образом, чтобы грамматическое толкование, в основе которого лежит анализ языкового выражения нормативного предписания (т. е. его формы), совпадало с волей законодателя, иными словами, было снято противоречие буквы и духа закона.

Таким образом, на уровне синтаксической организации текста правового документа к неоднозначному пониманию воли законодателя может приводить порядок частей предложения, порядок слов, а также нарушение норм согласования и управления. Более того, как мы доказывали в предыдущих исследованиях [Барабаш 2014], особое место среди языковых явлений, влияющих на однозначность толкования правового документа, занимает его пунктуационное оформление. Ярким примером может послужить расстановка знаков препинания в пункте 8.1 приложения № 2 к «Проекту постановления „Об утверждении порядка отбора управляющих компаний по управлению индустриальными парками Пензенской области“»

от 24.03.2014: «Решение конкурсной комиссии оформляется в виде протокола, подписываемого председателем, а в случае отсутствия последнего — заместителем председателя конкурсной комиссии, секретарем и всеми членами конкурсной комиссии...» [Об утверждении порядка отбора... 2014]. Формально в данном примере нет ошибок в расстановке знаков препинания. Однако построение фразы и ее пунктуационное оформление допускают двойное толкование распределения полномочий членов комиссии на подпись документа вместо отсутствующего председателя. При сохранении имеющейся пунктуации данными полномочиями наделяются заместитель председателя конкурсной комиссии, секретарь и все члены конкурсной комиссии. Таким образом, языковое оформление правового предписания порождает широту дискреционных полномочий. В связи с этим часть текста «а в случае отсутствия последнего — заместителем председателя конкурсной комиссии» необходимо оформить как вставную конструкцию и заключить в скобки. Этот пример иллюстрирует одну из функций русской пунктуации, которая заключается не только в том, чтобы способствовать ясности и последовательности изложения мысли, но также выражать те смысловые оттенки высказывания, которые не могут быть выражены с помощью слов [Барабаш 2014].

Становится очевидным, что юрико-лингвистическую неопределенность в нормативных правовых актах создают не только неустоявшиеся термины и категории оценочного характера, относящиеся к лексическому уровню языка. Имплицитно юрико-лингвистическая неопределенность может быть выражена через элементы других языковых уровней. В связи с этим сам термин «юрико-лингвистическая неопределенность» требует уточнения. На наш взгляд, границы этого понятия должны быть расширены за счет включения в него такой категории, как двусмысленность языковых формул, обусловленная особенностями формально-логического, грамматического и пунктуационного оформления текста правового документа.

Выявленные нами проблемы позволяют наметить, в свою очередь, другие перспективные задачи. В частности, изучения требуют, на наш взгляд, собственно критерии выявления юрико-лингвистической неопределенности на всех уровнях правового текста, а также вопрос о том, каким образом юрико-лингвистическая неопределенность коррелирует с другими коррупционными факторами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барабаш О. В. Введение в юрилингвистику : учеб. пособие. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2013а.
2. Барабаш О. В. К проблеме толкования правового текста: антикоррупционный аспект // Политическая лингвистика. 2013б. № 3. С. 209—215.
3. Барабаш О. В. Юрико-лингвистические предпосылки порождения коррупционности текста пра-

вового документа // Язык. Право. Общество : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 9—10 апр. 2014 г.) / под. ред. О. В. Барабаш, Т. В. Дубровской, Г. И. Камакиной. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2014. С. 23—28.

4. *Галяшина Е. И.* Антикрупционная юридиколлингвистическая экспертиза нормативных правовых актов и их проектов // Антикрупционная экспертиза нормативно-правовых актов и их проектов / сост. Е. Р. Россинская. — М. : Проспект, 2010. С. 34—42.

5. *Документация* об открытом аукционе в электронной форме на выполнение работ по капитальному ремонту фасада общежития № 3 войсковой части 3492, фасада казармы № 1 войсковой части 3179, фасада казармы № 1, № 2 войсковой части 3421. URL: http://zakupki.gov.ru/pgz/public/action/orders/info/common_info/show?source=epz-ificationId=8248163 (дата обращения: 21.06.2014).

6. *Кабанов П. А.* Юридиколлингвистическая неопределенность как предмет антикрупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов // *Вестник*: Административное право и практика администрирования. 2014. № 3. URL: http://e-notabene.ru/al/article_12055.html#14 (дата обращения: 30.06.2014).

7. *Методика* проведения антикрупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов : (утв. постановлением Правительства РФ от 26 февр. 2010 г. № 96). URL: http://base.garant.ru/197633/#block_2000 (дата обращения: 10.06.2014).

8. *Об утверждении* порядка отбора управляющих компаний по управлению индустриальными парками Пензенской области : проект постановления от 24.03.2014 г. URL: http://corrupt.pnzreg.ru/anti_corr_expertise (дата обращения: 28.03.2014).

9. *Регламент* Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации : приложение к Постановлению Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 22 января 1998 г. № 2134-П ГД. URL: <http://www.consultant.ru/law/reviiew/lawmaking/reglduma/> (дата обращения: 21.06.2014).

10. *Федеральный закон* от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_157037/?frame=11 (дата обращения: 27.06.2014).

11. *Федеральный закон* от 21.07.2007 № 185-ФЗ (ред. от 28.12.2013) «О Фонде содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156596/ (дата обращения: 25.06.2014).

12. *Федеральный закон* от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156929/?frame=1 (дата обращения: 20.06.2014).

13. *Шевердяев С. Н.* Формирование основ правового регулирования антикрупционной экспертизы нормативных актов и вопросы совершенствования официальной методики ее проведения // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 20. С. 5—11.

Статью рекомендует к публикации д-р юрид. наук, д-р филол. наук, проф. Е. И. Галяшина.

А. У. Качмазова A. U. Kachmazova

Т. Ю. Тамерьян T. Y. Tameryan

Владикавказ, Россия Vladikavkaz, Russia

**КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ
ЭТНОСТЕРЕОТИПИЗАЦИИ
«СВОИХ» И «ЧУЖИХ»**

Аннотация. Описываются базовые признаки и механизмы авто- и гетеростереотипизации на материале вербальных и креолизованных текстов интернет-дискурса по моделям «свои → чужие», «чужие → свои».

Ключевые слова: этнический стереотип; автостереотип; гетеростереотип; интернет-дискурс; креолизованный текст; кударцы; кавказцы; русские американцы.

Сведения об авторе: Качмазова Алина Ушанговна, аспирант, кафедра иностранных языков для негуманитарных факультетов.

Место работы: Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова.

Контактная информация: 362025, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 44-46.
e-mail: kachmazova.alina@yandex.ru.

Сведения об авторе: Тамерьян Татьяна Юльевна, доктор филологических наук, профессор, преподаватель, кафедра иностранных языков для негуманитарных факультетов.

Место работы: Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова.

Контактная информация: 362025, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 44-46.
e-mail: tamertu@mail.ru.

**COGNITIVE MECHANISMS
OF ETHNIC STEREOTYPING
OF "OWN PEOPLE" AND "ALIENS"**

Abstract. The article describes the basic features and mechanisms of auto- and heterostereotyping on the material of verbal and creolized texts in the Internet discourse on the models "OWN → ALIENS" and "ALIENS → OWN".

Key words: ethnic stereotype; autostereotype; heterostereotype; the Internet discourse; creolized text; the Kudars; the Caucasians; the Russian Americans.

About the author: Kachmazova Alina Ushangovna, Post-graduate Student of Department of Foreign Languages for Non-Humanitarian Faculties.

Place of employment: North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov.

Contact information: 362025, Vladikavkaz, V. V. Vatutina, 44-46.

About the author: Tameryan Tatiana Yulievna, Doctor of Philology, Professor of Department of Foreign Languages for Non-Humanitarian Faculties.

Place of employment: North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov.

Межэтнические взаимодействия приводят в действие когнитивные механизмы идентификации и дифференциации, аппроксимации и дистанцирования, порождаемые этноцентризмом. Размышляя о его истоках, В. Н. Топоров исходит из того, что «каждый народ — осознанно, полуосознанно или неосознанно — несет свою идею, свой мир представлений о себе и о другом. И поэтому эти естественные и даже необходимые различия своего и чужого на фоне бесспорно общих задач жизнеобеспечения становятся предлогом, почвой, местом, где начинаются несогласия, различия, споры и ссоры» [Топоров 1990: 5].

Этнические стереотипы, отражая такие архетипические представления, как «мы-образы» и «они-образы», являются моделями репрезентации в национальном сознании образов представителей других лингвокультурных сообществ или внутриэтнических групп в контексте канонов собственного мировоззрения: они служат ориентирами в глобальной картине мира и поставляют паттерны для коммуникативного поведения.

Этнические гетеростереотипы возникают как отголосок ключевых социополитических событий, массовых миграций, экономических кризисов и террористических актов.

Если на начальном этапе изучение этно-стереотипов закладывалось в рамках социологического подхода, то в дальнейшем многогранность стереотипа как культурного явления привлекла внимание исследователей широкой

гуманитарной сферы — этнографов, культурологов, психологов, лингвистов (У. Липпман, И. С. Кон, Г. Тажфел, Ю. Д. Апресян, Е. Бартминский, Ю. А. Сорокин, В. А. Рыжков, Ю. Е. Прохоров, В. В. Красных, Г. С. Батыгин, А. П. Чудинов и др.). Исследование феномена стереотипизации в различных направлениях привело к выделению их разновидностей — авто- и гетеростереотипов.

Автостереотипы и гетеростереотипы структурируют взаимозависимые компоненты единого целостного образования личностного или группового самосознания [Солдатова 1998: 70], формируя бинарные концепты «свой» — «чужой».

В статье рассматриваются аналоговые механизмы гетеро- и автостереотипизации и выявляются константы, запускающие процесс дифференциации по модели «свои→чужие» и процесс идентификации по модели «чужие→свои».

Аналізу подвергаються гетеростереотипи о кударцах, сформировавшися в североосетинском сообществе, гетеростереотипи о кавказцах, появившиися среди этнических русских в центральной России, и гетеростереотипи о «русских», сложившиися в сознании американцев; а также автостереотипи осетинского этноса, автостереотипи россиян и американцев.

Материалом исследования послужили вербальные и креолизованные тексты интернет-дискурса. В качестве последних рассматриваются такие новые субжанры ироничного регистра интернет-коммуникации, как демоти-

ваторы, эдвайсы, стрип-комиксы, структурируемые вербально-визуальным комплексом.

Осетины — ираноязычный кавказский народ, проживающий преимущественно в Северной и Южной Осетиях, говорящий на осетинском языке, который включает два диалекта — дигорский и иронский. Иронский диалект, в свою очередь, подразделяется на кударский, куртатинский, туалский и другие говоры, а дигорский — на дигорский и чиколинский говоры [Осетины <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9E%>].

В осетинском этническом сознании выделяются не только группы носителей диалектов — иронцы и дигорцы, но также субгруппа кударцев.

С распадом СССР наметилась миграция граждан бывшей страны преимущественно в США, которые считались землей обетованной, где переселенцы из всех уголков света имеют равные возможности добиться успеха. Диаспора «новых русских» американцев, наиболее многочисленная в США, независимо от национальной принадлежности переселенцев, считается «русской».

Одновременно устремился поток переселенцев в Россию из бывших советских республик, главным образом, по причине бедственного экономического положения в них.

Внутри РФ также активизировалась «свобода передвижения» вследствие отмены так называемой прописки, ограничивавшей возможности получения работы в другом регионе [Миграция в странах бывшего СССР <http://voprosik.net/migraciya/>].

Первый отток беженцев через горные перевалы из Юго-осетинской автономной республики Грузинской ССР в Северную Осетию в XX в. произошел в 1920-х годах, затем в конце Великой Отечественной войны, и в 60-70-х годах прошлого столетия [Тамерьян 2013: 578]. Самая массовая и неконтролируемая волна миграции из внутренних районов Грузии и Южной Осетии пришлась на 90-е годы прошлого столетия. В этот же период отмечен приток кавказцев в центральную часть России и русских в США. Последняя миграция из Южной Осетии, зафиксировавшая около 30 тысяч беженцев в Северную Осетию, произошла после пятнадцатидневной войны в августе 2008 года [Тамерьян, Качмазова 2013: 184].

Столкновения мигрантов с коренными жителями, их культурой и мировосприятием стали толчком к формированию негативных гетеростереотипных представлений автохтонных жителей по отношению к мигрантам, что привело к появлению этнических ярлыков.

Этнический ярлык служит одним из средств этнического оскорбления (в Северной Осетии-Алании, Центральной России, и, в меньшей степени, в США). Являясь прямым результатом процесса этнической стереотипизации, он представляет собой умышленное

унижение чести и достоинства отдельной личности или целого этноса.

Под этническим ярлыком понимается устойчивое наименование, преимущественно негативного характера, которое дается отдельному представителю этнической группы или всей группе в целом, и отражает вымышленные или реальные свойства и качества носителя данного ярлыка [Горшунова 2007: 156].

Отношение коренных жителей к новому статусу всех вышеперечисленных категорий переселенцев (*кударцы, кавказцы, русские американцы*) описывается клишированными выражениями: «*понаехавшие*» *кударцы/кавказцы/русские*; «*Почему эти кударцы/кавказцы/русские такие наглые?*» Любопытно, что предикативно функционировавшая лексема «*понаехали*» субстантивировалась в собирательном значении «*понаехал*», выделяя приезжих уже упомянутых групп.

В североосетинской ментальности номинации кударцев-мигрантов — *кударцы, беженцы, вынужденные переселенцы, южанцы, выходцы из РЮО, братья, гости* — в зависимости от контекста высказывания приобретают разнонаправленную аксиологию [Тамерьян, Качмазова 2013: 183-185].

Нейтральная коннотация характеризует тональность следующих высказываний: *Ликбез мне проводила девочка беженка из Грузии; Т. Мамсуров хочет, чтобы в республике (РСО-А) учились выходцы из Южной Осетии.*

Другой фрагмент содержит негативно маркированную оценку: *Где кударцы (южанцы) там криминал, коррупция, беспредел.*

Поддержка осетинской субгруппы кударцев присутствует и в нижеприводимой цитате: *У нас на нашей улице жили кударцы, соседи были прекрасные, ничем никто не отличался.*

Номинация *братья* также акцентируется амбивалентно: *Большинство моих друзей — кударцы, так что мы все братья; События современной истории у "коренных" осетин любви к "братьям по крови" не добавили.*

Нейтральная номинация *гости* контекстуально порождает негативную импликацию, расшифровываемую, как: «пожили и хватит, уезжайте домой», что маркирует кударцев из Южной Осетии, как «чужих»: *Отсутствие элементарного воспитания у гостей с юга; На севере им дали понять, что они «ГОСТИ».*

Ярлык *гамсики* появились на основе прецедентного имени — фамилии грузинского президента З. Гамсахурдия, политическая деятельность которого стала причиной вынужденного переселения осетин из Грузии: *В Северной Осетии не кричат теперь «ух, эти южанцы, кударцы, беженцы, гамсики» и т. д.?*

Пейоративы *недоосетины, огузиненные осетины, нерастаможенный* («недавно приехавший из РЮО/Грузии») и *растаможенный*

(родившийся на территории Северной Осетии) передают коннотацию пренебрежительного отношения: *В сёлах жили **огрузиненные осетины**. Кровь осетинская, но говорили на грузинском — "огрузиненные". Кударцы реально другие (что-то типа недогрузины, **недоосетины**) очень беспредельные/дикие в сравнении с северными осетинами.*

*Южанцев у нас делят на местных — **растаможенных** и беженцев. **Растаможенный** — это местные южанцы (**кударцы**). Только если кударцы **нерастаможенные** <...>.*

В основе номинаций *растаможенный* и *нерастаможенный* лежит метафора границы, разделяющей осетинский этнос на республики и государства.

События последних десятилетий после распада СССР — война в Чеченской республике, взрыв терроризма на Северном Кавказе и в России, породил образ *кавказца*, территориально и национально не дифференцированный, но вместе с тем негативно маркированной как источник зла, опасности и терроризма. СМИ способствовали укоренению данного гетеростереотипа, скрывающегося за канцеляризмом «*лицо кавказской национальности*»: так закладывалось отчуждение и, соответственно, в сознании россиян фиксировалось представление о «чужаках» и «иностранцах» [Лицо кавказской национальности Cyclowiki.org/wiki/].

Кавказцы получили следующие этнические ярлыки: *лицо кавказской национальности, южанцы, чурки, хачи/хачик, черные, волосатые, обезьяны, черномазые, нехристь, казбек, мамед*, среди которых только номинация *южанцы* выдержана в нейтрально — разговорном регистре [Грищенко 2007: 42-50].

Этнический ярлык *лицо кавказской национальности*, впервые появившееся в милицеских протоколах для описания подозреваемых, отличных от лиц славянской внешности, зафиксировал негативный стереотип, отражающий представления о кавказцах и закавказцах как этнически недифференцированном враждебном пласте населения [Лицо кавказской национальности Cyclowiki.org/wiki/]:

*В статье "Кто на рынке хозяин" «**лицами кавказской национальности**» названы <...> "южане"; Продавец «**кавказской национальности**» расплывается в широкой улыбке.*

Антропологические этнонимы отражают этнокультурные стереотипы на основе наиболее распространенного личного имени в уменьшительно-ласкательной форме. Так, оскорбительное прозвище *хач*, *хачи*, *хачик* (от армянского имени *Хачатур*) первоначально применялось только по отношению к мигрантам-армянам, проживающим в центральной России, а затем получило более широкое хождение в общем значении *кавказец* [Хачик/СловоНово. <http://www.slovonovo.ru/term/%>].

Рассматриваемый ниже эдвайс пародирует не только темный цвет волос и ненормативное поведение *хача* — *кавказца*, но выделяет еще один «опознавательный» признак этой «общности» — *красные мокасины*. (Рис. 1)

Этноним *казбек* также мотивирован частотным на Северном Кавказе личным именем *Казбек* и используется расширительно.

Ярлык *мамед/мамбет* маркирует выходца с Кавказа или Средней Азии по религиозному признаку. Такое употребление актуализируют мигрантов-мужчин, исповедующих ислам.

Дерогативно маркированные номинации в собирательном значении — *волосатые черные, черномазые, обезьяны* — мотивированы антропологическими признаками (цвет глаз, волос, кожи, растительный покров). Зооморфный ярлык *обезьяна*, мотивированный признаком «густой растительный покров», несет уничижительную коннотацию.

В приводимом ниже эдвайсе (Рис. 2) ярлык *черный* обыгрывается пародийно, трансформируя прецедентное высказывание из песни группы «Отпетые мошенники» (конец 90-х гг.) «*девушки бывают разные — черные, белые, красные*» в отношении кавказцев на «*кавказцы бывают разные — черные, черные, черные*».

Однако, если девушки бывают разные, то кавказцы, независимо от их этнической принадлежности, только черные. Визуальный компонент эдвайса, представленный мемкартинкой, — фотографией одного из уголков галактики, темного, далекого и непостижимого, символизирует пропасть, которая отделяет кавказцев и русских.

Дерогативно маркированное прозвище *чурка/чурбан*, от *чурка* — «перен. недалекий, глуповатый, необразованный человек» (пренебрежительная номинация), первоначально относилось только к жителю или уроженцу Средней Азии, а затем разошлось и в значении «*лицо кавказской национальности*»: *Кругом чужие: «лицо кавказской национальности», «чурка», и т. д.*

Сравнительный анализ высказываний Интернет-коммуникации подтверждает наличие этностереотипов, сложившихся по общей мо-

дели: <...> *замените слово «осетин» на «россиянин», вместо «кударец» пиши «кавказец» и Жирику (Жириновскому) можно отпирать.*

В следующем примере визуальная часть эдвайса (Рис.3) представлена кадром из американского фильма «Мстители», на котором запечатлен актер Роберт Дауни-младший в состоянии раздражения и утомления. Вербальный компонент сопровождается такой текстовой частью «*Мое лицо, когда чурка говорит, что он не хач*», которая, нивелируя этническое различие кавказских и среднеазиатских этносов, от лица русских настаивает на том, что они не чурки и не хачи.

Прозвище «*нехристь*» актуализирует принадлежность мигрантов к религии ислама, а ярлыком «*нерусь*» именуются все кавказские и среднеазиатские народы.

Несмотря на то, что по отношению к русским в США как к культурной прослойке пейоративные номинации малоупотребительны, а личные имена *Петр (Pyotr или Peter), Иван (Ivan), Николай (Nikolay), Андрей (Andrey)* стали нарицательными прозвищами для обозначения русских или других русскоязычных этногрупп, американский кинематограф активно эксплуатирует образ Ивана как символ зла, опасности и непредсказуемости: *Because you realized that everyone feared Russia, or Ivan, as some scary man who could kill you in mere mille seconds if you do so much as talk to him.*

А лексема *русский/русские (Rusky/Russkie)* в лексиконе американцев также стала обозначением не только этнических русских, но «того, кто груб и неотесан». Так в американской ментальности отражен оппозитивный образ русского мафиози и бандита, с одной стороны, и русского интеллигента, с другой [Журтова 2013: 12-17].

Сталкиваясь с другой картиной мира, с другими морально-этическими ценностными ориентирами определенного социума, стереотипы восприятия чужого мобилизуют общественное мнение своей страны, формируя негативный имидж другой нации, что неизбежно обедняет и сужает сферу интересов адресата и эффективность культурного диалога [Чудинов 2009: 43].

Причинами «невписывания» в иную социокультурную среду и, как следствие, отторжения становятся проявления **темперамента** мигрантов как этнопсихологической особенности их личности, не совпадающие с эмоциональными реакциями коренных жителей. Следующий

фрагмент описывает кударцев: *Кударцы более жесткие люди и безбашенные; Кударцы — общность дикая, грубая.*

Сравнительные характеристики темперамента кавказцев и русских позиционированы в следующем фрагменте, где отличия градуируются при помощи аналитического компонента *более* — сравнительной степени прилагательных: *Отрицать то, что жители Кавказа более эмоциональные и «горячие» не буду; Русские считают кавказцев горячими, буйными, brutальными.*

Описание темперамента русских в сознании американцев сводится к следующему: *Русские — это эмоциональные, несдержанные люди; Русские иммигранты — очень шумный и непредсказуемый народ.*

Поведение мигрантов, не соответствующее принятым нормам, ложится в основу формирования негативного гетеростереотипа. Северные осетины, стереотипизируя образ кударцев-мигрантов, характеризуют их коммуникативное поведение как нарушение традиций: *Все себя ведут очень воспитанно и спокойно (северные осетины), но только не кударцы!!!! Это просто кошмар бывает, как они по-хамски разговаривают; <...> обнаглевшие южане грубили, хамили продавцу.*

Аналогичные гетеростереотипы отражены и в сознании русских по отношению к кавказцам: *Кавказцы, которые покидают свою республику/страну, тут же напроочь забывают о культуре поведения; Кавказцы шумят, громко разговаривают; Начинают по-хамски себя вести.*

В визуальной части следующего демотиватора надпись «*Во дворе злая собака*» трансформирована в пародийную фразу «*Во дворе дикий кавказец*», которая сопровождается появлением в вербальной части демотиватора: «*в каждом дворе Москвы*». Данный Интернет-мем передает страх москвичей за свою жизнь, уничтожая «кавказцев», которые, по их мнению, непредсказуемы и необузданны (Рис. 4).

Американские русские в представлениях американцев отличаются таким же агрессивным стилем коммуникативного поведения, что кударцы и кавказцы: *Русские очень любят подраться и побуянить; От них (русских) не дождешься извинений.*

Незнание или недостаточное владение языками, которые являются основным средст-

вом общения на территории нового места жительства мигрантов, аппроксимируют их от автохтонных жителей.

«Кударцы», приехавшие из Южной Осетии и Закавказья, в силу территориальной и культурно-исторической специфики их проживания пользовались кударским говором иронского диалекта, который испытывает значительное влияние соседствующей Грузии. Выход из СССР Грузинской республики, в которую Южная Осетия входила в качестве автономии, автоматически повлек за собой некоторое ослабление значимости русского языка в конце XX века [Тамерьян 2014: 278]: *Эти люди плохо говорили по-русски, а по-осетински говорили вперемешку с грузинским языком.*

По той же причине, что и югоосетинские кударцы, вследствие социо-политических и государственных преобразований оказавшиеся в чужом государстве, закавказские и среднеазиатские республики после распада СССР перешли на национальные языки общения во всех государственных и образовательных сферах, хотя в ряде республик русский язык приобрел статус второго государственного языка. Республики Северного Кавказа наряду с общегосударственным русским языком, сохраняют и поддерживают родной язык, являющийся главным элементом этнической целостности.

Все вышеперечисленные условия привели к укоренению когнитивного признака «плохого владения русским языком» в качестве фактора отторжения: *Кавказцы плохо знают русский язык.*

В визуальной части представленного эдвайса изображено лицо скорее азиата, чем кавказца, поскольку в стереотипных представлениях русских все «чужие», «инородцы» на одно лицо. В графической части маркировано слово *РАСИЯ* как символ смещения алфавитов и слабого владения русским языком. Довольное, улыбающееся лицо не то кавказца, не то азиата на переднем плане как бы подтверждает, что *РАСИЯ* для кавказцев; они чувствуют себя здесь как дома, а не в гостях (Рис. 5).

Поскольку русская диаспора самая большая в США, и часть переселенцев живет довольно обособленно, имея свои школы, магазины, рестораны, театры и пр., с одной стороны, нежелание русских адаптироваться и интегрироваться с другой, — иные просодические характеристики речи вызывают раздражение у коренных американцев: *Русские могут жить по 20 лет в Америке и не говорить по-*

английски. Они (русские) говорят быстрее и громче.

Финансовое положение и социальный статус кударцев оценивается северными осетинами амбивалентно — в их представлении они или очень бедные, или очень богатые: *Эти кударцы состоятельные люди, которые предпринимчивы; Кударцы не имеют ни гроша.*

В отношении кавказцев этот признак также несет бинарные смыслы: это либо обеспеченные люди, которые перебрались из национальных республик в центральную Россию, либо мигранты, ищущие возможности заработать: *Кавказцы всегда одеваются роскошно, да откуда такие деньги у вчера приехавших?; Приезжают и покупают тут квартиры, машины; У нас около метро собираются постоянно кавказцы <...>. Работа у них разъездная — маршрутчики, таксисты. Причем, самоутверждаются, в-основном, маршрутчики кавказцы.*

Финансовое положение американских русских в американском обществе также трактуется неоднозначно: *Их влияние разрастается с каждым днем; Большинство из них очень богатые люди, занимающие престижные должности в крупных компаниях; Вы что, все на пособия сидите?*

Амбивалентная оценочность также лежит и в основе гетеростереотипизации **рода деятельности** мигрантов.

Занятия кударцев вызывают как положительную, так и отрицательную коннотацию. Положительно оценивается их готовность работать: *Они хотят и умеют зарабатывать; Кударцы берутся за любую работу.*

В следующем примере используется зооморфная метафора «лошадь» как символ упорного труда: *Кударцы вкалывают умеют, как лошади.*

Неодобрительно оценивается статус их рода деятельности: *Кударцы захватили все рынки <...>; Мелкую розничную торговлю в РСО-А в основном контролируют кударцы. Также, серьезную часть водочного бизнеса.*

Социальное положение кавказцев стереотипизируется амбивалентно: *Они (кавказцы) молодцы, пытаются обеспечить своих детей и близких тем, что зарабатывают хоть какие-то деньги, вдали от своей родины; Но сами (москвичи) не торопятся идти в дворники, стоит ли удивляться, что кавказцы приехали и остались?*

Вместе с тем кавказцы приобрели в России высокий социальный статус: *Куда ни глянь, в каждой администрации России работают они; Шоу-бизнес захватили кавказцы.*

Русские в США представлены в высокостатусной финансовой сфере, сфере высоких технологий, в среднестатусных областях науки, образования и в низкостатусной сфере обслуживания: *Where the Russians live with their billions in New York City; Русские преподаватели университетов остаются бедными,*

так как не заинтересованы в карьерном росте; Америка отмечает вклад американских русских в техническое первенство страны; Работают обычно нянечками.

Архетипические представления о «чужих» продолжают существовать в виде деактуализированных, полуфольклорных образов, зафиксированных в этническом сознании.

Полуфольклорные гетеростереотипы северных осетин о кударцах сводятся к представлениям о том, что кударцы — нецивилизованная, невоспитанная «толпа», приросшая к грузинской культуре:

Напоминают, что вроде как только что спустились с гор; Непременно лужагут семечки; Вечно эти кударцы в спортивках; У них (кударцев) до сих пор в моде шерстяные носки; Говорят с грузинским акцентом.

Полуфольклорные, исторические деактуализированные представления о кавказских народах, опирающиеся на этнические традиции и обычаи, завязаны на образе мужчины-горца, чьим постоянным атрибутом является холодное оружие — кинжал, сабля или пистолет: *Они до сих пор в папах и бурках с кинжалами в зубах ходят; Там воруют невест; <...> в России считают, что у народов Кавказа всегда воруют невесту.*

Пропагандистское отношение России как к врагу и сопернику со стороны США существовало еще длительное время после падения коммунистического режима и «поднятия» железного занавеса, и реактуализировалось в связи с последними событиями в мире.

Стереотипный набор полуфольклорных архаических представлений о русских сводится к образу «дикой», нецивилизованной страны, где по улицам ходят медведи, а мужики в шапках-ушанках со звездой, атрибутом коммунистического строя, пьют водку и играют на балалайке за компанию с медведем. На этом строится большинство анекдотов о России. Приводимый стрип-комикс наглядно представляет полуфольклорные стереотипы о русских (Рис. 6).

Процесс стереотипизации опыта лежит в основе действия механизма традиции, выполняющего интегрирующие и стабилизирующие функции в системе культуры [Байбурин 1993: 5].

Позитивные стереотипы формируются не только под влиянием политических решений и

этнических контактов, но зарождаются внутри этноса, как отклик на гетеростереотип отчуждения.

Так, помимо негативных представлений северные осетины сформировали и положительный образ кударца, породивший положительно-эмоциональное отношение, признание успехов. *Кударцы-спортсмены*, проживая на территории Северной Осетии, участвуют во всех российских и международных спортивных соревнованиях и занимают лидирующие места, тем самым прославляя как Северную Осетию, так и Россию: *Многие, кто не любят «осетин с Юга» гордятся их спортсменами; Алан Дзагоев — автор первого гола сборной России на Евро-2012!*

Другой положительный аспект образа кударца ретроспективно отсылает к исторической роли бесстрашного кударца, нашедшей продолжение в этническом характере: *Кударцы были воинами осетин; Кударцы — воины и грубоваты, но преданные друзья; Кударцы — воины. Ни один человек на Кавказе в здравом уме не будет задувать кударца.*

Российская история неоднократно способствовала смене аксиологических полюсов содержания стереотипа «горец/кавказец». Активное сопротивление горцев во время Кавказской войны породило и закрепило негативное отношение к ним, которое неоднократно полностью нейтрализовывалось и трансформировалось в положительные образы, разрушающие сепаратистское ядро стереотипа, когда «чужие» становятся «своими» гражданами СССР и РФ.

Идеологические установки советского времени сформировали другие стереотипные образы кавказцев, когда мужчины были эталоном смелости, щедрости и галантности; а женщины представлялись красавицами, скромницами, мудрыми и терпеливыми женами: *Положительный стереотип о кавказцах гласит, что они храбрые, решительные, мужественные, держатся корней, уважают семейные ценности, не страдают алкоголизмом, а если уж пьют, то хорошее вино для веселья, умеют проводить интересные застолья, умеют красиво ухаживать за женщиной; Кавказские девушки с хорошим воспитанием, честные и верные; О красоте кавказских девушек уже было сказано немало; Девушки с Кавказа в большинстве своем хорошие жены и матери; На Кавказе много великих сердец женщин, готовых на самоотвержение.*

Выдающиеся военачальники, общественные деятели, спортсмены из кавказских республик активизируют в структуре гетеростереотипов исторический слой, путем апелляции к значительным персонажам современности и их достижениям. Так, кавказцы ассоциируются с силой и храбростью, выносливостью, спортивными достижениями, одаренностью в военном деле и творчестве. Поддерживается позитив-

ный аспект стереотипа такими личностями, как: Валерий Гергиев (Северная Осетия), Расул Гамзатов (Дагестан), Ахмат Кадыров (Чечня), Валерий Меладзе (Грузия), Дима Билан (Кабардино-Балкария).

В визуальной части приводимого стрип-комикса представлена галерея фотографий В. Жириновского, излюбленного политического персонажа, пытающегося поставить точку в развязывании в интернет-сетях темы «плохих кавказцев». Вкрапления в текст вербальной части армянского слова в русской графике (ара «брат») в надписи — «АРА, может, хватит?» сопровождается кадром, на котором В. Жириновский хватается за голову от антикавказских настроений. Данный мем в шуточной форме доносит сообщение о том, что русские понимают, что пора разрушать бессмысленную неприязнь к кавказцам (Рис. 7)

Значимыми составляющими образа России для американцев являются события недавнего прошлого до и после распада СССР. Положительные ассоциации в американской ментальности связаны с российскими деятелями науки и культуры, политическими лидерами, выдающимися спортсменами, красотой русских женщин: *Русская культура ассоциируется у меня с Пушкиным, с вашим сегодняшним президентом Путиным; Русские очень любят фигурное катание и лыжи; Русские женщины очень красивы, женственны и сексуальны; Они (русские девушки) верные, и потому привлекательны в качестве жены.*

Противоположный механизм направляет вектор стереотипизации изнутри, формируя этнический автостереотип, в соответствии с которым этнические группы и субгруппы иронцев, дигорцев и кударцев концептуализируются как единый этнос по схеме «чужие→свои»: *Кударцы — это же осетины, говорящие просто на кударском наречии! Мы — единый народ!; Ведь по сути мы все осетины!; ЮО (Южная Осетия) и РСО (Республика Северная Осетия) — части единого целого; Осетин-*

*ский народ — один, история — одна, культура — одна, язык — один и судьба одна; (Рис. 8) Прекращайте делить осетин на иронцев, дигорцев, кударцев. Ирæттæ, в единстве наша сила! Ирæттæ размæ! Последний отрывок, акцентируя общность языка и культуры — высказывание на русском с осетинскими вкраплениями *ирæттæ; ирæттæ размæ*, обозначая название осетинского этноса *ирæттæ* (русс. *осетины*) на родном языке, призывает к объединению и развитию, движению вперед — *размæ* (русс. *вперед*, т. е. *объединяйтесь*).*

Концептуализация русскими представителей кавказских народов как равноправных граждан России также превращает гетеростереотип в позитивный автостереотип: *Нам делить действительно нечего, у нас, как у единого российского народа есть общие проблемы, общие беды; Нам бы объединиться и сплотиться против тех, кто нас пытается посорить; Нам вместе нужно затыкать тех, кто хочет отделить Кавказ от России. В единстве наша сила!; Очень важно понять, что мы все действительно едины; У нас всех получится жить вместе в одной стране, если мы будем искать вдруг в друге хорошее и учиться друг у друга.* Последнее высказывание подтверждает, что нет плохих народов.

Что касается признания единства коренных американцев в отношении к русским американцам, гетеростереотип о них переходит в положительный автостереотип американской культуры, которая способна «создавать единство в многообразии», приводится метафорическое сравнение Америки с плавильным котлом «*melting pot*» как символом смешения, объединения и единства американского народа: *The country is home to people of different national origins. As a result, Americans do not equate their nationality with ethnicity, but with citizenship; Many of these immigrants have slowly assimilated into the American "melting pot". The Russians are a positive valuable to the United States.* В последнем фрагменте содержится положительная оценка русских «*positive valuable*» для США.

Таким образом, в результате проведенного анализа мы можем резюмировать, что на материале отражения в стереотипах осетинской, кавказской культур и русской культуры в Америке были выявлены универсальные механизмы гетеро- и автостереотипизации по моделям «свои-чужие» и «чужие-свои».

Процесс присваивания этнических ярлыков сопровождается начальным этапом гетеростереотипизации, сопровождающийся мощным импульсом отчуждения посредством негативной оценки других на основе таких когнитивных признаков, как: *антропологические особенности, религиозная принадлежность, территориальная принадлежность, культурные осо-*

бенности, интеллектуальные способности, социально-политический статус.

В результате метафорической номинации как универсального способа когнитивного моделирования, обладающего этнокультурной маркированностью, возникли прозвища *обезьяны* (зооморфная метафора), *чурки* (метафора неживой природы), номинация *братья* (метафора родства), *гость* (метафора межличностных отношений). Этнические номинации сложились на основе личных имен для дифференциации этнической группы (*хачи, Ivan*) или конфессиональной принадлежности (*казбек, мамбет*). Лексемы с нейтральной семантикой приобрели пейоративную коннотацию (*кударец, кавказец, russskiy*).

Все рассмотренные этнические номинации-ярлыки маскулинно маркированы или функционируют в собирательном значении. Этнических пейоративов с фемининной семантикой не зафиксировано.

Этнические гетеростереотипы, зарождающиеся на базе ядерных дифференцирующих признаков, отчуждающих этносы, обрастают наслоениями, несущими амбивалентную аксиологию. Когнитивный домен этнического гетеростереотипа структурируется несколькими дифференциальными признаками.

Автостереотип формируется на базе консолидирующих идей на основе одного объединяющего признака — этнической или государственной общности по модели: « *мы — осетины/россияне/американцы* ».

ЛИТЕРАТУРА

1. Байбури А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. — СПб.: Наука, 1993. — 225 с.
2. Горшунова Е. Ю. Этнические стереотипы англоговорящего социума и их вербализация в американской лингвокультуре: диссертация ... кандидата филологических наук: — Бирск, 2009. — 207 с.
3. Грищенко А. И. Источники возникновения экспрессивных этнонимов (этнофоллизмов) в современном русском и английском языках: этимологический, мотивационный и деривационный аспекты // Активные процессы в современной лексике и фразеологии: Материалы международной конференции 8-9 июня 2007 г. памяти Л. В. Николенко и Ю. П. Солодуба (МПУ) / Гл. ред. Н. А. Николина — М. — Ярославль: Ремдер, 2007. — С. 40-52.
4. Грушевицкая Т. Г., Попков В. Д., Садохин А. П. Основы межкультурной коммуникации. — М.: Юнити-Дана, 2006. — 352 с.
5. Журтова А. З. Этнические гетеростереотипы в американской языковой картине мира: автореферат дис. ... кандидата филологических наук. — Нальчик, 2013. — 23 с.
6. Платонов Ю. П. Психология национального характера. — М.: Академия, 2007. — 240 с.
7. Современная политическая коммуникация: учебное пособие / отв. ред. А. П. Чудинов. Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2009. — 292 с.

8. Солдатова Г. У. Межэтническое общение: когнитивная структура этнического самосознания // *Познание и общение* — М., 1988. — С. 111-114.

9. Тамерьян Т. Ю. Концепт-стереотип кударец в североосетинской языковой картине мира. Когнитивные исследования языка. 2014 год. — №17 — С. 277-281.

10. Тамерьян Т. Ю. Стереотипный компонент в структуре этнокультурного типажа (на материале осетинской лингвокультуры). / *Человек. Язык. Культура: сборник научных статей, посвященных 60-летию юбилею проф. В. И. Карасика*: отв. соред. В. В. Колесов, М. Влад. Пименова, В. И. Теркулов. — Киев: Изд. Д. Бураго, 2013. — (Серия «Концептуальный и лингвальный мир»). Вып. 2). С. 575-580.

11. Тамерьян Т. Ю., Качмазова А. У. Понятийные признаки лингвокультурного типажа КУДАРЕЦ в североосетинской лингвокультуре // *Фольклористика, лингвокультурология, этнолингвистика. Вестник ПГЛУ №4*, 2013. — С. 182-186.

12. Топоров В. Н. Метафора зеркала при исследовании межъязыковых и этнокультурных контактов / В. Н. Топоров // *Славяноведение*. — 1997. — №1. — С. 5.

13. Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учебное пособие — М.: Флинта: Наука, 2006. — 256 с.

14. Cohen R. Ethnicity: Problem and Focus in Anthropology // *Annual Review of Anthropology*. 1978. № 7. P. 379-403

15. Lippmann W. Public Opinion. New York: Harcourt Brace, 1946 (1922). 201 p.

16. <http://russian-bazaar.com/ru/content/8618.htm?numpage=2>

17. [Cyclowiki.org/wiki/Лицо_кавказской_национальности](http://cyclowiki.org/wiki/Лицо_кавказской_национальности).

18. URL: <http://region15.ru/articles/2620/>.

19. <http://www.slovonovo.ru/term/>

20. <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9E%>

21. <http://region15.ru/blogs/sageeva/2011/02/15/prokudarcev-ironcev-i-digorcev/>

22. <http://rukavkaz.ru/articles/comments/456/?Page=10#comments>

23. <http://voprosik.net/migraciya-v-stranax-byvshego-sssr>

24. <http://www.saabclub.ru/forum/index.php?threads/aziaty-i-kavkazcy.21035/>

25. <http://tanci-kavkaza.ru/naglyie-kavkazcy/>

26. <http://region15.ru/blogs/sageeva/2011/10/01/dva-krasavchega/>

27. <http://region15.ru/blogs/sageeva/2011/02/15/prokudarcev-ironcev-i-digorcev/>

28. <http://cache2.allpostersimages.com/p/LRG/27/2772/UOKTD00Z/posters>

29. www.goehner.com/russinfo.htm

30. <http://rt.com/community/forums/prime-rime-russia/what-stereotype-about-russia-do-you-now-consider-the-most-bizarre>.

31. http://www.americansworld.org/digest/regional_issues/russia/russial.cfm.

32. http://www2.needham.k12.ma.us/nhs/cur/kane98/kan_e_p3_immig/Russia/russia.html Russian Immigration

33. http://trace.tennessee.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2450&context=utk_chanhonoproj

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

А. Ю. Хоменко
Нижний Новгород, Россия

A. Yu. Khomenko
Nizhny Novgorod, Russia

**К ВОПРОСУ ОБ ИССЛЕДОВАНИИ
ПИСЬМЕННОГО РЕЧЕВОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ В
РАМКАХ АВТОРОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ
НА ПРЕДМЕТ ЕГО ОРИГИНАЛЬНОСТИ**

**THE PROBLEM OF ORIGINALITY
DETERMINATION OF A TEXT IN THE
FRAMEWORK OF AUTHORSHIP IDENTIFICATION
EXPERTISE**

Аннотация. Обсуждаются возможности применения автороведческих и собственно лингвистических методик анализа при определении оригинальности письменного речевого произведения. Предлагаемая в исследовании методика основана на анализе семно-семемной структуры определений понятий «новизна», «оригинальность», «творческий характер» в сочетании с анализом произведения с точки зрения проявления в тексте лингвистических особенностей идиостилия автора. Также рассматривается вопрос о границах компетенции лингвиста-эксперта при исследовании произведения на оригинальность.

Abstract. The article deals with the possibilities of authorship identification and linguistic analysis techniques in determining the originality of the text. The methodology, used in the article, is based on the semantic analysis of definitions "novelty", "originality" and "creative nature" in conjunction with authorship identification analysis, that is the analysis of linguistic characteristics of the individual author's style. The article also touches upon the issue of the limits of the competence of the linguist expert in the context of originality determination.

Ключевые слова: оригинальность текста; признаки новизны текста; признаки творческого характера текста; автороведческая экспертиза; лингвистическая экспертиза; пределы компетенции эксперта.

Key words: originality of the text; novelty of the text; creative nature of the text; authorship identification expertise; linguistic expertise; competence of the expert.

Сведения об авторе: Хоменко Анна Юрьевна, магистр информатики и прикладной математики, преподаватель кафедры прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижегородский кампус; эксперт-лингвист, эксперт-фоноскопист, НПО «Эксперт Союз», Нижний Новгород.

About the author: Khomenko Anna Yur'evna, Master's Degree Student of Computer Science and Applied Mathematics, Teacher of Department of Applied Linguistics and Intercultural Communication, National Research University "Higher School of Economics", Nizhny Novgorod Branch; Forensic Expert in Phonoscopy, Independent Professional Association "Expert Soyuz", Nizhny Novgorod, Russia.

Место работы: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; НПО «Эксперт Союз», Нижний Новгород.

Place of employment: National Research University "Higher School of Economics"; Independent Professional Association "Expert Soyuz", Nizhny Novgorod, Russia.

Контактная информация: 603155, г. Н. Новгород, ул. Б. Печерская, 25/12, к. 306; 603000, г. Н. Новгород, ул. Студеная, 58.
e-mail: lili-th89@narod.ru.

В современной экспертной практике, связанной с производством речеведческих экспертиз, остро стоит вопрос, касающийся определения оригинальности письменного речевого произведения.

Вопрос об оригинальности текста чаще всего возникает вкпе с исследованием произведений на наличие текстовых соответствий или признаков использования, редактирования и иной переработки фрагментов текстов, т. е. в случаях, связанных с плагиатом.

Важно, что при постановке такой задачи на разрешение лингвистической, автороведческой экспертизы необходимо помнить, что эксперт-лингвист не вправе выходить за пределы своей компетенции, следовательно, вопрос об оригинальности того или иного произведения должен решаться в отношении к оригинальности языковой формы текста, к оригинальности проявления лингвистических признаков, признаков идиостилия автора произведения.

Более того, вопрос об оригинальности, исходя из опыта существующих лингвистических исследований, необходимо решать, рассматривая новизну и творческий характер произве-

дения. Изначально кажется, что все три категории — «оригинальность», «новизна» и «творческий характер» произведения — не имеют прямого, непосредственного отношения к лингвистическому анализу. Так, вопрос об оригинальности традиционно решается на уровне юридическом: рассматривая документальные свидетельства, юристы приходят к выводу, какое из нескольких интеллектуальных произведений раньше увидело свет; именно этот факт чаще всего в современной судебной практике служит в качестве решающего для признания произведения оригинальным. Тем не менее важно понимать, что данный метод подходит далеко не во всех спорных случаях. Так, если речь идет, например, о каких-либо изобретениях, легко отследить дату их создания и регистрации патента, в доказывании оригинальности произведения интеллектуального и научного творчества может участвовать проектная документация, технические паспорта и прочее, т. е. те документы, которые обязательно имеют датировку, подлинность которой подлежит доказыванию в судебном процессе. Текст, письменное речевое произведение — абсолют-

но другое дело. В условиях, с одной стороны, информационного общества, с другой — эпохи позднего постмодерна практически любой современный текст, представляющий собой либо переплетение сюжетов и нагромождение аллюзий (при условии, что он художественный или околохудожественный — беллетристика и пр.), либо сочетание уже упомянутых где-то фактов и обработку имеющихся достижений (если текст научный, научно-публицистический и пр.), перестаёт в полном смысле этого слова быть оригинальным, ибо мысли, высказанные в нем, будь то философствования или набор параметров в техническом задании для какой-либо техники, не будут первообразными, нигде ранее не высказанными, «не заимствованными, не подражательными» (**оригинальный** — «б) Не заимствованный, не подражательный, не переводный; подлинный» [Ефремова 2006]).

Как следствие, когда речь идет о современных текстах любого функционального стиля, резонно говорить в первую очередь об оригинальности формы изложения, о плане выражения, а не о плане содержания (притом без оценки странности, своеобразия, вычурности произведения: **оригинальный** — «2) б) Своеобразный, незаурядный, странный» [Ефремова 2006]). При этом, как показывает эмпирический опыт экспертных исследований, оригинальность языковой формы произведения неразрывно связана с понятиями его «новизны» и «творческого характера».

Для ответа на вопрос об оригинальности текста необходимо дать определения некоторым понятиям.

Идиостиль — «совокупность языковых и стилистико-текстовых особенностей, свойственных речи писателя, ученого, публициста, а также отдельных носителей данного языка» [Стилистический энциклопедический словарь русского языка 2006].

Оригинальность — «1. ж. Отвлеч. сущ. по знач. прил.: оригинальный (1*2). 2. ж. Что-л. своеобразное, самобытное» [Ефремова 2006].

Оригинальный — «1. прил. 1) Соотносящийся по знач. с сущ.: оригинал (1*), связанный с ним. 2) а) Свойственный оригиналу (1*), характерный для него. б) Не заимствованный, не подражательный, не переводный; подлинный» [Ефремова 2006].

Оригинал — «1. м. 1) Подлинник (противоп.: копия, список)» [Ефремова 2006].

Подлинник — «1. м. 1) Подлинная вещь, оригинал, не копия и не воспроизведение; не подделка. 2) Первоначальная авторская рукопись произведения, документа (в отличие от копии). 3) Полный авторский текст произведения (в отличие от перевода, изложения, переработки)» [Ефремова 2006].

Новизна — «1) Свойство и состояние нового. 2) То же, что: новшество» [Ефремова 2006].

Новизна — «2. То, что является новым в чём-л., где-л. Н. взглядов. Н. во взглядах. Н. в постановке спектакля. Во всём ощущалась н.

Чувство новизны» [Большой толковый словарь русского языка 2000].

Новшество — «Нововведение; новое открытие, изобретение и т. п.» [Ефремова 2006].

Новый — «1) а) Впервые созданный или сделанный, недавно появившийся или возникший. б) Ранее не использовавшийся, не бывший в употреблении» [Ефремова 2006].

Творчество — «в прямом смысле есть соиздание нового. <...> Т. — условный термин для обозначения психического акта, выражающегося в воплощении, воспроизведении или комбинации данных нашего сознания в (относительно) новой и оригинальной форме в области отвлеченной мысли, художественной и практической деятельности» [Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона 1890—1907].

Творчество — «деятельность, порождающая нечто качественно новое, никогда ранее не бывшее. Деятельность может выступать как Т. в любой сфере: научной, производственно-технической, художественной, политической и т. д. — там, где создается, открывается, изобретается нечто новое. <...> Рассматривая Т. культуры и истории, философия жизни (В. Дильтей, Г. Зиммель, Х. Ортега-и-Гасет и др.) подчёркивает его уникальный, индивидуально-неповторимый характер.

В экзистенциализме носителем творческого начала является личность. <...>

В отличие от философии жизни и экзистенциализма, в таких философских направлениях 20 в., как Прагматизм, Инструментализм и близкие к ним варианты Неопозитивизма, Т. рассматривается с односторонне прагматистской точки зрения прежде всего как изобретательство, цель которого — решать задачу, поставленную определённой ситуацией (Дж. Дьюи, „Как мы мыслим“, 1910). Продолжая линию английского эмпиризма в трактовке Т., инструментализм рассматривает его как удачную комбинацию идей, приводящую к решению задачи. <...>

Марксистское понимание Т., противостоящее идеалистическим и метафизическим концепциям, исходит из того, что Т. — это деятельность человека, преобразующая природный и социальный мир в соответствии с целями и потребностями человека и человечества на основе объективных законов действительности. Т. как созидательная деятельность характеризуется неповторимостью (по характеру осуществления и результату), оригинальностью и общественно-исторической (а не только индивидуальной) уникальностью. <...>

Т. всегда происходит в конкретных социально-исторических условиях, оказывающих на него серьёзное влияние, в тесной связи с окружающим миром, формами уже созданной культуры, в разветвленную сеть которых всегда включен субъект Т.» [Большая советская энциклопедия 1969—1978].

Творчество («поэтическое»). Вопрос о сущности поэтического творчества может рас-

смастываться двояко — в зависимости от того, что сделаем мы предметом рассмотрения: поэтическое ли произведение, созданное актом творчества, или сам этот акт. Проблема поэтического произведения — основная проблема поэтики (см. Поэтика). Проблема акта поэтического творчества — самого этого творчества, как такового — основная проблема психологии поэтич. творчества.

Что происходит в душе поэта в то время, когда он слагает свое произведение (привлекая непосредственно примыкающие сюда переживания прошлого?). Это — вопрос чрезвычайно сложный и во многом, быть может — самом существенном, еще темный, несмотря на то внимание, которое он издавна привлекал к себе. Первоисточником являются здесь показания поэтов (понимая под этим — художников слова вообще, от Гоголя и Сервантеса до Шекспира и Фета). Но одно дело — правдиво и ярко *выразить* пережитое, другое — верно *истолковать* его, т.е. объяснить пережитое явление в его корнях и закономерности, включить его, как некоторый осмысленный факт, в целое научного знания. Здесь показание поэта должно быть дополнено объяснением психолога. Собственно только психолог и ставит впервые самую проблему — сущности поэтического творчества; поэт (поскольку он не становится на точку зрения психолога) только переживает акт творчества, принимает его, как факт. К сожалению, ряд причин, заложенных в самом духе современной психологии и которых нам здесь нет необходимости касаться ближе, препятствует ей охватить проблему поэтического (и вообще художественного) творчества во всей той конкретной своеобразности и глубине, которые присущи последней. Поэтому наиболее ценным материалом для ее решения остаются все же показания самих поэтов.

Если отбросить ряд привходящих моментов, можно сказать, что вопрос о сущности поэтического творчества сводится к вопросу о сущности поэтической *фантазии* — в отличие от процессов восприятия, воспоминания, абстрактного мышления и т. д. Добавим тут же, что игра фантазии проникает собой всю душевную жизнь, значит и каждое «воспоминание», и каждое «понятие» (и в этом смысле можно сказать, что мы не только все, но и всегда — поэты); однако лишь в творческой направленности на созидание поэтического произведения собирает фантазия все лучи свои как бы в один фокус, раскрывает себя в своей подлинной природе. Укажем ряд черт, присущих поэтической фантазии.

Во-первых, это — фантазия творческая, т. е. созидаящая нечто новое, чего еще не было дано в опыте поэта (выделено нами. — А. Х.).

Во-вторых, действие ее самопроизвольно, т. н. не подчинено личной воле поэта, а проявляется вне зависимости от нее и часто даже ей

наперекор („вдохновение“)» [Литературная энциклопедия 1925].

Из приведенных выше определений исключительно путем выделения основных компонентов значения (сем и семем) лексем, репрезентирующих понятия *оригинальность, новизна, творческий характер, творчество*, т. е. с помощью собственно лингвистических методик, можно заключить, что к признакам творческого характера (с точки зрения языка, исходя из анализа ключевых слов, текстовой сетки определений понятия *творчество* и понятий, входящих в лексико-семантическую группу *творчество*) относятся следующие (важно понимать, что в настоящем исследовании выделены те признаки творческого характера произведения, которые можно установить исследовательским путем, которые так или иначе материализованы. Речь не идет об анализе единства сознательной и бессознательной деятельности, творческих мук, авторских инсайтов, наличия вдохновения и прочего, ибо исследование всего указанного не есть предмет автороведческой экспертизы, равно как и любой иной экспертизы, существующей на настоящем этапе развития науки и техники):

1) **созидание нового, т. е. такого, которое не существовало раньше, впервые созданного**. В данном случае следует сразу оговориться, что определение того, создано ли то или иное речевое (текстовое) произведение впервые, не входит в компетенцию лингвиста-эксперта, поскольку определить это можно лишь опытным юридическим путем с помощью сопоставления датировок подписей на оригиналах, подлинниках произведений (ГК РФ: «*Статья 1257. Автор произведения. Автором произведения науки, литературы или искусства признается гражданин, творческим трудом которого оно создано. Лицо, указанное в качестве автора на оригинале или экземпляре произведения, считается его автором, если не доказано иное*»). Понятие «новизны» / «признаков новизны» в настоящем исследовании не трактуется с точки зрения юридической терминологии, т. е. с точки зрения того, когда создано то или иное произведение. С этой точки зрения (с точки зрения юридической) не трактуется также и понятие «оригинальности» / «признаков оригинальности». Настоящие понятия определяются с точки зрения лингвистического анализа;

2) **созидание чего-либо в (относительно) новой и оригинальной форме в области отвлеченной мысли, художественной и практической деятельности**. Новизна и оригинальность формы произведения определяется путем лингвистического анализа стилистики произведения. Так, если в произведении имеются черты индивидуально-авторского стиля (идиостиля), которые присущи автору на протяжении ряда текстов (чем больше текстовая выборка, тем лучше), выделяющие это

речевое произведение из ряда других, следует говорить о наличии (относительно) новой и оригинальной формы настоящего текста. Именно с точки зрения наличия индивидуально-авторских особенностей в массиве исследуемых текстов и трактуются понятия «признаков новизны» и «признаков оригинальности» произведения. Так, если удастся установить, что массив исследуемых текстов либо определенные тексты обладают рядом особенностей, присущих автору, то с лингвистической точки зрения следует говорить о новой и оригинальной либо относительно новой и оригинальной форме исполнения произведения;

3) **наличие в произведении прагматической направленности, нацеленности на решение определенной задачи** («творчество — это деятельность человека, преобразующая природный и социальный мир в соответствии с целями и потребностями человека и человечества на основе объективных законов действительности» [Большая советская энциклопедия]). В данном случае речь идет о коммуникативной направленности текста, о коммуникативной интенции автора;

4) с наличием прагматической направленности текста связана **внутренняя мотивировка личности**. Наличие такой мотивировки можно установить из параметров коммуникативной ситуации, в рамках которой функционируют исследуемые тексты, и из параметров коммуникативной ситуации, в рамках которой эти тексты были созданы. Это, в свою очередь, легко определить по материалам дела.

Для того чтобы определить наличие или отсутствие факта **созидания чего-либо в (относительно) новой и оригинальной форме**, следует анализировать факт наличия или отсутствия в спорном материале черт индивидуально-авторского речевого стиля, идиостиля автора. Делать это, естественно, можно с помощью любой доступной на современном этапе развития науки и техники методики.

В настоящем исследовании предлагается методика, основанная на анализе текстового материала, с одной стороны, с точки зрения трех уровней языковой личности по Ю. Н. Караулову, к которым относятся:

1) *вербально-семантический* уровень, лексикон личности, понимаемый в широком смысле, включающий также фонд грамматических знаний личности;

2) *лингвокогнитивный*, представляющий тезаурус личности, в котором запечатлен «образ мира», или система знаний о мире;

3) *мотивационный*, уровень деятельностно-коммуникативных потребностей, отражающий прагматикон личности: систему ее целей, мотивов, установок и интенциональностей, —

а с другой стороны — в соответствии с анализом по трем уровням языка: лексическому, морфологическому, синтаксическому. Для

полноты картины исследуются также языковые навыки пишущего, а именно: орфография, пунктуация и стилистика текста [Караулов 1987].

Дабы проиллюстрировать работу этой методики и то, как с ее помощью определяется новизна и оригинальность произведения, приведем следующий пример.

На экспертное исследование были представлены 75 спорных статей, посвященных узкоспециализированной автотехнике и представляющих собой контент интернет-сайта. Предмет спора, касающегося этих статей, был связан с тем, что руководство конкурирующей организации, которая так же, как и заявитель-истец, занималась распространением узкоспециализированной автотехники, разместило указанные 75 спорных статей на своем интернет-сайте в качестве рекламных иллюстраций к продаваемой технике. Ответчик не отрицал, что полностью скопировал тексты, тем не менее он настаивал на отсутствии в спорных произведениях признаков оригинальности, новизны и творческого характера, ссылаясь на то, что указанные статьи есть не что иное, как произведения так называемых копирайтеров, специалистов, «пересказывающих» полученную из различных источников информацию ради определенных коммерческих целей (рекламных, финансовых и пр.).

Лингвистический анализ указанных текстов, проведенный в соответствии с приведенной выше методикой, показал, что в спорном материале ярко проявляются индивидуально-авторские стилистические особенности. Большинство текстов построено по одному и тому же сценарию, тексты статей укладываются в одинаковую фреймовую структуру (в некоторых текстах отсутствуют один или два слота фрейма, тем не менее часть приведенной фреймовой структуры есть во всех 75 спорных текстах):

1) начало текста, зачин, краткий рассказ о товаре, предприятии или услуге с приведением положительной характеристики. В настоящей структурной единице текста для автора характерно использование следующих речевых средств и приемов:

– на *вербально-семантическом и лингвокогнитивном уровне*: однородных рядов, стилистически маркированной (книжной, разговорной и пр.) лексики, эмоционально окрашенной лексики, слов-интенсификаторов значения, антитезного построения текста, лексем с яркой положительной коннотацией, устойчивых сочетаний, превосходной степени прилагательных, эпитетов, эпитетов и пр.;

– на *мотивационном уровне*: тактики повышения градуса эмоциональности речи, тактики аргументации в рамках стратегии убеждения;

2) фрагмент с упоминанием наименования предприятия и информацией о том, что оно в

том числе занимается продажей/производством того вида продукции, о котором идет речь в статье. В таком фрагменте в каждой статье в первую очередь реализуется речевая тактика создания положительного образа предприятия (*мотивационный уровень языковой личности*) в рамках речевой стратегии убеждения;

3) окончание текста, его концовка, где непосредственно репрезентирована информация о возможности покупки того или иного вида продукции у конкретного производителя. Наличие такой информации подчинено речевой тактике создания положительного образа компании (*мотивационный уровень языковой личности*) в рамках речевой стратегии убеждения.

Важно отметить, что, помимо структурной аутентичности, тексты имеют еще ряд авторских особенностей. Так, например, к «любимым» авторским словам относятся следующие:

– *спектр, широкий спектр*: «расширить спектр применения грузового автомобиля», «способны выполнять широкий спектр задач» и пр.;

– *широкий (широко), высокий (высоко)*: «способны выполнять широкий спектр задач», «для реализации широкого спектра задач», «достаточно широкий спектр разнообразных задач», «для решения широко спектра задач» и т. д.;

– *достаточно* (в значении «вполне»): «достаточно высокую популярность», «достаточно высоко», «достаточно широкий спектр разнообразных», «с достаточно умеренной стоимостью», «достаточно высокой грузоподъемности»;

– *весьма*: «весьма востребованным товаром», «КМУ с весьма внушительными техническими показателями», «весьма рентабельным при эксплуатации в условиях города»;

– *отличный, отлично*: «отличной маневренностью», «отличный вариант», «отлично проявляют», «отличного сочетания», «отличную проходимость», «отличную производительность», «отличным сервисом», «отлично проявляющийся»;

– *эффективный, эффективно, эффективность*: «эффективно применяться», «эффективно осуществлять», «эффективность во всех областях применения», «эффективного выполнения» и пр.;

– *различный*: «различного характера», «в различных сферах», «различные технические параметры», «различные конструкции», «различных модификаций», «о различных вариантах», «различного назначения», «различные виды фургонов», «будки различных конструкций», «автомобилей различных марок и моделей».

В текстах есть грамматические неточности и технические ошибки (опечатки): «наличии препятствий» (56, 58), «двигатели двигатели» (63, 64, 65), «чуть-более 200 лошадиных» (24), а также пунктуационные неточности: «остаточная грузоподъемность данного эвакуатора со-

ставляет 4,5 т.)» (70), «поднимает 1730 кг.» (18), «составляет 250 кг.», «хотя в радиусе 2,4 м.» (24), «Вы можете обратившись к менеджерам отдела продаж» (28), «и т.д.», «поднимает 7 100 кг. на вылете 2,4 м.», «почти 6 м.» (29), «поднимает 8 900 кг.», «на расстоянии 2,4 м.» (30), «4700 кг., а при полностью выдвинутой стреле, на вылете 20.3 м.» (31), «на расстоянии 20.3 м.», «1 100 кг. груза, а в радиусе 3,2 м.» (32).

Налицо комплекс индивидуально-авторских особенностей стиля, присущих всем текстам в той или иной степени и выделяющих эти тексты из ряда подобных. **Как следствие, имеет место репрезентация авторского идиостиля, черты которого проявляются во всех текстах и придают им оригинальную и относительно новую форму**, что является признаком оригинальности и новизны текстового материала.

Наличие/отсутствие в произведении прагматической направленности, нацеленности на решение определенной задачи определяется исходя из коммуникативной интенции автора произведений. Так, все тексты имеют прагматическую направленность, а именно: направлены на «продвижение», рекламу продукции завода истца.

Также в текстах имеется **внутренняя мотивировка личности**. Ее наличие усматривается из обстоятельств коммуникативной ситуации, в рамках которой были созданы статьи и которая описана в определении суда и материалах дела: *** А. В. являясь старшим менеджером по рекламе ООО „***“, 14.02.201*г. получил приказ №1* о создании служебных произведений, о наполнении контентом официального интернет-сайта ООО „***“ (www.***.ru) в целях продвижения ресурса в поисковых системах.

Итак, мы видим, что в анализируемых текстах имеются признаки (3 признака; определение, создано ли то или иное речевое (текстовое) произведение впервые, не входит в компетенцию лингвиста-эксперта) творческого характера текстовых произведений, в том числе признаки оригинальности и новизны произведений (при понимании этих понятий с собственно лингвистической точки зрения).

На разрешение экспертов в приведенной в примере экспертизе были также поставлены следующие вопросы: 1) является ли контент (текстовые произведения), размещенный на интернет-сайте www.***.ru, составным; 2) обладает ли признаками оригинальности, творческого характера контент (текстовые произведения), размещенный на сайте www.***.ru, по подбору материала и его расположению.

Предметом исследования в данных вопросах уже является не столько сам текст, сколько его оформление. Тем не менее на основе своих специальных знаний эксперт в области языка вполне может исследовать экстралингвистическую, сопровождающую текст информацию.

Важно отметить, что ответить на вопрос, является ли контент (текстовые произведения), размещенный на интернет-сайте www.***.ru, составным (без указания конкретных источников, без указания, откуда брались составляющие фрагменты), не представляется возможным, поскольку для ответа на поставленный вопрос в приведенной редакции требуется предоставление в распоряжение экспертов обширной базы данных, где будет находиться большое число сайтов, контент которых близок по тематике контенту сайта www.***.ru, с указанием датировки всего материала, расположенного на сайтах из базы, и материала, расположенного на сайте www.***.ru (ГК РФ: «Статья 1257. Автор произведения. Автором произведения науки, литературы или искусства признается гражданин, творческим трудом которого оно создано. Лицо, указанное в качестве автора на оригинале или экземпляре произведения, считается его автором, если не доказано иное»).

Для того чтобы определить, обладает ли признаками творческого характера контент (текстовые произведения), размещенный на сайте www.***.ru, по подбору материала и его расположению, необходимо провести анализ по приведенным выше позициям:

1) **созидание нового, т. е. такого, которое не существовало раньше, впервые созданного;**

2) **созидание чего-либо в (относительно) новой и оригинальной форме в области отвлеченной мысли, художественной и практической деятельности;**

3) **наличие в произведении прагматической направленности, нацеленности на решение определенной задачи;**

4) **внутренняя мотивировка личности.**

В данном случае важно понимать, что признаки новизны и оригинальности определяются как часть понятия «признаки творческого характера». Новая и оригинальная форма произведения выделены как лингвистические признаки творческого характера его создания.

При условии, что вопрос 2 был бы сформулирован в виде «*Оригинален ли или обладает признаками оригинальности контент (текстовые произведения), размещенный на сайте www.***.ru, по подбору материала и его расположению?*», ответить на него не представлялось бы возможным, поскольку исходя из его редакции вопрос можно трактовать исключительно с использованием юридизации текстов, т. е. с точки зрения установления, создано ли то или иное речевое (текстовое) произведение впервые, что не входит в компетенцию лингвиста-эксперта.

При формулировке вопроса в редакции «*Обладает ли признаками творческого характера контент (текстовые произведения), размещенный на сайте www.***.ru, по подбору материала и его расположению?*» ответ на

него может быть получен путем лингвистического анализа. Для ответа на данный вопрос удобно использовать методику контент-анализа, широкого анализа контекста.

Как было указано выше, все спорные тексты обладают индивидуально-авторскими чертами стиля, присущими конкретному автору и выделяющимися проанализированные тексты из числа других. Расположение текстового материала на сайте www.***.ru подчинено определенному принципу, имеет четкую структуру:

1) статьи о конкретных видах товаров размещены в разделах, объединенных по родовому признаку: «Автофургоны», «Краны-манипуляторы», «Автоэвакуаторы» и пр.;

2) разделы «Каталог», «Дилерам», «Новости», «О предприятии», «Контакты», «Кредит/лизинг», «Доставка в регионы», «Информация», «Лидеры продаж» относятся к информационному блоку сайта, это не есть информационные сообщения в чистом виде, это информационные сообщения, имеющие интенцию убедить покупателя приобрести товар именно у завода «***», т. е. относящиеся к информационно-рекламному блоку.

В данной структуре просматриваются следующие принципы: 1) объединение по тематике (наименования разделов и их содержание: «Автофургоны», «Краны-манипуляторы»); 2) наличие систематизированного перечня товарных позиций с указанием их характеристик (каталог — «1) Список, перечень книг, рукописей, картин, музейных экспонатов и т. п., составленный в определенном порядке; справочное издание, содержащее такой список. 2) Систематизированный перечень объектов изучения какой-л. отрасли науки с указанием их характеристик; справочное издание, содержащее такой перечень» [Ефремова 2006]); 3) блок информации о компании-истце «***» (разделы «О предприятии», «Контакты», «Дилерам», «Кредит/лизинг»); 4) новостная лента.

Само наличие всех приведенных выше разделов с точки зрения контент-анализа, широкого анализа контекста (анализировалась структура трех сходных по тематике сайтов, так называемой репрезентативной выборки, созданной путем случайного поиска) не есть новшество. Тем не менее, если принять во внимание трактовку понятия «признаки творческого характера», следует говорить о том, что одним из них является (относительно) новая и оригинальная форма, в том числе какой-либо практической деятельности, т. е., в настоящем случае, деятельности рекламной, а именно форма интернет-сайта завода-истца по адресу URL: http://***.ru/.

Той формы представления материала, которая наличествует по адресу URL: http://***.ru/ (такого же расположения материала, тех же цветовых решений, тех же иллюстраций, того же оформления титульной страницы и пр.), исходя из результатов контент-анализа, широ-

кого контекстного анализа ресурсов, тематика которых сходна с тематикой сайта по адресу URL: http://***.ru/, более нигде нет.

Сам же контент-анализ проводился по следующим этапам: 1) выделение ключевых слов (2—3 единиц) на основе анализа тематической сетки текста, характерных для тематики текстов сайта по адресу URL: http://***.ru/. Такими словами для сайта www.***.ru стали следующие: *завод, спецтехника, купить*; 2) ввод данных слов в поисковую систему. В настоящем исследовании использовалась поисковая система «Яндекс» (URL: <http://yandex.ru/>); 3) анализ результатов по запросу и случайный выбор сайтов для анализа; 4) непосредственно анализ структуры выбранных сайтов, их наполнения.

Четвертый этап анализа проводится по следующим основаниям: 1) цветовое и художественное оформление сайтов; 2) некоторые особенности оформления текстового наполнения сайтов.

Данный анализ показал, что контент (текстовые произведения), размещенный на сайте www.***.ru, обладает признаками творческого характера по расположению материала, ибо одним из признаков творческого характера является (относительно) новая и оригинальная форма, в настоящем случае форма расположения информации на интернет-сайте по адресу URL: http://***.ru/. Путем контент-анализа было установлено, что расположение информации на сайте действительно имеет относительно оригинальную и новую форму.

Здесь важно понимать, что оригинальность и новизна формы определялась с помощью контекстного анализа сайтов без учета датировки материала. Принцип контент-анализа — это сравнение материала с использованием специальных знаний в области языка и паралингвистических средств выразительности без учета времени появления материала в Сети.

Как было показано, используя собственно лингвистические, автороведческие методики, вполне возможно проводить исследования с целью установления, оригинально то или иное произведение или нет. Важно лишь учитывать при этом, что описанная методика релевантна не всегда, не при всяких условиях. Следует также помнить о границах компетенции эксперта-лингвиста. В этой связи при исследовании некоторых письменных речевых произведений в определенных условиях эксперту-лингвисту не обойтись без помощи специалистов в области других наук: литературоведения (при условии анализа художественного произведения), технических дисциплин (при условии анализа технической документации, таблиц и

пр.), психологии (при анализе текстов, написанных в условиях пограничных эмоциональных состояний), культурологии и истории (при условии анализа узконаправленных учебных пособий).

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику : учеб. пособие. — М. : Эдиториал УРСС, 2001.
2. Большая советская энциклопедия. — М. : Советская энциклопедия, 1969—1978. URL: http://enc-dic.com/enc_sovet.
3. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб. : Норинт, 2000. URL: <http://enc-dic.com/kuzhceov>.
4. Бринев К. И. Лингвистическая экспертиза: типы экспертных задач и методические презумпции. URL: <http://siberia-expert.com/>.
5. Бринев К. И. Лингвистическая экспертиза : справочные материалы. — Барнаул ; Кемерово, 2009.
6. Галяшина Е. И., Смотров С. А., Шапкин С. Б., Молоков Э. П. Теория и практика судебной экспертизы. — СПб. : Питер, 2003.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации // Консультант Плюс : справочная правовая система. URL: <http://www.consultant.ru>.
8. Губаева Т., Ситдикова Р. Определяет ли автороведческая экспертиза автора? URL: <http://siberia-expert.com>.
9. Добросклонская Т. Г. Вопросы изучения медиа-текстов : дис. — М., 2000.
10. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка : в 3 т. — АСТ : Астрель : Харвест, 2006. URL: <http://enc-dic.com/efremova>.
11. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград : Перемена, 2002.
12. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. — М. : Наука, 1987.
13. Краткая литературная энциклопедия : в 9 т. — М. : Сов. энцикл., 1962—1978. URL: <http://feb-web.ru>.
14. Литературная энциклопедия : слов. литературных терминов : в 2 т. / под ред. Н. Бродского, А. Лаврецкого, Э. Лунина, В. Львова-Рогачевского, М. Розанова, В. Чешихина-Ветринского. — М. ; Л. : Изд-во Л. Д. Френкель, 1925. URL: <http://enc-dic.com/lit>.
15. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений / Рос. акад. наук, Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М. : Азбуковник, 1997. URL: <http://enc-dic.com/ozhegov>.
16. Плевако С. В., Куликова М. Г. Лингвистическая экспертиза : справочник для судей, следователей, адвокатов, доверенных представителей и патентных поверенных. — М. ; Барнаул : АНО «Судебный эксперт»; Изд-во Алтайск. акад. экономики и права, 2012.
17. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. — СПб. : Брокгауз-Ефрон, 1890—1907. URL: <http://enc-dic.com/brokgause>.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова.

РАЗДЕЛ 5. ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 811.111'271
ББК Ш143.21-5

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

Д. Лакофф
США

G. Lakoff
USA

Пер. с англ. С. И. Крассы, Е. А. Калиновской
ФРЕЙМИНГ ДЕМОКРАТОВ

Transl. by S. I. Krassa, E. A. Kalinovskaya
FRAMING THE DEMS

Аннотация. На примере выражения «облегчение налогового бремени» демонстрируется действие фреймов — ментальных структур, используемых в мышлении. Фрейм облегчения представляет собой вариант сценария спасения, в котором участвуют герой (дающий облегчение), жертва (страдающий), преступление (страдание), виновник (причина страдания) и спасение (облегчение). Данная концептуальная метафора изображает налоги как страдание. Также рассмотрены различия между взглядами консерваторов и прогрессистов в виде противопоставления двух моделей идеальной семьи — строгого отца и заботливого родителя.

Abstract. On the example of the phrase “tax relief the author demonstrates the functioning of frames — mental structures that we use in thinking. The relief frame is an instance of a more general rescue scenario in which there is a hero (the reliever), a victim (the afflicted), a crime (the affliction), a villain (the cause of affliction) and a rescue (the relief). This conceptual metaphor presents taxes as an affliction. The article also deals with the differences between the views of conservatives and progressives by contrasting two models of an ideal family — the strict father, and the nurturer.

Ключевые слова: фрейм; концептуальная метафора; когнитивная лингвистика; метафорическая модель; когнитивный сценарий.

Key words: frame; conceptual metaphor; cognitive linguistics; metaphorical model; cognitive scenario.

Сведения об авторе: Лакофф Джордж, профессор.
Место работы: Калифорнийский университет в Беркли.

About the author: Lakoff George, Professor.
Place of employment: University of California, Berkeley.

Сведения о переводчике: Красса Сергей Иванович, кандидат филологических наук, доцент, кафедра лингвистики и лингводидактики, Гуманитарный институт.
Место работы: Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь, Россия).

About the translator: Krassa Sergei Ivanovich, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Linguistics and Linguodidactics, Institute for the Humanities.

Контактная информация: 355009, г. Ставрополь, ул. Пушкина 1 (корпус 1), к. 306.
e-mail: skrassa@yandex.ru.

Place of employment: North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia).

Сведения о переводчике: Калиновская Елена Александровна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра лингвистики и лингводидактики, Гуманитарный институт.
Место работы: Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь, Россия).

About the translator: Kalinovskaya Elena Aleksandrovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Linguistics and Linguodidactics, Institute for the Humanities.

Контактная информация: 355009, г. Ставрополь, ул. Пушкина 1 (корпус 1), к. 306.
e-mail: sunshine_lin@mail.ru.

Place of employment: North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia).

С того дня, как Джордж Буш-младший пришел к власти, выражение «облегчение налогового бремени» стало появляться в официальных сообщениях Белого дома. Задумайтесь на минуту о слове *облегчение*. Для того чтобы получить облегчение, необходимо быть безвинно страдающим человеком, с которым мы солидарны и чье страдание вызвано внешней причиной. Облегчение — это избавление от боли или вреда благодаря тому, что приносит облегчение.

воплощение зла, и жертва после спасения испытывает чувство благодарности к герою.

Это пример того, что когнитивные лингвисты называют «фрейм». Фрейм — ментальная структура, которую мы используем в мышлении. Значения всех слов определяются относительно фреймов. Фрейм облегчения — пример более общего сценария спасения, в котором участвуют герой (дающий облегчение), жертва (страдающий), преступление (страдание), виновник (причина страдания) и спасение (облегчение). Герой по своей сути добр, виновник —

Выражение *облегчение налогового бремени* пробуждает в памяти всё это и даже больше. Оно предполагает концептуальную метафору: «Налоги — страдание, сторонники налогообложения — причины страдания (злодеи), налогоплательщик — страдающий (жертва), а сторонники снижения налогов — герои, которые заслуживают благодарности налогоплательщиков». Те же, кто против снижения налогов, — плохие ребята, которые хотят помешать облегчению страданий жертвы, то есть налогоплательщика.

Каждый раз, когда употребляется выражение *облегчение налогового бремени*, его слышат или читают миллионы людей, укрепляется мнение, что налогообложение — страдание, болезнь, а консерваторы — герои.

Выражение стало повсеместным, и я нашёл его даже в выступлениях и пресс-релизах

© Лакофф Д., 2014

© Красса С. И., Калиновская Е. А., 2014, пер. на русский язык

руководителей Демократической партии, бес- сознательно укрепляющих мнение о том, что экономика является проклятием для всего, во что верят прогрессисты. Республиканцы понимают фрейминг, демократы — нет.

Когда я объясняю фрейминг в курсе «Когнитивной науки 101», то начинаю с упражнения — даю студентам установку: «Не думайте о слоне». Конечно, это невозможно, и в этом всё дело. Для того чтобы не думать о слоне, ты должен думать о слоне. Слово *слон* вызывает в памяти образ и фрейм. Если вы отрицаете фрейм, вы всё равно активизируете его. Ричард Никсон не проходил «Когнитивную науку 101». Когда он говорил: «Я не мошенник», — он заставлял всех думать о нем как о мошеннике.

Если вас подвергли фреймингу, то единственный ответ — рефрейминг. Но вы не можете это сделать в коротком отрывке или фразе из речи политика, заявлении, передаваемых по радио или телевидению, если соответствующий прогрессивный язык не был создан заблаговременно. Консерваторы трудились десятилетиями и потратили миллиарды на исследовательские центры, чтобы создать фреймы и соответствующий язык и добиться, чтобы их язык и фреймы, которые он вызывает, стали общепринятыми. Им потребовалось некоторое время, чтобы для налогообложения установить метафоры бремени, угнетения и несправедливого наказания, каждая из которых требует «избавления». В течение десятилетий они также построили фрейм, согласно которому богатые создают рабочие места, и чем больше у них богатства, тем больше появляется рабочих мест.

Налоги представляются совсем по- другому, когда они фреймированы с прогрессивной точки зрения. Как превосходно сказал Оливер Венделл Холмс, налоги — цена цивилизации. Это то, за что вы платите, чтобы жить в Америке. Это ваш взнос за демократию, за возможность доступа к инфраструктуре, созданной предыдущими налогоплательщиками: к скоростным магистралям, Интернету, прогнозам погоды, парковкам, фондовому рынку, научным исследованиям, социальному обеспечению, электрификации сельских районов, спутникам связи и так далее. Если вы принадлежите Америке, вы платите членский взнос и получаете доступ ко всей этой инфраструктуре, а также к услугам, которые предоставляют государственные службы: контроль за наводнениями, управление воздушным движением, надзор за качеством пищевых продуктов и медикаментов, санитарно-эпидемиологический контроль и так далее.

Интересно, что богатые извлекают несо- размерную выгоду из американской инфра- структуры. Комиссия по ценным бумагам и биржам формирует легитимные фондовые рынки. Судебная система максимально используется для решения вопросов корпоративного права. Лекарства, разработанные при фи-

нансировании Национальных институтов здо- ровья, могут быть запатентованы частными лицами. Компании по производству лекарств нанимают учёных, подготовленных на гранты Национального научного фонда. Авиаинии берут на работу пилотов, обученных Военно- воздушными силами. Производители говядины пасут скот за небольшие деньги на государственной земле. Чем больше богатства вы нака- пливаете, используя предоставленные налого- плательщиками ресурсы, тем больше вы должны тем, кто сделал ваше богатство воз- можным. В этом и заключается логика прогрес- сивного налогообложения.

Ни один предприниматель в Америке не добивается успеха сам по себе. Американская инфраструктура делает предпринимательство возможным, и другие должны держать его в рамках. Если ты заработал кучу денег, ты ими и владеешь. Наименее болезненный путь вы- платить свой долг стране — посмертно, по- средством налога на наследство.

Те же, кто не платят сборы, налоги, по- шлины, отворачиваются от своей страны. Аме- риканские корпорации, которые регистрируют- ся за границей, чтобы уйти от налогов, дезер- тируют из страны, когда их предполагаемые 70 миллиардов долларов в виде пошлин и оплаты услуг просто необходимы для школ, прави- тельственных органов на федеральном и ме- стном уровнях.

Рефрейминг занимает время, но если не начинать, то ничего не получится. Отправной точкой является понимание того, как мыслят прогрессисты и консерваторы. В 1994 году я, исполненный чувства долга, читал «Контракт с Америкой» и обнаружил, что не в состоянии понять, как взгляды консерваторов оформи- лись в логически связанную систему политиче- ских положений. Что общего, спрашивал я се- бя, между движением против абортот и пло- ской шкалой налогообложения? Что общего между плоской шкалой и оппозицией природо- охранному законодательству? Что общего ме- жду защитой права на владение оружием и реформой законодательства о гражданских правонарушениях? Или между реформой зако- нодательства о гражданских правонарушениях и оппозицией программе позитивных дейст- вий? И что общее имеет всё перечисленное выше с семейными ценностями? Кроме того, почему консерваторы и прогрессисты говорят по одному, а не друг с другом?

Ответ заключается в том, что у консерва- торов и прогрессистов взгляды на мир отлича- ются. Просто две группы смотрят на мир по- разному. Как когнитивный учёный, в ходе сво- его исследования я обнаружил, что эти поли- тические взгляды на мир могут быть поняты как две противопоставленные модели идеаль- ной семьи — семьи строгого отца и семьи за- ботливого родителя. Эти модели семьи соот- ветствуют моральным системам, которые в

свою очередь обеспечивают глубокий фрейминг всех политических проблем.

Семья строгого отца

С этой точки зрения мир полон опасностей и трудностей, в нём существует зло, а дети должны стать добрыми. Чтобы противостоять злу, нужно быть морально сильным — дисциплинированным.

Работа отца — защищать и содержать семью. Его моральный долг — учить своих детей отличать хорошее от плохого. Человек, физически дисциплинированный в детстве, вырастет внутренне дисциплинированным, это необходимо, чтобы быть нравственным и достичь успеха. Долг ребёнка — подчиняться. Наказание требуется для того, чтобы соблюдать баланс в «книге морали»¹. Если вы делаете что-то неправильно, то должны быть последствия этого.

Строгий отец, как нравственный авторитет, отвечает за женщин семьи, особенно что касается сексуальных отношений и воспроизведения потомства.

Дети должны стать уверенными в своих силах с помощью дисциплины и преследования своих интересов. Стремление действовать в своих интересах нравственно: если каждый будет преследовать свой интерес, удовлетворение интересов всех будет максимальным.

Без соревнования люди не могут развивать дисциплину, следовательно, не смогут стать нравственными. Мировой успех — это показатель моральной силы; отсутствие успеха свидетельствует о недостатке дисциплины. Не нужно нянчиться с теми, кто не добился успеха, надо заставить их научиться самодисциплине.

Когда такой взгляд переносится на политику, государство становится строгим отцом, чья работа для страны заключается в поддержке (преумножении всеобщего богатства) и защите (преумножении военной и политической силы). Граждане — это дети двух видов: зрелые, дисциплинированные, уверенные в своих силах, в дела которых не следует вмешиваться, и хныкающие, недисциплинированные, зависимые, с которыми не надо нянчиться.

Это означает (наряду с другим) благоприятствование тем, кто контролирует корпоративное богатство и власть (они рассматриваются как лучшие люди) в отличие от тех, кто является жертвами (они рассматриваются как морально неустойчивые). Это означает отказ от государственного регулирования в пользу тех, кто дисциплинирован. Природа рассматривается как ресурс для эксплуатации. Односторонняя информация переводится в государственные секреты. Высшая моральная

ценность — сохранить и распространить сферу строгой нравственности как таковой, которая транслируется в принятие системы ценностей строгого отца во всех сферах жизни — общественной и частной, в стране и за рубежом.

Америка рассматривается как более нравственное по сравнению с другими государство, заслуживающее право на гегемонию; она никогда не должна уступать своего доминирования или своего военного и экономического превосходства. Роль правительства в таком случае — защищать страну и её интересы, способствовать максимально свободной экономической активности и поддерживать порядок и дисциплину.

С этой точки зрения политические действия консерваторов связаны друг с другом и понятны в качестве примеров морали строгого отца. Социальные программы дают людям то, чего они не заработали, поддерживая иждивенчество и недостаток дисциплины, следовательно, они безнравственны. Хорошие люди — те, которые стали уверенными в своих силах с помощью дисциплины и стремления действовать в своих интересах, — заслуживают своего богатства как награды. Награждать людей, которые поступают правильно, считается нравственным. Облагать их налогами — это наказание, страдание, следовательно, безнравственно. Девушки, которые забеременели из-за внебрачных интимных отношений, должны отвечать за последствия и родить ребёнка. Они становятся ответственными за ребёнка, а социальные программы, обеспечивающие до- и послеродовой уход, лишь делают их иждивенцами. С помощью оружия строгий отец защищает свою семью от опасностей внешнего мира. Природоохранное законодательство становится на пути у хороших людей, дисциплинированные люди преследуют свои личные интересы. Природа, будучи низшей в нравственной иерархии, существует для того, чтобы служить человеку в качестве ресурса. Закон о сохранении исчезающих видов становится на пути людей, мешая их интересам, следовательно, он безнравственен; люди, которые делают деньги, важнее, чем совы, выживающие как вид. И как строгий отец никогда не сдаст свои позиции, так и сильному нравственному государству, такому как Соединённые Штаты, никогда не следует уступать своего доминирования менее сильным странам. Это комплексный пакет тесно увязанных положений.

Научные центры консерваторов сделали своё дело, детально проработав и эффективно озвучив эти положения. Многие либералы до сих пор ничего не знают о своей нравственной системе. Однако у прогрессистов она есть.

Семья заботливого родителя

Предполагается, что мир *должен быть* местом заботы и взаимопомощи. Долг родителей — заботиться о своих детях и воспитывать их так, чтобы они выросли отзывчивыми людьми. Быть заботливым человеком — зна-

¹ «Книги морали (назидания, наставления)» (moral books) по аналогии с бухгалтерскими книгами учитывают хорошие и плохие поступки; чтобы достичь «баланса», за плохие поступки должны быть наказания (ср. описание поведения человека в «теории рационального выбора») (Прим. пер.)

чит быть чутким и ответственным (за себя и за других). Сопереживание и ответственность подразумевают многое: ответственность предполагает защиту, материальное обеспечение, образование, усердный труд и социальную общность; сопереживание предполагает свободу, справедливость и честность, обратную связь, удовлетворение от жизни (несчастные, неудовлетворённые жизнью люди вряд ли будут желать счастья другим) и, скорее, возмещение ущерба, а не наказание, чтобы достичь баланса в «книге морали». Социальная ответственность требует кооперации и развития структур сообщества, а не соревнования. Наряду с конкретными строгими правилами существует общая «этика заботы», которая гласит: «Помоги, не навреди». Быть хорошим человеком — значит сопереживать и быть ответственным во всех перечисленных выше смыслах. Сопереживание и ответственность — основные ценности, включающие в себя и другие — свободу, защиту, справедливость, сотрудничество, открытое общение, достаток, счастье, взаимоуважение и возмещение ущерба вместо наказания.

С этой точки зрения, работа правительства — заботиться, служить населению и защищать его (особенно тех, кто беспомощен), быть гарантом демократии (равного распределения политической власти), способствовать материальному благосостоянию всех и гарантировать справедливость для всех. Экономика должна стать средством достижения этих нравственных правил. В правительстве должна быть открытость. Природа рассматривается как источник питания, к которому нужно относиться с уважением и который следует сохранять. Сочувствие и ответственность должны поддерживаться во всех сферах жизни, в публичной и частной. Искусство и образование реализуют способности человека, следовательно, являются нравственными потребностями.

Политика прогрессистов вырастает из морали прогрессистов. К сожалению, выработка политики демократов осуществляется от проблемы к проблеме и программно ориентирована, поэтому не показывает общей картины в соотношении с моральными ценностями. Но интуитивно в организации политики прогрессистов присутствуют пять имплицитных категорий, которые определяют как прогрессивную культуру, так и прогрессивную форму управления и заключают в себе всю политику прогрессистов. Это следующие категории.

Безопасность. После 11-го сентября данная категория включает в себя обеспечение безопасности портов, промышленных объектов и городов. Также имеются в виду безопасность городских кварталов (муниципальная полиция), школ (контроль за оборотом оружия); безопасная вода, воздух и пища (безопасный уровень концентрации отравляющих веществ в окружающей среде); безопасность на работе; безопасная для использования продукция. Безо-

пасность подразумевает здоровье — здравоохранение для всех слоёв населения, до- и послеродовой уход за детьми, акцентирование внимания на качестве здоровья и на профилактических мерах, забота о пожилых людях (государственные программы «Страхование здоровья престарелых», «Социальная защита» и тому подобное).

Свобода. Гражданские свободы должны быть и защищены, и расширены. Это относится к правам гомосексуалистов, компенсационной дискриминации¹, правам женщин и так далее, но нравственная проблема — это свобода. Она включает в себя свободу материнства — свободу женщины решать, нужно или нет, когда и с кем. Это исключает государственный контроль беременности. Чтобы была свобода, средства массовой информации должны быть открыты для всех. Радио- и телевизионные каналы должны оставаться государственными, а медиамонполии (медиахолдинг Р. Мердока, Clear Channel) должны быть закрыты.

Нравственная экономика. Процветание — для всех. Правительство делает инвестиции, и это должно отражаться на общественном благе. Реформа корпораций необходима для формирования более нравственной бизнес-среды. Это означает честную бухгалтерию (например, без бесплатного выброса отходов), без отравления людей и окружающей среды, без эксплуатации рабочей силы (прожиточный минимум, безопасные рабочие места, отсутствие запугивания). Корпорации создаются с разрешения государства и обязаны отчитываться перед ним. Вместо стремления увеличивать прибыль лишь акционеров, целью корпораций должно быть благосостояние заинтересованных сторон, при этом акционеры, наёмные работники, местные жители и их сообщества — все представлены в органах управления корпораций.

Наименее оплачиваемая четверть рабочей силы выполняет необходимую стране работу (уход за детьми, уборка домов, производство сельскохозяйственной продукции, общественное питание, временная работа и так далее). Эти работники заслужили право на прожиточный минимум и медицинскую помощь. Но экономика устроена таким образом, что тот, кто платит им заработную плату, не всегда может предоставить им справедливую компенсацию за труд. Экономика в целом должна давать соответствующую компенсацию тем, кто её поддерживает. Билл Клинтон выразил эту мысль, когда заявил, что тот, кто трудится и не нарушает правил, не должен быть бедным. Это заявление соответствует не только трудовой этике, но и требованиям общества и идеям опеки и заботы.

¹ Приём на работу с намеренным предоставлением преимуществ традиционно дискриминируемым группам; первоначально политическая программа, направленная на ликвидацию расовой дискриминации (Прим. пер.)

Мировое сотрудничество. Соединённые Штаты должны действовать как добропорядочный гражданин мира, максимально сотрудничая с другими государствами, а не просто целенаправленно преумножать своё благосостояние и военную мощь. Это означает признание одних и тех же нравственных ценностей не только на внутреннем, но и на международном уровне. Моральная внешняя политика означает включение пунктов, не принимаемых во внимание ранее: права женщин и образование, права детей, проблемы труда, бедности, голода, окружающей среды и здоровья во всём мире. Многие из этих проблем поднимаются сейчас на глобальном уровне — международными организациями, работа которых направлена на сохранение мира и государственное строительство. Как показывают неудачи в Ираке, такой взгляд на мир не наивен — это более эффективное проявление реализма.

Будущее. Прогрессивные ценности сконцентрированы на будущем наших детей — их образовании, здоровье, процветании, окружающей среде, которую они унаследуют, и глобальной ситуации, в которой они окажутся. Это нравственная перспектива. Проблемы охватывает всё — от образования (заработная плата учителей, размер классов, разнообразие форм обучения) до дефицита федерального бюджета (ляжет ли на них бремя наших долгов?), глобального потепления и исчезновения видов (останутся ли на Земле слоны и бананы?) и здоровья (не будут ли организмы детей отравлены в результате нашей политики и будет ли у них здравоохранение?). Защита этого будущего — наша основная ценность.

Вот основные направления прогрессивной политики, которые исходят из прогрессивных ценностей. Это важный момент. Взгляд прогрессистов должен противопоставляться обычной программе и категориям заинтересованных групп. Что нам нужно, так это стратегические инициативы, которые в одночасье многое меняют. Например, новая программа «Аполлон» — инвестирование сотен миллиардов более десяти лет в развитие энергии из нетрадиционных источников (солнечная энергия, энергия ветра, биомассы, водорода) это также программа по трудоустройству, проблемы внешней политики (независимость от ближневосточной нефти), проблема здоровья (чистый воздух и вода, меньше отравляющих веществ в организмах) и экологические проблемы (очистка загрязнения, глобальное потепление). Корпоративная реформа — другой такой стратегический шаг.

Продвижение прогрессивного фрейма

Чтобы артикулировать эти проблемы и стратегические инициативы, используя правительство в качестве инструмента для достижения общей цели, мы должны отложить в сторону незначительные частные интересы, работать вместе и акцентировать внимание на том,

что нас объединяет. Победа над радикальным консерватизмом придает нам негативный импульс, но мы не достигнем цели без позитивного видения и сотрудничества.

Неудачное направление современной прогрессивной политики — фокусирование на коалициях, а не на движениях. Коалиции основываются на собственной выгоде. Они зачастую необходимы, но только на короткий срок, легко распадаются и с трудом сохраняются. Например, коалиции трудовых и экологических движений не приносят успеха. И коалиции на выборах с разными базовыми ценностями в различных избирательных блоках оставляют демократов без общего нравственного ориентира. Движения, с одной стороны, базируются на общих ценностях; ценностях, которые определяют, кто мы есть. У движений лучшие шансы, поскольку они имеют под собой широкую базу и более устойчивы. Одним словом, прогрессистам следует мыслить в терминах движения на широкой основе с прогрессивными ценностями, а не в терминах коалиций.

Также пришло время прекратить мыслить в терминах рыночного сегмента. Очень много избирателей голосуют за демократов, потому что они демократы, потому что у них прогрессивные ценности того или иного рода, а не потому что они члены какого-то объединения или мамы футболистов. Избиратели голосуют за их идентичности и ценности значительно в большей степени, чем за их личные интересы.

Люди сложны, они не на 100% консерваторы или прогрессисты. У каждого в нашем обществе есть модель и строгого родителя, и заботливого отца в пассивном или активном состоянии. Активном, если они живут в соответствии с этими ценностями; пассивном, если они не могут понять сюжет, фильм или телепрограмму, основанные на этих ценностях. Большинство избирателей поддерживают политику, основанную практически на одной активной нравственной картине мира.

Конечно, есть определённое количество либералов и консерваторов, которые не собираются колебаться. На какое-то количество избирателей воздействуют дебаты, но на основе неформальных бесед и по моим собственным подсчётам, я полагаю, что где-то от 35 до 39 процентов избирателей отдадут предпочтение прогрессивным демократическим взглядам, в то время как другая часть — от 35 до 38 процентов — преимущественно консервативным республиканским ценностям.

Колеблющиеся избиратели — приблизительно от 25 до 30 процентов — разделяют обе картины мира и активно их используют в различных сторонах своей жизни. Они могут исповедовать строгую модель на работе и заботливую — дома. Многие рабочие строгие моралисты дома и «заботливые» в их профессиональных союзах. У меня есть университетские коллеги, которые исповедуют «строгую»

модель в аудитории и «заботливую» — в их политических предпочтениях.

Активация прогрессивной модели среди колеблющихся избирателей производится посредством языка — с помощью использования последовательного, конвенционального языка прогрессивных ценностей. Демократы подвержены большому заблуждению: избиратели выстраиваются слева направо в соответствии с их взглядами на проблемы, идёт осмысление, и демократы могут получить больше голосов за счёт сдвига вправо. Но республиканцы не могут получить больше голосов за счёт сдвига влево. Что они могут, так это сделать свою идеологию более строгой и активировать модель среди колеблющихся избирателей, опирающихся на две модели. Мораль такова: из-

биратели не выстраиваются в линию слева направо, нет и политического центра.

А это совет когнитивного учёного прогрессивным демократам: озвучивайте свои идеалы, фреймируйте то, во что действительно верите, говорите то, во что вы верите, и делайте это хорошо, с силой, с чувством.

Рефрейминг означает говорить правду такой, какой мы её видим, говорить сильно, открыто, чётко, с нравственным убеждением и без сомнения. Язык должен соответствовать концептуальному рефреймингу, рефреймингу в перспективе прогрессивных ценностей. Дело не только в словах, хотя правильные слова нужны для того, чтобы вызвать из памяти прогрессивные фреймы.

И перестаньте говорить «облегчение налогового бремени».

РАЗДЕЛ 6. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

УДК 81'42(049.32)
ББК Ш100.3

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19; 10.02.20

О. С. Камышева
Шадринск, Россия
Ю. В. Кузина
Екатеринбург, Россия

O. S. Kamysheva
Shadrinsk, Russia
Y. V. Kuzina
Ekaterinburg, Russia

МЕТАФОРА В КАРТИНЕ МИРА ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

METAPHOR IN IDEOLOGICAL DISCOURSE

Аннотация. Рецензия на книгу: Андерхилл Дж. У. Создание картины мира: метафора, идеология и язык. — Edinburgh : Edinburgh University Press Ltd, 2011. — 301 p. Книга делится на две части: в первой представлены обзор и критика теории метафоры, во второй — исследования, выполненные в русле теории метафоры и анализа дискурса. Ценность труда У. Андерхилла состоит в том, что он знакомит читателей с малоизвестными, но важными работами немецких, французских и чешских лингвистов, исследует метафоры на материале разговорной речи, указывает на тесную связь картины мира и метафоры, рассматривает метафору в идеологическом дискурсе, используя отрывки из речей представителей компартии Чехословакии и политиков нацистской Германии.

Abstract. This is a review of the book «Creating worldviews: Metaphor, Ideology and Language» by Underhill J. W., published in Edinburgh, Edinburgh University Press Ltd, 2011. — 301 pp. The book is divided into two parts: part 1 presents a review and criticism of the theory of metaphor, part two is devoted to researches done in the framework of the theory of metaphor and discourse analysis. The value of the book is defined by the fact that J.W. Underhill acquaints the readers with little known but theoretically important works of German, French and Czech linguists, studies metaphors in colloquial speech, specifies close relationship of the worldview and metaphor, and examines metaphor in ideological discourse using passages from the speeches of members of the communist party of Czechoslovakia and politicians of the Nazi Germany.

Ключевые слова: картина мира; теория метафоры; концептуальная метафора; идеология; политический дискурс.

Key words: worldview; theory of metaphor; conceptual metaphor; ideology; political discourse.

Сведения об авторе: Камышева Ольга Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и методики его преподавания.

About the author: Kamysheva Olga Sergeevna, Candidate of Philology, Assistant Professor of Department of English and Methods of its Teaching.

Место работы: Шадринский государственный педагогический институт.

Place of employment: Shadrinsk State Pedagogical Institute.

Контактная информация: 641870, Курганская обл., г. Шадринск, ул. К. Либкнехта, д. 3.
e-mail: olga.kamysheva.79@mail.ru.

Сведения об авторе: Кузина Юлия Викторовна, ассистент кафедры английского языка, методики и переводоведения.

About the author: Kuzina Yulia Victorovna, Assistant Lecturer of Department of English, Language Teaching Methods and Translation Theory.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, к. 459.
e-mail: kuzina85@mail.ru.

В рассматриваемой монографии автор использует критический подход к исследованию теории метафоры, столь характерный последние три десятилетия для американской науки. Дж. У. Андерхилл расширяет сферу теории метафоры, исследуя такое явление, как «картина мира», не только в языке, но и в сознании и в особенности идеологии людей. Особое внимание автор уделяет тому факту, что политические системы и правящие идеологии стремятся формировать и контролировать содержание, которое человек вкладывает в слова, что помогает сформировать картину мира, «правильную» с точки зрения той или иной политической системы или идеологии. В монографии исследуются новые грани теории метафоры с использованием работ французских, немецких и чешских ученых. Кроме того, предпринимаются попытки объединить теорию метафоры и анализ дискурса.

Книга делится на две части. Первая представляет собой теоретический обзор и критику теории метафоры. Вторая часть включает исследования, выполненные в русле теории метафоры и анализа дискурса. Монография содержит глоссарий (основные термины с примерами и комментариями), список литературы и краткий указатель.

Первая часть содержит шесть глав. Первая глава «Метафора и картина мира» посвящена исследованию ключевого понятия «картина мира». Автор указывает, что в свете существующих теорий картина мира имеет несколько «измерений» в зависимости от соотношения языка и мышления: картина мира, заложенная в системе языка, картина мира, свойственная отдельной культуре, и картина мира отдельной личности, которая находит высшую форму выражения в творчестве великих писателей, культивирующих свой собственный язык.

Материалы подготовлены в рамках гранта РГНФ № 14-04-00268 «Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления».

© Камышева О. С., Кузина Ю. В., 2014

С точки зрения автора, чьи убеждения возникли под влиянием В. фон Гумбольдта, «картина мира» имеет несколько разновидностей: мировосприятие, миропонимание, культурное мышление, мировоззрение личности и перспективу картины мира.

Дж. У. Андерхилл подтверждает теорию В. фон Гумбольдта связи мышления и языка, приводя в качестве примера использование универсального концепта «свобода» в разных языках. Так, в администрации Дж. Буша или Б. Обамы понятие свободы ассоциируется с личным пространством на рынке и правом — свободой слова. Для коммунистической Югославии 1960—1970-х гг. данный концепт был связан со свободой от бедности и равными правами в получении образования и работы.

В XIX в. французы верили, что судьба народа переплетена с судьбой государства, поэтому концепты «народ» и «государство» были неразрывно связаны. Такая же связь наблюдается в чехословацком коммунизме послевоенных десятилетий. Напротив, американцы и британцы склонны придавать личности приоритетное значение перед народом, и потому концепт «народ» не приобрел статуса основного концепта в англоговорящих странах. В последние годы дискурс Евросоюза следует англо-американскому образцу, прославляя личностные достижения. В результате европейские народы всё чаще склоняются к самоотождествлению с такими транскультурными концептами, как «личность», «гражданин», «потребитель» — основополагающими концептами глобализации, порожденными англоязычным миром.

Как отмечает автор, не только сами концепты, но и связи, существующие между ними, могут быть глубоко политизированными. Например, термины «высшие классы» и «низшие классы» кажутся вполне невинными носителями английского языка. В то же время для коммунистов эти термины являются пережитком эпохи, характеризовавшейся оценочными суждениями при описании классовой системы. По этой причине чешские коммунисты отказались от эквивалентных по значению терминов своего языка.

Вторая глава «Интерес к метафоре» и третья глава «Метафоры, которыми мы живем» фокусируют внимание читателя на известной книге Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Описывая точку зрения этих ученых, Дж. У. Андерхилл указывает на тот факт, что аналогичные выводы были сделаны гораздо раньше немецким философом Эрнстом Кассирером (1953, 1968) и французским исследователем риторики Жоржем Маторе (1962).

Неокантианец Э. Кассирер, во многом опиравшийся на лингвистическую концепцию В. фон Гумбольдта, утверждал, что концепт «тело человека» и фреймы, связанные с его деятельностью, постоянно используются в мире, чтобы структурировать абстрактные понятия и отношения между ними.

Во Франции концептуальные основы мышления были исследованы и каталогизированы Ж. Маторе, который тщательно анализировал риторику философов, писателей и журналистов с целью сделать широкое обобщение того, что исследователь называл «ментальной геометрией» мышления, «ментальным пространством» языка. Анализируя, как французы используют такие первичные понятия, как координаты, линия, поверхность и объем для обозначения своих мыслей, Ж. Маторе продемонстрировал действие тех активных сил, с помощью которых французы конструируют пространство вокруг себя. Ж. Маторе утверждал, что пространство — не физическая данность, оно постоянно подвержено процессу концептуализации человеком.

Несмотря на то что идеи Ж. Маторе не оказали широкого влияния на исследования метафоры в англоязычных странах, а взгляды Э. Кассирера касались в первую очередь философии и общественных наук, оба исследователя могут считаться предшественниками Дж. Лакоффа и М. Джонсона в разработке теории концептуальной метафоры.

Автор монографии отмечает важные положения книги Дж. Лакоффа и М. Джонсона: создание средствами языка реальности, первичность воображения и вторичность мысли, метафоричность языка. Недостатком их точки зрения, по мнению Дж. У. Андерхилла, является неясная роль метафор в образном языке.

Автор суммирует основные тезисы работы Дж. Лакоффа и М. Джонсона:

- Метафоры «живут», поскольку активно влияют на способы формулирования и выражения наших мыслей.

Например, многие люди строят свою жизнь согласно выражению «Время — деньги». Другие, в свою очередь, находят яркое эмоциональное наполнение в выражении «наши отношения сломаны». Понятно, что такая логика концептуальной метафоры («отношения» — это «механизм») побуждает участников этих отношений поступить с ними, как, например, со сломанной стиральной машиной — выбросить на свалку.

- Метафоры образуют систему.

Дж. Лакофф и М. Джонсон исследовали большое число случаев, в которых образные выражения имеют общий источник — концептуальную метафору, вокруг которой они упорядочены. Например, если время — деньги, то кто-нибудь может «растрачивать» ваше время. Так же, как и вы можете отказаться «вкладывать» свое время в бессмысленное предприятие. То есть «Время — деньги» не односторонняя метафора, «деньги» тоже могут быть метафоризированы. Так, духовный опыт обогащает, пусть и не материально, а потому время, затраченное на его приобретение, не является «потерянным».

- Метафоры подчеркивают одни аспекты и скрывают другие.

Часто приводимая в пример концептуальная метафора «Спор — это война» подчеркивает элемент соперничества, присущий многим дебатам, но скрывает тот факт, что многие дебаты ведутся в стремлении найти компромисс.

- Метафоры часто противоречат друг другу.

Несмотря на то что многие метафоры происходят из общего источника, они могут быть взаимоисключающими. Время часто представляют движущимся сквозь пространство, как в выражении «Время летит». Но это не мешает нам употреблять противоречащую метафору, согласно которой мы сами движемся сквозь статичное время, как в выражении «Мы приближаемся к концу года» [Лакофф, Джонсон 1980: 44].

- Метафоры основаны на опыте.

Концептуальные метафоры часто основываются на нашем телесном опыте. Когда мы говорим, что кто-то «проглотил» идею, мы рассматриваем идеи как объекты, которые могут быть помещены в разум, как если бы это был контейнер или желудок. Это позволяет установить концептуальную метафору «Идеи — это пища» [Лакофф, Джонсон 1980: 174—178].

- Метафоры выявляют сходство.

В то время как Аристотель верил, что искусству обращаться с метафорами нельзя обучить, поскольку оно требует видения глубинного сходства вещей, Дж. Лакофф и М. Джонсон, наоборот, утверждали, что во многих случаях между сферой-источником и сферой-мишенью метафоры не было ни малейшего сходства. Именно благодаря метафоре появляется сходство или иллюзия сходства между объектами. Исследователи утверждали, что нет никакой конкретной причины говорить «Фондовый рынок сегодня идет вверх». Тем не менее метафоры часто оказываются откровениями: при помощи интуиции мы узнаём о сходстве различных объектов. Дж. Лакофф и М. Джонсон считали, что метафора, незамедлительно обретающая смысл, основана на логике, заключенной в языке. Выражение «Фондовый рынок идет сегодня вверх» имеет смысл, так как активизирует глубинную концептуальную метафору «Больше есть вверх».

- Метафора является основным тропом.

Традиционное определение метафоры как красочного и экспрессивного использования языка, берущее свое начало в литературном языке, было расширено и охватило другие формы сравнения: непосредственно сравнение (например: «Прекрасна, как роза»), метонимию (например: «Ты можешь протянуть мне руку?») и олицетворение (например: «Свобода побеждает тиранию»).

В четвертой главе «Другие направления теории метафоры» указывается междисциплинарный характер теории метафоры. Рассматриваются философский и лингвистический подходы к ее изучению, а также поэтическая и риторическая традиции. Автор отмечает, что

философы, лингвисты, литературные критики, ученые в области риторики изучают метафору в более узком значении, чем когнитивисты. Описывается история исследования метафоры от Аристотеля и Платона до Л. Витгейнштейна и Ж. Деррида. Дж. У. Андерхилл подчеркивает важные выводы, сделанные учеными.

Так, П. Рикер (1975) настаивал на рассмотрении метафоры в рамках дискурса. По словам данного ученого, слова по своей природе наделены различными смыслами и обретают конкретные значения только в контексте определенного высказывания. С этой точки зрения предложение — это не сумма значений входящих в него слов. Предложение — это то, что придает словам значение путем установления связей между ними. В таком случае метафора не обязательно влечет за собой изменение начального значения. В качестве иллюстрации автор приводит пример использования животного для описания конкретной черты человеческого характера. В фильмах, подобных «Вестсайдской истории», устанавливается концепт *мужчина как кот* посредством многократных упоминаний о хладнокровии. Слово «хладнокровие» (англ. *coolness*) метафорично само по себе: в его значении недостаток тепла (прохлада) приравнивается к недостатку эмоций, бесстрастности. Как только метафорическая связь между бесстрастностью и котами была установлена в нашем воображении, феноменологическая реальность была забыта: реальные коты больше не в счет. Таким образом, концепт «хладнокровный кот» (англ. *cool cat*) не имеет ничего общего с настоящими котами.

Лингвист К. Брук-Роуз (1958) приводил примеры, демонстрирующие, что метафоры используются не только в качестве имени существительного, но и в качестве прилагательного или глагола. Например, метафора «гостящая луна» подразумевает, что луна появляется в нашем мире, словно гость.

Особенно интересными примерами, рассмотренными К. Брук-Роуз, автор считает метафоры, которые представляют живых существ, людей, как неодушевленные предметы, иллюстрируя таким образом овеществление — процесс, противоположный олицетворению. Одним из таких примеров является овеществление человека в трагедии У. Шекспира «Антоний и Клеопатра». В описании отношений Цезаря и Клеопатры употребляется традиционная концептуальная метафора «оплодотворение — это посев семян». В данном случае Клеопатра представлена как неодушевленный предмет — почва.

М. Тернер и Дж. Лакофф (1989), стремясь установить связь между традиционной и когнитивной теорией метафоры, утверждали, что метафора в литературе более полна и выступает в более сложных формах. Обладая огромной «разоблачительной» силой, литера-

турные метафоры «заставляют нас посмотреть на мир по-новому».

Французские ученые, рассматривавшие метафору в русле риторики, стремились к созданию наиболее точной и полной классификации метафор. Так, Х. Морьер (1989) выделил типы метафор, указывая на их широкое распространение в языке. В отличие от когнитивного подхода, который автор называет «демократичным», так как такой подход объединяет при рассмотрении метафоры все проявления образности языка, подход Х. Морьера автор рассматриваемой монографии называет иерархическим. В рамках предложенной классификации Х. Морьер выстраивает иерархию метафор, на вершине которой находится поэтическая метафора, а в самом низу — расхожие выражения. С точки зрения французского исследователя, поэтическая метафора — это проявление творческого гения, способное пробуждать чувства и эмоции, а расхожее выражение не предназначено для того, чтобы поражать воображение. Примером этого является французское выражение «болтлив, как сорока». Х. Морьер также предложил различать эксплицитные и эллиптические метафоры. В качестве примера эксплицитной, или «полной» метафоры (которая называет оба сопоставляемых понятия и объединяющий их признак) Х. Морьер приводит выражение «Любовь — это птица, которая поет». В эллиптических метафорах опускается одно из сопоставляемых понятий или признак, по которому они сопоставляются. Солнце может быть сопоставлено с рекой, так как солнце испускает лучи, а река «проливает» свои воды. Это сопоставление сжато изложено в метафоре «Солнце проливает лучи», где река не упоминается.

В пятой главе «Важность когнитивных исследований для теории метафоры» Дж. У. Андерхилл рассматривает достоинства и недостатки новых направлений в развитии теории метафоры. Он отмечает, что метод У. Юбэнкса направлен на изучение разговорной речи и позволяет доказать, что метафоры могут выражать не только мысли человека, но и мысли, отраженные в дискурсе, что предоставляет возможность по-новому очертить контуры метафоры. При этом У. Юбэнкс подчеркивает, что мы осознанно «призываем» и «запрягаем» метафоры в «последовательной стратегии». Автор монографии также затрагивает точку зрения А. Гоатли, согласно которой концептуальные метафоры встраиваются в «историю мыслей». Дж. У. Андерхиллу очень импонирует работа М. Тернера и Ж. Фоконье (2003), построенная на теории «блендинга», но автор критикует их и других лингвистов за поиск универсального подхода в исследовании метафоры, который часто приводит к игнорированию частных случаев. Автор монографии считает, что поиск универсальных концептуальных метафор для всех языков может привести к тому,

что когнитивисты невольно могут ограничить другие языки рамками английского.

Шестая глава «Разнообразие на периферии» посвящена сравнению метафор в разных языках. Дж. У. Андерхилл описывает работу Р. Дирвена (1985) о лексическом расширении метафоры. Одна из основополагающих идей данной работы — явление синестезии, которое предполагает активизацию одного чувственного восприятия посредством другого, как например, в метафоре «теплые цвета». Кроме того, Р. Дирвен показывает, как метафоры способствуют развитию лексики посредством морфологии, приводя примеры уменьшительных суффиксов, которые могут менять лексическое значение слова.

Вторая часть монографии посвящена исследованию метафор в различных видах дискурса. Дж. У. Андерхилл использует примеры из высказываний чехословацких коммунистов и немецких нацистов, а также из английского и французского языков.

В седьмой главе «Язык коммунистической партии Чехословакии» описывается исследование Петра Фиделиуса, проводимое на материале партийной газеты «Руде право». Ученый приходит к выводу, что язык коммунистической партии проявляет определенные закономерности. В частности, выделяется четыре основных концепта: *история*, *народ*, *партия* и *государство*. Чехословацкие коммунисты рассматривают историю как траекторию и машину, «поезд, движущийся по рельсам», прибегая к прогрессивным метафорам. Народ, призванный управлять «машиной истории», «движется» по этой траектории. Враги, например буржуазия, «тормозят движение», их действия можно сопоставить со втыканием гаечного ключа между валами механизма с целью остановить его работу. Тот, кто препятствует движению прогресса, неизбежно закончит свой путь на «мусорной свалке истории».

Партия — это «ядро» народа, которое не только указывает смысл жизни, но и несет ответственность за «активизацию» людей. Дж. У. Андерхилл называет такую метафору «персонализированным овеществлением». С одной стороны, подобное овеществление человека противоречит гуманистическому по своей сути учению К. Маркса. С другой стороны, овеществление неполно. Человек в коммунистической риторике остается элементом «живой энергии». В то же время эта энергия рассматривалась как «топливо», необходимое для движения к социализму. Партия же должна экономно и эффективно распределять и расходовать эту энергию. Здесь автор отмечает, что применение метафор экономного ведения домашнего хозяйства для описания экономики государства свойственно как социализму, так и капитализму.

Дж. У. Андерхилл подчеркивает, что определение народа в рассматриваемом дискурсе представляется несколько противоречивым. С

одной стороны, «народ» — ключевой концепт социализма, краеугольный камень социалистической риторики. Такой подход подразумевает обобщающий, эссенциалистский характер этого концепта. Тем не менее партии всегда было известно о тех людях, которые не шли в ногу с «народом», будучи его частью. Указывалось, что идущие против народа в конечном счете идут против самих себя как его части. Было также введено разграничение между «честными» и «бесчестными» людьми. Все «честные» люди едины с партией на своем пути к развитию социалистического общества, они выступают катализаторами исторического процесса. В этом случае понимание истории тоже противоречиво: история — это и путь, и конечная цель этого пути. Если предназначение народа в «развертывании» истории, то этот процесс должен быть бесконечным, в противном случае народ, достигнув социализма, теряет свою значимость.

Государство представлено как орган, который тесно связан с партией. Встречается также пространственная метафора, представляющая партию как движение, которое могло бы привести к упадку, если бы партия изменила траекторию движения. Дж. У. Андерхилл составляет список политических терминов на английском языке для того, чтобы их можно было сравнить с аналогичными терминами в чешском языке. Ученый приходит к выводу, что в двух языках они используются в совершенно разных значениях из-за различий в концептуальных картинах мира. В каждом языке четыре концепта тесно связаны между собой, и такая связь обусловлена культурным мышлением.

Восьмая глава «Немецкий язык Гитлера: Клемперер и язык Третьего рейха» содержит анализ отрывков из речи нацистов. Дж. У. Андерхилл утверждает, что нацистская риторика, целью которой является вызвать эмоции и «извратить» информацию, не имеет ничего общего с языком чешских коммунистов, который призван «объяснить» и «просветить». Автор ссылается на немецкого философа В. Клемперера (2006), который тайно записывал свои наблюдения над языком Гитлера. Нацисты рассматривали концепт «народ» как персонифицированную расу. Дж. У. Андерхилл оспаривает факт, что продвижение понятия «чистота нации» демонизировала евреев как «грязную нацию», которую нужно уничтожить. Стратегия нацистской риторики — отсутствие объяснений. С их точки зрения, евреи виновны во

всем, что бросает вызов нацизму, даже в социализме. Таким образом, автор подчеркивает, что идеология подчиняет себе язык, а язык, в свою очередь, подчиняет себе идеологию.

В девятой главе «Язык в метафорах» Дж. У. Андерхилл говорит об эстетике французского языка, ссылаясь на работу Г. Месчоник (1997). Автор критикует члена Французской академии Хаджеджа (2000) и британского лингвиста Д. Кристала (2000) за чрезмерное любование французским и английским языками, за использование понятия «экология» в языке и их доводы, объясняющие языковое разнообразие. С точки зрения Д. Кристала, народ нужно направлять для того, чтобы он сохранил язык, независимо от его желания. Автор данной монографии приводит мнение В. фон Гумбольдта, согласно которому интерес к разнообразию языка кроется в «чувстве языка», которое возникает только в речи отдельных людей и связи языка с воображением. Дж. У. Андерхилл полагает, что «чувство языка» стимулирует раскрытие языкового потенциала, позволяя воспринимать мир и формировать картину мира. По мнению автора, только отдельные люди могут сохранить разнообразие языка, поскольку только они знают, как мир оживает посредством речи.

Монография Дж. У. Андерхилла открывает новые страницы в исследовании метафоры, поскольку, во-первых, автор делает подробный экскурс в историю развития теории метафоры, отмечая ее достоинства, во-вторых, критикует западноевропейских ученых и знакомит читателей с малоизвестными, но в то же время важными работами французских, немецких и чешских лингвистов. В-третьих, он исследует метафоры на материале разговорной речи. В-четвертых, автор указывает на тесную связь картины мира и метафоры, которую должны учитывать филологи и переводчики. В-пятых, Дж. У. Андерхилл рассматривает метафору с точки зрения идеологического дискурса, используя отрывки из речи представителей Коммунистической партии Чехословакии и политиков нацистской Германии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Lakoff G., Johnson M.* = Лакофф Дж., Джонсон М. *Metaphors We Live By.* — Chicago : Chicago Univ. Pr., 1980.
2. *Underhill J. W.* *Creating Worldviews: Metaphor, Ideology and Language.* — Edinburgh : Edinburgh Univ. Pr. Ltd., 2011.

Е. Г. Мальшева
Омск, Россия

E. G. Malysheva
Omsk, Russia

**ТРАДИЦИОННЫЕ И НОВЫЕ МЕДИА
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

**TRADITIONAL AND NEW MEDIA IN
CONTEMPORARY RUSSIA**

Аннотация. Обзор Международной научно-практической конференции «Традиционные и новые медиа в современной России» и Международной научно-практической школы «Современные технологии медиакоммуникаций в СМИ, рекламе и связях с общественностью», прошедших на базе факультета филологии и медиакоммуникаций Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского (26 сентября — 4 октября 2014 года).

Abstract. The article presents a review of the International scientific-practical conference «Traditional and New Media in Contemporary Russia» and of the International scientific-practical school «Modern Technologies of Media Communications in Mass Media, Advertising and Public Relations» held at the Faculty of Philology and Media Communication of the Omsk State University named after Dostoyevsky (September, 26 — October, 4, 2014).

Ключевые слова: новые медиа; традиционные СМИ; медиадискурс; медиакоммуникация; журналистика; связи с общественностью.

Key words: new media; traditional media; media discourse; media communication; journalism; public relations.

Сведения об авторе: Мальшева Елена Григорьевна, доктор филологических наук, доцент; профессор кафедры журналистики и медиалингвистики, заведующий кафедрой, факультет филологии и медиакоммуникаций.

About the author: Malysheva Elena Grigorievna, Doctor of Philology, Associate Professor; Head of Department of Journalism and Medialinguistics, Faculty of Philology and Mediacommunication.

Место работы: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского.

Place of employment: Omsk State University.

Контактная информация: 644077, Россия, г. Омск, пр. Мира, 55а, 2-й корп. ОмГУ, к. 221.
e-mail: malysheva_eg@mail.ru.

Сведения об авторе: Ларионова Алла Юрьевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка.

About the author: Larionova Alla Yurievna, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Department of Russian.

Место работы: Уральский федеральный университет имени Первого президента России Б. Н. Ельцина.

Place of employment: Ural Federal University n. a. the First President of Russia B. N. Yeltsin.

Контактная информация: 620002, Россия, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19.
e-mail: alarionov@bk.ru

В последние годы на факультете филологии и медиакоммуникаций Омского государственного университета (ОмГУ) им. Ф. М. Достоевского активно ведутся научные исследования, связанные с изучением языка современных медиа, новейших дискурсивных практик СМИ, рекламного дискурса, технологий медиакоммуникации. Поэтому далеко не случайно, что именно на базе этого факультета с 26 сентября по 4 октября 2014 г. были проведены I Международная научно-практическая конференция и I Международная научно-практическая школа, целью которых стало обсуждение широкого спектра вопросов теории и практики современных медиа. Подчеркнем, что конференция и школа стали совместным научным проектом двух подразделений факультета филологии и медиакоммуникаций ОмГУ им. Ф. М. Достоевского — кафедры журналистики и медиалингвистики и кафедры теоретической и прикладной лингвистики.

В конференции и школе приняли участие более 50 человек, причем «научная география» оказалась чрезвычайно широкой: в Омск приехали ученые, преподаватели, медиаспециалисты из Владивостока и Читы, Владикавказа и Ека-

теринбурга, Кемерово и Челябинска, Томска и Новосибирска, Екатеринбурга, Санкт-Петербурга и Москвы. Научно-практическая конференция и школа собрали не только ведущих ученых, аспирантов, соискателей, журналистов, профессионалов, занимающихся изысканиями в области рекламы и связей с общественностью, и других российских специалистов в области медиакоммуникаций, но и студентов различных факультетов Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского.

Торжественное открытие конференции и школы и первое пленарное заседание состоялось 26 октября в конференц-зале Омской государственной областной научной библиотеки им. А. С. Пушкина.

В приветственном слове председатель оргкомитета конференции декан факультета филологии и медиакоммуникаций доктор филологических наук, профессор **Оксана Сергеевна Иссерс** так определила главную цель открываемой конференции: провести всесторонний анализ современного российского «медийного рациона» и сформулировать рекомендации для профессионалов по составлению

полноценного, разнообразного и — главное — полезного «медиаменю».

Тематика докладов первого пленарного заседания показала желание ученых сквозь призму языка СМИ осмыслить общественно-политические и информационные процессы, происходящие в современной России и за ее пределами.

Так, Оксана Сергеевна Иссерс обрисовала портрет современной прессы и общества с помощью «слова года», подчеркнув, что ключевые слова «текущего момента» часто отмечены негативной коннотацией. А **Сергей Николаевич Ильченко**, доктор филологических наук, доцент Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций СПбГУ, убедительно раскрыл «политическую изнанку» современной шоу-цивилизации, анализируя информационную войну, которая связана с освещением в российских и украинских СМИ политической ситуации на Украине.

Доклад **Максима Анисимовича Кронгауза**, доктора филологических наук, профессора, директора Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета, был посвящен анализу реальных и мифологических черт новояза.

Созвучными оказались острые и злободневные доклады заместителя председателя правительства Омской области, руководителя аппарата губернатора Омской области **Владимира Борисовича Компанейщикова** и доктора филологических наук заведующего кафедрой журналистики и медиалингвистики Омского государственного университета **Елены Григорьевны Малышевой**. Убедительно и на многочисленных примерах выступавшие показали, что сегодня в региональных СМИ Омской области создается во многом негативный медиаобраз Омска, который не только не соответствует реальной действительности, но и отрицательно сказывается на психологическом климате региона. Именно поэтому Владимир Борисович Компанейщиков сделал акцент на совместном воспитании молодого поколения журналистов, которые смогут переломить создавшуюся в региональных медиа ситуацию.

Значительным событием первого дня конференции стал круглый стол «Коммуникация vs информация: традиционные и новые медиа», в котором в качестве спикеров приняли участие **Сергей Юрьевич Деменский**, заместитель генерального директора по связям с общественностью Межгосударственной корпорации развития, генеральный продюсер ТРК «Продвижение. Вместе»; **Игорь Владимирович Федоров**, старший преподаватель Омского государственного технического университета, член координационного совета по развитию Омска при мэрии, известный омский блогер; **Светлана Геннадьевна Носовец**, доцент кафедры журналистики и медиалингвистики Омского государственного университета.

Обсуждение теоретических вопросов, связанных с пониманием феномена новых медиа, и практики работы журналистов и блогеров в социальных сетях, в интернет-СМИ вызвало оживленный интерес как присутствующих на круглом столе участников конференции, так и журналистов-практиков — **Романа Лендела**, редактора газеты «Комсомольская правда» в Омске; **Олега Малицкого**, руководителя пресс-службы хоккейного клуба «Авангард», **Марии Новосёловой**, главного редактора омского журнала «Спортсмена».

Не менее насыщенным, чем первый, был второй день конференции, 27 сентября.

Доклады участников конференции в этот день были представлены в двух секциях.

В первой секции обсуждались разноаспектные проблемы интернет-СМИ и новых медиа, связанные с жанрами и форматами изучаемых СМИ, с их коммуникативно-прагматической спецификой. Кроме того, определялась роль рекламы и PR в современной медиакommunikации.

Большой интерес у присутствующих вызвали доклады **Ирины Ивановны Волковой**, кандидата филологических наук, доцента кафедры массовых коммуникаций Российского университета дружбы народов (Москва) — «ESQUIRE RUSSIA: игровые форматы новых медиа»; **Евгении Владимировны Гориной**, кандидата филологических наук, доцента кафедры русского языка и стилистики факультета журналистики Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург) — «Трехмерность пространства интернет-дискурса»; **Алии Ануваровны Добриковой**, кандидата культурологии, доцента кафедры массовой коммуникации Национального исследовательского Южно-Уральского государственного университета (Челябинск) — «Подходы к использованию интерактивных элементов интернет-СМИ в продвижении медицинских учреждений»; **Екатерины Николаевны Песковой**, кандидата филологических наук, доцента ФГБОУ ВПО «Южно-Уральский государственный университет» (Челябинск) — «Трансформация новости в системе веб-сайта высшего профессионального заведения».

Оживленные дискуссии вызвали доклады омских ученых и медиаспециалистов **Елены Игоревны Петровой**, старшего преподавателя кафедры журналистики и медиалингвистики («Социальные сети и интернет-СМИ: грани конвергенции»); **Инны Петровны Ромашовой**, кандидата филологических наук, доцента кафедры теоретической и прикладной лингвистики («Прагмастилистические особенности твиттер-коммуникации российских корпораций»); **Елены Аркадьевны Никитиной**, кандидата филологических наук, доцента кафедры теоретической и прикладной лингвистики («Информационная политика промышленного предпри-

ятия: региональный аспект»); **Александры Владиленовны Петровой**, заведующей лабораторией телерадиожурналистики, преподавателя кафедры журналистики и медиалингвистики («Лаборатория телерадиожурналистики ОмГУ им. Ф. М. Достоевского как площадка практической профилизации для студентов факультета филологии и медиакоммуникаций»); **Ирины Леонидовны Шараповой**, преподавателя кафедры журналистики и медиалингвистики («Блог как инструмент рекламы и PR»).

Доклады, представленные во второй секции, были посвящены когнитивно-дискурсивной и прагматистической специфике печатных, радиальных и телевизионных СМИ. Оживленная дискуссия сопровождала выступления следующих участников конференции: **Юлии Валерьевны Газинской**, начальника отдела информации и печатных изданий УСО-иСМИ, старшего преподавателя кафедры журналистики Забайкальского государственного университета (Чита) — «Культуроспецифичность медиапотребления Украины: вербализация ментальных характеристик в политической сфере»; **Ларисы Юрьевны Григорьевой**, старшего преподавателя кафедры рекламы и связей с общественностью Дальневосточного федерального университета (Владивосток) — «Теория и практика игрофикации массмедиа: проективные компетенции специалиста»; **Виолетты Александровны Егошкиной**, аспирантки факультета филологии и медиакоммуникаций Омского государственного университета — «Прагматистическая специфика развлекательного радиального дискурса»; **Светланы Викторовны Мохиревой**, ассистента кафедры журналистики и русской литературы XX века, соискателя кафедры русского языка Кемеровского государственного университета — «Интерпретирующий контекст события в газетном дискурсе»; **Екатерины Сергеевны Радионцевой**, кандидата филологических наук, доцента кафедры журналистики и медиалингвистики Омского государственного университета — «Медиаобраз высшей школы (на примере СМИ Омской области)»; **Ольги Сергеевны Рогалевой**, кандидата филологических наук, доцента кафедры журналистики и медиалингвистики Омского государственного университета — «Лексика автоспорта в современных СМИ: семантика и функционирование».

Второе пленарное заседание, прошедшее в этот же день, объединило представителей разных областей гуманитарного знания — лингвистов, политологов, философов, рекламистов, — которые размышляли о перспективах развития современных массмедиа, определяли векторы жанровых и языковых изменений СМИ и рекламы.

Так, **Сергей Александрович Демченков**, кандидат филологических наук, доцент, заве-

дующий кафедрой русской и зарубежной литературы Омского государственного университета, выступил с провокационным докладом на тему «Журналистика без журналиста: перспективы компьютерной генерации медийного контента». Не менее дискуссионной оказалась тема выступления **Николая Николаевича Мисюрова**, доктора философских наук, профессора кафедры журналистики и медиалингвистики Омского государственного университета: «Российское блоггерство как деструкция гражданского общества». А **Владимир Анатольевич Евдокимов**, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой филологии, журналистики и массовых коммуникаций Омской гуманитарной академии, сумел в своем докладе «Дискуссия в массмедиа как катализатор институционализации интерактивности» создать типологию современных массмедийных дискуссий.

Наталья Васильевна Орлова, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, славянского и классического языкознания Омского государственного университета, и **Екатерина Евгеньевна Толкушкина**, сотрудник омского научно-производственного центра «Динамика», обосновали различие в понятиях «публицистичность» и «медийность» и, используя лингвистические методики анализа, показали разницу между публицистической и медийной театральной рецензией. Совместный доклад «Театральная рецензия как жанр публицистики и медиадискурса» вызвал множество вопросов у участников конференции и присутствующих на пленарном заседании студентов.

Завершала второе пленарное заседание **Елена Григорьевна Соболева**, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой языков массовых коммуникаций департамента маркетинговых коммуникаций и брендинга Института государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург). Она сделала доклад на тему «Нормотворчество в рекламной коммуникации: основные тенденции», доказав, что, хотя понятие «нормы» в рекламном дискурсе существенно отличается от понятия «языковая норма», специалисты в области массмедиа для успешной профессиональной деятельности должны овладеть всеми ее аспектами.

На заключительном заседании конференции участники форума подчеркнули высокий теоретический уровень прослушанных докладов, а также отметили несомненную практическую значимость исследований, которые проводятся специалистами в области медиа.

Именно сочетание новейших теоретических изысканий в области медиадискурса и медийных технологий, методологии и методики преподавания медиадисциплин и практических

авторских разработок в медиасфере привлекло слушателей I Международной научно-практической школы «Современные технологии медиакоммуникаций в СМИ, рекламе и связях с общественностью». Среди лекторов этой Школы были М. А. Кронгауз, С. Н. Ильченко, Е. Г. Соболева, О. С. Иссерс, Л. О. Бутакова, Е. Г. Малышева. Спектр рассмотренных тем оказался весьма широким: от методов и инструментария анализа рекламного текста, жанров и форматов современных СМИ, новых жанров медиакоммуникации до дискурсивных практик нового века и актуальных проблем лингвистической экспертизы текстов СМИ.

С циклом лекций, посвященных разнообразным проблемам практической журналистики, выступил кандидат филологических наук, доцент кафедры периодической печати МГУ им. М. В. Ломоносова, журналист, редактор отдела «Общество» газеты «Новые известия» **Александр Васильевич Колесниченко**.

Кроме того, слушатели Школы имели возможность принять участие в многочисленных мероприятиях VIII Международного фестиваля социальных коммуникаций «ПОРА!», который проходил в Омске с 2 по 4 октября 2014 г. Мастер-классы и тренинги от известных специалистов в области рекламы, таких как Владислав Деревянных, Игорь Намаконов, Максим Пономарёв, Гор Григорян, обсуждение конкурсных работ, уровень которых в этом году был как никогда высок, позволили слушателям Школы открыть для себя новые грани современной медиакоммуникации.

Участники конференции и Школы единодушно отметили, что мероприятие, проведенное в Омском государственном университете, прошло на высочайшем научном и интеллектуальном уровне. Избранный формат научно-практической направленности заседаний, круг-

лых столов, мастер-классов, лекций как нельзя лучше соответствует потребностям современных вузовских преподавателей и медиаспециалистов. Не случайно на заседаниях конференции и занятиях Школы неизменно присутствовали практикующие журналисты, чрезвычайно заинтересованные в получении новых знаний о процессах, происходящих в медиасфере.

Подчеркнем в заключение, что организаторы на торжественном закрытии омского научно-практического форума заверили всех присутствующих в том, что медийная конференция и медиашкола станут для факультета филологии и медиакоммуникаций ОмГУ традиционными.

По итогам конференции будет опубликован сборник ее материалов «Традиционные и новые медиа в современной России»; лучшие доклады будут представлены в журнале «Коммуникативные исследования».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеев К. А., Ильченко С. Н.* Спортивная журналистика : учеб. для магистров. — М., 2013.
2. *Ильченко С. Н.* Современные аудиовизуальные СМИ: новые жанры и формы вещания. — СПб., 2006.
3. *Иссерс О. С.* Дискурсивные практики нашего времени. — М., 2014.
4. *Колесниченко А. В.* Практическая журналистика : учеб. пособие. — М., 2010.
5. *Кронгауз М. А.* Самоучитель олбанского. — М., 2013.
6. *Кронгауз М. А.* Русский язык на грани нервного срыва. 3D. — М., 2013.
7. *Малышева Е. Г.* Русский спортивный дискурс: лингвокогнитивное исследование. — М., 2011.
8. *Малышева Е. Г.* Жанровая и прагматилистическая специфика телевизионного и радионного текста // Современный медиатекст. — М., 2013. С. 160—250.
9. *Соболева Е. Г.* Прагмалингвистические особенности рекламного текста и специфика его редактирования // Современный медиатекст. — М., 2013. С. 322—327.

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ АВТОРАМИ РУКОПИСЕЙ В ЖУРНАЛ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

«Политическая лингвистика» издается как узкоспециализированный научный журнал, ориентированный на максимально широкий круг читателей и многонациональный состав авторов, представляющих различные научные школы и направления в России и других странах.

Журнал «Политическая лингвистика» адресован филологам, политологам, социологам, журналистам и политикам. Редакционная коллегия приглашает к сотрудничеству всех специалистов по политической лингвистике и смежным проблемам.

Мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, но за соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Авторы, предлагающие статьи для публикации, должны учитывать проблематику журнала, который включает следующие разделы:

1. Рубрика «Теория политической лингвистики» предоставляет трибуну ведущим специалистам по политической лингвистике.

2. Рубрика «Политическая коммуникация» включает теоретические статьи, в которых значительное место занимает практический анализ языковых фактов.

3. В разделе «Язык — политика — культура» представлены исследования публицистических, рекламных, разговорных и художественных текстов, в той или иной степени значимые для политической лингвистики.

4. Раздел «Лингвистическая экспертиза: язык и право» объединяет статьи по проблемам, находящимся на пересечении политической и юридической лингвистики.

5. В рубрике «Из истории политической лингвистики» публикуются впервые переведенные на русский язык работы, которые, хотя и написаны много десятилетий назад, сохраняют свою значимость для теории и истории науки.

6. Рубрика «Рецензии. Хроника» представляет современный научный дискурс: в ней публикуются рецензии на самые новые и актуальные научные труды по политической лингвистике, освещаются крупные научные конференции.

7. Непостоянная рубрика «Дискуссии» предоставляет площадку для полемики между представителями различных или диаметрально противоположных взглядов на проблемы политической лингвистики и когнитивистики. Как правило, в разделе публикуется несколько материалов, излагающих спорящие концепции.

Научные направления:

Основная специальность: 10.00.00 — Филологические науки

Дополнительная специальность: 24.00.00 — Культурология

22.00.00 — Социологические науки

12.00.00 — Юридические науки

23.00.00 — Политология

07.00.00 — Исторические науки и археология

Издательство: ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет»

Адрес редакции: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, каб. 219

Главный редактор: доктор филологических наук, профессор Чудинов Анатолий Прокопьевич

Телефоны/ факс: (343) 336-15-92

E-mail: ap_chudinov@mail.ru

Выпускающий редактор: кандидат филологических наук Ворошилова Мария Борисовна

Телефон: 8-922-6128661

E-mail: shinkari@mail.ru

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ №ФС 77-34838 от 25.12.2008

Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standart Serial Numbering — ISSN) с присвоением международного стандартного номера ISSN 1999-2629 от 14.05.2008

Включен в каталог Роспечать. **Индекс 81954.**

С 2010 года решением Президиума ВАК Министерства образования и науки РФ включен в **Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидат наук.

Материалы журнала регулярно размещаются на платформе **Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)**. http://elibrary.ru/title_about.asp?id=28049.

Материалы для публикации присылаются в электронном виде. Набор должен быть выполнен в текстовом редакторе WORD в соответствии со следующими требованиями:

- Объем статьи не менее 18 и не более 44 тыс. знаков с пробелами.
- Формат страницы — А4; гарнитура — Times New Roman; размер кегля — 14; межстрочный интервал — 1,5.
- Ссылки на литературу делаются в тексте в квадратных скобках. Например: [Иванов 2000: 56—57]. Список литературы (по алфавиту) помещается после текста статьи и оформляется по ГОСТ 7.0.5.-2008 (см. образец).
- Отдельными файлами прилагаются: рисунки (только черно-белые, без полутонов) — в векторных форматах — AI, CDR, WMF, EMF; в растровых форматах — TIFF, JPG с разрешением не менее 300 точек/дюйм в реальном размере; диаграммы из программ «MS Excel», «MS Visio» и т. п. вместе с исходным файлом, содержащим данные.

Для публикации статья должна соответствовать требованиям РИНЦ, то есть, помимо основного текста, содержать следующие сведения на русском и английском языках.

1. Сведения об авторах (если их несколько, то обо всех):

- Фамилия, имя, отчество автора полностью.
- Ученая степень, звание, должность.
- Полное и точное место работы автора.
- Подразделение организации.

Контактная информация (e-mail, почтовый адрес для рассылки и для публикации в журнале).

2. Название статьи.

3. Аннотация (объемом не более 300-350 знаков с пробелами).

4. Ключевые слова (5-10 слов).

5. Тематическая рубрика, УДК, ГСНТИ и код ВАК.

Обязательным условием публикации является наличие отзыва доктора наук.

Списки литературы следует оформлять по ГОСТ Р. 7.0.5.-2008.... Образцы оформления:

СТАТЬИ ИЗ ЖУРНАЛОВ И СБОРНИКОВ

Адорно Т. В. К логике социальных наук // Вопр. философии. 1992. № 10. С. 76—86.

Crawford P. J., Barrett T. P. The reference librarian and the business professor: a strategic alliance that works // Ref. Libr. 1997. Vol. 3. № 58. P. 75—85.

Если авторов четыре и более, то заголовок не применяют (ГОСТ 7.80-2000).

Корнилов В. И. Турбулентный пограничный слой на теле вращения при периодическом вдуве / отсосе // Теплофизика и аэромеханика. 2006. Т. 13. №. 3. С. 369-385.

Кузнецов А. Ю. Консорциум — механизм организации подписки на электронные ресурсы // Российский фонд фундаментальных исследований: десять лет служения российской науке. — М.: Науч. мир, 2003. С. 340—342.

КНИГИ

Тарасова В. И. Политическая история Латинской Америки: учеб. для вузов. 2-е изд. — М.: Проспект, 2006. С. 305—412.

Допускается предписанный знак точку и тире, разделяющий области библиографического описания, заменять точкой.

Философия культуры и философия науки: проблемы и гипотезы: межвуз. сб. науч. тр. / Саратов. гос. ун-т; [под ред. С. Ф. Мартыновича]. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999.

Допускается не использовать квадратные скобки для сведений, заимствованных не из предписанного источника информации

Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. 5-е изд., перераб. и доп. — М.: ИНФРА-М, 2006. 494 с.

Если авторов четыре и более, то заголовок не применяют (ГОСТ 7.80-2000)

АВТОРЕФЕРАТЫ

Глухов В. А. Исследование, разработка и построение системы электронной доставки документов в библиотеке: автореф. дис. ... канд. техн. наук. — Новосибирск, 2000.

ДИССЕРТАЦИИ

Фенухин В. И. Этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона: дис. ... канд. полит. наук. — М., 2002. С. 54—55.

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ

Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья: аналит. обзор, апр. 2007 / Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. — М.: ИМЭМО, 2007.

ПАТЕНТЫ

Патент РФ № 2000130511/28, 04.12.2000.

Еськов Д. Н., Бонштедт Б. Э., Корешев С. Н., Лебедева Г. И., Серегин А. Г. Оптико-электронный аппарат // Патент России № 2122745. 1998. Бюл. № 33.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Археология: история и перспективы: сб. ст. Первой межрегион. конф. — Ярославль, 2003.

Марьинских Д. М. Разработка ландшафтного плана как необходимое условие устойчивого развития города (на примере Тюмени) // Экология ландшафта и планирование землепользования: тезисы докл. Всерос. конф. (Иркутск, 11—12 сент. 2000 г.). — Новосибирск, 2000. С. 125—128.

ИНТЕРНЕТ-ДОКУМЕНТЫ

Официальные периодические издания: электронный путеводитель / Рос. нац. б-ка, Центр правовой информации. [СПб.], 2005—2007. URL: <http://www.nlr.ru/lawcenter/izd/index.html> (дата обращения: 18.01.2007).

Логонова Л. Г. Сущность результата дополнительного образования детей // Образование: исследовано в мире: междунар. науч. пед. интернет-журн. 2003.21.10. URL: <http://www.oim.ru/reader.asp?nomer=366> (дата обращения: 17.04.2007).

<http://www.nlr.ru/index.html> (дата обращения: 20.02.2007).

Рынок тренингов Новосибирска: своя игра. URL: <http://nsk.adme.ru/news/2006/07/03/2121.html> (дата обращения: 17.10.2008).

Литчфорд Е. У. С Белой Армией по Сибири // Восточный фронт Армии Генерала А. В. Колчака. URL: <http://east-front.narod.ru/memo/latchford.htm> (дата обращения: 23.08.2007).

Министерство образования и науки
Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Уральский государственный
педагогический университет»

Кафедра риторики и межкультурной коммуникации
Редакция журнала «Политическая лингвистика»

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

С 26 по 28 августа 2014 года Уральский государственный педагогический университет проводит уже традиционную осеннюю международную научную конференцию с элементами научной школы «Политическая лингвистика: перспективы развития научного направления».

Приглашаем принять в ней участие филологов и политологов, социологов и культурологов, историков и психологов, всех тех, кто интересуется проблемами политической коммуникации.

В рамках данной конференции будут обсуждены вопросы следующих тематических блоков:

1. Современные школы политической лингвистики.
2. Политическая метафорология.
3. Межкультурная коммуникация: способы адаптации.
4. Образ России: способы репрезентации.
5. Информационно-психологические войны.
6. Стратегии и тактики воздействия.
7. Экстремистский текст и деструктивная личность.

Материалы конференции будут изданы в виде сборника научных трудов, обладающего ISBN (Международный стандартный книжный номер), УДК, ББК. Материалы конференции будут представлены в Электронной научной библиотеке (РИНЦ), а также размещены в свободном доступе в электронном виде на сайте *politlinguist.ru*.

Сборник трудов будет опубликован до начала конференции.

Лучшие материалы также будут опубликованы в журнале «Политическая лингвистика», входящем в перечень ВАК.

Конференцию планируется провести на базе отдыха в живописных окрестностях Екатеринбурга. Участники конференции без дополнительной оплаты обеспечиваются проживанием в двух-, трехместных номерах. За дополнительную плату возможно проживание в более комфортабельных номерах.

Для участия в конференции необходимо до 20 июля 2014 года прислать по электронному адресу (shinkari@mail.ru) в одном файле (название файла должно состоять из фамилии и инициалов по образцу: ВорошиловаМБ.doc):

- заявку (приложение № 1);
- тезисы выступления (приложение № 2).

Оргкомитет по результатам экспертизы материалов оставляет за собой право решения вопроса о публикации доклада в сборнике материалов конференции.

Приложение 1.

Форма заявки на участие в конференции (оформляется на русском и английском языке)

1. Фамилия, имя, отчество (полностью).
 2. Ученая степень, ученое звание.
 3. Место работы и должность.
 4. Почтовый рабочий адрес и электронный адрес, контактный телефон.
- Для заочных участников: почтовый адрес для рассылки материалов конференции.
5. Тема выступления.
 6. Форма участия: личное участие или стендовый доклад в заочной форме.

Приложение 2. Требования к оформлению тезисов

1. Объем — 4-10 печатных страниц, 12 кегль, полуторный интервал (по 40 строк на странице), поля — 2 см сверху, снизу, справа, слева.
2. Обязательно на русском и английском языках: название статьи, аннотация и ключевые слова.
3. Электронный вариант в формате *Word* или *RTF*.
4. Нежелательны сложные для воспроизведения таблицы, схемы, рисунки и т. п.
5. Оформление списка литературы и сносок (если они требуются) по правилам, принятым в журнале «Политическая лингвистика» (см. сайт *politlinguist.ru*).

Адреса и телефоны для справок:
620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, каб. 221
тел. 8-922-6128661
e-mail: shinkari@mail.ru
Ворошилова Мария Борисовна

тел. 8-343-3361592
e-mail: ap_chudinov@mail.ru
Чудинов Анатолий Прокопьевич

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА
2014. ВЫПУСК 4 (50)

Адрес редакции:

620017, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра риторики и межкультурной коммуникации (каб. 285).

Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-34838 от 25.12.2008.

Подписано в печать 30.12.2014. Формат 60x84/8.

Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.

Уч.-изд. л. — 37,2. Усл. печ. л. — 38,7. Тираж 500 экз. Заказ 4497.

Оригинал-макет отпечатан в отделе множительной техники
Уральского государственного педагогического университета

620017 Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26

E-mail: uspu@uspu.ru